

Пушкин Александр Сергеевич
Переписка 1826-1837

Оглавление

Переписка 1826.....	2
Переписка 1827.....	26
Переписка 1828.....	34
Переписка 1829.....	39
Переписка 1830.....	41
Переписка 1831.....	69
Переписка 1832.....	115
Переписка 1833.....	136
Переписка 1834.....	173
Переписка 1835.....	231
Переписка 1836.....	274
Переписка 1837.....	368

П Е Р Е П И С К А 1826

236. Е. А. Баратынский — Пушкину. 5-20 января 1826 г. Москва.

Посылаю тебе Уранию, милый Пушкин; не велико сокровище; но блажен, кто и малым доволен. Нам очень нужна философия. Однакожь позволь тебе указать на пиэсу под заглавием: Я есмь. Сочинитель мальчик лет осмнадцати и кажется подает надежду. Слог не всегда точен, но есть поэзия, особенно сначала. На конце метафизика, слишком темная для стихов. Надо тебе сказать, что московская молодежь помешана на трансцендентальной философии, не знаю, хорошо ли это, или худо, я не читал Канта и признаюсь, не слишком понимаю новейших эстетиков. Галич выдал пиэтику на немецкий лад. В ней поновлены откровения Платоновы и с некоторыми прибавлениями приведены в систему. Не зная немецкого языка, я очень обрадовался случаю познакомиться с немецкой эстетикой. Нравится в ней собственная ее поэзия, но начала ее мне кажется можно опровергнуть философически. Впрочем, какое о том дело, особливо тебе. Твори прекрасное, и пусть другие ломают над ним голову: как ты отделал элегиков в своей эпиграмме! Тут и мне достается, да и по делом; я прежде тебя спохватился и в одной ненапечатанной пьесе говорю, что стало очень приторно:

Вытье жеманное поэтов наших лет. —

Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму Ермака. Предмет истинно поэтической, достойный тебя. Говорят, что, когда это известие дошло до Парнасса, и Камоэнс вытаращил глаза. Благослови тебя бог и укрепи мышцы твои на великий подвиг.

Я часто вижу Вяземского. На днях, мы вместе читали твои мелкие стихотворения, думали пробежать несколько пьес и прочли всю книгу. Что ты думаешь делать с Годуновым? Напечатаешь ли его, или попробуешь его прежде на театре? Смерть хочется его узнать. Прощай, милый Пушкин, не забывай меня.

238. П. А. Плетневу. Вторая половина (не позднее 25) января 1826 г. Михайловское.

Душа моя, спасибо за *Стих. [отворения] Ал. [ександра] П. [ушкина]*, издание очень мило; кое-где ошибки, это в фальшь не ставится. Еще раз благодарю сердечно и обнимаю дружески.

Что делается у вас в П. [етер] Б. [урге]? я ничего не знаю, все перестали ко мне писать. Верно вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит. Надеюсь для них на милость царскую. К стати: не может ли Ж. [уковский] узнать, могу ли я надеяться на высочайшее снисхождение, я 6 лет нахожусь в опале, а что ни говори — мне всего 26. Покойный имп. [ератор] в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки не-религиозные — других художеств за собою не знаю. Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь, где бы потеплее? — если уж никак нельзя мне показаться в П. [етер] Б. [урге] — а?

Прости душа, скучно мочи нет.

Адрес: Его высокоблагородию Петру Александровичу Плетневу.

В Пет. Бург. В Екатерининский Институт.

239. А. А. Дельвигу. 20-е числа января 1826 г. Михайловское.

Милый барон! вы обо мне беспокоитесь и напрасно. Я человек мирный. Но я беспокоюсь — и дай Бог, чтобы было понапрасну. Мне сказывали, что А. Раевский под арестом. Не сомневаюсь в его политической безвинности. Но он болен ногами, и сырость казематов будет для него смертельна. Узнай, где он, и успокой меня. Прощай, мой милый друг.

240. В. А. Жуковскому. 20-е числа января 1826 г. Михайловское.

Я не писал к тебе во-первых потому, что мне было не до себя, во-втор. за не имением верного случая. Вот в чем дело: мудрено мне требовать твоего заступления пред государем; не хочу охмелить

тебя в этом пиру. Вероятно правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел — но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто же, кроме полиции и правительства, не знал о нем? о заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности. Всё-таки я от жандарма еще не ушел, легко может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзей моих довольно (NB оба ли Раевские взяты, и в самом ли деле они в крепости? напиши, сделай милость). Теперь положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов уговливаться (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства etc.

Итак остается тебе положиться на мое благоразумие. Ты можешь требовать от меня свидетельств об этом новом качестве. Вот они.

В Кишеневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пушциным и Орловым.

Я был массон в Киш.[еневской] ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи.

Я наконец был в связи с большею частию нынешних заговорщиков.

Покойный император, сослав меня, мог только упрекнуть меня в безверии.

Письмо это не благоразумно конечно, но должно же доверять иногда и счастью. Прости, будь счастлив, это покамест первое мое желание.

Прежде, чем сожжешь это письмо, ¹ покажи его Кар[амзину] и посоветуйся с ним. Кажется, можно сказать царю: В.[аше] в.[еличество], если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться? —

Говорят, ты написал стихи на смерть Алекс.[андра] — предмет богатый! — Но в теченье десяти лет его царствования, лира твоя молчала. Это лучший упрек ему. Никто более тебя не имел права сказать: глас лиры, глас народа. Следств. я не совсем был виноват, подсвистывая ему до самого гроба.

242. А. А. Дельвигу. Начало февраля 1826 г. Михайловское.

Насилу ты мне написал и то без толку, душа моя. Вообрази, что я в глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отсюда прекратилась, а ты пишешь мне, как будто вчера мы целый день были вместе и наговорились до сыта. Конечно я ни в чем не замешан, и если правительству досуг подумать обо мне, то оно в том легко удостоверится. Но просить мне как-то совестно особенно ныне; образ мыслей моих известен. Гонимый 6 лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма, я конечно не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость истинным его достоинствам — но никогда я не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив. Класс писателей, как заметил Alfieri ², более склонен к умозрению, нежели к деятельности, и если 14 декабря доказало у нас иное, то на то есть особая причина. Как бы то ни было, я желал бы *вполне и искренно* помириться с правительством, и конечно это ни от кого, кроме его, не зависит. В этом желании [конечно] более благоразумия, нежели гордости с моей стороны.

С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнаружение заговора. Твердо надеюсь на великодушие молодого нашего царя. Не будем ни суеверны, ни односторонни — как фр.[анцузские] трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира. Прощай, душа моя.

Пушкин.

Ты взял 2000 у меня и хорошо сделал, но сделай так, чтоб прежде вел.[икого] поста они находились опять у Плетнева.

¹ письмо вписано.

² Альфиери.

243. А. А. Дельвиг — Пушкину. Начало февраля 1826 г. Петербург.

Милый мой Пушкин, до тебя дошли ложные слухи о Раевском. Правда они оба в Петербурге, но на совершенной свободе. Государь говорил с ними, уверился в их невинности и, говорят, пожал им руку и поцеловал их. Отец их сделан членом Совета. Наш сумашедчий Кюхля нашелся, ³ как ты знаешь по газетам, в Варшаве. Слухи в Петербурге переменялись об нем так, как должно было ожидать всем знающим его коротко. Говорят, что он совсем не был в числе этих негодных Славян, а просто был воспламенен, как длинная ракета. Зная его доброе сердце и притом любовь хвастать разными положениями, в которые жизнь бросала его, я почти был в этом всегда уверен. [Да] Он бы верно кому-нибудь из товарищей не удержался сказал всю свою тайну. Дай бог, чтоб это была правда. Говорят великий князь Михайло Павлович с ним более всех ласков; [так] как от сумашедчего, от него можно всего ожидать, как от злодея ничего. —

По письму твоему приметил я, что ты изволишь на меня дуться, быть может, за долгое мое молчание. Исправься, душа моя, от такого греха: будь человеком, не будь зверем! Пиши ко мне по прежнему, за то я буду отвечать не по прежнему, т. е. аккуратнее. Северные Цветы давно готовы, один Дашков не совсем выпростался, а такого одного ждут с охотою семеро. Твоя 2[-я] песня Онегина везде читается и переписывается. Я не только, что никому ее не давал, да и сам не имею. Твой экземпляр отдал Вяземскому, и для Цветов тобою назначенные куплеты его жена мне и переписала и прислала. Дела поправить нечем другим, как прислать ее с третьей к Плетневу и приказать печатать. Поздравление с Борисом Годуновым я было [пр] писал на огромном листе, да от радости до сих [пор] не окончил. Царицам гор мое почтение. Прощай.

Твой Дельвиг.

244. П. А. Плетнев — Пушкину. 6 февраля 1826 г. Петербург.

6 февр. 1826. С. п. б.

Посылаю, душа моя, по желанию твоему тысячу рублей. Напрасно ты нападаешь на меня за знаки препинания. Может быть, ты сам виноват. Рукопись прислал ты очень неисправную, а ее переписывал какой-то писарь; итак еще более испортил. После того трудно добиться везде аккуратно до настоящего смысла. Советую тебе вперед отдавать кому-нибудь переписывать у себя да после просматривать. А без того заочно всегда будут неисправности.

Ты отказываешься прислать Годунова за тем, что не кому переписать. Это странно. Ведь надобно ж будет когда-нибудь об этом похлопотать. Пригласи из Опочки дни на три к себе какого-нибудь писаку и заплати ему за труды. Увидишь, что он все твои стихи возьмется переписывать тебе.

Ты всё-таки не сказал мне и не прислал ничего, что надобно печатать. Не далеко уж вел.[икий] пост. Это последнее время. После свят.[ой] недели книжная торговля прекращается. Опять принуждены будем ждать зимы. Ужели ты в нынешнюю зиму ничего не выдашь более, кроме *Стих.[отворений] Ал.[ександра] Пуш.[кина]*. Сделай милость, выпусти Онегина. Ужели не допрошусь я.

Скажи Пр.[асковье] Ал.[ександровне], что я получил от нее 25 р., но [не] высылаю книг по тому, что они еще не вышли. Эда и Пиры должны явиться на днях, за ними Сев.[ерные] Цветы, а уж после Крылов.

Карамзин болен. Не худо бы тебе и навестить его письмом. Жуковский не писал стихов на смерть государя, а для выпуска в Институте, которые однако ж посвящены воспоминанию об императоре покойном. Я их еще не получил. Получу, так и пришлю. Гнедич также плох здоровьем. Беда, как мы останемся без конца Илиады.

Обнимаю тебя и желаю, чтобы ты был у себя с писарем.

Плетнев.

³ Сперва было начато: пой[ман]

245. П. А. Катенину. Первая половина февраля 1826 г. Михайловское.

Отвечаю тебе по порядку. Стихи о Колосовой были написаны в письме, которое до тебя не дошло. Я не выставил полного твоего имени, потому что с Катениным говорить стихами только о ссоре моей с актрисой показалось бы немного странным.

Будущий альманах радует меня несказанно, если разбудит он тебя для поэзии. Душа просит твоих стихов; но знаешь ли что? Вместо альманаха не затеять ли нам журнала в роде Edimburgh Review⁴? Голос истинной критики необходим у нас; кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление? Покаместь, кроме тебя, нет у нас критика. Многие (в том числе и я) много тебе обязаны; ты отлучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли. Если б согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принес бы ты русской словесности: как думаешь? Да что Андромаха и собрание твоих стихов?

246. А. А. Дельвигу. 20 февраля 1826 г. Михайловское.

Мой друг барон, я на тебя не дулся и долгое твое молчание великодушно извинял твоим Гименеем

Io hymen Нуменаеe io,
Io hymen Нуменаеe!

т. е. чорт побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чорт побери. Когда друзья мои женятся, им смех, а мне горе; но так и быть: апостол Павел говорит в одном из своих посланий, что лучше взять себе жену, чем идти в геенну и во огонь вечный — обнимаю и поздравляю тебя — рекомендуй меня баронессе Дельвиг.

Очень благодарен за твои известия, радуюсь, что тевтон Кюхля не был Славянин — а охмелел в чужом пиру. Поведение вел.[икого] кн.[язя] Михаила в [его] отношении к нему очень благородно. Но что Ив.[ан] Пущин? Мне сказывали, что 20, т. е. сегодня, участь их должна решиться — сердце не на месте; но крепко надеюсь на милость царскую. Меры правительства доказали его решимость и могущество. Большого подтверждения, кажется, не нужно. Правительство может пренебречь ожесточение некоторых обличенных...

Я писал Ж[уковскому] — и жду ответа. Покаместь я совершенно один. Пр.[асковья] Ал.[ександровна] уехала в Тверь, сей час пишу к ней и отсылаю Эду — что за прелесть эта Эда! Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт, всякой говорит по своему. А описания лифляндской природы! а утро после первой ночи! а сцена с отцом! — чудо! — Видел я и Слепушкина, неужто никто ему не поправил *Святки, Масленицу, Избу*? у него истинный, *свой* талант; пожалуйста пошлите ему от меня экз. Руслана и моих Стих.[отворений] — с тем, чтоб он мне не подражал, а продолжал идти своею дорогою. Жду Цветов.

Адрес: Дельвигу.

248. П. А. Плетнев — Пушкину. 27 февраля 1826 г. Петербург.

27 февр. 1826.

Стихотворений Александра Пушкина у меня уже нет ни единого экз., с чем его и поздравляю. Важнее того, что между книгопродавцами началась война, когда они узнали, что нельзя больше от меня ничего получить. Это быстрое растечение твоих сочинений вперед заставит их прежде отпечатания скупать их гуртом на наличные деньги. При продаже нынешней я руководствовался формой, которая изобретена была Гнедичем, по случаю продажи Стихотворений Батюшкова и Жуковского. Вот она: 1) Покупщику, требующему менее 50 экз., нет уступки ни одного процента. 2)

⁴ Эдинбургского Обозрения.

Кто берет на чистые деньги 50 экз., уступается ему 10 проц. 3) Кто 100 экз., уступается 15 проц. 4) Кто 300 экз., уступается 20 проц. 5) Кто 500 экз., уступается 25 проц. 6) Кто 1000 экз., уступается 30 процентов.

К нашему благополучию книгопродавцы наши так еще бедны или нерасчетливы, что из последних двух статей ни один не явился, и все покупали по 4-ой статье.

На будущее время я отважусь предложить им одну общую статью: кто бы сколько ни брал, деньги должен вносить чистые и уступки больше 10 проц. не получит. Меня затруднял способ сохранять отпечатанные книги до продажи всех, особенно при большом издании; но теперь и это препятствие уничтожено: следственно ничто меня не принудит сдаваться этим вандалам. Только еще прошу тебя обязать меня официальным письмом (да не причтут мне этой новости в притеснение торговли их!), что я не имею права сбавлять или увеличивать число процентов выше или ниже 10.

Скажи теперь по совести, прав ли я в своих предсказаниях на счет твоих доходов. Воспользуйся же еще нынешней зимой, а летом нет продажи книг. Если ты не решился выписывать писаря, пришли мне черновые бумаги; я или сам перепишу, или найму; потом всё переписанное перешлю тебе для сверки или поправок; тогда ты обратно мне перешлешь бумаги, и я приступлю к печатанию. В твоей воле, что теперь начать: второе ли издание Разн.[ых] Стихот.[ворений] (но в этом случае, надобно что-нибудь прибавить: потому что в другой раз некоторых пьес уж не пропустят), Бориса ли, Онегина ли, или Цыганов. Только сделай милость, не медли. Остается не более двух месяцев, в которые еще можно что-нибудь сделать. Жуковский особенно просит прислать Бориса. Он бы желал его прочесть сам, и еще (когда позволишь) на лекции его. Другая его к тебе комиссия состоит в том, чтобы ты написал к нему письмо серьезное, в котором бы сказал, что, оставляя при себе образ мыслей твоих, на кои никто не имеет никакого права, не думаешь играть ⁵ словами никогда, которые бы противоречили какому-нибудь всеми принятому порядку. После этого письма он скоро надеется с тобою свидеться в его квартире.

Что велишь делать с твоими деньгами? Хоть я не привел в совершенно аккуратный счет всю операцию нынешнего издания, но имею в руках (кроме издержанных на некоторые к тебе посылки, отосланной по твоему требованию *тысячи*, употребленных на издание и заимообразно отданных Дельвигу *двух тысяч*) *пять* тысяч еще. Распоряжайся, милый, поскорее. Ты мне давно не писал. Жду нетерпеливо твоего ответа. Что скажешь об Эде? Скажи П.[расковье] А.[лександровне], что Крылов еще не вышел, также и Сев.[ерные] Цветы. Всё пришлю, как скоро появится.

Б[аратынс]кий вышел в отставку и живет в Москве. Брат твой здоров. Карамзину и Гнедичу лучше. Жуковский страдает гемороидами. Я весь к твоим услугам. Обнимаю тебя.

Плетнев.

250. В. А. Жуковскому. 7 марта 1826. Михайловское.

Поручая себя ходатайству Вашего дружества, вкратце излагаю здесь историю моей опалы. В 1824 году явное недоброжелательство графа Воронцова принудило меня подать в отставку. Давно расстроенное здоровье и род аневризма, требовавшего немедленного лечения, служили мне достаточным предлогом. Покойному государю императору не угодно было принять онога в уважение. Его величество, исключив меня из службы, приказал сослать в деревню за письмо, писанное года три тому назад, в котором находилось суждение об афеизме, суждение легкомысленное, достойное конечно всякого порицания.

Вступление на престол государя Николая Павловича подает мне радостную надежду. Может быть его величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости.

⁵ играть переделано из более

251. П. А. Плетневу. 7 марта 1826 г. Михайловское.

Мой милый, очень благодарен тебе за все известия. — Вместе с твоим получил я письмо и от Заикина с уведомлением о продаже *Стих.[отворений] А.[лександра] П.[ушкина]* и с предложениями. Ты говоришь, мой милый, что некоторых пизэс уже цензор не пропустит; каких же? А. Шенье? итак погодим с новым изданием; время не уйдет, всё перемелится — будет мука — тогда напечатаем второе, добавленное, исправленное изд. (однако, скажи; разве были какие-нибудь неудовольствия по случаю моих Стихотв.[орений]? или это одни твои предположения?) Знаешь ли? уж если печатать что, так возьмемся за Цыганов. Надеюсь, что брат по крайней мере их перепишет — а ты пришли рукопись ко мне — я доставлю предисловие и м. б. примечания — и с рук долой. А то всякой раз, как я об них подумаю или прочту слово в журн., у меня кровь портится — в собрании же моих поэм для новинки поместим мы другую повесть в роде *Верро*, которая у меня в запасе. Жду ответа.

При сем письмо к Ж.[уковскому] в треугольной шляпе и в башмаках. Не смею надеяться, но мне бы ^б сладко было получить свободу от Ж.[уковского], а не от другого — впрочем держусь стоической пословицы: не радуйся нашед, не плачь потеряв.

Какого вам Бориса, и на какие лекции? в моем Борисе бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу.

Прощай, мой друг; деньги мои держи крепко, никому не давай. Они мне нужны. Сдери долг и с Д.[ельвига]. ⁷

252. Анна Н. Вульф — Пушкину. Конец февраля — 8 марта 1826 г. Малинники.

Вы уже давно должны быть теперь в Михайловском, — вот всё, что мне удалось в точности узнать о вас. — Я долго колебалась, писать ли вам, пока не получу от вас письма; но так как размышления никогда мне не помогают, я кончила тем, что уступила желанию вам написать. Однако с чего начать и что сказать вам? Мне страшно, и я не решаюсь дать волю своему перу: боже, почему я не уехала раньше вас, почему? — Впрочем нет, сожаления мои излишни, — они, быть может, станут [для вас] лишь триумфом для вашего тщеславия; весьма вероятно, что вы уже не помните последних дней, проведенных нами вместе. Я досаую на себя за то, что не написала вам тотчас же после приезда: мое письмо было бы очаровательным; сегодня для меня это уже невозможно: я могу быть только нежной и, думается мне, кончу тем, что разорву это письмо. [Почти] Знаете ли вы, что я плачу над письмом к вам? это компрометирует меня, я чувствую; но это сильнее меня; я не могу с собой справиться. Почти окончательно решено, что я остаюсь здесь; моя милая маменька устроила это, не спросив меня; она говорит, что очень непоследовательно с моей стороны не желать оставаться здесь теперь, между тем как зимой я хотела уехать даже одна! Видите, всему виною вы сами; — не знаю, проклинать ли мне или благословлять провидение за то, что оно послало вас [на моем пути] в Тригорское? — Если вы еще станете сердиться на меня за то, что я осталась здесь, вы будете после этого чудовищем. — слышите ли, сударь? Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы не оставаться тут, даю вам слово, но если это не удастся, поверьте, что вина будет не моя. Не думайте однако, что это происходит, быть может, от того, что здесь возле меня никого нет, — далеко не так: я встретила [здесь] прелестного кузена, который страстно любит меня и не хотел бы ничего другого, как доказать это на ваш манер, — если бы я пожелала. — Он не улан, как вы может быть предполагаете, а гвардейский офицер, прелестный молодой человек, который не изменяет мне ни с кем, — слышите ли? Ему нестерпима мысль, что я столько времени провела вместе с вами, таким великим распутником. Но, увы! я ничего не чувствую при его приближении — его присутствие не вызывает во мне никакого волнения. — Я всё еще надеюсь получить от вас письмо. Каким наслаждением это для меня было бы!

^б бы переделано из было

⁷ Последний абзац написан сбоку письма.

Однако не смею просить вас об этом, боюсь даже, что буду лишена возможности писать вам, ибо не знаю, удастся ли мне прятать письма от кузин, — а тогда, что смогу я вам сказать, — я скорее согласна вовсе не получать от вас писем, нежели получать такие, как в Риге. Почему я не рассталась с вами теперь так же равнодушно, как в тот раз, почему Нетти не пришла за мной во-время? Может быть, мы простились бы иначе. Под разными предлогами я не показала ей этого письма, сказав, что пишу Анете Керн. Но я не смогу всегда так делать, не подавая повода к подозрению. Несмотря на всю мою ветреность и непоследовательность вы сумели научить меня скрытности. — Я говорю о вас возможно меньше, но мне грустно, и я плачу. Всё же я очень безрассудна, ибо уверена, что вы-то сами думаете обо мне уже с полным безразличием и, быть может, говорите обо мне гадости, между тем как я... — Забыла вам сказать: маменька нашла, что у вас был грустный вид при нашем отъезде [...] Мое желание вернуться вызывает у нее подозрение, и я боюсь слишком настаивать. — Прощайте, делаю вам гримасу.

8 марта . Уже прошло порядочно времени с тех пор, как я написала вам это письмо: я всё не могла решиться его вам отправить. Боже! решено, что я остаюсь здесь. Вчера у меня была очень бурная сцена с маменькой из-за моего отъезда, она заявила в присутствии всех родных, что безусловно оставляет меня здесь, что я обязана остаться, и что она не может взять меня с собой, потому что при отъезде она всё устроила в расчете на то, что я здесь останусь. Если бы вы знали, как мне грустно. — Я в самом деле думаю, как и Анета Керн, что она хочет одна завладеть вами, и оставляет меня здесь из ревности. — Но всё же я надеюсь, что это протянется только до лета, тетушка поедет тогда в Псков, мы вернемся вместе с Нетти . Однако сколько перемен может произойти до тех пор, — может быть вас простят [я знаю, что тогда], может быть Нетти сделает вас другим? — Будет неосмотрительно с моей стороны возвращаться вместе с ней, но я всё же рискну и надеюсь, что у меня окажется достаточно самолюбия, чтобы не сожалеть о вас. Анета Керн также должна приехать сюда; однако между нами не будет соперничества; повидимому, каждая довольна своей долей. Это делает вам честь и доказывает наше тщеславие и легковерие. Евпраксия пишет мне, что вы ей сказали, будто развлекались в Пскове — и это после меня? — что вы тогда за человек, и какая же я дура! У вас ли тросточка Ильи Ивановича? Когда я вернусь, я ее у вас потребую. — Боже! если бы пришло письмо от вас, как я была бы довольна; не обманывайте меня во имя неба, скажите, что вы совсем меня не любите, тогда может быть я буду спокойнее. Я негодую на маменьку, — что за женщина, право! Впрочем, во всем этом есть отчасти и ваша вина.

Прощайте. Что вы скажете, когда прочтете это письмо? Если напишете мне, посылайте через Трейера, так будет надежнее. Не знаю, как переслать вам это письмо, боюсь, если через Тригорское, как бы оно не попало в руки маменьке; не писать ли мне через Евпраксию ? — посоветуйте, как лучше.

254. П. А. Катенин — Пушкину. 14 марта 1826 г. Петербург.

Премного благодарю, любезнейший Александр Сергеевич, за готовность твою меня одолжить и предворяю тебя, что обещанные дары должны быть доставлены сюда отнюдь не позже первого сентября, дабы издатель успел всё кончить с цензурою и типографиею ранее нового года. От издания журнала вдвоем я отнюдь не прочь, но об этом рано говорить, пока тебя здесь нет, что меня очень огорчает. На друзей надеяться хорошо, но самому плошать не надо; я бы на твоём месте сделал то же, что на своем, написал бы прямо к царю почтительную просьбу в благородном тоне, и тогда я уверен, что он тебе не откажет, да и не за что.

Наконец достал я и прочел вторую песнь Онегина, и вообще весьма доволен ею; деревенский быт в ней так же хорошо выведен, как городской в первой; Ленской нарисован хорошо, а Татьяна много обещает. Замечу тебе однако (ибо ты меня посвятил в критики), что по сие время действие еще не началось; разнообразие картин и прелесть стихотворения, при первом чтении, скрадывают этот недостаток, но размышление обнаруживает его; впрочем, его уже теперь исправить нельзя, а остается тебе другое дело: вознаградить за него вполне в следующих песнях. Бude ты не напечатаешь второй

до выхода альманаха, ее подари; а буде издашь прежде, просим продолжения: вещь премилая. Мои стихотворения всё еще переписываются в Костроме, и оттоле весьма давно ко мне ни слова не пишут, вероятно по той причине, что и меня изволят считать в числе заточенных; коль скоро пришлют, приступлю к напечатанию, но и тут беда, ибо глупость наших цензоров превосходит всякое понятие. Андромаха принята на театр, роли розданы, и дирекция хотела было пустить ее в ход во время коронации; но Семенова не захотела играть летом и в отсутствии значительной части зрителей, обязанных с двором отправиться в Москву: итак, представление отложено до совершенного открытия театров по истечении годового срока со дня смерти бывшего государя.

Что твой Годунов? Как ты его обработал? В строгом ли вкусе историческом, или с романтическими затеями? Во всяком случае я уверен, что цензура его не пропустит: о, Боже! Читал ли ты Крылова басни, изданные в Париже гр.[афом] Орловым с переводами, французским и италианским? Из них некоторые хороши, особливо басня Ручей, работы Лавиня: прелесть. Помнишь ли, это было твое привычное слово, говоря со мной? Полно упрямитесь в Опочке, приезжай-ка сюда, гораздо будет лучше и для тебя и для нас. До свидания, моя умница, будь здоров; к слову, ты что-то хворал: прошло ли? Напиши. Прощай. Весь твой

Павел Катенин.

Марта 14-го 1826. С.-Петербург.

255. Анна Н. Вульф — Пушкину. Вторая половина марта 1826 г. Малинники.

Если вы получили мое письмо, во имя неба уничтожьте его! Мне стыдно своего безумия, я никогда не посмею поднять на вас глаза, если опять увижусь с вами. Маменька завтра уезжает, а я остаюсь здесь до лета; по крайней мере так я надеюсь. Если вы не боитесь компрометировать меня перед моей сестрой (что вы делаете, судя по ее письму), то заклинаю вас не делать этого перед маменькой. Сегодня она подтрунивала надо мной в связи с нашим расставаньем в Пскове, которое она находит весьма нежным; [„Они, говорит она, думали, что я ничего не замечаю“], как вам это нравится? — вам нужно лишь казаться тем, что вы есть на самом деле, чтобы разубедить ее и доказать, что вы даже не замечаете моего отсутствия. Какое колдовское очарование увлекло меня? Как вы умеете притворяться в чувствах! Я согласна с кузинами, что вы очень опасный человек, но я постараюсь образумиться.

Во имя неба уничтожьте мое первое письмо и разбейте мою псковскую чашку: такой подарок — плохое предзнаменование, я очень суеверна, а чтобы вознаградить вас за потерю, обещаю вам, когда вернусь, подарить сургуч для писем, который вы просили у меня, когда я уезжала. — Начну заниматься итальянским языком, и хотя я очень сердита на вас, все же думаю, что мое первое письмо будет к вам mio [?] delizie [?]. наслаждение мое. *Адрес: Пушкину.*

256. А. А. Дельвиг — Пушкину. 7 апреля 1826 г. Петербург.

Милый Пушкин, посылаю тебе и Прасковье Александровне насилу-расцветшие Северные Цветы. Желая, чтоб они тебе показались. Я было, выпросивши у тебя позволение напечатать отрывок об Овидии, хотел поместить к нему картинку: да что делать с нашими скотами академиками? Ни один не мог сделать что-нибудь сносное. С досады наш Дельвиг бросился к Григоровичу, уговорил его написать статью о русских художниках и велел гравировать с пяти русских хороших картин. Граверы сделали сколько могли, к будущему году [надеюсь] жду от них еще большего. Пора им привыкнуть к альманачному вкусу! К будущему году надеюсь на тебя, как на каменную стену, надеюсь лично от тебя получить лучшие цветы для моего парника или теплицы. От Баратынского тоже. Деньги твои я взял, как хороший министр финансов, т. е. назначил Плетневу источник уплаты: я купил у Баратынского Эду и его Сочинения, и Эда, продаваясь, в скором времени погасит совершенно мой долг. Живи, душа моя, надеждами дальними и высокими, трудись для просвещенных внуков; надежды же близкие, земные оставь на старания друзей твоих и доброй матери твоей. Они очень исполнимы,

но еще не теперь. Дождись коронации, тогда можно будет просить царя, тогда можно от него ждать для тебя новой жизни. Дай Бог только, чтоб она полезна была для твоей поэзии. Прощай, обнимаю тебя.

7-го апреля.

Жена моя тебе кланяется и благодарит за поздравление.

Еще прощай.

257. В. А. Жуковский — Пушкину. 12 апреля 1826 г. Петербург.

12 апреля.

Не сердись на меня, что я к тебе так долго не писал, что так долго не отвечал на два последние письма твои. Я болен и ленив писать. А дельного отвечать тебе нечего. Что могу тебе сказать на счет твоего желания покинуть деревню? В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать [для тебя] в твою пользу. Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминать о себе и писать, *но писать для славы*. Дай пройти несчастному этому времени. Я никак не умею изъяснить, для чего ты написал ко мне последнее письмо свое. Есть ли оно *только ко мне*, то оно странно. Есть ли ж для того, чтобы его *показать*, то безрассудно. Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством. Ты знаешь, как я люблю твою музу в как дорожу твоею *благоприобретенною* славою: ибо умею уважать Поэзию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностию России. Но я ненавижу всё, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть всё зреющее поколение), при плохом воспитании, которое не дает им никакой подпоры для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестию поэзии мыслями: ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное: величие нравственное. — Извини эти строки из катехизиса. Я люблю и тебя и твою музу, и желаю, чтобы Россия вас любила. Кончу началом: не просись в Петербург. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворят дверь свободы.

Я болен. Еду в Карлсбад; возвращусь не прежде, как в половине сентября. Пришли к этому времени то, что сделано будет твоим добрым Гением. То, что напроказит твой злой Гений, оставь у себя: я ему не поклонник. Прости. Обнимаю тебя.

Жуковский.

258. П. А. Плетнев — Пушкину. 14 апреля 1826 г. Петербург.

14 апр. 1826.

Не удивляйся, душа моя, что я целый месяц не писал к тебе. Этот месяц был для меня черным не только в году, но и во всей жизни. С роду не бывал я болен и не пробовал, каковы на свете лекарства: а теперь беспрестанно их глотаю через час по две ложки. Это однакож не помешало мне, хоть с разными изворотами, исполнить все твои комиссии, а имянно: 1) Князю Вяземскому отослано 600 руб. 2) Слепушкину доставлен экз. твоих Стих.[отворений]. 3) Тебе посланы 2, 3 и 4 части Мнемозины. 4) Сверх того посланы тебе новое издание басен Крылова и Северные Цв.[еты]. 5) Отдано твое письмо Жуковскому. Ты верно не знаешь, какой у нас теперь мор на писателей. Жуковский болен отчаянно и для своего спасения получил совет ехать на теплые воды. Карамзин не может здесь выздороветь и потому отправляется морем до Бордо, а оттуда по южной части Франции во Флоренцию, где проживет два года. Гнедичу говорят доктора, что он может ожидать спасения от весны, а не от них. Можешь по этому вообразить, в состоянии ли кто-нибудь в этом положении начать какое-нибудь важное дело. Сверх того так много еще хлопот посторонних. Мой совет и всех любящих тебя провести нынешнее лето в деревне. К осени Жуковский возвратится. Дел важных сбавится. Всё взойдет в обыкновенное течение. Тогда легче начать и Жуковскому. Тебе легко возражать, что за советами нужды ни у кого не будет. Но ты хладнокровнее обними стечение этих странных

обстоятельств, и сам согласишься, что прежде надобно заняться чем-нибудь общим, а потом приступить к частному. 6) Послана тебе рукопись Цыганов. Аккуратнее исправь да поскорее пришли: так и тиснем. Кстати. Не можешь ли ты решиться напечатать второй главы Онегина? Это необходимо нужно. Теперь она ходит в самой неисправной рукописи по городу, и от этого скоро к ней потеряют вкус. Сделай милость, напечатай: тогда скорее разойдется и первая. Ты от этого тьму получишь денег. 7) Не стыдно ли тебе такую старину воспоминать, каково дело твое с Ольдекопом. Книги его уж нет ни экземпляра; да я не знаю, существует ли и он в каком-нибудь формате. И из чего ты хлопочешь? Если хочешь денег: согласись только вновь напечатать Кавказ.[ского] Плен.[ника], или Бахч.[исарайский] Фон.[тан], и деньги посыплются к тебе. Если хочешь примером его учить других: этого никто не делал, да и не сделает. Оставь во рту у нищего кусок. Если его вырвешь, он, может быть, умрет с голода, а ты до сыта не наешься. Я бы очень желал, чтобы ты несколько замечаний своих на Тацита пустил в ход с цитатами. Это у многих повернуло бы умы. Не поленись, любезный брат. К Баратынскому ты слишком пристрастен. Он любит еще играть словами; в слоге есть кокетство; во многом француз, хоть и люблю его до смерти. Твое письмо к брату убийственно. У меня бы рука не поднялась так *отвечать*. На Аладына плюнь.

259. Анна Н. Вульф — Пушкину. 20 апреля 1825 г. Малинники.

Боже! Какое волнение я испытала, читая ваше письмо, и как я была бы счастлива, если бы письмо сестры не примешало горечи к моей радости. Вчера утром я пила чай, когда с почты принесли книги; я не могла угадать, откуда они ко мне прибыли; когда же, распаковывая, я увидела Лас-Каза, сердце мое забилось, и я не смела продолжать их распаковывать, тем более, что в комнате были посторонние. Я была бы довольна вашим письмом, если бы не помнила, что вы писали такие же, и даже еще более нежные, в моем присутствии к Анете Керн, а также к Нетти. Я не ревнива, поверьте; будь иначе, несомненно моя гордость скоро восторжествовала бы над чувством, и все же не могу удержаться, чтобы не сказать вам, как обижает меня ваше поведение. Как можете вы, получив от меня письмо, воскликнуть: [“Ах, Уосподи], какое письмо, — будто его писала женщина!” — и тут же бросить его, чтобы читать глупости Нетти; не хватало только, чтобы вы сказали, что считаете его чрезмерно нежным. Неужели надо вам говорить, насколько это меня обижает; достаточно того, что вы скомпрометировали меня, сказав, что письмо было от меня. Сестра моя была очень оскорблена этим и, не желая меня огорчать, пишет обо всем Нетти. Нетти, которая даже не знала, что я писала вам, рассыпается в упреках мне за недостаток дружбы и доверия к ней — вы обвиняете меня в ветренности, а вот что вы сами делаете! Ах, Пушкин, вы не заслуживаете любви, и я вижу, что была бы более счастлива, если бы уехала раньше из Тригорского и если бы последние дни, которые я провела [тут] с вами, могли изгладиться из моей памяти. Как не поняли [вы], почему я не хотела получать от вас писем, вроде тех, которые вы посылали в Ригу? Ведь тон, который тогда уязвлял только мое тщеславие, теперь разорвал бы мне душу, Пушкин того времени был для меня совсем не тем человеком, кому я пишу нынче. Неужели вы не чувствуете разницы? это было бы очень унижительно для меня — боюсь, вы не любите меня так, как должны бы были, — вы разрываете и раните сердце, которому не знаете цены; как я была бы счастлива, если бы была так холодна, как вы это предполагаете! Никогда еще не переживала я такого ужасного времени, как теперь; никогда не испытывала я таких душевных страданий, как нынешние, тем более, что я вынуждена таить в сердце все свои муки. Как проклинаю я поездку сюда! Признаюсь вам, что последнее время после писем Евпраксии я хотела сделать всё, что в моих силах, чтобы попытаться забыть вас, так как очень сердилась на вас. Вам незачем тревожиться относительно кузена, холодность моя его оттолкнула, к тому же появился другой соперник, с которым он не осмеливается мериться силами и которому должен безусловно уступить место: это Анреп, пробывший здесь несколько последних дней; нужно признаться, что он очень хорош собой [он] и очень оригинален — я имела счастье и честь одержать над ним победу — о, этот человек превосходит даже вас, чему я никогда не могла бы поверить, он идет

к цели гигантскими шагами; представьте себе, я считаю, что он даже превосходит вас предприимчивостью. Мы много беседовали о вас; он к удивлению моему произнес также некоторые из ваших фраз, напр., что я слишком умна, чтобы иметь предрассудки. Чуть ли не в первый же день он схватил мою руку и заявил, что имеет полное право поцеловать ее, так как я ему очень нравлюсь. При этом, сударь, прошу заметить, — он ни раньше, ни теперь ни за кем здесь и не ухаживал, равно как не повторял мне фраз, сказанных другой женщине; напротив, он ни на кого не обращал внимания [и ходил повсюду за мной следом]; уезжая, он мне сказал, что его возвращение сюда зависит только от меня. Однако не опасайтесь ничего — я не испытываю к нему никакого чувства; он никак не действует на меня, между тем одно воспоминание о вас вызывает во мне такое волнение!

Маменька обещала прислать за мной в июне месяце, если тетушка не приедет летом. Надо ли вас просить сделать всё от вас зависящее, чтобы это произошло возможно скорее? Я очень боюсь, что у вас совсем нет любви ко мне; вы ощущаете только мимолетные желания, какие испытывают совершенно так же столько других людей. — У нас множество народу, я едва выбрала минуту написать вам, к нам приехал из Новгорода еще один приятный молодой человек, г. Павлицев, большой музыкант; он мне сказал, что знает вас. Сегодня мы отправляемся на обед к одной из моих тетушек, надо кончать письмо, так как пора одеваться, я буду в большом обществе, но буду думать только о вас. Пишите мне совершенно спокойно через Трейера, на Торжок: это надежнее, вам нечего бояться, он не знает, чьи письма передает мне; здесь же ваша рука известна. Уничтожьте мое письмо, когда прочтете его, заклинаю вас, я же сожгу ваше; знаете мне всегда страшно, что письмо мое покажется вам слишком нежным, а я еще не говорю всего, что чувствую. Вы говорите, что письмо ваше глупо, потому что вы меня любите, какой вздор, особенно для поэта, что может сделать красноречивым, как не чувство? Пока прощайте [Если вы чувствуете то же, что я, — я буду довольна]. Боже, могла ли я думать, что напишу когда-нибудь такую фразу мужчине? Нет, вычеркиваю ее! Еще раз прощайте, делаю вам гримасу, так как вы их любите. Когда-то мы увидимся? До той минуты у меня не будет жизни.

20 апреля.

260. П. А. Вяземскому. Конец апреля — начало мая 1826 г. Михайловское.

Милый мой Вяземской, ты молчишь, и я молчу; и хорошо делаем — потолкуем когда-нибудь на досуге. Покаместь дело не о том. Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится — а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи). Ты видишь, что тут есть о чем написать целое послание во вкусе Жуковского *о попе*: но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах.

При сем с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется — а нельзя ли его покаместь отдать в какую-нибудь деревню, — хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей Богу... но тут уж не до совести. Прощай, мой ангел, болен ли ты, или нет; мы все больны — кто чем. Отвечай же подробно.

Адрес: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

В Чернышевском переулке, в собственном доме.

Нужное

262. П. А. Вяземский — Пушкину. 10 мая 1826 г. Москва.

Сей час получил я твое письмо, но живой чреватой грамоты твоей не видал, а доставлено мне оно твоим человеком. Твоя грамота едет завтра с отцом своим и семейством в Болдино, куда назначен он твоим отцом управляющим. Какой же способ остановить дочь здесь и для какой пользы? Без ведома отца ее сделать этого нельзя, а с ведома его лучше же ей быть при семействе своем. Мой совет: написать тебе полу-любовное, полу-раскаятельное, полу-помещичье письмо блудному твоему тестю,

во всем ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручить на его ответственность, напомнив, что некогда, волею божиею, ты будешь его барином и тогда сочтешься с ним в хорошем или худом исполнении твоего поручения. Другого средства не вижу, как уладить это по совести, благоразумию и к общей выгоде. Я рад был бы быть восприемником и незаконного твоего Бахчисарайского фонтана, на страх завести новую классикоромантическую распрю хотя с Сергеем Львовичем или с певцом Буянова, но оно не исполнительно и не удовлетворительно. Другого делать, кажется, нечего, как то, что я сказал, а во всяком случае мне остановить девушки (ou peu s'en faut ⁸) нет возможности... Ты жалуешься на мое молчание: я на твое. Кто прав? Кто виноват? Оба. Было время не до писем. Потом мы опять имели несчастье лишиться сына 3-х летнего. Из 5 сыновей остается один. Тут замолчишь по неволе. Теперь я был болен недели с две. Вот тебе бюджет моего времени не завидный. Скучно, грустно, душно, тяжело. Я рад, что ты здоров, и не был растревожен. Сиди смиренно, пиши, пиши стихи и отдавай в печать! Только не трать чернил и времени на рукописное. Я надеюсь, что дело обойдется для тебя хорошо. Ты вероятно знаешь, что Карамзины отправляются в чужие края за болезнью Ник.[олая] Мих.[айловича], Жуковский также. А Хвостовы и Булгарины здравствуют. Что ты давно ничего не печатаешь? А Цыгане? А продолжение Евгения? Ты знаешь, что твой Евгений захотел продолжиться и женится на соседке моей Энгельгардт, девушке любезной, умной и доброй, но не элегической по наружности. Я сердечно полюбил и уважил Баратынского. Чем более растираешь его, тем он лучше и сильнее пахнет. В нем, кроме дарования, и основа плотная и прекрасная. Прощай, ma chair beaux vers ⁹. Как Василий Львович потеет вековечно, так и от тебя идет испарина хороших стихов. Тебе не нужно для того топить бани: ты везде в бане. — В конце месяца думаю съездить в Петерб.[ург] проститься с Карамзинными. Жена тебе очень нежно кланяется.

10-го мая.

Адрес (рукою В. Ф. Вяземской): Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину.

263. П. А. Катенин — Пушкину. 11 мая 1826 г. Петербург.

Что значит, любезнейший Александр Сергеевич, что ты давно не пишешь ко мне, и даже не отвечал на мое последнее письмо? Не сердись ли за что, сохрани господи? Как бы то ни было, я за долгое молчание ожидаю длиннейшего письма, и дело будет с концом. Меня недавно насмешил твой (яко-бы) ответ на желание одного известного человека прочесть твою трагедию: *Годунов*: трагедия эта не для дам, и я ее не дам. — Скажи, правда ли это? Меня оно покуда несказанно тешит. Буде ты любопытен что; знать про меня, вот новость: я в прошедшую пятницу принужден был состязаться с Олиным, то есть читали в Комитете, составленном из разных судей-литераторов, grecs et bulgares, etc., два вдруг изготовленные перевода Расинова Баязета, один мой, а другой вышеписанного Олина, который видно слишком дурно написал, ибо grecs et bulgares et autres barbares решительно предпочли мой, и я имел все шары белые; Олин же только четыре из двадцати. Авторы не бывают там, когда их судят, но, как мне сказывали, много мне сделал пользы А. С. Шишков; мне его одобрение тем приятнее, что я с ним не знаком, стало он судил просто по своему вкусу, а вкус его не терпит дурного. Всё это прекрасно, но скоро ли оно может показаться в люди? — Послушай, радость моя, ты отвечал и толково и забавно, но я право не дама, и нельзя ли мне как-нибудь Годунова показать? Кусок должен быть лакомый. К слову о дамах, меня просила Колосова непременно в первом к тебе письме сказать за нее пропасть хороших вещей; только где я их возьму? Положим, что они сказаны, и твоя очередь отвечать. Что делает мой приятель Онегин? Послал бы я ему поклон с почтением, но он на всё это плевать хотел: жаль, а впрочем малой не дурак. Прощай, умница, будь здоров и не молчи ни в стихах, ни в прозе. Весь твой

Павел Катенин.

⁸ (или почти что).

⁹ стихотворствующая моя скотинка.

265. П. А. Вяземскому. Вторая половина (не позднее 24) мая 1826 г. Михайловское.

Судьба не перестает с тобою проказить. Не сердись на нее, не ведает бо, что творит. Представь себе ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит ее на цепь? не ты, не я, никто. Делать нечего, так и говорить нечего.

Видел ли ты мою Эду? вручила ли она тебе мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?

Я не благодарил тебя за стансы Ольге. Как же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности к настоящему положению? — Счастливее, чем Андр.[ей] Шенье, — я заживо слышу голос вдохновения — [и поэт стоит [?] для меня наро[да]]

Твои стихи к Мн.[имой] Красавице (ах извини: Счастливице) слишком умны. — А поэзия, прости господи, должна быть глуповата. Характеристика зла. Экой ты *неумичивый*, как говорит моя няня. 7 пятниц лучший твой водевиль.

Напиши же мне что-нибудь, моя радость. Я без твоих писем глупею: это нездорово, хоть я и поэт.

Правда ли, что Баратынский женится? боюсь за его ум. Законная [-] род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит. Ты м. б. — исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет еще 10 был холостой. Брак холостит душу. Прощай и пиши.

Михайловское май.

Адрес: Его сиятельству кн. Петру Андреевичу Вяземскому.

В Москве в Чернышевском переулке в собств. доме.

266. П. А. Вяземскому. 27 мая 1826 г. Псков.

Ты прав, любимец Муз, — воспользуюсь правами блудного зятя и грядущего барина и письмом улажу всё дело. Должен ли я тебе что-нибудь или нет? отвечай. Не взял ли с тебя чего-нибудь мой человек, которого отослал я от себя за дурной тон и дурное поведение? Пора бы нам отослать и Булгарина, и Благонамеренного, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того, а ей богу, когда-нибудь примусь за журнал. Жаль мне, что с Катениным ты никак не ладишь. А для журнала — он находка. Читал я в газетах что Lancelot в П.[етер]Б.[урге], чорт ли в нем? читал я также, что 30 словесников давали ему обед. Кто эти бессмертные? Считаю по пальцам и не досчитаюсь. Когда приедешь в П.[етер]Б.[ург], овладей этим Lancelot [см. перевод] (которого я ни стишка не помню) и не пускай его по кабакам отечественной словесности. Мы в сношениях с иностранцами ¹⁰ не имеем ни гордости, ни стыда — при англичанах дурачим Василья Львовича; пред M-de de Sta заставляем Милорадовича отличаться в мазурке. Русской барин кричит: Мальчик! забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Всё это попадает в его журнал и печатается в Европе — это мерзко. Я конечно презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, англ. журналы или парижские театры и [-] — то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-ой песне Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно — услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай-да умница.

27 мая.

Прощай.

Думаю, что ты уже в П.[етер]Б.[урге], и это письмо туда отправится. Грустно мне, что не прощусь с Карамзиными — бог знает, свидимся ли когда-нибудь. Я теперь во Пскове, и молодой доктор спьяна сказал мне, что без операции я не дотяну до 30 лет. Незабавно умереть в Опоческом уезде.

Адрес: Кн. П. А. Вяземскому.

¹⁰ Переделано из в отношении иностранцев

270. Николаю I. 11 мая — первая половина июня 1826 г. Михайловское — Псков.

Всемиловейший государь!

В 1824 году, имев несчастье заслужить гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно афеизма, изложенным в одном письме, я был выключен из службы и сослан в деревню, где и нахожусь под надзором губернского начальства.

Ныне с надеждой на великодушие Вашего императорского величества, с истинным раскаянием и с твердым намерением не противуречить моими мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпискою и честным словом) решился я прибегнуть к Вашему императорскому величеству со всеподданнейшею моею просьбою.

Здоровье мое, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края.

Всемиловейший государь, Вашего императорского величества верноподданный Александр Пушкин.

[На отдельном листе:]

Я нижеподписавшийся обязуюсь впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них.

10-го класса Александр Пушкин. 11 мая 1826.

[Приложение:]

№ 426

По предложению его превосходительства, господина Псковского гражданского губернатора и кавалера за № 5497, свидетельствован был во Псковской врачебной управе г. коллежской секретарь Александр Сергеев сын Пушкин. При сем оказалось, что он действительно имеет на нижних оконечностях, а в особенности на правой голени, повсеместное расширение кровезвратных жил (*Varicositas totius cruris dextri*); от чего г. коллежской секретарь Пушкин затруднен в движении вообще. Во удостоверение сего и дано сие свидетельство из Псковской врачебной управы за надлежащим подписом и с приложением ее печати.

Июля 19-го дня 1826 года.

Инспектор врачебной управы В. Всеволодов.

[Печать]

271. П. А. Вяземский и А. А. Дельвиг — Пушкину. 12 июня 1826 г. Петербург.

[П. А. Вяземский:]

12-го июня.

Ты знаешь о печальной причине приезда моего в Петербург. Хотя ты и шалун и грешил иногда эпиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов, но без сомнения ты оплакал его смерть сердцем и умом: ибо всякое доброе сердце, каждый русский ум сделали в нем потерю не возвратную, по крайней мере для нашего поколения. Говорят, что святое место пусто не будет, но его было истинно святое и истинно на долго пустым останется. Завтра едем с Карамзиными в Ревель: не знаю, долго ли там останусь с ними, но буду тебе писать оттуда, а теперь писать нет ни времени, ни мысли, ни духа. — На твоём месте написал бы я письмо к государю искреннее, убедительное: сознался бы в шалостях языка и пера с указанием однакоже, что поступки твои не были сообщниками твоих слов, ибо ты остался цел и невредим в общую бурю; обещал бы держать впредь язык и перо на привязи, посвящая всё время свое на одни занятия, которые могут быть признаваемы (а пуще всего сдержал бы свое слово), и просил бы дозволения ехать лечиться в Петерб.[ург], Москву или чужие края. Вот мой совет! — Обнимаю тебя.

[А. А. Дельвиг:]

Третьего дни получил от Муханова это письмо и по первой почте тебе посылаю его, милый Пушкин. Что ж ты не присылаешь Цыган, мы бы издали их? Плетнев тебе кланяется, он живет теперь на Кушелевой даче, верст 7-мь от городу, и я довольно редко с ним выдаюсь. Его здоровье очень плохо. Теперь кажется начало поправляться, но до сих пор мы думали и его проводить к отцу Ломоносову. Баратынский другим образом плох, женился и замолчал, вообрази, даже не уведомляет о своей свадьбе. Гнедичу лучше, он тоже живет на даче и тебе кланяется. В комнатах, в которых он живет, жил в последнее время Батюшков. До сих пор видна его рука на окошках. Между прочим на одном им написано: Есть жизнь и за могилой! а на другом: *Ombra adorata!* Гнедич в восторге меланхолическом по целым часам смотрит на эти строки. — Вяз.[емский] у меня был в проезд свой в Ревель. Он сказал мне, что он уверил В.[асилия] Л.[ьвовича], что: Ах тетушка, ах Анна Львовна, написано мною, и тем успокоил его родственную досаду. Мы очень смеялись над этим. Отец твой ничего об этом не говорил и не говорит. Тебе напрасно его оклеветали. Из Онегина я взял то, что ты мне позволил, только у меня и переписано было, проч. у Вяземского. Что ты не издаешь его. Ежели тебе понадобятся деньги гуртом, продай его мне и второе издание твоих поэм. Только цензура пропустит их, деньги ты получишь. От Эды деньги скоро накопятся. Отдам их Плетневу или кому велишь. Прощай, душа моя, будь здоров и вспоминай обо мне.

Весь твой Д.

272. П. А. Вяземскому. 10 июля 1826 г. Михайловское.

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многим причинам. Во-первых, что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? довольно и одной, написанной мною в такое время, когда К.[арамзин] меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены: ужели ты мне их приписываешь? Во-вторых. Кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах, милый... слышишь обвинение, не слыша оправдания, и решишь: это Шемякин суд. Есть ли уж Вяземский etc., так что же прочие? Грустно, брат, так грустно, что хоть сей час в петлю.

Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Не уж то ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? Отечество в праве от тебя того требовать. Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том Русской Истории; Карамзин принадлежит истории. Но скажи *всё*; для этого должно тебе иногда употребить то красноречие, которое определяет Гальяни в письме о цензуре. — Я писал тебе в П.[етер]Б.[ург], еще не зная о смерти К.[арамзина]. Получил ли ты это письмо? отпиши. Твой совет кажется мне хорош — я уже писал царю, тотчас по окончанию следствия, заключая прошение точно твоими словами. Жду ответа, но плохо надеюсь. Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова. Если б я был потребован комиссией, то я бы конечно оправдался, но меня оставили в покое, и кажется это не к добру. Впрочем, чорт знает. Прощай, пиши.

10 июля.

273. П. А. Вяземский и О. С. Пушкина — Пушкину. 31 июля 1826 г. Ревель.

МОРЕ

*Как стаи гордых лебедей,
На синем море волны блещут,
Лобзаются, ныряют, плещут
По резвой прихоти своей.
Как упивается мой слух*

*Их говором необычайным,
Как сладко предается дух
Мечтам пленительным и тайным!*

*Так, древности постиг теперь
Я баснословную святыню:
О волны, красоты богиню
Я признаю за вашу дочь!
Так, верю, родилась она
Из вашей колыбели зыбкой
И пробудила мир от сна
Своею свежее улыбкой.*

*Где ж, как не здесь, явилась ты,
Очаровательница мира!
В прохладе влажного сапфира,
В стихии светлой чистоты?
Нам чистым сердцем внушены
Прекрасных таинств откровенья:
Из лона чистой глубины
Ты родилась, краса творенья!*

*И в наши строгие лета,
Лета существенности лютой,
При вас одних хотя минутой
Вновь забывается мечта!
Не смели изменить века
Ваши образ светлый, вечно юный,
Ни смертных хищная рука,
Ни рока грозного перуны.*

*В вас нет следов житейских бурь,
Следов безумства и гордыни,
И вашей девственной святыни
Не опозорена лазурь.
Кровь братьев не дымится в ней!
На почве, смертным непослушной,
Нет мрачных знамений страстей,
Свирепых в злобе малодушной!*

*И если смертный возмутит
Ваши мир преступною отвагой,
Вы очистительною влагой
Спешите смыть мгновенный стыд.
Изверженный из чуждых недр,
След поглощаем шумной бездной:
Так пятна облачные ветр
Сметает гневно с сени звездной!*

*Людей и времени раба,
Земля состарелась в неволе;
Шутя, ее играют долей
Сыны, столетья и судьба!
Но вы всё те ж, что в первый день,
Как солнце первое в вас пало,
О вы, незыблемых небес
Ненарушимое зеркало!*

*Так и теперь моей мечте
Из лона зеркальной пустыни
Светлеет лик молодой богини
В прозрачновлажной красоте.
Вокруг нее, как радуг блеск,
Вершины волн горят игривей,
И звучный ропот [их] и плеск
Еще душе красноречивей.*

*Над ней, как звезды, светят сны
Давно померкшие в тумане,
Которые так ярко ране
Горели в небе старины.
Сквозь ¹¹ волн, целующих ее,
Мне веют речи чудной девы:
В них слышно прежнее бытье,
Как лет младенческих напевы*

*Они чаруют и целят
Тоску сердечного недуга,
Как мировое слово друга,
Они волненье чувств мирят.
В невыразимости своей
Сколь выразителен сей лепет!
Как будит он в душе моей
Восторгов тихих сладкий трепет!
Как звучно льнет зефир к струнам,
Играя арфою воздушной,
Так и в душе моей послушной
Есть отзыв песням и мечтам.
Волшебно забывает ум
О настоящем, мысль гнетущем,
И в сладострастьи стройных дум
Я весь в протекшем, весь в грядущем!*

*Сюда, поэзии жрецы!
Сюда, существенности жертвы!*

¹¹ Зачеркнуто и восстановлено.

*Еще здесь светит пламень мертвый,
Еще здесь живы мертвецы.
Поэзия про вас хранит
Свои преданья и поверья,
И здесь, где моря вал шумит,
Святыни светлые предверья!*

Вот тебе, моему барину на Парнассе, мой смиренный ревельский оброк. Второй год кланяюсь тебе водою. Ты скажешь, *qu'il faut avoir le diable au corps pour faire des vers par le temps qui court*. Это и правда! Но я пою или визжу с горяча, потому что на сердце тоска и смерть, частное и общее горе. Что ты поделываешь? Что твой аневризм и твоя трагедия? Твой Опочек и твой Евгений? Желаю тебе скорее и благополучно разделаться с ними со всеми. Получил ли ты мое письмо через Дельвига, писанное на кануне отъезда в Ревель, и сделал ли по моему совету? Я видел твое письмо в Петербурге: оно показалось мне сухо, холодно и не довольно убедительно. На твоём месте написал бы я другое и отправил в Москву. Ты имеешь права не сомнительные на внимание, ибо остался неприкосновен в общей буре, но должен также и на будущее время дать поручительство в законности жития своего, то есть обещание, что будешь писать единственно для печати — и разумеется, дав честное слово, хранить его ненарушимо. Другого для тебя спасения не вижу. — Сестра твоя сказывала, что ты хотел прислать мне извлечения из записок своих относительно до Карамзина. Жду их с нетерпением. Сказывала она также, что Дельвиг имеет ко мне письмо от тебя. Боюсь только, чтобы он не проспал его. Ты советуешь писать мне о Карамзине: рано! Журнальную статью, так! Но в этом случае: поздно! Карамзин со временем может служить центром записок современных в роде записок *Garat*, но гораздо с большим правом, чем *Suard*. Всё русское просвещение начинается, вертится и сосредоточивается в Карамзине. Он лучший наш представитель на сейме европейском. Ты часто хотел писать прозою: вот прекрасный предмет! Напиши взгляд на заслуги Карамзина и характер его гражданский, авторский и частный. Тут будет место и воспоминаниям твоим о нем. Можешь издать их в виде отрывка из твоих записок. — Вчера получили мы письмо от Жуковского из Эмса: теперь он должен быть в Эгре, хвалится поправлением своего здоровья и надеется на совершенное возобновление сил. Александр Тургенев ускакал в Дрезден к брату своему Сергею, который сильно и опасно занемог от беспокойства по брате Николае. Несчастные! — Вероятно, пробуду здесь до 20-го августа, а там поеду через Петербург, где остановлюсь только дня на три, в Остафьево к жене. Ты еще успеешь написать мне сюда; во всяком случае перешли письмо через сестру, которая доставит мне его здесь или в Москву. Обнимаю тебя от всего сердца.

Пришли каких-нибудь свеженьких стихов. Покажи свою трагедию: она из рук моих не выдет. Я ни одного стиха твоего не распустил: мне доверить можно.

31-го августа.

274. П. А. Вяземскому. 14 августа 1826 г. Михайловское.

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Ныне каждый порыв из вещественности — драгоценен для души. Критику отложим до другого раза. Правда ли, что Николая Т.[ургенева] привезли на корабле в П.[етер]Б.[ург]? Вот какво море наше хваленое! Еще таки я всё надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна. Из моих записок сохранил я только несколько листов и перешлю их тебе, только для тебя. Прощай, душа.

14 августа.

Ты находишь письмо мое холодным и сухим. [Ему] Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы.

Адрес: Барону Антону Антоновичу Дельвигу.

в С.-Петербурге. На Б. Милльонной в доме 2-жи Эвелинг.

Пр.[ошу] дост.[авить] князю П. А. Вяземскому.

276. Б. А. фон-Адеркас — Пушкину. 3 сентября 1826 г. Псков.

Милостивый государь мой Александр Сергеевич!

Сей час получил я прямо из Москвы с нарочным фельдъегерем высочайшее разрешение по всеподданнейшему прошению вашему, — с коего копию при сем прилагаю. — Я не отправляю к вам фельдъегера, который остается здесь до прибытия вашего, прошу вас поспешить приехать сюда и прибыть ко мне.

С совершенным почтением и преданностию пребыть честь имею: Милостивого государя моего покорнейший слуга Борис фон-Адеркас.

3-го сентября 1826. Псков.

Копия Секретно.

Главный штаб его императорского величества. По канцелярии дежурного генерала. В Москве. 31-го Августа 1826. № 1432.

Господину Псковскому гражданскому губернатору.

По высочайшему государя императора повелению, последовавшему по всеподданнейшей просьбе, прошу покорнейше ваше превосходительство: находящемуся во вверенной вам губернии чиновнику 10-го класса Александру Пушкину позволить отправиться сюда при посылаемом вместе с сим нарочным фельдъегерем. Г. Пушкин может ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегера; по прибытии же в Москву имеет явиться прямо к дежурному генералу Главного штаба его величества.

(Подписал:) Начальник Главного штаба Дибич Верно: Гражданской губернатор Б. ф.[он] Адеркас

277. П. А. Осиповой. 4 сентября 1826 г. Псков.

Полагаю, сударыня, что мой внезапный отъезд с фельдъегерем удивил вас сколько же, сколько и меня. Дело в том, что без фельдъегера у нас грешных ничего не делается; мне также дали его, для большей безопасности. Впрочем, судя по весьма любезному письму барона Дибича, — мне остается только гордиться этим. Я еду прямо в Москву, где рассчитываю быть 8-го числа текущего месяца; лишь только буду свободен, тотчас же поспешу вернуться в Тригорское, к которому отныне навсегда привязано мое сердце.

Псков, 4-го сент.

278. Анна Н. Вульф — Пушкину. 11 сентября 1826 г. Петербург.

Что сказать вам и с чего начать мое письмо? А вместе с тем я чувствую такую потребность написать вам, что не в состоянии слушаться ни размышлений, ни благоразумия. Я словно переродилась, получив известие о доносе на вас. Творец небесный, что же с вами будет? Ах, если бы я могла спасти вас ценою собственной жизни, с какой радостью я бы пожертвовала ею [ради вас] и

вместо всякой награды я попросила бы у неба лишь возможности увидеть вас на мгновение, прежде чем умереть. — Вы не можете себе представить в какой тревоге я нахожусь — не знать, что с вами, ужасно; никогда я так душевно не мучилась, а вместе с тем, судите сами, я должна через два дня уехать, не зная о вас ничего верного. Нет, за всю мою жизнь не переживала я ничего более ужасного — не знаю, как я не сошла от всего этого с ума. А я то надеялась наконец увидеть вас в ближайшие дни! Подумайте, [как] каким неожиданным ударом должно было быть для меня известие о вашем отъезде в Москву! Однако дойдет ли до вас это письмо, и где оно застанет вас? — вот вопросы, на которые никто не может [вам] дать ответ. Вы, может быть, сочтете, что я поступаю очень плохо тем, что пишу вам — я и сама думаю то же, но не могу лишиться себя этого единственного утешения, мне остающегося. Я пишу вам через Вяземского; он не знает, от кого письмо, и поклялся сжечь его, если не сможет передать его вам. Да и доставит ли оно вам радость? — быть может, вы очень изменились за эти несколько месяцев — возможно, что оно покажется вам даже неуместным, — признаюсь, эта мысль для меня ужасна, но сейчас я не в силах думать ни о чем, кроме опасности, которой вы подвергаетесь, и пренебрегаю всякими другими соображениями. Если это вам возможно, то, во имя неба, напишите мне хоть словечко в ответ. Дельви́г собирался было написать вам вместе со мною длинное письмо, чтобы просить вас быть осмотрительным!! — Очень боюсь, что вы держались не так. — Боже, как я была бы счастлива узнать, что вас простили, — пусть даже ценою того, что никогда больше не увижу вас, хотя это условие меня страшит, как смерть. На этот раз вы не скажете, что это письмо остроумно, в нем нет здравого смысла, и всё же посылаю вам его таким, каково оно есть. Как это поистине страшно оказаться каторжником! Прощайте, какое счастье, если всё кончится хорошо, в противном случае не знаю, что со мной станет. Я очень скомпрометировала себя вчера, когда узнала эту ужасную новость, а несколькими часами раньше я была в театре и лорнировала кн. Вяземского, чтобы иметь возможность рассказать вам о нем по возвращении! Мне надо бы еще многое сказать вам, но нынче я наговорю [мало] слишком много или слишком мало, и думаю, что кончу тем, что разорву свое письмо.

11 сентября.

Кузина моя А[нета] К[ерн] живейшим образом интересуется вашей участью. Мы говорим только о вас: она одна понимает меня, и только с ней я плачу. Мне так трудно притворяться, а я вынуждена представляться веселою, когда душа во мне разрывается. Нетти [тоже] очень обеспокоена вашей судьбой. Да спасет и охранит вас небо! — Подумайте, что буду я чувствовать по приезде в Тригорское. Какая пустота и какая мука! Всё будет напоминать мне о вас. — А я то думала совсем с иным чувством подъезжать к этим местам, Тригорское стало мне дорого — я рассчитывала опять найти там для себя жизнь, как не терпелось мне вернуться туда, а теперь я найду там только мучительные воспоминания. Зачем я уехала оттуда? увы! Однако я слишком много говорю вам о своих чувствах. Пора кончать. Прощайте. Сохраните для меня капельку приязни: то, что я чувствую к вам, заслуживает этого. Боже, если бы мне довелось увидеть вас довольным и счастливым!

279. А. А. Дельви́г — Пушкину. 15 сентября 1826 г. Петербург.

Поздравляем тебя, милый Пушкин с переменой судьбы твоей. У нас даже люди прыгают от радости. Я с братом Львом развез прекрасную новость по всему Петербургу. Плетнев, Козлов, Гнедич, Сле́нин, Керн, Анна Николавна все прыгают и поздравляют тебя. Как счастлива семья твоя, ты не можешь представить. Особливо мать, она на верьху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмутишь их счастья упорным молчанием. Ты напишешь им. Они доказали тебе любовь свою. — Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою. Что касается до Осиповой, она меня испугала отчаянным письмом. Обними Баратынского и Вяземского и подумайте братцы об моих Цветах. Не осрамите моих седин перед Федоровым. За канцелярские услуги А. И. Тургенев наградил его статьями Карамзина и Батюшкова! Каково это! Уродливый боец выступит в состязание с заслуженным атлетом и победит его. Ради Бога, собирая фимиам себе, вербуй хорошенькие пьески мне, а более всего своего, Вяземского и Евгения. Тебе и

Дмитриев не откажет, хотя бы страничку из его журнала. Надеюсь на тебя, как на каменную стену. Да пиши ко мне подробнее обо всем, а поласковее к отцу, матери, роду-племени. Пиши скорее к нам; уведоьмь, куда посылать к тебе деньги и письма и сколько ты останешься в Москве. Прощай, радость моя, оканчиваю письмо это, чтобы принятсья утешать и обрадовать Прасковью Александровну. —

Жена моя тебе кланяется очень. Между тем позволь мне завладеть стихами к Анне Петровне. Еще прощай! Guten Tag!

Твой Дельвиг.

280. П. А. Осиповой. 16 сентября 1826 г. Москва.

Вот уже неделя, что я в Москве и не имел еще времени написать вам, это доказывает вам, сударыня, насколько я занят. Государь принял меня самым любезным образом. Москва шумна и занята празднествами до такой степени, что я уже устал от них и начинаю вздыхать по Михайловскому, т. е. по Тригорскому; я рассчитываю выехать отсюда самое позднее через две недели. — Сегодня, 15-го сент., у нас большой народный праздник; версты на три расставлено столов на Девичьем Поле; пироги заготовлены саженьями, как дрова; так как пироги эти испечены уже несколько недель назад, то будет трудно их съесть и переварить их, но у почтенной публики будут фонтаны вина, чтобы их смочить; вот — злоба дня. Завтра бал у графини Орловой; огромный манеж превращен в зал; она взяла на прокат бронзы на 40 000 рублей и пригласила тысячу человек. Много говорят о новых, очень строгих, постановлениях относительно дуэлей и о новом цензурном уставе; но, поскольку я его не видал, ничего не могу сказать о нем. — Простите нескладицу моего письма, — оно в точности отражает вам нескладицу моего теперешнего образа жизни. Полагаю, что обе м-ль Анеты уже в Тригорском. Приветствую их издалека от всего сердца, равно как и всё ваше прелестное семейство. — Примите, сударыня, уверение в моем глубоком уважении и неизменной привязанности, которые я буду питать к вам всю жизнь.

Москва, Пушкин.

283. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 30 сентября 1826 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Я ожидал прихода вашего, чтоб объявить высочайшую волю по просьбе вашей, но отправляясь теперь в С. Петербург и не надеясь видеть здесь, честь имею уведомить, что государь император не только не запрещает приезда вам в столицу, но предоставляет совершенно на вашу волю с тем только, чтобы предварительно испрашивали разрешения чрез письмо.

Его величество совершенно остается уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше. В сей уверенности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметом о воспитании юношества. Вы можете употребить весь досуг, вам предоставляется совершенная и полная свобода, когда и как представить ваши мысли и соображения; и предмет сей должен представить вам тем обширнейший круг, что на опыте видели совершенно все пагубные последствия ложной системы воспитания.

Сочинений ваших никто рассматривать не будет; на них нет никакой цензуры: государь император сам будет и первым ценителем произведений ваших и цензором.

Объявляя вам сию монаршую волю, честь имею присовокупить, что как сочинения ваши, так и письма можете для представления его величеству доставлять ко мне; но впрочем от вас зависит и прямо адресовать на высочайшее имя.

Примите при сем уверение в истинном почтении и преданности, с которыми честь имею быть ваш покорный слуга А. Бенкендорф.

№ 205 30-го сентября 1826 Москва. Его благород.[ию] А. С. Пушкину.

284. В. В. Измайлову. 9 октября 1826 г. Москва.

Милостивый государь Владимир Васильевич,

Извините, что до сих пор я не мог отвечать вам; разные обстоятельства, печальные и хлопотливые, мне помешали.

Радуюсь, что могу чем-нибудь угодить первому почтенному покровителю моей Музы. Я непременно доставлю Василью Львовичу стихи для Вашего альманаха.

Уезжаю из Москвы с искренним сожалением, что не имел случая возобновить нашего заочного знакомства.

Примите искренние уверения в глубочайшем почтении и сердечной моей преданности.

А. Пушкин. 9 октября 1826. Москва.

Адрес: Владимиру Васильевичу Измайлову.

290. В. Ф. Вяземской. 3 ноября 1826 г. Торжок.

Спешу, княгиня, послать вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры и т. п. — но мадригал и чувство сделались одинаково смешны. Что сказать вам о моем путешествии? оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и несносных ямщиков. Толчки, удары локтями и проч., очень беспокоят двух моих спутников, — я прошу у них извинения за вольность обращения, но когда приходится путешествовать совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С. П.) — мой добрый ангел, но другая — мой демон; это как нельзя более некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях.

Прощайте, княгиня, — еду похоронить себя среди моих соседей. Молитесь Богу за упокой моей души. Если вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в 4, — это будет с вашей стороны очень милым кокетством. — Вы, умеющая [лучше] смастерить записочку лучше, чем покойная моя тетюшка, — неужели же вы не проявите такой доброты? (NB. записка впредь будет синонимом музыки). Итак, прощайте. Я у ваших ног и трясу вам руку на английский манер, поскольку вы ни за что не хотите, чтобы я вам ее целовал.

Торжок 3 нояб.

Достаточно ли обиняков? Ради бога не давайте ключа к ним вашему супругу. Решительно восстаю против этого.

292. П. А. Вяземскому. 9 ноября 1826 г. Михайловское.

Вот я в деревне. Доехал благополучно без всяких замечательных пассажей; самый неприятный анекдот было — то, что сломались у меня колеса, растрясенные в Москве другом и благоприятелем моим г. Соболевским. Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни — ей Богу приятнее шекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости, молитвы вероятно сочиненной при ц.[аре] Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом. Получила ли княгиня поясы и письмо мое из Торжка? Долго здесь не останусь, в П.[етер]Б.[ург] не поеду; буду у вас к 1-му... она велела! Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но всё-таки лучше с вами видеться — чем переписываться. К тому же журнал... Я ничего не говорил тебе о твоём решительном намерении соединиться с Полевым, а ей богу — грустно. Итак никогда порядочные литераторы вместе у нас ничего не произведут! всё в одиночку. Полевой, Погодин, Сушков, Завальевский, кто бы ни издавал журнал, всё равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно. Мы слишком ленивы, чтоб переводить,

выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вот за чем и издатель существует; но он должен 1) знать грамматику русскую 2) писать со смыслом: т. е. согласовать существ. с прилаг. и связывать их глаголом. — А этого-то Полевой и не умеет. Ради Христа, прочти первый параграф его известия о смерти Румянцова и Растопчина. И согласись со мной, что ему невозможно доверить издания журнала, освященного нашими именами. Впрочем ничего не ушло. Может быть, не Погодин, а я — буду хозяин нового журнала. Тогда, как ты хочешь, а уж Полевого ты пошлешь к матери в гузно. Прощай князь Вертопрахин, кланяйся княгине Ветроне, которая надеюсь выздоровила. Что наши? Что Запретная Роза? что Тимашева? как жаль, что я не успел с нею завести благородную интригу! но и это не ушло.

9 ноября.

Сей час перечел мои листы о Карамзине — нечего печатать. Соберись с духом и пиши. Что ты сделал для Дмитриева (которого NB ты один еще поддерживаешь), то мы требуем от тебя для тени Карамзина — не Дмитриеву чета. — Здесь нашел я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся, и что из него будет. Если уж завидывать, так вот кому я должен бы завидывать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет. — Ах! каламбур! Скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы.

295. В. Ф. и П. А. Вяземские — Пушкину. 19 ноября 1826 г. Москва.

[В. Ф. Вяземская:]

Вот письмо, которое, думается, сильно займет вас, моя же немощь и лень [положат этому] хотят воспользоваться этим, чтобы сказать вам лишь несколько слов. Прежде всего не безумец ли вы? как можно так легко обращаться со своими прекрасными стихами и так сорить деньгами? количество поясов привело меня в негодование и только качество их может служить вам извинением, ибо они все прелестны. Всё ли еще добрый ангел и демон сопутствуют вам? думаю, что вы давно уже от них отделались. Кстати вы [ее] так часто меняли предмет, что я уже не знаю, кто эта другая. Муж уверяет меня, будто я надеюсь, что это я сама. Да сохранит небо [вас] нас обоих от этого, — прежде всего я никак не хочу путешествовать вместе с вами, я слишком слаба и слишком стара, чтобы пускаться в дальний путь; я стала бы в полном смысле слова вашим злым ангелом, но я притязую на вашу дружбу, вы же кажется сбросили это ярмо, между тем вам совершенно необходимо ему подчиняться, дабы без возмущения выслушивать кое-какие истины. Итак до свиданья, мой важный друг, сообщите нам о своих планах.

[П. А. Вяземский:]

Как доехал? Что няня? Что любовь? Когда возвратишься? Пишешь ли? Вдался ли в запой стихов, или не можешь еще справиться с московского похмелья? Здесь всё по-старому; один только З[а]вальевский не пишет и не поет, а растянувшись лежит больной. Кривцов проездом в свой новый пашалык живет с нами, жалеет, что тебя уже не застал и дружески обнимает. А. Тургенев и Жуковский просят из Дрездена посылать им с каждою почтою по несколько стихов из Годунова. Пишу им, что твой Борис не французский рагу, что можно подавать в разбивную, а добрая штука мяса английского, которую должно подать за стол целиком.

Прощай, батюшка. Не заживайся, а приезжай, или в Питер, или в Белокаменную.

298. А. Х. Бенкендорфу. 29 ноября 1826 г. Псков.

Милостивый государь Александр Христофорович,

Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, я не знал, должно ли мне было отвечать на письмо, которое удостоился получить от Вашего превосходительства и которым был я тронут до глубины сердца. Конечно никто живее меня не чувствует милость и великодушие государя императора, также как снисходительную благосклонность Вашего превосходительства.

Так как я действительно в Москве читал свою трагедию некоторым особам (конечно не из

ослушания, но только потому, что худо понял высочайшую волю государя), то поставляю за долг препроводить ее Вашему превосходительству, в том самом виде, как она была мною читана, дабы вы сами изволили видеть дух, в котором она сочинена; я не осмелился прежде сего представить ее глазам императора, намереваясь сперва выбросить некоторые непристойные выражения. Так как другого списка у меня не находится, то приемлю смелость просить Ваше превосходительство оный мне возвратить.

Мне было совестно беспокоить ничтожными литературными занятиями моими человека государственного, среди огромных его забот; я роздал несколько мелких моих сочинений в разные журналы и альманахи по просьбе издателей; прошу от Вашего превосходительства разрешения сей неумышленной вины, если не успею остановить их в цензуре.

С глубочайшим чувством уважения, благодарности и преданности, честь имею быть милостивый государь Вашего превосходительства всепокорнейший слуга Александр Пушкин.

299. Н. С. Алексееву. 1 декабря 1826 г. Псков.

*Приди, о друг, дай прежних вдохновений,
Минувшею мне жизнью повеи!..*

Не могу изъяснить тебе моего чувства при получении твоего письма. Твой почерк опрятный и чопорный, кишеневские звуки, берег Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо. Милый мой: ты возвратил меня Бессарабии! я опять в своих развалинах — в моей темной комнате, перед решетчатым окном или у тебя, мой милый, в светлой, чистой избушке, смазанной из молдавского [-]. Опять рейн-вейн, опять Шампан, и Пушин, и Варфоломей, и всё... Как ты умен, что написал ко мне первый! мне бы эта счастливая мысль никогда в голову не пришла, хоть и часто о тебе вспоминаю и жалею, что не могу ни бесить тебя, ни наблюдать твои маневры вокруг острога. Был я в Москве и думал: авось, Бог милостив, увижу где-нибудь чинно сидящего моего черного друга, или в креслах театральных или в ресторации за бутылкой. Нет — так и уехал во Псков — так и теперь опять еду в белокаменную. Надежды нет или очень мало. По крайней мере пиши же мне почаще, а я за новости кишенев[ские] стану тебя подчивать новостями московскими. Буду тебе сводничать старых твоих любовниц — я чай дьявольски состарелась. Напиши кто? Я готов донныне идти по твоим следам, утешаясь мыслию — что орогачу друга.

Липранди обнимаю дружески, жалею, что в разные времена съездили мы на счет казенный и не соткнулись где-нибудь.

*Прощай, отшельник бессарабской,
Лукавый друг души моей —
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.*

А. П. 1 дек.

Адрес: Николаю Степановичу Алексееву в Кишенев.

300. П. А. Вяземскому. 1 декабря 1826 г. Псков.

Ангел мой Вяземской или пряник мой Вяземской, получил я письмо твоей жены и твою приписку, обоих Вас благодарю и еду к Вам и не доеду. Какой! меня доезжают!.. изъясню после. В деревне я писал презренную прозу, а вдохновение не лезет. Во Пскове вместо того, чтобы писать 7-ую гл. Онегина, я проигрываю в штос четвертую: не забавно. Отовсюду получил письма и всюду отвечаю. Adieu, couple si tourdi en apparence, adieu ¹², князь Вертопрахин и княгиня Вертопрахина. Ты видишь, что у меня не достаёт уж и собственной простоты для переписки.

1 дек. Псков.

¹² Прощайте, чета, с виду столь легкомысленная, прощайте.

П Е Р Е П И С К А 1827

313. Арина Родионовна — Пушкину. 30 января 1827 г. Михайловское.

Генварь — 30 дня.

Милостивой государь Александра, Сергеевич имею честь поздравить вас с прошедшим, новым годом из новым, счастьем; и желаю я тебе любезному моему благодетелю здравия и благополучия; а я вас уведомляю, что я была в Петербурге: й об вас никто — неможит знать где вы находитесь йтвое родители, о вас соболезнуют что вы к ним неприедите; а Ольга Сергевнна к вам писала при мне соднною дамою вам извеснна а мы батюшка от вас ожидали, писма когда вы прикажите, привозить книгй нонемогль дождатца: то йвозномерилис повашему старому приказу от править: то я йпосылаю, больших й малых книг щетом — 134 книгй Архипу даю денег — [сщ[етом] 85 руб.] 90 рублей: присем любезной друг яцалую ваши ручьки с позволений вашего съто раз и желаю вам то чего йвы желаете йприбуду к вам с искренным почтением

Аринна Родивоновнна.

318. В. И. Туманский — Пушкину. 2 марта 1827 г. Одесса.

Одесса, марта 2-го 1827.

Ты совершенно прав, любезный мой соловей, приписывая мое безвинное молчание не охлаждению дружбы, а чему-то непонятному. По приезде моем в Одессу я писал к тебе два раза и, полагая, что ты будешь в Петербурге, адресовал мои письма на имя Греча, как человека, который тебя там увидит. Случилось совсем противное: ты не ездил на Север, и три месяца я не знал совершенно, где ты и что с тобой. Очень рад, что Москва тебя приютила; постоянная жизнь на одном месте доставит тебе возможность обрадовать меня, твоего приморского друга, своими весточками. Я бы желал однако, чтобы ты выписал от Греча хотя первое мое письмо: в нем были вещи, для тебя любопытные. Между тем после того произошли у нас значительные перемены. Большая Нарышкина уехала в деревню и по последним известиям обречена могиле. У нее какой-то новый род удушливой болезни. О графе Воронцове решительно никаких известий не имеем; как в воду канул. Граф Пален ведет себя прелестно: порядочен в делах, в обращении мил и любезен и, как холостяк, принимает приглашения на обеды и вечера. Аристократизма в нем очень мало. Одна из наших новостей, могущая тебя интересовать, есть женитьба Ризнич на сестре Собаньской, Виттовой любовницы. В приданое за нее получил Ризнич в будущем 6000 черв., а в настоящем владимирский крест за услуги, оказанные Одесскому Лицею. Надобно знать, что он в Лицее никогда ничего не делал. Новая м-м Ризнич вероятно не заслужит ни твоих, ни моих стихов по смерти; это малютка с большим ртом и с польскими ухватками. Дом их доселе не открывался для нашей братьи. Круг молодежи почти тот же. Отсутствие Казначеева, прискорбное для нас как отсутствие доброго человека, в ходе дел никакой перемены не сделало. Всё идет довольно хорошо или довольно дурно — как на кого. Раевский уехал в Киев и бог весть, когда назад будет. В последнее время своего пребывания в Одессе он стал еще более мрачным, злобным и разочарованным. У нас теперь жандармы: Бибииков, Шервуд-Верный и еще двое мало известных. Инструкцию, циркулярно им данную от Бенкендорфа, вероятно вы имеете в Москве. Мне в ней очень нравится статья о наблюдении за нравами и вообще за поведением молодых людей. Содержатели трактиров и [-] хотят подать прошение на эту статью.

Приступим теперь к литературе. Русская моя душа радуется, видя, что центр просвещения наконец переведен в Москву. Влияние этого отечественного города, отдаленного от двора, будет благоприятно для нашей словесности. Теперь уже московские журналы далеко обогнали петербургские. Не будь в бездействии, милый друг, и подстрекай тамошнюю молодежь к занятиям полезным. Не худо бы составить общество молодых людей для перевода хороших книг по части наук, искусств и политической экономии, особенно с немецкого и английского языков. Да пусть у вас прозой

почаще пишут! Кроме статей Вяземского, писанных его слогом, но правильно, сильно и остроумно, нельзя читать ваших прозаических статей. Что за охота Погодину печатать исторические мысли, которые внесутся в историю нашей словесности, как примеры галиматьи?.. Что же касается до теории изящных искусств, то ее трудно излагать, подобно Шевыреву в разговорах; а пусть он займется математическим изложением сего предмета хоть в нескольких статьях, по новой эстетике. Это будет полно и следственно понятно. Критика Титова на Аллегии Глинки, кроме двух-трех разных идей, есть образец вкуса, благопристойности и справедливости. Пожалуйста не скупись и присылай мне твой журнал: я готов в нем участвовать, чем бог послал. У Левшина возьму славную для вас статью из 3-го тома его описания Киргизов, а между тем сам займусь для тебя *поденною* прозою. Стихов частицу при сем посылаю. Я бы желал, чтобы вы прежде всего напечатали стихи: К Гречанке. Я люблю эту пьесу потому, что написал в ночь после бала и ужина, полупьяный и психически влюбленный. В ней есть какая-то дерзость выражений, к которой я обыкновенно не привык. Впрочем, владыко, как повелите, так и будет. Исправлять, убавлять и прибавлять в моих пьесах даю тебе полное право. Я прилагаю и свой отрывок об Одессе. За сим целую тебя в быстрые очи и в медовые уста. Исполни мою просьбу на счет высылки журнала и сам пиши, голубчик. Поклон Вяземскому, Баратынскому и Соболевскому, которого прошу извинить, что не отвечаю: писать нечего. В. Туманский.

Я думаю имя выставлять всюду под своими пьесами: c'est le bon ton present. 13

320. Арина Родионовна — Пушкину. 6 марта 1827 г. Тригорское.

Любезный мой друг

Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна — вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забывает. Ваше обещание к нам побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю. Наши Петербур.[гские] летом не будут, они [все] едут непременно в Ревель. Я вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидеться. Праск.[овья] Алек.[сандровна] приехала из Петерб.[урга] — барышни вам кланяются и благодарят, что вы их не позабываете, но говорят, что вы их рано поминаете, потому что они слава богу живы и здоровы. Прощайте, мой батюшка, Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила, поживи, дружочик, хорошенько, самому слюбится. Я слава богу здорова, цалую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна .

Тригорское. Марта 6 .

321. Н. С. Алексеев — Пушкину. 20 марта 1827 г. Крепость Хотин.

Если мое письмо доставило тебе удовольствие, любезный Пушкин, то суди, в какое восхищение привело меня твое: я, в скучной однообразной жизни, не мог забыть тебя, всякой шаг, всякое место напоминали мне веселые прогулки, занимательные разговоры, дружеское соперничество и не злобное предательство: ты, в шуме обеих столиц, сохранил меня в своей памяти и тем оправдал мое мнение о доброте твоего сердца и благодарных чувствах; хвала тебе! —

Ты искал меня глазами в театрах и клобах: но если встречу нашу предполагаешь ты в Москве или Петербурге, то я заранее предсказываю тебе вечную разлуку и скажу твоими словами, что *вреден Север для меня*. только в сем случае я постояннее тебя; и что мне там делать? — Родные меня забыли, друзья отвыкли, женщины не любили — или обманывали, мороз 30 градусов:

Какая честь, и что за наслажденье!

Искать ли мне там новых впечатлений? Но я устарел и ослабел чувствами; отвык от большого света, притворных разговоров, а главное от шляпы и белого галстука; — итак, любезный друг, оставь

меня в скучной, но теплой Бессарабии; не тревожь моей дремоты: здесь есть уголок, где мне недурно, а много ли человеку надобно? Ты меня помнишь, мои желания всегда были ограничены: одно любящее сердце и некоторое спокойствие для ревнивого моего нрава; — вот всё, что Алексеев просил у немилосердой судьбы! —

Перейдем к описанию другого рода, которое в твоём вкусе и верно полюбится: на сих днях вечером у Вакери Варлам вызвал в сени Сушкова, и потом на улицу, упрекал его в каких-то двусмысленных словах, на счёт его сказанных, и позволил себе возвысить голос; С.[ушков] просил его утихнуть, уверял, что ничего не имел против него и предлагал всякое благородное удовлетворение; но Валах не внимал гласу благоразумия, и дело дошло до калмыцкого балета. Разумеется что Су...[шков] вызвал его — Липранди был его секундантом; Вар.[лам] долго никого не находил, и наконец по усилиям весьма упорным убедили меня: назначили свидание у Дюпона в саду, условились во всем и казалось дело в шляпе; но ни гвардейской мундир, ни звание адъютанта графа Воронцова не могли переделать врожденных чувств: полиция, комендант и отряд жандармов были извещены еще с утра; весь кортеж прибыл к саду, сопровождаемый родственниками и людьми Варлама, в минуту, когда мы едва начали заряжать пистолеты, осторожность с нашей стороны требовала удалиться, я взбесился, наговорил весьма много Вар.[ламу] и предложил С...[ушко]ву драться: он сделал промах, я выстрелил на воздух, не имея ничего против сего последнего, кроме приязни и уважения к благородным правилам: нам запретили повторить выстрел, и мы удалились с презрением к подлецу, но не удовлетворенные. — Через четыре дни граф Пален присылает эстафет с предложениями в самых лестных выражениях: Сушкову отправиться на следствие в Измаил, а мне в Хотин; но Сабанеев поступил с меньшей деликатностью: он просто написал к коменданту, чтоб выслал Вар.[лама] в Тирасполь. — Я третий день в Хотине в хорошем обществе свитских старых моих знакомых; ожидаю последствий — и может быть на некоторое время заточения, потому что Сушков, не видя возможности удовлетворить себя, написал письмо к государю, объясняя все подробности. Я утешаю себя только мыслию, что в поступке моем хотя и есть противозаконное, но ничего постыдного. —

Я читал четыре книги Московского Вестника и признаюсь тебе с прежней откровенностью, что один только стих мне понравился: — „*Всё возьму, сказал булат*“. Но я намерен объяснить тебе давнишнее мое не удовольствие на цензуру и на издателей за твоё послание ко мне; Литера А не показывает еще Алексеева, а выкинутые лучшие стихи испортили всю пиэсу; именем всего прошу тебя, исправь эту ошибку: моё самолюбивое желание было, чтоб через несколько лет сказали: Пушкин был приятель Алексеева, который, не равняясь с ним ни в славе, ни познаниях, превосходил всех чувствами привязанности к нему. — Прости.

20-е марта. Кр.[епость] Хотин .

328. А. Х. Бенкендорфу. 24 апреля 1827 г. Москва.

Милостивый государь Александр Христофорович,

Семейные обстоятельства требуют моего присутствия в Петербурге: приемлю смелость просить на сие разрешения у Вашего превосходительства.

С глубочайшим почтением и с душевной преданностию честь имею быть милостивый государь Вашего превосходительства всепокорнейший слуга

Александр Пушкин.

24 апр. 1827 Москва

329. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 3 мая 1827 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

На письмо ваше от 24-го прошлого апреля, честь имею вас уведомить, что я имел счастье доводить содержание оно до сведения государя императора.

Его величество, соизволяя на прибытие ваше в С.[анкт]-Петербург, высочайше отозваться

изволил, что не сомневается в том, что данное русским дворянином государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано.

Мне же, с моей стороны, весьма приятно будет с вами здесь увидеться и изустно вас уверить в совершенном почтении, с коим пребываю

Вашим покорнейшим слугою, А. Бенкендорф

№ 849. 3. Маия 1827. Его высокобл[агороди]ю А. С. Пушкину.

332. П. А. Осиповой. Около (не позднее) 10 июня 1827 г. Петербург.

Я очень виноват перед вами, но не настолько, как вам может это казаться. Приехав в Москву, я тотчас написал вам, адресуя мои письма [на Ваше имя в почтамт]. Оказывается, вы их не получили. Это меня обескуражило, и я не брал больше пера в руки. Так как вы изволите еще мною интересоваться, что же мне вам сказать, сударыня, о пребывании моем в Москве и о моем приезде в Петербург — пошлость и глупость обеих наших столиц равны, хотя и различны, и так как я притязую на беспристрастие, то скажу, что, если бы мне дали выбирать между обеими, я выбрал бы Тригорское. — почти как Арлекин который на вопрос, что он предпочитает: быть колесованным или повешенным? — ответил: я предпочитаю молочный суп. — Я уже накануне отъезда и непременно рассчитываю провести несколько дней в Михайловском, покамест же от всего сердца приветствую вас и всех ваших. Адрес: Ее высокогородию Прасковьи Александровне Осиповой. В Опочку.

335. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 5 июля 1827 г. Царское Село.

Генерал-адъютант Бенкендорф честь имеет уведомить его высокоблагородие Александра Сергеевича, что он весьма рад будет свидеться с ним и просит его пожаловать к нему в среду в 2 часа по полудни в его квартиру, в С.[анкт]-Петербурге.

5-го июля 1827 года, Царское Село. Его высокоблагор.[одию] А. С. Пушкину.

336. С. А. Соболевскому. 15 июля 1827 г. Петербург.

15 июля

Вечор узнал я о твоём горе и получил твои два письма. Что тебе скажу? про старые дрожжи не говорят трюжды; не радуйся нашед, не плачь потеряв — посылаю тебе мою наличность, остальные 2500 получишь вслед. Цыганы мои не продаются вовсе; деньги же эти — трудовые, в поте лица моего выпонтированные у нашего друга Полторацкого. Приезжай в П.[етер] Б.[ург], если можешь. Мне бы хотелось с тобою свидеться да переговорить о будущем. Перенеси мужественно перемену судьбы твоей, т. е. по одежки твоя ножки — всё перемелится, будет мука. Ты видишь, что, кроме пословиц, ничего путного тебе сказать не сумею. Прощай, мой друг.

338. А. Х. Бенкендорфу. 20 июля 1827 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Христофорович

В 1824 году г. статский советник Ольдекоп без моего согласия и ведома перепечатал стихотворение мое Кавказский Пленник и тем лишил меня невозвратно выгод второго издания, за которое уже предлагали мне в то время книгопродавцы 3,000 рублей. В следствии сего родитель мой, статский советник Сергей Львович Пушкин обратился с просьбою к начальству, но не получил никакого удовлетворения, а ответствовали ему, что г. Ольдекоп перепечатал-де Кавказского Пленника для справок оригинала с немецким переводом, что к тому же не существует в России закона противу перепечатывания книг, и что имеет он, статский советник Пушкин, преследовать Ольдекопа, токмо разве, яко мошенника, на что не смел я согласиться из уважения к его званию и опасения заплаты за бесчестие.

Не имея другого способа к обеспечению своего состояния, кроме выгод от посильных трудов

моих, и ныне лично ободренный Вашим превосходительством, осмеливаюсь наконец прибегнуть к высшему покровительству, дабы и впредь оградить себя от подобных покушений на свою собственность.

Честь имею быть с чувством глубочайшего почтения, благодарности и преданности Вашего превосходительства милостивый государь покорнейшим слугою Александр Пушкин.

С. Петербург 20 июля 1827.

340. А. А. Дельвигу. 31 июля 1827 г. Михайловское.

ЭЛЕГИЯ.

*Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я,
Из равнодушных уст я слышал смерти весть
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.*

Вот тебе обещанная Элегия, душа моя. Теперь у тебя отрывок из Онегина, отр. из Бориса да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на руках Моск.[овский] вестник, и что я не могу его оставить на произвол судьбы и Погодина. Если кончу послание к тебе о черепахе твоего деда, то мы и его тиснем. Я в деревне и надеюсь много писать, в конце осени буду у Вас; вдохновенья еще нет, покамест принялся я за прозу. Пиши мне о своих занятиях. Что твоя проза и что твоя поэзия? Рыцарской Ревель разбудил ли твою заспанную Музу? у вас Булгарин? К стати: Сомов говорил мне о его Вечере у Карамзина. Не печатай его в своих Цветах. Ей богу не прилично. Конечно вольно собаке и на владыку лаять, но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах. Наше молчание о Карамзине и так неприлично; не Булгарину прерывать его. Это было б еще неприличнее. Что твоя жена? помогло ли ей море? Няня ее целует, а я ей кланяюсь. — Пиши же.

31 июля. Михайловское.

Адрес: Барону Антону Антоновичу Дельвигу в Ревель.

341. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 22 августа 1827 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

На письмо ваше *о перепечатании г. Ольдекопом* Кавказского Пленника вместе с немецким переводом мне не остается ничего другого вам ответить, как то, что родителю вашему объявлено было теми [местами], от которых это зависело.

Перепечатание ваших стихов, вместе с немецким переводом, вероятно последовало с позволения цензуры, которая на то имеет свои правила. Впрочем, даже и там, где находятся положительные законы насчет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками.

С совершенным почтением имею честь быть, покорнейший слуга А. Бенкендорф.

№ 1936. 22 августа 1827. Его высокоб[лагороди]ю А. С. Пушкину.

342. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 22 августа 1827 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Представленные вами новые стихотворения ваши государь император изволил прочесть с особенным вниманием. Возвращая вам оные, я имею обязанность изъяснить следующее заключение.

1) Ангел, к напечатанию дозволяется;

2) Стансы, а равно 3) и Третья глава *Евгения Онегина* тоже.

4) Графа Нулина государь император изволил прочесть с большим удовольствием и отметить своеручно два места, кои его величество желает видеть измененными; а именно следующие два стиха:

„Порою с барином шалит “,

и

„Коснуться хочет одеяла “,

впрочем прелестная пиеса сия позволяется напечатать.

5) Фауст и Мефистофель позволено напечатать, за исключением следующего места:

„Да модная болезнь: она

Недавно вам подарена.

6) Песни о Стеньке Разине, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того Церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева.

Уведомляя вас о сем, имею честь быть с совершенным почтением, милостивый государь ваш покорнейшей слуга А. Бенкендорф

№ 1937. 22 августа 1827. Его высокоб[лагороди]ю А. С. Пушкину.

343. П. А. Плетнев — Пушкину. 27 августа 1827 г. Петербург.

27 авг. 1827.

От генерала Бенкендорфа я получил два отношения на твое имя. Препровождаю при сем случае копии обоих:

I. „Представленные вами новые стихотворения ваши государь император изволил прочесть с особенным вниманием. Возвращая вам оные, я имею обязанность изъяснить следующее заключение.

1) *Ангел* к напечатанию дозволяется; 2) *Стансы*, а равно 3) и третья глава *Евгения Онегина* тоже.

4) *Графа Нулина* государь император изволил прочесть с большим удовольствием и отметить своеручно два места, кои его величество желает видеть измененными, а именно два стиха: *Порою с барином шалит* и *Коснуться хочет одеяла*; впрочем прелестная пиеса сия позволяется напечатать.

5) *Фауст и Мефистофель* позволено напечатать, за исключением следующего места: *Да модная болезнь: она Недавно вам подарена.* 6) *Песни о Стеньке Разине* пр[и] всем поэтическом своем достоинстве по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева“.

II. „На письмо ваше о перепечатании г. Ольдекопом Кавказского Пленника вместе с немецким переводом мне не остается ничего другого вам ответить, как то, что родителю вашему объявлено было теми местами, от которых это зависело. Перепечатание ваших стихов вместе с переводом вероятно последовало с позволения цензуры, которая на то имеет свои правила. Впрочем, даже и там, где находятся положительные законы на счет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками“.

Я уже приступил к печатанию Онегина. Напиши, по чем его публиковать? Следующую главу вышли мне без малейшего замедления. Пока ей надобно будет перейти свое цензирование, наступит срок и печатания ее. Хоть раз потешим публику оправданием своих предуведомлений. Этим заохотим покушников.

Какое сделать употребление из Нулина, когда ты пришьешь новые два стиха, в замену непропущенных?

Для Северных Цветов осталось у меня совсем готовых только две пиесы: *Ангел* и *Стансы*.

Постарайся скорее доставить в Фауста два стиха, коими бы заменить непропущенные. Тогда и Фауст пойдет к Дельвигу.

Присланную тобою после Элегию я думаю представить для цензирования вместе с 4-ою Главою Онегина, а то не стоит беспокоить ею одною. Когда ее пропустят, тогда и отдам Дельвигу. Впрочем не дашь ли ему еще кой-чего в замен не одобренных Песень о Разине?

Прошу тебя, отвечай мне аккуратнее на все эти вопросы по порядку. Поэтические письма, т. е. не дельные, вредны там, где идет дело о скором приобретении денег. Кстати о деньгах. Не отставай от работы своего романа. Это вернейший капитал, который у тебя перед глазами.

Прилагаемое письмо получил я на твое имя из Москвы.

348. П. А. Плетнев — Пушкину. 22 сентября 1827 г. Петербург.

Мне странно, что ты леньность свою стараешься прикрыть благовидными причинами. „Не хочешь беспокоить часто Цензора“. Это в сущности-то значит: лень приняться за поправку и переписку. Всего удивительнее противоречие между твоими желаниями и поступками. Денег хочется, да они и крайне тебе нужны. А сам ты ежедневно теряешь свой доход. Все спрашивают прежних поэм твоих и мелких стихотворений. Продать издание какому-нибудь книгопродавцу значит разделить с ним пополам свое имяне. Одно средство остается: накопить нынешнею зимою побольше денег, да с будущей весны и приступить к хорошенькому новому изданию всех твоих стихотворений вместе, или по частям, в одном только формате и в каком-нибудь порядке постоянном, что будет полезно и для грядущих творений твоих. Ни что так легко не даст денег, как Онегин, выходящий по частям, но регулярно через два или три месяца. Это уже доказано a posteriori ¹⁴. Он, по милости божией, весь написан. Только перебелить, да и пустить. А тут-то у тебя и хандра. Ты отвечаешь публике в припадке каприза: вот вам Цыганы; покупайте их! А публика, на зло тебе, не хочет их покупать и ждет Онегина, да Онегина. Теперь посмотрим, кто из вас кого переспорит. Деньги-то ведь у публики: так пристойнее, кажется, чтоб ты ей покорился, по крайней мере до тех пор, пока не набьешь своих карманов. Короче тебе скажу: твоих Цыганов ни один книгопродавец не берется купить: всякой отвечает, что у него их — дискать еще целая полка старых. Нуждаются только во второй главе Онегина, которая засела в Москве, а здесь ее все спрашивают. Итак, по получении сего письма, тотчас напиши в Москву, чтобы оттуда выслали все остальные экземпляры Онегина 2[-ой] главы в Петербург на имя Слёнина (мне самому не-когда ездить в почтамп для получения посылок), а ко мне только бы за известие написали в особом письме, сколько послали имянно экз. к Слёнину для верности моих с тобою счетов.

В последний раз умаливаю тебя переписать 4-ю главу Онегина, а буде разохотишься и 5-ю, чтобы не с тонинькою тетрадкою итти к Цензору. Если ты это сделаешь, то отвечаю тебе и за долги твои и за доходы на год; а если еще будешь отговариваться и софийствовать, то я предам тебя на произвол твоей враждующей судьбе. Вспомни, что никогда не бывает столь обильной книжной жатвы, как накануне ро[ждества] и нового года. А ты обеща[л] тогда прислать. Нет, т[оропись [?]] тебе пришло и отпечата[нные экз.] 3-ей, 4-ой и может быть, 5-ой главы Онегина с целым возом ассигнаций. Вообрази, что тебе надобно будет иметь уже капитал, когда ты и роман напишешь: иначе не на что будет его печатать. Это ведь не глава Онегина в два листика, где и в долг поверят бумагу, набор и печатание. Нет, потребуют все наличные денежки, а где нам их будет взять? У тебя и Годунов растет для печати. А из каких доходов мы его отпечатаем? По всему видно, что для разных творений твоих, бесприютных и сирых, один предназначен судьбою кормилец: Евгений Онегин. Очувствуйся: твое воображение никогда еще не создавало, да и не создаст, кажется, творения, которое бы такими простыми средствами двигало такую огромную [гору] [?] денег, как этот бесцен[ное золо]тое дно Онегин. Он [однако] [?] не должен выводить [из терп]ения публики своею ветренностию.

Барон очень хочет выпросить у тебя Стансы для Цветов.

¹⁴ на опыте.

349. Д. В. Давыдов — Пушкину. Конец сентября — первая половина октября 1827 г. Москва.

мне писал племянник мой Владимир Петрович Давыдов, который учится в Эдинбурге, что он часто видится с Валтером-Скоттом и часто бывает у него в деревне. Что Валтер-Скотт долго его обо мне расспрашивал и показывал ему портрет мой, находящийся у него в кабинете. Это весьма польстило моему самолюбию, и я написал Валтеру-Скотту благодарное письмо, на которое [в ответ он прислал виденное тобою его письмо] немедленно он отвечал. Сверх того он, — спустя несколько времени [он] прислал мне свой портрет с надписью [его руки]: Валтер Скотт, Денису Давыдову. Теперь я ему [пишу и на днях посылаю] пишу благодарное письмо за портрет, а между тем узнав, что он составляет себе кабинет разного оружия, [я] на днях посылаю ему курстанской дротик, черкесской лук и стрелы и кинжал. Вот вся история моего знакомства с Валтер-Скоттом.

353. П. А. Вяземский — Пушкину. 22 ноября 1827 г. Москва.

22-го ноября. Москва.

Получишь ты письмо мое от Малышева, хорошего мне приятеля и доброго человека. Полюби его, если можешь любить кого-нибудь, и дай ему стихов своих: он скажет тебе для чего. Ты, пострел, хотя раз рванул бы на меня с отъезда или плюнул из колодца семейной слюни. Пиши хотя к жене моей, ей в скуке уединения письмо твое будет лакомством. Она бедная была в большом страхе и горе: Павлуша лежал в кори, но теперь ему, слава богу, лучше. Вот ее адрес: в Пензе для доставления в Село Мещерское. А вместе и мой, потому что в конце месяца еду к ней. Отвечай мне туда. В конце января думаю быть у Вас. Что наш Современник пойдет ли со временем? У нас здесь Аксаков, глупейший из современников, с которым ничего писать нельзя. Он поступает с нами, как поступил с Филоктетом Лагарпа, то есть бьет лежачих. Ты счастлив, твой цензор дает тебе дышать и режет только Аббас-Мирзу в горах и жжет Ибрагима на море. Мне хочется иногда просить тебя подпустить в свой жемчуг мои буски для свободного пропуска. Я вчера обедал у дяди твоего: он умиленным и потеющим взором указывал нам на Маргариточку свою, играющую на фортепиано. Кстати! Часто ли обедаешь дома, то есть в недрах Авраама? Сделай милость, обедай чаще. Серг.[ей] Львов.[ич] верно в брата хлебосол и любит кормить. Родительскою хлеб-солью надобно дорожить. Извини мне, что даю тебе совет, но ты знаешь, как я люблю тебя.

Мой сердечный поклон и лобзание в руку Ольге Сергеевне. Жива ли наследственная шаль ее? А что делает *наша* друг? Ольга Сергеевна видно разбогатела: она хотела быть в переписке со мною, когда не имела денег для абонирования в библиотеке чтения, а ныне уже не добивается переписки со мною. Кланяйся от меня Дельвигу, Плетневу. Не стыдно ли тебе, пакостнику, обедать у Булгарина? Не лучше ли обедать в недрах Авраама?

Обнимаю тебя.

357. С. А. Соболевскому. Декабрь 1827 г. (?) Петербург.

Если бы ты просто написал мне, приехав в Москву, что ты не можешь прислать мне 2-ю главу, то я без хлопот ее бы перепечатал. Но ты всё обещал, обещал — и благодаря тебя во всех книжных лавках продажа 1-ой и 3-й гл. остановилась. Покорно благодарю. —

Что из этого следует?

Что ты безалаберный.

Что ты Ольдекопничаешь и Воейковствуешь, перепечатывая нас образцовых Великих людей — Мерзлякова, двух Пушкиных, Великопольского, Подолинского, Полевого и проч.

Хорош!

Адрес: Соболевскому.

П Е Р Е П И С К А 1828

359. П. А. Осиповой. 24 января 1828 г. Петербург.

Мне ужасно совестно, сударыня, что я так долго не писал вам: я едва осмеливаюсь взяться за перо; и сейчас мне еще придают смелости лишь воспоминание о вашей дружбе, которое вечно будет для меня сладостным, и уверенность в вашей снисходительной доброте. Дельвиг, который покидает свои Цветы ради дипломатических терний, расскажет вам о нашей жизни в Петербурге. Жизнь эта, признаться, довольно пустая, и я горю желанием так или иначе изменить ее. Не знаю, приеду ли я еще в [Михайловское]. Однако, мне бы хотелось этого. Признаюсь, сударыня, шум и сутолока Петербурга мне стали совершенно чужды — я с трудом переношу их. Я предпочитаю ваш чудный сад и прелестные берега Сороти. Вы видите, сударыня, что, несмотря на отвратительную прозу нынешнего моего существования, у меня всё же сохранились поэтические вкусы. Правда, мудрено писать вам и не быть поэтом.

Примите, сударыня, уверение в моем уважении и совершенной преданности. От всего сердца приветствую всё ваше милое семейство. Довольна ли м-ль Евпраксия своим пребыванием в Торжке? И много ли она одерживает там побед?

24 января.

А. П.

Госпоже Осиповой.

363. А. А. Дельвиг — Пушкину. Около (не позднее) 18 февраля 1828 г. Харьков.

Ваше Поэтическое высокопревосходительство, честь имею донести вам, что я уже 10 дней нахожусь в г. Харькове. Где непрестаю говорить об вас с г.г. профессорами, судьящими о[б] вас по рекомендации Фадея Венедиктовича. Наприм. слышал я от них, что вышепомянутая персона ставит Цыганов выше всех произведений европейских муз. Горько мне было молчать, но подумав, что великие тени Гомера, Данте и Шекспира сами могут за себя говорить, оставил я намерение возражать противу сего афоризма. При том же помыслил: да будет Булгарин пророком хотя во граде Харькове и да скажет он, услыша, как здесь верят в слова его: „веры такой и в Израиле не обретох“. — Проезжая первопрестольный град Москву, ходил я на поклонение к поклоняемому и славимому Ивану Ивановичу Дмитриеву и приложился к мощам преподобного дядюшки вашего. Почтенные братья князь Петр и Евгений представили меня всей низшей братии московской. Видел я поющих, вопиющих, взывающих и глаголющих. Шевырев пел, вопиял и взывал, но не глаголил; гнев противу Северной Пчелы носил его на крилиях ветра, он не касался до земли, разве изредка носками сапожными. Раич благоухал анисовою водкою и походил на отпущенника или на домового пииту. Хвалился милостию Вашею и проч. Благослови, святой Александр, брата младшего твоего Антония и посети будущие Северные Цветы его духом животворящим, яко же посещал их прежде. Здравие и долгоденствие желает тебе, брат любезнейший,

твой Дельвиг и супруга его — София.

Адрес: Его высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлицеву. В С.Петербурге. На Владимирской улице, в доме Кувшинникова. Доставьте А. С. Пушкину.

[Приписка другой рукой:] М.[алой] Морской д. Колержи в трактир Париж.

366. Е. А. Баратынский — Пушкину. Конец февраля — начало марта 1828 г. Москва.

Вышли у нас еще две песни Онегина. Каждый о них толкует по своему: одни хвалят, другие бранят и все читают. Я очень люблю обширный план твоего Онегина; но большее число его не понимает. Ищут романической завязки, ищут обыкновенного и разумеется не находят. Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностию вымысла, они не замечают, что старая и

новая Россия, жизнь во всех ее изменениях проходит перед их глазами, mais que le diable les emporte et que Dieu les bnisse ¹⁵! Я думаю, что у нас в России поэт только в первых незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большою обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его всё-таки не проза. Не принимай на свой счет этих размышлений: они общие. Портрет твой в Северных Цветах чрезвычайно похож и прекрасно гравирован. Дельвиг дал мне особый оттиск. Он висит теперь у меня в кабинете, в благопристойном окладе. Василий Львович пишет романтическую поэму. Спроси о ней у Вяземского. Это совершенно балладическое произведение. Василий Львович представляется мне Парнасским Громобоем, отдавшим душу свою романтическому бесу. Нельзя ли пародировать балладу Жуковского? Между тем прощай, милый Пушкин! Пожалуйста, не поминай меня лихом.

367. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 5 марта 1828 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Государь император изволил повелеть мне объявить Вам, милостивый государь, что он с большим удовольствием читал Шестую главу Евгения Онегина.

Что же касается до стихотворения Вашего, под заглавием: „Друзьям“, то его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано.

Препровождая при сем рукописи сих двух сочинений, из коих первая скреплена надлежащим образом в III Отделении собственной его императорского величества канцелярии, имею честь быть с совершенным почтением и искреннею преданностию,

милостивый государь, ваш покорнейшей слуга А. Бенкендорф.

№ 945. 5 марта 1828. Его высокоблагородию А. С. Пушкину.

368. А. Х. Бенкендорфу. 5 марта 1828 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Христофорович

Позвольте мне принести Вашему превосходительству чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить.

Снисходительное одобрение государя императора есть лестнейшая для меня награда, и почитаю за счастье обязанность мою следовать высочайшему его соизволению.

С чувством глубочайшего почитания и сердечной преданности, честь имею быть милостивый государь Вашего превосходительства покорнейший слуга Александр Пушкин.

5 марта 1828. С. П. Б.

Осмеливаюсь беспокоить Вас покорнейшей просьбою: лично узнать от Вашего превосходительства будущее мое назначение.

372. И. Е. Великопольскому. Конец марта 1828 г. Петербург.

Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не мог согласиться.

Глава Онегина вторая

Съезжала скромно на тузе.

9 и ваше примечание — конечно личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочие очень милы. Мне кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда ли? По крайней мере отзывается чем-то горьким ваше последнее стихотворение. Неужели вы захотите со мною

¹⁵ но пусть их чорт возьмет и благословит Бог!

поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в 8-ю гл.[аву] Онегина? НВ. Я не проигрывал 2-й главы, а ее экземплярами заплатил свой долг, так точно как вы заплатили мне свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедии. Что если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что я не потерял вашего дружества и что мы при первом свидании мирно примемся за карты и за стихи.

Простите.

Весь ваш А. П.

Адрес: Евгению Абрамовичу Баратынскому, в Чернышевском переулке, в доме Энгельгарда, в Москве. Пр.[ошу] дост.[авить] И. Е. Великопольскому .

373. М. Риччи — Пушкину. Март — первая половина апреля 1828 г. Москва.

С некоторых пор, любезный г-н Пушкин, я пристрастился к одному из бичей писателей, по словам Байрона, — к переводу. Ваш великий талант не мог ускользнуть от меня, — и вот, я посылаю вам небольшой образец того, как я вас коверкаю.

Напишите мне свое мнение о нем, и если вы найдете, что я более верен, чем вы бываете в любви, будьте добры назвать мне ваши сочинения или отрывки из них, которые вы хотели бы видеть переведенными на наш язык. Вы вызовете во мне полнейшее восхищение, если пришлете мне несколько отрывков из „Бориса Годунова“, которые я никому не покажу. Княгиня Зинаида послала г-ну Козлову переведенную мною оду Державина. Вы доставили бы мне большое удовольствие, просмотрев ее и высказав о ней свое мнение без любезных фраз. Мой издатель — всё та же княгиня Зинаида — непременно хочет ознакомить вас с двумя моими собственными стихотворениями, которые получит от нее князь Оболенский. Если Онегин-Баян-Пушкин оторвется для меня на минуту от своего *dolce far niente* сладостного ничегонеделанья.

(которое не мешает ему делать очень многое) — я буду ему весьма благодарен.

Преданный вам Риччи.

Il Genio Malefico.
Nei di che nuovi eran per me beato
De l'esistenza i moti, e il dolce incanto
D'un guardo, e della selva il fremer grato,
De l'usignuolo ed il notturno canto;
Allor quando i sublimi sentimenti,
La liberta, la gloria, l'amore,
E de l'arti gli ispiratori accenti
Fluire il sangue fean con tanto ardore;
L'ore de la speranza, e del diletto
D'angoscioso oscurando e pronto allarme,
Allor tal genio di malizia infetto
Occultamente diessi a visitarme.
Fu il nostro incontro ognor tristo ed acerbo;
L'amaro suo sorriso, e lo suo fosco,
E strano sguardo, il velenoso verbo
[Mi versavan nel sen] Versavanmi nel cuor gelido tSCO.
D'inesausta calunnia traboccante
La providenza lo suo ardir tentava;
Illusion lo di belta brillante
Era per el; l'inspirazion spregiava.
Ad amor non credeva, a libertate;
Su la vita volgea maligni i rai;
E di natura ne l'immensitate
Ei nulla benedicer volle mai.

375. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 20 апреля 1823 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Я докладывал государю императору о желании Вашем, милостивый государь, участвовать в начинающихся против турок военных действиях; его императорское величество, приняв весьма благосклонно готовность Вашу быть полезным в службе его, высочайше повелеть мне изволил уведомить Вас, что он не может Вас определить в армии, поелику все места в оной заняты и ежедневно случаются отказы на просьбы желающих определиться в оной; но что он не забудет Вас и воспользуется первым случаем, чтобы употребить отличные Ваши дарования в пользу отечества.—

Сообщая Вам, милостивый государь, сие высочайшее решение, имею честь быть с совершенным почтением и искреннею преданностию,

милостивый государь, покорнейшей слуга А. Бенкендорф.

№ 1603. 20. Апреля 1828. Его высокоблагор[оди]ю А. С. Пушкину etc. etc.

376. А. Х. Бенкендорфу. 21 апреля 1828 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Христофорович

Искренне сожалея, что желания мои не могли быть исполнены, с благоговением приемлю решение государя императора и приношу сердечную благодарность Вашему превосходительству за снисходительное Ваше обо мне ходатайство.

Так как следующие 6 или 7 месяцев остаюсь я вероятно в бездействии, то желал бы я провести сие время в Париже, что, может быть, в последствии мне уже не удастся. Если Ваше превосходительство соизволите мне испросить от государя сие драгоценное дозволение, то вы мне сделаете новое, истинное благодеяние.

Пользуюсь сим последним случаем, дабы испросить от Вашего превосходительства подтверждения данного мне Вами на словах позволения: вновь издать раз уже напечатанные стихотворения мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному Вашему ходатайству, с глубочайшим почтением, совершенной преданностию и сердечной благодарностию, честь имею быть

милостивый государь Вашего превосходительства всепокорнейший слуга. Александр Пушкин.

С. П. б. 1828 21 апреля.

379. П. А. Вяземский — Пушкину и А. А. Оленину. 21 мая 1828 г. Петербург.

Да будет известно честным господам, что я завтра еду в Царское Село и предлагаю в четверг вечером, или в пятницу в обеденное время, или в ужинное, составить прощальный пикник, где, как и у кого угодно. Вот предлагаемые или лучше сказать предполагаемые собеседники:

Алексей Оленин, Грибоедов, Киселев, Пушкин, К.[нязь] Сергей Голицын, Шиллинг, Мицкевич.

Если проект мой будет одобрен честными господами, то приглашаю их приступить к принятию потребных мер в отношении личных, местных и съестных, а тем паче питейных. Я за ранее даю на всё свое согласие. В четверг явлюсь за ответом.

383. В. К. Кюхельбекер — Пушкину и А. С. Грибоедову. 10 июля 1828 г. Динабург.

Любезные друзья и братья,

поэты Александры,

Пишу к Вам вместе: с тем, чтобы вас друг другу сосводничать. — Я здоров и, благодаря подарку матери моей — Природы, легкомыслию, не несчастлив. Живу du jour au jour, пишу. — Пересылаю вам некоторые безделки, сочиненные мною в Шлюссельбурге. Свидания с тобою, Пушкин, век не забуду. — Получил ли Грибоедов мои волоса? Если желаешь, друг, прочесть отрывки из моей поэмы, пиши к С. Бегичеву: я на днях переслал ему их несколько. Простите! Целую вас.

386. А. Х. Бенкендорфу. Вторая половина (не ранее 17) августа 1828 г. Петербург.

В следствии высочайш[его] [повеления] г.[осподин] обер-пол[ицеймейстер] требовал от меня подписки в том, что я впредь без предвар.[ительной]обычной цензуры [Я дал оную] повинуюсь священной для меня воле; тем не менее прискорбна мне сия мера. Госуд.[арь] имп.[ератор] в минуту для меня незаб[венную] изволил освободить меня от цензуры, я дал честн[ое] слово государю, которому изменить я не могу, не говоря уж о чести дворянина, но и по глубокой, искренней моей привязанности к царю и человеку. Требование полицейской подписки унижает меня в собств.[енных] мо[их] глазах, и я твердо чувствую, [что] того не заслуживаю, и дал бы и в том честное мое слово, если б я смел еще надеяться, что оно имеет свою цену. Что касается до ценз.[уры], если госуд.[арю] имп.[ератору] угодно уничтожить милость мне оказанную, то, с горестью приемля знак царственного гнева, прошу В.[аше] превосход.[ительство] разрешить мне, как надлежит мне впредь п[оступить] с моими сочинениями, которые, как вам известно, составляют одно мое имущество.

Надеюсь, что Ваше [превосходительство] поймете и не примите в худую сторону смелость, с которою [решаюсь][?] объяснить. Она знак искренн[его] уважения человека, который [чувствует себя]

387. П. А. Вяземскому. 1 сентября 1828 г. Петербург.

Благодарствуй за письмо — оно застало меня посреди хлопот и неприятностей всякого рода.

Успокоился ли ты? Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом

А в ненастные дни собирались они часто.

Гнули, [-] их [-]! от 50-ти на 100.

И выигрывали и отписывали мелом.

Так в ненастные дни занимались они делом.

Но теперь мы все разбрелись. Киселев, говорят, уже в армии; Junior в деревне; Голицын возится с Глинкою и учреждает родственно-аристократические праздники. Я пустился в свет, потому что бесприютен. Если б не [Закревс[кая]] твоя медная Венера, то я бы с тоски умер. Но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня в свои сводники, (к чему влекли меня и всегдашняя склонность и нынешнее состоянье моего Благонамеренного, о коем можно сказать то же, что было сказано о его печатном тезке: ей ей ¹⁶ намерение благое, да исполнение плохое).

Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее,

Прямо, прямо на восток.

Мне навязалась [новая[?]] п[...][?] на шею преглупая шутка. До прав.[ительства] дошла наконец Гавриилиада; приписывают ее мне; донесли на меня, и я вероятно отвечу за чужие проказы, если кн. Дм.[итрий] Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами. Всё это не весело, но критика кн. Павла веселит меня, как прелестный цвет, обещающий со временем плоды. Попроси его переслать мне свои замечания; я буду на них отвечать непременно. Благодарю тебя умом и сердцем, т. е. вкусом и самолюбием — за портрет Пел.[агеи] Ник.[олаевны]. Стихов ей не шлю, ибо на такой дистанции не стреляют даже и турки. Перед княгиней Верой не смею поднять очей; однакож вопрошаю, что думает она о происшедствиях в Од.[ессе] (Рае[вский]и гр.[афиня] В.[оронцова]).

Addio, idol mio ¹⁷ — пиши мне всё в П.[етер]Б.[ург] — пока —

1 сент.

¹⁶ ей ей вписано.

¹⁷ Прощай, кумир мой.

П Е Р Е П И С К А 1829

401. П. А. Вяземскому. Около 25 января 1829 г. Петербург.

Уехал ли ты из Москвы? не думаю — на всякой случай пишу тебе в Пензу, где ты когда-нибудь да прочтешь мое послание. Был я у Жуковского. Он принимает в тебе живое, горячее участие. Арзамаское — не придворное. Он было хотел, получив первое известие от тебя, прямо отнестись письмом к г.[осударю], но раздумал, и кажется прав. Мнения, слова Ж.[уковского] должны иметь большой вес, но для искоренения неприязненных предубеждений нужны объяснения и доказательства — и тем лучше, ибо кн.[язь] Д.[митрий] может представить те и другие. Ж.[уковский] сказывал мне о совете своем отнестись к Б.[енкендорфу]. А я знаю, что это будет для тебя неприятно и тяжело. Он конечно перед тобою не прав; на его чреде не должно обращать внимания на полицейские сплетни и еще менее с укоризною давать знать об них людям, которых они касаются. Но так как в сущности это честный и достойный человек, слишком беспечный для того, чтобы быть злопамятным, и слишком благородный, чтобы стараться повредить тебе, не допускай в себе враждебных чувств и постарайся поговорить с ним откровенно. Сделай милость, забудь выражение *развратное его поведение*, оно просто ничего не значит. Ж.[уковский] со смехом говорил, что говорят, будто бы ты пьяный был у девок, и утверждает, что наша поездка к бабочке-Филимонову, в неблагопристойную Коломну, подала повод этому упреку. Филимонов конечно [-], а его бабочка конечно рублевая, парнасская Варюшка, в которую и жаль и гадко что-нибудь нашего всунуть. Впрочем если б ты вошел и в неметафорической [-]. Всё ж не беда.

*Я захожу в ваш милый дом,
Как вольнодумец в храм заходит.*

Правительство не дама, не *Princesse Moustache*¹⁸: прюдничать ему не пристало. Аминь, поговорим о другом. Я в П.[етер]Б.[урге] с неделю, не больше. Нашел здесь всё общество в волнении удивительном. Веселятся до упаду и в стойку, т. е. на раутах, которые входят здесь в большую моду. Давно бы нам догадаться: мы сотворены для раутов, ибо в них не нужно ни ума, ни веселости, ни общего разговора, ни политики, ни литературы. Ходишь по ногам как по ковру, извиняешься — вот уже и замена разговору. С моей стороны, я от роутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды. (Дай Бог ей ни дна ни покрышки; т. е. ни Италии, ни графа Риччи!) Я не читал еще журналов. Говорят, что Булгарин тебя хвалит. В какую-то силу? — Читал *Цветы*? Каково море Жуковского — и каков его Гомер, за которого сердится Гнедич, как откупщик на контра-банду. Прощай, нет ни времени ни места.

408. И. М. Снегиреву. 9 апреля 1829 г. Москва.

Милостивый государь Иван Михайлович

Сделайте одолжение объяснить, на каком основании не пропускаете вы мною доставленное замечание в М.[осковский] Телеграф? Мне необходимо, чтоб оно было напечатано, и я принужден буду в случае отказа отнестись к высшему начальству вместе с жалобой на пристрастие не ведаю к кому.

Поручаю себя в ваше благорасположение и прошу принять уверения в искреннем моем уважении и преданности.

А. Пушкин.

411. П. Я. Чаадаев — Пушкину. Март — апрель 1829 г. Москва.

Мое самое ревностное желание, друг мой, — видеть вас посвященным в тайны века. Нет в мире духовном зрелища более прискорбного, чем гений, не понявший своего века и своего призвания. Когда

¹⁸ Усатая княгиня.

видишь, что человек, который должен господствовать над умами, склоняется перед мнением толпы, чувствуешь, что сам останавливаешься в пути. Спрашиваешь себя: почему человек, который должен указывать мне путь, мешает мне идти вперед? Право, это случается со мной всякий раз, когда я думаю о вас, а думаю я о вас так часто, что устал от этого. Дайте же мне возможность идти вперед, прошу вас. Если у вас нехватает терпения следить за всем, что творится на свете, углубитесь в самого себя и в своем внутреннем мире найдите свет, который безусловно кроется во всех душах, подобных вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России. Не измените своему предназначению, друг мой. С некоторых пор русских читают повсюду; вам известно, что был переведен г-н Булгарин и помещен вслед за г-ном де-Жуи; о вас же речь идет в каждом выпуске Обозрения; в одной толстой книге почтительно упоминается имя моего приятеля Гульянова, а знаменитый Клапрот присуждает ему египетский венок; мне, право, кажется, что он поколебал основания пирамид. Представьте же себе, какой славы можете добиться вы. Обратитесь с призывом к небу, — оно откликнется.

Как видите, я говорю всё это по случаю посылаемой вам книги. Так как в ней — обо всем понемногу, то, может быть, она наведет вас на удачные мысли. Прощайте, друг мой. Скажу вам, как Магомет говорил своим арабам — ах, если б вы знали!

Господину Пушкину

413. Н. И. Гончаровой. 1 мая 1829 г. Москва.

На коленях, проливая слезы благодарности, должен был бы я писать вам теперь, после того как граф Толстой передал мне ваш ответ: этот ответ — не отказ, вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я всё еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь; мне понятна осторожность и нежная заботливость матери! — Но извините нетерпение сердца больного и опьяненного [?] счастьем. Я сейчас уезжаю и в глубине своей души увожу образ небесного существа, обязанного вам жизнью. — Если у вас есть для меня какие-либо приказания, благоволите обратиться к графу Толстому, он передаст их мне.

Удостоьте, милостивая государыня, принять дань моего глубокого уважения.

Пушкин.

1 мая 1829.

423. О. М. Сомову. Первая половина декабря 1829 г. Петербург.

Отрывок из Евг.[ения] Онег.[ина] глава VIII. Пришлите мне назад листик этот.

П Е Р Е П И С К А 1830

427. Н. И. Гнедич — Пушкину. 6 января 1830 г. Петербург.

Любезный Пушкин! Сердце мое полно; а я один: прими его изливание. Не знаю, кем написаны во 2-м номере Лит.[ературной] Газеты несколько строк об Илиаде; но едва ли целое похвальное слово, в величину с Плиниеву Траяну, так бы тронуло меня, как эти несколько строк! Едва ли мне в жизни случится читать что-либо о моем труде, кое [?] было бы сказано так благородно, и было бы мне так утешительно и сладко! Это лучше царских перстней. Обнимаю тебя. — Не ешь ли ты сегодня у Андрие пирога с бобом?

Твой Н. Гнедич.

Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

428. Н. И. Гнедичу. 6 января 1830 г. Петербург.

Я радуюсь, я счастлив, что несколько строк, робко наброшенных мною в Газете, могли тронуть вас до такой степени. Незнание греческого языка мешает мне приступить к полному разбору Илиады вашей. Он не нужен для вашей славы, но был бы нужен для России. Обнимаю Вас от сердца. Если вы будете у Andrieux, то я туда загляну. Увижусь с Вами прежде.

Весь ваш Пушкин.

Адрес: Его высочайшему милостивому государю Николаю Ивановичу Гнедичу

430. М. Н. Загоскину. 11 января 1830 г. Петербург.

Милостивый государь Михайло Николаевич,

Прерываю увлекательное чтение Вашего романа, чтоб сердечно поблагодарить Вас за присылку Юрия Милославского, лестный знак Вашего ко мне благорасположения. Поздравляю Вас с успехом полным и заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи. Все читают его. Жуковский провел за ним целую ночь. Дамы от него в восхищении. В Лит.[ературной] Газете будет о нем статья Погорельского. Если в ней не всё будет высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай бог Вам многие лета — т. е. дай бог нам многие романы.

С искренним уважением и преданностью, честь имею быть Вашим покорнейшим слугою

А. Пушкин.

11 января 183 °С. П. Б.

434. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 21 января 1830 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Возвращая при сем два рукописные экземпляра Комедии Вашей о царе Борисе, покорнейше прошу Вас, м.[илостивый] г.[осударь], переменить в оной еще некоторые, слишком тривиальные места; тогда я вменю себе в приятнейшую обязанность снова представить сие стихотворение государю императору.

С истинным почтением и преданностью, имею честь быть милостивый государь покорнейший слуга А. Бенкендорф.

436. П. А. Вяземский — Пушкину. 15–25 января 1830 г. Москва.

Дельвиг просил меня написать статью о московских журналах. Вот она. Кажется, слишком растянута: перетяни ее как хочешь, выкинь частности, одним словом делай что хочешь.

Вчера ночью возвращались мы с Болховским с бала, говорил он о романах В.[альтер]-Скотта, бранил их: вот романы, прибавил он, les liaisons dangereuses, Faublas, это дело другое: читая их так и глотаешь дух их, глотаешь редакцию. —

Хорошо. Доволен ли? Захотел, поблагодари же меня.

Стихи Хвостова выписаны из издания 1813-го года. Есть издание старшее 1807. Справьтесь: не лучше ли там стихи?

Ты прелестно проглотил *Редакцию Вестника Европы*. Мы с Дмитриевым читали твой отрывок и радовались.

Бумага Литтературной Газеты очень дурна. Зачем не поместить хорошей рецензии иностранной на какую-нибудь новую замечательную книгу? Статья *Смесь* во 2-м листе ужасно слаба. — Возьмите у Жуковского писем Александра Тургенева и напечатайте извлечениями.

438. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 28 января 1830 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Государь император заметить изволил, что Вы находились на бале у французского посла во фраке, между тем как все прочие приглашенные в сие общество были в мундирах. Как же всему дворянскому сословию присвоен мундир тех губерний, в коих они имеют поместья, или откуда родом, то его величество полагать изволит приличнее русскому дворянину являться в сем наряде в подобные собрания.

Извещая о сем Вас, имею честь быть с совершенным почтением и преданностию, милостивый государь, ваш покорнейшей слуга А. Бенкендорф

№ 377. 28. Январь 1830. Его б[лагоро]дию А. С. Пушкину.

439. П. А. Вяземскому. Конец января 1830 г. Петербург.

Высылай ко мне скорее Дельвига, если ты сам не едешь. Скучно издавать Газету одному с помощью Ореста, несносного друга и товарища. Все Оресты и Пилалы на одно лицо. Очень благодарю тебя за твою прозу — подавай ее поболее. Ты бранишь Милославского, я его похвалил. Где гроза, тут и милость. Конечно в нем многого недостает, но многое и есть: живость, веселость, чего Булгарину и во сне не приснится. Как ты находишь Полевого? Чтение его Истории заменило Жуковскому чтение Муравьева статс-секретаря. Но критика Погодина ни на что не похожа. Как бы Каченовского взбесить? сравним их с Полевым.

Правда ли, что моя Гончарова выходит за Архивного Мещерского? Что делает Ушакова, моя же? Я собираюсь в Москву — как бы не разъехаться. Я напечатал твое к *Ним* противу воли Жуковского. Конечно я бы не допустил к печати ничего слишком горького, слишком озлобленного. Но элегическую [-]-[-] позволено сказать, когда не в терпез приходится благородному человеку. Кланяюсь всем твоим и грозному моему критику Павлуше. Я было написал на него ругательскую Антикритику, слогом Галатеи — взяв в эпиграф *Павлуша медный лоб приличное названье!* собирался ему послать, не знаю куда дел.

441. К. А. Собаньской. 2 февраля 1830 г. Петербург. (Черновое)

Сегодня 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни.

Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами — всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться. Рано или поздно мне придется всё бросить и пасть к вашим ногам. Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму [?]. Там смогу я совершать паломничества, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, мельком вас видеть...

442. К. А. Собаньская — Пушкину. 2 февраля 1830 г. Петербург.

В прошлый раз я забыла, что отложила до воскресенья удовольствие видеть вас. Я упустила из виду, что должна буду начать этот день с мессы, а затем мне придется заняться визитами и деловыми разъездами. Я в отчаянии, так как это задержит до завтрашнего вечера удовольствие вас видеть и послушать вас. Надеюсь, что вы не забудете о вечере в понедельник и не будете слишком досадовать на мою докучливость, во внимание ко всему тому восхищению, которое я к вам чувствую.

К. С.

Господину Александру Пушкину.

Воскресенье утром.

443. К. А. Собаньской. 2 февраля 1830 г. Петербург. (Черновое)

Вы смеетесь над моим нетерпением, вам как будто доставляет удовольствие обманывать мои ожидания, итак я увижу вас только завтра — пусть так. Между тем я могу думать только о вас.

Хотя видеть и слышать вас составляет для меня счастье, я предпочитаю не говорить, а писать вам. В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние. Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки. Вы — демон, то есть тот, кто сомневается и отрицает, как говорится в Писании.

В последний раз вы говорили о прошлом жестоко. Вы сказали мне то, чему я старался не верить — в течение целых 7 лет. Зачем?

Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною. Не говорите же мне больше о нем, ради Христа. — В угрызаниях совести, если бы я мог испытать их, — в угрызаниях совести было бы какое-то наслаждение — а подобного рода сожаление вызывает в душе лишь яростные и богохульные мысли.

Дорогая Элленора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных [?] лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть. — Дорогая Элленора, вы знаете, я испытал на себе всё ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал всё, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и всё, что есть в нем самого ошеломляющего. От всего этого у меня осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя, — и немного робости, которую я не могу побороть.

Я прекрасно знаю, что вы подумаете, если когда-нибудь это прочтете — как он неловок — он стыдится прошлого — вот и всё. Он заслуживает, чтобы я снова посмеялась над ним. Он полон самомнения, как его повелитель — Сатана. Неправда ли?

Однако, взявшись за перо, я хотел о чем-то просить вас — уж не помню о чем — ах, да — о дружбе. Эта просьба очень банальная, очень... Это как если бы нищий попросил хлеба — но дело в том, что мне необходима ваша близость.

А вы, между тем, по-прежнему прекрасны, так же, как и в день переправы или же на крестинах, когда ваши пальцы коснулись моего лба. Это прикосновение я чувствую до сих пор — прохладное, влажное. Оно обратило меня в католика. — Но вы увянете; эта красота когда-нибудь покатится вниз как лавина. Ваша душа некоторое время еще продержится среди стольких опавших прелестей — а затем исчезнет, и никогда, быть может, моя душа, ее боязливая рабыня, не встретит ее в беспредельной вечности.

Но что такое душа? У нее нет ни взора, ни мелодии — мелодия быть может...

445. М. О. Суденке. 12 февраля 1830 г. Петербург.

Ты написал мне, милый Суденко, до такой степени церемонное письмо, что я совершенно им огорошен. Эти 4000 ждали тебя в запечатанном конверте с июля месяца; но я потерял адрес твоего

поверенного, а твоего адреса у меня не было. Месяц тому назад г-н Лерх пришел за этими деньгами и немедленно получил их. Я хотел переслать тебе оставленную им расписку, но не знаю, куда дел ее. Еще раз извини и прими мою благодарность за то, что имел любезность так долго ждать.

На днях я уезжаю из Петербурга; лето, вероятно, проведу в деревне. Быть-может заеду и в ваши края. Ты разрешишь мне, надеюсь, постучаться в твою дверь? Если до тех пор захочешь мне написать, адресуй письма [...]. Addio, a rivederla. Прощай, до свидания.

Адрес: Его высокоородию милостивому государю, Михаилу Осиповичу Суденке, в Стародуб, в Черниговской губернии.

447. Ф. Н. Глинка — Пушкину. 17 февраля 1830 г. Петрозаводск.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Прочитав с большим наслаждением (в Лит.[ературной] Газ.[ете]) отрывок из путевых записок Ваших, я заключил, что вы должны уже находиться в столице, и не мог отказать желанию написать к вам несколько строк. Из глубины Карельских пустынь, я посылая вам (через б.[арона] Дельвига) усердные поклоны. Часто, часто (живя только воспоминанием) припоминал я то приятнейшее время, когда пользовался удовольствием личных с вами свиданий, вашею беседою и, как мне казалось, приязнию вашею, для меня драгоценною. И без вас мы, любящие вас, были с вами. В пиитическом уголке любезного П. А. Плетнева, мы часто, и с любовью, об вас говорили, радовались возрастающей славе вашей и слушали *живое* стереотипное издание творений ваших — вашего любезного братца Льва Сергеевича. Он прочитывал, от доски до доски, целые поэмы ваши наизусть с величайшею легкостью и с сохранением всех оттенков чувства и пиитических красот.

Так было до того рокового часа, как всеобщий переворот в гражданской судьбе моей умчал и погрузил меня в дремучие леса Карелии, времени моего здесь пребывания провел я в ближайшем сотовариществе с двумя молодыми медведями, моими воспитанниками. Далее, ознакомясь с делами и лицами, по обязанностям службы, стал ближе к людям. У меня есть ваш портрет. Только жаль, что вы в нем представлены с какою-то пасмурностию: нет той веселости, которую я помню в лице вашем. Ужели это следствие печалей жизни? — В таком случае, молю жизнь, чтобы она, заняв всё лучшее у Муз и Славы, утешала [бы] вас с таким же усердием, с каким я читаю ваши пленительные стихи. —

Приемлю смелость (хотя и трудно на это отважиться!) препроводить к Вам мою *Карелию*, — произведение лесное и горно-каменное. Наши критики читают глазами то, что написано от души. Но вы, которому далась и природа внешняя, со всем великолепием своего разнообразия, и природа внутренняя человека с ее священной таинственностью, вы, может быть, заметите в Карелии чувствования, незаметные другим или другим[и] пренебрегаемые.

Примите же благосклонно мою лесную сироту и верьте искренней преданности и совершенному почитанию, с коими имеет честь быть, милостивый государь!

ваш покор[нейший] слуга Ф. Глинка старший советник Олонецкого губернского правления!

Р. С. Филимонов, из Архангельска, прислал мне свой: „Дурацкий Колпак“ и прекрасные стихи ваши к нему.

1830-го февраля 17-го. Г. Петро-Заводск.

Адрес: Его высокоблагородию, милостивому государю, Александру Сергеевичу, Пушкину!

В собственные руки с препровождением книжки.

В С-т Петербурге.

448. Ф. В. Булгарин — Пушкину. 18 февраля 1830 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

С величайшим удивлением услышал я от Олина, будто вы говорите, что я ограбил вашу трагедию Борис Годунов, переложил ваши стихи в прозу, и взял из вашей трагедии сцены для моего романа! Александр Сергеевич! Поберегите свою славу! Можно ли взводить на меня такие небылицы? Я не

читал вашей трагедии кроме отрывков печатных, а слышал только о ее составе от читавших, и от вас. В главном, в характере и в действии, сколько могу судить по слышанному, у нас совершенная *противоположность*. Говорят, что вы хотите напечатать в Литер.[атурной] Газете, что я *обокрал вашу трагедию!* Что скажет публика? Вы должны будете доказывать. Но признаюсь, мне хочется верить, что Олину приснилось это! Прочтите сперва роман, а после скажите! Он вам послан другим путем. Для меня непостижимо, чтоб в литературе можно было дойти до такой степени! Неужели, обрабатывая один (т. е. по именам только) предмет, надобно непременно *красть* у другого? У кого я что выкрал? Как мог я красть по наслышке? — Но я утешаю себя одним, что Олин говорит на обум. Не могу и не хочу верить, чтоб вы это могли думать, для чести вашей и литературы. Я составил себе такое понятие об вас, что эту весть причисляю к сказкам и извещаю вас, как о слухе, вредном для вашей репутации.

С истинным уважением и любовью есмь

ваш навеки

Ф. Булгарин.

18. Февраля 183 °Спб.

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину etc.

450. П. А. Вяземскому. 14 марта 1830 г. Москва.

Третьего дня приехал я в Москву и прямо из кибитки попал в концерт, где находилась вся Москва. Первые лица, попавшиеся мне на встречу, были Н. Гончарова и княгиня Вера; а вслед за ними братья Полевые. Приезд государев сделал большое впечатление. Арестованные были призваны к Бенкендорфу, который от имени царя и при Волкове и Шульгине объявил, что всё произошло от неразумения, что государь очень обо всем этом жалеет, что виноват Шульгин etc. Волков прибавил, что он радуется оправданию своему пред Московским дворянством, что ему остается испросить прощения, или лучше примирения, графини Потемкиной — и таким образом всё кончено и все довольны.

Княгиня Вера очень мило и очень умно говорила о тебе Бенкендорфу. Он извинялся перед Потемкиной: Quant M-de Карцов tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantait... А жена твоя: Vous eussiez pu remarquer, Gnral, qu'elle chantait faux. Отселе изъяснения. Puisque nous sommes sur le pied de la franchise, vous me permettrez, Gnral, de vous rpter la demande de la C-sse Potemkine: la rhabilitation de mon mari. — Он сказал ей, что недоволен твоим меморием. Я не читал его: что такое? Ты жалеешь о том, что тебя не было в Москве — а я так нет. Знаешь разницу между пушкой и единорогом? Пушка сама по себе, а единорог сам по себе. Потемкин и Сибелев сами по себе, а ты сам по себе. Не должно смешивать эти два дела. Здесь ты бы был конечно включен в общую амнистию, но ты достоин и должен требовать особенного оправдания — а не при сей верной оказии. Но это всё безделица, а вот что важно: Киселев женится на Л.[изавете] Ушаковой, и Катерина говорит, что они счастливы до гадости. Вчера обедал я у Дмитриева с Жихаревым. Дмитриев сердит на Полевого и на цензора Глинку; я не теряю надежды затащить его в полемику. Дай срок. Прощай, помяни меня на вечере у Катерине Андреевне и пиши мне к Копу.

14 марта.

452. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 17 марта 1830 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич.

К крайнему моему удивлению, услышал я, по возвращении моем в Петербург, что Вы внезапно рассудили уехать в Москву, не предвара меня, согласно с сделанным между нами условием, о сей вашей поездке. Поступок сей принуждает меня Вас просить о уведомлении меня, какие причины могли Вас заставить изменить данному мне слову? Мне весьма приятно будет, если причины Вас побудившие к сему поступку будут довольно уважительны, чтобы извинить оный, но я вмещаю себя в

обязанность Вас предупредить, что все неприятности, коим Вы можете подвергнуться, должны Вам[и] быть приписаны собственному вашему поведению.

С совершенным почтением имею честь быть м.[илостивый] г.[осударь] Ваш покорнейший слуга А. Бенкендорф.

№ 993. 17 марта 1830. Его бл.[агородию] А. С. Пушкину.

454. А. Х. Бенкендорфу. 21 марта 1830 г. Москва.

Милостивый государь, Александр Христофорович

В 1826 году получил я от государя императора позволение жить в Москве, а на следующий год от Вашего высокопревосходительства дозволение приехать в Петербург. С тех пор я каждую зиму проводил в Москве, осень в деревне, никогда не испрашивая предварительного дозволения и не получая никакого замечания. Это отчасти было причиною невольного моего проступка: поездки в Арзрум, за которую имел я несчастье заслужить неудовольствие начальства.

В Москву намереваясь приехать еще в начале зимы, и встретив Вас однажды на гулянии, на вопрос Вашего высокопревосходительства, что намерен я делать? имел я счастье о том Вас уведомить. Вы даже изволили мне заметить: [que] voustes toujours sur les grands chemins ¹⁹.

Надеюсь, что поведение мое не подало правительству повода быть мною недовольным.

С искренним и глубоким почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга. Александр Пушкин.

21 марта Москва 1830.

455. А. А. Писарев — Пушкину. 21 марта 1830 г. Москва.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Общество Любителей Российской Словесности, уважая любовь Вашу к отечественной словесности и труды, в пользу оной подъяты, избрало Вас в действительные члены. Имея честь поздравить Вас с избранием, на общем мнении об отличных достоинствах Ваших основанном, препровождаю к Вам при сем диплом на новое ученое Ваше звание. Общество удостоверено, что Вы с сим избранием изволите принять участие в деле, близком сердцу каждого русского; ибо успехи отечественного языка и словесности служат знаменем степени народной образованности и вместе с сим народного благоденствия.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейший слуга

Александр Писарев. 1830 года марта 21.

458. Н. А. Полевой — Пушкину. 27 марта 1830 г. Москва.

Ничего, совершенно ничего, милостивый государь Александр Сергеевич. Мы все, старые члены, ничего не делаем, по крайней мере, а из этого и выводится закон, так как по *старым решениям* иностранные юристы составляют законы. Избрание Ваше сопровождалось рукоплесканиями и показало, что желание Общества украсить список своих членов вашим именем было согласно с чувствами публики, весьма обширной. За диплом взносят члены (т. е. за пергамент) 25 рублей. Если в самом деле решатся поднять Общество, как было хотели, вы, я уверен в этом, не отказались бы участвовать. Но, теперь... Бог знает, что сделается с Обществом, и не будет ли оно иметь участи Общества Соревнователей — никто не ручается.

С почтением есмь всегда Ваш покорный слуга Н. Полевой.

Адрес: Monsieur Monsieur Pouchkine.

¹⁹ [что] вы вечно на больших дорогах.

459. П. А. Вяземскому. Вторая половина (не ранее 18) марта 1830 г. Москва.

Посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручною подписью видел я у Ив. Ив. Дмитриева. Он отыскан в бумагах Миллера, надорванный вероятно в присутствии и вероятно сохраненный Миллером, как документ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай из этого статью и тисни в Лит.[ературную] Газ.[ету]. Письмо мое доставит тебе Гончаров, брат красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожит меня в Москве. Если ты можешь влюбить в себя Елизу, то сделай мне эту божескую милость. Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках ее не плащ, а рубашку (справся у к.[нягини] Мещерской), а она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пентефрейхи. Булгарин изумил меня своею выходкою, сердиться не лезя, но побить его можно и думаю должно — но распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы, а дубины в 800 верст длины в России нет кроме гр. Панина. Жену твою вижу часто, т. е. всякой день. Наше житье бытѣ сносно. Дядя жив, Дмитриев очень мил. Зубков член клуба. Ушаков крив. Вот тебе просьба: Погодин собрался ехать в чужие края, он может обойтись без вспоможения, но всё-таки лучше бы. Поговори об этом с Блудовым, да пожарче. Строев написал tables des matires ²⁰ Истории Карамзина, книгу нам необходимую. Ее надобно напечатать, поговори Блудову и об этом. Прощай. Мой сердечный поклон всему семейству.

В доносе пропущено слово *оскорбляя*.

Батюшков умирает.

461. Н. И. Гончаровой. 5 апреля 1830 г. Москва.

После того, милостивая государыня, как вы дали мне разрешение писать к вам, я, взявшись за перо, столь же взволнован, как если бы был в вашем присутствии. Мне так много надо высказать, и чем больше я об этом думаю, тем более грустные и безнадежные мысли приходят мне в голову. Я изложу их вам, — вполне чистосердечно и подробно, умоляя вас проявить терпение и особенно снисходительность.

Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? клянусь вам, не знаю, но какая-то произвольная тоска гнала меня из Москвы; я бы не мог там вынести ни вашего, ни ее присутствия. Я вам писал; надеялся, ждал ответа — он не приходил. Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась. Вы могли ей поверить; я не смел жаловаться на это, но приходил в отчаяние.

Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... У меня не хватило мужества объясниться, — я уехал в Петербург в полном отчаянии. Я чувствовал, что сыграл очень смешную роль, первый раз в жизни я был робок, а робость в человеке моих лет никак не может понравиться молодой девушке в возрасте вашей дочери. Один из моих друзей едет в Москву, привозит мне оттуда одно благосклонное слово, которое возвращает меня к жизни, — а теперь, когда несколько милостивых слов, с которыми вы сооблаговостили обратиться ко мне, должны были бы исполнить меня радостью, я чувствую себя более несчастным, чем когда-либо. Постараюсь объясниться.

Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить современем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей

²⁰ указатель содержания.

заклучить другой, более равный, более блестящий, более достойный ее союз; — может-быть, эти мнения и будут искренни, но уж ей они безусловно покажутся таковыми. Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения? Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад.

Перейдем к вопросу о денежных средствах; я придаю этому мало значения. До сих пор мне хватало моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, всё, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование. И всё же, не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она заслуживает и как я того хотел бы?

Вот в чем отчасти заключаются мои опасения. Трепещу при мысли, что вы найдете их слишком справедливыми. Есть у меня еще одна тревога, которую я не могу решиться доверить бумаге...

Благоволите, милостивая государыня, принять уверение в моей совершенной преданности и высоком уважении.

А. Пушкин.

462. Н. О. и С. Л. Пушкиным. 6-11 апреля 1830 г. Москва. (Черновое)

Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь.

[Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год] — м-ль Натали Гончаровой. [Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери]. Прошу вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия — и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость.

[Состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено] и находится отчасти в зависимости от состояния ее свекра. Это является единственным препятствием моему счастью. У меня нет сил даже и помыслить от него отказаться. Мне гораздо легче надеяться на то, что вы придете мне на помощь. Заклинаю вас, напишите мне, что вы можете сделать для [...]

463. А. Х. Бенкендорфу. 16 апреля 1830 г. Москва.

Генерал,

С крайним смущением обращаюсь я к власти по совершенно личному обстоятельству, но мое положение и внимание, которое вы до сего времени изволили мне оказывать, меня к тому обязывают.

Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую вы, вероятно, видели в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и мое положение относительно правительства. Что касается состояния, то я мог ответить, что оно достаточно, благодаря его величеству, который дал мне возможность достойно жить своим трудом. Относительно же моего положения, я не мог скрыть, что оно ложно и сомнительно. Я исключен из службы в 1824 году, и это клеймо на мне осталось. Окончив Лицей в 1817 году с чином 10-го класса, я так и не получил двух чинов, следуемых мне по праву, так как начальники мои обходили меня при представлениях, я же не считал нужным напоминать о себе. Ныне, несмотря на всё мое доброе желание, мне было бы тягостно вернуться на службу. Мне не может подойти подчиненная должность, какую только я могу занять по своему чину. Такая служба отвлекла бы меня от литературных занятий, которые дают мне средства к жизни, и доставила бы мне лишь бесцельные и бесполезные неприятности. Итак, мне нечего об этом и думать. Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у государя... Счастье мое зависит от одного

благосклонного слова того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность.

Прошу еще об одной милости: в 1826 году я привез в Москву написанную в ссылке трагедию о Годунове. Я послал ее в том виде, как она была, на ваше рассмотрение только для того, чтобы оправдать себя. Государь, соблаговолив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний о местах слишком вольных, и я должен признать, что его величество был как нельзя более прав. Его внимание привлекли также два или три места, потому что они, казалось, являлись намеками на события, в то время еще недавние; перечитывая теперь эти места, я сомневаюсь, чтобы их можно было бы истолковать в таком смысле. Все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Он должен заставить их говорить в соответствии с установленным их характером. Поэтому надлежит обращать внимание лишь на дух, в каком задумано всё сочинение, на то впечатление, которое оно должно произвести. Моя трагедия — произведение вполне искреннее, и я по совести не могу вычеркнуть того, что мне представляется существенным. Я умоляю его величество простить мне смелость моих возражений; я понимаю, что такое сопротивление поэта может показаться смешным; но до сих пор я упорно отказывался от всех предложений издателей; я почитал за счастье приносить эту молчаливую жертву высочайшей воле. Но нынешними обстоятельствами я вынужден умолять его величество развязать мне руки и позволить мне напечатать трагедию в том виде, как я считаю нужным.

Еще раз повторяю, мне очень совестно так долго занимать вас собой. Но ваша снисходительность избаловала меня, и хотя я ничем не мог заслужить благодеяний государя, я всё же надеюсь на него и не перестаю в него верить.

С величайшим уважением остаюсь Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин.

Покорнейше прошу Ваше превосходительство сохранить мое обращение к вам в тайне.

464. С. Л. и Н. О. Пушкины — Пушкину. 16 апреля 1830 г. Петербург.

16 апреля 1830 г.

Тысячу, тысячу раз да будет благословен вчерашний день, дорогой Александр, когда мы получили от тебя письмо. Оно преисполнило меня чувством радости и благодарности. Да, друг мой. Это самое подходящее выражение. Давно уже слезы, пролитые при его чтении, не приносили мне такой отрады. Да благословит небо тебя и твою милую подругу жизни, которая составит твоё счастье. — Я хотел бы написать ей, но покуда еще не решаюсь, из боязни, что не имею на это права. С большим чем когда бы то ни было нетерпением ожидаю я Льва, чтобы поговорить с ним о тебе или, вернее, чтобы он о тебе мне рассказал. Оленька как раз была у нас, когда принесли твоё письмо. Ты легко можешь представить себе, какое впечатление произвело это на нее...

Перейдем, мой добрый друг, к поставленному тобою вопросу о том, что я могу дать тебе. Положение моих дел тебе известно. — Правда, у меня есть тысяча душ крестьян, но две трети моих земель заложены в Опекунском совете. — Я выдаю Оленьке около 4000 руб. в год. От доставшейся мне по разделу от покойного брата земли у меня осталось незаложенных 200 душ крестьян, — пока отдаю их в твоё полное распоряжение. Они могут доставить 4000 руб. годового дохода, а со временем, быть может, дадут и больше.

Милый друг! Я жду твоего ответа с таким же нетерпением, какое мог бы испытывать ты в ожидании подтверждения своего счастья из уст самой м-ль Гончаровой, ибо я счастлив лишь вашим счастьем, горд лишь вашими успехами и спокоен только тогда, когда предполагаю, что вы спокойны. Прощай! Да благословит тебя небо, каждодневно молюсь и буду молиться о том, чтобы оно даровало тебе счастье. Нежно обнимаю тебя и прошу, если ты сочтешь это уместным, засвидетельствовать м-ль Гончаровой мою очень, очень нежную дружбу.

Навеки твой отец и друг Сергей Пушкин.

468. П. А. Вяземский — Пушкину. 26 апреля 1830 г. Петербург.

26-го апреля.

Я сей час с обеда Сергея Львовича, и твои письма, которые я там прочел, убедили меня, что жена меня не мистифирует и что ты точно жених. Гряди жених в мои объятия! А более всего убедила меня в истине женитьбы твоей вторая, экстренная бутылка шампанского, которую отец твой розлил нам при получении твоего последнего письма. Я тут ясно увидел, что дело не на шутку. Я мог не верить письмам твоим, слезам его, но не мог не поверить его шампанскому. — Поздравляю тебя от всей души. Дай Бог тебе счастья и засияй отныне в жизни твоей новая зра. Я слышал, что ты будто писал к государю о женитьбе. Правда ли? Мне кажется, что тебе в твоём положении и в твоих отношениях с царем необходимо просить у него позволения жениться. Жуковский думает, что хорошо бы тебе воспользоваться этим обстоятельством, чтобы просить о разрешении печатать Бориса, представив, что ты не богат, невеста не богата, а напечатание трагедии обеспечит на несколько времени твое благосостояние. Может быть царь и вздумает дать приданое невесте твоей. Я также со вчерашнего дня женился на Канкрине. Твоя невеста красивее. Где ты будешь жить? Я вероятно по крайней мере на год останусь в Петербурге. Что вперед будет, бог весть. Надобно бы нам затеять что-нибудь литературное в прок. Тебе с женою, мне без жены, а с Канкриным в Петербурге предстоят новые издержки. Должно их прикрыть. На Литтературную Газету надежды мало. Дельвиг ленив и ничего не пишет, а выезжает только sur sa te de somme ou de Somoff ²¹. В мае приеду на несколько времени в Москву: тогда переговорим. Когда твоя свадьба? Скажи, я постараюсь к ней приехать. Прости, обнимаю тебя от всего сердца. Прошу рекомендовать меня невесте, как бывшего поклонника ее на балах, а ныне преданного ей дружескою преданностью моею к тебе. Я помню, что говоря с старшею сестрою, сравнивал я Алябьеву avec une beaut classique, а невесту твою avec une beaut romantique ²². Тебе, первому нашему романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице нынешнего поколения. — Признаюсь, хотел бы хотя в щелочку посмотреть на тебя в качестве жениха.

469. В. Ф. Вяземской. Конец (не позднее 28) апреля 1830 г. Москва.

Вы правы, находя, что „Осел“ прелестен. Это одно из самых замечательных сочинений настоящего времени. Его приписывают В. Гюго — по-моему, в нем больше таланта, чем в „Последнем дне“, который, однако, талантливо написан. Относительно смутившей вас фразы, я прежде всего скажу, что не надо принимать в серьез всего того, что говорит автор. Все превозносили первую любовь, он счел более занятным рассказать о второй. Может быть, он и прав. Первая любовь всегда является делом чувствительности: чем она глупее, тем больше оставляет по себе чудесных воспоминаний. Вторая, видите-ли, — дело чувственности. Параллель можно было бы провести гораздо дальше. Но у меня на это совершенно нет времени. Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена. Отец мой дает мне 200 душ крестьян, которых я заложу в ломбард, а вас, дорогая княгиня, прошу быть моей посаженной матерью. Непереводимая игра слов: engager значит „закладывать“ и „просить“, „приглашать“.

У ног ваших, А. П.

470. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 28 апреля 1830 г. Петербург.

Милостивый государь.

Я имел счастье представить государю письмо от 16-го сего месяца, которое Вам угодно было написать мне. Его императорское величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей вашей женитьбе и при этом изволил выразить надежду, что вы хорошо испытали себя

²¹ на своем вьючном животном или Сомове. (Непереводимая игра слов.)

²² с классической красотой, [...] с романтической красотой.

перед тем как предпринять этот шаг и в своем сердце и характере нашли качества, необходимые для того, чтобы составить счастье женщины, особенно женщины столь достойной и привлекательной, как м-ль Гончарова

Что же касается вашего личного положения, в которое вы поставлены правительством, я могу лишь повторить то, что говорил вам много раз; я нахожу, что оно всецело соответствует вашим интересам; в нем не может быть ничего ложного и сомнительного, если только вы сами не сделаете его таким. Его императорское величество в отеческом о вас, милостивый государь, попечении, соизволил поручить мне, генералу Бенкендорфу, — не шефу жандармов, а лицу, коего он удостоивает своим доверием, — наблюдать за вами и наставлять Вас своими советами; никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за вами надзор. Советы, которые я, как друг, изредка давал Вам, могли пойти Вам лишь на пользу, и я надеюсь, что с течением времени Вы в этом будете всё более и более убеждаться. Какая же тень падает на Вас в этом отношении? Я уполномочиваю Вас, милостивый государь, показать это письмо всем, кому вы найдете нужным.

Что же касается трагедии вашей о Годунове, то его императорское величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью.

В заключение примите мои искреннейшие пожелания в смысле будущего вашего счастья, и верьте моим лучшим к вам чувствам.

Преданный Вам А. Бенкендорф.

28 апреля 1830.

Господину Александру Пушкину.

472. П. А. Плетнев — Пушкину. 29 апреля 1830 г. Петербург.

29 апреля, 1830. С.п. бург.

Поздравляю тебя, душа моя. Теперь смотрю на тебя с спокойствием; потому что ты ступил на дорогу, по которой никто не смеет вести тебя кроме рассудка твоего и совести: а на них-то я всегда и надеялся в тебе более всего. За одно не могу на тебя не сердиться: ты во вред себе слишком был скрытным. Если давно у тебя это дело было обдуманно; ты давно должен был и сказать мне о нем, не потому, чтобы я лаком был до чужих секретов, но потому, чтобы я заранее принял меры улучшить денежные дела твои. Ты этого не хотел: так пеняй на себя, если я по причине поспешности не мог для тебя сделать чего-нибудь слишком выгодного. Вот, что я могу обещать тебе: в продолжение четырех лет (начиная с 1 мая 1830 года) каждый месяц ты будешь получать от меня постоянного дохода по шести сот рублей, хотя бы в эти четыре года ты ни стишка не напечатал нового: будешь кормиться всё старыми крохами. Я знаю, что такая сумма слишком мала по сравнению с товаром, который лежит на руках моих; но повторяю: в поспешности не мог я ничего сделать более, а пуще всего решила меня на то боязнь контрфакции и разные плутни торгашей, которых хоть я и не видал до сих пор, но не мог не бояться, судя по тому, что книжечки-то наши такие крошки, каких не трудно наделать всякому хозяину типографии в день до нескольких сотен. Теперь, по крайней мере, ничего у нас на руках не будет: если мы и обогатим своим товаром Смирдина; литературе же лучше: он будет предприимчивее, а мы-то собственно не в накладе: потерпят для него одни библиоманы. Этот сбыт всех напечатанных уже экземпляров 7 глав Онегина, 2 томов Стихотворений, Полтавы, Цыганов и Фонтана, не мешает тебе увеличивать ежегодно свой доход печатанием или новых глав Онегина, или новых томов Стихотворений, или чего-нибудь другого по усмотрению твоему: не касайся только четыре года до того, что до сих пор напечатано (за исключением Руслана и Пленника, о коих сам ты сделал условия). Поскорей ответь: согласен ли ты на это мое распоряжение? Где тебе жить? Разумеется, чем ближе к друзьям, тем лучше им: они советники пристрастные. Издавать ли что нового? Сам теперь суди, смотря по моему отчету.

Прошу тебя и сделай это непременно: поцелуй за меня ручку у твоей невесты-прелести.

Прочие твои поручения приведены будут в исполнение.

473. П. А. Вяземскому. 2 мая 1830 г. Москва.

Благодарю тебя, мой милый, за твои поздравления и мадригалы — я в точности передам их моей невесте. Правда ли, что ты собираешься в Москву? Боюсь графини Ф.[икельмон]. Она удержит тебя в П.[етер]Б.[урге]. Говорят, что у Канкрина ты при особых поручениях и настоящая твоя служба при ней. Приезжай, мой милый, да влюбись в мою жену, а мы поговорим об газете или альманахе. Дельвиг в самом деле ленив, однако ж его Газета хороша, ты много оживил ее. Поддерживай ее, покамест нет у нас другой. Стыдно будет уступить поле Булгарину. Дело в том, что чисто-литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзницы или Моду или Политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно. Но не уж то Булгарину отдали монополию политических новостей? Не уж то кроме Сев.[ерной] Пчелы ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетресение, и что Камера депутатов закрыта до сентября? Не уж то нельзя выхлопотать этого дозволения? справься-ка с молодыми министрами, да и с Бенкендорфом. Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшествий. Да и неприлично правительству заключать союз — с кем? с Булгариним и Гречем. Пожалуйста, поговори об этом, но втайне: если Булгарин будет это подозревать, то он, по своему обыкновению, пустится в доносы и клевету — и с ним не справишься.

Отчего не напечатано мое посвящение тебе в третьем изд.[ании] Фонтана? Не уж то мой цензор не пропустил? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, как и за чем.

Сегодня везу к моей невесте Солнцева. Жаль, что представлю его не в прежнем его виде, доставившем ему [кар] камер-герство. Она более благоговела бы перед родственным его брюхом. Дядя В.[асилий] Л.[ьвович] также плакал, узнав о моей помолвке. Он собирается на свадьбу подарить нам стихи. На днях он чуть не умер и чуть не ожил. Бог знает чем и зачем он живет. — Сказывал ты Катерине Андр.[еевне] о моей помолвке? я уверен в ее участии — но передай мне ее слова — они нужны моему сердцу, и теперь не совсем счастливому. Прощай, мой милый — обнимаю тебя и Жуковского.

2 мая.

474. Н. О. и С. Л. Пушкиным и О. С. Павлицевой. 3 мая 1830 г. Москва.

Дорогие родители, я получил еще два ваших письма. Могу вам сказать лишь то, что вы уже знаете: что всё улажено, что я счастливейший из людей и что я всей душой люблю вас.

Его величество всемилостивейше выразил мне свое благосклонное удовлетворение заключаемым мною браком. Он дозволил мне напечатать мою трагедию в том виде, как я сочту нужным. Скажите это моему брату с тем, чтобы он передал о том Плетневу, который, кстати сказать, забыл меня, так же как и Дельвиг.

Я передал ваше письмо г-же Гончаровой; полагаю, что она будет отвечать вам сегодня. Дядя мой Матвей Михайлович был у нее с визитом третьего дня; он и тетушка приняли самое близкое участие в моем счастье (я совсем ошеломлен тем, что могу употреблять такое выражение). Я уже несколько дней не видел дядюшку Василия Львовича. Знаю, что он чувствует себя лучше.

Спасибо, милая Ольга, за дружбу и поздравления. Я прочел твое письмо Натали, — она много смеялась, читая его, и обнимает тебя.

Я тоже обнимаю вас, дорогие родители. На днях, быть может, съезжу в Калугу к деду Натали. Мне бы очень хотелось сыграть свадьбу до наступления поста. Еще раз, прощайте.

3 мая.

475. А. Н. Гончарову. 3 мая 1830 г. Москва.

Милостивый государь, Афанасий Николаевич!

С чувством сердечного благоговения обращаюсь к Вам, как главе семейства, которому отныне принадлежу. Благословив Наталию Николаевну, благословили вы и меня. Вам обязан я больше нежели

чем жизнью. Счастье Вашей внучки будет священная, единственная моя цель и всё, чем могу воздать Вам за Ваше благодеяние.

С глубочайшим уважением, преданностью и благодарностью честь имею быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

3 мая 1830 Москва.

479. Е. М. Хитрово — Пушкину. 9 мая 1830 г. Петербург.

Я считаю обязательным, чтобы вы написали мне о получении этого письма — впредь у вас не будет более причин для отговорок. Я не имею для вас никакого значения. Расскажите мне о своей женитьбе, о планах на будущее. Все разъезжаются, а хорошей погоды всё нет. Долли и Катрин просят передать вам, что вы можете рассчитывать на них, чтобы ввести вашу Натали в свет. Г-н Сомов дает уроки посланнику и его жене — а я перевожу „Marriage in high life“ „Брак в высшем свете“ на русский язык и буду продавать его в пользу бедных!

Элиза.

9-го вечером.

483. П. А. Плетнев — Пушкину. 21 мая 1830 г. Петербург.

21 мая, 1830. С.пт.бург.

Не дивись, милый, что аккуратный человек так неаккуратно тебе отвечает: у меня на неделе столкнулись разные хлопоты. Теперь, слава богу, всё пришло, кажется, в свою колею. Родилась у меня дочь, которая теперь стала у нас известна под именем Ольги. Ее привели сегодня в христианскую веру. Пройдет еще денька два — и надеюсь, жена подыметесь на ноги: тогда опять я сделаюсь твоим аккуратнейшим корреспондентом. К делу!

Жду Годунова с поправками. Письменного дозволения брать от Ф.[он] Ф.[ока] не считаю нужным; потому что он же подпишет рукопись для печатания.

Важность предисловия должна гармонировать с самою трагедиею, что можно сделать только ясным и верным взглядом на истинную поэзию драмы вообще, а не предикою из темы о блудном сыне Булгарине; следственно (по моему разумению) не стоит тебе якшаться с ним в этом месте: в другом бы для чего не поучить, как советует русская пословица: не спускать и в алтаре; но ведь есть другая противная пословица, что с ним и бог не волен. Лучше ты отдели путём романтиков немцев за то, что они не поняли ни испанцев романтиков, ни Шекспира. О классиках-французах, кажется, также тебе непристойно проповедывать с кафедры, когда уж об этом можно много начитать даже в Северной Пчеле. Хотелось бы мне, чтоб ты ввернул в трактат о Шекспире любимые мои две идеи: 1) Спрашивается, зачем перед публикой позволять действующим лицам говорить непристойности? Отвечается: эти лица и не подозревают о публике; они решительно одни, как любовник с любовницей, как муж с женой, как Меркутио с Бенволио (нецеремонные друзья). Пракситель, обделывая формы статуи, заботится об истине всех частей ее (вот его коран!), а не о тех, кто будет прогуливаться мимо выставленной его статуи. 2) Для чего в одном произведении помещать прозу, полустихи (т. е. стихи без рифм) и настоящие стихи (по понятию простонародному)? Потому, что в трагедии есть лица, над которыми все мы смеялись бы, если бы кто вздумал подозревать, что они способны к поэтическому чувству; а из круга людей, достойных поэзии, иные бывают на степени поэзии драматической, иные же, а иногда и те же, на степени поэзии лирической: там дипломатическая музыка, а здесь военная.

Смирдин упорен был: я не выторговал ни месяца. Когда начать присылку твоего четырехлетнего пансиона, и как ее производить: помесечно, или по третям?

Я отдал Льву 500 р. и через него же Оболенскому 1.000 руб.

*Отдай поклон моей знакомке новой,
Так сладостно рифмующей с Кановой.*

484. Е. М. Хитрово. 19–24 мая 1830 г. Москва.

Прежде всего позвольте, сударыня, поблагодарить вас за „Эрнани“. Это одно из современных произведений, которое я прочел с наибольшим удовольствием. Гюго и Сент-Бёв — бесспорно единственные французские поэты нашего времени, в особенности Сент-Бёв, — и, к слову сказать, если в Петербурге возможно достать его „Утешения“, — сделайте доброе дело и, ради бога, пришлите их мне.

Что касается моей женитьбы, то ваши соображения по этому поводу были бы совершенно справедливыми, если бы вы менее поэтически судили обо мне самом. Дело в том, что я человек средней руки, и ничего не имею против того, чтобы прибавлять жиру и быть счастливым, — первое легче второго. (Извините, сударыня: я заметил, что начал писать на разорванном листе, у меня нет терпения начать сызнова).

С вашей стороны очень любезно, сударыня, принимать участие в моем положении по отношению к хозяину. Но какое же место, по-вашему, я могу занять при нем? Не вижу ни одного подходящего. Я питаю отвращение к делам и к бумагам, как выражается граф Ланжерон. Быть камер-юнкером мне уже не по возрасту, да и что стал бы я делать при дворе? Мне не позволяют этого ни мои средства, ни занятия. Родным моей жены очень мало дела и до нее, и до меня. Я от всего сердца плачу им тем же. Такие отношения очень приятны, и я никогда не изменю их.

485. М. П. Погодину. 19–24 мая 1830 г. Москва.

Сделайте божескую милость, помогите. К воскресенью мне деньги нужны непременно, а на вас вся моя надежда.

А. П.

Адрес: Михайлу Петровичу Погодину.

487. А. Х. Бенкендорфу. 29 мая 1830 г. Москва.

Генерал,

Покорнейше прошу Ваше превосходительство еще раз простить мне мою докучливость.

Прадел моей невесты некогда получил разрешение поставить в своем имении Полотняный Завод памятник императрице Екатерине II. Колоссальная статуя, отлитая по его заказу из бронзы в Берлине, совершенно не удалась и так и не могла быть воздвигнута. Уже более 35 лет погребена она в подвалах усадьбы. Торговцы медью предлагали за нее 40,000 рублей, но нынешний ее владелец, г-н Гончаров, ни за что на это не соглашался. Несмотря на уродливость этой статуи, он ею дорожил, как памятью о благодеяниях великой государыни. Он боялся, уничтожив ее, лишиться также и права на сооружение памятника. Неожиданно решенный брак его внуки застал его врасплох без всяких средств и, кроме государя, разве только его покойная августейшая бабка могла бы вывести нас из затруднения. Г-н Гончаров, хоть и неохотно, соглашается на продажу статуи, но опасается потерять право, которым дорожит. Поэтому я покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать исходатайствовать для меня, во-первых, разрешение на переплавку названной статуи, а во-вторых — милостивое согласие на сохранение за г-ном Гончаровым права воздвигнуть, — когда он будет в состоянии это сделать, — памятник благодетельнице его семейства.

Примите, генерал, уверение в моей совершенной преданности и высоком уважении. Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

29 мая 1830. Москва.

490. Н. Н. Гончаровой. Начало июня 1830 г. Москва. (Черновое)

Итак, я в Москве, — такой печальной и скучной, когда вас там нет. У меня нехватило духу

проехать по Никитской, еще менее — пойти узнать новости у Аграфены [?]. Вы не можете себе представить, какую тоску вызывает во мне ваше отсутствие. Я раскаиваюсь в том, что покинул Завод — все мои страхи возобновляются, еще более сильные и мрачные. Мне хотелось бы надеяться, что это письмо уже не застанет вас в Заводе. — Я отсчитываю минуты, которые отделяют меня от вас.

498. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 26 июня 1830 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Государь император, всемилостивейше снисходя на просьбу Вашу, о которой я имел счастье докладывать его императорскому величеству, высочайше изъявил соизволение свое, на расплавление имеющейся у г-на Гончарева колоссальной неудачно изваянной в Берлине бронзовой статуи блаженной памяти императрицы Екатерины II, с предоставлением ему, г. Гончареву, права воздвигнуть, когда обстоятельства позволят ему исполнить сие, другой приличный памятник сей августейшей благотворительнице его фамилии.

Уведомляя о сем Вас, милостивый государь, имею честь быть с совершенным почтением и искреннею преданностию, милостивый государь, ваш покорнейшей слуга А. Бенкендорф.

№ 2506. 26. Июня 1830. Его высокоб[лагород]ию А. С. Пушкину.

505. В. Л. Пушкин — Пушкину. Середина июня — первая половина июля 1830 г. Москва.

А. С. Пушкину.

Племянник и поэт! Позволь, чтоб дядя твой
На старости, в стихах поговорил с тобой!
Хоть модный романтизм под час я осуждаю,
Но истинный талант люблю и уважаю.
Послание твое к вельможе есть пример
Что не забыт тобой затейливый Волтер!
Ты остроумие и вкус его имеешь
И нравиться во всем читателю умеешь.
Пусть бесится, ворчит московский Ла-Бомель!
Не оставляй свою прелестную свирель!
Пустые критики достоинств не умалят,
Жуковский, Дмитриев тебя и чтут и хвалят!
Крылов и Вяземский в числе твоих друзей.
Пиши и утешай их музою своей.
Наказывай глупцев не говоря ни слова,
Печатай им на зло скорее Годунова!
Творения твои для них тяжелей бич.
Нибуром никогда не будет наш москвич,
И автор повести, топорная работы,
Не может, кажется, проситься в Валтер-Скоты.
Довольно и того, что журналист сухой
В журнале чтит себя романтиков главой!

Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,
Нелепая их брань, придирки и затеи?
Счастливицу некогда смеяться даже им!
Благодаря судьбу, ты любишь и любим!
Венчанный розами ты грации рукою,
Вселенную забыл, к ней прилепись душою!

*Прелестный взор ее тебя животворит
И счастье прочное, и радости сулит.
Блаженствуй! — Но в часы свободы, вдохновенья,
Беседуй с музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, язык обоготчай,
И вечно с миртами ты лавры съединяй!*

506. Н. Н. Гончаровой. 20 июля 1830 г. Петербург.

Честь имею представить вам моего брата (который находит вас чрезвычайно хорошенькой в своих собственных интересах и которого, несмотря на это, я умоляю вас принять благосклонно). Мое путешествие было скучно до смерти. Никита Андреевич купил мне бричку, сломавшуюся на первой же станции, — я кое-как починил ее при помощи булавок, — на следующей станции пришлось повторить то же самое — и так далее. Наконец, за несколько верст до Новгорода я нагнал вашего Всеволожского [?], у которого сломалось колесо. Мы закончили путь вместе, подробно обсуждая картины князя Голицына. Петербург уже кажется мне страшно скучным, и я хочу сократить насколько возможно мое пребывание в нем. — Завтра начну делать визиты вашим родным. Наталья Кирилловна на даче, Катерина Ивановна в Парголово (чухонской деревушке, где живет графиня Полье). — Из очень хороших женщин я видел лишь м-м и м-ль Малиновских, с которыми, к удивлению своему, неожиданно вчера обедал.

Тороплюсь — целую ручки Наталье Ивановне, которую я не осмеливаюсь еще называть маменькой, и вам также, мой ангел, раз вы не позволяете мне обнять вас. Поклоны вашим сестрицам.

А. П. 20 июля.

М-ль Наталии Гончаровой.

507. Н. Н. Гончаровой. Около (не позднее) 29 июля 1830 г. Петербург.

Передал ли вам брат мое письмо и почему вы не присылаете мне расписку в получении, как обещали? Я жду ее с нетерпением, и минута, когда я ее получу, вознаградит меня за скуку моего пребывания здесь. Надо вам рассказать о моем визите к Наталье Кирилловне. Приезжаю, обо мне докладывают, она принимает меня за своим туалетом, как очень хорошенькая женщина прошлого столетия. — Это вы женитесь на моей внучатной племяннице? — Да, сударыня. — Вот как. Меня это очень удивляет, меня не известили, Наташа ничего мне об этом не писала. (Она имела ввиду не вас, а маменьку). На это я сказал ей, что брак наш решен был совсем недавно, что расстроенные дела Афанасия Николаевича и Натальи Ивановны и т. д. и т. д. Она не приняла моих доводов; Наташа знает, как я ее люблю, Наташа всегда писала мне во всех обстоятельствах своей жизни, Наташа напишет мне, — а теперь, когда мы породнились, надеюсь, сударь, что вы часто будете навещать меня.

Затем она долго расспрашивала о маменьке, о Николае Афанасьевиче, о вас; повторила мне комплименты государя на ваш счет — и мы расстались очень добрыми друзьями. — Неправда ли, Наталья Ивановна ей напишет?

Я еще не видел Ивана Николаевича. Он был на маневрах и только вчера вернулся в Стрельну. Я поеду с ним в Парголово, так как ехать туда одному у меня нет ни желания, ни мужества.

На этих днях отец по моей просьбе написал Афанасию Николаевичу, но может быть он и сам приедет в Петербург. Что подельывает заводская Бабушка — бронзовая, разумеется? Не заставит ли вас хоть этот вопрос написать мне? Что вы подельываете? Кого видите? Где гуляете? Поедете ли в Ростов? Напишите ли мне? Впрочем, не пугайтесь всех этих вопросов, вы отлично можете не отвечать на них, — потому что вы всегда смотрите на меня как на сочинителя. — На этих днях я ездил к своей египтянке. Она очень заинтересовалась вами. Заставила меня нарисовать ваш профиль, выразила желание с вами познакомиться. — я беру на себя смелость поручить ее вашему вниманию. [...] Засим, кланяюсь вам. Мое почтение и поклоны маменьке и вашим сестрицам. До свидания.

508. Н. Н. Гончаровой. 30 июля 1830 г. Петербург.

Вот письмо от Афанасия Николаевича, которое мне только что переслал Иван Николаевич. Вы не можете себе представить, в какое оно ставит меня затруднительное положение. Он получит разрешение, которого так добивается. Но что касается Завода, то у меня нет ни влияния, которое он мне приписывает, ни желания действовать против воли Натальи Ивановны и без ведома вашего старшего брата. Хуже всего то, что я предвижу новые отсрочки, это поистине может вывести из терпения. Я еще не видел Катерины Ивановны, она в Парголово у графини Полье, которая почти сумасшедшая — спит до 6 часов вечера и никого не принимает. Вчера г-жа Багреева, дочь Сперанского, присылала за мной, чтобы намылить мне голову за то, что я не выполнил еще формальностей, — но право у меня почти нет на это сил. Я мало бываю в свете. Вас ждут там с нетерпением. Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40.000 рублей. Афанасию Николаевичу следовало бы выменять на нее негодную Бабушку, раз до сих пор ему не удалось ее перелить. Серьезно, я опасаюсь, что это задержит нашу свадьбу, если только Наталья Ивановна не согласится поручить мне заботы о вашем приданом. Ангел мой, постарайтесь, пожалуйста.

Я ветреник, мой ангел: перечитывая письмо Афанасия Николаевича, вижу, что он не собирается больше закладывать свое Заводское имение, а хочет, по моему совету, просить о единовременном пособии. Это другое дело. В таком случае я сейчас же отправлюсь к своему кузену Канкрину просить у него приема. — Я еще не видался с Бенкендорфом, и это к лучшему, постараюсь устроить всё во время одного приема.

Прощайте, [мой ангел]. Поклоны всему вашему семейству, которое я осмеливаюсь считать своим.

30 июля.

Пришлете ли вы мне расписку? Адрес: Ее высокоблагородию Наталье Николаевне Гончаровой в Москве на Никитской в собств. доме.

510. М. Я. Фон-Фоку. 9 августа 1830 г. Петербург.

Милостивый государь, Максим Яковлевич,

Препровождая к Вашему превосходительству записку о деле г. Гончарова, с глубочайшим почтением и благодарностию честь имею быть, милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Александр Пушкин. 9 августа 1830.

Адрес: Его превосходительству милостивому государю Максиму Яковлевичу фон Фоку.

514. Е. М. Хитрово. 21 августа 1830 г. Москва.

Как я должен благодарить вас, сударыня, за любезность, с которой вы уведомляете меня хоть немного о том, что происходит в Европе! Здесь никто не получает французских газет, а что касается политических суждений обо всем происшедшем, то Английский клуб решил, что князь Дмитрий Голицын был неправ, издав ордоннанс о запрещении игры в экарте. И среди этих-то оранг-утанов я осужден жить в самое интересное время нашего века! В довершение всех бед и неприятностей только что скончался мой бедный дядюшка Василий Львович. Надо признаться, никогда еще ни один дядя не умирал так некстати. Итак, женитьба моя откладывается еще на полтора месяца, и Бог знает, когда я смогу вернуться в Петербург.

„Парижанка“ не стоит „Марсельезы“. Это водевильные куплеты. Мне до смерти хочется прочесть речь Шатобриана в защиту прав герцога Бордосского. Он еще раз блеснул. Во всяком случае теперь он снова попал в оппозицию. В чем сущность оппозиции газеты „Время“? Стремится ли она к

республике? Те, кто еще недавно хотели ее, ускорили коронацию Луи-Филиппа; он обязан пожаловать их камергерами и назначить им пенсии. Брак г-жи де-Жанлис с Лафайетом был бы вполне уместен; а венчать их должен был бы епископ Талейран. Так была бы завершена революция.

Покорнейше прошу вас, сударыня, повергнуть меня к стопам графинь, ваших дочерей. Благоволите принять уверение в моей преданности и высоком уважении.

Пушкин.

21 августа. Москва. *Адрес: Ее превосходительству м. г. Елисавете Михайловне Хитровой В С.-Петербург на даче, на Черной речке.*

516. А. Н. Гончарову. 24 августа 1830 г. Москва.

Милостивый государь Афанасий Николаевич,

Сердечно жалею, что старания мои были тщетны и что имею так мало влияния на наших министров: я бы за счастье почел сделать что-нибудь Вам угодное.

Смерть дяди моего, Василья Львовича Пушкина, и хлопоты по сему печальному случаю расстроили опять мои обстоятельства. Не успел я выдти из долга, как опять принужден был задолжать. На днях отправляюсь я в нижегородскую деревню, дабы вступить во владение оной. Надежда моя на Вас одних. От Вас одних зависит решение судьбы моей.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию имею счастье быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою Александр Пушкин.

24 августа Москва.

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Афанасью Николаевичу Гончарову.

518. Н. Н. Гончаровой. Последние числа августа 1830 г. Москва.

Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей, — я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать.

Быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь.

А. П.

М-ль Наталии Гончаровой. *Адрес: Княгине.*

519. П. А. Плетневу. 31 августа 1830 г. Москва.

Хорош!..не хотел со мною проститься и ни строчки мне не пишешь. Сей час еду в Нижний, т. е. в Лукиянов, в село Болдино — пиши мне туда, коли вздумаешь.

Милый мой, расскажу тебе всё, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего, хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери — отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения — словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив. Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем Бог весть когда. Всё это не очень утешно. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского.

Так-то, душа моя. От добра добра не ищут. Чорт меня догадал бредить о счастии, как будто я для

него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью, которой обязан я был богу и тебе. Грустно, душа моя — обнимаю тебя и целую наших.

31 авг.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Петру Александровичу Плетневу в С.-Петербург в Екатерин.[инском] Институте.

520. Н. Н. Гончаровой. 9 сентября 1830 г. Болдино.

Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног, чтобы поблагодарить вас и просить прощения за причиненное вам беспокойство.

Ваше письмо прелестно, оно вполне меня успокоило. Мое пребывание здесь может затянуться вследствие одного совершенно непредвиденного обстоятельства. Я думал, что земля, которую отец дал мне, составляет отдельное имение, но, оказывается, это — часть деревни из 500 душ, и нужно будет произвести раздел. Я постараюсь это устроить возможно скорее. Еще более опасаясь я карантин, которые начинают здесь устанавливать. У нас в окрестностях — Cholera morbus Холера (очень миленькая особа). И она может задержать меня еще дней на двадцать! Вот сколько для меня причин торопиться! Почтительный поклон Наталье Ивановне, очень покорно и очень нежно целую ей ручки. Сейчас же напишу Афанасию Николаевичу. Он, с вашего позволения, может вывести из терпения. Очень поблагодарите м-ль Катрин и Александрин за их любезную память; еще раз простите меня и верьте, что я счастлив, только будучи с вами вместе.

9 сент. Болдино.

521. А. Н. Гончарову. 9 сентября 1830 г. Болдино.

Милостивый государь Афанасий Николаевич,

Из письма, которое удостоился я получить, с крайним сожалением заметил я, что Вы предполагаете во мне недостаток усердия. Примите, сделайте милость, мое оправдание. Не осмелился я взять на себя быть ходатаем по Вашему делу единственно потому, что опасался получить отказ, не впору приступая с просьбою к государю или министрам. Сношения мои с правительством подобны вешней погоде: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка... Вам угодно было спросить у меня совета на счет пути, по которому препроводить Вам к государю просьбу о временном вспоможении: думаю, всего лучше и короче чрез А. Х. Бенкендорфа. Он человек снисходительный, благонамеренный и чуть ли не единственный вельможа, чрез которого нам доходят частные благодеяния государя.

Препоручая себя Вашему благорасположению, имею счастье быть с глубочайшим почтением и сердечной преданностью, милостивый государь, Ваш покорнейший слуга. Александр Пушкин.

9 сентября 183 °С. Болдино.

522. П. А. Плетневу. 9 сентября 1830 г. Болдино.

Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Петр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь, ты сам на это собаку съел. Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал я в деревню и отдыхаю. Около меня Колера Морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает — того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию. Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: как скучны статьи Катенина! и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите, le cri de guerre la bouche! Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь. А невеста пуше цензора Шеглова, язык и руки связывает... Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выдти за меня и без

приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву — я приеду не прежде месяца, а оттоле к тебе, моя радость. Что делает Дельвиг, видишь ли ты его. Скажи ему, пожалуйста, чтоб он мне припас денег; деньгами нечего шутить; деньги вещь важная — спроси у Канкринина и у Булгарина.

Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездят верхом сколько душе угодно, [сиди[?]] пищи дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов. Прости ж, моя милая.

9 сент. 1830 Болдино.

Что моя трагедия? я написал элегическое маленькое предисловие, не прислать ли тебе его? Вспомни однакож, что ты обещал мне свое: дельное, длинное. А цена трагедии? 10 или 12?

Адрес: *Его высокоблагородию Петру Александровичу Плетневу В С.-Петербург в Екатерининск.[ом] Институте.*

523. П. А. Плетневу. 29 сентября 1830 г. Болдино.

Болдино 29 сент.

Сей час получил письмо твое и сей час же отвечаю. Как же не стыдно было тебе понять хандру мою, как ты ее понял? хорош и Дельвиг, хорош и Жуковский. Вероятно я выразился дурно; но это вас не оправдывает. Вот в чем было дело: Теща моя отлагала свадьбу за приданым, а уж конечно не я. Я бесился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупые ссоры; и это бесило меня. Хандра схватила [меня] и черные мысли мной овладели. Не уж то я хотел иль думал отказаться? но я видел уж отказ, и утешался чем ни попало. Всё что ты говоришь о свете справедливо: тем справедливее опасения мои, чтоб тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой жене моей пустяками. Она меня любит, но посмотри, Алеко Плетнев, как гуляет вольная луна etc. Баратынский говорит, что в женихах счастлив только дурак: а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим. Доселе он я — а тут он будет мы. Шутка! От того-то я тещу и торопил; а она, как баба, у которой долог лишь волос, меня не понимала да хлопотала о приданом, чорт его побери. Теперь понимаешь ли ты меня? понимаешь, ну, слава Богу! Здравствуй, душа моя, каково поживаешь, а я — оконча дела мои, еду в Москву сквозь целую цепь карантинных. Месяц буду в дороге по крайней мере. Месяц я здесь прожил, не видя ни души, не читая журналов, так что не знаю, что делает Филип [Август] и здоров ли Полиньяк; я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя; кланяйся от меня жене и дочери.

Адрес: *Е. в. м. г. Петру Александровичу Плетневу, в С. Петербург в Екатерининск.[ом] Институте.*

524. Кистеневские крестьяне — Пушкину. Вторая половина сентября 1830 г. Кистенево.

Государь Александр Сергеевич,

Просим вас государь в том что вы таперя наш господин, и мы вам с усердием нашим будем повиноваться, и выполнять в точности ваши приказани, но только в том просим вас государь, сделайте великую с нами милость, избавьти нас от нынешнего правления, а прикажите выбрать нам своего начальника, и прикажите ему, и мы будем все исполнять ваши приказани,

525. Н. Н. Гончаровой. 30 сентября 1830 г. Болдино.

Я уже почти готов сесть в экипаж, хотя дела мои еще не закончены и я совершенно пал духом. Вы очень добры, предсказывая мне задержку в Богородске лишь на 6 дней. Мне только что сказали, что отсюда до Москвы устроено пять карантинных, и в каждом из них мне придется провести две недели, — подсчитайте-ка, а затем представьте себе, в каком я должен быть собачьем настроении. В довершение благополучия полил дождь и, разумеется, теперь не прекратится до санного пути. Если что и может меня утешить, то это мудрость, с которой проложены дороги отсюда до Москвы:

представьте себе насыпи с обеих сторон, — ни канавы, ни стока для воды, отчего дорога становится ящиком с грязью, — за то пешеходы идут со всеми удобствами по совершенно сухим дорожкам и смеются над увязшими экипажами. Будь проклят час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров, — потому что другого мы здесь не видим.

А вы что сейчас поделываете? Как идут дела и что говорит дедушка? Знаете ли, что он мне написал? За Бабушку, по его словам, дают лишь 7000 рублей, и нечего из-за этого тревожить ее уединение. Стоило подымать столько шума! Не смейтесь надо мной: я в бешенстве. Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с ее карантинами — не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? [Мой ангел], ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, мой дед повесил француза-учителя, аббата Николя, которым был недоволен). Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней всё мое счастье. Позволяете ли вы обнять вас? Это не имеет никакого значения на расстоянии 500 верст и сквозь 5 карантин. Карантины эти не выходят у меня из головы. Прощайте же, мой ангел. — Сердечный поклон Наталье Ивановне; от души приветствую ваших сестриц и Сергея. Имеете ли вы известия об остальных?

30 сент. *Адрес: Ее высокоблагородию милостивой государыне Наталье Николаевне Гончаровой в Москве На Никитской в собств. доме.*

526. Н. Н. Гончаровой. 11 октября 1830 г. Болдино.

Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине. Во имя неба, дорогая Наталья Николаевна, напишите мне, несмотря на то, что вам этого не хочется. Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? нет ли окольного пути, который привел бы меня к вашим ногам? Я совершенно пал духом и право не знаю, что предпринять. Ясно, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать. Но не правда ли, вы уехали из Москвы? Добровольно подвергать себя опасности заразы было бы непростительно. Я знаю, что всегда преувеличивают картину опустошений и число жертв; одна молодая женщина из Константинополя говорила мне когда-то, что от чумы умирает только простонародье — всё это прекрасно, но всё же порядочные люди тоже должны принимать меры предосторожности, так как именно это спасает их, а не их изящество и хороший тон. Итак, вы в деревне, в безопасности от холеры, неправда ли? Пришлите же мне ваш адрес и сведения о вашем здоровье. Что до нас, то мы оцеплены карантинами, но зараза к нам еще не проникла. Болдино имеет вид острова, окруженного скалами. Ни соседей, ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что делается на белом свете и как поживает мой друг Полиньяк. Напишите мне о нем, потому что здесь я газет не читаю. Я так глупею, что это просто прелесть. [...]. Вот поистине плохие шутки. Я смеюсь „желтым смехом“, как говорят рыночные торговки. Прощайте. Повергните меня к стопам вашей матушки; сердечные поклоны всему семейству. Прощайте, прелестный ангел. Целую кончики ваших крыльев, как говаривал Вольтер людям, которые вас не стоили.

11 октября. *Адрес: Ее высокоблагородию милостивой государыне Наталье Николаевне Гончаровой. В Москве, на Никитской в собственном доме.*

528. П. А. Плетневу. Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Болдино.

Я сунулся было в Москву, да узнав, что туда никого не пускают, воротился в Болдино да жду погоды. Ну уж погода! Знаю, что не так страшен чорт как его малюют; знаю, что холера не опаснее турецкой перестрелки — да отдаленность, да неизвестность — вот что мучительно. Отправляясь в путь, писал я своим, чтоб они меня ждали через 25 дней. Невеста и перестала мне писать, и где она, 118 и что она, до сих пор не ведаю. Каково? то есть, душа моя Плетнев, хоть я и не из иных прочих, так сказать — но до того доходит, что хоть в петлю. Мне и стихи в голову не лезут, хоть осень чудная, и дождь, и снег, и по колено грязь. Не знаю, где моя; надеюсь, что уехала из чумной Москвы, но куда?

в Калугу? в Тверь? в Карлово к Булгарину? ничего не знаю. Журналов ваших я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему явлюсь непременно на подмогу, зимой, коли здесь не окалею. Покаместь он уж может заказать виньетку на дереве — изображающую меня голинького, в виде Атланта, на плечах поддержи[ва]ющего Лит.[ературную] Газету. Что моя трагедия? отстойте ее, храбрые друзья! не дайте ее на съедение псам журнальным. Я хотел ее посвятить Жуковскому со следующими словами: я хотел было посвятить мою трагедию Карамзину, но так как нет уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд памяти отца. Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе

Драгоценной для Россиян

Памяти

Николая Михайловича

Карамзина

Сей труд Гением его вдохновенный

с благоговением и благодарностию посвящает

А. Пушкин.

Адрес: Его высокобла[городию] м. г. Петру Александровичу Плетневу В С.-Петербург в Екатерининском Институте.

529. Н. Н. Гончаровой. Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Болдино.

Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте. Письмо Ваше от 1-го окт.[ября] получил я 26-го. Оно огорчило меня по многим причинам: во-первых, потому что оно шло ровно 25 дней. 2) что вы первого октября были еще в Москве давно уже зачумленной. 3) что вы не получили моих писем. 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня видно сердитесь, между тем как я пренесчастное животное уж без того. Где вы? что вы? я писал в Москву, мне не отвечают. Брат мне не пишет, полагая, что его письма, по обыкновению, для меня неинтересны. В чумное время дело другое; рад письму проколотому; знаешь, что по крайней мере жив — и то хорошо. Если вы в Калуге, я приеду к Вам через Пензу; если вы в Москве, т. е. в Московской деревне, то приеду к Вам через Вятку, Архангельск и Петербург. Ей богу не шучу — но напишите мне, где вы, а письмо адресуйте в Лук.[ояновский] уезд в село Абрамово, для пересылки в Болдино. Скорей дойдет. Простите. Цалую ручки у матушки; кланяюсь в пояс сестрицам.

531. Н. Н. Гончаровой. 4 ноября 1830 г. Болдино.

9-го вы еще были в Москве! Об этом пишет мне отец; он пишет мне также, что моя свадьба расстроилась. Не достаточно ли этого, чтобы повеситься? Добавлю еще, что от Лукоянова до Москвы 14 карантин. Приятно? Теперь расскажу вам одну историю. Один из моих друзей ухаживал за хорошенькой женщиной. Однажды, придя к ней, он видит на столе незнакомый ему альбом — хочет посмотреть его — дама бросается к альбому и вырывает его. Но мы иногда бываем так же любопытны, как и вы, прекрасные дамы. Друг мой пускает в ход всё свое красноречие, всю изобретательность своего ума, чтобы заставить ее отдать альбом. Дама твердо стоит на своем; он принужден уступить. Немного времени спустя бедняжка умирает. Друг присутствует на похоронах и приходит утешать несчастного мужа. Они вместе роются в ящиках покойной. Друг мой видит таинственный альбом — хватает его, раскрывает; альбом оказывается весь чистый за исключением одного листа, на котором написаны следующие 4 плохих стиха из Кавказского пленника:

[...]

и т. д... Теперь поговорим о другом. Этим я хочу сказать: вернемся к делу. Как вам не стыдно было оставаться на Никитской во время эпидемии? Так мог поступать ваш сосед Адриан, который обделывает выгодные дела. Но Наталья Ивановна, но вы! — право, я вас не понимаю. Не знаю, как

добраться до вас. Мне кажется, что Вятка еще свободна. В таком случае поеду на Вятку. Между тем пишите мне в [...] — ваши письма всегда дойдут до меня.

Прощайте, да хранит вас Бог. Повергните меня к стопам вашей матушки.

4 ноября.

Поклон всему семейству.

534. П. А. Вяземскому. 5 ноября 1830 г. Болдино.

Отправляюсь, мой милый, в зачумленную Москву — получив известие, что невеста ее не покидала. Что у ней за сердце? твердою дубовою корой, тройным булатом грудь ее вооруженна, как у Горациева мореплавателя. Она мне пишет очень милое, хотя бестемпераментное письмо. Брат Лев дал мне знать о тебе, о Баратынском, о холере... Наконец и от тебя получил известие. Ты говоришь: худая вышла нам очередь. Вот! да разве не видишь ты, что мечут нам чистый баламут; а мы еще понтируем! Ни одной карты налево[!] а мы всё-таки лезем. Поделом, если останемся голы как бубны. — Здесь я кое-что написал. Но досадно, что не получал журналов. Я был в духе ругаться, и отделал бы их на их же манер. В полемике, мы скажем с тобою, и нашего тут капля меду есть. Радуюсь, что ты принял за Ф.[он]Визина. Что ты ни скажешь о нем, или к стати о нем, всё будет хорошо, потому что будет сказано. Об Истинне (т. е. о точности применения истины) нечего тебе заботиться: пуля виноватого сыщется. Все твои литературные обозрения полны этих пуль-дур. Собери-ка свои статьи критические, посмотри, что за перестрелка подымится. Когда-то свидимся? заехал я в глушь Нижнюю, да и сам не знаю как выбраться? Точно еловая шишка в [-]; вошла хорошо, а выдти так и шершаво. К стати: о Лизе голинькой не имею никакого известия. О Полиньяке тоже. Кто плотит за шампанское, ты или я? Жаль, если я. Кабы знал, что заживусь здесь, я бы с ней завел переписку в засос и с подогревцами, т. е. на всякой почте по листу кругом — и читал бы в Нижегородской глуши le Temps и le Globe. Каков государь? молодец! того и гляди, что наших каторжников простит — дай бог ему здоровье. Дай Бог вам всем здоровья, друзья. Покамест желать лучшего нечего. Здесь крестьяне величают господ титлом Ваше здоровье; титло завидное, без коего все прочие ничего не значат.

5 ноября.

537. Н. Н. Гончаровой. 18 ноября 1830 г. Болдино.

Болдино 18 ноября.

В Болдине, всё еще в Болдине! Узнав, что вы не уехали из Москвы, я нанял почтовых лошадей и отправился в путь. Выехав на большую дорогу, я увидел, что вы правы: 14 карантинных являются только аванпостами — а настоящих карантинных всего три. — Я храбро явился в первый (в Сиваслейке, Владимирской губ.); смотритель требует подорожную и заявляет, что меня задержат лишь на 6 дней. Потом заглядывает в подорожную. [...] Вот каким образом проездил я 400 верст, не двинувшись из своей берлоги.

Это еще не всё: вернувшись сюда, я надеялся, по крайней мере, найти письма от вас. Но надо же было пьянице-почтмейстеру в Муроме перепутать пакеты, и вот Арзамас получает почту Казани. Нижний — Лукоянова, а ваше письмо (если только есть письмо) гуляет теперь не знаю где и придет ко мне, когда Богу будет угодно. Я совершенно пал духом и, так как наступил пост — (скажите маменьке, что этого поста я долго не забуду), я не стану больше торопиться; пусть всё идет своим чередом, я буду сидеть, сложа руки. Отец продолжает писать мне, что свадьба моя расстроилась. На днях он мне, может быть, сообщит, что вы вышли замуж... Есть от чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову, который наконец известил меня, что холера затихает. Вот первое хорошее известие, дошедшее до меня за три последних месяца. Прощайте, [мой ангел,] будьте здоровы, не выходите замуж за г-на Давыдова и извините мое скверное настроение. Повергните меня к стопам маменьки, всего хорошего всем. Прощайте. Адрес: Ее высокоблагородию м. г. Натальи Николаевны Гончаровой в Москве На Никитской в собств. доме.

539. Н. Н. Гончаровой. 26 ноября 1830 г. Болдино.

Из вашего письма от 19 ноября вижу, что мне надо объясниться. Я должен был выехать из Болдина 1-го октября. Накануне я отправился верст за 30 отсюда к кн. Голицыной, чтобы точнее узнать количество карантинных, кратчайшую дорогу и пр. Так как имение княгини расположено на большой дороге, она взялась разузнать всё доподлинно.

На следующий день, 1-го октября, возвратившись домой, получаю известие, что холера добралась до Москвы, что государь там, а все жители покинули ее. Это последнее известие меня несколько успокаивает. Узнав между тем, что выдают свидетельства на свободный проезд или, по крайней мере, на сокращенный срок карантина, пишу на этот предмет в Нижний. Мне отвечают, что свидетельство будет мне выдано в Лукоянове (поскольку Болдино не заражено), в то же время меня извещают, что въезд и выезд из Москвы запрещены. Эта последняя новость, особенно же неизвестность вашего местопребывания (я не получал писем ни от кого, даже от брата, который думает обо мне, как о прошлогоднем снеге), задерживают меня в Болдине. Я боялся или, вернее, надеялся по прибытии в Москву вас там не застать и был уверен, что если даже меня туда и впустят, то уж наверное не выпустят. Между тем слух, что Москва опустела, подтверждался и успокаивал меня.

Вдруг я получаю от вас маленькую записку, в которой вы сообщаете, что и не думали об отъезде. — Беру почтовых лошадей; приезжаю в Лукоянов, где мне отказывают в выдаче свидетельства на проезд под предлогом, что меня выбрали для надзора за карантинными моего округа. Послав жалобу в Нижний, решаю продолжать путь. Переехав во Владимирскую губернию, узнаю, что проезд по большой дороге запрещен — и никто об этом не уведомлен, такой здесь во всем порядок. Я вернулся в Болдино, где останусь до получения паспорта и свидетельства, другими словами, до тех пор, пока будет угодно Богу.

Итак, вы видите (если только вы сообразовали мне поверить), что мое пребывание здесь вынужденное, что я не живу у княгини Голицыной, хотя и посетил ее однажды; что брат мой старается оправдать себя, уверяя, что писал мне с самого начала холеры, и что вы несправедливо смеетесь надо мной.

Засим кланяюсь вам.

26 ноября.

Абрамово вовсе не деревня княгини Голицыной, как вы полагаете, а станция в 12-ти верстах от Болдина, Лукоянов от него в 50-ти верстах.

Так как вы, повидимому, не расположены верить мне на слово, посылаю вам два документа о своем вынужденном заточении.

Я не перечислил вам и половины всех неприятностей, которые мне пришлось вытерпеть. Но я не даром забрался сюда. Не будь я в дурном расположении духа, когда ехал в деревню, я бы вернулся в Москву со второй станции, где узнал, что холера опустошает Нижний. Но в то время мне и в голову не приходило поворачивать вспять, и я не желал ничего лучшего, как заразы.

542. М. П. Погодину. Последние числа ноября 1830 г. Болдино.

Я было опять к Вам попытался; доехал до Севаслейки [и] (первого карантина). Но на заставе смотритель, увидев, что еду по собственной, самонужнейшей надобности, меня не пустил и протурил назад в мое Болдино. Как быть? в утешение нашел я ваши письма и Марфу. И прочел ее два раза духом. Ура! — я было, признаюсь, боялся, чтоб первое впечатление не ослабело [при] потом; но нет — я всё-таки при том же мнении: Марфа имеет европейское, высокое достоинство. Я разберу ее как можно пространнее. Это будет для меня изучение и наслаждение. Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности. И с языком поступаете, как Иоанн с Новымгородом. Ошибок грамматических, противных духу его — усечений, сокращений — тьма. Но знаете ли? и эта беда не беда. Языку нашему надобно воли дать более — (разумеется сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность. — Скоро ли выдет ваша Марфа? Не посылаю вам замечаний

(частных), потому что некогда вам будет переменять то, что требует перемены. До другого издания. Покаместь скажу Вам, что анти-драматическим показалось мне только одно место: разговор Борецкого с Иоанном: Иоанн не сохраняет своего величия (не в образе речи, но в отношении к предателю). Борецкий (хоть и Новгородец) с ним слишком за панибрата; так торговаться мог бы он разве с бояриным Иоанна, а не с ним самим. Сердце Ваше не лежит к Иоанну. Развив драматически (то есть умно, живо, глубоко) его политику — Вы не могли придать ей увлекатель[ности] чувства вашего — Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогом несколько надутым. Вот главная критика моя. Остальное... остальное надобно будет хвалить при звоне Ивана великого, что и выполнит со всеусердием ваш покорнейший понамарь.

А. П.

Что за прелесть сцена послов! Как вы поняли русскую дипло[ма]тику! А вече? а посадник? а к.[нязь] Шуйский? а князья удельные? я вам говорю, что это всё достоинства — ШЕКСПИРОВСКОГО!

О слоге упомяну я вкратце, предоставляя его журналам, которые вероятно подымут его на царя (и поделом), а вы их послушайте. Для вас же пришлю я подробную критику, надстрочную. Простите до свидания. Поклон Языкову.

Адрес: Его высок[облагородию] м. г. Михайлу Петровичу Погодину в Москве в Университет.

543. Н. Н. Гончаровой. Около (не позднее) 1 декабря 1830 г. Платава.

Вот еще один документ — извольте перевернуть страницу.

Я задержан в карантине в Платаве: меня не пропускают, потому что я еду на перекладной, ибо карета моя сломалась. Умоляю вас сообщить о моем печальном положении князю Дмитрию Голицыну — и просить его употребить всё свое влияние для разрешения мне въезда в Москву. От всего сердца приветствую вас, также маменьку и всё ваше семейство. На днях я написал вам немного резкое письмо, — но это потому, что я потерял голову. Простите мне его, ибо я раскаиваюсь. Я в 75 верстах от вас, и Бог знает, увижу ли я вас через 75 дней.

Р. S. Или же пришлите мне карету или коляску в Платавский карантин на мое имя.

544. Н. Н. Гончаровой. 2 декабря 1831 г. Платава.

Бесполезно высылать за мной коляску, меня плохо осведомили. Я в карантине с перспективой оставаться в плену две недели — после чего надеюсь быть у ваших ног.

Напишите мне, умоляю вас, в Платавский карантин. Я боюсь, что рассердил вас. Вы бы простили меня, если бы знали все неприятности, которые мне пришлось испытать из-за этой эпидемии. В ту минуту, когда я хотел выехать, в начале октября, меня назначают окружным надзирателем, — должность, которую я обязательно принял бы, если бы не узнал в то же время, что холера в Москве. Мне стоило великих трудов избавиться от этого назначения. Затем приходит известие, что Москва оцеплена и въезд в нее запрещен. Затем следуют мои несчастные попытки вырваться, затем — известие, что вы не уезжали из Москвы — наконец ваше последнее письмо, повергшее меня в отчаяние. Как у вас хватило духу написать его? Как могли вы подумать, что я застрял в Нижнем из-за этой проклятой княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Голицыну? Она одна толста так, как всё ваше семейство вместе взятое, включая и меня. Право же, я готов снова наговорить резкостей. Но вот я наконец в карантине и в эту минуту ничего лучшего не желаю. [...]

Нижний больше не оцеплен — во Владимире карантин были сняты накануне моего отъезда. Это не помешало тому, что меня задержали в Сиваслейке, так как губернатор не позаботился дать знать смотрителю о снятии карантина. Если бы вы могли себе представить хотя бы четвертую часть беспорядков, которые произвели эти карантинны, — вы не могли бы понять, как можно через них прорваться. Прощайте. Мой почтительный поклон маменьке. Приветствую от всего сердца ваших сестер и Сергея.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

В торговой Одессе, которая гораздо более заботится о пшенице, нежели о литературе, зреет мало по малу литературный альманах. Крестин ему еще не было, однако думаю, что мы назовем его Евксинскими, или Южными Цветами. Основание этого альманаха составят статьи в разных родах, имеющие посредственное или непосредственное отношение к Новороссийскому краю; издан он будет в пользу здешней Публичной Библиотеки, непременно к концу марта месяца. Евксинские Цветы предполагается украсить портретом герцога Ришелье, видом Аюдага и видом Одесского приморского бульвара. Все сии картинки гравированы уже в Вене. Много для нашего альманаха собрано, главного недостает; он покамест еще корабль без снастей и ветрил: Одесса льстит себя надеждою, что певец Бахчисарайского Фонтана и Полтавы не откажется освятить своими звуками страницы первого литературного издания, возникающего на берегах Черного моря, некогда питавшего вдохновенными мечтами душу любимого поэта русских. Отрывок из Онегина был бы тот блестящий парус, который и противный ветер обратил бы для нас в попутный.

Накануне моего отъезда из Москвы, я был у вас, хотел спросить у вас письмо к Раевскому в Полтаву, и не имел удовольствия застать вас дома. После я узнал, что вы ко мне заезжали, но к величайшему сожалению моему, меня тогда уже не было в Москве. Не знаю, должно ли вас поздравить со вступлением в новый период жизни? во всяком случае, как русский, желаю от души, чтобы и этот период, более тихий и покойный, был для вас столь же обилён поэтическими думами, как и бури вашей юности, молнийным блеском озарившие нашу словесность и оставившие в живых сердцах следы глубокие.

Оставив Москву, я опять увидел теплую, благоуханную Малороссию, поля Полтавы, долины, подобно коврам испещренные разноцветными узорами и к югу обтороченные широкою, богатою каймою — голубым Днестром; опять разостлались передо мною необозримые курганистые степи и зашумели синие, нагретые полуденным солнцем волны старинного Понта. Теперь живу в Одессе, издаю Одесский Вестник и скучаю: надо вам сказать, что Одесса совсем уже не такова, как была при вас. Правда, здесь та же пыль, хотя менее грязи; те же очаровательные звуки Россини кипят и блещут в Опере; те же славяне, греки, италиянцы, турки на улицах; тот же Оттон; та же золотая луна по вечерам рисует светлый столб в ясном зеркале моря; но мало жизни, действия: здесь много разнообразия в пространстве и почти никакого во времени: всякий новый день есть полное повторение предыдущего. Одессу в настоящем ее состоянии можно сравнить с пестрою турецкою шалью: яркие цвета, резкие черты, и во всем этом недостает мысли, единства, связ[и;] в неделю Одесса приглядится, через месяц она наскучит. Общество здесь также стало чрезвычайно монотонно, особенно с тех пор, как *Милорд* и чета Нарышкиных отправилась за границу. В Одессе, по близости к Воронцову, всякий чиновник его канцелярии корчит аристократа, и состав общества имеет мало общего: оно, вдруг, с генерал-губернатора падает на какого-нибудь разночинца во всех отношениях. Я думаю, вы знали Бларамберга: этот любитель прошедшего недавно получил д.[ействительного] с.[татского] с.[оветника], — цель всей своей жизни, и достигши наконец сего идеала, чуть-чуть не сошел с ума. Бларамберг совершенно сделался похож на древнюю, полуразбитую, истертую вазу: местами видны изящные изображения, местами нет никаких, и кое-где пробиты дыры. Это вещь, которая имеет цену только для охотника, и годится только в музей. Из лиц, замечательно карикатурных, здесь можно еще указать на Спаду, некогда цензора, отставного жида, расстригу попа, и теперь шута; представьте себе человека, или, лучше сказать, человечка, которого плешивая, лунообразная голова в театре беспрестанно переходит из ложи в ложу, и обращается спутником около какой-нибудь милой дамской головки; который, нак[он]ец, из любезности говорит, как у Бомарше Бридуазон, и вы будете иметь верный портрет этого деятельного, хотел почти сказать двусмысленного члена здешнего общества. — Чрез две-три почты я буду иметь честь доставить вам билет на Одесский Вестник 1831 года.

С истинным почтением и совершенною преданностию честь имею быть милостивый государь, Вашим всепокорнейшим слугою М. Розберг.

546. П. А. Плетневу. 9 декабря 1830 г. Москва.

Милый! я в Москве с 5 декабря. Нашел тещу озлобленную на меня, и на силу с нею сладил — но слава Богу — сладил. На силу прорвался я и сквозь карантин — два раза выезжал из Болдина и возвращался. Но слава Богу, сладил и тут. Пришли мне денег сколько можно более. Здесь ломбард закрыт и я на мели. Что Годунов? Скажу тебе (за тайну) что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 [гл[авы]] *последние* главы Онегина, 8-ую и 9-ую, совсем готовые в печать. Повесть писанную октавами (стихов 400), которую выдадим *Anonyme*. Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, имянно: *Скупой Рыцарь, Моцарт и Салиери, Пир во время Чумы, и Д[он] Жуан*. Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не всё: (Весьма секретное) Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатаем также *Anonyme*. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает. И так русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрел и Дельвиг? охота ему было печатать конфетный билетец этого несносного Лавинья. Но всё же Дельвиг должен оправдаться перед государем. Он может доказать, что никогда в его Газете не было и тени, не только мятежности, но и недоброжелательства к правительству. Поговори с ним об этом. А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона. Прости, душа, здоров будь — это главное.

9 декабря.

547. Е. М. Хитрово. 9 декабря 1830 г. Москва.

Возвратившись в Москву, сударыня, я нашел у кн. Долгорукой пакет от вас, — французские газеты и трагедию Дюма, — всё это было новостью для меня, несчастного зачумленного нижегородца. Какой год! Какие события! Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России, а опирается лишь на соображения личного тщеславия, театрального эффекта и т. д... Известны ли вам бичующие слова фельдмаршала, вашего батюшки? При его вступлении в Вильну поляки бросились к его ногам. [Встаньте], сказал он им, [помните, что вы русские]. Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для того, чтобы ненавидеть их, начинающаяся война будет войной до истребления — или по крайней мере должна быть таковой. Любовь к отечеству в душе поляка всегда была чувством безнадежно-мрачным. Вспомните их поэта Мицкевича. — Всё это очень печалит меня. Россия нуждается в покое. Я только что проехал по ней. Великодушное посещение государя воодушевило Москву, но он не мог быть одновременно во всех 16-ти зараженных губерниях. Народ подавлен и раздражен. 1830-й год — печальный год для нас! Будем надеяться — всегда хорошо питать надежду.

9 декабря.

Госпоже Хитровой в С. Петербург.

548. Е. М. Хитрово. 11 декабря 1830 г. Москва.

Мой отец только что переслал мне письмо, которое вы адресовали мне в деревню. Вы должны быть уверены в моей признательности, так же как я уверен в участии, которое вы изволите принимать в моей судьбе. Поэтому я не буду говорить вам об этом, сударыня. Что до известия о моем разрыве с невестой, то оно ложно и основано лишь на моем долгом отсутствии и на обычном моем молчании по отношению к друзьям. Более всего меня интересует сейчас то, что происходит в Европе. Вы говорите, что выборы во Франции идут в хорошем направлении, — что называете вы хорошим направлением? Я боюсь, как бы победители не увлеклись чрезмерно, и как бы Луи-Филипп не оказался королем-чурбаном. Новый избирательный закон посадит на депутатские скамьи молодое, необузданное поколение, неустрашенное эксцессами республиканской революции, которую оно знает только по мемуарам и которую само не переживало. Я еще не читал газет, так как не имел времени оглядеться.

Что же касается русских газет, то, признаюсь, меня очень удивило запрещение „Литературной Газеты“. Издатель, без сомнения, сделал ошибку, напечатав конфетный билетец Казимира Ла-Виня, — но эта газета так безобидна, так скучна в своей важности, что ее читают только литераторы, и она совершенно чужда даже намеков на политику. Мне обидно за Дельвига, человека спокойного, весьма достойного отца семейства, которому, тем не менее, минутная глупость или оплошность могут повредить в глазах правительства, — и как раз в тот момент, когда он ходатайствует перед его величеством о пенсии для своей матери, вдовы генерала Дельвига.

Будьте добры, сударыня, повергнуть меня к стопам графинь, ваших дочерей, благосклонность которых я высоко ценю, и разрешите мне сделать то же по отношению к вам.

11 дек.

550. Пушкин и С. Д. Киселев — Н. С. Алексееву. 26 декабря 1830 г. Москва.

Мой милый, как несправедливы — твои упреки моей забывчивости и лени! Из писем твоих вижу я, душа моя, что мои до тебя не доходят. Не знаю, кого винить, не смею никого винить; но я писал к тебе несколько раз (или, чтоб не солгать) два раза — стихами и прозой, как бывало в старину. Ты пишешь, что ты постарел, мой вечно юный; желал бы посмотреть на твою лысину и морщины; вероятно и ты не узнал бы меня: я оброс бакенбардами, остригся под гребешок — остепенился, обрюзг — но это еще ничего — я сговорен, душа моя, сговорен и женюсь! и непременно дам тебе знать, что такое женатая жизнь. Пиши мне, мой милый, о тех местах, где ты скучаешь, но которые сделались уже милы моему воображению — о берегах Быка, о Кишеневе, о красавицах вероятно состаревшихся — о Еврейке, которую так долго и так упорно таил ты от меня, своего черного друга — о Пулхерии, о Стамо, о Худобашеве, об Инзове, об Липранди, словом обо всех близких моему воспоминанию, женщин[ах] и мужчин[ах] живых и мертвых. Пребывание мое в Бессарабии доселе не оставило никаких следов ни поэтических, ни прозаических. Дай срок — надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто. Прости, радость моя. Пиши же мне.

26 дек.

[С. Д. Киселев:]

Писать мне в одном письме с Пушкиным конечно есть преступление, но за то ты легко можешь разделить его на два листка. — Немало мне стоило труда заставить его писать, и то мне кажется он забыл, что пишет в Бухарест, а не в Кишенев! —

Холера у нас продолжается, но уже гораздо слабее. К брату посылаю дневную ведомость, из коей можешь видеть общий итог в числе умерших двое Офросимовых, а прочие ни для тебя ни для меня не интересны. —

Пушкин женится на Ганчеровой; между нами сказать, на бездушной красавице, и мне слается, что он бы с удовольствием заключил отступной трактат!..

Пиши мне, любезный Алексеев, сколько можно [про[страннее][?]] чаще и больше, ты тем премного обяжешь.

душою и сердцем преданного друга Киселева.

551. П. В. Нащокину. Декабрь (после 5) 1830 г. Москва.

Сей час еду Богу молиться и взял с собою последнюю сотню. Узнай пожалуйста, где живет мой татарин и, коли можешь, достань с своей стороны тысячи две.

П Е Р Е П И С К А 1831

557. П. А. Вяземскому. 2 января 1831 г. Москва.

Стихи твои прелесть — не хочется мне отдать их в альманах; лучше отошлем их Дельвигу. Обозы, поросята и бригадир удивительно забавны. Яковлев издает к масленицы альманах *Блин*. Жаль, если первый блин его будет комом. Не отдашь ли ты ему обозы, а девичий сон Максимовичу? Яковлев тем еще хорош, что отменно храбр и готов намазать свой блин жиром Булгарина и икрою Полевого — пошли ему свои сатирические статьи, коли есть. Знаешь ли ты, какие подарки получил я на новый год? Билет на Телеграф, да билет на Телескоп — *от издателей в знак искреннего почтения*. Каково? И в Пчеле предлагают мне мир, упрекая нас (тебя да меня) в неукротимой вражде и службе вечной Немезиде. Всё это прекрасно; одного жаль — в Борисе моем выпущены народные сцены, да матерщина французская и отечественная; а впрочем странно читать многое напечатанное. Сев.[ерные] Цв.[еты] что-то бледны. Каков шут Дельвиг, в круглый год ничего сам не написавший и издавший свой альманах в поте лиц наших? На днях у тебя буду, с удовольствием привезу и шампанское — радуюсь, что бутылка за мною. С П.[олиньяком] я помирился. Его вторичное заточение в Венсене, меридиан, начертанный на полу его темницы, чтение Вальтер Скотта, всё это романически трогательно — а всё-таки палата права. Речью адвокатов я не доволен — все они робки. Один Ламене в состоянии был бы *aborder bravement la question*. О Польше нет ни слуху, ни духу. Я видел письмо Чичерина к отцу, где сказано *il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre*. Здесь некто бился об заклад, бутылку V. C. P. противу тыс.[ячи] руб., что Варшаву возьмут без выстрела. Денис здесь. Он написал красноречивый *loge* Раевского. Мы советуем написать ему Жизнь его. Киреевский наш здесь. Вечор видел его. Лиза голинькая пишет мне отчаянное, политическое письмо. Кажется последние происшедствия произвели на П.[етер]Б[ургск]ое общество сильное действие. Если б я был холост, то съездил бы туда. Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пела песню в таборе сложенную, на голос приехали сани:

*Давыдов с ноздрями,
Д — Митюша
Вяземский с очками,
В — Петруша
Гагарин с усами,
Г — Федюша.
Девоч испугали
И всех разогнали и проч.*

Зн[аешь ли] ты эту песню? Addio, поклон всем твоим, до свидания.

Адрес: Кн. Петру Андреевичу Вяземскому.

558. М. П. Погодину. 3 января 1831 г. Москва.

Вот Вам Борис. Доставьте, сделайте милость, один экз.[емпляр] Никодиму Надоумке, приславшему мне билет на Телескоп. Мы живем во дни переворотов — или переборотов (как лучше?). Мне пишут из П.[етер]Б[урга], что Годунов имел успех. Вот еще для меня диковинка. Выдавайте ж Марфу.

Сей час отняли у меня экз.[емпляр] Надеждина; завтра пришлю другой.

Адрес: Мих. Петр. Погодину.

560. П. А. Плетневу. 7 января 1831 г. Москва.

Что с тобою, душа моя? как побранил ты меня в сентябре за мою хандру, с тех пор нет мне о тебе ни слуха, ни духа. Деньги (2000) я получил. Прелестное изд.[ание] Бориса видел. Послание твое к

Гнедко прочел, ответ его не прочел — знаю, что ты жив — а писем от тебя всё нет. Уж не запретил ли тебе ген.[ерал]-губ.[ернатор] иметь со мною переписку? чего доброго! Уж не сердись ли? Кажется не за что. Отвечай же мне, а не то буду беспокоиться.

Теперь поговорим о деле. Видел я, душа моя, Цветы: странная вещь, непонятная вещь! Дельви́г ни единой строчки в них не поместил. Он поступил с нами как помещик со своими крестьянами. Мы трудимся — а он сидит на судне да нас побранивает. Не хорошо и не благоразумно. Он открывает нам глаза и мы видим, что мы в дураках. Странная вещь, непонятная вещь! — Бедный Глинка работает как батрак, а проку всё нет. Кажется мне, он с горя рехнулся. Кого вздумал просить к себе в кумовья! вообрази, в какое положение приведет он и священника и дьячка, и куму и бабу, да и самого кума — которого заставят же отречься от дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочие творить проделки. Нащокин уверяет, что всех избаловал покойник царь, который у всех крестил ребят. Я до сих пор от дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!

Пишут мне, что Борис мой имеет большой успех: Странная вещь, непонятная вещь! по крайней мере я того никак не ожидал. Что тому причиною? Чтение Вальт.[ер]Скотта? голос знатоков, коих избранных так мало? крик друзей моих? мнение двора? — Как бы то ни было — я успеха трагедии моей у вас не понимаю. В Москве то ли дело? здесь жалеют о том, что я совсем, совсем упал; что моя трагедия подражание Кромвелю Виктора Гюго; что стихи без рифм не стихи; что Самозванец не [мог] должен был так неосторожно открыть тайну свою Марине, что это с его стороны очень ветрено и не благоразумно — и тому подобные глубокие критич.[еские] замечания. Жду переводов и суда немцев, а о французах не забочусь. Они будут искать в Борисе политических применений к Варшавскому бунту, и скажут мне как наши: „Помилуйте-с!“ Любопытно будет видеть отзыв наших Шлегелей, из коих один Катенин знает свое дело. Прочие попугаи или сороки Инзовские, которые картавят одну им натверженную [-]. Прости, мой ангел. Поклон тебе, поклон — и всем Вам. К стати: поэма Барат[ынского] чудо. Addio

561. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 9 января 1831 г. Петербург.

Милостивый государь. Александр Сергеевич!

Его величество государь император поручить мне изволил уведомить Вас, что сочинение Ваше: Борис Годунов, изволил читать с особым удовольствием.

Вменяя себе в приятную обязанность уведомить Вас о сем лестном отзыве августейшего монарха, имею честь быть с истинным почтением и преданностию,

Ваш, милостивый государь, покорнейшей слуга А. Бенкендорф.

563. П. А. Плетневу. 13 января 1831 г. Москва.

Пришли мне, мой милый, экз.[емпляров] 20 Бориса, для московских прощальг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

Душа моя, вот тебе план жизни моей: я женюсь в сем месяце, пол-года проживу в Москве, летом приеду к Вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи, не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя та же тетка. То ли дело в П.[етер]Б.[урге]! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна. Что Газета наша? надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вяла; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин. Вот текст для славной филиппике. Кабы я не был ленив, да не был жених, да не был очень добр, да умел бы читать и писать, то я бы каждую неделю писал бы обозрение литературное — да лих терпения нет, злости нет, времени нет, охоты нет. Впрочем посмотрим.

Деньги, деньги: вот главное, пришли мне денег. И я скажу тебе спасибо. Да что же ты не пишешь ко мне, бессовестный?

13 янв.

567. П. А. Вяземский — Пушкину. 17 января 1831 г. Остафьево.

17 января 1831 г. Остафьево.

Сделай милость, прочитай и перечитай с бдительным и строжайшим вниманием посылаемое тебе и укажи мне на все сомнительные места. Мне хочется, по крайней мере в предисловии, не поддать боков критике. Покажи после и Баратынскому, да возврати поскорее, отослав ко мне в дом Демиду. Нужно отослать в Петерб.[ург] к Плетневу, которому я уже писал о начатии печатания Адольфа. Посажена мать спрашивает, когда прикажешь ей сесть и просит тебя дать ей за неделю знать о дне свадьбы.

До свидания. Покажи же Годунова.

568. А. Х. Бенкендорфу. 18 января 1831 г. Москва.

Милостивый государь Александр Христофорович

С чувством глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзыв государя императора о моей исторической драме. Писанный в минувшее царствование, Борис Годунов обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня государь, но и свободе, смело дарованной монархом писателям русским в такое время и в таких обстоятельствах, когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и оковать книгопечатание.

Позвольте мне благодарить усердно и Ваше высокопревосходительство, как голос высочайшего благоволения и как человека, принимавшего всегда во мне столь снисходительное участие.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, есмь милостивый государь Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга. Александр Пушкин.

18 января 1831 Москва.

569. П. А. Вяземскому. 19 января 1831 г. Москва.

Вчера получили мы горестное известие из П.[етер]Б.[урга] — Дельвиг умер гнилою горячкою. Сегодня еду к Салтыкову, он вероятно уже всё знает. Оставь Адольфа у меня — на днях перешлю тебе нужные замечания.

Адрес: Кн. Вяземскому.

570. П. А. Плетневу. 21 января 1831 г. Москва.

Что скажу тебе, мой милый? Ужасное известие получил я в воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову объявить ему всё — и не имел духу. Вечером получил твое письмо. Грустно, тоска. Вот первая смерть мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё.

572. П. А. Плетневу. 31 января 1831 г. Москва.

Сей час получил 2,000 р. — мой благодетель. Satis est, domine, satis est. На сей год денег мне более не нужно. Отдай Софии Михайловне остальные 4,000 — и я тебя более беспокоить не буду.

Бедный Дельвиг! помянем его Северными Цветами — но мне жаль, если это будет ущерб Сомову — он был искренно к нему привязан — и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжеле: чувства души слабеют и меняются, [как] нужды жизненные не дремлют.

Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души — и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, что душу волнует, что сердце

томит. Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами. Отвечай мне на это.

Вижу по письму твоему, что Туманский в П.[етер]Б.[урге] — обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. В нем много прекрасного, не смотря на некоторые мелочи характера малороссийского.

Что за мысль пришла Гнедичу посылать свои стихи в Сев.[ерную] Пчелу? — Радуюсь, что Греч отказался — как можно чертить анфологическое надгробие в нужнике? И что есть общего между поэтом Дельвигом и [-] чистом полицейским Фаддеем?

Милый мой, еще просьба: съезди к St Florent (т. е. к его преемнику) и расплатись с ним за меня. Я, помнится, должен ему около 1,000 руб. Извини меня перед ним — я было совсем о нем забыл.

Что вдова?

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Петру Александровичу Плетневу в С. Петербурге в Екатерининском институте.

574. Н. И. Кривцову. 10 февраля 1831 г. Москва.

Посылаю тебе, милый друг, любимое мое сочинение. Ты некогда баловал первые мои опыты — будь благосклонен и к произведениям более зрелым. Что ты делаешь в своем уединении? Нынешней осенью был я недалеко от тебя. Мне брюхом хотелось с тобою увидиться и поболтать о старине — карантинны мне помешали. Таким образом Бог ведает, когда и где судьба сведет нас опять. Мы не так-то легки на подъем. Ты без ноги, а я женат.

— Женат — или почти. Всё, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, всё уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes ²³. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию.

У меня сегодня тоска — прерываю письмо мое, чтоб тебе не передать моей тоски; тебе и своей довольно. Пиши мне на Арбат в дом Хитровой. На днях получил я чрез Вяз[емского] твое письмо, писанное в 1824. Благодарю, но не отвечаю.

577. П. А. Плетневу. Около (не позднее) 16 февраля 1831 г. Москва.

Через несколько дней я женюсь: и представляю тебе хозяйственный отчет: заложил я моих 200 душ, взял 38,000 — и вот им распределение: 11,000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым — пиши пропало. 10,000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17,000 на обзаведение и житие годичное. В июне буду у Вас и начну жить en bourgeois, а здесь с тетками справиться невозможно — требования глупые и смешные — а делать нечего. Теперь понимаешь ли, что значит приданое и отчего я сердился? Взять жену без состояния — я в состоянии — но входить [за] в долги для ее тряпок — я не в состоянии. Но я упрям и должен был настоять по крайней мере на свадьбе. Делать нечего: придется печатать мои повести. Перешлю тебе на второй неделе, а к святой и тиснем.

Что баронесса? я писал Хитровой о братьях Дельвига. Спроси у нее, каковы ее дела, и отец мой заплатил ли долг Дельвигу? Не продаст ли она мне мой портрет? Мне пишут, что ее здоровье плохо, а

²³ Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах.

она пишет Михайлу Алекс.[андровичу], что она здорова. Кто прав? Что же ты мне не отвечал про жизнь Дельвига? Бар[атынский] не на шутку думает об этом. Твоя статья о нем прекрасна. Чем более читаю ее, тем более она мне нравится. Но надобно подробностей — изложения его мнений — анекдотов, разбора его стихов etc. —

Адрес: Петру Александровичу Плетневу в С.-Петербурге в Екатерининском Институте.

578. П. А. Плетнев — Пушкину. 22 февраля 1831 г. Петербург

22 февраля, 1831. С.п. бург.

Поздравляю тебя, милый друг, с окончанием кочевой жизни. Ты перешел в наше состояние истинно гражданское. Полно в пустыне жизни бродить без цели. Всё, что на земле суждено человеку прекрасного, оно уже для тебя утвердилось. Передай искреннее поздравление мое и Наталье Николаевне: цалую ручку ее.

Написать историю и характеристику поэзии Дельвига — дело столь же прекрасное, сколько и полезное. Если бы Ба[ратынский] не вызвался на это, я бы тебя стал просить о том же, или даже сам на то посягнул бы. Теперь займусь составлением материалов и перешлю их сперва к тебе в цензуру, а ты передай ему с своими зачерками и вставками. Уговорил я баронессу продать тебе портрет твой. Высылать его в Москву не за чем. Оставляю до приезда твоего у себя. Деньги за него (тысячу рублей) отдам остальные от десяти тысяч Годунова, из которых четыре переслано тебе, а пять отдано долгу Дельвигу.

Здоровье баронессы ни хорошо, ни худо. В делах ее денежных вышла очень худая притча. Бог знает, кто и когда успел утянуть из их портфели ломбардных билетов на 54 тысячи. Сколько ни старались открыть, даже следов не видно. Это тем непонятнее, что все другие бумаги найдены по смерти Дельвига в чрезвычайном порядке, с удивительною отчетливостию: а пропавшие билеты находились между этими же бумагами.

Ты упоминал об издании Север.[ных] Цветов. Это непременно сделать надобно с посвящением Дельвигу. Сомова можно будет вознаградить из выручки такою же суммою, какая приходилась на его долю и прежде. Я даже полагаю, что для пользы же Сомова надобно будет поступить так и с Литературной Газетой. Он ей не придаст живости, без чего она решительно умрет. Не взятся ли тебе с Вяземским за нее? Будь в каждом ее номере хоть пять строчек то острых, то умных, то живых, и тем она уж поднимется над братиею своею. Вам двоим ничего это не будет стоить, а на будущее время она может сделаться верною арендою, при которой Сомов останется на обыкновенном жалованье. Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в Сев.[ерных] Цветах отрывок из исторического романа, с подписью 0000, также в Литературной Газете Мысли о преподавании географии, статью: Женщина и главу из малороссийской повести: Учитель. Их писал Гоголь-Яновский. Он воспитывался в Нежинском Лицее Безбородки. Сперва он пошел-было по гражданской службе, но страсть к педагогике привела его под мои знамена: он перешел также в учителя. Жуковский от него в восторге. Я нетерпеливо желаю подвести его к тебе под благословение. Он любит науки только для них самих, и как художник готов для них подвергать себя всем лишениям. Это меня трогает и восхищает. Я познакомился короче с Деларю. Его привязанность к памяти Дельвига представляет также что-то священное. Это уже одно связывает меня с ним, не говоря о прекрасном его таланте. Всё это я пересказываю тебе для того, чтобы ты передумал хорошенько о литературной своей деятельности в будущем и с божиею помощью принял бы за что-нибудь хорошенькое, где бы открылось поле для деятельности и других людей с чистою душою и благородным стремлением к нравственному совершенству.

Когда я собирался писать Некрологию Дельвига (помещенную в Газете), сердце мое было сжато. Всё, что употребили враги его для очищения своих гнусностей, так меня тягло и мучило, что я решился перед публикою говорить языком человека постороннего в этом деле, страшась, чтобы мерзавцы не воспользовались для достижения своей цели самою святынею дружества. Они, как я

предчувствовал, готовы были даже и то обратиться в укоризну покойнику, что никто об нем ни слова не сказал языком беспристрастным. Вот почему я говорил без всякого энтузиазма, не вводя ни одного обстоятельства, которое бы выказывало меня как его домашнего человека: я ограничился только тем, что должно было прийти до сведения всякого литератора, хотя бы он и не видывал Дельвига. Думаю, что меня весьма не многие поняли; больше осуждали. Ты совершенно утешил меня, особенно тем, что начал смотреть с хорошей стороны на пьесу после нескольких раз ее чтения. Мне только этого и хотелось.

Надеюсь, что Белизар доставил тебе известие о полученных им от меня деньгах за все книги, взятые тобою в разные эпохи из его магазина, а также и переслал тебе оставшиеся у него томы латинских классиков. На уплату этого долга я употребил деньги из твоих доходов Смирдинских (что за всё старое пойдут на четыре года).

579. Пушкин и Н. Н. Пушкина — А. Н. Гончарову. 24 февраля 1831 г. Москва.

Милостивый государь дедушка Афанасий Николаевич,

Спешу известить Вас о счастье моем и препоручить себя Вашему отеческому благорасположению, как мужа бесценной внуки Вашей, Натальи Николаевны. Долг наш и желание были бы ехать к Вам в деревню, но мы опасаемся Вас обеспокоить и не знаем, в пору ли будет наше посещение. Дмитрий Николаевич сказывал мне, что вы всё еще тревожитесь на счет приданого; моя усиленная просьба состоит в том, чтоб вы не расстроивали для нас уже расстроенного имения; мы же в состоянии ждать. Что касается до памятника, то будучи в Москве, я никак не могу взяться за продажу оного и предоставляю всё это дело на Ваше благорасположение.

С глубочайшим почтением и искренно сыновней преданностию имею счастье быть, милостивый государь дедушка,

Вашим покорнейшим слугой и внуком Александр Пушкин.

Москва. 24 февр. 1831

[Н. Н. Пушкина:]

Любезный дедушка!

Имею счастье известить вас наконец о свадьбе моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположению. С моей же стороны чувства преданности, любви и почтения никогда не изменятся. Сердечно надеюсь, что вы попрежнему останетесь моим вернейшим благодетелем. При сем целую ручки ваши и честь имею пребыть на всегда покорная внучка

Наталья Пушкина.

580. П. А. Плетневу. 24 февраля 1831 г. Москва.

Мой милый, я очень беспокоюсь о тебе. Говорят, в П.[етер]Б.[урге] грипп; боюсь за твою дочку. На всякой случай жду от тебя письма.

Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется я переродился. Посылаю Вам визитную карточку — жены дома нет, и потому не сама она рекомендуется Ст.[епаниде] Ал.[ександровне].

Прости, мой друг. Что баронесса? память Дельвига есть единственная тень моего светлого существования. Обнимаю тебя и Жуковского. Из газет узнал я новое назначение Гнедича. Оно делает честь государю, которого искренно люблю, и за которого всегда радуюсь, когда поступает он умно и по царски. Addio.

582. Е. А. Карамзина — Пушкину. 3 марта 1831 г. Петербург.

Задолго до получения вашего письма, дорогой Пушкин, я уже поручила Вяземскому поздравить вас с вашим счастьем и выразить вам мои пожелания, чтобы оно оказалось столь прочным и полным,

насколько это вообще возможно в нашем мире. Я очень признательна вам за то, что вы вспомнили обо мне в первые дни вашего счастья, это истинное доказательство дружбы. Я повторяю свои пожелания, вернее сказать надежду, чтобы ваша жизнь стала столь же радостной и спокойной, насколько до сих пор она была бурной и мрачной, чтобы нежный и прекрасный друг, которого вы себе избрали, оказался вашим ангелом-хранителем, чтобы ваше сердце, всегда такое доброе, очистилось под влиянием вашей молодой супруги, словом, чтобы вас осенила и всегда охраняла милость Господня. Мне не терпится увидеть собственными глазами ваше сладостное и добродетельное счастье. Не сомневайтесь в искренности этих пожеланий, как вы не сомневаетесь в дружбе, внушившей их той, которая на всю жизнь останется преданной вам Е. Карамзиной.

Я прошу вас выразить госпоже Пушкиной мою благодарность за любезную приписку и сказать ей, что я с чувством принимаю ее юную дружбу и заверяю ее в том, что, несмотря на мою холодную и строгую внешность, она всегда найдет во мне сердце, готовое ее любить, особенно, если она упрочит счастье своего мужа.

Дочери мои, как вы легко можете себе представить, нетерпеливо ждут знакомства с прекрасной Натали. Адрес: *Его высокоблагородию милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину. в Москве.*

583. Н. И. Хмельницкому. 6 марта 1831 г. Москва.

Милостивый государь Николай Иванович.

Спешу ответить на предложение Вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбия: я бы за честь себе поставил препроводить сочинения мои в Смоленскую Библиотеку, но в следствии условий, заключенных мною с петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни единого экземпляра, а дороговизна книг не позволяет мне и думать о покупке.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивый государь Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

6 марта 1831 Москва.

[На обороте листа:]

Дав официальный ответ на официальное письмо Ваше, позвольте поблагодарить Вас за ваше воспоминание и попросить у вас прощения, не за себя, а за моих книгопродавцев, не высылающих Вам, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будет Вам доставлена непременно, Вам, любимому моему поэту; но не ссорьте меня с Смоленским губернатором, которого впрочем я уважаю столь же, сколько Вас люблю.

Весь Ваш.

585. П. А. Плетневу. 26 марта 1831 г. Москва.

Что это значит, душа моя? ты совершенно замолк. Вот уже месяц как от тебя ни строчки не вижу. Уж не воспоследовало ли вновь тебе от ген.[ерал]-губерн.[атора] милостивое запрещение со мною переписываться? чего доброго? не болен ли ты? всё ли у тебя благополучно? или просто ленишься да понапрасно друзей своих пугаешь. Покаместь вот тебе подробное донесение обо мне, о домашних моих обстоятельствах и о намерениях. В Москве остаться я никак не намерен, причины тому тебе известны — и каждый день новые прибывают. После святой отправляюсь в П.[етер]Б.[ург]. Знаешь ли что? мне мочи нет хотелось бы к Вам недоехать, а остановиться в Царск.[ом] селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний, и тому подобных удобностей. А дома вероятно ныне там недороги: гусаров нет, двора нет — квартал пустых много. С тобою, душа моя, виделся бы я всякую неделю, с Жук.[овским] также — П.[етер]Б.[ург] под боком — жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай об этом на досуге, да и перешли мне свое решение. Книги Белизара я получил и благодарен. Прикажи ему переслать мне еще *Crabbe, Wodsworth, Southey* и *Schakspear* в

дом *Хитровой* на *Арбате*. (Дом сей нанял я в память моей Элизы; скажи это Южной ласточке, смугло румяной красоте нашей). Сомову скажи, чтоб он прислал мне, если может, *Лит.[ературную] Газету* за прошедший год [да и] (за нынешний не нужно; сам за ним приеду) да и *С.[еверные] Цветы*, последний памятник нашего Дельвига. Об альманахе переговорим. Я не прочь издать с тобою последние *С.[еверные] Цветы*. Но я затеваю и другое, о котором также переговорим. Мне сказывали, что *Жук.[овский]* очень доволен *Марфой посадницей*, если так, то пусть же выхлопочет он у Бенкендорфа или у кого ему будет угодно, позволение напечатать всю драмму, произведение чрезвычайно замечательное, не смотря на неровенство общего достоинства и слабости стихосложения. Погодин очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, которого куда бы не худо посадить на опустевшую кафедру Мерзлякова, доброго пьяницы, но ужасного невежды. Это было бы победа над университетом, т. е. над предрассудками и вандализмом.

О своих меркантильных обстоятельствах скажу тебе, что благодаря отца моего, который дал мне способ получить 38,000 р., я женился, и обзавелся кой как хозяйством, не входя в частные долги. На мою тещу и деда жены моей надеяться плохо, частью от того, что их дела расстроены, частью и от того, что на слова [всякого] надеяться не должно. По крайней мере, с своей стороны, я поступил честно и более нежели бескорыстно. Не хвалюсь и не жалею — ибо женка моя прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что должен был я сделать. Итак до свидания, мой милый.

26 марта.

590. П. А. Плетневу. 11 апреля 1831 г. Москва.

Воля твоя, ты несносен: ни строчки от тебя не дождешься. Умер ты, что ли? Если тебя уже нет на свете, то, тень возлюбленная, кланяйся от меня Державину и обними моего Дельвига. Если же ты жив, ради Бога, отвечай на мои письма. Приезжать ли мне к Вам, остановиться ли в Царском селе, или мимо скакать в Петербург или Ревель? Москва мне слишком надоела. Ты скажешь, что и П.[етер]Б.[ург] малым чем лучше: но я как Артур Потоцкий, которому предлагали рыбу удить: *j'aime mieux m'ennuyer autrement* ²⁴. Мне кажется, что если все мы будем в кучке, то литература не может не согреться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего доброго? и газеты! Вяземский везет к Вам Жизнь Ф.[он]Визина, книгу едва ли не самую замечательную с тех пор как пишут у нас книги (всё-таки исключая Карамзина). Петр Иваныч приплыл и в Москву, где кажется приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? не уж то мы вразумили публику? или сама догадалась, голубушка? А кажется Булгарин так для нее создан, а она для него, что им вместе жить, вместе и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягал, а как, сказывают, обо мне в нем нет ни слова, то и не посягну. Разумею, не стану читать, а ругать всё-таки буду. Сомов написал мне длинное письмо, на которое еще не отвечал. Скажи ему, что Делорма я сам ему привезу, потому и не посылаю. Что баронесса? — О тебе говорила мне Жихарева; анекдот о билетах — прелесть!

11 апр. Христос воскрес!

Адрес: М. г. Петру Александровичу Плетневу, в С. Петербург в Екатерининском институте.

592. П. А. Плетневу. Около (не позднее) 14 апреля 1831 г. Москва.

Ты прав, любимец муз — должно быть акуратным, хотя это и немецкая добродетель; нехудо быть и умеренным, хотя Чацкий и смеется над этими двумя талантами. И так вот тебе пунктуальные ответы на твои запросы. Деларю слишком гладко, слишком правильно, слишком чопорно пишет для молодого лицеиста. В нем не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй том Подолинского. Впрочем может быть он и разовьется. О Гоголе, не скажу тебе ничего, потому что доселе [ничего]

²⁴ я предпочитаю скучать иным образом.

его не читал за недосугом. Отлагаю чтение до Царского села, где ради Бога найми мне фатерку — нас будет: мы двое, 3 или 4 человека да 3 бабы. Фатерка чем дешевле, тем разумеется лучше — но ведь 200 рублей лишних нас не разорят. Садика нам не будет нужно, ибо под боком будет у нас садище. А нужна кухня, да сарай, вот и всё. Ради Бога, скорее же! и тотчас давай нам и знать, что всё-де готово, и милости просим приезжать. А мы тебе как снег на голову.

Обними Жуковского за участие, в котором я никогда не сомневался [но которому радуюсь как нечаянности]. Не пишу ему, потому что не привык с ним переписываться. С нетерпением ожидаю новых его баллад. И так бываешь с ним опять. Слава Богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады, переводы или сочинения. Дмитриев, думая критиковать Жуковского, дал ему прездравый совет. Жук[овский], говорил он, в своей деревне заставляет старух себе ноги гладить и рассказывать сказки и [из это[го]] потом перекладывает их в стихи. Предания русские ничуть не уступают в фантастической поэзии преданиям ирландским и германским. Если [вдохновенье] всё еще его несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла!

600. П. В. Нащокин — Пушкину. Около (не позднее) 25 мая 1831 г. Москва.

Ты не можешь себе представить какое худое влияние произвел твой отъезд от сюда на меня, — я совершенно оробел, — расстройство нерв я более чувствую чем когда-нибудь, всего боюсь — ни за что ни про што — не нахожу средств уединиться — одному же скучно. Чувствую в себе какого-то, в роде вампира, не кого ждаты не к кому ийти, — одним словом — очень худо, — читаю — в пот бросает, музыкой я не доволен, — что со мной будет — право не знаю — не стану говорить о привязанности моей к тебе — что же косается до привычке видеть и заниматься тобою, она без меры [и неутешительна]. Всё это ты и знал и предполагать мог, оно не нужно было, но само как-то написалось; извини, дом твой остался в большом беспорядке в нравственном смысле — М.[арья] И.[вановна] была на меня в неудовольствии, жаловалась на меня куда следует — и долженствовало бы быть процессу — но я задавил его, силою красной ассигнации, всё кончилось, уложены твои вещи и завтра будут отправлены; деньги я еще от Вяземского не получил — некогда было быть у него, все тебе велели кланяться, об отъезде твоём ничего еще не успел слышать, — сделай милость ошибок не поправляй — их много — и меня это будет конфузит. Натали Николаевне — мое почтение. Не забудь портрет — мне здается, боюсь вымолвит что я тебя иначе не увижу, но может это враки. Посылаю тебе доверенность, соверши ее в Гражданской палате — и не вырван ласкутка из пакета на котором написано как тебе подписать — присылай ее скорее. — Жить ты будешь счастливо я в этом [я] уверен — следственно говорить и желать тебе мне нечего, не забудь меня, поминай меня, да не лихом — я с своей стороны тебе был друг искренный, по душе, или по чему другому, всё равно. Сидя в карете я плакал — и этому давнишнему удовольствию я тебе обязан. Письма мои сделай милость рви, ибо им можно будет современем смеяться, этому более, ибо оно совершенно писано слогом нежной московской кузины, но этому виноват ты, не позволив мне писать начерно. Прощай Александр Сергеевич, — прошу тебя сказать своим слогом Натали Николаевне [чтобы она не портила [?]] всего того, что может ей доставить] сколь много я ей желаю всякого счастья и удовольствия.

П. Нащокин.

Напиши мне — разбираешь ли руку мою.

602. П. В. Нащокину. 1 июня 1831 г. Царское Село.

Вот уже неделя, как я в Ц.[арском] С.[еле], а письмо твое получил только третьего дня. Оно было застраховано, и я возился с полицией и почтой. Доверенность пришло тебе немедленно. Очень благодарю тебя за дружеские хлопоты с М.[арьей] Ив.[ановной] и поздравляю с прекращением домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза и письма твоего. Я бы переслал Горчакову тотчас мой долг с благодарностию, но принужден был в эти две недели истратить 2,000 рублей и потому

приостановился. Теперь кажется всё уладил и стану жить по тихоньку без тещи, без экипажа, следственно без больших расходов и без сплетен. Как ты ладишь с влюбленным Паливановым? Едет ли он в Калугу вослед своей возлюбленной? У меня встретился он с теткой жены, К. И. Загряжской, и я рекомендовал его как будущего племянника. Только я боюсь, чтоб дедушка его не надул — смотри за ним. Что твои домашние обстоятельства? не отыскался ли жених на известную особу? Из [С. Ц.] Царск.[ого] С.[ела] приехал бы я на эту свадьбу, отпраздновать твое освобождение, законный брак О.[льги] А.[ндреевны], и увез бы тебя в П.[етер]Б.[ург]. То-то бы зажили! Опять бы завелись и арапы, и карлики, и сотерн и пр. — Прощай, пиши, и не слишком скучай по мне. Кто-то говаривал: Если я теряю друга, то иду в клуб и беру себе другого. Мы с женой тебя всякой день поминаем. Она тебе кланяется. Мы ни с кем еще покаместь не знакомы, и она очень по тебе скучает.

1 июня.

Я сей час увидел в *Лит.[ературной] Газ.[ете]* разбор Вельтмана, очень не благосклонный и несправедливый. Чтоб не подумал он, что я тут как-нибудь вмешался. Дело в том, что и я виноват: поленился исполнить обещанное. Не написал сам разбора; но и некогда было. Обнимаю Горчакова. Что Вяземского тысяча?

В Москве у Николы на Песках В доме Годовиковой на Арбате.

603. П. А. Вяземскому. 1 июня 1831 г. Царское Село.

Я живу в Ц.[арском] С.[еле] в доме Китаевой на большой дороге. Грех тебе будет ко мне не заехать. Все наши П.[етер]бургские знакомки тебе кланяются и ждут тебя. Здешние залы очень замечательны. Свобода толков меня изумила. Дибича критикуют явно и очень строго. Тому неделю Эриванский был еще в Петергофе. Ты читал известие о последнем сражении 14 мая. Не знаю, почему не упомянуто в нем некоторые подробности, которые знаю из частных писем и кажется от верных людей: Кржнецкий находился в этом сражении. Офицеры наши видели, как он прискакал на своей белой лошади, пересел на другую бурую, и стал командовать — видели, как он, раненый в плечо, уронил палаш и сам свалился с лошади, как вся его свита кинулась к нему, и посадила опять его на лошадь. Тогда он запел *Еще польска не сгинела*, и свита его начала вторить, но в ту самую минуту другая пуля убила в толпе польского майора, и песни прервались. Всё это хорошо в поэтическом отношении. Но всё-таки их надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был впрочем наш образ мыслей. Но для Европы нужны общие предметы внимания и пристрастия, нужны и для народов и для правительств. Конечно выгода почти всех правительств держаться в сем случае правила non-intervention, т. е. избегать в чужом пиру похмелья; но народы так и рвутся, так и лаят. Того и гляди, навяжется на нас Европа. Счастье еще, что мы прошлого году не вмешались в последнюю французскую передрыгу! А то был бы долг платежом красен. От политики перехожу к литературе, т. е. к Булгарину. Знаешь ли, за что его выслали из П.[етер]Б.[урга]? говорят, будто бы при появлении эпиграммы *Фиглярин, вот поляк примерный*, он так огорчился, что прямо адресовался к государю со слезной жалобой на меня, сделайте-де, в.[аше] в.[еличество], такую божескую милость, уймите Пушкина, который всё меня обиждаёт своими стишками. Государю было не до стишков: Булгарин же не в первый раз надоедал ему своими жалобами и доносами. Он и велел его выслать, как человека беспокойного. Но каковы бесстыдство и дерзость Булгарина? Не доволен он тем, что плутовством выманил он 170 высочайший рескрипт Петру Ивановичу Выжигину, и что он продает свои сальные пасквили из-под порфиры императорской. Карл X сидит себе смирно в Эдинбурге, а Фаддей Булгарин требует вспомогательной силы от русского императора! Господи боже мой, до чего мы дожили! Однакож вот тебе и добрая весть: Жуковский точно написал 12 прелестных баллад и много других прелестей. Прощай, кланяйся княгине.

1 июня.

Сердечно кланяюсь И. И. Дмитриеву. Что его здоровье?

607. П. В. Нащокину. 9 (?) июня 1831 г. Петербург.

Вот тебе одна тысяча, другая досталась мне золотом. Извини меня перед Горчаковым: он получит всё прежде срока или в срок — но не позже. Если увидишь Вяз[емского], то спроси, как ему переслать его 1,000? или нет ли у него здесь долгов, или не хранить ли ее до его приезда. Прости, любезный, будь здоров и не хандри.

608. П. В. Нащокин — Пушкину. 9 июня 1831 г. Москва.

Виноват, что не писал — всякой день вставая, в продолжения всего дня всё думал как бы написать на силу собрался. Это письмо тоже доставит тебе хлопот, [ибо будет] оно тоже застраховое. Посылаю тебе контракт, который я заключил с подрячиком, об отправки твоего обоза, и счет деньгам полученным мною от Вяземского. Обоз я думаю к тебе пришел. Будут просить прибавки не давай. Александру Григорьеву дал я за месяц вперед т. е. 50 ру. асс. Просил он у меня за три но я не мог дать столько; с обозом твоим хлопот ни мало было, но не для чего описывать, интересного мало, а как водится были проводы и тому подобные вещи, о некоторых я по власти мне данной простил — и обещался молчать, — но для всякой предосторожности советую поверять изредко счета и нынешнего твоего дворецкого. Доверенность я жду — но не думаю чтобы она была нужна так скоро, ибо — Рахманов хотя и предлагал мне хорошую сумму за мою претензию, но с условием: с таким условием — что ты верно бы не догадался. Жаль что тебе нельзя подумать, что тут же я — должен решить задачу. В чем условие; — в том, чтоб я себя застраховал — в случае смерти. Довольно, кажется объяснять нечего — почему не сбыточно, — верно это тоже из тех штук, которые ни с кем кроме со мною не случалось, кажется что я первый — в России, который на волосок был от страхования. Как жаль что я тебе пишу — наговорил бы я тебе много забавного, — между прочтих был приезжий из провинции, который сказывал что твои стихи не в моде — а читают нового поэта, и кого бы ты думал, опять задача. — его зовут — Евгений Онегин. — Хорошо. — Онекдотов — разных приключений в Москве, в кlobe, — очень много, но предоставляю тебе узнавать через других, — как хочешь, — а тебе расскажу про Поливанова из Питера. Остановился у меня на сутки только, но что за сутки (влюблен уж очень, сердит, упрям, не слушает что ему говорят, совсем рехнулся, капризин — что моя Ол.[ьга] Ан.[дреевна]). Кстати она тебе кланяется. Дмитрий Николаевич был у меня за час перед отъездом в Заводы, а потому говорить могли очень мало. Из малого заметил что он не расположен хорошо к А.[лександр] Ю.[рьевичу]. О Семене Ивановиче очень хорошего мнения. Следственно я и ожидал что Поливанову будет сначала не очень хорошо, так и случилось, по приезде к себе в деревню решился он ехать к дедушке; — был — и ни кого не видал кого нужно — так и воротился. Дедушко — ему сказал что он сам у себя — уже шестой день ни кого не видеть, что Наталья Ивановна — не здорова и не выходит и дочери тож. — Дм.[итрием] Ни.[колаевичем] он очень недоволен, и так[им] образом он теперь у себя в деревне, не в красивом положении. Вот мои донесении. — [Касательно Вашего семей[ства]] О себе скажу что очень очень тяжело, и только, увидимся когда-нибудь всё узнаешь — и я думаю что скоро, ибо получать деньги скоро надо будет, и тогда как ты обещал должен сам приехать, день твоего приезда верно я буду и весел и здоров. — Мое почтение Натальи Николаевне. Очень много говорят — [как] о Ваших прогулках по Летнему саду — я сам за очно утешаюсь — и живо представляю себе Вас гуляющих — и нечего сказать: очень, очень хорошо. Вам скучно в Цар.[ском] Се.[ле], будет весело, скоро. Прошу всенижайше Наталью Николаевну и тогда [меня изредко в[споминать]] для меня оставить уголок в своей памяти. — А что ж портрет. — Портрет не премоно, сде[лай] милость — напомни Натальи Николаевне — что она мне обещалась тебе об оном напоминать — почаще. — Прощай друг — будь счастлив и здоров. Много бы еще кой чего надо написать — но в друг не упомнишь — и Вы же меня развлекаете, я точно с тобой в кабинете — стою и молчу и жду сам не знаю чего — ты перебираешь листы — Наталья Николаевна сидит за конвой. — Вот братец, не портрет — а картина, — найди-ко мне такого мастера, чтобы он так нарисовал живо как мне теперь представляется. — Прощай еще раз — ты не можешь вообразить — как много я Вам предан. Я сам

покуда Вы были, не воображал — без тебя брат ты не можешь вообразить, я всё молчу — а иногда и отмальчиваюсь — и скоро разучусь говорить — а выучусь писать — дай Бог я бы очень этого желал. Письмо начать мне было очень трудно, теперь не могу перестать — однако пора, прощай в самом деле.

П. Нащокин.

609. П. В. Нащокину. 11 июня 1831 г. Царское Село.

Послал я к тебе, любезный Павел Воинович, и доверенность, и деньги; получил весь мой московской обоз, а от тебя ни слова не имею; да и никто из Москвы ко мне не пишет, ни ко мне, ни к жене. Уж не теряются ли письма? Пожалуйста, не ленись. С Павловым не играй, с Рахмановым кончи поскорее, О.[льгу] А.[ндреевну] сосватай, да приезжай к нам без хлопот. Мы здесь живем тихо и весело, будто в глуши деревенской; на силу до нас и вести доходят, да и те не радостные. О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Он уронил Россию во мнении Европы, и медленностию успехов в Турции и неудачами против польских мятежников. Здесь говорят о взятии и сожжении Вильны и о том, что Храповицкого будто бы повесили. Ужасно, но надеюсь не правда. Холера, говорят, всё не унимается. Правда ли, что в Твери карантин? Экой год! Прощай, душа моя. Жена тебя очень любит и очень тебе кланяется.

А. П. 11 июня Сарско-Село.

610. П. А. Вяземскому. 11 июня 1831 г. Царское Село.

Что за дьявольщина? пишу, пишу — а никто мне не отвечает. Получил ли ты письмо мое? На всякой случай вот тебе другое; тысяча твоя у меня. Переслать ли ее в Москву, или прикажешь ей тебя дожидаться? В Твери, сказывают, холера и карантин. Как же ты к нам приедешь? Уж не на пироскафе, как гр. Паскевич поехал в армию. Что там делается, ничего не ведаем. Потеря Дибича должна быть чувствительна для поляков; по расчету Толь будет главнокомандующим в течении 20 дней; авось употребит он [эту] это время в пользу себе и нам. Здесь говорят о взятии Вильны и о повешении Храповицкого. Ужасно во всех отношениях! Дай Бог, чтоб это было ложное известие.

Видел я Тургенева и нашел в нем мало перемены: кой где седина, впрочем та же живость, по крайней мере при первом свидании. Жду его в Сарское-село. Он едет к тебе, если карантин его не удержит. Постарайся порастрепать его портфель, полный европейскими сокровищами. Это нам пригодится. Жуковский всё еще пишет. Он перевел несколько баллад Соувея, Шиллера и Гуланда. Между прочем Водолаза, Перчатку, Поликратово кольцо etc. Также перев[ел] неконченную балладу Вальтер-Скотта Пильгрим, и приделал свой конец: прелесть. Теперь пишет сказку гекзаметрами, в роде своего красного карбункула, и те же лица на сцене, Дедушка, Луиза, трубка и проч. Всё это явится в новом издании всех его баллад, которые издает Смирдин в двух томиках. Вот всё, чем можно нам утешаться в нынешних горьких обстоятельствах. Здесь я журналов не получаю, и не знаю, что делается в нашем омуте, и кто кого.

Прощай, кланяюсь княгине и Катерине Андреевне, если она уже доехала до Астафьева. Если Вы все вместе, то мудрено тебя сюда выманить, однакож надобно. Что Софья Николаевна? царствует на седле? A horse, a horse! My kingdom for a horse! Прощай же до свидания.

А. П. 11 июня.

611. П. А. Вяземский — Пушкину. 11 июня 1831 г. Москва.

Спасибо за письмо, но не спасибо за то, что ты купил мои мебели. Карамзины меня не поняли, или я не так объяснился. Я полагал, что некоторые мебели были взяты на прокат и писал о них, чтобы отдать их купцу. Сделай милость, возврати мне их, если можно: то есть держи их у себя до приезда моего. Карамзины приехали благополучно и вчера отправились в Остафьево. Я еще всё выставляюсь. Что твои литературные проекты? Есть ли начало? Хорошо бы с нового года начать журнал, а к новому году изготовить альманахик. Разумеется, не проеду мимо тебя, но когда проеду? Бог весть. У нас дела

еще на месяц. Да того и смотри, что Вы в Петербурге запретесь. Прости, моя душа. Мое почтение жене. Моя всё еще очень слаба. Постарайтесь с Плетневым продать моего Адольфа: если мне барыша очистилось бы от 2 до 3 ты.[сяч], то я Вам, публике, книгопродавцам и самой тени Б.[енжамена] Констана, поклонился бы в ножки.

612. Е. М. Хитрово. Середина июня 1831 г. Царское Село.

Свистунов сказал мне, что увидит вас сегодня вечером; пользуюсь случаем, сударыня, чтобы просить вас об одном одолжении; я предпринял исследование французской революции; покорнейше прошу вас, если возможно, прислать мне Тьера и Минье. Оба эти сочинения запрещены. У меня здесь есть только „Мемуары, относящиеся к революции“. На днях я рассчитываю на несколько часов приехать в Петербург. Я воспользуюсь этим, чтобы явиться на Черную речку.

Милостивой государыне госпоже Хитровой.

613. П. Я. Чаадаев — Пушкину. 17 июня 1831 г. Москва.

Ну что же, друг мой, куда девалась моя рукопись? Я не имею от вас известий со дня вашего отъезда. Сначала я не хотел писать вам о ней, решив, согласно моим правилам, предоставить всё течению времени; но, поразмыслив, рассудил, что на этот раз дело обстоит иначе. Я, друг мой, завершил всё, что обязан был сделать, сказал всё, что имел сказать: мне не терпится иметь всё это под рукой. Постарайтесь, пожалуйста, чтобы мне не пришлось долго ждать моего сочинения и напишите мне поскорее, что вы с ним сделали. Вы знаете, к чему я стремлюсь. Мною руководит не честолюбие, а желание принести пользу. Это не значит, что мне не хотелось бы выйти немного из неизвестности; ведь это — средство дать распространение мысли, которую, я думаю, мне предопределено открыть миру; но главная забота моей жизни, это выносить эту мысль в глубине души и сделать ее своим наследием.

Очень жаль, друг мой, что нам не удалось соединить наши жизненные пути. Я продолжаю думать, что мы должны были идти об руку и из этого получилось бы нечто полезное и для нас и для других. Мне опять приходит это в голову с тех пор, как я стал иногда ходить, угадайте куда? — в Английский клуб. Вы говорили мне, что бывали там, я мог встретиться с вами в этом прекрасном помещении, среди колоннад, так похожих на греческие, в тени прекрасных деревьев; это обязательно повлекло бы за собой мощный обмен мыслей. Я часто испытывал нечто подобное.

Будьте здоровы, друг мой. Пишите мне по-русски; вы должны говорить только на языке своего призвания. Я жду от вас хорошего длинного письма; пишите мне обо всем, о чем пожелаете; всё, что исходит от вас, будет мне интересно. Надо только начать; я уверен, что у нас найдется тысяча вещей, чтобы рассказать друг другу.

Ваш, весь ваш, от всего сердца. Чаадаев.

614. П. А. Вяземский — Пушкину. 17 июня 1831 г. Москва.

Москва. 17-го июня.

Ты жалуешься на молчание мое, а я писал тебе недавно через Толмачева. Тысячу мою держи у себя до приезда моего. Спроси пожалуйста у Плетнева, получил ли он свою тысячу. Я очень рад, что Жуковский опять сбесился, но не рад тому, что он остается в Петербурге. Он, говорят, очень болен. Убеди его куда-нибудь съездить, хоть в Москву к искусственным водам. Высылайте скорее и Тургенева. Боюсь, он выдохнется в Петербурге и уже не ошибет меня своим европейским запахом. Я здесь никого из порядочных людей не вижу: Баратынский в деревне, не знаю где и что Языков. Карамзины с женою моею в Остафьево; езжу к ним по субботам отдыхать от бремени государственных дел. Прошу теперь читать меня уже в Коммерческой Газете: отъищи мой взгляд на выставку. Читал ли ты о Борисе Годунове разговор, напечатанный в Москве? Прочти, моя радость. Университет не позволил Погодину прочесть на акте похвальное слово Мерзлякову. Каченовский сказал, что это не

стоит внимания. Пусти же в свет моего Адольфа. Когда будешь в Питере, передай мой сердечный поклон Элизе и Доле. Я с удовольствием узнал тебя в Делорме. Целую тебя и милую.

615. Е. М. Хитрово. Около (не позднее) 20 июня 1831 г. Царское Село.

Спасибо, сударыня, за „Революцию“ Минье, я получил ее через Новосильцева. — Правда ли, что Тургенев покидает нас и притом так внезапно?

Итак, у вас появилась холера; впрочем, не бойтесь. Это та же история, что и с чумой; порядочные люди от нее не умирают, как говорила маленькая гречанка. Надо надеяться, что эпидемия окажется не слишком сильной, даже среди простого народа. В Петербурге много воздуха, да притом и море...

Я исполнил ваше поручение, — вернее, не исполнил его — ибо что за мысль явилась у вас заставить меня переводить русские стихи французской прозой, меня, не знающего даже орфографии? Кроме того, и стихи посредственные. Я написал на ту же тему другие, не лучше этих, и перешлю их вам, как только представится случай.

Будьте здоровы, сударыня, это сейчас самое неотложное, что я имею сказать вам.

618. Болдинские крестьяне — Пушкину. 24 июня 1831 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Покорнейши просим простить нашу дерзость что мы нижайшии рабы осмеливаемся утруждать нашу нижайшею прозбою, вашей милости известно что мы лишаеь г.[осподина] своего покойного Василья Львовича остаемся под распоряжением г.[осподина] опекуна Гаврила Васильевича Повалишина, но как мы ласкаем себя надеждою быть вашими рабами, то за нужное почли прибегнуть под ваше покровительство. Первое при вотчине нашей находится определенный бурмистр из числа нас крестьян Осип Павлов, который находился под судом по делу касающемуся до него пред земским начальством в грубости за что он был содержан три мца в тюрьме и как преступник был острижен; и потом Елисеем Дорофеевым определен опять бурмистром и после того по несколким обстоятельствам был замечан в краже господского, и нашего мирского интереса, то мы все нижайшии рабы ваши не терпя его болие таких поступков, не желаем быть при нас вотчинначалником его негодяя, в таком случае два раза приходили с прозбою все от мала и до велика об отмени его к г.[осподину] опекуну, но он — по прозбе Елисея Дорофеева отменить его не согласился и даже нам строго за претил впредь ему о том доносить, подтвердил естли кто осмелится приттить к нему тот будит отдан к наказанию правительству; но как бурмистр согласясь вместе с Елисеем Дорофеевым делают за то нам не малое притеснение, и расхищают доход касающийся поступить наследнику: в свою ползу. Вот уже четвертый год не знаим мы для чего с нас немалая им бурмистром собрана сумма куда же употреблена нам о том отчету не дает; и мы теперь единственное средство находим просить вашего милостивого покровительства, припадаем к стопам ног ваших покорнейши просим вас, потрудитесь на писать к г.[осподину] опекуну чтоб он сего негодяя и при нем старосту от должности отменил а позволил бы нам избрать на сие место доброго и хорошего поведения людей, мы надеемся что г.[осподин] опекун по писму вашему сие учинит немедленно и покорнейши просим вас сие наше прошение г.[осподи]ну опекуну не открывать ибо он получа о том известие со общит Елисею Дорофееву, и он на то большое зделает притеснение и сочтет за неповиновение представит нас к усмирение правителству. Зделайте милость батюшка по трудитесь написать с первое почтою за что мы все молить будим все вышнего о здравии и долгоденствии вашим на что и ожидать будим вашего милостивого разрешения; честь имеем пребыть с истинным нашим к вам высокопочитанием и преданностию ваши милостивого государя покорнейшии рабы села Болдина крестьяни Ефим Семенов Демитрий Прокофьев Петр Иванов Матвей Петров Егор Иванов Фидот Лазарев Потап Кузмин Андрей Терентьев Ефим Давыдов Петр Ефимов и все крестьяни.

Июня 24 дня 1831 года.

620. Н. И. Гончаровой. 26 июня 1831 г. Царское Село.

Милостивая государыня,

Я вижу из письма, написанного вами Натали, что вы очень недовольны мною вследствие того, что я сообщил Афанасию Николаевичу о намерениях г-на Поливанова. Мне кажется, я сперва говорил об этом с вами. Не мое дело выдавать девиц замуж, и мне совершенно безразлично, будет ли предложение г-на Поливанова принято или нет, но вы добавили, что мое поведение делает мне мало чести. Это выражение оскорбительно и, осмеливаюсь сказать, я никоим образом его не заслужил.

Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т. д. Согласитесь, что это значило проповедывать развод. Жена не может, сохраняя приличие, позволить говорить себе, что муж ее бесчестный человек, а обязанность моей жены — подчиняться тому, что я себе позволю. Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года. Я проявил большое терпение и мягкость но, повидимому, и то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить.

Когда я уезжал из Москвы, вы не сочли нужным поговорить со мной о делах; вы предпочли пошутить по поводу возможности развода, или что-то в этом роде. Между тем, мне необходимо окончательно выяснить ваше решение относительно меня. Я не говорю о том, что предполагалось сделать для Натали; это меня не касается, и я никогда не думал об этом, несмотря на мою алчность. Я имею в виду 11 тысяч рублей, данные мною займы. Я не требую их возврата и никоим образом не тороплю вас. Я только хочу в точности знать, как вы намерены поступить, чтобы я мог сообразно этому действовать.

С глубочайшим уважением остаюсь, милостивая государыня, вашим покорнейшим и послушным слугой
Александр Пушкин. 26 июня 1831 г. Царское Село.

622. П. А. Осиповой. 29 июня 1831 г. Царское Село.

Я всё откладывал письмо к вам, с минуты на минуту ожидая вашего приезда; но обстоятельства не позволяют мне более на это надеяться. Поэтому, сударыня, я поздравляю вас письменно и желаю м-ль Евпраксии всего доступного на земле счастья, которого столь достойно такое благородное и нежное существо.

Времена стоят печальные. В Петербурге свирепствует эпидемия. Народ несколько раз начинал бунтовать. Ходили нелепые слухи. Утверждали, что лекаря отравляют население. Двое из них были убиты расвирепевшей чернью. Государь явился среди бунтовщиков. Мне пишут: [...]. Нельзя отказать ему ни в мужестве, ни в умении говорить, на этот раз возмущение было подавлено; но через некоторое время беспорядки возобновились. Возможно, что будут вынуждены прибегнуть к картечи. Мы ожидаем двор в Царское Село, куда зараза еще не проникла; но думаю, что это не замедлит случиться. Да сохранит Бог Тригорское от семи казней египетских; живите счастливо и спокойно, и да настанет день, когда я снова окажусь в вашем соседстве! К слову сказать, если бы я не боялся быть навязчивым, я попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино, и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году. Что скажете вы, сударыня, о моих воздушных замках, иначе говоря о моей хижине в Савкине? — меня этот проект приводит в восхищение и я постоянно к нему возвращаюсь. Примите, милостивая государыня, уверение в моем высоком уважении и совершенной преданности. Клянюсь всему вашему семейству; примите также поклон от моей жены, в ожидании случая, когда я буду иметь удовольствие представить ее вам.

Царское Село. 29 июня 183[1].

Адрес: Ее высокородию м. г. Прасковии Александровне Осиповой. В Опочку.

623. М. П. Погодину. Конец (27–30) июня 1831 г. Царское Село.

Сердечно благодарю Вас и за письмо и за Старую статистику. Я получил все экземпляры вчера из П.[етер]Б.[урга] и не знаю, как доставить экз.[емпляры], следующие великим князьям и Жуковскому. Вы знаете, что у нас холера; Царское Село оцеплено, оно будет, вероятно, убежищем царскому семейству. В таком случае Жуковский будет сюда и я дождусь его, чтоб вручить ему Вашу посылку. Напрасно сердитесь Вы на него за его молчание. Он самый неукуратный корреспондент, и ни с кем не в переписке. Могу Вас уверить, что он искренно Вас уважает. Вы удивляете меня тем, что трагедия Ваша еще не поступила в продажу. Веневитинов сказывал мне, что она уже вышла, потому-то я и не хлопотал об ней. Непременно надобно ее выдать, и непременно буду писать при первом случае об этом к Б.[енкендорфу]. Холера и смерть цесаревича нас совершенно смутили; дайте образумиться.

Пишите Петра; не бойтесь его дубинки. В его время вы были бы один из его помощников; в наше время будьте хоть его живописцем. Жалею, что Вы не разделались еще с Московским университетом, который должен рано или поздно извергнуть вас из среды своей, ибо ничего чуждого не может оставаться ни в каком теле. А ученость, деятельность и ум чужды Московскому университету.

У нас есть счетец. За мною процентов было 225 рублей; из оных отдал я Вам, помните, 75 — итого остается 150, кои вы получите, как скоро получу оброк со Смирдина.

Пишите ко мне прямо в Царское или Сарское Село. От Смирдина отделен я карантинном. Ваших препоручений косательно книг покаместь не могу выполнить, по многим причинам. Простите, до свидания.

А. П.

625. П. А. Вяземскому. 3 июля 1831 г. Царское Село.

Получил я письмо твое (вероятно от Федосея Сидоровича, по крайней мере на печате вырезан крест и якорь и надпись Бог моя надежда). Ты требуешь назад свою мебель. Эх, милый! Трудно в Царском селе мне будет найти новую. Нечего делать, возьми себе назад. Только мне жаль будет тебе оставить ее за ту же цену. Ей Богу, Ваше сиятельство, больше стоит. Она мне досталась по оказии и по знакомству; право не грех прибавить рублей сто. По газетам видел я, что Тургенев к тебе отправился в Москву; не приедешь ли с ним назад? это было бы славно. Мы бы что-нибудь и затеяли в роде альманаха, и Тургенева порастрепали бы. Об Адольфе твоем не имею ника[ко]го известия; Плетнев отделен от меня холерою, ничего не пишет. Ждал я сюда Ж.[уковского], но двор уже не едет в Царское село, потому что холера показалась в Пулкове. В П.[етер]Б.[урге] народ неспокоен; слухи об отраве так распространились, что даже люди порядочные повторяют эти нелепости от чистого сердца. Двух лекарей народ убил. Царь унял возмущение, но не всё еще тихо. Из армии известия не имеем. Вот 187 тебе всё что знаю. О литературе не спрашивай: я не получаю ни единого журнала, кроме С. Пет.[ер]б.[ургских] Ведомостей, и тех не читаю. Рославлева прочел и очень желаю знать, каким образом ты бранишь его. Разговоров о Борисе не слышал и не видал; я в чужие разговоры не вмешиваюсь. Не пишу покаместь ничего, ожидаю осени. Элиза готовится к смерти мученической, и уже написала мне трогательное прощание. Ты что? Вышел ли Фон-Визин из цензуры и поступил ли в печать. К стати о цензуре: Щеглов умер: не нашего полку, чужого. — Отец мой горюет у меня в соседстве, в Павловском; вообще довольно скучно.

3 июля.

Кланяюсь всем Твоим, в том числе и Тургеневу, коли он уж у Вас.

626. П. Я. Чаадаеву. 6 июля 1831 г. Царское Село.

Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего, и мы продолжим беседы, начатые в свое время в Царском Селе и так часто с тех пор прерывавшиеся.

Вам известно, что у нас происходит: в Петербурге народ вообразил, что его отравляют. Газеты

изошряются в увещаниях и торжественных заверениях, но, к сожалению, народ неграмотен, и кровавые сцены готовы возобновиться. Мы оцеплены в Царском Селе и в Павловске и не имеем никакого сообщения с Петербургом. Вот почему я не видел ни Блудова, ни Беллизара. Ваша рукопись всё еще у меня; вы хотите, чтобы я вам ее вернул? Но что будете вы с ней делать в Некрополе? Оставьте ее мне еще на некоторое время. Я только что перечел ее. Мне кажется, что начало слишком связано с предшествовавшими беседами, с мыслями, ранее развитыми, очень ясными и несомненными для вас, но о которых читатель не осведомлен. Вследствие этого мало понятны первые страницы, и я думаю, что вы бы хорошо сделали, заменив их простым вступлением или же сделав из них извлечение. Я хотел было также обратить ваше внимание на отсутствие плана и системы во всем сочинении, однако рассудил, что это — письмо и что форма эта дает право на такую небрежность и непринужденность. Всё, что вы говорите о Моисее, Риме, Аристотеле, об идее истинного Бога, о древнем искусстве, о протестантизме — изумительно по силе, истинности или красноречию. Всё, что является портретом или картиной, сделано широко, блестяще, величественно. Ваше понимание истории для меня совершенно ново и я не всегда могу согласиться с вами: например, для меня непостижимы ваша неприязнь к Марку Аврелию и пристрастие к Давиду (псалмами которого, если только они действительно принадлежат ему, я восхищаюсь). Не понимаю, почему яркое и наивное изображение политеизма возмущает вас в Гомере. Помимо его поэтических достоинств, это, по вашему собственному признанию, великий исторический памятник. Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не встречается также и в Библии? Вы видите единство христианства в католицизме, то-есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской. Я плохо излагаю свои мысли, но вы поймете меня. Пишите мне, друг мой, даже если бы вам пришлось бранить меня. Лучше, говорит Экклезиаст, внимать наставлениям мудрого, чем песням безумца.

6 июля. Царское Село. Адрес: Его высокоблагородию м. г. Петру Яковлевичу Чадаеву В Москве. На Дмитриевке в доме Решетникова.

627. П. Я. Чадаев — Пушкину. 7 июля 1831 г. Москва.

Милый друг, я просил вас вернуть мою рукопись; жду ответа. Признаюсь, мне не терпится получить ее обратно; пришлите мне ее, пожалуйста, как можно скорее. У меня есть основание полагать, что я могу немедленно использовать ее и выпустить в свет вместе с остальными моими писаниями.

Неужели вы не получили моего письма? Это вполне возможно, вследствие великого бедствия, которое на нас обрушилось. Я слышал, что оно не коснулось Царского Села. Излишне говорить вам о том, как я был счастлив это узнать. Простите, друг мой, что я занимаю вас своей особой в то время, как ангел смерти так грозно витает над местами, где вы живете. Я не сделал бы этого, живи вы в самом Петербурге, но уверенность, что вы не подвергаетесь опасности там, где находитесь, придала мне смелость написать вам.

Как мне было бы радостно, друг мой, если бы в ответ на это письмо вы сообщили [много] побольше о себе и продолжали сообщать всё время, пока длится эпидемия. Могу ли я на это рассчитывать? Будьте здоровы. Без конца желаю вам благополучия и нежно обнимаю вас. Пишите мне, пожалуйста. Преданный вам Чадаев.

7 июля 1831.

628. П. А. Плетневу. Около (не позднее) 11 июля 1831 г. Царское Село.

Двор приехал, и Царское-село закипело и превратилось в столицу. Грустно мне было услышать от Ж.[уковского], что тебя сюда не будет. Но так и быть: сиди себе на даче и будь здоров. Россети черноокая хотела тебе писать, беспокоясь о тебе, но Ж.[уковский] отсоветовал, говоря: Он жив, чего же Вам больше? Однако она поручила-было мне переслать к тебе 500 р. какой-то запоздалой пенсии.

Если у тебя есть мои деньги, то заплати из них — и дай мне знать сюда, а эти 500 р. я возьму с нее.

На днях отправил я тебе через Эслинга повести покойного Белкина, моего приятеля. Получил ли ты их? Предисловие доставлю после. Отдай их в цензуру земскую, не удельную, — да и снюхаемся с Смирдиным; я такого мнения, что эти повести могут доставить нам 10,000 — и вот каким образом 2,00[0] экз.[емпляров] по 6 р. = 12,000 — 1,00[0] за печать — 1,00[0] [за] процентов итого 10,000.

Что же твой план *Сев.[ерных] Цветов* в пользу братьев Дельвига? Я даю в них *Моцарта*, и несколько мелочей. Ж.[уковский] дает свою гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому; он пришлет нам сокровища; он в своей деревне. — От тебя стихов не дождешься; если б ты собрался, да написал что-нибудь об Дельвиге! то-то было б хорошо! Во всяком случае проза нужна; коли ты ничего не дашь, так она сядет на мель. Обозрения словесности не надобно; чорт ли в нашей словесности? придется бранить Полевого, да Булгарина. К стати ли такое аллилуия на могиле Дельвига? — Подумай обо всем этом хорошенько, да и распорядись — а издавать уже пора: т. е. приготовляться к изданию. Будьте здоровы все, Христос с Вами.

Адрес: Мил.[остивому] госуд.[арю] Александру Филиповичу Смирдину в С. Петербург у Синего моста. Пр.[ошу] дост.[авить] Петру Александровичу Плетневу.

629. П. А. Вяземский и А. И. Тургенев — Пушкину. 14 и 15 июля 1831 г. Остафьево.

[П. А. Вяземский:]

Остафьево. 14-го июля 1831.

Ты так стал акуратен в переписке своей, что по неволе подозреваю тебя в боязни холеры: ты не хочешь умереть с долгами на совести. Вот и холера к чему-нибудь пригодилась. Нет, батюшка государь мой Александр Сергеевич, ста рублей не придам Вам за мебели: сказать по совести, довольно будет с Вас и того, что я ни гроша не беру за прокат и что можете пользоваться ими до приезда моего. Пожалуй, придам еще и проценты, которые с Вас не возьму за деньги мною отданные Вам заимообразно. Вот видите, и я готовлюсь на всякий случай предать душу Богу и холере и очищаю себя богоугодными делами. Очень жалею за тебя, что Жуковского не будет в Царском Селе. Пожалуй, давай готовить альманах: дорожная котомка нашего маленького Гримма-пилигрима у меня в руках. Пили Гримма, да и полно! Страниц дватцать или тритцать напилим славных. Я изготовлю литературный отчет о примечательнейших произведениях нашего книжного урожая и так и быть по поводу сему прочту и Росславлева, которого еще не читал и потому не бранил и не браню. Между тем ты собирай стихи свои и других. Напишем к Баратынскому, который удрал в Казань с Энгельгардтовским семейством. Дай повесть, одну из повестей своих; закажи другого Бетговена Одоевскому, поставим на ноги Киреевского, запоем иже-херувимы пред кликушею-Жуковским и чорт что-нибудь из него выломает. Войдешь ли в переговоры с Сомовым и будешь ли требовать его интервенции, или нон-интервенции? Только не откладывай дела в длинный ящик и приступим к работе. Составим и некрологический список за нынешний год. Матушка холера поможет и сохрани нас боже попасть самим в этот список. Между тем ты и Баратынский заготовьте статью о Дельвиге. Разговор о Годунове, сказывают, Филимонова: он Филимонами и пахнет.

Мой друг! не хочешь ли лимонов?

Тьфу, что за гадость Филимонов!

Мой Фон-Визин еще не в ценсуре. На досуге хочу его пересмотреть и выправить. Бог знает, когда я к Вам. Пока есть и дело в Москве, да и в Петербурге дело без меня обойдется. Прости, моя душа. Продолжай бояться холеры, то есть писать ко мне. Жена моя и все наши, в том числе и Мещерские, тебе и жене твоей сердечно кланяются. Как ты ни мил и ни умен, а всё жене твоей, я думаю, скучно, то есть грустно в Царском Селе. — Тургенев не спешит также к холере. Дмитриев был совсем на мази к Вам ехать и дормез только что не заложен, а уложен, но за холерою остался. Здесь кто-то был призван в суд за оскорбительные слова на счет холеры. Это не шутка, а факт. Чадаев выезжает: мне всё кажется, что он немного тронулся. Мы стараемся приглубить его и ухаживаем за ним.

Между тем сколько есть истинно прекрасного и прекрасно истинного в сочинении его религиозном.

15-го. Юсупов сегодня умер частью от холеры, частью от удара, частью от 80 лет. Третьего дни ужинал он еще в клубе.

[А. И. Тургенев:]

В письме к Чад.[аеву] о его рукописи много справедливого. Поставь на место католицизма — христианство, и всё будет на месте: но в том-то и ошибка его и предтечей его: Мейстера, Бональда, Ламене, Свечиной. — На словах и в записочках я часто бесил сию превосходно мыслящую четверку тем же замечанием; но они не сдаются ни на рассуждения, ни на историю, в коей видят только Рим и церковь, а не мир и религию. Чалаев попал на ту же мысль, или лучше увлечен ими на ту же дорогу, хотя он — выслушивает и другую сторону: т. е. читает и протестантов; но находит в них или подтверждение своему взгляду на историю, или слабые доказательства, кои спешит обессилить, или устраняется от состязания когда доводы противников слишком сильны. — Это кабинетное занятие было бы спасительно и для его ментально-физического здоровья, о котором пишу к Жуковскому, — но болезнь, т. е. хандра его, имеет корень в его характере и в неудовлетворенном самолюбии, которое впрочем всем сердцем извиняю, и постигаю. Мало по малу я хочу напомнить ему, что учение Христово объемлет всего человека и бесконечно, естли, возводя мысль к небу, не делает нас и [на земле] здесь добрыми *земляками* и не позволяет нам уживаться с людьми в англ.[ийском] Московском клубе; деликатно хочу напомнить ему, что можно и должно менее обращать на себя и на *das liebe Ich* ²⁵ внимания, менее ухаживать за собою, а более за другими, не повязывать пять галстуков в утро, менее даже и холить свои ногти и зубы и свой желудок; а избыток отдавать тем, кои и от крупниц падающих сыты и здоровы. Тогда и холеры и гемороя менее будем бояться: *до нас ли?* сказал один мудрец в 30 лет, за жизнь коего в Царе-граде, во время греческого восстания, страшился брат в П.[етер]Бурге. Тогда и жизнь и смерть — и болезнь — и всё получит смысл; но не это письмо: l'impossible nul n'est tenu.

Ex-garon des cultes. ²⁶

630. П. В. Нащокин — Пушкину. 15 июля 1831 г. Москва.

Любезный Александр Сергеевич, давно я к тебе не писал, всё было некогда, и теперь пишу пот гитару и пот разные анекдоты. Я на счет твой совершенно покоен зная расположение Царского Села, холеры там быть не может — живи и здравствуй с Натальей Николаевной, которой я свидетельствую свое почтение — я уверен, что ты не смотря на все ужасные перевероты, которые тебя окружают — [ты] еще никогда не был так счастлив и покоен как теперь — и для меня это не нечего; без всякой сантиментальности скажу тебе что мысль о твоём положении мне много доставляет удовольствия; о себе говорить нечего, лечусь и точно такой как можно без тебя мне быть, коли не развлечен какими неприятными делами — тогда очень скучно, читаю теперь 1-ый том Карамзина, гулять не хожу — сижу дома, гости те же и я к ним привык как мельник к шуму колес своей мельницы. Новостей много слышу, пересказать не одну не могу — одна новость для тебя [это] Юсупов умер. Не знаю почему а мне было его жаль — [не зн[аю]]вреда кажется он не кому не делал — ибо никто не жаловался, а про добро не знаю, — умер же умно и равнодушно как мне рассказывали. Ему предложили перед смертью за час исполнить христианский долг — на что он спросил — *разве пора*, и послал за священником; — на кануне был в клубе. Кстати Александр Сергеевич, так как ныне смерть поступает и решает жизнь человеческую уже не гражданским порядком а военным судом — т. е. скоро и просто, в таком случае буде она до меня доберется, то прошу покорно по всем вексям моим взыскать деньги, копитал храни где хочешь — а проценты половину на воспитание сына если не умрет, ибо твоей кресницы уже нет, —

²⁵ свое любезное „я“.

²⁶ Нельзя ни от кого требовать невозможного. Бывший служитель культов.

а другую на содержание матери, — я еще не думаю — а всё-таки лучше сказать прежде — и это только в таком случае когда я сам не успею распорядиться, обременять же тебя я не хочу ни какой обязанности — но зная твое доброе сердце — ты бы сам [это сделал] их не оставил. — не думай чтобы я был в мерлихлюндие, со всем нет, я очень покоен — и в доказательство расскажу тебе [презабавный] анекдот про Лиску. — О.[льге]А.[ндреевне] приложили к груди пластырь. Мисосиха как горнишная потакунья, говорит за чем Вы Ол.[ьга] Ан. [древна] прикладываете пластырь и всё лечитесь? — чтоб волосы росли: — в следствие сего ответа, Лиска как она успела, ее дело, намазала пластырь, и приложила там где еще у нее голо — какова девка, — теперь только и [разговору] наказания — каков Лиски пластырь — Ай да Мисосиха! —

С Тагоновским говорить еще рано, и прошу тебя оставить это дело на мое попечение, и самому не беспокоится, и верно я лучше его сделаю чем бы я для себя [с]делал, надо говорить когда деньги в руках — а теперь только может быть пустой разговор, не к чему не служащий. Все тебе кланяются кого только вижу. — Пробежал я где-то Разговор о Борисе Годунове Учителя с Помещиком, — очень хорошо — и кто написал ни как сего не воображает что лучше и похожее описать [разговор] разговором — суждений наших [самонадеянных литераторов] безмозглых грамотеев семинаристов ни как не лъзя — это совершенный слепок с натуры; думая написать на тебя злую критику — написал — отрывок — достойный поместить в роман; прочти сделай одолжение, ты по разговору узнаешь говорящих, и еслиб осталось место, я бы рассказал рост их, в чем одеты, словом сказать прекрасно — Валтер Скот совершенный. Прощай Александр Сергеевич. Пиши брат почаще, когда мне писать к тебе весело, то можешь вообразить [как] что получать гораздо веселее; Натальи Николаевне не знаю что желать — всё имеет в себе и в муже. Себе желать только могу чтобы Вас когда-нибудь да увидеть. Прощай Добрый для меня Пушкин — не забывай меня, никого не найдешь бескарыстнее и более преданного Тебе Друга как

П. Нащокина. 15-го июля.

631. П. А. Плетневу. Около (не позднее) 16 июля 1831 г. Царское Село.

Я надоедал тебе письмами и не знал о твоём огорчении. Вчера только сказали мне о смерти нашего доброго и умного слепца. Зная твою привязанность к покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Час от часу пустее свет, пустей дорога перед нами. Тяжелое время, тяжелый год. По крайней мере [радуюсь] утешаюсь, зная что ты в своем Патмосе безвреден и недостижим. Но кажется зараза теряет свою силу и в П.[етер]Б.[урге]. Мы, уже обстрелянные в Москве и Нижним, равнодушно слышали приближающуюся перестрелку; но сколько знакомых жертв! однако ж кроме Молчанова, никого близкого к сердцу, кажется, не потеряли. У нас в Ц.[арском] С.[еле] всё суетится, ликует, ждуть разрешения царицы; ждуть добрых вестей от Паскевича; ждуть прекращения холеры. С моей стороны жду твоего письма; уверен, что ты и все твои здоровы, так как я всегда был уверен в жизни и здоровьи своем и своих.

Адрес: М. г. Петру Александровичу Плетневу. В С. Петербург на Кушелевой даче у Самсониевой заставы.

632. М. Л. Яковлев — Пушкину. 16 июля 1831 г. Петербург.

1831 июля 16.

Наконец, после долгих и многих сборов, баронесса Софья Михайловна расстается на днях с Петербургом. — Царское Село оцеплено, след.[овательно] она с тобою не увидится и след.[овательно] проценты (125 р.), о которых я тебе прежде писал, не можешь ты ей отдать лично — а деньги ей нужны и весьма нужны. Нельзя ли тебе, друг сердечный, переслать их на мое имя: чем скорее, тем лучше.

Адрес мой следующий:

Михайлу Лукьяновичу Яковлеву. Во 2-м Отделении собственной ее величества канцелярии .

633. М. Л. Яковлеву. 19 июля 1831 г. Царское Село.

Деньги мои, любезный Михайло Лукьянович, у Плетнева. Потрудись, сделай одолжение, съездить к нему, но как он человек окуратный, то возьми с собою вексель мой, и надпиши, что проценты получены. Попроси его от меня написать мне три строчки и переслать деньги, в коих я нуждаюсь. Если он сидит на даче, опасаясь холеры, и ни с кем сношений не имеет, то напиши мне об нем, здоров ли он и все ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софьи Михайловне и очень, очень жалею, что с нею не прощусь. Дай бог ей здоровья и силы души. Если надобны будут ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, не только на счет моего долга, но и во всяком случае. *Что Сев.[ерные] Цветы?* с моей стороны я готов. На днях пересмотрел я у себя письма Дельвига; может быть современем это напечатаем. Нет ли у ней моих к нему писем? мы бы их соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же *Ижорский*, также и моя Баллада *о Рыцаре влюбленном в Деву*. Не может ли это всё [она] Софья Михайловна оставить у тебя. Плетнев и я, мы бы постарались что-нибудь из этого сделать.

Что вы делаете, друзья, и кто из наших приятелей отправился туда, отколь никто не воротится? Прости, до свидания.

А. П. 19 июля С. Село.

634. П. А. Плетнев — Пушкину. 19 июля 1831 г. Спасская Мыза.

19 июля, 1831. Спасская Мыза.

Вчера получил я от тебя вдруг два письма. Первое из них начинается: *Я надоедал тебе письмами*. Это меня удивило; потому что я не получал до сих пор ни строчки. Вероятно письма твои лежат в городе, куда я слишком месяц ноги не накладывал, да и не намерен до прекращения холеры. Ты пишешь в этом же письме, что в Ц.[арском] С.[еле] ждут прибытия Двора. Развертываю другое письмо, адресованное на имя Смирдина: в нем уже говоришь ты, что Двор переехал. Таким образом эти два письма похожи были для меня на волшебный фонарь: *явись и бысть*. Ты угадал мои чувства по случаю кончины Молчанова. Он и Дельвиг были для меня необходимы, чтобы я вполне чувствовал счастье жизни. Смерть их сделала из меня какого-то автомата. Не знаю, что будет вперед, а теперь я ко всему охладел. Жду зимы, чтобы согреть близь тебя душу. Впрочем думаю, что ты скоро соскучишь мною и оставишь меня на произвол моей странной судьбы. Других надежд у меня нет. Жуковский совсем не знает меня; потому что он никогда не имел случая видеть меня близко. Вероятно придется мне закрыться и ждать другой жизни. Я так избалован Молчановым; он так понимал меня во всяком расположении духа; он так был деятелен умом для оттирания цепеневшего моего духа — что конечно никто уж не наложит на себя его обязанности. В одном ли я с ним жил месте, разро[з]нены ли мы бывали — он умел изобретать способы сливать свою душу с моею и беспрестанно доставлять мне свое общество. Всё, что в отсутствии говорил он или готовился делать с другими, он совестился не передать мне этого, чтобы в наших разговорах и действиях никогда не показывалось промежутка.

Поблагодари Россети за ее ко мне дружбу. Ее беспокойство о моей судьбе трогает меня не на шутку. Я не умею сам себе объяснить, чем я заслужил от нее столько участия; но быть за это признательным и преданным очень умею. Если бы она была мужчиной, да стариком еще, то, кажется, в ней бы я нашел для себя другого Молчанова. В ней так много человеко-прекрасного, так много предупреждающего и столько душевной делимости, что право об ней нельзя говорить просто, как о других. 500 р. получи от нее для себя, а я из твоих (когда увижусь со Смирдиным и возьму от него) отдам эту пенсию. Эслинга (Бог знает, что это за существо! Ты воображаешь, что я знаком со всем светом) я не принимал еще у себя и о повестях никакого известия не имею. Рад буду их издать; только по возвращении в город, т. е. по прекращении холеры; а теперь я удалил от себя всякое земное помышление, и от того ни о чем не думаю и неспособен ничего делать. Северные Цветы готовы, но мне никаких поручений не делай. Живу я в такой деревне, которая не на почтовой дороге. Писем

отсюда посылать не с кем, а получать еще менее можно. И так к Баратынскому, к Языкову, Вяземскому и другим пиши сам. Мое дело будет в городе смотреть за изданием. Написать о Дельвиге желаю, но не обещаю. Всё зависеть будет от случая:

Минута ему повелитель.

Между тем об успехе твоей корреспонденции давай-таки мне знать.

Поцелуй ручку у Натальи Николаевны.

А я весь твой.

636. П. В. Нащокину. 21 июля 1831 г. Царское Село.

Бедная моя крестница! вперед не буду крестить у тебя, любезный Павел Воинович; у меня не легка рука. Воля твоя будет выполнена в точности, если вздумаешь ты отправиться вслед за Юсуповым, но это дело несбыточное; по крайней мере я никак не могу вообразить тебя покойником. Я всё к тебе собираюсь, да боюсь карантин. Ныне никак не лезь, пускайся в дорогу, быть уверенным во времени проезда. Вместо трехдневной езды, того и гляди, что высидишь три недели в карантине; шутка! — Посылаю тебе посылку на имя Чадаева; он живет на Дмитревке против церкви. Сделай одолжение, доставь ему. У вас кажется всё тихо, о холере не слыхать, бунтов нет, лекарей и полковников не убивают. Не даром царь ставил Москву в пример Петербургу! В Ц.[арском] Селе также всё тихо; но около такая каша, что боже упаси. Ты пишешь мне о каком[-то] критическом разговоре, которого я еще не читал. Если бы ты читал наши журналы, то увидел бы, что всё, что называют у нас критикой, одинаково глупо и смешно. С моей стороны я отступился; возражать серьезно — не возможно; а паяситься перед публикою не намерен. Да к тому же ни критики, ни публика не достойны дельных возражений. Нынче осенью займусь литературой, а зимою зарююсь в архивы, куда вход дозволен мне царем. Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди попаду во временщики, и Зубков с Павловым явятся ко мне с распростертыми объятиями. Брат мой переведен в Польскую армию. Им были недовольны, за его пьянство и буянство; но это не будет иметь следствия никакого. Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя неприятеля. С часу на час ожидаем важных известий и из Польши, и из Парижа; дело, кажется, обойдется без Европейской войны. Дай-то Бог. Прощай, душа: не ленись и будь здоров.

21 июля.

Р. S. Я с тобою болтаю, а о деле и забыл. Вот в чем дело: деньги мои в П.[етер]Б.[урге] у Плетнева или у Смирдина, оба со мною прекратили свои сношения по причине холеры. Не знаю, получу ли что мне следует к 1 августу, в таком случае перешлю тебе Горчаковскую тысячу; не то, ради господ бога, займи хоть на мое имя, и заплати в срок. Не я виноват, виновата холера, отрезавшая меня от П.[етер]Б.[урга], который под боком, да куда не пускают; с Догановским не худо, брат, нам пуститься в разговоры или переговоры — ибо срок моему первому векселю приближается.

Адрес: Его высокоблагородию мил.[остивому]госуд.[арю] Павлу Воиновичу Нащокину. В Москве на Арбате у Спаса на Песках дом Годовиковой.

637. П. А. Плетневу. 22 июля 1831 г. Царское Село.

Письмо твое от 19 крепко меня опечалило. Опять хандрить. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь всё еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; [а] мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо. Вздор, душа моя: не хандри — холера на днях пройдет, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы.

Жаль мне, что ты моих писем не получал. Между ими были дельные; но не беда. Эслинг сей, которого ты не знаешь — мой внук по Лицею и кажется добрый малой — я поручил ему доставить

тебе мои сказки; прочитай их ради скуки холерной, а печатать их не к спеху. Кроме 2,000 за Бориса, я еще ничего не получил от Смирдина; думаю, накопилось около двух же тысяч моего жалованья; напишу ему, чтоб он их переслал ко мне по почте, доставив тебе 500, Россетинских. К стати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): царь взял меня в службу — но не в канцелярскую; или придворную, или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтоб я рылся там, и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: *Puisqu'il est mari et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite* ²⁷. Ей Богу, он очень со мною мил. Когда же мы, брат, увидимся? Ох уж эта холера! Мой Юсупов умер, наш Хвостов умер. Авось смерть удовольствуется сими двумя жертвами. Прощай. Кланяюсь всем твоим. Будьте здоровы. Христос с Вами.

22 июля.

638. М. Л. Яковлев — Пушкину. 23 июля 1831 г. Петербург.

Вчера был я у Плетнева, на даче Молчанова; получил от него 125 руб. и дал ему надлежащую росписку; в тот же день отдал деньги баронессе. Она при мне сделала надпись на векселе в получении процентов вперед за полгода. — Плетнев мне сказал, что он писал к тебе в прошедший понедельник и просил тебя получить с фрейлины Россети 500 р. Ты угадал: он сидит на даче и в город не заглядывает. Все у него здоровы. Софья Михайловна премного благодарит тебя за все твои благие намерения. Она в них не сомневалась. Трагедии К.[юхельбекера], твою балладу и письма отдаст мне для передачи тебе. С Цветами надо перегодить. Впрочем от тебя одного зависит успех издания оных. Твои *окружные грамматы* будут самые действительные. — Третьего дня получил я письмо от Малиновского. Он, как ты знаешь, Изюмской дворянской предводитель; хлопочет и с дворянами и с своими собственными крестьянами. Завтра пишу ему предлинное письмо, потому что он требует больших подробностей о всех наших. До сих пор, благодаря бога, не слыхать, чтоб кто-нибудь из нас попался в когти незванной гостью; умерли только: у Илличевского мать, а у Комовского отец.

Вспоминает ли Наталья Николаевна о персидском пении, во время гулянья по саду, 2 июня?

М. Я. 1831 июля 23. С. П. Б.

639. Л. С. Пушкин — Пушкину. 24 июля 1831 г. Действующая армия в Польше.

Пишу тебе только два слова, да и то лишь для того, чтобы снова докучать тебе относительно денег. — Я занял у генерала Раевского 300 рублей, которые прошу тебя уплатить ему или подателю сего.

Лев Пушкин.

640. П. А. Плетнев — Пушкину. 25 июля 1831 г. Спасская Мыза.

25 июля, 1831.

В твоих утешениях всё правда для ума, да сердце этому не вдруг начинает верить. Твои ко мне письма не пропадут. Если ты их адресовал в Екатерининский институт, они там пролежат у швейцара до прекращения холеры, а я после всё-таки их возьму. Эслинг не бывал у меня. Деньги за Бориса (всего 10.000) употреблены следующим образом: 5.000 отдано долгу Дельвигу, 4.000 переслано к тебе в Москву (в два срока по 2.000), и 1.000 отдана баронессе за твой портрет. Кстати: где-то он? Ты угадал, что жалованья твоего накопилось 2.000. Из них я вычел 500 р., полученные тобою вместо меня от Россети, а 1500 р. препровождаю. Прошу тебя дать мне знать, когда их получишь, потому что я не сам отдаю на почту. Поступок царя в отношении к тебе восхищает меня: он тебя балует более, нежели Екатерина Державина. Поцалуй Жуковского и поклонись Россети.

У Натальи Николаевны цалую ручку.

²⁷ Раз он женат и небогат, надо дать ему средства к жизни (буквально: заправить его кастрюлю).

641. П. А. Вяземский — Пушкину. 27 июля 1831 г. Остафьево.

Кинь это в Литературную Газету:

„В конце длинной статьи, написанной в защиту и в оправдание Булгарина, критикованного Телескопом, г-н Греч говорит (Сын От.[ечества] №): *Я решился на сие не для того, чтоб оправдывать и защищать Булгарина (который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов).* — Жаль же, сказал один читатель, что Булгарин [пишет] не одним мизинцем пишет“.

А если хочешь, дай другой оборот этому. Во всяком случае на этом мизинце можно погулять и хорошенько расковырять им гузно. Что за лакеи! —

Впрочем всё обстоит у нас благополучно. Как у Вас? Скажи Жучку — Датской собаке, что я получил его письмо об[-] и оплеванное и порадовался этим чисто-арзамаским испражнениям. Тургенев еще здесь и ажитируется в помещичьих заботах. Все наши тебе сердцем кланяются. Мой Адольф, то есть нет, мой Фон-Визин зреет лежа: примусь за него окончательно на той неделе, а что же мой Адольф? Обнимаю тебя.

642. Ф. Н. Глинка — Пушкину. 28 июля 1831 г. Тверь.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Драгоценное посещение ваше для меня сугубо-памятно. Вы утешили меня как почитателя вашего, давно желавшего вас видеть и обнять и, в то же время, вы приняли во мне участие, как человек, в котором совсем *не отразился* настоящий век. С добродушием, приличным старому, доброму времени, вы сами взялись похлопотать (разумеется, по возможности) об улучшении моего положения. Вот вам тетрадка! Имейте великодушие ее прочесть — и вы увидите, *каково* было мое служение в Ол.[онецкой] губернии и как я рекомендован. Теперь всё, что обо мне представлено, *лежит* у министра. Если можно, хотя звуком вашей лиры, возбудите спящее! — Государь и мудр, и милостив, и великодушен. Нужно только предстательство. Вы увидите с Васильем Андреевичем; он мой благодетель, смолвьтесь с ним. Во всяком случае мне утешительно будет увидеть, что двое первых поэтов нашего времени приняли участие в моей изувеченной судьбе. — Прощайте! До радостнейшей возможности *опять* вас увидеть и обнять.

С отличным почитанием и совершенной преданностию, имею честь быть, милостивый государь! вашим покор[нейшим] слугою, Федор Глинка.

P.S. Ваше живое, стереотипное издание — милый братец ваш, посетил меня, обедал, погостил и с Богом отправился далее по тракту к Кавказу.

643. П. В. Нащокину. 29 июля 1831 г. Царское Село.

Я просил тебя в последнем письме доставить посылку Чедаеву: посылку не приняли на почте. Я просил заплатить Горчакову остальную его тысячу. Вот сия тысяча; доставь ее с моей сердечной благодарностию моему любезному заимодавцу.

Что ты делаешь? ожидаешь ли ты своих денег и выручишь ли ты меня из сетей Догановского? Нужно ли мне будет приехать, как, признаюсь, мне хочется, или оставаться мне в Ц.[арском] С.[еле], что и дешевле и спокойнее?

У нас всё, слава Богу, тихо; бунты петербургские прекратились; холера также. Государь ездил в Новгород, где взбунтовались было колонии и где произошли ужасы. Его присутствие усмирило всё. Государыня третьего дня родила великого князя Николая Николаевича. О Польше ничего не слышно. Прощай, до свидания.

646. Н. М. Коншину. Июнь — июль 1831 г. Царское Село.

Собака нашлась благодаря Вашим приказаниям. Жена сердечно вас благодарит, но собачник поставил меня в затруднительное положение. Я давал ему за труды 10 рублей, он не взял, говоря: *мало*,

по мне и он и собака того не стоят, но жена моя другого мнения. Здоровы ли и скоро ль увидимся?

А. П.

648. В. А. Жуковский — Пушкину. Вторая половина июля 1831 г. Царское Село.

Возвращаю тебе твои прелестные пакости. Всем очень доволен. Напрасно сердисься на Чуму: она едва ли не лучше Каменного Гостя. На Моцарта и Скупого сделаю некоторые замечания. Кажется и то и другое еще можно усилить. — Пришли Онегина, Сказку октавами, мелочи и прозаические сказки все, читанные и нечитанные. Завтра всё возвращу.

Ж.

649. М. П. Погодину. Конец июля 1831 г. Царское Село.

Любезный и почтенный, не имею времени отвечать Вам на ваше письмо. Уведомляю Вас только, что поручение Ваше, касательно Статистики Петра I, исполнено; Ж.[уковский] получил экз.[емпляры] для великого князя и для себя; [с В[...]] экземпляром, следующим в.[еликому] к.[нязю] Константину, расположил он иначе. Ж.[уковский] представит его императрице. Напишите, сделайте милость, официальную записку *его превосход[одительству] Ивану Павловичу Шамбо* (секретарю ее величества) [т[ак] [?]] „*Осмеливаюсь повергнуть 204 к ногам ее величества такую-то замечательную книгу* и проч.“ У г.[енерала] Бенкендорфа был я для Вас же, но не застал его дома; он в Ц.[арском] С.[еле] остается, следств.[енно] на днях буду с ним толковать. Покаместь обнимаю Вас.

А. П.

650. П. В. Нащокину. 3 августа 1831 г. Царское Село.

Отец и благодетель! На днях послал я к тебе Горчаковскую 1,000; отпиши, батюшка Павел Воинович, получил ли всё исправно, да еще покорнейшая просьба: узнай от Короткого, сколько должен я в Ломб.[ард] процентов за 40,000 займа? и когда срок к уплате? Пошел ли в дело Дороховский вексель и здоров ли Корнилион-Пинский? Здоров ли ты, душа моя, каково поживаешь, и что твои? Что ж не присылаешь ты Есауловского романа, исправленного во втором издании? Мы бы его в моду пустили между фрейленами. Всё здесь обстоит благополучно. Жена тебе кланяется. Портрета не присылает, за неимением живописца. За сим прощения просим.

3 августа.

P. S. Да растолкуй мне, сделай милость, каким образом платят в Ломбард. Самому ли мне приехать? Доверенность ли кому прислать? или по почте отослать деньги? —

651. П. А. Вяземскому. 3 августа 1831 г. Царское Село.

3 августа.

Литературная Газета что-то замолкла; конечно Сомов болен, или подпиской недоволен. Твое замечание о Мизинце Булгарина не пропадет; обещаюсь тебя насмешить; но нам покаместь не до смеха: ты верно слышал о возмущениях Новгородских и Старой Руси. Ужасы. Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезаны в Новг.[ородских] поселен[иях] со всеми утончениями злобы. Бунтовщики их секли, били по щекам, издевались над ними, разграбили дома, износили начальников, бунтовщики выбрали себе других — из инженеров и коммуникационных. Государь приехал к ним вслед за Орловым. Он действовал смело, даже дерзко: разругав убийц, он объявил прямо, что не может их простить, и требовал выдачи зачинщиков. Они обещались и смирились. Но бунт Старо-Русской еще не прекращен. Военные чиновники не смеют еще показаться на улице. Там четверили одного генерала, зарывали живых, и проч. Действовали мужики, которым полки выдали своих начальников. — Плохо, Ваше сиятельство. Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачей комедии нашей литературы. Кажется, дело польское кончается; я всё еще боюсь: генеральная

баталия, как говорил Петр I, дело зело опасное. А если мы и осадим Варшаву (что требует большого числа войск), то Европа будет иметь время вмешаться не в ее дело. Впрочем Франция одна не сунется; Англии не [на что] для чего с нами ссориться, так авось ли выкарабкаемся.

В Сарском селе покамест нет ни бунтов, ни холеры; русские журналы до нас не доходят, иностранные получаем, и жизнь у нас очень сносная. У Жуковского зубы болят, он бранится с Россети; она выгоняет его из своей комнаты, а он пишет ей Арзамасские извинения гекзаметрами.

— чем умолю вас, о царь мой небесный —
— прикажете ль? кожу,
Дам содрать с моего благородного тела вам на колоши,
— прикажете ль? уши
Дам обрезать себе для хлопошек и проч.

Перешлю тебе это чисто Арзамасское произведение.

Благодарю А.[лександра] Ив.[ановича] за его религиозно-философическую приписку. Не понимаю, за что Чедаев с братией нападает на реформацию, с.[est] d.[ire] un fait de l'esprit Chrtien. Ce que le Christianisme у perdit en unit il le regagna, [par [cet] ce fait], en popularit²⁸. Греческая церковь — дело другое: она остановилась и отделилась от общего стремления христианского духа. Радуюсь, что Чедаев опять явился в обществе. Скажи ему, что его рукопись я пытался-было переслать к нему, но на почте посылок еще не принимают, извини меня перед ним. Кланяюсь всем Вашим, и желаю Вам здравия и спокойствия.

Сарское Село.

652. П. А. Плетневу. 3 августа 1831 г. Царское Село.

Получил я, любезный Плетнев, и письмо и 1500. Ты умно делаешь, что сидишь смирно в своей норе, и носу не показываешь в проклятом некогда мною П.[етер]Б[ур]ге. Не холера опасна, опасно опасение, моральное состояние, уныние, долженствующее овладеть мыслящим существом в нынешних страшных обстоятельствах. Холера через неделю вероятно прекратится; но С.[арское] село будет еще долго окружено карантинами; и так свидание наше еще далеко. Что же Цветы? ей Богу не знаю, что мне делать. Яковлев пишет, что покамест нельзя за них приняться. Почему же? разве типографии остановились? разве нет бумаги? Разве Сомов болен или отказывается от издания? К стати: что сделалось с Лит.[ературною] Газетою? Она неисправнее Меркурия. К стати: не умер ли Бестужев-Рюмин? говорят, холера уносит пьяниц. С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив. [Он] Посреди стольких гробов, стольких ранних или бесценных жертв, Хвостов торчит каким-то кукишем похабным. Перечитывал я на днях письма Дельвига; в одном из них пишет он мне о смерти Д. Веневитинова. „Я в тот же день встретил Хвостова, говорит он, и чуть не разругал его: зачем он жив?“ — Бедный наш Дельвиг! Хвостов и его пережил. Вспомни мое пророческое слово: Хвостов и меня переживет. Но в таком случае, именем нашей дружбы, заклинаю тебя, его зарезать — хоть эпиграммой. Прощай, будьте здоровы. Сказки мои возвратились ко мне, не достигнув до тебя.

3 авг.

Россети вижу часто; она очень тебя любит и часто мы говорим о тебе. Она гласно сговорена. Государь уж ее поздравил.

653. М. П. Погодин — Пушкину. 10 августа 1831 г. Москва.

Благодарю, сердечно благодарю любезнейшего Александра Сергеевича за его хлопоты. — Мне очень совестно. — Вот письмо к г. Шамбо. — Но прилично ли представлять Статистику государыне. — На что ей? — Впрочем буди по вашему. —

²⁸ то есть на известное проявление христианского духа. Насколько христианство потеряло при этом в отношении своего единства, настолько же оно выиграло в отношении своей народности.

Петра я кончил, а вы не вставили об нем ни слова. Я почел это неблагоприятным знамением. — Теперь он позабыт мною совершенно, совершенно, как будто б и не бывал в голове. — Что я набредил тогда вам в своей горячке! Сам не помню.

Примите к сведению, что Б.[енкендорф] писал к цензору, еще весною, после многих похвал: „нет никакого препятствия выпустить ее, Марфу, в свет; но лучше остановиться, до окончания нын.[ешних] смутных обстоятельств“. — След.[ственно] с ним и говорить нужно ли? — Лишь будет поспокойнее, я имею сугубое право выдать ее. —

Как же я теперь спокоен и доволен, и счастлив в деревне. — Часов двенадцать за историюю, и к ночи ворох! — Теперь сижу за Гиббоном. — Познакомься с последними римлянами, примусь за франц.[узов] чрез Сисмонди, Гизо etc., потом поверю их летописями, и чрез год надеюсь отхватать франц.[узскую] истор[ию], как первую между новыми, потом Англию, Испанию тоже, а потом и представлю вам исторические размышления о евр.[опейской] ист.[ории]. Вот мое дело. Всё прочее — несущественное, мелочи! —

А что ваш план издавать период.[ическое]? Предупредите, чтоб я наготовил вам всякой всячины.

Благодарю Вас паки и паки!

Ваш М. П.

654. П. А. Вяземскому. 14 августа 1831 г. Царское Село.

Любезный Вяземский, поэт и ка[ме]ргер...

(Василья Львовича узнал ли ты манер?

*Так некогда письмо он начал к камергеру,
Украшенну ключем за Верность и за Веру)*

Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!

На заднице твоей сияет тот же ключ.

Ура! хвала и честь поэту-камергеру —

Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.

Услыша о сем радостном для Арзамаса событии, мы, Царскосельские Арзамасцы, положили созвать торжественное собрание. Все присутствующие члены собрались немедленно, в числе двух. Председателем по жребию избран г-н Жуковский, секретарем я, сверчь. Протокол заседания будет немедленно доставлен Вашему Арзамаскому и Камергерскому превосходительству (также и сиятельству). Спрашивали члены: За чем Асмодей не является ни в одном периодическом издании? Секретарь отвечал единогласно: Он статьи свои отсылает в Комерческую Газету без имени. Спрашивали члены: Давно ли Асмодей занимается Комерческой? выигрывает ли он в комерческую? Председатель отвечал единогласно же: В Комерческую выиграл он ключ, и теперь Асмодей перейдет к Банку.

Оставя Арзамаскую политику, скажу тебе, что наши дела польские идут, слава Богу: Варшава окружена, Крженецкий сменен нетерпеливыми патриотами. Дембинский, не взначай явившийся в Варшаву из Литвы, выбран в главнокомандующие. Крженецкого обвиняли мятежники в бездействии. Следственно они хотят сражения: следственно они будут разбиты, следственно интервенция Франции опоздает, следственно граф Паскевич удивительно счастлив. Король Голландский погорячился, но кажется он принужден будет отложить попечение о Белгии: Пруссии не до него. Если заварится общая, европейская война, то право буду сожалеть о своей женитьбе, разве жену возму в торока. У Ж.[уковского] понос поэтический хотя и прекратился, однакож он всё еще [-] гекзаметрами. Ждем тебя. Право надобно нам начать журнал, да какой? *Quarte[r]ley* ²⁹. В 3 месяца книжку, нет, книжищу выдадим, с помощью Божией и Лизы голенькой. К стати: Лиза написала было мне письмо в роде

²⁹ Quarterly [Review] — „Трехмесячное обозрение“.

духовной: croyez la tendresse de celle qui vous aimera même au del du tombeau³⁰ и проч., да и замолкла; я спокойно себе думаю, что она умерла. Что же узнаю? Элиза влюбилась в вояжера Morneau да с ним кокетничает! Каково? O femme, femme! crature faible et dcevante³¹... Прощай, камергер, кланяюсь тебе и твоим от всего сердца.

14 авг.

655. П. И. Миллеру. Первая половина августа 1831 г. Царское Село.

Сердечно благодарю вас за книги и за любезное письмо ваше. Когда же исполните вы другое свое обещание — побывать у меня? Внук очень тем обяжет ему сердцем преданного деда.

А. П.

656. В. А. Жуковский — Пушкину. Первая половина августа 1831 г. Царское Село.

Сей час государь присылал у меня просить твоих стихов; у меня их не случилось. Но он велел просить у твоей жены экземпляра. Нехудо, когда и для государя и для императрицы перепишешь по экземпляру и скорее им доставишь экземпляр.

Ж.

657. П. А. Плетневу. Около (не позднее) 15 августа 1831 г. Царское Село.

Посылаю тебе с Гоголем сказки моего друга Ив. П. Белкина: отдай их в простую цензуру, да и приступим к изданию. Предисловие пришлю после. Правила, коими будем руководствоваться при издании, следующие:

- 1) Как можно более оставлять белых мест, и как можно шире расставлять строки.
- 2) На странице помещать не более 18-ти строк.
- 3) Имена печатать *полные*, напр. Иван Иванович Иванов, а не И. Ив. Ив-ъ. То же и об городах и деревнях.
- 4) Числа (кроме годов) печатать буквами.
- 5) В сказке *Смотритель* назвать гусара *Минским*, и сим именем заменить везде ***.
- 6) Смирдину шепнуть мое имя, с тем, чтоб он перешепнул покупателям.
- 7) С почтеннейшей публики брать по 7-ми рублей, вместо 10-ти — ибо нынче времена тяжелые, рекрутский набор и карантин.

Думаю, что публика будет беспрекословно платить сей умеренный оброк и не принудит меня употреблять строгие меры.

Главное: будем живы и здоровы... Прощай, мой ангел.

Р. С. Эпиграфы печатать перед самым началом сказки, а [н[азвания]]заглавия сказок на особенном листе (ради ширины) [...] К стати об эпиграфах. К *Выстрелу* надобно будет приискать другой, именно в *Романе в семи письмах* А. Бестужева в Пол.[ярной] Звезде: *У меня оставался один выстрел, я поклялся* etc. Справься, душа моя.

658. Н. В. Гоголь — Пушкину. 16 августа 1831 г. Петербург.

16 авгу. Спб.

Приношу повинную голову, что не устоял в своем обещании по странному случаю. Я никак не мог думать, чтобы была другая дорога не мимо вашего дома в Петербург. И преспокойно ехал в намерении остановиться возле вас; но вышло иначе. Я спохватился уже поздно. А сопутницы мои, спешившиеся к карантину для свидания с мужьями, никаким образом не захотели склониться на мою

³⁰ верьте нежности той, которая будет любить вас и за гробом.

³¹ О женщина, женщина! создание слабое и обманчивое...

прозбу и потерять несколько минут. Если же посылка ваша может немножко обождать, то вы можете отдать Васильчиковой, которой я сказал (она думает ехать в среду) заслать за нею к вам, и тогда она будет доставлена в мои руки. Я только что приехал в город и никого еще не видал. Здесь я узнал большую глупость моего корреспондента. Он, получивши на имя мое деньги и зная, что я непременно буду к 15 числу, послал их таки ко мне на имя ваше в Царско Село вместе с письмом, и вам теперь, и мне новое затруднение. Но вы снисходительны и великодушны. Может быть, и ругнете меня лихим словом; но где гнев, там и милость. Письмо с деньгами вы можете также отдать для отправки ко мне Васильчиковой. Теперь ничего не пишу к вам, потому что собираюсь дня через три писать снова. Адресуйте ко мне в Институт Патриотическ.[ого] Общества на Васильевском Острове.

Ваш Гоголь.

660. Н. В. Гоголь — Пушкину. 21 августа 1831 г. Петербург.

СПб. Августа 21.

Насилу теперь только управился я с своими делами и получил маленькую оседлость в Петербурге. Но и теперь еще половиною, что я половиною? целыми тремя четвертями нахожусь в Павловске и Царском Селе. В Петербурге скучно до нестерпимости. Холера всех поразгоняла во все стороны, и знакомым нужен целый месяц антракта, чтобы встретиться между собою. У Плетнева я был, отдал ему в исправности ваши посылку и письмо. Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фиркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило; я к фактору, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что: *Штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву.* Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни. Кстати о черни, знаете ли, что вряд ли кто умеет лучше с нею изъясняться, как наш общий друг Александр Анфимович Орлов. В предисловии к новому своему роману: *Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина*, он говорит, обращаясь к читателям: „Много, премного у меня романов в голове“ (его собственные слова), „только все они сидят еще в голове; да такие бойкие ребята эти романы. Так и прыгают из головы. Но нет, не пушу до время, а после извольте, полдюжинами буду поставлять. Извольте! Извольте! Ох вы, мои други сердечные! Народец православный!“ Последнее обращение так и задевает за сердце русской народ. Это совершенно в его духе, и здесь-то не шутя решительный перевес Александр.[а] Анф.[имовича] над Фадеем Бенедик.[товичем]. Другой приятель наш Бестужев-Рюмин здоровствует и недавно еще сказал в своей газете: „Должно признаться, что Север.[ный] Меркурий побойче таки иных Литератур.[ных] Прибавлений“. Как-то теперь должен беситься Воейков, а он, я думаю, воображал, что бойче Литер.[атурных] Прибавлений нет ничего на свете. Еще о черни. Знаете ли, как бы хорошо написать эстетический разбор двух романов, положим: Петра Ивановича Выжигина и Сокол был бы сокол, да курица съела. Начать таким образом, как теперь начинают у нас в журналах: Наконец, кажется, приспело то время, когда романтизм решительно восторжествовал над классицизмом и старые поборники франц.[узского] корана на ходульных ножках (что-нибудь в роде Надеждина) убрались к чорту. В Англии Байрон, во Франции необъятный величию своею Виктор Гюго, Люканж и другие, в каком-нибудь проявлении объективной жизни воспроизвели новый мир ее нераздельно-индивидуальных явлений. Россия, мудрости правления которой дивятся все образованные народы Европы, и проч. и проч., не могла оставаться также в одном положении. Вскоре возникли и у ней два представителя ее преображенного величия. Читатели догадаются, что я говорю о гг. Булгарине и Орлове. На одном из них, т. е. на Булгарине, означенно направление чисто Байронское (ведь это мысль не дурна сравнить Булгарина с Байроном): та же гордость, та же буря сильных непокорных страстей, резко означившая огненный и вместе мрачный характер британского поэта, видны и на нашем соотечественнике; то же самоотвержение, презрение всего низкого и подлого принадлежат им обоим. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона. В самих даже

портретах их заметно необыкновенное сходство. На счет Алекс.[андра] Анфим.[овича] можно опровергать мнение Феофилакты Косичкина, говорить, что скорее Орлов более философ, [не[жели]] что Булгарин весь поэт. Тут недурно взять героев романа Булгарина: Наполеона и Петра Ивановича, и рассматривать их обоих, как чистое создание самого поэта; натурально, что здесь нужно вооружиться очками строгого рецензента и приводить места, каких (само по себе разумеется) не бывало в романе. [Почему] Нехудо присовокуплять: Почему вы, г. Булгарин, заставили Петра Ивановича открыться в любви так рано такой-то, или почему не продолжили разговора Петра Ивановича с Наполеоном, или зачем в самом месте развязки впутали поляка (можно придумать ему и фамилию даже). Всё это для того, чтобы читатели видели совершенное беспристрастие критика. Но самое главное, нужно соглашаться с жалобами журналистов наших, что действительно литературу нашу раздирает дух партий ужасным образом, и оттого никак нельзя подслушать справедливого суждения. Все мнения разделены на две стороны: одни на стороне Булгарина, а другие на стороне Орлова, и что они, между тем как их приверженцы нападают с таким ожесточением друг на друга, совершенно не знают между собою никакой вражды и внутренно, подобно всем великим гениям, уважают друг друга —

У нас бывают дожди и необыкновенно сильные ветры; вчерашнюю ночь даже было наводнение. Дворы домов по Мещанской, по Екатерининскому каналу и еще кое-где, а также и много магазинов были наполнены водою. Я живу на третьем этаже и не боюсь наводнений; а кстати квартира моя в 2 Адмиральте.[йской] части, в Офицерской улице, выходящей на Вознесенской проспект, в доме Брунста. —

Прощайте. Да сохранит вас Бог вместе с Надеждою Николаевною от всего недоброго и пошлет здравие на веки. А также да будет его благословение и над Жуковским.

Ваш Гоголь.

662. П. А. Вяземский — Пушкину. 24 августа 1831 г. Остафьево.

Спасибо, большое спасибо за Арзамаскую грамоту. Крыло вдохновения, старины и Арзамаского гуся повеяло над тобою и потрепало мою задницу. Это приятное щекотание отозвалось в моем сердце и таким образом ты меня потешил со всех сторон. И здесь твое послание было прочтено в полном присутствии: вчера обедал у нас Дмитриев. Он что-то вянет духом (не прочти *воняет*), и я начинаю бояться за него. Жаль, что тебя здесь нет: я угостил бы тебя перепискою знакомого тебе Авраама с Игнатием Петровым, по поводу отпускной его. Письма подсыпаны эпиграммами против господ Ворожейкиных и желчно-элегийскими выходками, что всем известно, что после брата не осталось ему ни *булавки*. И всё это написано с добросовестностью и некоторою классическою сановитостью. Одним словом вкусно и хорошо. — Сделай одолжение, занимайся приготовлениями журнала, корми эту мысль, но прежде всего напиши план и представь его, куда следует. Я недавно получил письмо от Баратынского из Казани, куда они все поехали, то-есть Энгельгардовы, как он пишет, по делам, а как мне сказывали, от холеры. „Пишу, говорит он, но не для потомства, как Вы предполагаете слишком дружески, но для нижнего земского суда“. А Жуковский всё еще пописывает: Бог помощь! Не знаю, холера ли, царскосельский ли воздух, но на Вас действует какое-то благоприятное письменное наитие. И ты стал так исправно отвечать на письма, что любо. „Ох! я женат!“ скажешь ты, как Платон Сергеевич. Теперь времени много. Тургенева видали мы довольно часто, теперь он к нам ни ногой, потому что трусит холеры, которая шатается по нашему околотку и при том же он волочится в Москве и дремлет за Бухариною, за дочерью Султанши, Солдатши, или просто Сольдан, и за многими другими. Карамзины пробудут здесь, я думаю, еще с месяц; вероятно и я также. Не будет ли твоих денег у Нащокина рублей пять сот? В таком случае, вели ему отдать их мне, а остальные додашь мне в Питере. Передай мой сердечный поклон Dona Sol и скажи, что брат ее в Москве много успел по части каламбуров. Напомни Жуковскому о гомеопатической аптечке. Теперь сообщения свободны и можно прислать. Пожалуйста напомни. Все мои, то есть наши, тебе, то-есть Вам, кланяются.

О прежний Пушкин *ты Вы* парочка уж ныне!

Знаешь ли, слухи носятся, что ты очень ревнив? Я, если жена твоя не ревнива, позволяю тебе поцеловать мою сокурносую бель-сёрку. Она отказаться не может, ибо знает мои права над нею. — Читал ли ты „Красное и черное“? Замечательное творение. Теперь я мог бы по совести бранить Рославлева, потому, что купил это право потом лица и скукою внимания. В Загоскине точно есть дарование, но за то как он и глуп, уж это, воля Ваша, не Василью Львовичу чета. Тот, во-первых, имел ум не писать прозою, и это уже важный перевес. Не правда ли, что в Рославлеве нет истины ни в одной мысли, ни в одном чувстве, ни в одном положении? Я начинаю думать, что Петр Иванович Выжигин сноснее, но чтобы убедиться в этом, надобно прочесть его, а боже упаси того! — Да кстати, ты, кажется, ревнуешь и к Голинькой. Я поздравлю ее и скажу, что ты часто пишешь мне о каком-то Mornay. Впрочем не беспокойся и не верь клевете: это верно Dona Sol смутила тебя, она и меня хотела поссорить с нею. Кстати о ревности, попроси ее, то есть Dona Sol, сжечь до замужства своего всю мою поэзию и мою прозу, а что они у нее залежались знаю я потому, что она для смеха их кому-то показывала. Я полагаю, что текст пословицы *щей горшок, да сам большой* не исправен. В русском нет этого духа независимости. Не просто ли: *щей горшок, да самый большой*? Вот это так; это по-русски. Не написать ли мне трактат об этом также, как и о том, что вероятно: *Куда ни кинь так клин* перевод: *de quel que je me tourne, je vois le port de Livourne* ³². При человеке известного вкуса хвалили одну девушку и говорили: она хороша как роза. Что Вы говорите, как роза, она даже хороша как розан, отвечал человек известного вкуса. Чтобы ты не подумал, что повторяю тебе анекдот, спешу заявить, что это моего сочинения. Не написать ли трактат и о греческом исповедании наших старинных граматеев или ботаников, которые отнесли розу к мужескому роду?

663. Н. В. Гоголю. 25 августа 1831 г. Царское Село.

Любезный Николай Васильевич.

Очень благодарю Вас за письмо и доставление Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проект Вашей ученой критики удивительно хорош. Но Вы слишком ленивы, чтоб привести его в действие. Статья Ф.[еофилакта] Косичкина еще не явилась; не знаю, что это значит: не убоился ли Надеждин гнева Фаддея Венедиктовича? — Поздравляю Вас с первым Вашим торжеством, с фырканием наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого: толков журналистов и отзыва остренького сидельца. У нас всё благополучно: бунтов, наводнения и холеры нет. Жуковский расписался; я чувю осень, и собираюсь засесть. Ваша Надежда Николавна, т. е. моя Наталья Николавна — благодарит Вас за воспоминание и сердечно кланяется Вам. Обнимите от меня Плетнева и будьте живы в Петербурге, что довольно, кажется, мудрено.

25 августа. А. П.

664. В. А. Жуковский — Пушкину. 24–27 августа 1831 г. Царское Село.

Приходи ко мне в половине первого; пойдем в Лицей: там экзамен истории.

665. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 29 августа 1831 г. Царское Село.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Я сообщил г. генерал-адъютанту графу Чернышеву доставленную мне Вами, милостивый государь, записку о сотнике Сухорукове, изъявившем желание получить копии с выписанных им в архивах материалов для составления истории войска Донского, которые он, уезжая в 1826 году в армию, должен был, по приказанию Генерала Богдановича, передать в чужие руки, равно как и множество приобретенных им древних летописей, повестей и поэм, относящихся к сему войску.

Граф Чернышев отвечал мне на сие, что акты, о коих упоминает сотник Сухоруков, никогда не

³² куда бы я ни обернулся, всюду вижу порт Ливорно.

были его собственностью, ибо они собраны им из архивов войска и из других источников по приказанию и направлению его, графа Чернышева; что акты сии, как принадлежащие к делам Комитета об устройстве войска Донского, никак не могли утратиться, но должны быть в виду начальства, и что, наконец, он находит со стороны сотника Сухорукова не только неосновательным, но даже дерзким обременять правительство требованием того, что ему не принадлежало и принадлежать не может.

Считая долгом уведомить о сем Вас, милостивый государь, честь имею быть с совершенным почтением и истинною преданностью,

милостивый государь, покорнейшей слуга А. Бенкендорф.

№ 4426. 29. августа 1831. Его высокобл[агород]ию А. С. Пушкину.

666. Н. М. Коншин — Пушкину. Август 1831 г. Старая Русса.

Я теперь как-будто за тысячу по крайней мере лет назад, мой любезнейший Александр Сергеевич. Кровавые сцены самого темного невежества перед глазами нашими перечитываются, сверяются и уличаются. Как свиреп в своем ожесточении добрый народ русской! жалеют и истязают; величают вашими высокоблагородиями и бьют дубинами, и это всё вместе. Чорт возьми, это ни на что не похоже! Народ наш считают умным, но здесь не видно ни искры здравого смысла.

Начальство доверило раскаявшимся дуракам выбор и представление преступников, но кажется они не совсем искренно к этому приступили. — Попадаются люди не совсем виновные вместо убийц. Я хотел продолжать здесь мой роман, но теперь не до него. — Пишите вы больше; как жаль, что у меня нет никаких теперь литературных новостей... Что-то Косичкин? возгласил ли в Москве, и как идет продолжение? Это очень меня занимает, не поленитесь сказать мне слова два, и пришлите в мою канцелярию, оттуда доставят ко мне сюда, вместе с бумагами, которые идут ко мне часто.

Прощайте. Будьте здоровы, скажите от нас почтение Вашей супруге, и любите *Коншина*.

667. П. А. Вяземскому. Конец августа 1831 г. Царское Село.

(Между нами) У Дельвига осталось 2 брата без гроша денег, на руках его вдовы, потерявшей большую часть маленького своего имения. Нынешний год мы выдадим Сев.[ерные] Цветы в пользу двух сирот. Ты пришли мне стихов и прозы; за журнал наш примимся после.

20 авг.[уста], день смерти Вас.[илия] Льв.[овича], здешние Арзамасцы поминали своего старосту вотрушками, в кои воткнуто было по лавровому листу. Светлана произнесла надгробное слово, в коем с особенным чувством вспоминала она обряд принятия его в Арзамас.

668. О. М. Сомов — Пушкину. 31 августа 1831 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

По милости окаянной холеры, мы, бедные Петрополитанцы, должны сидеть на привязи и не выказывать носа из столицы. Давно собирался я Вас поздравить, с тем, что по слуху мне известно: именно с званием Историографа Петра I, с коллежской службой и пр.; но всё надеялся высказать это поздравление языком, а не пером. Теперь же, кажется, нет к тому и близкой надежды. Бога ради, известите меня, как скоро можно будет ездить в Царское Село. Пора думать и о Северных Цветах, у меня уже запасено кое-что моего и чужого (в числе последнего, нигде еще не напечатанная и мало кому известная повесть Батюшкова, в прозе). До меня дошли также слухи, что у Вас есть пять повестей готовых: не уделите ли из них малую-толику для общего дела? — Розен написал весьма хороший разбор Бориса Годунова и отдал его мне. Это бы надобно было прочесть вместе.

У меня затей, затей! полны карманы. Во-первых, у меня растет *Борода Богдана Бельского*, и разрастается тома на два; во-вторых: я ухватился за любимую мечту мою, *Хмельницкого*; собрал об

нем всё, что можно, и теперь его обдумываю и передумываю. Не назову его ни историческим романом, и даже не окрещу именем Хмельницкого; но это будет просто малороссийская быль: *Оклячай*. — *Гайдамак* мой подвигается к концу, и в марте, может быть, выкажет нос из-под спуда. Кроме того, у меня впялено еще несколько малороссийских былей меньшего объема.

Вот вам и чужая просьба: актриса Валберхова Старшая просит у Вас позволения на бенефис ее сыграть одну или две сцены из *Бориса Годунова*. Кажется, она особенно метит на сцену Марины с Лжедмитрием. Позволите ли Вы ей? В таком случае, сделайте одолжение, уведомьте меня поскорее.

В 13-м № Телескопа напечатана статья презабавная: Торжество дружбы, в защиту А. А. Орлова. Сочинитель, кажется, псевдоним:

Я по зубам узнал его тотчас.

Новостей замечательных здесь нет, кроме разве, что у меня родился сын, малый прешумливый. От Софьи Михайловны получил я письмо: она уехала в Чернь, к матери покойного нашего друга.

26-го августа я пил здоровье Натальи Николаевны, а теперь прошу Вас засвидетельствовать ей мое почтение.

Скоро ли-то пречистая богородица сподобит меня увидеть Вас? О сем же молю ее благостыню, да не убо преидет глас моления моего втуне. — В ожидании, с душевным почтением и преданностью пребываю

ваш покорнейший слуга О. Сомов.

670. П. В. Нащокин — Пушкину. 2 сентября 1831 г. Москва.

Ну — Александр Сергеевич, измучился я на твой счет; не писал и к тебе так долго, боясь удостовериться о смерти твоей. Вот что две недели говорили в Москве, что ты умер — жена осталась беременна, и так далее — но я не вслушивался в подробности, не хотелось мне услышать что-нибудь правдоподобного, одним словом я очень беспокоился, — но ты жив, узнал я от клобного повара, к которому писал твой, что всё благополучно, и потому решаюсь писать. Но и теперь прошу мне ответить как можно скорее, на предки ты можешь поручить Василью, извещать меня еженедельно о твоём здоровье. Посылаю тебе горчаковский вексель, — с Жемчужниковым дело идет довольно туго — ибо они не нуждаются деньгами, я просил уступки собственно для себя — нисколько тебя не компрометируя, вот каким образом: Александр Сергеевич буде узнает что я в хожу в переговоры, косательно его векселей, в таком случае он очень на меня рассердится, — и потому прошу их покорно не предполагать чтобы *ты* тут в чем участвовал. Но дело в том что я будучи тебе должен — обязан выплатить им по нашему между собою условию — но так как я из полученных мною денег, (которые я еще не получил буде тебе известно) уплатя им все дватцать тысяч, — останусь без гроша ибо я только что и получу — следственно я прошу у них уступки собственно для себя, — теперь же скажу тебе — что если они не согласятся, в таком случае я с ними кончу; ибо Рахманов до получения моих денег дает мне сколько нужно денег на сделку — и потому прошу тебя как можно положиться на меня — и не сколько не беспокоится. Я сделал разные обещания — в [случае] надежде о не справедливости слухов таких гнусных — для меня; отвечай мне скорее, для исполнения оных обещаний состоят кому десять рубл. кому пять — и разные дворские подарки. — Почтение мое Натальи Николаевне — как человек мнительный и [сць] несколько с воображением, я предполагаю — что работа, предосначенная по милостивому вниманию Натальи Николаевны мне — [пере[шла]] dokonчена и перешла в руки ближайшие; — чтобы не сделать ошипки, напишу русскими буквами французскую пословицу: ле абсан он тужур тор, — не так ли, ибо я давно жду посылок от тебя, кроме чужих денег ничего не получал. Правда ли что двор будет в Москву — будешь ли ты и когда и скоро ли? На будущее лето — предлагаю Вам мою деревеньку на житье, которая состоит в стошестидесяти верст от Москвы, я в ней жить не могу а мог бы приехать дня на три. Прощай Александр Сергеевич, будь жив и здоров и весел, пиши ко мне будущую почту, а я покуда прощай, пустяков писать не хочется.

П. Нащокин.

671. П. В. Нащокину. 3 сентября 1831 г. Царское Село.

Любезный мой Павел Войнович, не отвечал я на твое последнее письмо, исполнившее меня радостью и благодарностью, в ожидании обещанного следующего. Но оно покамест еще не пришло. [Дай] Бог, чтоб успех увенчал дипломатику твою! жду [с] трепетом сердца решения Догановского. Всё ли у тебя благополучно? Что твои спазмы, головные боли, поездки к Елене Тимофеевне, и прочие бури? У меня, слава Богу, всё тихо, жена здорова; царь (между нами) взял меня в службу, т. е. дал мне жалования, и позволил рыться в архивах для составления Истории Петра I. Дай Бог здравия царю! Дома у меня произошла перемена министерства. Бюджет Алекс.[андра] Григорьева оказался ошибочен; я потребовал счетов; заседание было столь же бурное, как и то, в коем уничтожен был Иван Григорьев; в следствии сего Алекс.[андр] Григ.[орьев] сдал министерство Василию (за коим блохи другого рода). В тот же день поворот мой явился ко мне с требованием отставки; сего министра хотят отдать в солдаты, и он едет хлопотать о том в Москву; вероятно явится и к тебе. Отсутствие его мне будет ощутительно; но может быть всё к лучшему. Забыл я тебе сказать, что Алекс.[андр] Гр.[игорьев] [вм[есто]] при отставке получил от меня в виде атестата плюху, за что он было вздумал произвести возмущение и явился ко мне с военной силою, т. е. с квартальным; но это обратилось ему же во вред; ибо лаво[чник] и, проведав обо всем, засадили было его в [ям]у, от коей по своему великодушию избавил я его. Теща моя не унимается; ее не переменяет ничто, ni le temps, ni l'absence, ni des lieux la longueur ³³; бранит меня, да и только — а всё за нашего друга Ал.[ександра] Юрьевича. Дедушка ни гугу. До сих пор ничего не сделано для Нат.[альи] Николаевны; мои дела идут по маленьку. Печатаю incognito мои повести; первый экземпляр перешлю тебе. Прощай, душа. Да не забудь о ломбардте пораспросить.

А.П. 3 сент.

Жена тебе весьма кланяется. — До свидания.

672. П. А. Вяземскому. 3 сентября 1831 г. Царское Село.

Сперва о деле: у Нащокина моих денег нет, а своих вероятно не завелось. По причине холеры я в получении доходов затруднен. Твои 500 рублей получишь из П.[етер]Б.[урга], как скоро спишусь с моими корреспондентами. Ты пишешь о журнале: да, чорта с два! кто нам разрешит журнал? Ф.[он] Фок умер, того и гляди поступит на его место Н. И. Греч. Хороши мы будем! О газете политической нечего и думать, но журнал ежемесячный, или четырехмесячный, третьейкой можно бы нам попробовать — одна беда: без мод он не пойдет, а с модами, стать нам наряду с Шаликовым, Полевым и проч. — совестно. Как ты? с, или без? Мы бы переписку Авраама с Игн.[атием] поместили [бы] в отделении: Классическая словесность. Ж.[уковский] всё еще пишет; завел 6 тетрадей, и разом начал 6 стихотворений; так его и несет. Редкой день не прочтет мне чего нового; нынешний год он верно написал целый том. Это хорошо было бы для журнала. Я начал также [-]; на днях испрознался сказкой в тысяча стихов; другая в брюхе бурчит. А всё холера... То, что ты говоришь о Рославлеве, сущая правда; мне смешно читать рецензии наших журналов, кто начинает с Гомера, кто с Моисея, кто с Вальтер-Скотта; пишут книги о романе, которого ты оценил в трех строчках совершенно полно, но к которым можно прибавить еще три строчки: *что положения, хотя и натянутые, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что всё можно прочесть с удовольствием* (итого 3 строчки).

У Доне Sol был я вчера; писем твоих у ней здесь нет; она не намерена их сжечь et vous accuse de fatuit ³⁴. Дело в том, что она чрезвычайно мила, умна и в лицах представляет генеральшу Ламбер и камер-лакея-немца — в совершенстве. Твое рассуждение о пословице русской не пропадет. К числу благороднейших принадлежит и сия: за тычком не угонишься, т. е. не хлопочи о полученном тычке. К

³³ ни время, ни разлука, ни дальность расстояния.

³⁴ и обвиняет тебя в фатовстве.

статьи о тычке: читал ли ты в Телескопе статью Ф.[еофилакты] Косичкина? Прости, кланяюсь тебе и твоим. Вчера Д.[она] Соль получила при мне и Ж.[уковском] письмо от своего брата; он от имени Катерины Андреевны спрашивает у Ж.[уковского] его мнения: приезжать ли ей в П.[етер]Б.[ург] или оставаться в Москве. Ж.[уковский] сказал, что если б он имел сто языков, то все бы они заговорили: приезжайте к нам, к нам, к нам. Себялюбие в сторону, я точно того же мнения; холера в П.[етер]Б.[урге] прекратилась, а у вас опять начинается. Экие времена! Варшава должна была быть взята 25 или 26; но еще известия нет.

3 сентября

673. П. И. Миллеру. Около (не ранее) 4 сентября 1831 г. Царское Село.

Очень благодарен вам, любезный Миллер, за статью Ф.[еофилакты] К.[осичкина], я уже ее видел. Благодарю вас сердечно и за известие о взятии Варшавы. Поздравляю вас и весь мой Лицей. Преданный вам Пращур.

674. П. А. Плетнев — Пушкину. 5 сентября 1831 г. Петербург.

5 сентября, 1831. С. п. бург.

Повести Ивана Петровича Белкина из цензуры получены. Ни перемен, ни откидок не воспоследовало по милости Никиты Ивановича Бутырского. Чтобы приступить к печатанию, надобно от тебя через день же получить ответ, в котором бы ты разрешил меня в следующем:

1. Сколько экземпляров печатать: не довольно ли 1200?

2. Чтобы по 18 строк выходило на странице в 12-ю долю листа, то разрядка строк будет одинакова с Евг. Онегиным: аппробуешь ли ее? а иначе (т. е. в один шпон, а не в два) выйдет по 22 строчки на странице.

3. Я взял эпитафию к Выстрелу из Романа в 7 письмах; вот как он стоит в подлиннике:

„Мы близились с двадцати шагов; я шел твердо — ведь уже три пули просвистали мимо этой головы — я шел твердо, но без всякой мысли, без всякого намерения: скрытые во глубине души чувства совсем омрачили мой разум“.

Согласен ли ты его так принять, и если да, то Баратынского слова: *Стрелялись мы* вычеркнуть ли из тетради?

4. Не удержишь ли ты издания присылкою Предисловия и уморительно-смешного эпитафия?

5. Не подать ли нам благого примера в прозе молодым писателям и не продавать ли Белкина по 5 р. книжку? Нас это не разорит, а добрый пример глубоко пустит корни. Я и кн. Вяземскому советовал продавать Адольфа по 5 р.

Впрочем буди во всем твоя святая воля. Долго ли еще проживешь ты в Царском? Поклонись от меня всем.

Не пропусти в ответе своем ни одного из моих вопросов.

676. П. А. Вяземский — Пушкину. 11 сентября 1831 г. Москва.

11-го сент. Москва.

Не беспокойся о деньгах. Я полагал, что Нащокин, может быть, имеет счета с тобою, а впрочем пускай деньги ждут меня в Питере. На Северные Цве.[ты] я совершенно согласен и соберу всё, что могу по альбумам. Каким же быть модам, когда ты помышляешь о четырехмесячном или третейском журнале? Куда же поспеют наши моды, разве в Камчатку? А о месячном журнале нам и думать нечего: мы не довольно правильной жизни, чтобы месячные наши иметь всегда к сроку. Вчера у новорожденного Дмитриева читали мы Косичкина и очень смеялись. Я ничего не знал о нем, *потому, что живу в деревне и не велел присылать себе никакого вздора,* следовательно и Телескоп. Дмитриеву минуло вчера 71. Славная старость. Он тебя очень любит и очень тебе кланяется. Вчера

утром приходит к нему шинельный поэт и, вынимая из-за пазухи тетрадь, поздравляет его: Дмитриев, занятый мыслью о дне своего рождения, спрашивает его: а почему Вы узнали? — Шинельный поэт заминается и наконец говорит: признаться, вчера в газетах прочел. Дело в том, что он поздравлял с Варшавою и приносил оду Паскевичу. Прощай. Наши все здоровы. Хорошо, если бы и все также.

Надписывая адрес на письме к тебе, мне всегда хочется сказать:
Спросить в Лицее, в Пантеоне.

678. Е. М. Хитрово — Пушкину. Середина (после 10) сентября 1831 г. Петербург.

Я только что [прочла] прочла ваши прекрасные стихи — и заявляю, что, если вы не пришлете мне экземпляра (говорят, что их невозможно достать), я никогда вам этого не прощу.

679. Е. М. Хитрово. Середина (после 10) сентября 1831 г. Царское Село.

I

*Перед гробницею святой
Стою с поникшею главою.
Всё спит кругом. Одни лампы
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.*

II

*Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.*

III

*В твоём гробу восторг живет:
Он русской звук нам издает,
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Возвал к святой твоей седине:
Иди, спасай! — Ты встал и спас.*

IV

*Внемли ж и днесь наш верный глас:
Восстань, спаси царя и нас!
О грозный старец! на мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой.*

V

*Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей
Кто твой наследник, твой избранный...
Но храм в молчанье погружен,
И тих твоей гробницы бранный
Невозмутимый, вечный сон.*

Стихи эти были написаны в такую минуту, когда позволительно было пасть духом — слава Богу, это время миновало. Мы опять заняли положение, которое не должны были терять. Это, правда, не то положение, каким мы были обязаны руке князя, вашего батюшки, но всё же оно достаточно хорошо. У нас нет слова для выражения понятия безропотной покорности, хотя это душевное состояние, или, если вам больше нравится, эта добродетель, чрезвычайно свойственна русским. Слово [столбняк], пожалуй, передает его с наибольшей точностью.

Хотя я и не докучал вам своими письмами в эти бедственные дни, я всё же не упускал случая получать о вас известия, я знал, что вы здоровы и развлекаетесь, это, конечно, вполне достойно „Декамерона“. Вы читали во время чумы вместо того, чтобы слушать рассказы, это тоже очень философично.

Полагаю, что мой брат участвовал в штурме Варшавы; я не имею от него известий. Однако, насколько пора было взять Варшаву! Вы, полагаю, читали стихи Жуковского и мои.

Надеюсь явиться к вам в конце этого месяца. Царское Село может свести с ума; в Петербурге гораздо легче уединиться.

Госпоже Хитровой.

682. М. Д. Деларю. 28 сентября 1831 г. Царское Село.

Очень благодарю Вас, любезный Михайло Данилович, за Ваше письмо и известие. Я был в П.[етер]Б.[урге] и не знаю, как не попал к Вам. Сказывают, вы были больны желчью. Избави Вас Бог — и в какое время! — Смотрите, чтоб холера не захватила вас при своем отступлении. Вы нам нужны.

Вот письмо Геслингу — где он? что он? Доставьте это ему, сделайте одолжение, и будьте здоровы.

С. С. 28 сент. А. П.

686. А. А. Шишков — Пушкину. 6 октября 1831 г. Останкино.

Надеясь на твое снисхожденье к трудам моим, милый мой Александр Сергеевич, посылаю тебе 1. том моих переводов; второй же доставлю с первой почтой. Прими его: порой он напомнит тебе товарища детских лет твоих и отчасти бурной молодости. Посылая 2. том, буду писать к тебе подробно о многом, теперь же спешу, чтоб не опоздать на почту. Не забывай меня, милый друг, и сохрани ко мне хоть сотую долю той дружбы, которой я гордился некогда. Итак до первой почты. Обнимаю тебя, и почитаю излишним уверять тебя в чувствах глубокого уваженья и преданности, которые всегда питал к тебе, и питать не перестану.

Душевно преданный тебе

Ал. Шишков. С. Останкино 6 октября 1831 года.

687. П. В. Нащокину. 7 октября 1831 г. Царское Село.

Жалею, любезный Павел Воинович, что дело разошлось за 5,000. Всё-таки я тебе благодарен за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову за их снисхождение. Ты же не сердись. Они не поверили тебе, потому что тебя не знают; это в порядке вещей. Но кто, зная тебя, не поверит тебе на слово своего имения, тот сам не стоит никакой доверенности. Прошу тебя в последний раз войти с ними в сношение и предложить им твои готовые 15 т., а *остальные 5 заплачу я в течение 3 месяцев.* Мне совестно быть не окуратным, но я совершенно расстроился: женись, я думал издерживать в трое против прежнего, вышло в десятеро. В Москве говорят, что я получаю 10,000 жалованья, но я покамест не вижу ни полушки; если буду получать и 4,000, так и то слава Богу. Отвечай мне как можно скорее в Петербург, в Казачьем переулке в доме Дмитриева, О. С. Павлицевой, для доставления А. С. П. Прощай и будь здоров. Кланяюсь Ольге Андреевне и твоему наследнику.

Весь твой А. Пушкин.

688. С. С. Уваров — Пушкину. 8 октября 1831 г. Москва.

Инвалид, давно забывший путь к Парнассу, но восхищенный прекрасными, истинно народными стихами Вашими, попробовал на деле сделать им подражание на французском языке. Он не скрывал от себя всю опасность борьбы с вами, но, вами вдохновенный, хотел еще раз, вероятно в последний, завинтить свой Европейской штык. Примите благосклонно сей опыт и сообщите оный В. А. Жуковскому.

Ув -

Москва Октября 8. 1831. А. С. Пушкину.

689. П. А. Вяземскому. Середина (около 15) октября 1831 г. Царское Село.

Сей час еду из Ц.[арского] С.[ела] в П.[етер]б.[ург]. Мебели твои в целости оставлены мною здесь для того, чтобы доставить тебе прямо туда, где ты остановишься. Деньги тебе не выслал, ибо жду тебя сюда. Но когда же будешь ты? Ждем и не дождемся. Похлопочи о Сев.[ерных] Цв.[етах], пришли нам своих стихов и проз, да у Языкова нет ли чего? я слышу, они с Киреевским затевают журнал; с Богом! Да будут ли моды? важный вопрос. По крайней мере можно будет нам где-нибудь показаться — да и Косичкин этому рад. А то куда принужден он был приютиться! в Телескоп! легко сказать. Двор у Вас. Ж.[уковский] и Россети в П[етербур]ге. Ж.[уковский] написал пропасть хорошего и до сих пор всё еще продолжает. Переводит одну песнь из Marston; славно. Каков Гогель? Повести мои печатаются. Сев.[ерные] Цв.[еты] будут любопытны. Прощай до свидания. Мой адрес: у Измайловского мосту на Воскресенской улице в доме Берникова.

690. А. Х. Бенкендорфу. Середина октября 1831 г. Царское Село или Петербург.

Милостивый государь Александр Христофорович,

Осмеливаюсь беспокоить Ваше высокопревосходительство покорнейшею просьбою о дозволении издать особою книгою стихотворения мои, напечатанные уже в течении трех последних лет.

В 1829 году Ваше высокопревосходительство изволили мне сообщить, что государю императору угодно было впредь положиться на меня в издании моих сочинений. Высочайшая доверенность налагает на меня обязанность быть к самому себе строжайшим цензором, и после того было бы для меня нескромностию вновь подвергать мои сочинения собственному рассмотрению его императорского величества. Но позвольте мне надеяться, что Ваше высокопревосходительство, по всегдашней ко мне благосклонности, удостоите меня предварительного разрешения.

С глубочайшим почтением, благодарностию и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга.

Александр Пушкин.

При сем препровождаю Вашему высокопревосходительству письмо, доставленное мне г. Погодиным.

691. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 19 октября 1831 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

На письмо Ваше ко мне имею честь Вас уведомить, что никакого не может быть препятствия к изданию особою книгою тех стихотворений Ваших, которые уже были единожды напечатаны.

Для меня всегда приятно быть с Вами в сношениях по предмету Ваших сочинений и потому я прошу Вас, всякой раз когда будете иметь в том надобность, обращаться ко мне со всею искренностию.

Вместе с сим, считаю не излишним заметить Вам, что сколь ни удостоверен государь император в чистоте Ваших намерений и правил, но со всем тем однакоже мне не известно, чтобы его величество

разрешил Вам все ваши сочинения печатать под одною Вашею только ответственностию. Упомянутое в письме Вашем сообщение мое к Вам 1829-го года относилось к одной лишь трагедии Вашей под названием Годунов, а потому Вам надлежит по прежнему испрашивать всякий раз высочайшее его величества соизволение на напечатание Ваших сочинений и если Вам угодно будет делать сие чрез посредство мое, то я готов всегда Вам в сем случае содействовать.

С совершенным почтением имею честь быть,
милостивый государь, ваш покорнейший слуга А. Бенкендорф.
№ 5237. 19. Октября 1831 Его высокобл.[агородию] А. С. Пушкину.

692. М. И. Калашников — Пушкину. 19 октября 1831 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Приказание вашей милости получил, при сем и препровождаю к вашей милости оброку 1200 руб. изволите приказывать счет вашей милости со вступления к вам во владение, декабрьскую — треть Василий Козлов вашей милости в бытность в Болдине доставил; мартовскую треть получено мною от Никана Семенова 890 руб. и доставлены вашей милости из которого мне приказали вычесть 400 руб. издержанные по свидетельству и введение во владение; теперь 1200 р. и 1200 — декабрьской до марта и кончится 3600 руб. Теперь извольте считать начало с марта получить годовой отчет, потому что — крестьяни землю делят и окладку раскладывают сколько на кого тегла, еще доложу вашей милости, что издержано на отправку кареты 90 руб. по приказу вашему кучару Петру на пашпорт 6 руб. на дорогу 4 руб. всего 100 руб. то как изволете приказать из числа оброчной суммы в будущей треть; о старосте я писал вашей милости а этот не годится всё с пренуждением и с плутами всё советует в протчем воля вашей милости а я как верный раб должен доложить и мне приказали; не до чего злого не допущу а будут в порядки, при сем репортую вашей милости при вотчине вашей селце Кистеневе состоит по сие число всё благополучно. Засим честь имею пребыть с истинным почитанием и преданностию

ваш милостивого государя покорный слуга и раб

Михайла Калашников.

Октября 19 дня 1831 года С. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич,

Зная ваши великие милости, не замедлю как перед Богом я вас благодарить. Слава Богу судьба хотя с великим трудом кончина моей дочери. Сего октября 18 числа повенчали, титулярный советник Ключарев и есть душ 30 крестьян в Горбатовском уезде а ныне служить в Лукоянове в земском суде заседателем дворянским, а об оброке доложу вашей милости что за стыд сочту если во время не доставлять как вашей милости равно и батюшки который я считаю малым и при этом зборе всегда можно заслужить милость и будеть всегда без доимок.

ваш милостивого государя всенижайший раб найвсегда пребуду Михайла Калашников.

Извините батюшка что положил без вашей воли записку сыну моему.

693. С. С. Уварову. 21 октября 1831 г. Петербург.

Милостивый государь, Сергей Семенович,

Князь Дундуков доставил мне прекрасные, истинно вдохновенные стихи, которые угодно было Вашей скромности назвать подражанием. Стихи мои послужили Вам простою темою для развития гениальной фантазии. Мне остается от сердца Вас благодарить за внимание мне оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мне присвоенных Вами.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

21 октября С. П. Б. 1831.

694. П. В. Нащокину. 22 октября 1831 г. Петербург.

Милый мой Павел Воинович, вот я в П.[етер]Б.[урге], где я был принужден переменить мною нанятый дом. Пиши мне: На Галерной в доме Брискорн. Видел я Жемчужникова. Они согласились взять с меня 5,000 векселем, а 15,000 получить тотчас. Как же мы сие сделаем? Не приехать ли мне самому в Москву? а мне что-то очень хочется с тобою поболтать, да я бы сам кой-какие дела обработал, напр. бриллианты жены моей, которые стараюсь спасти от банкротства тещи моей и от лап Семена Федоровича. Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу за муж с 10,000 приданого, а не может заплатить мне моих 12,000 — и ничего своей внучке не дает. Нат.[алья] Ник.[олаевна] брюхата — в мае родит. Всё это очень изменит мой образ жизни; и обо всем надобно подумать.

Что-то Москва? как вы приняли государя и кто возмется оправдать старинное московское хлебосольство? Бояра перевелись. Денег нет; нам не до праздников. Москва губернской город, получающий журналы мод. Плохо. Жду Вяз[емского]; не знаю, не затею ли чего-нибудь литературного, журнала, альманаха или тому подобного. Лень. Кстати я издаю Сев.[ерные] Цветы для братьев нашего покойного Дельвига; заставь их разбирать — доброе дело сделаем. Повести мои напечатаны; на днях получишь. Поклон твоим. Обнимаю тебя от сердца.

695. Д. И. Хвостов — Пушкину. 24 октября 1831 г. Петербург.

Милостивый государь мой Александр Сергеевич,

Не повстречая вас лично, по приезде вашем из Царского Села, я имею честь послать к вам мои стихи вскоре после творения вашего, Клеветникам России, сочиненные. Примите их от старика, близкого к могиле, в знак отличного уважения к дарованиям вашим.

Против крамол писал я много,

Изобличал безумцев строго. —

Но убедясь в печальной истине опытом, что развращенные сердца завистливых крамольников ожесточенны и слухи их не внемлют прелестей гармонии сынов Аполлона, я ограничиваюсь желанием, чтобы знаменитая лира ваша предпочтительно воспевала богатырей русских давнего и последнего времени. Верьте почтению и преданности с коими есмь и буду ваш,
милостивый государь мой, покорный слуга граф Хвостов. 24 октября 1831.

696. И. В. Киреевский — Пушкину. Около (не позднее) 25 октября 1831 г. Москва.

Милостивый государь, Александр Сергеевич,

Вчера получил я разрешение издавать с будущего 1832 года журнал, и спешу рекомендовать Вам его, как рекрута, который горит нетерпением служить и воевать под Вашим предводительством; как девушку, еще невинную, которая [про[сит]] хочет принадлежать Вам душой и телом; как духовную особу, которая просит вас утвердить ее в чине пастыря над стадом словесных животных, и, наконец, рекомендую вам журнал мой, как *Европейца*, — потому, что его так зовут. Я назвал его так не от того, разумеется, чтобы надеялся сделать его Европейским по достоинству (я не знаю еще, сколько могу надеяться на Ваше участие); но потому, что предполагаю наполнить его статьями, относящимися больше до Европы вообще, чем до России. Однако, если когда-нибудь Феофилакт Косичкин захочет сделать честь моему журналу: высечь в нем Булгарина, то разумеется в этом случае Булгарин будет Европа в полном смысле [этого] слова.

Журнал мой будет состоять из пяти отделений: 1-е. Науки, где главное место займет философия; 2-е. Изящная словесность; 3. Биографии знаменитых современников; 4. Разборы иност.[ранных] и рус.[ских] книг, критика и пр.; 5. Смесь. Каждый месяц будут выходить 2 книжки. Первая явится к Вам около [первого] 1 января.

Так как Ваши друзья должны смотреть на мой журнал, как на им принадлежащий, то прошу Вас сказать мне: куда доставлять его Катенину? и как вообще его адрес? —

699. П. И. Миллеру. После 24 октября — начало ноября 1831 г. Петербург.

У меня взяли читать повести. Пришлю вам их как скоро получу. До свиданья. А. П.

700. Е. Ф. Розену. Октябрь — первая половина ноября 1831 г. Царское село

Вот Вам, любезный барон, Пир во время чумы из Вильсоновой трагедии *effet*. Предприняв издание 3-го тома моих мелких стихотворений, не посылаю вам некоторых из них, ибо вероятно они явятся прежде вашей Альционы. Горю нетерпением прочитать ваше предисловие к Борису; думаю для второго издания написать к вам письмо, если позволите, и в нем изложить свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя мою трагедию.

Весь Ваш А. П.

701. П. А. Вяземский — Пушкину. 15 ноября 1831 г. Москва.

Москва, 15-го н. 1831.

Я виноват перед тобою, то есть перед Цветами, как каналья. Вот всё, что мог я собрать. Здесь такая суматоха, что нет часа свободного. Дела не делай, а от дела не бегай. Сделай одолжение, передай письмо барону Розену и дай ему, что хочешь, из стихов моих. Тебя сюда обещают. Милости просим, приезжай, а там возвратимся вместе. В след за потоком и я пушусь. Если стихов мало, возьми у Dona Sol *Южные звезды, черные очи*: напечатать бы их, пока звезды и очи не посоловеют от Гименя. Ты у Карамзиных видишь наши московские рапорты и потому не пишу тебе особенных. Что же газета?

Прости. Обнимаю тебя. Австрийскому дому мое нежное почтение. Скажи графине, что платья и письмо к ней давно готовы и ждут только удобного случая. — Доехал ли до Вас Кот Астраханский, житель Казанский?

702. Н. М. Языкову. 18 ноября 1831 г. Петербург.

Сердечно благодарю Вас, любезный Николай Михайлович, Вас и Киреевского за дружеские письма и за прекрасные стихи, если бы к тому присовокупили [бы] вы еще свои адреса, то я был бы совершенно доволен. Поздравляю всю братию с рождением Европейца. Готов с моей стороны служить Вам чем угодно, прозой и стихами, по совести и против совести. Ф.[еофилакт] Косичкин до слез тронут вниманием, коим удостоиваете вы его, на днях получил он благодарственное письмо от А. Орлова и собирается отвечать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему ответ его друга (или от его друга, как пишет Погодин). Жуковский приехал; известия им привезенные очень утешительны; тысяча пробитая Вами очень поправит домашние обстоятельства нашей бедной литературы. Надеюсь на Хомякова: Самозванец его не будет уже студент, а стихи его всё будут по прежнему прекрасны. Торопите Вяз[емского], пусть он пришлет мне своей прозы и стихов; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правим тризну по Дельвиге. А вот как наших поминают! и кто же? друзья его! ей богу, стыдно. Хвостов написал мне послание, где он помолодел и тряхнул стариной. Он говорит

Приближася похода к знаку,
Я стал союзник Зодиаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пел при старости июль

и проч. в том же виде. Собираюсь достойно отвечать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочем всё у нас благополучно.

703. Ф. Н. Глинке. 21 ноября 1831 г. Петербург.

Милостивый государь Федор Николаевич,

Мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние Северные Цветы. Изо всех его друзей только Вас да Баратынского не досчитались мы на поэтической тризне; именно тех двух поэтов,

с коими, после лицейских его друзей, более всего был он связан. Мне говорят, будто Вы на меня сердиты; это не резон: сердце сердцем, а дружба дружбой. Хороши и те, которые ссорят нас Бог ведает какими сплетнями. С моей стороны, моим искренним, глубоким уважением к Вам и Вашему прекрасному таланту я перед Вами совершенно чист.

Надеюсь еще на вашу благосклонность и на ваши стихи. Может быть увижу Вас скоро; по крайней мере приятно кончить мне письмо мое [си] сим желанием. Весь ваш без церемонии

А. Пушкин. 21 Н.

704. А. Х. Бенкендорфу. 24 ноября 1831 г. Петербург.

Генерал,

Неотложные дела требуют моего присутствия в Москве, и я, не будучи еще окончательно зачислен на службу, принужден отлучиться на две — три недели, не имея иного разрешения, как от одного лишь квартального. Считаю своим долгом поставить о том в известность Ваше превосходительство.

Пользуюсь этим случаем, чтобы обратиться к вам по одному чисто личному делу. Внимание, которое вы всегда изволили мне оказывать, дает мне смелость говорить с вами обстоятельно и с полным доверием.

Около года тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья, в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время, как он лишь мешанин в дворянстве. К этому было прибавлено, что мать его — мулатка, отец которой, бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра. Ввиду того, что вышеупомянутая статья была напечатана в официальной газете и непристойность зашла так далеко, что о моей матери говорилось в фельетоне, который должен был бы носить чисто литературный характер, и так как журналисты наши не дерутся на дуэли, я счел своим долгом ответить анонимному сатирику, что и сделал в стихах, и притом очень круто. Я послал свой ответ покойному Дельвигу с просьбой поместить в его газете. Дельвиг посоветовал мне не печатать его, указав на то, что было бы смешно защищаться пером против подобного нападения и выставлять напоказ аристократические чувства, будучи самому, в сущности говоря, если не мешанином в дворянстве, то дворянином в мешанстве. Я уступил, и тем дело и кончилось; однако несколько списков моего ответа пошло по рукам, о чем я не жалею, так как не отказываюсь ни от одного его слова. Признаюсь, я дорожу тем, что называют предрассудками; дорожу тем, чтобы быть столь же хорошим дворянином, как и всякий другой, хотя от этого мне выгоды мало; наконец, я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них.

Однако, ввиду того, что стихи мои могут быть приняты за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий, если не знать, что это очень сдержанный ответ на заслуживающий крайнего порицания вызов, я счел своим долгом откровенно объяснить вам, в чем дело, и приложить при сем стихотворение, о котором идет речь.

Примите, генерал, уверение в моем высоком уважении. Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин.

24 ноября. Ст. П. б.

706. Ф. Н. Глинка — Пушкину. 28 ноября 1831 г. Тверь.

Почтенный и любезнейший, Александр Сергеевич!

Вчера имел я честь получить письмо Ваше, от 21-го ноября. Весело было мне взглянуть на почерк руки вашей; спасибо сплетчикам за доставленное мне удовольствие читать строки ваши. Но я долго думал и не мог додуматься, из чего бы можно было вывести, что *якобы я на Вас сердит?!..* Смею

уверить, что я Вас любил, люблю и (сколько *за будущее* ручаться можно) любить не перестану! — Многие любят ваш талант; я любил и люблю в Вас — всего Вас. В первый раз из письма вашего узнаю, что альманах составляется в пользу или в память Дельвига, милого, доброго Дельвига! О. М. Сомов писал мне неясно. Я однакож, еще до получения вашего письма, выслал Сомову *одну* в прозе и *пять* пиэс в стихах. Теперь Вам посылаю: *три* в стихах и *одну* (т. е. один лоскуток!) 244 в прозе. Прозы у меня совсем нет! Проза губернского правления съела весь мой досуг. Из всех сих 10-ти пиэс Вы выберете пару, много две пары по Вашему усмотрению, а прочие прошу покорно передать моему комиссионеру актеру Сибирякову, который к Вам явится. Если б я и забыл вас, то мне напомнила бы о Вас жена моя, которая еще недавно поставила портрет Ваш подле Шиллера и Гётте. Она, будучи еще в девушках, перевела целый том Шиллера. Вчера я выдернул один листок из ее тетрадки и посылаю Вам *Военную песню* из Валл.[енштейнова] Лагеря; да познакомит Вас это с одною из почитательниц Ваших — моею женою; а меня прошу (как говорят французы) положить к ногам Вашей милой супруги. Я много слышался о ее красоте и любезности. И так и Вы осемьянились! Да почиет благословение Божие над Вами и семейством Вашим! Если увидите Софью Михайловну Дельвиг, прошу отдать ей мое нижайшее почтение. Как мы (я и жена моя) обрадуемся, увидя Вас лично! а до того примите уверение в любви к Вам бывшей, настоящей и не могущей не быть, вам преданного,

милостивый государь! Вашего пок[орнейшего] слуги Ф. Глинки.

Р. С. Стихи мои дурно и ошибочно переписаны *семинаристом*, выправлять некогда — извините!..

709. Н. Н. Пушкиной. 6 декабря 1831 г. Москва.

Сей час приехал к *Нащокину на Пречистинском Валу в дом 2-жи Ильинской.* Завтра буду тебе писать. Сегодня мочи нет устал. Цалую тебя, женка, мой ангел.

6 дек.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной В С. Петербург. В Галерной в доме Брискорн.

710. Н. Н. Пушкиной. 8 декабря 1831 г. Москва.

Здравствуй, женка мой ангел. Не сердись, что третьего дня написал я тебе только три строки; мочи не было, так устал. Вот тебе мой *Itinraire*. Собирался я выехать в зимнем дилижансе, но мне объявили, что по причине оттепели должен я отправиться в летнем; взяли с меня лишних 30 рублей и посадили в четверместную карету вместе с двумя товарищами. А я еще и человека с собою не взял в надежде путешествовать одному. Один из моих спутников был рижский купец, добрый немец, которого каждое утро душили мокроты, и который на станции ровно час отхарковался в углу. Другой мемельский жид, путешествующий на счет первого. Вообрази, какая веселая кампания. Немец три раза в день и два раза в ночь окурратно был пьян. Жид забавлял его во всю дорогу приятным разговором, на пример по-немецки рассказывал ему *Iwan Wijiguin; (ganz charmant!)*. Я старался их не слушать и притворялся спящим. Вслед за нами ехали в дилижансах трое купцов, княгиня Голицына (Ланская), приятель мой Жемчужников, фр.[ейлина] Кочтова и проч. Всё это останавливалось вместе; ни на минуту не было покоя; в Валдае принуждены мы были пересесть в зимние экипажи, и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашел я на старой его квартире; насилу отыскал его у *Пречистинских ворот в доме Ильинской* (не забудь адреса). Он всё тот же: очень мил и умен; был в выигрыше, но теперь проигрался, в долгах и хлопотах. Твою комиссию исполнил: поцаловал за тебя и потом объявил, что Нащокин дурак, дурак Нащокин. Дом его (помнишь?) отделяется; что за подсвечники, что за сервиз! он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку, и судно, на котором испразнится разве шпанская муха. Видел я Вяземских, Мещерских, Дмитриева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д.[ениса] Давыдова. Все тебе кланяются; очень спрашивают о тебе, о твоих успехах; я поясняю сплетни, а сплетен много. Дам московских еще не видал; на балах и в собрание вероятно не явлюсь. Дело с Нащокиным и Догановским вероятно скоро кончу, о твоих бриллиантах жду известия от тебя. Здесь

говорят, что я ужасный ростовщик; меня смешивают с моим кошельком. К стати: я кошелек обратил в мощну, и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверх положенных именин. Москва полна еще пребыванием Двора, в восхищении от царя, и еще не отдохнула от балов; Цыхлер сделал в один месяц 80 тысяч чистого барыша. А. Корсокова выходит за к.[нзя] Вяземского. Вот тебе все наши новости. Надеюсь увидеть тебя недели через две; тоска без тебя; к тому же с тех пор, как я тебя оставил, мне всё что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поедешь во дворец, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени коменданской лестницы. Душа моя, женка моя, ангел мой! сделай мне такую милость: ходи 2 часа в сутки по комнате, и побереги себя. Вели брату смотреть за собою и воли не давать. Брюлов пишет ли твой портрет? была ли у тебя Хитрова или Фикельмон? Если поедешь на бал, ради бога, кроме кадрилей не пляши ничего; напиши, не притесняют ли тебя люди, и можешь ли ты с ними сладить. За сим цалую тебя сердечно. У меня гости.

8 дек.

Адрес: М. г. Наталье Николаевне Пушкиной. В С. Петербург. В Галерной в доме Брискорн.

713. Д. Н. Бантышу — Каменскому. 14 декабря 1831 г. Москва.

Милостивый государь Дмитрий Николаевич

К крайнему моему сожалению сегодня мне никак не лъзя исполнить давнишнее мое желание: познакомиться с почтенным историком Малороссии. Надеюсь, что в другой раз буду счастливее. Покаместь прошу Ваше превосходительство принять изъявление глубочайшего почтения моего.

Вашего превосходительства покорнейший слуга

А. Пушкин. 14 дек.

714. Д. Н. Бантыш-Каменский — Пушкину. 14 декабря 1831 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Я должен более жалеть, нежели Вы, что лишен удовольствия познакомиться с уважаемым всеми писателем, делающим честь России: но долгом поставлю предупредить Вас своим посещением в доказательство глубочайшего почтения, с коим имею честь быть

Вашим, милостивый государь! покорнейшим слугою Дмитрий Бантыш-Каменский.

14 декабря 1831.

715. Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 16 декабря 1831 г. Москва.

Оба письма твои получил я вдруг и оба меня огорчили и осердили. Василий врет, что он истратил на меня 200 рублей. Алешке я денег давать не велел, за его дурное поведение. За стол я заплачу по моему приезду; никто тебя не просил платить мои долги. Скажи от меня людям, [т. е. Василию и Алешке,] что я ими очень недоволен. Я не велел им тебя беспокоить, а они, как я вижу, обрадовались моему отсутствию. Как смели пустить к тебе Фомина, когда ты принять его не хотела? да и ты хороша. Ты пляшешь по их дудке; платишь деньги, кто только попросит; элак хозяйство не пойдет. Вперед, как приступят к тебе, скажи, что тебе до меня дела нет; а чтоб твои приказания были святы. С Алешкой разделаюсь по моем приезде. Василия вероятно принужден буду выпроводить с его возлюбленной — enfin de faire maison nette ³⁵; всё это очень досадно. Не сердись, что я сержусь.

Дела мои затруднительны. Нащокин запутал дела свои более, нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, из коих ни на единый он еще не решился. К деду твоему явиться я не намерен. А делу его постараюсь помешать. Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу; с тех пор как здесь, я только и думаю, как бы удрать в П.[етер]Б.[ург] к тебе, женка моя. Распечатываю письмо мое, мой милый друг, чтоб отвечать на твое. Пожалуйста не стягивайся, не сиди поджавши ноги, и не

³⁵ для того, чтобы сменить всю прислугу (буквально: очистить дом).

дружись с графинями, с которыми нельзя кланяться в публике. Я не шучу, а говорю тебе серьезно и с беспокойством. Письмо Б.[енкендорфа] ты хорошо сделала, что отослала. Дело не о чине, а всё-таки нужное. Жду его. На днях опишу тебе мою жизнь у Нащокина, бал у Солдан, вечер у Вяземского — и только. Стихов твоих не читаю. Чорт ли в [них]; и свои надоели. Пиши мне лучше о себе — о своем здоровьи. На хоры не ездят — это место не для тебя.

Адрес: Наталье Николаевне Пушкиной. В С. Петербург Галерной, дом Брискорн.

716. Н. Н. Пушкиной. 16 декабря 1831 г. Москва.

Милый мой друг, ты очень мила, ты пишешь мне часто, одна беда: письма твои меня не радуют. Что такое *vertige*? обмороки или тошнота? виделась ли ты с бабкой? пустили ли тебе кровь? Всё это ужас меня беспокоит. Чем больше думаю, тем яснее вижу, что я глупо сделал, что уехал от тебя. Без меня ты что-нибудь с собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь. За чем ты не ходишь? а дала мне честное слово, что будешь ходить по 2 часа в сутки. Хорошо ли это? Бог знает, кончу ли здесь мои дела, но к празднику к тебе приеду. Голкондских алмазов дожидаться не намерен, и в новый год выведу тебя в бусах. Здесь мне скучно; Нащ.[окин] занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякой кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного — что делать? Между тем денег у него нет, кредита нет — время идет, а дело мое не распутывается. Всё это поневоле меня бесит. К тому же я опять застудил себе руку, и письмо мое вероятно будет пахнуть бобковой мазью, как твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выезжаю редко. Зван был всюду, но был у одной Солдан, да у Вяземской, у которой увидел я твоего Давыдова — не женатого (утешься). Вчера Нащ.[окин] задал нам цыганской вечер; я так от этого отвек, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит. Тоска, мой ангел — до свидания.

717. И. И. Лажечников — Пушкину. 19 декабря 1831 г. Тверь.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Волею, или неволею, займу несколько строк в истории Вашей жизни. Вспомните малоросца Денисевича с блестящими, жирными эполетами и с душою трубочиста, вызвавшего вас в театре на честное слово и дело за неуважение к его высокоблагородию; вспомните утро в доме графа Остермана, в Галерной, с Вами двух молодцов гвардейцев, ростом и духом исполинов, бедную фигуру малоросца, который на вопрос Ваш: приехали ли Вы *во время*? отвечал нахохлившись, как индийский петух, что он звал Вас к себе не для благородной разделки рыцарской, а сделать Вам поучение, како подобает сидети в театре, и что майору неприлично [у] меряться с фрачным; вспомните крохотку-адъютанта, от души смеявшегося этой сцене и советовавшего Вам не тратить благородного пороха на такой гад и шпор иронии на ослиной коже. Малютка-адъютант был Ваш покорнейший слуга — и вот по чему, говорю я, займу волею или неволею строчки две в вашей истории. Тогда видел я в Вас русского дворянина, достойно поддерживающего свое благородное звание; но когда узнал, что Вы — Пушкин, творец Руслана и Людмилы и столь многих прекраснейших пьес, которые лучшая публика России твердила с восторгом на память — тогда я с трепетом благоговения смотрел на Вас, и в числе тысячей поклонников (Ваших) приносил к треножнику Вашему безмолвную дань. Загнанный безвестностью в последние ряды писателей, смел ли я сблизиться с Вами? Ныне, когда голос избранных литераторов и собственное внимание Ваше к трудам моим выдвигает меня из рядовых словесников, беру смелость представить Вам моего Новика: счастливый, если первый Поэт Русский прочтет его, не скучая, 3-ю часть получить изволите в первых числах февраля.

С истинным уважением и совершенною преданностию честь имею быть Ваш,
милостивого государя, покорнейший слуга Иван Лажечников.

718. П. В. Нащокин — Пушкину. Конец декабря 1831 г. Москва.

Здорово ли доехал — и всё ли без тебя дома было благополучно, — удостоила ли меня Нат.[алья] Николаевна каким-нибудь дураком за обновку новейшего покроя и лучший подарок на праздник, который мог я ей доставить — удовольствием встретить тебя после первого растования. Прошу поздравить от меня Натал.[ью] Николаевну и пожелать ей от меня встретить также приятно новый год — как и тебя — (на старый не сердится с новым помирится). — В самом деле уведоь меня, что твое отсутствие ни малейшего вреда Вам не сделало, и ножкой топать от нетерпения Нат.[алья] Никол.[аевна] перестала ли, не смотря что это должно быть очень к лицу. — Посылаю тебе твоего предка с чернильницами, которые открываются, и открывают что он был человек (double vue) ³⁶ — еще корзинька позолоченая с фальшивыми камнями. Решаюсь послать, потому что она уже получила цену настоящей золотой с дорогими камнями, — после бала кн.[язя] Серг.[ея] Голицына, где она удостоена была иметь место в уборной комнате приготовленный для императрице. — В место сих посылок — задержал я деньги тебе присланные из твоей деревни, не послал же тебе их по почте не так по их тягости (бездна серебра, но денег немного, менее тысячи) как потому что ты мне говорил вснести за тебя в Опе.[кунский] Сове.[т] проченты, почему и рассудил их оставить, в место того чтобы даром платить весовые деньги, сколько именно их было увидишь из письма твоего управляющего; в прочем ты можешь распорядиться как хочешь, деньги готовы и я жду твоего приказа. Твои дела Рахманов кончил, векселя получены, о прилиянтах справляясь, срок еще не выходил, всё в порядке. Приезд Анд.[рея] Хр.[истофоровича] от брата меня более огорчил чем утешил, я так был расстрогон рассказом о несчастном положении брата, что забыл о собственным своим деле. — Вообрази его засаленного, в табаке с палами щеками, с синим лицом в прыщах, с ужаснейшей бородою, в эжеминутном раздражении, тресение в руках, всех и всего боится, — окружен дьяконами, дьячками, кабашнами отставными обер-офицерами, еще какой-то обрюзглый Лемидовский студент с ним пьет и еще имеет на него большое влияние, ко всему этому засадили его жить в запачкуную гореньку в Костроме — каким образом, — уверили его что ему надо служить, определили его в удельную кантору — посадили за него вероятно какого-нибудь по жене родственника, который обокрал и был таков — а брата моего [моего] теперь считают и судят, и потому живет в городе, — а жена в деревне и утешается свободою — ходит гулять с камердинером бывшим кня.[зя] Груз.[инского]. Шеголь, в куртке, в плисовых шировахах, весь в бронзовых цепях и говорит басом. Дома же она прядет в месте с девками, под песню по сидельки девки и т. д. — вечером ездит по деревням собирать с крестьян пряжу и проч. сам-друг с кучером Кирияном, молодой парень, грубиян, вершков 10-ти. Вся дворня охает — говорит мне Павел : Комм.[ердинер] Петрушка всё еще ничего, а от Кирияна житья нет ни кому. Вот главные [персонажи] лица, владельцы — той усадьбы откуда мой отец так чванно выезжал — где он и похоронен. — Если там где он теперь, душа также чувствует и понимает — как и здесь, так вот Ад наказание за суетность. — Я занесся [брат] любезный Алекс.[андр] Серг.[еевич] — признаюсь тебе. Брат мне до слез жалок — пособить ему нечем. Анд.[рей] Хр.[истофорович] был у него, видел его — я этого не желаю, за очно [я] содрагаюсь; у человека 80 т. чистого доходу, не завидую а желею. Поговорим теперь о человеке у которого чистого долгу с казенным почти столько же, а доходу почти ничего, Богданов всё пилит, Веер пугает, Рахманов сулит [ребенок кричит, хозяйка] и проч. проч. проч. — и я хорош в свою очередь. Думаем мы с Анд.[реем] Хрис.[тофоровичем] — перекрестясь, начинать кой как наше заведение, — дело вот в чем: буде тебе лехко достать денег — как ты сказывал, в таком случае — достань — и дай их Андрею Христофоровичю, который закупит что следует для нашего начала, буде же не так лехко как мы думаем, в таком случае, моя нижайшая просьба — себя ни сколько не тревожить. Много еще кой что есть писать, но места только осталось на одно только и то, чтоб ты не забыл — Портрет.

П. Нащокин.

³⁶ с двойным зрением, проницательный.

П Е Р Е П И С К А 1832

720. А. А. Орлову. 24 ноября 1831 г. и 9 января 1832 г. Петербург

Милостивый государь Александр Анфимович!

Искренно благодарю за удовольствие, доставленное мне письмом вашим. Радуюсь, что посильное заступление мое за дарование, конечно не имеющее нужду ни в чьем заступлении, заслужило вашу благосклонность. Вы оценили мое усердие, а не успех. Мал бех в братии моей, и если мой камышек угодил в медный лоб Голиафу Фиглярину, то слава создателю! Первая глава нового Вашего Выжигина есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александр Анфимович! удержите сие благородное, справедливое негодование, обуздайте свирепость творческого духа вашего! Не приводите яростию пера вашего в отчаяние присмиривших издателей Пчелы. Оставьте меня впереди соглядатаем и стражем. Даю вам слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ф. Косичкин заварит такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читал я в Молве объявление о намерении вашем писать Историю Русского Народа: можно ли верить сей приятной новости?

С истинным почтением и неизменным усердием остаюсь всегда готовым к вашим услугам.

А. Пушкин.

24 ноября.

1831. С.Пб.

Р. S. Вот письмо, долженствовавшее к вам явиться, милостивый государь Александр Анфимович.

Но, отправляясь в Москву, я его к вам не отослал, а надеялся лично с вами увидеться. Судьба нас не свела, о чем искренно жалею. Повторяю здесь просьбу мою: оставьте в покое людей, которые не стоят и не заслуживают вашего гнева. Кажется теперь г. Полевой нападает на вас и на меня; собираюсь на него рассердиться; покаместь с ним возятся Воейков и Сомов под именем Н. Лугового — мое дело сторона.

А. П. 1832 г. 9 янв. СПб.

721. П. В. Нащокину. 8 и 10 января 1832 г. Петербург.

Здравствуй, любезный Павел Войнович, я всё ждал от тебя известия. Нетерпеливо желаю знать, чем кончилось посольство, какой ультиматум твоего брата, и есть ли тебе надежда устроить дела твои? Пожалуй-ста не поленись обо всем обстоятельно мне описать. Да сделай одолжение: перешли мне мой *опекунской билет*, который оставил я в секретной твоей комодке; там же выронил я серебряную копеечку. Если и ее найдешь, и ее перешли. Ты их счастью не веруешь, а я верю. Что Рахманов, и что мои алмазы? Нужно ли мне будет вступить с ним в переписку или нет? как ты думаешь? К стати не забудь „Парижское обозрение“. Напиши мне обстоятельно о посольстве своего немца. Дело любопытное. Когда думаешь ты получить свои деньги, и не вступишь ли ты в процесс (чего боже избави, но чего впрочем бояться нечего). Жену мою нашел я здоровою, несмотря на девическую ее неосторожность — на балах пляшет, с г.[осударем] любезничает, с крыльца прыгает. Надобно бабенку к рукам прибрать. Она тебе кланяется и готовит шитье. Ждет взяток обещанных. За сим обнимаю тебя. Ольге Андреевне посылаю фулары.

8 янв. СПб. 1832

10 янв. Мой любезный Павел Воинович, дело мое может быть кончено на днях; коли бриллианты выкуплены, скажи мне адрес Рахманова — я перешлю ему покаместь 5500 рублей; на эти деньги пусть перешлет он мне бриллианты (заложенные в 5500). Остальные выкуплю, перезаложив сии. Сделай милость не поленись отвечать мне. *Весь твой.*

Адрес: М. г. Павлу Войновичу Нащокину, в Москве у Пречистинских ворот в доме Ильинской.

722. М. О. Судниенке. 15 января 1832 г. Петербург.

Боюсь я, любезный Михайло Осипович, чтоб долгая разлука совсем нас не раззнакомила; однако попытаюсь напомнить тебе о своем существовании и поговорить о важном для меня деле.

Надобно тебе сказать, что я женат около года, и что вследствие сего образ жизни моей совершенно переменялся, к неопisanному огорчению Софьи Остафьевны и кавалергардских шаромыжников. От карт и костей отстал я более двух лет; на беду мою я забастовал будучи в проигрыше, и расходы свадебного обзаведения, соединенные с уплатою карточных долгов, расстроили дела мои. Теперь обращаюсь к тебе: 25.000, данные мне тобою заимообразно, на 3 или по крайней мере на 2 года, могли бы упрочить мое благосостояние. В случае смерти, есть у меня имение, обеспечивающее твои деньги.

Вопрос: можешь ли ты мне сделать сие, могу сказать, благодеяние? Из числа крупных собственников трое только на сем свете состоят со мною в сношениях более или менее дружеских: ты, Яковлев и еще третий. Сей последний записал меня недавно в какую-то коллегия и дал уже мне (сказывают) 6. 000 годового дохода; более от него не имею права требовать. К Яковлеву в прежнее время явился бы я со стаканчиками и предложил бы ему легкий завтрак, но он скуп, и я никак не решусь просить у него денег взаймы. Остаешься ты. К одному тебе могу обратиться откровенно, зная, что если ты мне и откажешь, то это произойдет не от скупости или недоверчивости, а просто от невозможности.

Еще слово: если надежда моя не будет тщетна, то прошу тебя назначить мне свои проценты, не потому, что они были бы нужны для тебя, но мне иначе деньги твои были бы тяжелы. Жду ответа и дружески тебя обнимаю. Весь твой

А. Пушкин.

723. А. Д. Балашев — Пушкину. 19 января 1832 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Получа приятное письмо ваше, спешаю на оное ответить:

Я очень рад, что г. Кнерцер прибегнул к посредничеству вашему, по предмету желаемой им купить земли у меня, потому что доставляет мне случай быть в сношении с вами: я полагаю, что сия земля находится должна в имении моем, под Симоновым монастырем находящимся и называемом *Тюфили*; но положения торгуемого места мне неизвестно, то есть сколько сажень по берегу Москвы-реки, и сколько в глубь и также к концу ли границы моей, и какую цену предлагает г. Кнерцер за десятину, ибо у меня тут 222. десятины, которые мне бы хотелось продать вообще; но в протчем от сего последнего я и отступить могу. — Как скоро обо всех обстоятельствах сих узнаю, то так же скоро и на продажу ответ дать готов, как и ныне.

Пребывать честь имею с особенным уважением и почтением
ваш покорнейший слуга А. Балашев. 19. Января 1832. С. П. Б.

724. Д. Н. Блудову. 20 января 1832 г. Петербург.

Милостивый государь, Дмитрий Николаевич,

Письмо, коего Ваше превосходительство удостоили меня, получить имел я честь. Буду ожидать приказания Вашего, дабы приступить к делу, мне порученному.

С глубочайшим почтением честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства покорнейший слуга. Александр Пушкин. 20 января 1832.

725. А. Д. Балашев — Пушкину. 22 января 1832 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Обстоятельное предложение касательно Тюфилевой моей дачи имел честь сей час получить, и вот мой ответ:

Во всей сей даче 222. десятины; цена всей даче 110,000 р. — Естли не будет охотника на всю дачу, то я решусь продовать и частями; но в сем последнем случае нельзя мне сравнить десятины прибережные с десятинами в глубину, потому что одни других несравненно выгоднее, а потому и расценку сделать должно: не угодно ли будет г. Кнерцеру, (естли он здесь,) пожаловать ко мне и по плану назначить черту, отделяющую желаемую им часть земли, то мы в цене сговориться можем удобнее. — Мне обер-прокурор Новосильцов предлагает назначенную мною цену 110 т.[ысяч] р.; но при совершении купчай дает только 50 т.[ысяч], а остальные на год с залогом той же дачи; а я желаю получить все наличными: вот в чем у нас остановка. — Доходу мне с дачи более, нежели что дать могут 110 т.[ысяч] р., а потому, отдавая дешево, отдать очень дешево не могу. Прибережная же десятина конечно стоит в двое противу прочей.

Приимите вновь свидетельство особенного уважения, с которым пребывать честь имею вам покорнейшим слугою А. Балашев. 22. Января 1832.

Р. С. Дача Тюфилева куплена мною в 1815. году за 130,000 р. у купца Гжельцова.

726. А. Д. Балашеву. 23 января 1832 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Дмитриевич.

Еще раз благодаря Ваше высокопревосходительство и прося извинения за ходатайство, коим Вам доучаю, препровождаю к Вам по приказанию Вашему г. Кнерцера, который лучше моего объяснит Вам свои предположения.

С глубочайшим почтением честь имею быть, милостивый государь,
Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга Александр Пушкин.
23 янв. 1832. СПб.

727. П. А. Осипова — Пушкину. 25 января 1832 г. Тригорское

Мне доставляет истинное удовольствие выполнять ваши поручения, милый, дорогой Александр, но досадно, что до сих пор не удалось найти всех оставшихся книг или вещей. Н.[енила][?] О.[нуфриевна] [?] утверждает, что в сундуке, который, как говорят, принадлежит Никите, она нашла лишь те книги, которые я вам послала, и поломанную чайницу. Но я велю сделать обыск — мне хотелось бы знать, [каких] какого вида был сундук Никиты, так как очень может быть, что мне подсовывают другой, а настоящий прячут.

Присылка Северных Цветов доставила мне удовольствие, которое очень трудно выразить, и я очень тронута вашим любезным вниманием, дорогой Александр. Это прекрасный букет, брошенный на могилу нашего дорогого Дельвига, при воспоминании о котором я до сих пор не могу сдержать на ресницах горячей слезы. Мне кажется, что подбор стихотворений удачнее всего, что только появлялось в предыдущих сборниках. Издатель „Зеркала“ не соблаговолил назвать Языкова и какого-то Якубовича, чьи стихи, однако, не портят сборника. Я с полным правом могла бы сказать, пародируя вас [что я Северные Цветы читаю и не начитаюсь].

Здоровье Евпраксии довольно хорошо для ее положения; мы не виделись с 7-го числа, вследствие полного бездорожья; у нас нет ни снега, ни мороза, я не помню такой погоды, как в нынешнем году. Она, конечно, будет очень польщена вниманием, которое вы постоянно ей оказываете. Надеюсь, что ваша супруга также пребывает в добром здоровье, во всяком случае очень ей этого желаю. С чувством искреннего и нежного уважения остаюсь преданной вам П. Осиповой.

25 января 1832 г.

Ваши рассказы, как раз наоборот, заставили меня провести бессонную ночь, но я не жалею об этом. Мой Алексей произведен в поручики [за отличие), извините материнское тщеславие, заставляющее говорить вам об этом. Я послала ему стихи, которые вы написали в ответ Беранже; он и всё, что есть лучшего в его полку, восхищены ими. Другой гусар, видевший Льва, говорил нам, что он пресыщен лаврами и собирается оставить военную службу.

728. П. А. Вяземский — Пушкину. Около 25–26 января 1832 г. Петербург.

У меня есть оказия в Москву. Пришли мне Онегина для жены и для Дмитриева. Дмитриевский экземпляр ты отдал Элизе. Да, ради Христа, дай уж один экземпляр и Тургеневу, чтобы ему с горя с ним повозиться и поволочиться. — Между тем ты мне должен Северные Цветы, потому что мои ты надписал Дмитриеву. Пришли две книжки, одну мне, другую жене.

Если записка моя тебя дома не застанет, пришли мне книги к четырем часам.

729. П. В. Нащокину. Около (не позднее) 29 января 1832 г. Петербург.

Твои дела кончены. А.[ндрей] Хр.[истофорович] получил от меня 1000 на дорогу; остаюсь тебе должен 2 тысячи с чем-то. Если б ты был [],³⁷ то я бы мог и их тебе заплатить.

Ради Бога, доставь как можно скорее письмо Рахманову. Ты не хотел отвечать мне на мое письмо, а это делает мне чувствительную разницу.

Очень благодарю тебя за арапа. Фуляры пришлю с А.[ндреем] Хр.[истофоровичем]. Портрет мой Брюлов напишет на днях. Письмо твое о твоём брате ужасно хорошо. Кончил ли ты с ним? Прощай.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Павлу Воиновичу Нащокину В Москве, у Пречистинских Ворот в доме Ильинской.

730. Е. М. Хитрово. Конец (31?) января 1832 г. Петербург.

Конечно, я не забуду про бал у посланницы и прошу вашего разрешения представить на нем моего шурина Гончарова. Я очень рад, что [Онегин] вам понравился. Я дорожу вашим мнением. *Госпоже Хитровой.*

731. И. И. Дмитриев — Пушкину. 1 февраля 1832 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Всем сердцем благодарю вас за альманах, и за все прекрасные цветы собственной вашей оранжереи; равно и за песнь Онегина, хотя я вздохнул, что она последняя, и герой ваш отложил путешествие свое по любезной отчизне.

Не скажу с Пчелою, что вы *ожили*: в постоянном вашем здоровье всегда был уверен; изменение только в том, что вы, благодарение Фебу, год от года мужаете и здоровеете. Ваши Годунов, Моцарт и Салиери доказывают нам, что Вы не только Поэт-Протей, но и сердцеведец, и живописец, и музыкант. До сих пор после Карамзина (в старинных его мелких стихах) один только Пушкин заставляет меня читать *белые* свои стихи и забывать о рифмах.

Но старческая искренность и говорливость заставили меня позабыть в приговор Полевого о нашей братье ветеранах. По крайней мере я еще жив для чутья к изящному. Оно увлекло меня.

Заключаю столь же искренним уверением в совершенном почтении, которое навсегда сохранит, *милостивый государь, покорнейший ваш слуга Иван Дмитриев.*

P. S. Дозвольте попросить вас сказать мое почтение вашим родителям и любезному Василью Андреевичу. Я еще прочитал прекрасные стихи его уже в печати, с прежним чувством умиления и благодарности за себя и моего друга. Благодарю его также и за новейшую поэзию его в альманахе и Европейце.

Москва 1832 Февраля 1-го дня.

732. И. В. Киреевскому. 4 февраля 1832 г. Петербург.

Милостивый государь, Иван Васильевич,

Простите меня великодушно за то, что до сих пор не поблагодарил я Вас за Европейца и не

³⁷ Прорвано

прислал вам смиренной дани моей. Виною тому проклятая рассеянность петербургской жизни и альманахи, которые совсем истощили мою казну, так что не осталось у меня и двустипшия на черный день, кроме повести, которую сберег и из коей отрывок препровожаю в Ваш журнал. Дай Бог многие лета Вашему журналу! Если гадать по двум первым №, то Европейец будет долголетен. До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны да сухи; кажется Европейец первый соединит дельность с заманчивостию. Теперь несколько слов об журнальной экономии: в первых двух книжках Вы напечатали две капитальные пиэсы Жуковского, и бездну стихов Языкова; это неуместная расточительность. Между Спящей Царевной и мышью Степанидой должно было быть по крайней мере 3 нумера. Языкова довольно было бы двух пиэс. Берегите его на черный день. Не то как раз промотаетесь и принуждены будете жить Раичем да Павловым. Ваша статья о Годунове и о Наложнице порадовала все сердца; насилу-то дождались мы истинной критики. NB избегайте ученых терминов; и старайтесь их переводить, то-есть, перефразировать: это будет и приятно неучам и полезно нашему младенчеству языку. Статья Баратынского хороша, но слишком тонка и растянута (я говорю о его антикритике). Ваше сравнение Баратынского с Миерисом удивительно ярко и точно. Его элегии и поэмы точно ряд прелестных миниатюр; но эта прелесть отделки, отчетливость в мелочах, тонкость и верность оттенков, всё это может ли быть порукой за будущие успехи его в комедии, требующей, как и сценическая живопись, кисти резкой и широкой? Надеюсь, что Европейец разбудит его бездействие. Сердечно кланяюсь Вам и Языкову.

733. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 7 февраля 1832 г. Петербург.

Генерал-адъютант Бенкендорф покорнейше просит Александра Сергеевича Пушкина, доставить ему объяснение, по какому случаю помещены в изданном на сей 1832 год альманахе под названием Северные Цветы некоторые стихотворения его, и между прочим Анчар, древо яда, без предварительного испрошения на напечатание оных высочайшего дозволения.

7-го февраля 1832. Его высокоблагородию А. С. Пушкину.

734. А. Х. Бенкендорфу. 7 февраля 1832 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Христофорович,

Ваше высокопревосходительство изволили требовать от меня объяснения, каким образом стихотворение мое, *Древо яда*, было напечатано в альманахе без предварительного рассмотрения государя императора: спешу ответить на запрос Вашего высокопревосходительства.

Я всегда твердо был уверен, что высочайшая милость, коей неожиданно был я удостоин, не лишает меня и права, данного государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры. В течение последних шести лет во всех журналах и альманахах, с ведома моего и без ведома, стихотворения мои печатались беспрепятственно, и никогда не было о том ни малейшего замечания ни мне, ни цензуре. Даже я, совестясь беспокоить поминутно его величество, раза два обратился к Вашему покровительству, когда цензура недоумевала, и имел счастье найти в Вас более снисходительности, нежели в ней.

Имея необходимость объяснить лично Вашему высокопревосходительству некоторые затруднения, осмеливаюсь просить Вас назначить час, когда мне можно будет явиться.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, честь имею быть, милостивый государь

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга Александр Пушкин

735. А. Ф. Рохманов — Пушкину. 9 февраля 1832 г. Москва.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

На письмо ваше, которое имел я удовольствие получить, и принося вам за оное мою

чувствительнейшую благодарность, уведомить вас честь имею, что вещи ваши мною вчерашний день из здешнего Воспитательного дома выкуплены, заплачено же, выключая двух сот рублей, оставленных мне вами, капитальной суммы и процентов, около девяти тысяч ста рублей ассигнациями; но прошу вас извинить меня, ежели ранее сего не успел исполнить поручение ваше, и следственно вещи вам доставить, но на будущей почте постараюсь их к вам отправить; и в случае, ежели вам угодно будет почтить меня вашим уведомлением, то письмо ваше прошу адресовать на мое имя на Арбат в дом гг-д Глебовых; в приятном ожидании которого, с истинным моим к вам почтением и совершенною преданностию, честь имею пребыть на всегда

*милостивый государь, Ваши покорнейший слуга Алексей Рохманов.
От 9-го февраля 1832-го года. Москва.*

736. П. В. Нащокину. Первая половина (не позднее 11–12) февраля 1832 г. Петербург.

Посылаю тебе, любезный Павел Воинович, [10] десяток фуляров; желаю, чтоб они тебе доставили десять дней спокойствия домашнего. О бриллиантах думать нечего; если завтра или после завтраго не получу ответа Рахманова, то деньги возвращаю, а дело сделаю после когда-нибудь. Всё у нас тихо и здорово. Обнимаю тебя сердечно.

Адрес: П. В. Нащокину.

737. И. И. Дмитриеву. 14 февраля 1832 г. Петербург.

Милостивый государь Иван Иванович,

Приношу Вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить, — драгоценный памятник вашего ко мне благорасположения. Ваше внимание утешает меня в равнодушии непосвященных. Радуюсь, что успел вам угодить стихами, хотя и белыми. Вы должны любить рифму, как верного слугу, который никогда с вами не спорил и всегда повиновался малейшим вашим прихотям. Утешительно для всякого русского видеть живость вашей деятельности и внимательности: по физиологическим примечаниям, это порука в долголетии и здравии. Живите ж долго, милостивый государь! Переживите наше поколение, как мощные и стройные стихи ваши переживут шедушные нынешние произведения.

Вероятно вы изволите уже знать, что журнал Европеец запрещен в следствие доноса. Киреевский, добрый и скромный Киреевский, представлен правительству сорванцом и якобинцем! Все здесь надеются, что он оправдается и что клеветники — или по крайней мере клевета — устыдятся и будет изобличена.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, честь имею быть, милостивый государь,

*Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга Александр Пушкин.
14 фев. С. П. Б.*

738. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 17 февраля 1832 г. Петербург.

Шеф жандармов, командующий императорскою главною квартирою, генерал-адъютант Бенкендорф, свидетельствуя свое почтение Александру Сергеевичу, честь имеет препроводить при сем один экземпляр полного собрания законов Российской Империи, назначенного Александру Сергеевичу в подарок его императорским величеством.

Генерал-адъютант Бенкендорф. № 118 17. Февр. 1832-го. А. С. Пушкину.

739. К. С. Сербинович — Пушкину. 18 февраля 1832 г. Петербург.

Дмитрий Николаевич поручил мне уведомить Вас, милостивый государь Александр Сергеевич, что он будет сегодня в Архиве Иностранной коллегии в час пополудни. Посему не угодно ли будет и

Вам туда приехать. А я, кончив некоторые дела, отправляюсь туда же прямо и постараюсь упредить Вас, чтобы предупредить Василия Алексеевича Поленова.

Ваш покорнейший слуга К. Сербинович.

18 февраля. Четверг.

Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину

Нужное. В собственные руки.

740. А. Х. Бенкендорфу. 18–24 февраля 1832 г. Петербург. (Черновое)

По приказ.[анию] В.[ашего] в.[ысокопревосходительства] препровождаю к Вам одно стихотв.[орение], взятое от меня в альманах и уже пропущенное цензурою.

Я остановил его печатание до В.[ашего] разрешения.

При сем случае приемлю смелость [про[сить] у] В.[ашего] в.[ысокопревосходительства] дозволения откровенно [объяснить мое положение]. В 1827 году госу.[дарю] импер.[атору] угодно было объявить мне, что у меня кроме его величества никакого цензора не будет. Сия неслыханная милость наложила на меня обязанность представлять на рассм.[отрение] ег.[о] вел.[ичества] сочинения [достойные] его внимания, если не по достоинству их, то по крайней мере по их цели и содержанию. Мне всегда было тяжело и совестно озабочивать [царя] стихотворными безделицами, важными только для меня, ибо они доставляли мне 20,000 дохода, и одна сия необходимость заставляла меня пользоваться правом, данным мне госуд.[арем].

Ныне В.[аше] в.[ысокопревосходительство], приняв в уважение сии мои ³⁸ изволили приказать мне обращаться к В.[ашему] в.[ысокопревосходительству] с теми моими стихотв.[орениями], которые я или журналисты пожелают напечатать. Позвольте доложить В.[ашему] в.[ысокопревосходительству], что сие представляет разные неудобства. 1) В.[аше] в.[ысокопревосходительство] не всегда изволите пребывать в П.[етер]Б.[урге], а книжная торговля, как и всякая, имеет свои *сроки*, свои ярмонки; так что от того, что книга будет напечатана в марте, а не в янв.[аре], сочинитель может потерять несколько тысяч рублей, а журналист неск.[олько] сот подписчиков.

2) [Подвергаясь] один особой, от Вас единств[енно] зависящей цензуре — я, вопреки права, данного госуд[арем], из всех писателей буду подвержен самой стеснительной цензуре, ибо весьма простым образом — сия цензура будет смотреть на меня с предубеж.[дением] и находить везде тайные применения, allusions ³⁹ и затруднительности — а обвинения в применениях и подразумениях не имеют ни границ, ни оправданий, если под слов[ом] *дерево* будут разуметь конституцию, а под словом *стрела* самодержавие.

Осмеливаюсь просить об одной милости: впредь иметь право с мелкими сочинениями своими относиться к обыкновенной цензуре.

741. А. Х. Бенкендорфу. 24 февраля 1832 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Христофорович

С чувством глубочайшего благоговения принял я книгу, всемилостивейше пожалованную мне его императорским величеством. Драгоценный знак царского ко мне благоволения возбудит во мне силы для совершения предпринимаемого мною труда и который будет ознаменован, если не талантом, то по крайней мере усердием и добросовестностью.

Ободренный благосклонностию Вашего высокопревосходительства, осмеливаюсь вновь беспокоить Вас покорнейшею просьбою: о дозволении мне рассмотреть находящуюся в Эрмитаже

³⁸ Пробел в подлиннике

³⁹ намеки.

библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловым для составления его Истории Петра Великого.

По приказанию Вашего высокопревосходительства препровождаю к Вам одно стихотворение, данное мною в альманах и пропущенное уже цензурою. Я остановил печатание оно до разрешения Вашего высокопревосходительства.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга Александр Пушкин.

24 февраля 1832 С. П. Б.

742. В. И. Кистеру. Вторая половина (после 18) февраля 1832 г. Петербург. (Черновое)

Тит.[улярный] советн.[ик] Пушкин просит г-на Кистера явиться к нему в Галерную в дом г-жи Брискорн для получения следующ[ей] ему суммы по векселю, данному в 1820 году.

743. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 29 февраля 1832 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

По письму Вашему от 24 февраля, докладывал я государю императору, и его величество всемилостивейше дозволил Вам рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, о чем и сообщено мною г. министру императорского двора.

Уведомляя о сем Вас, имею честь быть с истинным почтением и преданностию милостивый государь,

Ваш покорный слуга А. Бенкендорф.

№ 1163. 29-го февраля 1832. Его высокобл[агород]ию А. С. Пушкину.

744. М. И. Калашников — Пушкину. 7 марта 1832 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич,

по приказу вашей милости пересылку иметь на имя Павла Воиновича чрез которого мною и послано серебром и золотом с променом по 10 ко.[пеек] на рубль всего отправлено 140 рублей асигнациями с променом. Да в расход сто рублей о чем и вашей милости писано. Крестьяни просят вашу милость чтобы в один рас плотить осенний оброк то я им сказал что мартовской трети заплотили 1200 рублей а 2400 рублей после Покрова а всего вдруг невозможно будет с них собрать. При сем уведомляю вашу милость, зделалось несщастья в вашей части згорело четыре двора неизвестно отчего. Еще же изволти с батюшкой пириговорить. Вашей части крестьянин Осип Молофеев просил меня а я вашу милость прошу. Так как один двор пополам разделен, вашей половины хозяин а приимыш у него к батюшке отделен, по милости покойного Казлова, то можно проти ево найти одинакого к батюшки а он остается при своем симействе мужик исправный. Буду собирать часть сию оброка и вашей милости доставлю при сем рапортую что при вотчине вашей состоит по сие число всё благополучно. Засим честь имею остаться с истинным моим высокопочитанием и преданностию

ваш милостивого государя всенижайший раб навсегда пребуду Михаила Калашников

1832-го года марта 7-го числа. С. Болдино.

745. В. А. Жуковский — Пушкину. 4-10 марта 1832 г. Петербург.

Посылаю тебе билет Эрмитажный; он на всю вечность. Его при входе отдавать не должно. Нам бы надобно, то есть мне, тебе и Вяземскому, собраться у меня и побеседовать о плане журнала, который непременно надобно написать на этой неделе, ибо Смирдин после Святой должен решиться с Гречем и Булгариным. Будь у меня завтра в 1/2 8-го после обеда; скажи об этом и Вяземскому.

Ж. Адрес: А. С. Пушкину.

746. И. П. Мятлев — Пушкину. Первая половина марта 1832 г. (?) Петербург.

Поздравляю милую и прелестную жену твою с подарком и тяжеловесным, сергами, иметь наушницею Екатерину великую шутка ли? Мысль о покупке статуи еще не совершенно во мне созрела, и я думаю и тебе не к спеху продавать ее, она корма не просит, а между тем мои дела поправятся, и я более буду в состоянии слушаться своих прихотей.

Как помнится мне, в разговоре со мною о сей покупке ты ни о какой сумме не говорил, ты мне сказал — Я продам тебе по весу Екатерину, а я сказал, и по делом ей, она и завела-то при дворе без меня (baise-mains) ⁴⁰.

Переливать же ее в колокола я намерения не имею — у меня и колокольні нет — и в деревни моей, сзывая православных к обедне, употребляют кол-о-кол. И они так же сходятся.

На бусурманской масленице я не был.

Твой на всегда или за всегда, как за лучшее признаешь

И. Мятлев. Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

747. М. И. Калашников — Пушкину. 15 марта 1832 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич

получил от батюшки вашего приказание естли получу ваше приказание о сыне Гаврилы куда прикажите доставить его, о чем всенижайши просим ваши нижайшие рабы и знав ваши великие к нам милости, то осмелеваюсь утруждать не зделаети ль милость оставить насколько будет угодно вашей милости за что будем мы со старухой своей Бога молить, по той притчины прошу что жена моя того и глежу что оставить и я один останусь на чужей стороны вашей милости известно как жить в чужой стороны без родных; здумал плут земской на меня разные нелепости и доносы писать по притчине то когда я избличил его в большом мошенечестве в рассуждение зборов с крестьян и меня много обворовал, о чем я писал к батюшки то он узнал и стал с Елисеим выдумовать разные доносы, о чем припадаю к вашим стопам прошу вашей помощи в невинности моей; засим честь имею пребыть с истинным моим высокопочитанием и предоностию остаюсь

ваш милостивейшего государя всенижайший слуга и раб найвсегда пребуду Михайла Калашников.

Я по приказу вашему высылать денги чрез Павла Военовича то мною и послано в два раза 1200 рублей осигнацием и с променом на них, равно и теперь збераю и доставлю к милости вашей; я помню свою обязанность и щедрый милости ваши к нам.

Старуха моя ваши ручки целуеть и дочь толки тем несчастлива что ничего неть у него что было всё описано то теперь при должности живуть кое как а без должности хотя по меру ходи на ваше покровительство надеяться что вы не оставити своей милостью, во всем надежда на вас милостивый государь вы составите счастье всем нам.

Ч.[исла] 15 марта 1832 года Село Болдино.

За сына Василья всенижайше благодарим вашу милость и просим не оставь и впредь своей великой милостью знав ваше великодушие что вы не оставити, извините что осмелился положить письмо и к детям в ваш покет.

748. А. Ф. Рохманов — Пушкину. 10 апреля 1832 г. Москва.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Прошу вас извинить меня, ежели до сех пор не уведомлил вас, что деньги вами мне должны мною получены, равно и росписка вами выданная г-ну Дюлу в получении вами вещей ваших; но теперь

⁴⁰ целование рук (непереводимая игра слов).

уже по расчетам я выхожу должником вашим; денег ваших у меня хранится на монету дватцать пять рублей дватцать копеек, позвольте уже мне которые вам когда-нибудь при личном свидании или через оказию доставить. — При сем же препровождаю вам заемное письмо ваше, выданное Жемчужникову, которое по сие времени мне нужно было по расчетам моим с Павлом Воиновичем Нашекиным. —

Г-н Дюлу просил меня переслать вам письмо ваше, которое, по случаю болезни своей, не мог доставить по адресу, притом и записку об деле своем; уверивши меня, что вам угодно было взойти в его положение и пособить ему по возможности. —

С истинным моим к вам почтением и не лицемерною преданностию; честь имею пребыть на всегда *милостивый государь, ваш покорнейший слуга Алексей Рохманов.*

От 10-го апреля 1832-го года Москва.

Помета Пушкина: Пол.[учено][?] понед.[ельник].

749. Н. Н. Раевский — Пушкину. Апрель (до 17) 1832 г. Петербург.

Дорогой друг, я хотел было сегодня утром приехать к тебе, чтобы засвидетельствовать мое почтение твоей жене; но из-за сильной простуды мне придется несколько дней просидеть дома. Навести меня, ради Бога, мне очень нужно с тобой посоветоваться насчет одного письма, которое я должен написать по поводу брата. — Пообедаем вместе.

750. М. П. Погодин — Пушкину. 18 апреля 1832 г. Москва.

Апреля 18, 1832. Москва.

А я уж соскучился по вас, любезнейший Александр Сергеевич: так давно нет об вас ни слуху, ни духу. Что вы делаете, что сделали, что будете делать, что ваш Петр и проч. — Хоть бы Хомяков воротился и привез известия. Как вам понравилась его лирическая хроника?

Между тем у меня есть до вас и просьба: я напечатал Нем.[ецкий] Театр, пер.[евод] Шишкова, в 4 част.[ях]. — Издание ([1200] 1100 экз.) стоит мне с заплакою переводчику около 5000 р. — Не купит ли его сполна г. Смирдин? Пусть он назначит сам цену, какую ему угодно, сроки, какие ему угодно. Я во всем полагаюсь на его честность. — Готов взять даже, что себе стоит, ибо я хотел только помочь переводчику. — Книга хорошая, и пойдет непременно. — Будьте посредником. —

Еще — не купит ли он всего издания Марфы Посадницы. Условия также зависят от него. Я был бы очень благодарен ему, если б он избавил меня от всех этих хлопот, а может быть и я современем ему пригожусь. — С московс.[кими] книгопродавцами мне тошно иметь дело.

Ваш М. П.

751. Н. И. Гнедич — Пушкину. 23 апреля 1832 г. Петербург.

По прочтении сказки про царя Салтана и проч.

Пушкин, Протей

Гибким твоим языком и волшебством твоих песнопений!

Уши закрой от похвал и сравнений

Добрых друзей!

Пой, как поешь ты, родной Соловей!

Байрона гений иль Гёте, Шакспира

Гений их неба, их нравов, их стран.

Ты же, постигнувший таинства Русского духа и мира,

Ты наш Баян!

Небом родным вдохновенный,

Ты на Руси наш Певец несравненный.

А я его истинный почитатель и покорнейший слуга Н. Гнедич. Апр. 23

752. И. В. Киреевский — Пушкину. Март — апрель 1832 г. Москва.

Милостивый государь, Александр Сергеевич,

Я до сих пор не отвечал Вам на письмо Ваше и не благодарил Вас за присылку стихов потому, что через несколько дней по получении их я узнал о запрещении моего журнала и следовательно выжидал случая писать к Вам не по почте. Не зная, в каких Вы отношениях с Булгариным, я боялся, чтобы он, оклеветав меня, не вздумал и Вас представить сообщником моего карбонарского журнала, и следовательно должен стараться, чтобы между нами было как можно менее сношений публичных или почтовых, что одно. Благодарю Вас за Ваши советы о журнале: они совершенно справедливы, и я бы непременно ими воспользовался, если бы журнал мой не прекратился. В одном только позвольте мне не согласиться с Вами: в мнении о Баратынском. Я сравнил его с Мьерисом не потому, чтобы находил сходство в их взгляде на вещи, [и] или в их таланте, или вообще в поэзии их искусства; но только потому, что они похожи в наружной отделке и во внешней форме. [Въ] Эта форма слишком тесна для Баратынского и сущность его поэзии требует рамы просторнее; — мне кажется, я это доказал; но Мьерис в своих миньятюрах выражается весь и влагает в них еще более, чем что было в уме, т. е. труд и навык. Вот почему Мьерис сделал всё, что мог, а Баратынский сделает больше, чем что сделал. Говоря, что Баратынский должен создать нам нового рода комедию, я основывался не только на пронизательности его взгляда, на его тонкой оценке людей и их отношений, жизни и ее случайностей, но больше всего на той глубокой, возвышенно-нравственной, чуть не сказал гениальной деликатности ума и сердца, которая всем движениям его души и пера дает особенный поэтический характер и которая всего более на месте при изображениях общества. Впрочем Вы лучше других знаете Баратынского и лучше других можете судить об нем, потому я уверен, что по крайней мере в главном мы с Вами не розним. Но во всяком случае я Вам отменно благодарен за то, что вы обратили внимание на мое мнение о Баратынском. После основных законов нравственности, понятие о людях, которых я уважаю, есть вещь, которую я более всего дорожу в моих мнениях. И в этом случае мне бы особенно приятно было сойтись с Вами.

Преданный вам слуга И. Киреевский.

Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

753. Г. Г. Чернецову. Апрель 1832 г. (?) Петербург.

Ты хотел видеть тифлиского живописца. Уговорись с ним, когда бы нам вместе к нему приехать — да можешь ли ты обедать завтра у меня?

А. П.

754. А. Х. Бенкендорфу. 3 мая 1832 г. Петербург.

Генерал,

Его величество, удостоив меня вниманием к моей судьбе, назначил мне жалованье. Но так как я не знаю, откуда и считая с какого дня я должен получать его, то осмеливаюсь обратиться к Вашему превосходительству с просьбой вывести меня из неизвестности. Благоволите простить мою докучливость и отнестись к ней со свойственной вам снисходительностью.

Остаюсь с уважением, генерал, Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин.

3 мая 1832.

755. П. А. Осиповой. 16 (?) мая 1832 г. Петербург.

Господин [Алымов] сегодня в ночь уезжает во Псков и в Тригорское; он любезно согласился взять письмо к вам, милая, добрая и почтенная [Прасковья Александровна]. Я еще не поздравил вас с

рождением внука. Дай Бог ему и его матери доброго здоровья, а нам всем — побывать на его свадьбе, если не пришлось быть на его крестинах. Кстати о крестинах: они будут скоро у меня [на Фурштатской в доме Алымова]. Не забудьте этого адреса, если захотите написать мне письмецо. Я не сообщаю вам ни политических, ни литературных новостей, — думаю, что они вам надоели так же, как и всем нам. Нет ничего более мудрого, как сидеть у себя в деревне и поливать капусту. Старая истина, которую я ежедневно применяю к себе, посреди своей светской и суматошной жизни. — Не знаю, увидимся ли мы этим летом — это одно из моих сладостных желаний; если б только оно сбылось!

Прощайте, сударыня, нежно приветствую вас и все ваше семейство.

756. Е. М. Завадовская — Пушкину. 16 мая 1832 г. Петербург.

Разрешив мне послать вам мой альбом, милостивый государь, вы осуществили мое горячее и давнишнее желание. — Я в полной мере ценю эту милую любезность и слишком высоко ставлю возможность обладать знаком памяти от вас, чтобы не быть вам весьма признательной за данное вами любезное обещание. — Примите же уверение в моей благодарности и лучших к вам чувствах.

Елена Завадовская.

Понедельник 16 мая.

Милостивому государю господину Пушкину.

757. П. А. Осипова — Пушкину. 22 мая 1832 г. Псков.

22 мая 1832. Псков.

Ваше письмо, полученное сегодня через господина Алымова, было очень приятным сюрпризом, дорогой Александр Сергеевич, и я спешу поблагодарить вас за него. Уже более трех недель я здесь, во Пскове и довольно терпеливо переношу городское far niente ничегонеделание но три чудных летних дня уже возбудили во мне тоску по родине. Евпраксия в ее грудной младенец (так как она сама кормит) чувствуют себя, слава Богу, хорошо, и на ваши слова мне хочется ответить: да будет так. — Если нам надоели литературные и политические новости, то еще более раздражают меня глупости выборов. Право, наше дворянство еще похоже на вандалов — в буквальном смысле слова, ничего не смягчая. Слава Богу, завтра конец, и через 3 дня я возвращаюсь в свои горы. Всем сердцем желаю, чтобы эти строки застали вас уже отцом и чтобы ваша красавица-жена, как и моя дочь, счастливо разрешилась от бремени. Я с 20-го числа с тревогой жду этого известия и непрестанно об этом думаю. — Если вы останетесь на лето в Петербурге, то мы может быть увидимся, но, конечно, вблизи моих капустных гряд встретиться было бы приятнее, — но я все же и на это не теряю надежды.

Тысячу приветствий вашей супруге. Дочери мои благодарят вас за память, а я целую вас в глаза, — да будет стыдно тому, кто истолкует это в дурную сторону, — и с глубокой, искренней нежностью остаюсь ваша преданная слуга П. Осипова.

758. Н. И. Гнедич — Пушкину. 26 мая 1832 г. Петербург.

Пушкин, прими от Гнедича два в одно время привета:

Первый привет с новосельем; при нем, по обычаю предков,

Хлеб-соль прими ты, в образе гекзаметрической булки;

А другой привет мой — с счастьем отца, тебе новым,

Сладким, прекрасным, и самой любви удвояющим сладость!

759. А. Х. Бенкендорфу. 27 мая 1832 г. Петербург.

Генерал,

Девица Кюхельбекер просила узнать у меня, не возьму ли я на себя издание нескольких рукописных поэм, оставленных ей ее братом. Я подумал, что дозволения цензуры для этого

недостаточно, а необходимо разрешение Вашего превосходительства. Осмеливаюсь выразить надежду, что разрешение, о котором я ходатайствую, не может повредить мне: я был школьным товарищем Кюхельбекера, и вполне естественно, что его сестра в этом случае обратилась ко мне, а не к кому-либо другому.

Теперь позвольте мне беспокоить вас по некоторому личному делу. До сих пор я сильно пренебрегал своими денежными средствами. Ныне, когда я не могу оставаться беспечным, не нарушая долга перед семьей, я должен думать о способах увеличения своих средств и прошу на то разрешения его величества. Служба, к которой он соблаговолил меня причислить, и мои литературные занятия заставляют меня жить в Петербурге, доходы же мои ограничены тем, что доставляет мне мой труд. Мое положение может обеспечить литературное предприятие, о разрешении которого я ходатайствую, — а именно: стать во главе газеты, о которой господин Жуковский, как он мне сказал, говорил с вами.

*Остаюсь с уважением, генерал, Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга
Александр Пушкин.
27 мая.*

760. Н. М. Смирнов — Пушкину. Февраль — май (?) 1832 г. Петербург.

Я должен являться в половине двенадцатого и являться в коротких белых летописях, и так пешком идти во дворец стыдно, а на дрожках ехать совестно, и я прошу тебя спасти мои летописи от грязи и прислать, если можешь, свою карету ровно в 11 часов. Я ее продержу не более часа. За это одолжение буду об тебе вечно бога молить, и даже с будущим моим сентябрьским богатырем.

Н. Смирнов.

761. П. А. Осипова — Пушкину. 31 мая 1832 г. Тригорское.

Приветствую вас, дорогой Александр [Серьеич], поздравляю вас от всего сердца с рождением милой маленькой Марии и очень сожалею, что не могу обнять вас также как молодую и прекрасную мать. — Вот и отлично: маленький барон может сделаться когда-нибудь супругом красавицы Марии! и мы потанцуем на их свадьбе. — Но шутки в сторону, [я] мне необходима была эта хорошая весть для поднятия моего упавшего духа — легче переносить свои горести, когда знаешь, что любимые тобою люди счастливы. Будьте счастливы, милый Пушкин, и это меня утешит во многом, что может со мною случиться.

П. О.

Адрес: Александру Серьеичу Пушкину.

762. П. А. Вяземский и Пушкин — В. Ф. Вяземской. 4 июня 1832 г. Петербург.

[П. А. Вяземский:]

4-го июня.

Здравствуй, моя милая. Ты, кажется, уже и через край пользуешься обещанием не писать мне несколько дней. Я так давно не имею от тебя письма. И зачем в таких случаях не заставляешь писать дочерей. Мы вчера разговаривали с Вьельгорским и Алексеем Бобринским о недостатках у нас женского воспитания, заключающихся особенно в том, что девиц наших не готовят быть домовыми хозяйками, семьянинками. Запиши это на памяти своей. Это нужнее исторических уроков г-жи Погонкиной, которые ты рассчитываешь как курс на водах и заботишься, чтобы дочери наши выпили определенное число исторических стаканов. Приучай их более держаться исполнения обязанностей своих, привыкать к порядку. В Маше нет никакого чувства порядка и хозяйственности. Поручай им домашние счета, начни тем, что поручи Маше держать столовый расход. О том, что не могу я добиться, чтобы писали они мне раз в неделю, как я того требовал, я уже и говорить не хочу, потому,

что говорить больно. Это ни на что не похоже. Какое же есть воспитание, когда такие священные обязанности в небрежении и в забвении? а ты подбиваешь меня уроками Погонкиной. Всё это пустяки. Если не дать нравственного основания, не приготовить к учению хорошим устройством привычек, нравов, склонностей, не дать одним словом прочной и чистой внутренней организации, то все прикладные средства будут бесполезны. Нельзя дело делать за делом, если остальное время идет беспутно. Нужно сначала уравновесить согласие. А то выдет работа Пенелопы. Одно истребит другое. Не надобно слишком полагаться на добрые природные расположения. Конечно, благодаря Бога, мы в этом отношении должны быть довольны за дочерей своих, но надобно еще сделать из них дельных женщин. Неведение обязанностей есть также безнравственность. Воспитание, которое не печется о полном образовании ума, души, привычек, правил, как в высшем, в среднем, так и в низшем круге житейских повинностей есть безнравственное воспитание. Дочери наши не будут иметь блистательного воспитания потому, что не посчастливилось нам приискать к ним хороших людей, положим, что ты в этом и не виновата, но что у них нет порядка в бумагах, в книгах их, в мыслях, в привычках, в исполнении обязанностей, в этом виновата ты одна и одна будешь отвечать перед собою и перед ими.

Я послал тебе вчера с к.[нязем] Серг.[еем] Оболенским две тени Наполеона, одну для тебя или к.[нязя] Мещерского Петра, а другую для Дмитриева. Нового ничего нет, кроме того, что июнь не июнь, а октябрь. Я теперь сижу с холодными ногами и пишу холодною рукою, хотя и не с холодным чувством, как ты видишь, однако же надеюсь и с хладнокровием. Так ли? Обедаю сегодня у Жуковского на диетном обеде. Я всё еще с желудком справиться не могу, хотя уже и выпил склянку микстуры за здоровье Спасского, приятеля Катеньки: авось вторую выкушаю за свое. То ли дело побранить? Вот сей час письмо от тебя. Письмо к Лазареву сей час доставлю. Поздравляю Вас на Остафьевском новоселии. Дай Бог, в добрый час. Завидно мне. Желая тебе успеха в негоциации твоей. Только что-то грешно прививать девушку к сумасшествию. Каково, если он не получит пользы, а она сойдет с ума? Это как-то глава из Бальзака. Нет, по мне, решительно не должно делать того. Таким образом можно бы допустить, что позволено вредом одного помогать другому. Но кто решит здесь, кто *тот*, который должен быть в виду. Для нас, разумеется, Батюшков, но в общем смысле, или счете, и девушка та же единица. Как ни говори, а это безнравственность и не позволительная. Не мешайся, если ты уже не начала переговоров. Одна любовь может оправдать такую жертву, но вовлечь в нее за деньги есть просто преступление. Прости. Обнимаю и благословляю Вас от души. Бог с Вами и со мною. Сейчас вошел ко мне Пушкин.

[Пушкин:]

Сей час от Хитровой. Она как нельзя более взволнована состоянием Батюшкова. Она с самоотверженностью, поистине изумительной, предлагает сама явиться к нему, чтобы испробовать последнее средство. Кстати о самоотверженности: представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы. Я в отчаянии, несмотря на всё свое сомнение..

763. А. Х. Бенкендорфу. 8 июня 1832 г. Петербург.

Генерал,

Два или три года тому назад господин Гончаров, лед моей жены, сильно нуждаясь в деньгах, собирался расплавить колоссальную статую Екатерины II, и именно к Вашему превосходительству я обращался по этому поводу за разрешением. Предполагая, что речь идет просто об уродливой бронзовой глыбе, я ни о чем другом и не просил. Но статуя оказалась прекрасным произведением искусства, и я посовестился и пожалел уничтожить ее ради нескольких тысяч рублей. Ваше превосходительство с обычной своей добротой подали мне надежду, что ее могло бы купить у меня правительство; поэтому я велел привезти ее сюда. Средства частных лиц не позволяют ни купить, ни хранить ее у себя, однако эта прекрасная статуя могла бы занять подобающее ей место либо в одном из учреждений, основанных императрицей, либо в Царском Селе, где ее статуи недостает среди

памятников, воздвигнутых ею в честь великих людей, которые ей служили. Я хотел бы получить за нее 25000 р., что составляет четвертую часть того, что она стоила (этот памятник был отлит в Пруссии берлинским скульптором).

В настоящее время статуя находится у меня ([Фурштатская] улица, дом Алымова).

Остаюсь, генерал. Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

8 июня 1832. С. Пб.

764. И. В. Киреевскому. 11 июля 1832 г. Петербург.

Милостивый государь Иван Василиевич,

Я прекратил переписку мою с Вами, опасаясь навлечь на Вас лишнее неудовольствие или напрасное подозрение, не смотря на мое убеждение, что уголь сажею не может замараться. Сегодня пишу Вам по оказии, и буду говорить Вам откровенно. Запрещение Вашего журнала сделало здесь большое впечатление: все были на Вашей стороне, то-есть на стороне совершенной безвинности; донос, сколько я мог узнать, ударил не из Булгаринской навозной кучи, но из тучи. Жуковский заступился за Вас с своим горячим прямодушием; Вяземский писал к Бенкендорфу смелое, умное и убедительное письмо. Вы одни не действовали, и вы в этом случае кругом неправы. Как гражданин лишены Вы правительством одного из прав всех его подданных; Вы должны были оправдываться из уважения к себе и, смею сказать, из уважения к государю; ибо нападения его не суть нападения Полевого или Надеждина. Не знаю: поздно ли; но на Вашем месте я бы и теперь не отступился от сего оправдания; начните письмо Ваше тем, что долго ожидав запроса от правительства, Вы молчали до сих пор, но etc. Ей Богу, это было бы не лишнее.

Между тем обращаюсь к Вам, к брату Вашему и к Языкову с сердечной просьбою. Мне разрешили на днях политическую и литературную газету. Не оставьте меня, братие! Если вы возьмете на себя труд, прочитав какую-нибудь книгу, набросать об ней несколько слов в мою суму, то Господь Вас не оставит. Ник.[олай] Мих.[айлович] ленив, но так как у меня будет как можно менее стихов, то моя просьба не затруднит и его. Напишите мне несколько слов (не опасаясь тем повредить моей политической репутации) косательно предполагаемой газеты. Прошу у Вас советов и помощи.

11 июля.

Шутки в сторону: Вы напрасно полагаете, что Вы можете повредить кому бы то ни было Вашими письмами. Переписка с Вами была бы мне столь же приятна, как дружество Ваше для меня лестно. С нетерпением жду Вашего ответа — может быть на днях буду в Москве.

765. М. П. Погодину. 11 июля 1832 г. Петербург.

Милостивый государь, Михайло Петрович,

Исполнив комиссию Вашу косательно Смирдина и не получив от него удовлетворительного ответа, я всё не решался писать Вам об оном. Варварство нашей литературной торговли меня бесит. Смирдин опутал сам себя разными обязательствами, накупил романов и тому под., и ни к каким условиям не приступает; трагедии нынче не раскупаются, говорит он своим техническим языком. Переждем же и мы. Мне сказывают, что Вас где-то разбрали за Посадницу: надеюсь, что это никакого влияния не будет иметь на ваши труды. Вспомните, что меня лет 10 сряду хвалили бог весть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У нас критика конечно ниже даже и публики, не только самой литературы. Сердиться на нее можно, но доверять ей в чем бы то ни было — непростительная слабость. Ваша Марфа, Ваш Петр исполнены истинной драматической силы, и если когда-нибудь могут быть разрешены спеническою цензурой, то предрекаю Вам такой народный успех, какого мы, холодные северные зрители Скрибовых водевилей и Дидлотовых балетов, и представить себе не можем.

Знаете ли Вы, что государь разрешил мне политическую газету? Дело важное, ибо монополия

Греча и Булгарина пала. Вы чувствуете, что дело без Вас не обойдется. Но журнал будучи торговым предприятием, я ни к чему приступить не дерзаю, ни к предложениям, ни к условиям, покамест порядком не осмотрюсь; не хочу продать Вам кожу медведя еще живого, или собрать подписку на Ист.[орию] Русск.[ого] народа, существующ[ую] только в нелепой башке моей... К стати: скажите Надеждину, что опрометчивость его суждений непростительна. Недавно прочел я в его журнале сравнение между мной и Полевым; *оба де морочат публику: один выманивает у ней деньги, выдавая по одной главе своего Онегина, а другой, по одному тому своей Истории. Разница собрать подписку обещавшись в год выдать 12 томов, а между тем в 3 года напечатать 3 тома на проценты с выманенных денег, и разница напечатать по главам сочинение, о котором сказано в предисловии: вот начало стихотворения, которое вероятно никогда не будет кончено.* Надеждин волен находить мои стихи дурными, но сравнивать меня с плутом, есть с его стороны свинство. Как после этого порядочному человеку связываться с этим народом? И что если бы еще должны мы были уважать мнения Булгарина, Полевого, Надеждина? приходилось бы стреляться после каждого нумера их журналов. Слава Богу, что общее мнение (каково бы оно у нас ни было) избавляет [от] нас от хлопот.

Я Шишкову не отвечал и не благодарил его. Обнимите его за меня. Дай Бог ему здоровье за Фортуната! Не будете ли Вы к нам? Эй, приезжайте.

11 июля.

766. Д. И. Хвостов — Пушкину. 2 августа 1832 г. Петербург.

Свидетельствуя почтение приятелю-современнику, знаменитому поэту Александру Сергеевичу Пушкину, посылаю ему песенку моего сочинения на музыку положенную, и прошу в знак дружбы ко мне доставить оную вашей Наталье Николаевне.

Приимите уверение искренней преданности и дружбы с коими есть и буду
покорный слуга граф Хвостов.

1832 года августа 2 дня.

Адрес (другой рукой): Его благородию Александру Сергеевичу Пушкину. От графа Хвостова.

767. Д. И. Хвостову. 2 августа 1832 г. Петербург.

Милостивый государь граф Дмитрий Иванович

Жена моя искренно благодарит Вас за прелестный и неожиданный подарок. Позвольте и мне принести Вашему сиятельству сердечную мою благодарность. Я в долгу перед Вами: два раза почтили вы меня лестным ко мне обращением и песнями лиры заслуженной и вечно юной. На днях буду иметь честь явиться с женою на поклонение к нашему славному и любезному патриарху.

С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть,

милостивый государь Вашего сиятельства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

Адрес: Его сиятельству милостивому государю графу Дмитрию Ивановичу Хвостову.

768. М. П. Погодину. Первая половина сентября 1832 г. Петербург.

Какую программу хотите Вы видеть? Часть политическая — официально ничтожная; часть литературная — существенно ничтожная; известие о курсе, о приезжающих и отъезжающих: вот вам и вся программа. Я хотел уничтожить монополию, и успел. Остальное мало меня интересует. Газета моя будет немного похуже Сев.[ерной] пчелы. Угодать публике, я не намерен; браниться с журналами, хорошо раз в 5 лет, и то Косичкину, а не мне. Стихотворений, помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой; на то проза-мякина. Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды в слух, что Ламартин скучнее Юнга, а не имеет его глубины, что Беранже не поэт, что В. Гюго не имеет жизни, т. е. истины; что романы А. Виньи хуже романов Загоскина; что их журналы,

невежды; что их критики почти не лучше наших Теле-скопских и графских. Я в душе уверен, что 19 век, в сравнении с 18-м, в грязи (разумею во Франции). Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией.

О Вашем клиенте Годунове поговорим после. На днях еду в Москву и надеюсь с Вами увидеться.

769. Н. Н. Пушкиной. 22 сентября 1832 г. Москва.

Четверг. Не сердись, женка; дай слово сказать. Я приехал в Москву, вчера в среду. Велосифер, по-русски Поспешный дилижанс, не смотря на плеоназм, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались и неслыханная вещь! их подковывали на дороге. 10 лет езжу я по большим дорогам, отроду не видывал ничего подобного. На силу дотащился в Москву, [-] дождем и встревоженную приездом двора. Теперь послушай, с кем я путешествовал, с кем провел я 5 дней и 5 ночей. То-то будет мне гонка! с пятью немецкими актрисами, в желтых кацавейках и в черных вуалях. Каково? Ей Богу, душа моя, не я с ними кокетничал, они со мною амурились в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка, и как маленькой Иосиф вышел чист от искушения. Приехав в Москву, поскакал отыскивать Нащокина, нашел его по прежнему озабоченным домашними обстоятельствами, но уже спокойнее в сношениях со своею Сарою. Он кокую, и видит, что это состояние приятное и независимое. Он ездил со мною в баню, обедал у меня. Завез меня к кн.[ягине] Вяз[емской], княгиня завезла меня во Фр.[анцузский] театр, где я чуть было не заснул от скуки и усталости. Приехал к Оберу и заснул в 10 часов вечера. Вот тебе весь мой день: писать не было мне ни времени, ни возможности физической. Государь здесь со 20-го числа, и сегодня едет к Вам, так что с Бенкендорфом не успею увидеться, хоть было бы и нужно. Великая княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но двор еще беспокоен и государь не принял ни одного праздника. Видел Чадаева в театре, он звал меня с собою повсюду, но я дремал. Дела мои, кажется, скоро могут кончиться, а я, мой ангел, не мешкая ни минуты поскачу в П.[етер]Б.[ург]. Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я же всё беспокоюсь, на кого покинул я тебя! на Петра, сонного пьяницу, который спит, не проспится, ибо он и пьяница и дурак; на Ирину Кузьминичну, которая с тобою воюет; на Ненилу Ануфриевну, которая тебя грабит. А Маша-то? что ее золотуха и что Спасский? Ах, женка душа! что с тобою будет? Прощай, пиши.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В С. Петербурге на Фуриштатской в доме Алымова.

770. Н. Н. Пушкиной. 25 сентября 1832 г. Москва.

Какая ты умнинькая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! как оно дельно! благодарствуй, женка. Продолжай, как начала, и я век за тебя буду Бога молить. Заключай с поваром какие хочешь условия, только бы не был я принужден, отобедав дома, ужинать в клобе. Каретник мой плут; взял с меня за починку 500 руб., а в один месяц карета моя хоть брось. Это мне наука: не иметь дела с полуталантами. Фрибелиус или Иохим взяли бы с меня 100 р. [лу] лишних, но за то не надули бы меня. Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо верю. К стати: смотри, не брюхата ли ты, а в таком случае береги себя на первых порах. Верьхом не езд, а кокетничай как-нибудь иначе. Здесь о тебе все отзываются очень благосклонно. Твой Давыдов, говорят, женится на дурнушке. Вчера рассказали мне анекдот, который тебе сообщаю. В 1831 году, февр.[аля] 18 была свадьба на Никитской в приходе Вознесения. Во время церемонии двое молодых людей разговаривали между собою. Один из них нежно утешал другого, несчастного любовника венчаемой девицы. А несчастный любовник, с воздыханием и слезами, надеялся современем забыть безумную страсть etc. etc. etc. Княжны Вяз[емские] слышали весь разговор и думают, что несчастный любовник был Давыдов. А я так думаю, Петушков или Буянов или паче Сорохтин. Ты как? не правда ли, интересный анекдот? Твое намерение съездить к Плетневу похвально, но соберешься ли ты? съезди, женка, спасибо скажу. Что люди наши? каково с ними ладишь? Вчера был я у Вяземской, у ней отправлялся обоз и я было с ним отправил к тебе письмо, но письмо забыли, а я его тебе препровождаю, чтоб не

пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства. Нащокин мил до чрезвычайности. У него проявились два новые лица в числе челядинцев. Актер, игравший вторых любовников, ныне разбитый параличем и совершенно одуревший, и монах, перекрест из жидов, обвешенный веригами, представляющий нам в лицах жидовскую синагогу, и рассказывающий нам соблазнительные анекдоты о московских монашинках. Нащокин говорит ему: ходи ко мне всякой день обедать и ужинать, волочься за моею девичьей, но только не сводничай Окулову. Каков отшельник? он смешит меня до упаду, но не понимаю, как можно жить, окруженным такою сволочью. Букли я отослал к Малиновским, они велели звать меня на вечер, но вероятно не поеду. Дела мои принимают вид хороший. Завтра начну хлопотать, и если через неделю не кончу, то оставляю всё на попечение Нащокину, а сам отправлюсь к тебе — мой ангел, милая моя женка. Покаместь прощай, Христос с тобою и с Машей. Видишь ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь, и цалую ручку ей и тебе, мой ангел.

Воскресение.

Важное открытие: Иполит говорит по-французски.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В С. Петербург на Фурштатской в доме Алымова.

771. Н. Н. Пушкиной. 27 сентября 1832 г. Москва.

Вчера только успел отправить письмо на почту, получил от тебя целых три. Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать. Нехорошо только, что ты пускаешься в разные кокетства; принимать Пушкина тебе не следовало, во первых, потому что при мне он у нас ни разу не был, а во вторых, хоть я в тебе и уверен, но не должно свету подавать повод к сплетням. В следствии сего деру тебя за ухо и цалую нежно, как будто ни в чем не бывало. Здесь я живу смирно и порядочно; хлопочу по делам, слушаю Нащокина и читаю Мемуары. Дидро. Был вечер у Вяземской и видел у ней красавца Безобразова, который так же нежно обошелся со мною, как Александров у Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. Кто-то ко мне входит.

Фальшивая тревога: Иполит принес мне кофей. Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник — а в Московском университете я оглашенный. Мое появление произведет шум и соблазн, а это приятно щекотит мое самолюбие.

Опять тревога — Муханов прислал мне разносчика с пастилою. Прощай. Христос с тобою и с Машею.

Вторник.

Цалую ручку у К.[атерины] Ив.[ановны]. Не забудь же.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной. В [Москве] С. Петербурге в доме Алымова на Фурштатской.

772. Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 30 сентября 1832 г. Москва.

Вот видишь, что я прав: нечего было тебе принимать Пушкина. Просидела бы ты у Идалии и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждал от тебя грозы, ибо по моему расчету прежде воскресения ты письма от меня не получила; а ты так тиха, так снисходительна, так забавна, что чудо. Что это значит? Уж не кокую ли я? Смотри! Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? Я и сегодня провожу у него вечер, и вчера был у него. Мы всякой день видимся. А до жен нам и дела нет. Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадоны etc. etc. Знаешь русскую песню —

Не дай Бог хорошей жены,

Хорошу жену часто в пир зовут.

А бедному-то мужу во чужом пиру похмелье, да и в своем тошнит. — Сей час от меня

[литератор] — Альманашник. Насилу отговорился от него. Он стал просить стихов для Альманаха, а я статьи для газеты. Так и разошлись. На днях был я приглашен Уваровым в университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на вшивом рынке). А тут разговорились [с] ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления. Передай это Вяземскому. Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе: докажу после. На днях был я на бале (у кн.[ягини] Вяз.[емской]; следственно я прав). Тут была графиня Салагуб, гр.[афиня] Пушкина (Владимир), Аврора, ее сестра, и Наталия Урусова. Я вел себя прекрасно; любезничал с гр.[афинею] Салогуб (с тёткой, entendons-nous) и уехал ужинать к Яру, как скоро бал разыгрался. Дела мои идут своим чередом. С Нашекиным вижусь всякой день. У него в домике был пир: подали на стол мышенка в сметане под хреном в виде поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной домик этот отказывает он тебе. Мне пришел в голову роман, и я вероятно за него примусь; но покаместь, голова моя кругом идет при мысли о газете. Как-то слажу с нею? Дай Бог здоровье Отрыжкову; авось вывезет. Цалую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой ангел. Христос с Вами.

Адрес: Наталии Николаевне Пушкиной. В С. Петербург в доме Алымова, на Фуриштатской.

773. Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 3 октября 1832 г. Москва.

По пунктам отвечаю на твои обвинения. 1) Русской человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньею, идет в баню, которая наша вторая мать. Ты разве не крещеная, что всего этого не знаешь? 2) В Москве письма принимаются до 12 часов — а я въехал в Тверскую заставу ровно в 11, следственно и [не успел] отложил писать к тебе до другого дня. Видишь ли, что я прав, а что ты кругом виновата? виновата 1) потому что всякой вздор забираешь себе в голову, 2) потому что пакет Бенкендорфа (вероятно важный) отсылаешь с досалы на меня Бог ведает куда, 3) кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом, да еще жалуешься на свое положение, будто бы подобное Нащокинскому! женка, женка!.. но оставим это. Ты мне кажешься, воюешь без меня дома, сменяешь людей, ломаешь кареты, сверяешь счета, доишь кормилицу. Ай да хват баба! что хорошо, то хорошо. Здесь я не так-то деятелен. На силу успел написать две доверенности, а денег не дождусь. Оставлю неоконченное дело на попечение Нащокину. Брат Дмитрий Николаевич здесь. Он в Калуге никакого не нашел акта, утверждающего болезненное состояние отца, и приехал хлопотать о том сюда. С Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочет входить в управление имения, и во всем полагается на Дмитрия Никол.[аевича]. Отец поговаривает о духовной; на днях будет он освидетельствован гражданским губернатором. К тебе пришлют для подписания доверенность. Катерина Ивановна научит тебя, как со всем этим поступить. Вяземские едут после 14-го. А я на днях. Следственно нечего тебе и писать. Мне без тебя так скучно, так скучно, что не знаю, куда головы преклонить. Хочешь комеражей? Горскина вчера вышла за к.[нязя] Щербатова, за младенца. Красавиц Безобразов кружит здешние головки, причесанные la Ninon домашними парикмахерами. Кн.[язь] Урусов влюблен в Машу Вяземскую (не говори отцу, он станет беспокоиться). Другой Урусов, говорят, женится на Бороздиной-соловейке. Москва ожидает царя к зиме, но кажется напрасно. Прощай, мой ангел, цалую тебя и Машу. Прощай, душа моя — Христос с тобою.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в С. Петербурге на Фуриштатской в доме Алымова.

774. М. И. Калашников — Пушкину. 10 октября 1832 г. Болдино.

Милостивый государь, Александр Сергеевич,

По приказу вашему собрано оброку в часть покровского, 900 рублей, а чрес две недели непременно будет выслано 300 рублей, а к Рожеству будем достальную треть собирать, 1200 рублей неприменно будут высланы! Я не знаю, где батюшка, я ему посылал нашей части и кистеневской оброк! и посылаю тоже в Петербург в дом Вульфферта, естли батюшка на другой квартире, то все покорнейше вас прошу милостивый государь дать знать батюшки, что есть в присылки, равно и книгу

посылаю расходную, для своего оправдания и вас все низа[й]-ший раб прошу заштитить меня. По вашему предписанию выполнено будет все, засим, честь имею пребыть с истинным высокопочитанием и преданностию

*ваш, милостивого государя всенижайший раб навсегда пребуду, Михайла Калашников.
Октября 10 дня 1832 года. Село Болдино.*

775. А. Н. Мордвинов — Пушкину. 21 октября 1832 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

На письмо ваше ко мне спешу Вас, милостивый государь, уведомить, что я представил г. генерал-адъютанту Бенкендорфу полученные мною от Вас образцы вашего журнала, и сколько известно мне, его высокопревосходительство располагал представить оные государю императору по возвращении своем из Ревельской губернии. — До воспоследования же высочайшего по сему предмету разрешения, не полагаю я благонадежным для вас приступить к каким-либо распоряжениям.

С совершенным почтением и преданностию имею честь
*милостивый государь ваш покорнейший слуга А. Мордвинов.
21-го октября 1832.*

776. М. И. Калашников — Пушкину. 14 ноября 1832 г. Болдино.

Милостивый государь, Александр Сергеевич,

все покорнейше, — вас прошу вашу милость. Я на сей же почте посылаю к батюшке вашему денег 1400 рублей, и адрес пишу. У Синего мосту, в доме Вульфберта, естли его там нет, — то сделайте милость, где его квартира. — Да[й]ти знать, или в Михайловское перешлите, я и сам не знаю где находятся, я от правляюсь в Нижний по вашему делу и буду спешить, скорее получить, и от править деньги из трех сот рублей, что будет исдержено, а достальные тот час по окончании, перешлю: и буду собирать достальную треть, 1200 рублей к Рождеству и доставлю к вашей милости, теперь слава Богу стало смирно, у нас, в Болдине мужика после Петра, когда его наказал, в земской полиции; засим честь имею пребыть с истинным моим высокопочитанием и преданностию

*ваш, милостивого государя всенижайший раб навсегда пребуду. Михайла Калашников
14 ноября. 1832 года. С. Болдино.*

777. П. В. Нащокину. 2 декабря 1832 г. Петербург.

Сие да будет моим оправданием в неокуратности. Приехав сюда, нашел я большие беспорядки в доме, принужден был выгонять людей, переменять поваров, наконец нанимать новую квартиру, и следственно употреблять суммы, которые в другом случае оставались бы неприкосновенными. Надеюсь, что теперь получил ты, любезный Павел Воинович, нужные бумаги для перезалога; и что получишь ломбардные деньги беспрепятственно, в таком случае, извинив меня (как можешь) перед Фед.[ором] Дан.[иловичем], отдай ему его тысячу, а другую возьми себе, ибо вероятно тебе она нужна будет, остальной же долг получишь в январе — как я уже распорядился, продав Смирдину второе издание Онегина. Sur се поговорим о деле: честь имею тебе объявить, что первый том Островского кончен и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение и под критику г. Короткого. Я написал его в две недели, но остановился по причине жестокого рюматизма, от которого прострадал другие две недели, так что не брался за перо и не мог связать две мысли в голове. Что твои мемории? Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем ко мне. Это будет и мне приятнее, да и тебе легче. Незаметным образом выростет том, а там поглядишь: и другой. Мой журнал остановился, потому что долго не приходило разрешение. Нынешний год он издаваться не будет. Я и рад. К будущему успеху осмотреться и приготвиться; покаместь буду жаться по немногу. Мою статую еще я не продал, но продам во что бы ни стало. К лету будут у меня хлопоты. Нат.[алья] Ник.[олаевна] брюхата опять, и

носит довольно тяжело. Не приедешь ли ты крестить Гаврила Александровича? Я такого мнения, что Петербург был бы для тебя пристанью и ковчегом спасения. Скажи Баратынскому, что Смирдин в Москве, и что я говорил с ним о издании полных Стихотворений Евг.[ения] Баратынского. Я говорил о 8, и о 10 тыс., а Смирдин боялся, что Бар.[атынский] не согласится; следственно Бар.[атынский] может с ним сделаться. Пускай он попробует. Что Вельтман? каковы его обстоятельства и что его опер[а?]. Прощай, кланяюсь твоим — цалую Павла.

2 окт. ⁴¹П. Б. В Морской в доме Жадимировского.

Адрес: М. г. Павлу Воиновичу Нащокину. В Москве на Остоженки в приходе Воскресения в доме священника.

778. Н. И. Греч — Пушкину. 14 декабря 1832 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Могу утешить вас в рассуждении А. Б.[естужева]. По всему, кажется, что он жив. 15-го был он в Дербенте и писал оттуда, а 17-го происходило сражение в Гимри.

Что касается до оклада Сомова, то поелику сей оклад следует ему с 1-го января 1833, а доходы начнутся с того же числа, то я и не могу исполнить теперь вашего желания; но по наступлении срока дам ассигнацию на Смирдина.

Вам истинно преданный Н. Греч.

14 дек. 1832.

Адрес: Милостивому государю А. С. Пушкину. От Греча.

779. Е. М. Хитрово — Пушкину. 15 декабря 1832 г. Петербург.

Вот, милый Пушкин, 450 руб. за билеты г-на Катенина. Для восполнения всей суммы за 49 билетов ему причитается еще 285 руб., которые вы также получите через два дня. Катенька с приближением нового года погрязла в счетах и занята балами. Она не всё еще распутала. Пишите же, дитя. Любите меня — потому что ради вас я испортила себе много крови

15-го.

Элиза Хитрово.

780. Е. М. Хитрово. Август — первая половина сентября или конец октября — декабрь 1832 г. Петербург.

Честное слово — милый братец очень плох, вчера я привез его к себе. Он между сумасшествием и смертью, через час мы ждем кризиса — и вы получите о нем известия.

Как вам не совестно было так пренебрежительно отозваться о Карре. В его романе чувствуется талант, и он стоит вычурности вашего Бальзака. Прощайте, прекрасная и добрая.

⁴¹ Описка, вместо декабря

П Е Р Е П И С К А 1833

781. П. С. Санковскому. 3 января 1833 г. Петербург.

Я так виноват перед вами и должен казаться таким неблагодарным, что мне совестно вам писать. Г-н Казасси доставил мне очень любезное письмо от вас; вы в нем просили у меня стихов для альманаха, который намеревались выпустить к этому году. Я задержал свой ответ по весьма уважительной причине: мне нечего было вам послать и я всё ждал, как говорится, минуты вдохновения, то есть припадка бумагомарания. Но вдохновение так и не пришло, в течение последних двух лет я не написал ни одного стиха — и вот почему мое доброе намерение преподнести вам свои несчастные стишки отправилось мостить ад. Ради Бога, не сердитесь, а лучше пожалейте меня за то, что мне никогда не удастся поступать так как мне следовало бы или хотелось бы.

Я поручил Ширяеву доставить вам всё напечатанное мною по возвращении из Тифлиса — не знаю, выполнил ли он это. Я же обязан вам большой благодарностью за присылку Тифлисских ведомостей — единственной из русских газет, которая имеет свое лицо и в которой встречаются статьи, представляющие действительный, в европейском смысле, интерес. Если вы видите А. Бестужева, передайте ему поклон от меня. Мы повстречались с ним на Гут-горе, не узнавши друг друга, и с тех пор я имею о нем сведения лишь из журналов, в которых он печатает свои прелестные повести. Здесь распространился слух о его смерти, мы искренно оплакивали его и очень обрадовались его воскрешению [...].

Письмо это передаст вам г-н Россетти, весьма достойный молодой человек, который покидает блестящий свет и ветреное и рассеянное существование для сурового ремесла грузинского солдата. Мы рекомендуем его вам и уверены, что вы поблагодарите нас за это знакомство.

Примите, милостивый государь, уверение в моем высоком уважении.

Александр Пушкин.

3 января 1833. С. П. Б.

Милостивому государю господину Санковскому в Тифлисе.

782. Неизвестной. Декабрь 1832 г. 6 января 1833 г. Петербург. (Черновое)

Судите о моем отчаянии, когда какой-то пьяница принес мне сегодня обратно ответ, посланный мною вчера на любезную записку, которую вы изволили мне написать.

783. П. В. Нащокин — Пушкину. 10 января 1833 г. Москва.

Любезный друг Александр Сергеевич, давно я тебе не писал, был по обыкновенному всё в хлопотах — да скажи ради Бога что твой управляющий или бурмистр, чорт его знает — не присылает мне бумаг. Из твоего письма видно что ты полагаешь что я их давно получил и по оным уже и деньги — но не того не другого, и без бумаг не смотря что я имею доверенность — ничего сделать нельзя — не пишет ли он тебе чего-нибудь — уведошь сделай милость. Я хотя и очень плох *финансами*, но к этому я привык — Фед.[ор] Дан.[илович] дело другое, он всё плотит на твой счет проценты по 25 рубл. в месяц. — Правда ли что ты Академик. Я очень рад. *Прочим* это не любо, но Бог с ними. Наталье Николаевне мое почтение и с барышней, Полевой на тебе крепко грозиться, убью говорит он — покуда кайся; что с Левушкой, умер или пропал — об нем в газетах есть, но никто не понимает *Мемории* не начинал, некогда. Друзей у тебя в Москве нет — ибо любят тебя бранить, кроме меня разумеется. Что твой роман — Петр 1-й и т. д. — будет ли что нынешний год нового, о портрете я уже говорить не буду. — Окулов камер-гер — и очень рад. — У Горчакова мать умерла. Велт[м]ан кланяется — и пишет роман (*Кощей*) я еще не читал. Приехал суда улан — который написал тьматьмущую стихов, бывает у меня — пишет мне оперу — но я рассказываю что заставил — ломается и по сту раз читает свои стихи, *хороши*, гладки, есть и картины, но всё подражание всех, кто только

известен, твои, Вяз.[емского], Барат.[ынского] и Велтм.[ана] всего по многу. Своего еще ничего нет. Сам он похож похоткой и фигурой на твоего брата, — но лжив [и] хвастлив — и болтлив — об себе, в проч. об чем другом более молчит — у всех совет требует, — и всех надувает; правда молод и очень молод — но и в перед надежды нет — фамилия его Бахтурин, — мне не только что скучно — но даже несносно. Народу у меня очень много собираются, со всяким надо заниматься — а для чего — так *Богу угодно*: ни читать — ни писать время нет — только и разговору *здравствуйте, подай трупку, чаю. Прощайте* очень редко — ибо у меня опять ночуют и по утру не простясь уходят. Вот, каково на этом свете — на том хуже быть не может. Прощай, воскресение нравственного бытья моего, авось опять приедешь — в Москву — и отогреешь — а покуда, я костинею от стужи и скуки. — Пиши [от скук[и].] иногда.

П. Нащокин.

10-го января 1833.

Позабыл тебя с новым годом поздравить — Наталью Николаевну поздравь от меня и пожелай ей всего. —

784. О. М. Ключарева — Пушкину. 11 января 1833 г. Болдино.

Милостивый государь! Александр Сергеевич.

Взяла еще смелость беспокоить Вас сими строчками, с коими прибегаю к вашему благодетельному покровительству, и будучи уверена в Вашей благотворительной душе, которая истинно создана от Бога, чтоб творить добро людям тем, которые просят руки помощи, и я себя считаю участницею оных, не отринте меня, с усердно к Вам прибегающей просьбой. Теперича срок наступил в продажу, с акционнава торгу, крестьян моего мужа, за которых должно мне взнести 2000 тысячи рублей, за 15-ть душ мужеска пола. Я не имею даже и двадцети рублей, буди же лишусь оных, то совершенна буду без куска хлеба. Одна только и есть надежда на Вас, милостивый государь, Александр Сергеевич, Вы можете навек меня осчастливить своим благотворением; за что я буду просить со слезами всемогущего творца за сниспослание Вам всех блах, чего Вы от бога желайте. Могу Вас смело уверить, тем что есть свято, когда я их выкуплю на свое имя, потому что мой муж отдал их мне в полное распоряжение, и когда Вам случится надобность в деньгах, то я тогда их заложу в Апекунской совет и получа деньги, могу Вам с благодарностию доставить. Итак прошу Вас не оставить меня вашим милостивым ответом, и буду льстить себя надеждою, что сии строчки прочтены будут Вами, ответом Вашим прошу покорнейше уведомить отца моего.

И наконец ограничиваюсь к Вам с истинным моим почтением и преданностию покорная к услугам

Ольга Ключарева.

Генваря 11-го дня 1833-го года. С. Болдино.

785. М. И. Калашников — Пушкину. 18 января 1833 г. Болдино.

Милостивый государь! Александр Сергеевич.

При сем уведомляю Вашу милость, что с великом трудом, мог получить описание, сего генваря 13-го дня, и того ж числа отправил на почту, к Павлу Воиновичу, равно отношение и копию, от губернатора из канцелярии, тоже вместе отправили. Теперь буду спешить оброк збирать, и Вашей милости доставлю в скорости, я четыре раза ездил в Нижний, и три раза в Серьгачь, из Нижнего, всего мною издержено денег на все расходы 271 рубль, а достальные будут доставлены при первой трети. Из 300-сот рублей осталось 29-ть рублей. При сем рапортую, что при вотчине состоит по сие число все благополучно. Засим честь имею пребыть, с истинным моим высокопочтанием и преданностию.

Ваш, милостивый государь, всенижайший слуга и раб

Михайла Калашников.

Генваря 18-го дня 1833-го года. С. Большое Болдино.

786. О. М. Сомов — Пушкину. 1824 января 1833 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

От Смирдина я получаю, по договору с Гречем, всего только 800 р. в год, чему может служить доказательством собственноручная записка Греча, остающаяся еще теперь в руках Смирдина. Остальные 1000 р., по общему нашему с Гречем условию, предоставил я в распоряжение Ваше, и вам стоит только взять ассигнацию от Греча на имя Смирдина или кого угодно. Удивляюсь, как Смирдин не понял этого из моей записки, где именно сказано, что я первые только два месяца, по болезни моей, беру у него по 150 р., остальные же 10 месяцев буду получать по 50 р., что и составит всего на всё 800 р. Следовательно вы можете легко распорядиться с Гречем на счет 1000 р., им у меня удерживаемых именно для Вас.

Удивляюсь, что у переплетчика так мало оказалось экземпляров налицо; по моему счету, у него должно оставаться гораздо более; разве только он не все получил из типографии, или выдавал кому-либо из книгопродавцев, не дав мне знать; ибо до сей поры он не представил мне счетов. Одно мне весьма прискорбно: что Вам не угодно было, при издании Сев.[ерных] Цветов, послушаться меня и принять труд распоряжаться продажей оных и проч. или Вам самим, или поручить сие П. А. Плетневу, как я тогда предлагал: тогда и Вы, и я избавились бы всех этих хлопот и недоразумений, а у меня бы, в буквальном смысле, гора с плеч свалилась. Я всегда был плохим счетчиком, особливо в своем деле. Таким образом, напечатав Записки Вутье, я выручил в очистку только 700 р., тогда как книгопродавец получил за них барыша более 8 тыс. Покойный Дельвиг знал мою арифметическую бестолковость, и потому все счета принимал на себя. Одни faux-frais всегда очищали у меня карман до копейки.

Жаль, что я теперь болен, и так, что мне запрещено выходить на воздух; иначе я сделал бы поверку полученных переплетчика с выдачами фактора типографии и с моими счетами. Еще должно оставаться около 100 экзempl[аров] у Слёнина, да он же по прежнему счету, за расходами, остался должен за Сев.[ерные] Цветы 262 р. — Как по объявлению Смирдина, он совершенно счелся с ним даже включая и эту сумму, то оную и следует получ[ить] от Слёнина. Посему и прилагаю здесь собственноручное письмо Слёнина к Смирдину касательно этой суммы, которой я и не думал брать ни от того, ни от другого.

Впрочем, весь déficit я принимаю на себя, ибо конечно в нем никто кроме меня не виноват; и если болезнь [поможет] не помешает мне окончить одной из больших моих работ, то я из первых выручек за оную обязуюсь уплатить Вам или по Вашему назначению 2000 р. (сверх этой 1000); если же мне не удастся, то дам Вам заемное письмо на сию сумму; уплатить же оную трудами моими мне бог поможет.

Здоровы ли вы и всё Ваше любезное семейство? — У меня все больны: о себе уже и не говорю, это письмо пишу я целую неделю; поминутные вертижи в голове и блески в глазах не дают мне заняться и четверти часа сряду. Беда человеку семейному, обязанному кормить себя и семью свою из трудовых денег занемочь и быть несколько времени неспособным к работе.

Ваш покорный слуга

О. Сомов. [Ян]варя 18–24 1833.

Сверх моей хронической, вновь измучившей меня болезни, рифмующей с древнею ге[роид]ой, с [про]шедшей недели на меня напал *грипп* [со всеми] сво[ими любезностями].

[Приложение:] [И. В. Сленин — А. Ф. Смирдину.]

Милостивый государь Александр Филипович

Вы бы меня весьма одолжили, ежели бы уплатили за меня Оресту Михайловичу Сомову 262 рубля. Я остаюсь ему должен сию сумму за Северные Цветы; а денег нет ни сколько.

Вам преданный слуга *И. Сленин.*

Апреля 28 дня 1832.

Адрес: Милостивому государю Александру Филиповичу Смирдину.

787. М. И. Калашников — Пушкину. Январь 1833 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

При сем препровождаю достольного оброку до марта м[еся]ца 550 руб. золотом, асигнациями будит 500 руб. а 50 руб. промену на них. Сто рублей задержаны о чем и вашей милости прежде писал, теперь извольте получить от меня мартовской трети 900 руб. осигнациями, чрез Ольгу Сергеевну 1200 руб. в Москву от правлено чрез Павла Войновича Нащекина асигнациями 900 руб. теперь 500 руб. асигнациями будит, да задержанных 100 руб. всего за весь год 3600 рублей. При сем докладываю милости вашей что мною было получено приказание ваше чтобы взять свидетельство. А доверенность не изволили прислать и я всякую неделю в Лукоянов ежу для получения а всё нет в получении я не знаю что и подумать не остановили ль где на почте. Естьли ваша милость не выслали а отменили то воля ваша, я боюсь что выслали и вы изволите дожидать а мною не получено то чтобы я не был виноват пред вами — в протчем всё благополучно при вотчине вашей по сие число. За сим честь имею остатся с истинным моим высокопочитанием и преданностию

ваш милостивого государя покорный слуга и раб *найвсегда пребуду*

Михайла Калашников.

Генваря дня

1833 года.

Я брал свидетельство батюшки вашему в прошлом году и доверенность изволил прислать которую при сем копию прилагаю, от сына я получил что изволите требовать сколько земли и протчего при селе всему в общей с батюшкой вашим части, в общем владении описание портикулярное препровождаю к милости вашей.

Копия с доверенности.

Михайла Иванов.

Из имения доставшегося мне по наследству после покойного брата моего родного артиллерии подполковника Петра Львовича Пушкина из состоящего в Нижегородской губернии в Сергачьском уезде сельце Тимашеве Кистеневе тож заложено мною из числа четырех сот семидесяти душ в С. Петербургский опекунский совет по двум займам 200 ду[ш] на которых прибавочных по 50 ру. на душу денег я не получал. Теперь по настоящей в оных мне надобности предписываю тебе в силу сего моего верующего письма подать для получения надлежащего свидетельства из Нижегородской Гражданской Палаты, куда следует прошение и по получении свидетельства ко мне доставить, а что по сему учинишь или кому от тебя поручено будит в том спорить и прекословить не буду.

Копия.

Описание имению чиновника 5-го класса и кавалера Сергея Львовича Пушкина просящего надбавочной ссуды на заложенные императорского воспитательного Дома в С. Петербургском опекунском Совете по двум займам в прошлых 1827 я 1828 годах двести душ по 50 руб. на душу. Августа дня 1831-го года.

Нижегородской губернии Сергачского уезда в сельце Кистеневе Тимашеве тож мужеска пола четыреста семьдесят шесть душ — 476 ду[ш]

Земли в единственном владении по плану выданному 1805 году значится при сельце Кистеневе пахатной — 978 де[сятин] — 2212 са[жен]

Сенного покосу — 116 де — 1600

Мелкого кустарнику между коим сенной покос — 56 де — 664 са

По болоту мелкого лесу между коим сенной покос — 19 д — 400 са

Лесу строевого и дровяного дубового липового и осинового — 74 д — 277 саж

Под поселением гуменниками и огородами — 48 де — 1200

Во владении ж оногo селца по 2-му плану выданному того же 1805 г. значится пустошь Захарьина Кривенки тож

Пашенной земли — 56^{де} — 843^{са}

Сенного покосу — 6^д — 2000^{са}

Мелкого лесу между им сенной покос — 28^д — 400[”]

По болоту мелкого кустарнику между им сен[ной] поко[с] — 14^{де} — 2280[”]

Под дорогами полуречками и оврагами — 4 — 1769^{са}

А всей удобной и неудобной земли — 1461^{де} — 95^{са}

Тягол на оброке двести дватцать — 220 =

Платят ежегодного десять тысяч рублей — 10000 ру.

Промышленность крестьян состоит в хлебопашестве, изделия рагож и терпошей чем производят немаловажный торг.

Збыт произведений в губернском городе Нижнем и усадном городе Арзамасе и по базарам в окрестных селениях находящихся.

В дачах протекает речка Чека при которой и село находится.

Озер и рыбных ловлей нет.

Господское строение.

Деревянных два флигеля для вотчинного правления.

788. А. Ф. Вельтман — Пушкину. 4 февраля 1833 г. Москва.

Александр Сергеевич, пяти было тебе, Велесову внуку, соловию сего времени, пес[н]ь Игореву, того Ольга внуку, а не мне; но, досада взяла меня на убогие переводы чудного памятника нашей древней словесности, и — я выкинул в свет, также, может быть, недоношенное дитя. Посылаю на суд и осуждение. Я доволен по крайней мере тем, что в моем переводе *сулица* — не маленький щит, *болог* не благо, *век* не вече и не сеча; *харалуг* не харя и луг; *ток* не кровавая ладонь; *Ярослав* не Изяслав; — и нет в моем переводе ни кур, ни петухов, и не запрягают Игоря в плуг пахать землю. —

Желал бы знать мнение Пушкина о *Песни ополчению Игоря*, говорят все добрые люди, что он не просто поэт, а поэт-умница, и знает, что смысл сам по себе, а бессмыслица сама по себе; и потому я бы словам его поверил больше, чем своему самолюбию. —

Посылаю и третью часть *Странника*, по коему нельзя узнать, блуждал я или блудил. —

Досадно мне, да и каждому досадно, что Александр Сергеевич отложил издавать журнал до будущего года. — Если говорить правду, то перевод песни Игоря был приготовлен для сего журнала.

Желая здоровья и высоких прекрасных внушений, остаюсь

искренно-преданный Вельтман

4 фев 1833. Москва.

789. А. И. Чернышев — Пушкину. 8 февраля 1833 г. Петербург.

Министерство Военное.

Канцелярия Министерства.

Отделение 3. В С. Петербурге "8" февраля 1833 №

Его благородию А. С. Пушкину.

Военный министр покорнейше просит Александра Сергеевича Пушкина уведомить его: какие именно сведения нужно будет ему получить из Военного министерства для составления *Истории генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова Рымникского?*

790. П. А. Катенин — Пушкину. 8 февраля 1833 г. Петербург.

Как думаешь, любезнейший Александр Сергеевич? не лучше ли вместо отчета о полвеке Академии, который бы приличнее старому служивому, написать мне к великому дню 21-го октября Обзор российской словесности в осмнадцатом столетии? он может, кажется, выйти и для пишущего

и для слушающих приятнее. Хотелось бы посоветоваться с тобой на счет источников, пособий и пр. Нужно перемолвить. Не можешь ли вернуть ко мне? я буду дома когда велишь. Во всяком случае надо быть в заседании субботы на первой неделе поста, когда я уже с разрешения старца Шишкова прочту вслух известное предложение; но еще прежде не худо потолковать. Не смотря на твои измены весь твой

Павел Катенин. Февр. 8-го.

791. А. И. Чернышеву. 9 февраля 1833 г. Петербург.

Милостивый государь граф Александр Иванович

Приношу Вашему сиятельству искреннейшую благодарность за внимание, оказанное к моей просьбе.

Следующие документы, касающиеся Истории графа Суворова, должны находиться в архивах главного штаба:

1) Следственное дело о Пугачеве

2) Донесения графа Суворова во время кампании 1794 года

3) Донесения его 1799 года

4) Приказы его к войскам.

Буду ожидать от Вашего сиятельства позволения пользоваться сими драгоценными материалами.

С глубочайшим почтением честь имею быть, милостивый государь,

Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Пушкин.

7 февр. 1833. С. П. Б.

792. А. А. Перовский — Пушкину. Январь — первая половина февраля 1833 г. Петербург.

Вот тебе, моя прелесть, две главы Монастырки, которые прошу всепокорнейше рассмотреть поскорее, потому что мне бы желалось, буде можно, завтра отвезть их в Типографию. Продолжение последует в скором времени: одна глава у Вяземского, две переписываются, а последняя сочиняется. Вот и всё! Посылаю и напечатанное начало 2-й части, чтоб мог ты видеть связь. Прощай до свиданья: нежно целую тебя в мыслях.

А. Перовский

793. П. П. Свиньин — Пушкину. 19 февраля 1833 г. Петербург.

Медленность в доставлении вам, милостивый государь Александр Сергеевич, прилагаемой при сем рукописи, произошла ни от чего другого, как от невозможности отпереть мой музей за потерю ключа: неделю искали его, а другую приделывали. Я уже написал и в деревню о присылке самого оригинала Храповитского; впрочем это самая верная с него копия, с которой печатались эти записки у меня в журнале.

Воображаю сколь любопытно будет обозрение великой царицы, нашего золотого века или, лучше сказать, мифологического царствования под пером вашим. Право, этот предмет достоин вашего таланта и трудов.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

вашим покорнейшим слугою Пав. Свиньин.

19 февраля

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину.

794. Л. С. Пушкин — Пушкину. 21 февраля 1883 г. Варшава.

Объясню тебе мои обстоятельства и буду просить тебя о помощи. — В продолжении трех лет я пять раз подавал прозбу об отставке и ни один раз она мне не вышла. — Прошедшего года, удержанный в Варшаве болезнью или другими обстоятельствами, я передпоследнюю прозбу мою

подал через здешнего коменданта; она несколько месяцев залежалась забытая в его концелярии; я узнал о сем часным образом и моими стараниями дан ей ход; но комендант, дабы отстранить от себя ответственность за таковую забывчивость, подкаблил на ней число и заменил его другим, гораздо позднейшим. — Мне ее возвратили по причине подания в незаконное время. — Я отнесся письмом к кн.[язю] Варшавскому с жалобой, что на бумаге, освященной именем государя, осмелились сделать такого рода злоупотребление; но письмо мое осталось без ответа и, как я узнал в последствии, неп прочтенным. — В сентябре месяце я возобновил прозьбу; но получил выключку. Паскевич принял во мне участие, но его окружающие, по некоторым замечаниям, полагали нужным, чтобы прежде личного моего с ним объяснения он был предупрежден о сем деле письмом от тебя или отца; отец, полагая, что он в Петербурге, писал ему туда. Теперь Паскевич действительно туда едет, я хотел отправиться вслед за ним, но рассудил не необходимым делать издержки для неверных попыток. — Теперь вот в чем окончательное дело и моя к тебе прозьба: быть выключенным за неявку в полк не большая беда; но есть препятствие войти в службу (т. е. в статскую), что для меня необходимо. — Прав ли я или нет во всем этом деле, решать уже поздно, но не поздно его поправить. — Одно слово Паскевича может переменить всю судьбу мою, а одно слово твое Паскевичу его к сему расположит. — Нужно следственно силою его посредничества уничтожить препятствие определиться мне на службу; желание мое быть при миссии или в Греции, или в Персии; хотел бы быть в Египте, но получить там место, кажется, трудно. Если не лъзя будет исполнить ни одного из сих намерений, я, разумеется, буду на первый случай доволен и другим назначением, но ради бога, что-нибудь да обработай для меня. — Напиши мне, что останется мне делать; нужно ли мне [буде]т явиться в Петербург или оставаться [в Вар]шаве; ибо Паскевич захочет, может быть, дать мне здесь какое-либо место, чего бы я не желал, но что однако приму с благодарностию. —

Варшава 1833 г. 21 фев.

Пиши мне на имя Павлицева: такому-то, т. е. Н. И. Павлиц[еву], управляющему концелярию генерал-инспектора армии, для доставления —

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину На Фуриштатской, в доме Алымова в С. Петербург.

795. О. М. Ключарева — Пушкину. 21 февраля 1833 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич,

Я имела счастье получить от вас письмо, за которое чувствительно вас благодарю что вы не забыли меня находящуюся в бедном положении и в горестной жизни; впродчем покорнейше вас прошу извинить меня что я вас беспокоила насчет денег, для выкупки моего мужа крестьян, то оные не стоят чтобы их выкупить, это я сделала удовольствие для моего мужа, и стараюсь все к пользы нашей но он не чувствует моих благодеяний каких я ему не делаю, потому что он самый беспечный человек, на которого я ни надеюсь и нет надежды иметь куска хлеба, потому что какие только могут быть пасквильные дела то все оное есть у моего мужа. Первое пьяница и самой развратной жизни человек; у меня вся надежда на вас милостивый государь что вы не оставите меня своею милостию, в бедном положении и в горестной жизни, мы вышли в отставку и живем у отца в Болдине, то и не знаю буду ли я когда покойна от своего мужа или нет, а на батюшку все Сергей Львович поминутно пишет неудовольствия и строгие приказы то прошу вас милостивый государь защитить своею милостию его от сих наказаний; вы пишете что будите суда или в Нижний, то я с нетерпением буду ожидать вашего приезда, и о благополучно[м] пути буду бога молить, о себе вам скажу что я во обременении и уже время приходит к разрешению, то осмелюсь вас просить милостивый государь, нельзя ли быть восприемником, естли вашей милости будет не противно хотя не лично, но имя ваше вспомнить на крещении. О письмах вы изволити писать, то оные писал мне мой муж, и не понимаю что значут кудрявые, впродчем писать больши нечего, остаюсь с истинным моим почитанием и преданностию известная вам, —

Село Болдино. Февраля 21 дня 1833 года.

796. П. В. Нащокину. Около (не позднее) 25 февраля 1833 г. Петербург.

Что, любезный Павел Воинович? получил ли ты нужные бумаги, взял ли ты себе малую толику, заплатил Ф.[едору] Д[анилович]у, справил ли остальную тысячу с ломбарда, пришлешь ли мне что-нибудь? Коли ничто еще не сделано, то сделай вот что: *2,525 рублей доставь, сделай одолжение, сенатору Мих.[аилу] Александр.[овичу] Салтыкову, живущему на Маросейке, в доме Бубуки, и возьми с него росписку.* Это нужно, и для меня очень неприятно.

Что твои дела? За глаза я всё боюсь за тебя. Всё мне кажется, что ты гибнешь, что Веер тебя топит, а Рахманов на плечах у тебя. Дай Бог мне зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведем тебя с сожительницей, заведем мельницу в Тюфлях, и заживешь припеваючи и пишучи свои записки. Жизнь моя в П.[етер]Б.[урге] ни то ни сё. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, [без[заботной][?]] вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — всё это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения.

Вот как располагаю я моим будущим. Летом после родов жены, отправляю ее в калужскую деревню к сестрам, а сам съезжу в Нижний, да может быть в Астрахань. Мимоездом увидимся и наговоримся до сыта. Путешествие нужно мне нравственно и физически.

Адрес: Его высокоблагородию М. г. Павлу Воиновичу Нащокину в Москве На Остоженке в приходе воскресения в доме священника.

797. А. И. Чернышев — Пушкину. 25 февраля 1833 г. Петербург.

Военный министр, препровождая при сем к Александру Сергеевичу Пушкину три книги, заключающие в себе сведения, касающиеся до истории графа Суворова Рымникского, имеет честь уведомить его, что следственного дела о Пугачеве, равно как донесений графа Суворова 1794 и 1799 годов и приказов его войскам, не находится в С.[анкт]-Петербургском архиве Инспекторского департамента; о выправке же по сему предмету в Московском отделении архива сделано надлежащее распоряжение. Военный министр покорнейше просит Александра Сергеевича, по миновании надобности в препровождаемых при сем книгах, возвратить оные.

№ 1802. "25" февраля 1833. Его благородию А. С. Пушкину.

798. А. И. Чернышеву. 27 февраля 1833 г. Петербург.

Милостивый государь граф Александр Иванович,

Приношу Вашему сиятельству глубочайшую мою благодарность за книги, которые доставлены мне от имени Вашего. Почитаю обязанностию в точности исполнить приказания Вашего сиятельства, и препоручаю себя и впредь высокой Вашей благосклонности.

С душевным почтением и совершенной преданностию, имею честь быть, милостивый государь Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Пушкин.

27 февр. 1833 С. П. Б.

799. П. В. Нащокин — Пушкину 20–28 февраля 1833 г. Москва.

Любезный Александр Сергеевич. Наконец получил твое свидетельство, которое тебе и отсылаю ибо оно ни куда не годится: нет по пяти десятин на душу, ты сам увидишь из одного — и потому добавошных не дают — к сему еще разногласие с прежним свидетельством: там 545. деся.[тин] а здесь более. Далее говорить нечего, ибо я сей час еду в деревню сам хлопотать об этом же. Здоров ли ты, и почему ты мне ничего не пишешь. Для добавошных — тебе остается два средства: либо выпросить у отца чтобы он дал до тысячи десятин или свидетельство в место чем на двести душ — на сто девять душ, на которое число только земли у тебя и достаточно — больше мне время нет тебе писать.

Кланяйся низжайше Натальи Николаевне и только — еще просит позволения один артист именно г-н Варламов уведомить тебя что он в концерте своем хочет сыграть сцену из Бориса Годунова на что просит твое со изволение. Прощай.

П. Нащокин.

Фе[дору] Дан.[иловичу] присылай денег. Коли можешь.

800. И. П. Мятлев — Пушкину. 1 марта 1833 г. Петербург.

Твоего повара, любезнейшей друг, мать моя отдала сестре моей Бибиковой. Года три он шатался без места и даже оброка с него никакого не поступало, когда тысяча таких, то пример опасный — на конец понадобился сестре повар, я на этого и указал, в первых числах февраля от конторы моей за ним послано, он тогда мне поведал, что он у тебя служит и забрал денег на расход, то я в уважение тебя оставил его до 1-го марта и так объяснил матушке и сестре; они теперь на него считают и он не в моей уже власти, естли хочешь, то я спрошу Бибиковых, могут ли они дать ему еще срока, дабы ты достал другого на место его, и надеюсь, что они не откажут, буде только возможно, о чем я тебя уведомлю. Бумаги мои готовы и тебя ожидают — когда ты прикажешь, мы за дело примемся. Готовы в мыслях и образцовые поминки — но и ты не можешь ли чем покормить душу, нет ли второго тома Храпов.[ицкого]? нет ли чего-нибудь столь же интересного? нет ли чего-нибудь великой жены? — Ожидаю твоего ордера.

Твой навсегда душою и сердцем Иван Мятлев. С.-Петербург. 1 марта 1833.

Адрес: Его высокоблагородию Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину. И. Мятлев.

801. М. П. Погодину. 5 марта 1833 г. Петербург.

По секрету.

Вот в чем дело: по уговору нашему, долго собирался я уллучить время, чтоб выпросить у государя вас в сотрудники. Да всё как-то не удавалось. Наконец на масленице царь заговорил как-то со мною о Петре I, и я тут же и представил ему, что трудиться мне одному над архивами невозможно, и что помощь просвещенного, умного и деятельного ученого мне необходима. Государь спросил, кого же мне надобно, и при вашем имени, было нахмурился — (он смешивает вас с Полевым; извините великодушно; он литератор не весьма твердый, хоть молодец, и славный царь). Я кое-как успел вас отрекомендовать, а Д. Н. Блудов всё поправил и объяснил, что между вами и Полевым общего только первый слог ваших фамилий. К сему присовокупился и благосклонный отзыв Бенкендорфа. Таким образом дело слажено; и архивы вам открыты (кроме тайного). Теперь остается решить, на каком основании намерены вы приступить к делу: думаю, что вам надо требовать вашего адъютантского жалования, во всё время ваших трудов — и только. А труды ваши не пропадут ни в каком отношении. Ибо всё, елико можно будет напечатать, напечатаете *вы и для себя*; [и все труды вами совершенные над] это будет вам и приятно и выгодно. Сколько отдельных книг можно составить тут! сколько творческих мыслей тут могут развиваться! С вашей вдохновенной деятельностью, с вашей чистой добросовестностью — Вы произведете такие чудеса, что мы и потомство наше будем за вас Бога молить, как за Шлецера и Ломоносова.

Напишите же мне *официальное* письмо, которое мог бы я показать Блудову; и я поспешу всё здесь окончить. Ожидаю вас с распростертыми объятиями.

5 марта. Адрес: Его высокоблагородию м. г. Михаилу Петровичу Погодину.

802. А. И. Чернышев — Пушкину. 8 марта 1833 г. Петербург.

Военный министр, препровождая при сем к Александру Сергеевичу Пушкину доставленные ему из Московского отделения Инспекторского архива донесения графа Суворова Рымникского во время кампании 1794-го, 1799 и частью 1800 годов и книгу за № 532, в коей заключаются реляции сего

генерала двух последних годов, честь имеет уведомить, что приказов Суворова к войскам и следственного дела о Пугачеве в архиве том не находится. Военный министр покорнейше просит Александра Сергеевича, по миновании надобности в означенных донесениях и реляциях, возвратить ему оные.

№ 2155. "8" марта 1833. Его благородию А. С. Пушкину.

803. А. И. Чернышеву. 8 марта 1833 г. Петербург.

Милостивый государь граф Александр Иванович,

Доставленные мне по приказанию Вашего сиятельства из Московского отделения Инспекторского архива книги получить имел я честь. Принося Вашему сиятельству глубочайшую мою благодарность, осмеливаюсь беспокоить Вас еще одною просьбою; благосклонность и просвещенная снисходительность Вашего сиятельства совсем избаловали меня.

В бумагах косательно Пугачева, полученных мною пред сим, известия о нем доведены токмо до назначения генерала-аншефа Бибикова, но донесений сего генерала в военную коллегию, также как и рапортов князя Галицына, Михельсона и самого Суворова — тут не находится. Если угодно будет Вашему сиятельству оные донесения и рапорты (с января 1774 по конец того же года) приказать мне доставить, то почту сие за истинное благодеяние.

С глубочайшим почтением, преданностию и благодарностию честь имею быть милостивый государь Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Пушкин.

8 марта 1833. С. П. Б.

804. Н. И. Греч — Пушкину. 13 марта 1833 г. Петербург.

Почтеннейший Александр Сергеевич! Беспокоя вас сим письмом, я уверен, что вы не оставите его без внимания: оно адресуется к вашему сердцу. К вам явится несчастная вдова Шишкова 2-го: не оставьте ее вашим пособием. Вот в чем дело. Единственным наследием ее дочери остались некоторые литературные труды покойного: неконченный грузинский роман, переводы немецких трагиков и разные стихотворения. Напечатание их станет до 6 т.[ысяч] р. Книгопродавцы за это не берутся, ибо книги сии не доходные. Пособите ей убедить Академию сделать первое если не умное, то доброе дело, напечатав всё это на счет царских щедрот, ежегодно отпускаемых или опускаемых в кладязь мрачный. А. С. Шишков боится предложить это, ибо дело идет о его внуке. Да чем же виновата бедная, что она его внука? Довольно тяжести носить до замужества загроможденное славою и корнями имя Варяго-Росского пугалы. Предложите вашим Субботникам помочь несчастным сиротам и попросите дядю, чтоб он, на основании Генерального регламента, яко близкий родственник подсудимых Академии за хорошие стихи, не принимал участия в суждении. Вас уважают и боятся, следственно послушают. Я попрошу Крылова, Лобанова, А. А. Перовского поддержать вашу motion. Можно ли лучше употребить казенные деньги! — Говорят, что покойника чуждаются за его образ мыслей!! Вдова и дочь несчастного певца Войнаровского получают пенсион от тех, которые более всех имели бы причины не делать им добра. Если нельзя благородными побуждениями склонить ваших сенаторов, неподвижных в курильских креслах, то постарайтесь убедить их, что сей подвиг будет подражанием, что он близок к лести и даже от некоторых метеорологов нравственной непогоды может заслужить название *подлости*. Неужели и тогда не согласятся?

Вы один, к кому бедная Шишкова может прибегнуть с успехом! Вы конечно успеете в этом и докажете, что благородный человек и в Российской Академии может быть полезен ближним; что и там талант и доброе сердце могут возвысить голос, на пользу несчастных!

Вам душою преданный Н. Греч.

13 42 марта 1833.

⁴² Переделано из 11[?]

805. В. А. Жуковский — Пушкину. 22 марта 1833 г.(?) Петербург.

Не забудь, что завтра четверг, и что ты у меня проводишь вечер? Прошу принести Онегина, чем очень порадуешь Жуковского.

Не забудь позвать Плетнева и отослать картину Шаховскому, которого у меня не будет.

Адрес: А. С. Пушкину.

806. В. Ф. Одоевский — Пушкину. 27 марта 1833 г. Петербург.

Не угодно ли Вам будет, Александр Сергеевич, выслушать Шекспирова Венецианского купца, переведенного г. Якимовым, который собирается перевести всего Шекспира? Завтра между 8 и 9 часов после обеда Яким.[ов] будет читать свой перевод у меня, и Вы много и его и меня порадуете, если захотите быть в числе слушателей. Я пригласил и кн. Петра Андреевича.

Вас душевно уважающий

кн. Влад. Одоевский.

Понедельник 27 марта.

807. В. Ф. Одоевскому. 28 марта 1833 г. Петербург.

Я надеялся быть сегодня у Вашего сиятельства и услышать трагедию г. Яким[ова] — но невозможно. Мне назначили деловое свидание к 8 часам, и я жертвую Вами и Шекспиром подъяческим разговорам. Однако до свидания.

Искренне Вас уважающий А. Пушкин.

Адрес: Князю Одоевскому.

808. И. Т. Калашников — Пушкину. 28 марта 1833 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

За все те приятные минуты в жизни, какими я наслаждался, читая Ваши превосходные творения, делающие честь веку и нашей литературе, не имея возможности заплатить тем же, я решаюсь поднести слабые труды мои и покорнейше просить Вас принять их, по крайней мере, за знак глубокого моего уважения к Вам, которое навсегда сохранится в моей душе.

Милостивый государь, ваш покорнейший слуга Иван Калашников.

28 марта 1833.

809. А. И. Чернышев — Пушкину. 29 марта 1833 г. Петербург.

Министерство Военное.

Канцелярия Министерства.

Отделение 3. В С. П.бурге. 29 марта 1833 № 2910

Его благородию А. С. Пушкину.

Военный Министр имеет честь препроводить при сем к Александру Сергеевичу Пушкину восемь книг, заключающих в себе рапорты генерал-аншефа Бибикова, князя Голицына и графа Суворова Рымникского, присовокупляя, что рапортов генерала Михельсона в делах Военного Министерства не имеется.

По миновании надобности покорнейше просит доставить обратно.

810. М. П. Погодин — Пушкину. 29 марта 1833 г. Москва.

Рад без памяти и благодарю без ума. Но зачем вы зовете меня в Петербург? Мне довольно Москвы и надолго. — Оставаясь в унив.[ерситете] (где я избран ордин.[арным] професс.[ором] истории), я начну разбирать иностр.[анный] архив, в Пет.[ербург] буду наезжать по мере

надобностей. — Главное — исходатайствуйте скорее право-дубинку над архивом. Чтоб я мог брать, читать, [писать] переписывать, извлекать... в волю, до сыта, до отвала. Важные секреты чай в Петерб.[урге] — но какие же секреты для истории? Ведь это смешно. — Ну пусть отпоют меня, ну пусть отрежут язык на столько линий, сколько угодно! Позволение мне и предписание [архи[вам]] местным властям должно быть написано убедительно и обстоятельно. Напр. я приду к Малин.[овскому] с писцем, с студентом — он пустит: „позволено вам, а не etc. Всё предусмотреть и предупредить: дело с человеком 72 лет, архивом par excellence, прототипом архива, который думает, что архив, следов.[ательно] и он, тогда только важен, пока неизвестен. — Вот если б Булгаков был там, с тем затруднений не было б. —

Вы пишете, что я буду печатать всё и для себя; но на чей счет?

По моему вот как бы это устроить:

„Для издания таких-то материалов учреждается комиссия“.

Членами сей комиссии всемилостивейше повелено быть такому-то с жалованьем..., такому-то с жалованьем. — На печатание, по мере изготовления, по сметам, имеет отпускаться сумма из Кабинета или...

Члены имеют право etc.

О своем жалованье я не говорю. Пусть назначат, что угодно. Я не имею теперь такой нужды, как прежде, и скажу с солдатами: рад стараться на память о батюшке нашем Петре Алексеевиче. —

Мое дело, повторю для ясности, — разбирать, готовить к печати, издавать. —

Поздравляю с праздником, а как зовут вашу Аду, и что вы написали в прошедшем году?

Ваш М. Погодин

1833. Марта 29.

Что вы не упомянули царю о моем Петре при таком благоприятном случае. Бог вам судья. — Я уверен, что он по докладной записке не позволил печатать, думая, что всё печатаемое играется. — Другой причины быть не может: в трагедии всё уже известное у нас и перепечатанное. Нового — форма. — Если б были места непозволительные — ну, делай свое дело, Цензура, торгуйся, вымарывай. — Скажите это Дмитри[ю] Николаевичу. Может быть он возьмется при случае объяснить. — Похлопочите.

Да — я и забыл: меня смешивали с Полевым!! — Господи-Боже мой! Видал ли кто такой напраслины. Да кто же ругал и обличал этого [сукина сына] больше моего? И я за это страдал! —

Я начал писать в сценах нашу историю от Бориса до Романовых. — Бориса кончил давно. Теперь за Самозванцем.

811. А. П. Ермолову. Начало апреля 1833 г. Петербург. (Черновое)

Собирая памятники отечественной истории, напрасно ожидал я, чтобы вышло наконец описание Ваших Закавказских подвигов. До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает всё — и только некоторые военные люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке.

Обращаюсь к В.[ашему] в.[ысокопревосходительству] с пр[осьбою о деле для меня важном]. Знаю, что Вы [неохотно решитесь ее исполнить.] Но Ваша сл[ава принадлежит России и Вы не вправе ее утаивать]. Если в праздные часы занялись вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если ж Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас дозволить мне быть Вашим историком, даровать мне краткие необходимейшие сведения, и etc.

812. И. Т. Калашникову. Начало апреля 1833 г. Петербург. (Черновое)

Искренно благодарю Вас за письмо, коего Вы меня удостоили. Удовольствие [?] читателей [?] коих [?] уважаем есть лучшая из всех наград.

Вы спрашиваете моего мнения о Камчадалке. Откровенность [?] под моим пером может

показаться вам простою [?] учтивостию [?]. Я хочу [?] лучше [?] повторить вам мнение Крылова, великого знатока и беспристрастного ценителя истинного [?] таланта. Прочитав Дочь Жолобова он мне сказал: Ни одного из русск[их] ром[анов] я не читывал с большим удовольствием. Камчадалка верно не ниже вашего первого произведения. Сколько я мог заметить, часть публики, которая судит о книгах не по объявл[ениям] газет, а по собств[енному] [?] впечатлению [?], полюбила вас и с полным [?] радушием приняла обе Ваши пьесы [?]. После этого не тревожьтесь мнением П.[олевого], он человек смы[шленный] [?], обязатель[ный] [?] и умный [?], но конечно уж не литератор. Как писатель, он не имеет никакого таланта, как критик повторяет [?] чужие мысли [?] с постоянством [?] упрямого [?] [...] хотя [?] всё [?] [...] стало [?][...] что [?][...] ошибок [...] [...] противуречия и бессмыслицы [?] [...]

[Романа его я не читал, но судя по его Истории знаю, как он должен быть ниже Камчадалки и Доч.[ери] Ж.[олобова].]

[Публика его любит единственно за его дерзость и потому что глупцы с благоговением слушают человека, который смело всё бранит, и думают: то-то умник! —]

813. М. П. Погодин — Пушкину. 12 апреля 1833 г. Москва.

Прочсть все.

С просьбой к вам!

Г. Венелин (автор книги Древние и нынешние болгаре) был посылан от Академии Рос.[сийской] в Болгарию для исследований истор.[ических] и филологических.

Полтора года он работал там среди чумы, холеры, горячки, лихорадки и варварства греческого, болгарского, волошского и иных, был болен, умирал etc. Привез добычу в Москву и занялся обработыванием, прося Рос.[сийскую] Академию чего-нибудь [на] ежемесячно или ежегодно на хлеб, [и] квас и сапоги.

Ак.[адемия] требовала собранных материалов немедленно.

Венелин отвечал: я не могу прислать вам гиероглифов, а вот вам отрывок: болгарской глагол из составляемой грамматики и рассуждение о собственных именах. Дайте же что-нибудь на пропитание. Опять тот же ответ. Венелин, наконец, оставаясь у меня на содержании, ибо негде было преклонить ему голову, кончил [наконец] фолиант объяснений на болгарские грамоты с 14 до 18 века и послал оный вместе с снимками, собственноручно им сделанными на местах, паки и паки прося себе хлеба. И опять ничего. —

Итого: Спросите эти снимки в собрании, взгляните на них. — Тогда вы восчувствуете [тр[уд]] величину труда, и Потребуйте от академии, чтоб она [послала Вен[елину]] назначила г. Венелину содержание, пока он трудится для академии, [оставив свою докторскую практику и проч.,] начиная с ноября 1831 года, с коего времени он живет в долг. — Через месяц он представит в Академию всю Болгарскую грамматику, которой одной недоставало в литературе славянских наречий.

Потом ему останутся объяснить песни, им собранные, и приготовить к изданию. —

За грамоты и проч., его *теперь* следовало бы представить к чину или к маленькому кресту, который ему нужен по разным обстоятельствам. Надо подкрепить, ободрить этого человека, а он бывает в отчаянии. На рассмотрение их отдать бы г. Востокову. —

Г. Соколов не жалует г. Венелина по особенным причинам

Всё сие я свидетельствую славянским своим словом и честью. Всё правда, и без фигур. —

Похлопочите же во имя Божие, для пользы общей.

Хлеба [в] г. Венелину на два года, награду высочайшую. *Ваш М. П. 1833. Апреля 12.*

814. М. И. Калашников — Пушкину. 17 апреля 1833 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич,

При сем предпрвождаю к вашей милости достального оброку прошедшей трети 400 рублей

асигнациями, получил от вашей милости письмо, в котором изволите писать чтобы я взял жалованья, то я как могу без воли вашей себе положить сколько вашей милости пожелает я всем доволин сим буду ждать приказание, засим не отлагая времени вновь собирать будет оброк, нынечы очень трудно, по неурожаю хлеба мало у кого своего, многие покупали и поля засеять засим честь имею репортовать что при водчине вашей по сие число состоит благополучно. Засим честь [и]мею пребыть с истинным моим высокопочитанием и преданностию вам,

ваш милостивого государя всенижайший раб навсегда пребуду, Михаил Калашиников.

Апреля 17 дня 1833 года Село Болдино.

815. С. Л. Пушкин — Пушкину. Конец декабря 1832 г. — апрель 1833 г. Москва.

Г-н Дмитриев поручил мне напомнить тебе о нем. Он несколько раз говорил мне, что научился понимать и любить тебя, и что он очень тебя уважает. — Вчера я обедал у него с Чаадаевым, который также просил тебе передать тысячу приветов. — Он сказал мне, что всегда с удовольствием встречается со мною, так как я отец человека, которого он любит всем сердцем.

[Письмо написано на третьей странице следующего документа:]

Записка

о долговых документах, предъявленных в Лукояновскую дворянскую опеку ко взысканию с имени покойного коллежского ассесора Василья Львовича Пушкина

По заемным письмам

от князя Шаликова по 2-м — 3500.

— порутчика Савина — 1740.

— маиорши Поповой — 2-м 2500.

— служительницы г-жи Поповой, Александры Хлоповой — 500.

— купца Соколова — 2542.

— [от] купчихи Ворожейкиной — 50,000

— купца Шеметова — 2400

— офицерской дочери Горбовой — 2000

— тайного сове.[тника] Салтыкова — 2000

— купца Алешунина — 900.

— ротмистрши Безобразовой — 60000

от отпущеника Шухова — 5000

— мещанки Третьяковой — 2000.

— 135082.

Сверх сего по распискам и счетам на сумму — 5 260 р. 22 к.

816. И. И. Дмитриеву. Март-апрель 1833 г. Петербург. (Черновое)

М.[илостивый] г.[осударь] Ив.[ан] Ив.[анович],

Имея всегда счастье пользоваться благосклонностию В.[ашего] п.[ревосходительства], осмеливаюсь ныне обратиться к В.[ам] со всепокорне.[йшею] просьбою... Случай доставил в мои руки некоторые важные бумаги, касающиеся Пу.[гачева] (собственные письма Екат.[ерины], Биб.[икова], Рум.[янцева], Пан[ина], Держав[ина] и других). Я привел их в порядок и надеюсь их издать. В Историч.[еских] Записках (которые дай Бог нам прочесть возможно позже) вы говорите о П.[угачеве] — и, как очевидец, описали его смерть. Могу ли надеяться, что Вы, м.[илостивый] г.[осударь], не откажитесь занять место между знаменитыми людьми, коих имена и свидетельства дадут цену моему труду, и позволите поместить собственные Ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царств.[ования] Велик.[ой] Ек.[атерины]?

С глубоч.[айшим] почт.[ением] и совершенной преданно[стию] честь имею быть, м.[илостивый] г.[осударь] В.[ашего] выс[окопревосходительства] покор[нейший] слуга

817. П. А. Осиповой. Около (не позднее) 15 мая 1833 г. Петербург.

Простите, тысячу раз простите, милая [Парасковья Александровна], что я не сразу поблагодарил вас за ваше любезное письмо и за его прелестную виньетку. Мне мешали всевозможные заботы. Не знаю, когда буду иметь счастье явиться в Тригорское, но мне до-смерти этого хочется. Петербург совершенно не по мне, ни мои вкусы, ни мои средства не могут к нему приспособиться. Но придется потерпеть года два или три. Жена моя передает вам и Анне Николаевне тысячу приветствий. Моя дочь в течение последних пяти-шести дней заставила нас поволноваться. Думаю, что у нее режутся зубы. У нее до сих пор нет ни одного. Хоть и стараешься успокоить себя мыслью, что все это претерпели, но созданыица эти так хрупки, что невозможно без содрогания смотреть на их страдания. Родители мои только что приехали из Москвы. Они собираются к июлю быть в Михайловском. Мне очень хотелось бы поехать вместе с ними.

Адрес: Ее высочородию м. г. Прасковьи Александровне Осиповой. Во Псков.

818. Е. Ф. Розен — Пушкину. 29 мая 1833 г. Петербург.

Сомов скончался! Похороны состоятся завтра в десять часов; пригласительные билеты еще печатаются; мне поручили просить вас принять участие в похоронной процессии; прах его находится на [...]. Дайте мне знать, не помешает ли вам что-нибудь отдать последний долг покойному? Если нет, то мы могли бы отправиться туда вместе. Очень жаль его семью,

Весь ваш! Розен.

Сего 29 мая 1833.

Адрес: Милостивому государю господину Александру Пушкину от Розена.

819. П. И. Соколову. Конец (после 27) мая — начало июня 1833 г. Петербург. (Черновое)

Получив от Ваш[его] прев[осходительства] извещение о выборе г. сен[атора] Бара[нова] в члены Росс[ийской] Акад[емии], спешу доставить Вам избират.[ельный] свой голос.

С глубоча[йшим почтением]

820. В. Н. Семенов — Пушкину. 15 июня 1833 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Имею честь препроводить к Вам просмотренные и приготовленные для печати 2 первые части Ижорского; я сделал в них три или 4 бездельные перемены. — Если 3-я часть у меня в деревне не найдется, то по возвращении моем в С. П.[етербург] я буду просить Вас о доставлении мне другого списка оной.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть

Вашим, милостивый государь покорнейшим слугою, В. Семенов.

15 июня. 1833

821. Е. Ф. Розен — Пушкину. 19 июня 1833 г. Петербург.

Олег Муравьев вам кланяется и приглашает вместе со мною придти к нему на чашку чая в среду, на [Крестовский] остров. Соблаговолите уведомить меня, сможете ли вы исполнить его просьбу; в противном случае мне придется отправиться туда одному. Вам, вероятно, известно, что, катаясь верхом, он упал и сломал себе кость? Читали ли вы „Тасса“ Кукольника? Это не драматическое произведение, но сочинение весьма примечательное богатством и красотой мыслей. На этих днях он прочтет мне другую пьесу своего сочинения! (Джюлио Мости), которая некоторым образом является продолжением „Тасса“. Как это вы устраиваетесь, что вас нигде не видно? Мне бы очень хотелось зайти к вам, но я боюсь, что визит мой вам помешает. Будь у меня квартира в первом этаже, я

осмелился бы пригласить вас заглянуть ко мне. Из всех дней, проведенных мною на Крестовском, вчерашний был наиболее приятен; я не сомкнул глаз всю ночь: всё время писал. Простите мою болтовню! Начав беседу с вами, так легко забываешь обо всем на свете. Прощайте.

Сего 19 июня 1833.

Весь ваш! Розен.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину от Розена.

822. А. А. Ананьину. 26 июня 1833 г. Черная речка.

Милостивый государь Александр Андреевич

Быв у Вас и не имев удовольствия застать Вас дома, на всякой случай беру с собой письмо. Я собираюсь в деревню. Вы изволили обнадежить меня, что около нынешнего времени можно мне будет получить от Вас еще 2000 р. По моему счету мне более 1,500 р. не надобно. Смирдин готов в них поручиться. Буду ожидать ответа Вашего через городскую почту, если не угодно будет прислать его ко мне в город. Я живу на *Черной речке на Миллеровой даче.*

С истинным почтением и совершенной преданностью честь имею быть

Вашим покорнейшим слугою Александр Пушкин.

26 июня.

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Андреевичу Ананьину.

823. П. А. Осипова — Пушкину. 28 июня 1833 г. Тригорское.

28 июня 1833, Тригорское.

Я получила ваше милое письмо, мой дорогой, дорогой Александр, 20 мая, и так как в ту самую минуту, когда мне его подали, я писала вашей матушке, то я попросила ее поблагодарить вас за него; судя по вопросу вашей прелестной жены в письме к Анете, предполагаю, что Надежда Осиповна забыла вам это передать — поэтому с удовольствием вторично благодарю вас за это милое письмо, которое я действительно получила — и которое я сохраню вместе с полученными ранее. — Я перечитываю их иногда с таким же удовольствием, какое испытывает скряга, пересчитывая накопленные им горы золота. — Лошади из Михайловского уже давно высланы в распоряжение ваших родителей. — По моим расчетам, они неделю тому назад прибыли или должны были прибыть по назначению, — почему же их всё нет? Я начинаю беспокоиться. Что подельывает миленькая Маша? Как поживает моя прелесть Натали и вы? — Хотя вы мне упорно не верите, мне всё же кажется, что вы вторично станете отцом в этом месяце. — Это лето сильно напоминает лето 1826 года — та же удушающая жара, отсутствие дождей, — но вместе с тем какая разница!!! — Вам уже известно, что Евпраксия разрешилась девочкой Марией. — Мой Алексей сердится, не получая отставки, а Валериан, который проводит здесь каникулы, хочет идти в студенты. — Бывают минуты, когда я хотела бы иметь крылья, чтобы увидеть вас хоть на мгновение и затем вернуться, — но это безрассудно, неправда ли? — Возвращаюсь к прежнему. Почему ваши родители не едут? Привет. Жара спала, пойду бродить по саду, думать о вас, о прошлом — с надеждой, что в будущем мы еще побродим там вместе — обнимаю очаровательницу Натали и прошу ее уделить крошечное местечко в своей памяти для

П. О.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Александру Сергеевичу Пушкину в С. Петербурге, в Гороховой улице в доме Жадимировского.

824. Е. Шишкова — Пушкину. Вторая половина июня 1833 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

После тава как я вас видела, я все време была больна, и потаму не магла вас видеть, и что-нибудь доброе усшлышуть: вчера я только от Александр Семеновича узнала, что по вашему предложению,

многие члены согласны на то, чтобы все, что я хатела издать после моего мужа, было напечатано в Академии: я вчера была у вас, чтобы лично благодарить вас! вас, как виновника этого благодеяния, и в лице вашем всех господ членов Российской Академии, которые были так милостивы, что не отвергли помочь сколько от них зависило! Сколь не горка моя участь! но, эта черта меня поддерживает; — не помощь конешно сделанная мне, нет, она меня не может сделать счастливой, могу быть покойней от нее; но, меня утешает то, что есть люди, принимающие во мне участие! об которых в самых моих бедзтвах я могу сказать, что я не совсем одна! Благодарность моя столь вилика, сколь много может чувствовать смертный!

Я бы жылала очень вас видеть чтобы посоветоватца на счот подписки; но не знаю, в которое време можно вас застать дома. Я надеюсь, что если вам време позволит, что вы не откажете поситить меня, чем много, примного обяжете:

Астаюсь с истинным почтением милостивый государ! *готовая к услугам К. Шишкова.*

Адрес: Его высокоблагор[одию] милостивому го[сударю] Александр Сер[геевичу] Пушкину.

825. А. А. Башилов — Пушкину. 7 июля 1833 г. Торжок.

Милостивый государь! Александр Сергеевич!

Я уверен, что вы не совсем забыли того, который первым вам обязан развитию малых своих способностей; вы поощряли меня на поприще словестности, и мои слабые начинания были освящены здоровой и отчетливой вашей критикой. Я никогда не забуду времени, проведенного мною с вами в Москве; те дни памятны моему сердцу, и в теперешнем моем положении, гонимый и преследуемый роком, осталась мне одна только отрада Воспоминание. Прошу вас принять с снисхождением, свойственным вашему гению, сей слабый труд моего мгновенного досуга; и если вы его найд[ете] достойным вашего взрениа, то я вполне буду вознагражден за все неприятности, с которыми сопряжено звание поэта ремесленника XIX столетия. Служа в военной службе, то есть: пресмыкаясь, а не существуя, я не имел случая сам наблюдать за изданием; вот причина, почему неумолимая цензура, простирающаяся даже на конфетные билеты, и копотливая коректура, столь необходимая в русских типографиях, исказили в некоторых отношениях мою новорожденную Поселянку.

С истинным почтением и таковою же преданностию имею честь быть вашим покорнейшим слугою

Александр Башилов. 7-го июля Г. Торжок.

826. А. А. Ананьину. Первая половина (до 12) июля 1833 г. Черная речка.

Милостивый государь Абрам Алексеевич

Смирдин на днях приехал из Москвы. Он согласен за меня поручиться. Прошу Вас назначить мне день, когда можно будет нам кончить дело.

С истинным почтением честь имею быть милостивый государь *Ваш покорнейший слуга А. Пушкин.*

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Абраму Алексеевичу Ананьину etc. etc. от А. Пушкина.

827. М. А. Корф — Пушкину. 6-13 (?) июля 1833 г. Петербург.

Прибегаю к тебе опять, любезный Александр Сергеевич, с всепокорнейшею и всеубедительнейшею просьбою в пользу того же человека, за которого я однажды уже тебя просил. Н. М. Бакунин узнал, что почтенный наш Смирдин намеревается издавать журнал на большую ногу, при котором ему конечно нельзя будет обойтись без переводчика: семейственные и хозяйственные дела заставляют его искать себе труда, который мог бы доставить ему верный кусок хлеба, а тебе уже по опыту известно, что он, зная хорошо языки французский, немецкий, английский и итальянский и

владея свободно русским, может быть хорошим переводчиком; в деятельности же его и усердии служит вернейшим ручательством то, что он без такого, постороннего службе занятия обойтись *не может*. Твое слово для Смирдина конечно закон, а произнеся это слово, ты обеспечишь некоторым образом состояние отца семейства, который, кроме деятельности и способов умственных, почти *vis-à-vis de rien* ⁴³. Я не говорю, что ты этим истинно обяжешь и старого товарища, ибо после первого мотива этот уже едва ли что-либо значит. С нетерпением ожидаю твоего ответа и надеюсь, по старой памяти твоего доброго сердца, что ты не откажешься быть меценатом моего бедного друга.

Весь твой М. Корф.

Поздравляю тебя с новым произведением особенного рода, над которым да будет благословение Божие.

828. М. А. Корфу. 14 (?) июля 1833 г. Петербург или Черная речка.

Сей час был у Смирдина и кажется дело сделано. Н.[иколай] М.[одестович] может приехать к нему для окончательных условий; я бы советовал ему справиться сперва [справиться] о том, что берут обыкновенно за переводы *tant la feuille* ⁴⁴ и требовать ту же цену; таким образом он верно получит более, нежели условясь брать годовую плату. В случае какого-нибудь затруднения пусть он располагает мною, я готов ему служить от всей души.

Радуюсь, что на твое дружеское письмо мог отвечать удовлетворительно и исполнить твое приказание. Сердечно благодарю за поздравления.

Весь твой Александр Пушкин.

Пятница.

Адрес: Его превосходительству милостивому государю Модесту Андреевичу барону Корфу etc.

829. Г. И. Спасскому. Июнь — 18 июля 1833 г. Черная речка.

Милостивый государь Григорий Иванович

смеливаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою. Мне сказывали, что у вас находится любопытная рукопись Рычкова, касающаяся времен Пугачева. Вы оказали бы мне истинное благодеяние, если б позволили пользоваться несколько дней сею драгоценностию. Будьте уверены, что я возвращу Вам ее в всей исправности и при первом Вашем востребовании.

С истинным почтением и совершенной преданностию честь имею быть милостивый государь

Ваш покорнейший слуга Александр Пушкин.

Черная речка Вторник.

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Григорию Ивановичу Спасскому etc. etc.

830. А. Х. Бенкендорфу. 22 июля 1833 г. Черная речка. (Черновое)

Генерал.

Обстоятельства принуждают меня вскоре уехать на 2–3 месяца в мое нижегородское имение — мне хотелось бы воспользоваться этим и съездить в Оренбург и Казань, которых я еще не видел. Прошу его величество позволить мне ознакомиться с архивами этих двух губерний.

831. А. Н. Мордвинов — Пушкину. 29 июля 1833 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Г. генерал-адъютант граф Бенкендорф письмо Ваше от 22 сего июля, имел счастье представлять государю императору.

⁴³ ничего не имеет.

⁴⁴ по столько-то за лист.

Его величество, соизволяя на поездку Вашу в Дерпт для посещения г-жи Карамзиной, изъявил высочайшую свою волю знать, что побуждает Вас к поездке в Оренбург и Казань, и по какой причине хотите Вы оставить занятия, здесь на Вас возложенные?

Сообщая Вам, за отсутствием генерал-адъютанта графа Бенкендорфа, сию высочайшую государя императора волю, я покорнейше прошу Вас, милостивый государь, доставить мне отзыв Ваш, для доведения до сведения его величества.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть,
милостивый государь, Ваш покорнейший слуга Александр Мордвинов.
29 июля 1833. Его высокоб[лагороди]ю А. С. Пушкину.

832. А. Н. Мордвинову. 30 июля 1833 г. Черная речка. (Вторая черновая редакция)

Милостивый государь Александр Николаевич,

Спешу ответить со всею искренностию на вопросы Вашего превосходительства.

В продолжении двух последних лет занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки чисто литературной. Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду. Мне самому совестно тратить время на суетные занятия, но что делать? они одни доставляют мне независимость и способ прожить с моим семейством в Петербурге, где труды мои, благодаря государя, имеют цель более важную и полезную.

Кроме жалования, определенного мне щедростию его величества, нет у меня постоянного дохода; между тем жизнь в столице дорога и с умножением моего семейства умножаются и расходы.

Может быть государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь, *Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.*

30 июля Черная речка.

833. В ресторан. Июль 1833 г. (?) Петербург.

Пулярку и бутылку лафиту. А. Пушкин.

834. П. В. Нащокину (?). Июль 1833 г. (?) Петербург или Черная речка (?).

Посылаю тебе мою образину. Скажи, сколько [стои[т]] хочешь ты за свою карету? есть покушники. А. П.

835. А. Н. Мордвинов — Пушкину. 7 августа 1833 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Г. генерал-адъютант граф Бенкендорф поручил мне Вас, милостивый государь, уведомить, что его императорское величество дозволяет Вам, согласно изъявленному Вами желанию, ехать в Оренбург и Казань, на четыре месяца.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, ваш покорнейший слуга Александр Мордвинов.

№ 3629. 7-го августа 1833. Его высокоблагор.[одию] А. С. Пушкину.

836. Н. И. Гончаровой. первая половина августа 1833 г. Черная речка. (Черновое)

Милостивая государыня матушка Наталья Ивановна Вчера получили мы письмо Ваше и сердечно благодарим Вас за

837. Н. Н. Пушкиной. 20 августа 1833 г. Торжок.

Торжок. Воскресение.

Милая женка, вот тебе подробная моя Одисея. Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веровка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше, и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастью ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел всё это время. Что-то было с Вами, Петербургскими жителями? Не было ли у вас нового наводнения? что, если и это я прогулял? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы с Соболевским шли пешком 15 верст, убивая по дороге змей, которые обрадовались с дуру солнцу и выползали на песок. Вчера прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский свирепствовал за нечистоту белья. Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно, а теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец — а Соболевского оставляю на едине с швейцарским сыром. Вот, мой ангел, подробный отчет о моем путешествии. Ямщики закладывают коляску шестерней, страшая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону в луже, подобно Анрепу, буду писать тебе из Ярополища. От тебя буду надеяться письма в Синбирске. Пиши мне о своей груднице и о прочем. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай 26-го. Да бишь! не с кем. Однако всё-таки не кокетничай. Кланяюсь и цалую ручку с Ермоловской нежностью Катерине Ивановне. Тебя цалую крепко и всех вас, благословляю тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому, когда увидишь, скажи ему, что мне буря помешала с ним проститься и поговорить об Альманаке, о котором буду хлопотать дорогою.

Адрес: Наталии Николаевне Пушкиной. В Санктпетербург на Черной Речке на даче Миллера.

838. Н. Н. Пушкиной. 21 августа 1833 г. Павловское.

Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о которых вероятно я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решил их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому 5 лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники; но и та уж поло мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш etc. живет управитель Парасковии Александровны, Рейхман, который поподчивал меня шнапсом. Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу. Здесь объедаюсь я вареньем и проиграл три рубля в дватцать четыре роббера в вист. Ты видишь, что во всех отношениях я здесь безопасен. Много спрашивают меня о тебе; так же ли ты хороша, как сказывают — и какая ты: брюнетка или блондинка, худинькая или плотнинькая? Завтра чем свет отправляюсь в Ярополищ, где пробуду несколько часов и отправлюсь в Москву, где, кажется, должен буду остаться дня три. Забыл я тебе сказать, что в Ярополище (виноват: в Торжке) толстая М-ль Пожарская, та самая, которая варит славный квас и жарит славные котлеты, провожая меня до ворот своего трактира, отвечала мне на мои нежности: стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я встретья ее (?) ахнула. А надобно тебе знать, что М-ль Пожарская ни дать ни взять Мадам Жорж, только не много постаре. Ты видишь, моя женка, что слава твоя распространилась по всем уездам. Довольна ли ты? будьте здоровы все; помнит ли меня Маша, и нет ли у ней новых затей? Прощай, моя плотнинькая брюнетка (что ли?). Я веду себя хорошо, и тебе не за что на меня дуться. Письмо это застанет тебя после твоих имянин. Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, [ч]то с твоим лицом ничего

сравнить нельзя н[а све]те — а душу твою люблю я еще более твоего лица. Прощай, мой ангел, цалую тебя крепко.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Петербурге, на Черной речке на даче Миллера.

839. Н. Н. Пушкиной. 26 августа 1833 г. Москва.

26 авг. Москва.

Поздравляю тебя со днем твоего ангела, мой ангел, цалую тебя заочно в очи — и [начинаю даль[нейшее][?]] пишу тебе продолжение моих походов — из антресолей вашего Никитского дома, куда прибыл я вчера благополучно из Ярополица. В Ярополиц приехал я в среду поздно. Наталья Ивановна встретила меня как нельзя лучше. Я нашел ее здоровою, хотя подле нее лежала палка, без которой далеко ходить не может. Четверг я провел у нее. Много говорили о тебе, о Машке, и о Кат.[ерине] Ив.[ановне]. Мать, кажется, тебя к ней ревнует; но хотя она по своей привычке и жаловалась на прошедшее, однако с меньшей уже горечью. Ей очень хотелось бы, чтоб ты будущее лето провела у нее. Она живет очень уединенно и тихо в своем разоренном дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки Дорошенки, к которому ходил я на поклонение. Сем.[ен] Фед.[орович], с которым мы большие приятели, водил меня на его гробницу и показывал мне прочие достопамятности Ярополица. Я нашел в доме старую библиотеку, и Нат.[алья] Ив.[ановна] позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с варением и наливками. Таким образом набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен.

Теперь, женка, послушай, что делается с Дм.[итрием] Ник.[олаевичем]. Он как владетельный принц влюбился в гр.[афиню] Н.[адежду] Черн.[ышеву] *по портрету*, услыша, что она девка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ездил он в Ярополец в надежде ее увидеть, и в самом деле ему удалось застать ее в церкви. Вот он и полез на стены. Пишет [он] из Заводов, что он без памяти от прелестной и божественной графини, что он ночи не спит, и что ее прелестный образ и т. д. и непременно требует от Нат.[альи] Ив.[ановны], чтоб она просватала за него прелестную и божественную графиню. Нат.[алья] Ив.[ановна] поехала к Кругликовой и выполнила комиссию. Позвали божественную и прелестную, которая отказала наотрез. Нат.[алья] Ив.[ановна] беспокоится о том, какое действие произведет эта весть. Я полагаю, что он не застрелится. Как ты думаешь? А надобно тебе знать, что он дело затеял еще зимою и очень подозревал божественную и прелестную графиню в склонности к Муравьеву (святому). Для сего он со всевозможною дипломатическою тонкостью пришел однажды спросить его, как Скотинин у своего племянника: *Митрофан, хочешь ли ты жениться?* Видишь какой плут! и нам ничего не сказал. Муравьев отвечал ему, что скорей он будет монахом, а брат и обрадовался, и ну просить у графини ее сердца и руки, уверяя ее письменно что он не в своей тарелке. Я помирал со смеху, читая его письмо, и жалею, что не выпросил его для тебя.

Из Яроп.[ольца] выехал я ночью и приехал в Москву вчера в полдень. Отец меня не принял. Говорят, он довольно тих. Нащокин сказывал мне, что деньги Юрьева к тебе посланы. Теперь я покоен. Соболевский здесь incognito прячется от заимодавцев, как настоящий gentlemen, и скупает свои векселя. Дорогой вел он себя порядочно и довольно верно исполнил условия, мною ему поднесенные, а именно: 1) платить прогоны пополам, не обсчитывая товарища. 2) Не [-] ни явным, ни тайным образом, разве во сне и то ночью, а не после обеда. В Москве пробуду я несколько времени, то есть два или три дня. Коляска требует подправок. Дороги проселочные были скверные: меня насилу тащили шестерней. В Казане буду я около [первого] третьего. Оттоле еду в Симбирск. Прощай, береги себя. Цалую всех вас. Кланяйся Кат.[ерине] Ивановне.

840. Н. Н. Пушкиной. 27 августа 1833 г. Москва.

Вчера были твои именины, сегодня твое рождение. Поздравляю тебя и себя, мой ангел. Вчера пил я твое здоровье у Киреевского с Шевыревым и Соболевским; сегодня буду пить у Суденки. Еду после завтра — прежде не будет готова моя коляска. Вчера, приехав поздно домой, нашел я у себя на

столе карточку Булгакова, отца красавиц, и приглашение на вечер. Жена его была также имянинница. Я не поехал за неимением бального платья, и за небритие усов, которые отрошаю в дорогу. Ты видишь, что в Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. На Тверском бульваре [гуляют] попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фурашке, да кн. Шаликов. Был я у Погодина, который говорит женат на красавице. Я ее не видал и не могу всеподданнейше о ней тебе донести. Нащокина не видал целый день. Чадаев потолстел, похорошел и поздоровел. Здесь Раевский Николай. Ни он, ни брат его не умирали — а умер какой-то бригадир Раевский. Скажи Вяземскому, что умер тезка его князь Петр Долгорукой — получив какое-то наследство, и не успев его промотать в Англ.[ийском] клобе, о чем здешнее общество весьма жалеет. В клобе я не был — чуть ли я не исключен, ибо позабыл возобновить свой билет. Надобно будет заплатит 300 рублей штрафа, а я весь Английский клоб готов пролат за 200. Здесь Орлов, Бобринский и другие мои старые знакомые. Но мне надоели мои старые знакомые — никого не увижу. Важная новость: французские вывески, уничтоженные Разтопчиним в год, когда ты родилась, появились опять на Кузнецком мосту. По своему обыкновению бродил я по книжным лавкам, и ничего путного не нашел. Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня, что не советую Машке капризничать и воевать с нянею: прибью. Цалую тебя. Кланяюсь тетке — благословляю Машку с Сашкой.

841. Н. Н. Пушкиной. 2 сентября 1833 г. Нижний-Новгород.

2 сентября Нижний-Новг.

Перед отъездом из Москвы я не успел тебе писать. Нащокин провожал меня шампанским, жженкой и молитвами. Каретник насилу выдал мне коляску; нет мне счастья с каретниками. Дорога хороша, но под Москвою нет лошадей, я повсюду ждал несколько часов и насилу дотащился до Нижнего сегодня, т. е. в пятые сутки. Успел только съездить в баню, а об городе скажу только тебе улицы широкие и хорошо мощеные, дома построены основательно. Еду на ярманку, которая свои последние штуки показывает, а завтра отправляюсь в Казань.

Мой ангел, кажется я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь, М Мадам Сихлер и т. д., у тебя нехватает денег, Смирдин перед тобой извиняется, ты беспокоишься — сердишься на меня — и поделом. А это еще хорошая сторона картины — что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другие, непредвиденные случаи... Пугачев не стоит этого. Того и гляди, я на него плюну — и явлюсь к тебе. Однако буду в Синбирске, и там ожидаю найти писем от тебя. Ангел мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебе из деревни привезу товару на сто рублей, как говорится. Что у нас за погода! дни жаркие, с утра маленькие морозы — роскошь! так ли у Вас? Гуляешь ли ты по Черной Речке или еще в заперти? Во всяком случае береги себя. Скажи тетке, что хоть я и ревную ее к тебе, но прошу Христом и Богом тебя не покидать и глядеть за тобою. Прощайте, дети, до Казани. Цалую всех вас равно крепко — тебя в особенности.

Адрес: Ее высокоблагородию Натальи Николаевне Пушкиной. В С. Петербурге на Черной Речке на даче Миллера.

842. Н. Н. Пушкиной. 2 сентября 1833 г. Нижний-Новгород.

Мой ангел, я писал тебе сегодня, выпрыгнув из коляски и одурев с дороги. Ничего тебе не сказал и ни о чем всеподданнейше не донес. Вот тебе отчет с самого Натальина дня. Утром поехал я к Булгакову извиняться и благодарить, а между тем и выпросить лист для зрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки. У него застал я его дочерей, и Всеволожского le соси, который скачет из Казани к Вам в П.[етер]Б.[ург]. Они звали меня на вечер к Пашковым на дачу, я не поехал, жалея своих усов, которые только лишь оцетинились. Обедал у Суденки моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и он женат, и он сделал двух ребят,

и он перестал играть — но у него 125.000 дохода, а у нас, мой ангел, это впереди. Жена его тихая, скромная не-красавица. Мы отобедали втроем и я, без церемонии, предложил здоровье моей имянинницы, и выпили мы все не морщась по бокалу шампанского. Вечер у Нащокина, да какой вечер! шампанское, лафит, зазженный пунш с ананасами — и всё за твое здоровье, красота моя. На другой день в книжной лавке встретил я Н.[иколая] Раевского. Собачий сын, сказал он мне с нежностью, почему ты не зашел ко мне? — Скотина, — отвечал я ему с чувством, что ты сделал с моей малороссийской рукописью? После сего поехали мы вместе как ни в чем не бывало, он держа меня за ворот всенародно, чтоб я не выскочил из коляски. Отобедали вместе глаз на глаз (виноват: втроем с бутылкой мадеры). Потом, для разнообразия жизни, провел опять вечер у Нащокина; на другой день он задал мне прощальный обед со стерледами и с жженкой, усадили меня в коляску, и я выехал на большую дорогу.

Ух, женка, страшно! теперь следует важное признание. Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твое сердечко? Я нарочно тянул письмо рассказами о московских моих обед[ах] чтоб как можно позже дойти до сего рокового места; ну, так уж и быть, узнай, что на второй станции, где не давали мне лошадей, встретил я некоторую городничиху, едушую с теткой из Москвы к мужу и обижаемую на всех станциях. Она приняла меня [за зрителя] весьма дурно и на распев начала меня усовещивать и уговаривать: как вам не стыдно? на что это похоже? две тройки стоят на конюшне, а вы мне ни одной со вчерашнего дня не даете. — Право? сказал я и пошел взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не зритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которую имела она всевозможные права, а сам нанял себе другую, т. е. третью, и уехал. Ты подумаешь: ну, это еще не беда. Постой, женка, еще не всё. Городничиха и тетка так были восхищены моим рыцарским поступком, что решились от меня не отставать и путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно и согласился. Таким образом и доехали мы почти до самого Нижнего — они отстали за 3 или 4 станции — и я теперь свободен и одинок. Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вот то-то что не хороша, ангел мой Таша, о том-то я и горюю. — Уф! кончил. Отпусти и помилуй.

Сегодня был я у губернатора ген.[ерала] Бутурлина. Он и жена его приняли меня очень мило и ласково; он уговорил меня обедать завтра у него. Ярманка кончилась — я ходил по опустелым лавкам. Они сделали на меня впечатление бального разезда, когда карета Гончаровых уж уехала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и ее тетку — я всё еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно цалую куда ни попало. Прощай, красавица моя, кумир мой, прекрасное мое сокровище, когда же я тебя опять увижу?...

843. Н. Н. Пушкиной. 8 сентября 1833 г. Казань.

Мой ангел, здравствуй. Я в Казани с 5, и до сих пор не имел время тебе написать слова. Сей час еду в Симбирск, где надеюсь найти от тебя письмо. Здесь я возился со стариками современниками моего героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону. Погода стоит прекрасная, чтоб не сглазить только. Надеюсь до дождей объехать всё, что предполагал видеть, и в конце сент.[ября] быть в деревне. Здорова ли ты? здоровы ли все вы? Дорогой я видел головую девочку, которая бегает на карачках, как котенок, и у которой уже два зубка. Скажи это Машке. Здесь Баратынский. Вот он ко мне входит. До Симбирска. Я буду говорить тебе о Казани подробно — теперь некогда. Цалую тебя.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В Петербурге на Черной речке на даче Милера.

844. А. А. Фукс. 8 сентября 1833 г. Казань.

8 сентября 1833 года.

Милостивая государыня, Александра Андреевна! С сердечной благодарностию посылаю вам мой адрес и надеюсь, что обещание ваше приехать в П.[етер]б.[ург] не есть одно любезное приветствие.

Примите, милостивая государыня, изъявление моей глубокой признательности за ласковый прием путешественнику, которому долго памятно будет минутное пребывание его в Казани. С глубочайшим почтением честь имею быть.

845. Н. Н. Пушкиной. 12 сентября 1833 г. Языково.

Село Языково, 65 верст от Симбирска. 12 сент.

Пишу тебе из деревни поэта Языкова, к которому заехал и не нашел дома. Третьего дня прибыл я в Симбирск и от Загряжского принял от тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангел — но я всё-таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом. Как тебе не совестно! Не могла ты мне сказать в четырех строчках о себе и о детях. Ну, так и быть. Дай Бог теперь быть тебе здоровой. Я рад, что Сергей Ник.[олаевич] будет с тобою, он очень мил и тебе не надоеет. Об Ив.[ане] Ник.[олаевиче] говорить нечего. Надеюсь, что свадьба его расстроится. По всему видно, что всё семейство воспользовалось расстроенным его состоянием, чтоб заманить его в сети. Вероятно и начальство, если дело дойдет до начальства, примет это в соображение. Должно будет поплатиться деньгами. Если девица не брюхата, то беда еще не велика. А с отцом и с дядей-башмачником дуэля кажется не будет. Если дом удобен, то нечего делать, бери его — но уж по крайней мере, усиди в нем. Меня очень беспокоят твои обстоятельства, денег у тебя слишком мало. Того и гляди сделаешь новые долги, не расплоться со старыми. Я путешествую кажется с пользой, но еще не на месте и ничего не написал. И сплю и вижу приехать в Болдино, и там запереться.

Из Казани написал я тебе несколько строчек — некогда было. Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной blue stockings ⁴⁵ сороколетней, несносной бабе с вощеными зубами и с ногтями в грязи. Она развернула тетрадь и прочла мне стихов с двести, как ни в чем не бывало. Баратынский написал ей стихи и с удивительным бесстыдством расхвалил ее красоту и гений. Я так и ждал, что принужден буду ей написать в альбом — но Бог помиловал, однако она взяла мой адрес и страшает меня перепискою и приездом в П.[етер]Б.[ург], с чем тебя и поздравляю. Муж ее умный и ученый немец, в нее влюблен и в изумлении от ее гения; однако он одолжил меня очень — и я рад, что с ним познакомился. Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора и к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия.

Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина. Я провел с [ним] вечер и оставил его для тебя, а теперь оставляю тебя для него. Прости, ангел женка. Цалую тебя и всех вас — благословляю детей от сердца. Береги себя. Я рад, что ты не брюхата. Кланяюсь Кат.[ерине] Ив.[ановне] и брату С.[ергею].

Пиши мне в Болдино.

846. Н. Н. Пушкиной. 14 сентября 1833 г. Симбирск.

14 Симбирск.

Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Чорт его побери, дорого бы дал я, чтоб его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по 6 лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? не отъехал я и пяти верст. Гора — лошади не взвезут — около меня человек 20 мужиков. Чорт знает как Бог помог — наконец взъехали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы дал я, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал. Теперь еду опять другим трактом. Авань без приключений. Я всё надеялся, что получу здесь в утешение хоть известие о тебе — ан нет. Что ты, моя женка? какова ты и дети. Цалую и благословляю вас. Пиши мне часто и о всяком

⁴⁵ синему чулку.

вздоре, до тебя косящимся. Кланяюсь тетке.

Адрес: Ее превосходительству милостивой государыне Екатерине Ивановне Загряжской. В С. Петербург в Зимнем дворце. Для дост.[авления] Н. Н. Пушкиной.

847. Н. Н. Пушкиной. 19 сентября 1833 г. Оренбург.

19 сент. Оренбург.

Я здесь со вчерашнего дня. На силу доехал, дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к Яицким казакам, пробуду у них дни три — и отправляюсь в деревню через Саратов и Пензу.

Что, женка? скучно тебе? мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да не лъзя, мой ангел. Взялся за гуж, не говори, что не дюж — то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит — я и в коляске сочиняю, что ж будет в постеле? Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные, дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только. Свет-то мой Иполит! к стати о Хамовом племени: как ты ладишь своим домом? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь ли ты кого? На женщин надеюсь, но с мужчинами как тебе ладить? Всё это меня беспокоит — я мнителен, как отец мой. Не говорю уж о детях. Дай <ог им здоровья — и тебе, женка. Прощай, женка. Не жди от меня уж писем, до самой деревни. Целую тебя и вас благословляю.

Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю — и на днях отказался от башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: На чужой сторонке и старушка божий дар. То-то, женка. Бери с меня пример.

Адрес: [Ее высокородию м. г. Наталье Николаевне Пушкиной] Ее превосходительству милостивой государыне Катерине Ивановне Загряжской В С. Петербург в Зимнем дворце про[шу] дост.[авить] Н. Н. Пушкиной.

848. В. Я. Мызников — Пушкину. 19 сентября 1833 г. Витебск.

Милостивейший государь Александр Сергеевич!

Удостоите вспомнить того военного офицера, который два года тому назад спешил к Вам, по приезде в столицу, с изъявлением своего уважения! Разделяя, вместе с другими просвещенными моими соотечественниками, любовь к российской поэзии, которую Вы поселили в нас своими вековыми творениями, я решился теперь на подвиг довольно смелый: посвятить Вам одно из произведений моих кратких военных досугов. Почту себя счастливым, если Вы позволите оному украситься Вашим именем: для Парнасского новичка это будет ободрением самым лестным!

С чувством глубочайшего почтения имею честь быть *Вашим милостивейший государь!* покорнейшим слугой Василий Мызников.

19-го сентября 1833-го года. Г. Витебск.

Ежели Вам угодно будет удостоить Вашего искреннего почитателя своим отзывом, то мой адрес: Вас.[илию] Яковлев.[ичу] Мыз.[никову], адъютанту князя Хованского, лейб-гвардии Гренадерского полка подпоручику — в Витебск.

849. Н. Н. Пушкиной. 2 октября 1833 г. Болдино.

2 окт.

Милый друг мой, я в Болдине со вчерашнего дня — думал здесь найти от тебя письма, и не нашел ни одного. Что с вами? здорова ли ты? здоровы ли дети? сердце замирает, как подумаешь. Подъезжая к Болдину, у меня были самые мрачные предчувствия, так что, не нашел о тебе никакого известия, я

почти обрадовался — так боялся я недоброй вести. Нет, мой друг: плохо путешествовать женатому; то ли дело холостому! ни о чем не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Последнее письмо мое должна ты была получить из Оренбурга. Оттуда поехал я в Уральск — тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, на перерыв давали мне все известия, в которых имел нужду — и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной. При выезде моем (23 сентября) вечером пошел дождь, первый по моем выезде. Надобно тебе знать, что нынешний [год] была всеобщая засуха, и что Бог угодил на одного меня, уготовя мне везде прекраснейшую дорогу. На возвратный же путь послал Он мне этот дождь, и через полчаса сделал дорогу непроходимой. Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав верст 50 на санях. Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал [отобедать], застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда. Въехав в границы Болдинские, встретил я попов, и так же озлился на них, как на симбирского зайца. Недаром все эти встречи. Смотри, женка. Того и гляди избалуешься без меня, забудешь меня — искокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранят тебя от искушений рассеянности. Честь имею донести тебе, что с моей стороны я перед тобою чист, как новорожденный младенец. Дорогою волочился я за одними 70 и 80-летними старухами — а на молоденьких [-] шестидесятилетних и не глядел. В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я удачу — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал, виноват: и про тебя не подумал. Теперь надеюсь многое привести в порядок, многое написать и п[отом] к тебе с добычею. В воскресенье приходит почта в Абрамово, наде[юсь] письма — сегодня понедельник, неделю буду его ждать. Прости — оставляю тебя для Пуг[ачева]. Христос с Вами, дети мои. Цалую тебя, женка — будь умна и здорова.

Адрес: Ее превосходительству милостивой государыне Катерине Ивановне Загряжской в С. Петербург В Зимнем Дворце. Пр.[ошу] дост.[авить] Н. Н. Пушкиной.

850. В. Ф. Одоевский и С. А. Соболевский — Пушкину. 28 сентября и 2 октября 1833 г.

[В. Ф. Одоевский:]

Скажите, любезнейший Александр Сергеевич: что делает наш почтенный г. Белкин? Его сотрудники Гомозейко и Рудый Панек по странному стечению обстоятельств описали: первый — *гостиную*, второй — *чердак*: нельзя ли г. Белкину взять на свою ответственность — *погреб*, тогда бы вышел весь дом в три этажа и можно было бы к *Тройчатке* сделать картинку, представляющую разрез дома в 3 этажа с различными в каждом сценами; Рудый Панек даже предлагал самым альманахам назвать таким образом: *Тройчатка, или Альманах в три этажа*, соч.[инение] и проч. — что на это всё скажет г. Белкин? Его решение нужно бы знать немедленно, ибо заказывать картинку должно теперь, иначе она не успеет и Тройчатка не выдет к новому году, что кажется необходимым. — А что сам Александр Сергеевич?

Одвск.

С.-Петер. 28 сент. 1833.

Я видел Жуковского — он помолодел и поздоровел; нет и тени прежнего больного лица. Мысль трех-этажного альманаха ему очень нравится.

Мой Адрес: На Дворцовой набережной, в Мошковом переулке, в доме Ланской, кн.[язю] Влад.[имиру] Федор.[овичу] или на имя кн.[язя] Вяземского.

[С. А. Соболевский:]

2 октября.

Вот тебе цидула Одоевского. Я здесь с пятого числа едва — прошлого месяца, и чорт меня знает, сколько еще пробуду. Хлопочу (будто бы) об делах, стряпаю песенник и другие славные вещи, в том числе Вяземского в одном томе, в два столбца..

Так как об ваших Северных Цветах ни слуху, ни духу, то издам я таковой, да издам на славу, с рисунками офортном, в духе Рембрандта, Гагарина. Он малый с истинным талантом, а не так, как я

думал, только с навыком и набитою рукой. У него прелестные рисунки к „Ночным рассказам“ Гофмана, и мне очень жаль, что мало был он в Москве и следственно не мог взглянуться в наше старинное рисование, то есть в нашу архитектуру, в нашу древнюю утварь, в наше готическое, которое удивительно способно к разнообразию и прикрасе; однакож и тут попытки у него славные.

Христа ради, Александр Сергеевич, стишков и прозы, прозы и стишков, на обеды, на вино, на лошадей, на [-] и Бог знает на что еще. Дело в том, что я положил себе к 1-му маю выработать и выпросить 20,000. Вымолю и [...] выработаю. Прошу помогать. 46

Напиши мне словечко на имя Ивана Васильевича Киреевского, у Красных ворот, в доме Елагиной, в Москве. Желал бы стихотворную пьесу повествовательную, способную к рисункам, ибо на нее-то напустили бы Гагарина.

Остаюсь здесь еще несколько дней; потом в Москву; потом опять сюда; потом опять в Москву и опять сюда к генварю.

Жену твою видел раза два в театре. Вяземская воротилась из Дерпта. Привези-ко сушеных стерлядей; это очень хорошо; да и балыков не мешало б. Всё это завязать в рогожу в подвязать под коляску; нет никакой помехи.

Твой Соболевский.

851. Н. Н. Пушкиной. 8 октября 1833 г. Болдино.

Мой ангел, сейчас получаю от тебя вдруг два письма, первые после Симбирского. Как они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь в Нижегородскую губ.[ернию] в село Абрамово, оттуда etc. А об уезде ни словечка. Не забудь прибавлять в *Арзамасском уезде*; а то чего доброго, в Нижегородской губ.[ернии] может быть и не одно село Абрамово; так, как не одно село Болдино. Две вещи меня беспокоят: то, что я оставил тебя без денег, а может быть и брюхатую. Воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава Богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но дом наняла. Не страшай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась; я приеду к тебе, ничего не успею написать — и без денег сядем на мель. Ты лучше оставь уж меня в покое, а я буду работать и спешить. Вот уж неделю как я в Болдине, привожу в порядок мои записки о Пут.[ачеве], а стихи пока еще спят. Коли царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяч 30 чистых денег. Заплотим половину долгов, и заживем припеваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковского, поцалуй его за меня и поздравь с возвращением и звездою; каково его здоровье? напиши. Карамзиным и Мещерским мой сердечный поклон. Софьи Николаевне объясни, что если я не был к ним в Дерпт, то это единственно по недостатку прогонов, которых не хватило на лишние 500 верст. А не писал им, полагая всё приехать. Жаль, что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительна смешна после своей поездки в Германию; Безобразов умно делает, что женится на к.[няжне] Хилковой. Давно бы так. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой век за чужими женами и выдавать за свои чужие стихи. Не кокетничай с Соболевским и не сердись на Нашекина; слава Богу, что он прислал 1500 р. — а о 180 не жалею; плюнь, да и только. Что такое 50 р., присланные тебе моим отцем? уж не проценты ли 550, которых он мне должен? Чего доброго? Здесь мне очень советуют взять на себя наследство Василья Львовича; и мне хочется, но для этого нужны во-первых деньги, а во-вторых свободное время; а у меня ни того, ни другого. Какова Краевская? недаром Отрежков за ней волочился. Не думал я попасть в ее мемории и таким образом достигнуть бессмертия. Кланяйся ей от меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всем моим прелестям: Хитровой первой. Как она перенесла мое отсутствие? надеюсь, с твердостью, достойной дочери князя Кутузова. Так Фикельмон приехали? радуюсь за тебя; как-то, мой ангел, удадутся тебе балы? В самом деле не забрюхатела ли ты? что ты за недотыка? Прощай, душа. Я что-то сегодня не очень здоров. Животик болит, как у Александрова. Цалую и

46 В копии, вероятно, описка: помолчать.

благословляю всех вас. Кланяюсь и от сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ее милые хлопоты. Прощай.

8 окт.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В С. Петербурге у Пантелеймона близ Цепного моста в доме Оливье.

852. Н. Н. Пушкиной. 11 октября 1833 г. Болдино.

Мой ангел, одно слово: съезди к Плетневу и попроси его, чтоб он к моему приезду велел переписать из Собрания законов (год. 1774 и 1775 и 1773) все указы, относящиеся к Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твоё брюхо? Не жди меня в нынешний месяц, жди меня в конце ноября. Не мешай мне, не страшай меня, будь здорова, смотри за детьми, не кокетничай с ц.[арем] ни с женихом княжны Любы. Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины. Надеюсь, что Смирдин окуратен. На днях пришлю ему стихов. Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф славнейшей настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава. Что касается до тебя, то слава о твоей красоте достигла до нашей попадьи, которая уверяет, что ты всем взяла, не только лицом, да и фигурой. Чего тебе больше. Прости, целую Вас и благословляю. Тетке целую ручку. Говорит ли Маша? ходит ли? что зубки? Саше подсвистываю. Прощай.

11 окт.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной. В С. Петербурге у Цепного моста против Пантелеймона в доме Оливье.

853. Н. Н. Пушкиной. 21 октября 1833 г. Болдино.

Получил сегодня письмо твое от 4-го окт.[ября] и сердечно тебя благодарю. В прошлое воскресенье не получил от тебя письма, и имел глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что [давно] и не запомню, чтоб на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничто не мешает тебе отличаться на нынешних балах. Видно Огорев охотник до Пушкиных, дай Бог ему ни дна ни покрывки! кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности — не говорю уже о беспорочности поведения, которое относится не к тону, а к чему-то уже важнейшему. Охота тебе, женка, соперничать с гр.[афинею] Сал.[логуб]. Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебе перебивать у ней поклонников? Всё равно кабы гр.[аф] Шереметев стал оттягивать у меня Кистеневских моих мужиков. Кто же еще за тобой ухаживает кроме Огорева? пришли мне список по азбучному порядку. Да напиши мне также, где ты бываешь, и что Карамзины, Мещерская и Вяземские. Княгине В.[яземской] скажи, что напрасно она беспокоится о портрете Вигеля, и что с этой стороны честное мое поведение выше всякого подозрения; но что из уважения к ее просьбе, я поставлю его портрет *сзади* всех других. К стати: она обещала мне свой портрет и до сих пор слова не сдержала; попеняй ей от меня. Жуковского и Вельгорского вероятно ты уже видела. Что Ж.[уковский]? мне пишут, что он поздоровел и помолодел. Правда ли? Что ж ты хотела женить его на К.[атерине] Н.[иколаевне]? и что К.[атерина] Н.[иколаевна], будет к нам или нет? Вообрази, что прошлое воскресенье вместо письма от тебя получил я письмо от Соболевского, которому нужны деньги для паштетов из гусяной печени, и который для того затевает Альманах. Ты понимаешь, как письмо его и просьбы о стихах (что я говорю *просьбы*, приказания, подряды на заказ) рассердили меня. А всё ты виновата. Что-то моя беззубая Пускина? Уж эти мне зубы! — а каков Сашка рыжий? Да в кого-то он рыж? не ожидал я этого от него. О себе тебе скажу, что я работаю лениво. [я] через пень колоду валяю. Все эти дни голова болела, хандра грызла меня; нынче легче. Начал многое, но ни к чему нет охоты; Бог [знает,] что со мною делается. Старам стала, и умом плохам. Приеду оживиться твоею молодостию, мой ангел. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу к тебе с

пустыми руками явиться, взялся за гуж, не скажу, что не луж. А ты не брани меня. Благодарю мою бесценную Катерину Ивановну, которая не дает тебе воли в ложе. Цалую ей ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произвол твоих обожателей. Машку, Сашку рыжего и тебя цалую и крещу. Господь с Вами. Прощай, спать хочу. 21 октября. Болдино.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной, в С. Петербурге у Цепного моста против Пантелеймона в доме г. Оливье

854. Н. Н. Пушкиной. 30 октября 1833 г. Болдино.

Вчера получил я, мой друг, два от тебя письма. Спасибо; но я хочу немножко тебя пожуричь. Ты кажется не путем искокетничалась. Смотри: не даром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе [-]; есть чему радоваться! Не только тебе, но и Парасковьи Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будут.* К чему тебе принимать мужчин, которые за тобою ухаживают? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Фоме и Кузьме. Фома накормил Кузьму икрой и селедкой. Кузьма стал просить пить, а Фома не дал. Кузьма и прибил Фому как каналью. Из этого поэт выводит следующее нравоучение: Красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли? Прошу, чтоб у меня не было этих академических завтраков. Теперь, мой ангел, цалую тебя как ни в чем не бывало; и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мне свою беспутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нет, хочется мне увидеть тебя причесанную на манер Нинон; ты должна быть чудо как мила. Как ты прежде об этой старой к[-] не подумала [?] и не переняла у ней ее прическу? Опиши мне свое появление на балах, которые, как ты пишешь, вероятно уже открылись — да, ангел мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнив, да и знаю, что ты во всё тяжкое не пустишься; но ты знаешь, как я не люблю всё, что пахнет московской барышнею, всё, что не comme il faut, всё, что vulgar... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился; разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя. Ты спрашиваешь, как я живу и похорошел ли я? Во-первых, отпустил я себе бороду; *ус да борода — молодцу похвала; выду на улицу, дядюшкой зовут.* 2) Просыпаюсь в 7 часов, пью кофе, и лежу до 3-х часов. Недавно расписался, и уже написал пропасть. В 3 часа сажусь верхом, в 5 в ванну и потом обедаю картофелем, да грешневой кашей. До 9 часов — читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лице.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердиться; ты рожала, денег у меня лишних не было, я спешил в одну сторону — никак не попал на Дерпт. Кланяюсь ей, Мещерской, Соф.[ье] Н.[иколаевне], княгине и княжнам Вяз.[емским]. Политике скажи, что за ее поцалуем явлюсь лично, а что-де на почте не принимают. А Катерина Ивановна? как это она тебя пустила на Божию волю? Ахти, Господи Сусе Христе! Машу цалую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христос с Вами. Благословляю и цалую Вас.

30 окт.

855. В. Ф. Одоевскому. 30 октября 1833 г. Болдино.

Виноват, Ваше сиятельство! кругом виноват. Приехал в деревню, думал распишусь. Не тут-то было. Головная боль, хозяйственные хлопоты, лень — барская, помещичья лень — так одолели меня, что не приведи Боже. Не дожидайтесь Белкина; не на шутку видно он покойник; не бывать ему на новосельи ни в гостинной Гомозейки, ни на чердаке Панка. Не достоин он видно быть в их компании... А куда бы не худо до погреба-то добраться. Теперь донесу Вашему сиятельству, что, будучи в Симбирске, видел я скромную отшельницу, о которой мы с Вами говорили перед моим отъездом. Не дурна. Кажется губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша. Вот всё,

что мог я заметить. Дело ее, кажется, кончено.

Вы обрадовали меня известием о Жуковском. Дай Бог, чтоб нынешний запас здоровья стал ему лет на 5; а там уж как-нибудь да справится.

Кланяюсь Гоголю. Что его комедия? В ней же есть закарючка.

Весь Ваш А. Пушкин. 30 окт. Болдино.

Адрес: Его сиятельству м. г. князю Владимиру Федоровичу Одоевскому в С. Петербург. На Дворцовой набережной в Машков переулок дом Ланской.

856. Н. И. Гончарова — Пушкину. 4 ноября 1833 г. Ярополец.

4 Novembre 1833 Ярополец.

Дорогой [Александр Сергеевич], при вашем проезде через Ярополец, мне помнится, вы сказали, что надеетесь на возвратном пути застать меня здесь; но Дмитрий, как хороший сын, настойчиво просит меня вернуться в [Завод]; не зная в точности времени вашего возвращения и опасаясь плохих дорог, я сегодня покидаю [Ярополец]. На случай, если вы намеревались заехать сюда лишь с целью застать меня, я считаю необходимым предупредить вас о своем отъезде. Но если вы предпочитаете следовать этой дорогой, то в этом случае я буду очень рада, если [Ярополец] послужит для вас удобной станцией.

Письма ко мне Натали свидетельствуют о нетерпении, с каким она ждет вас; кажется, она готова даже рассердиться на ваше отсутствие; она сообщает мне успокоительные вести о детях. — Желая вам скорого и благополучного возвращения и присоединяя к этому самые искренние пожелания вам счастья, я никогда не перестану быть вашим другом Н. Г.

P. S. Ваши книги, также как и другие вещи, будут к вам высланы по первому санному пути при первой же okazji.

857. Болдинские крестьяне — Пушкину. Конец октября — начало ноября 1833 г. Болдино.

Ваше высокоблагородие милостивый государь батюшка Александра Сергеевич

Осмеливаемся донести вашей милости в том что присланный от вашего родителя милостивого государя Сергея Львовича человек в его имении управляющим Михайла Иванов от каторого мы — батюшка Александр Сергеевич в великое разорение пришли что у нас хорошего распорезения никогда не было.

1-е.

Кагда Михайла Иванов в ступил во управление имения стал заводить барацину незаконну в том что он порубил гасподского лесу для ненадобной вещи сараив великое множество и возили оный лес неподсилу лашедям и с того удара лошадей многа потратилась у крестьян.

2-е.

Риги зделал для сушки хлеба печки тапить дравами а драва для сушки покупали в казенном лесу в расстоянии от Болдина 25 верст а вазили весной по грязи тоже много лашедей потратилось у крестьян а риги следует сушить саломай а у нас в 1830-м году уражай был гасподского хлеба ржи ужыном был очень богатый и малатели онай хлеб рож а салому вазили оную возли риг на поли. —

В 1831-м году мая 7-го дня управляющий Михайла Иванов приказал соцкому оною салому зажигать а соцкой по приказанью управляющего ослушание не мог учинить зажег но в то[м] случае поднялся ветер и загорелась на гумне изба в ней живущим рижникам а после гасподские семь анбаров от анбаров пришол агонь на мирское страение и згарел порядак 15-ть дваров все даже погарела у крестьян имущество. —

3-е.

А после того нашего несчастного случия пришли старики к Михайлы Иванову прасить — чтобы он нас допустил к господину милостивому государю Сергею Львовичу дайти лично прасить от него милости и Михайла Иванов нам позволил и дал нам бумагу в том чтобы идти в С. Питербург. —

4-е.

А после того на другой день Михайла Иванов призвал к себе стариков и взял от них им данную бумагу назад и сказал что ни хадити вы старики к барину а мы ему сказали что мы пойдем.

5-е

Михайла Иванов апать мужиков собрал к себе и сказал им что вы бунтовщики я на вас попрошу гарацкую каманнду что[бы] вас наказать.

6-е.

Апосле того Михайла Иванов послал своего сына Гаврилу за исправникам чтобы наказать стариков секущей каманндай — и наказали стариков розгами.

7-е.

Исправник Петр Петрович сказал лично Михайлы Иванову что ты накажи своих мужиков своим судом в судной избе. —

8-е.

Определенный к нам в церковный штат 3-ей священник Дмитрий Федоров при стройки его нового дома Михайла Иванов всех крестьян выгонял за бревнами на избу в село Гулява в расстоянии от Болдина 40-к верст крестьяне услухание учинить ни могли каторай ни в состоянии лашедми крестьяне, то нанимали людей ехать за бревном платили за подводы по 2 рубли а каторы крестьяне ослушались не поехали то хател Михайла Иванов их наказать, попу в низ — под горницу Михайла Иванов давал из господской роци лес. —

9-е.

Сын Михайлы Иванова Гаврила у наших крестьян всех хороших лашедей погадил ездивши верхом а теперь крестьяне не могут и держать хороших лашедей потому что боятся.

10-й.

По приезде Михайлы Иванова во управляюции то каждый год были денежные зборы по рублю с тегла и мение раза по три в году а нам неизвестно куды оные девали все книги мирского прихода и расхода от миру отабрали.

11-е.

Мы находились до приезду Михайлы Иванова в харошам состоянии был хлеб и скатина и наличние деньги имели у себя крестьяне а ныне не более насчот как то 15-ти человек находится в состоянии что нынешнюю зиму имели свой хлеб а протчие крестьяне и прошлого года покупали рожь для засева своей земли все распродали крестьяне для прокармленья своих семейств скот и строение.

12-е.

При сем прошении представляим вам милостивый государь батюшка Александр Сергеевич 5 человек лично, которые неспособны при вотчине находится воры именно — 1-й Тимафей Пядашав 2-й Ефим Захаров 3-й Агафон Салдатов 4-й Егор Иванов 5-й Яков Семенов которого вы лично приказали управляющему Иосифу Матвейву отдать в салдаты.

Остаемся поданнейшии вам милостивый государь батюшка Александр Сергеевич ваши рабы все общей мир припадаем к стопам ног ваших.

858. Н. Н. Пушкиной. 6 ноября 1833 г. Болдино.

6 ноября Болдино.

Друг мой женка, на прошедшей почте я не очень помню, что я тебе писал. Помнится я был немножко сердит — и кажется письмо немного жестко. Повторю тебе помягче, что кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть оно имеет свои приятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: уважения. Радоваться своими победами тебе нечего. К[-], у которой переняла ты прическу (NB: ты очень должна быть хороша в этой прическе; я об этом думал сегодня ночью), Ninon говорила: На сердце каждого мужчины написано: самой податливой. После этого, изволь гордиться похищением

мужских сердец. Подумай об этом хорошенько, и не беспокой меня напрасно. Я скоро выезжаю, но несколько времени останусь в Москве по делам. Женка, женка! я ездю по большим дорогам, живу по 3 месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу — для чего? — Для тебя, женка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотою. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc. etc.— не говоря об *cosiage*, о коем прочел я на днях целую диссертацию в Брантоме.

Что делает брат? я не советую ему идти в статскую службу, к которой он также неспособен, как и к военной, но у него по крайней мере [-] здоровая, и на седле он всё-таки далее уедет, чем на стуле в канцелярии. Мне слается, что мы без европейской войны не обойдемся. Этот Луи-Филипп у меня как бельмо на глазу. Мы когда-нибудь да до него доберемся — тогда Лев Сергеич поедет опять пожинать, как говорит у нас заседатель, лавры и мирты. Покамест советую ему бить баклуши, занятие приятное и здоровое. Здесь я было вздумал взять наследство Вас.[илия] Льв.[овича]. Но опека так [ограбит] ограбила его, что [нелз]я и подумать; разве не заступится ли Бенкендорф: попробую, приехав в П.[етер]Б.[ург]. При сем письмо к отцу. Вероятно уже он у вас. Я привезу тебе стишков много, но не разглашай этого: а то альманашники заедят меня. Цалую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; цалую Машку и так далее, до семи раз. Желал бы я быть у тебя к теткиным именинам. Да Бог весть.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В Санкт-Петербурге. У Цепного моста против Пантелеймона в доме Оливье.

859. А. С. Норову. 10–15 ноября 1833 г. Москва.

Отсылаю тебе, любезный Норов, твоего *Стеньку*; завтра получишь *Стрюйса* и одалиску. Нет ли у тебя Сочинение Вебера о России *Возрастающая Россия* или что-то подобное)? а Пердуильонис, то есть: *Степан Разин, Донской казак-бунтовщик, к публичным допросам привлеченный под председательством Шурицфельша, при ответчике Иоганне Юсте Марци.*

А. П.

Адрес: Его превосходительству А. П. Норову от А. Пушкина.

860. А. С. Норову. 10–15 ноября 1833 г. Москва.

Посылаю тебе, любезный Норов, Сатирикон — а мистерии где-то у меня запрятаны. Отыщу — непременно. До свидания

весь твой А. П.

Адрес: Его превосходительству А. П. Норову.

861. П. В. Нащокин — Пушкину. 17–18 ноября 1833 г. Москва.

Лишь только ты уехал — я пошел в верх — сел возле дивана, где лежала Ольга Андреевна и сидел мольча, слушая ее стенанья — бред приноровленный — проклятия ругательства — и тому подобные вещи. — Наконец утишились оба, она не много с молкла я не заговорил — выбившись из сил я пошел спать — но не тут-то было — вопли — стенанья поднесли меня с постели, надев сапоги халад пошел и сел на то же место, продолжая мольчать и промольчал я около двух часов. Наконец — естественность превозмогла искусство: захотели кушать — покушали и легли спать — в 9 часов. Спали смирно. В раннюю обедню разбудил меня колокольный звон. Велел подать трупку, поставили самовар — лежа выпил стакан чаю, но по второму стакану Ольга Андреевна встала перешла на диван и прямо без всякого предисловия началось тоже [чем] только *фортиссимо*. Я опять надел холат — и сел — самовар еще кипит — день чуть прежит — а Ольга Андреевна кричит но-страдалчески, — Ох батюшки, Ох Боже мой, ох-ох-ох... и что мне делать — и что я — ой, ой, ой — с ума сошла, куда

деваться. Постепенно прибавлялся смысл к незвязным словам — образовались упреки, с эпиграммами, наконец опять ругательства проклятья и страдания, кончилось табаком — я спросил пумагу и тут же придвинув стол, и к тебе пишу — всё тихо. На вопрос — пишу ли я к В.[ере] А.[лександровне], я сказал нет — и что пишу к тебе с твоего отъезда; я более сего слово не сказал. Она кажется уснула, я однако ж боюсь окончить письмо, что[б] тем ее не разбудить — что будет далее я не знаю, — но вот тебе одно слово только про себя — *грому* бояться можно или позволительно, ибо он бывает смертелен — но [на теа[тре]] кажется на сцене нечего его бояться, а я всё равно его боюсь — где бы он ни был — и потому (дай бог не с глазить) я не понимаю, как меня ударом не прашибет, в пять лет можно узнать — что говорить нельзя и что надо молчать, но каково и молчать, — и что будет ей ей не знаю, с сойти в низ мне нельзя — с Гагарином при ней я говорить [не могу] хотя по франц.[узски] я не должен — принимать я никого не могу боясь и драмы и даже *трагедии* при свидетелях, не ужели я не шевелюсь — из слабо[сти]. Нет слабости, и какая слабость — что за пустяки, но вот от чего — что я ни как не теряю голову и все неистовства предвижу — [и видя] в каком бы я положении не был. Вот почему — кажусь я слаб, — делать ничего, до времени, как сидеть — и не шевелится. Кошмар — в *яве* — а не во сне. Кричать хочется, голосу нет — т. е. *денег*, ни рукой ни ногой ни головой шевельнуть не лезя — и всё давит, давит и не задавит — когда-нибудь конец будет. Прощай.

П. Н.

862. П. В. Нащокину. 24 ноября 1833 г. Петербург.

Что, Павел Воинович, каковы домашние обстоятельства? решено ли? мочи нет хочется узнать развязку; я твой роман оставил на самом занимательном месте. Не смею надеяться — а можно надеяться. Ты, по преимуществу, человек страстный — и в страстном состоянии духа, ты в состоянии сделать то, о чем и не осмелился бы подумать в трезвом виде; как некогда пьяный переплыл ты реку, не умея плавать. Нынешнее дело на то же похоже — сыми рубашку, перекрестись и бух с берега; а мы — князь Федор и я, будем следовать за тобою в лодке, и как-нибудь — выкарабкаешься на противную сторону. Теперь скажу тебе о своем путешествии. Я совершил его благополучно. Лелинька мне не мешал, он очень мил, т. е. молчалив — все наши сношения ограничивались тем, что когда ночью он прилегал на мое плечо, то я отталкивал его локтем. Я привез его здрава и невредима — и как река еще не стала, а мостов уже нет — то я и отправил его ко Льву Сергеевичу, чем вероятно одолжил его. При выезде моем из Москвы, Гаврила мой так был пьян и так меня взбесил, что я велел ему слезть с козел и оставил его на большой дороге в слезах и в истерике; но это всё на меня не подействовало — я подумал о тебе... Вели-ка своему Гавриле в юбке и в кацавейке слезть с козел — полно ему воевать. Дома нашел я всё в порядке. Жена была на бале, я за нею поехал — и увез к себе, как улан уездную барышню с именин городничихи. Денежные мои обстоятельства без меня запутались, но я их думаю распутать. Отца видел, он очень рад моему предположению взять Болдино. Денег у него нет. Брат во фраке и очень благопристойен. Соболевский выиграл свой процесс и едет к Вам. Пиши ко мне, кол[и] будет время. Записку отдай моему управляющему. Ольге Андреевне мое почтение. 24 ноября.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Павлу Воиновичу Нащокину В Москве. На Остоженки против Воскресения в доме священника.

863. П. В. Нащокин — Пушкину. Конец ноября 1833 г. Москва.

Ах любезный Александр Сергеевич ты не можешь вообразить мое мучение и нет от него спасение. Я на конец должен сознаться что оно во мне, нет ничего на свете беспокойнее моей души, я страдаю не от того что денег нет — не от того что болен не от того что скучно, даже не от того что грустно, поверишь ли [я] что мне не грустить — не скучать — не хворать — никогда время не было — всё мне некогда, и ничего не делаю видимого, но сколько по пустому работаю, не скажу умственно ибо всё без цели и без пользы, но головою ибо от думанья она у меня ей ей! трещить. Сердце мое

преглупоэ, я не думаю чтобы у кого глупее оно могло быть — душа, [[нрзб.] [нрзб.]] что тут толковать. Ей ей мочи нет и не знаю что делать. С ума я ни как не сойду — я это наверно знаю, и что будет ей ей не предвижу. — Помнишь ты в Русалке или где, танцовщиков по неволе — я точно в таком положении. Хочу отдохнуть не могу всё у меня кипит пляшет, мнительность — ревность — досада, жалость — не решительность — и тут же упрямство — про любовь я не говорю, ибо это всё любовь дух замирает, голова горит, — рассказывать я не в состоянии ни коротко ни подробно, в волнении жестоком — пишу не останавливаюсь — что-то меня так в шею и толкает тороплюсь не знаю куда и за чем — везде где не бываю везде сердце сильно бьется говорю не глупо но никогда то что хочу сказать — дома трупка за трупкой чай за чаем. Отвечает за меня язык а не я, в голове же моей кроме беспрестанных сцен — драматических со всеми лицами, ревнивые сцены владычествуют — ужасно — отвратительны, подлые — лукавые — и хитры до невозможности, т. е. до чего, как в картах говорится не *ловится* и вместе упрямство быть так, да и *только*, одним словом вот что я заключил — и как я представляю себя, — оно всё мое *сердце* мое пре доброе, пре мягкое, и пре пламенное, ум мой, пре не доверчивый и пре отчетливый и занятный. Воображение мое или душа моя — возмущается каким-то подлым и тоже лукавым чертом. Черт возьми. Сил нет не писать чего-нибудь — а писать так мудрено что способу никако[го] нет. Вертит меня точно на колесе. — Прости ради бога что пишу вздор право не чувствую что пишу. — Управитель твой приехал, бумагу выправил — а денег опять не дадут — ибо я тебе и писал и сказывал сколько раз что надо по пяти десятин на душу, а у него опять только по 3 — было прежде по 2. — Ему надо ехать домой а мне перестать писать. Прощай, на будущей почте — может быть письмо будет писано слогом повествовательным — теперь и нужно бы было и удивительные вещи можно бы рассказать — но не могу. Кровь слишком волнуется. Прости — не сердись — на письмо, — я так его писал как воду холодную пил, — мне нужно быть — по мороке [?], ибо играть в карты я удерживаюсь — а не то бы я вот как бы согнул карту, семерку треф на при.[мер] — т. е. на чисто при греб бы всё золото — при мазал, бил, да еще при мазал и выиграл или и проиграл бы, а уж бы карту смял бы в кулаке хорошенько, да и бросил. Прощай еще раз утешитель мой радость моя. Я рад что я могу писать всякую глупость — и мне право дела нет — что [ты ни скажешь лишь бы я мог сказать]. — Кланяйся всем. Пиши коли можешь ко мне, а я не знаю что мне желать чтобы ты приехал или нет — впроч.[ем] приезжай я буду очень рад.

Первое письмо я давно на писал.

П. Н.

864. А. Х. Бенкендорфу. 6 декабря 1833 г. Петербург.

Милостивый государь граф Александр Христофорович

Осмеливаюсь препроводить Вашему сиятельству стихотворение, которое желал бы я напечатать, и при сем случае просить Вас о разрешении для меня важном. Книгопродавец Смирдин издает журнал, в коем просил меня участвовать. Я могу согласиться только в том случае, когда он возьмется мои сочинения представлять в цензуру и хлопотать об них на равне с другими писателями, участвующими в его предприятии; но без Вашего сведения я ничего не хотел сказать ему решительного.

Хотя я как можно реже старался пользоваться драгоценным мне дозволением утруждать внимание государя императора, но ныне осмеливаюсь просить на то высочайшего соизволения: я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко временам Пугочева, но нашел множество материалов, я оставил вымысел, и написал Историю Пугочевщины. Осмеливаюсь просить через Ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для его величества особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,
милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Пушкин.
6 декабря 1833. С.П.Б.

865. П. В. Нащокину. 10-е числа (после 12) декабря 1833 г. Петербург.

Я получил от тебя два грустные письма, любезный Павел Воинович, и ждал третьего, с нетерпением желая знать, что делается с тобою, и какое направление принимают дела твои домашние и сердечные. Но ты вероятно слишком озабочен; и я не знаю, чего надеяться: переменялась ли, успокоилась ли судьба твоя? Напиши-ка мне об этом подробнее.

В твои именины семья моя (в том числе Григорий Федорович) пила твоё здоровье и желала тебе всякого благополучия. Об [Алеше] Леленьке не имею известия; он живет у Эрстова, а я на его имя получаю из Москвы письма. Сумасшедший отец его написал мне сумасшедшее письмо, на которое уж мне поздно отвечать; он беспокоится о каллиграфических трудах своего сына и о том, не плачет ли мальчик, и не тоскует ли о своих родных? Успокой старика, как умешь.

Не знаю, буду ли я у Вас в январе. Наследники дяди делают мне дурацкие предложения — я отказался от наследства. Не знаю, войдут ли они в новые переговоры. Здесь имел я неприятности денежные; я сговорился было со Смирдиным, и принужден был уничтожить договор, потому что Медного всадника цензура не пропустила. Это мне убыток. Если не пропустят Историю Пуг.[ачева], то мне придется ехать в деревню. Всё это очень неприятно. На деньги твои однако я надеюсь; думаю весной приступить к полному собранию моих сочинений.

Все мои здоровы — крестник твой тебя целует; мальчик славный. С Плетневым о Павле еще не говорил, потому что дело не к спеху. Прощай — кланяюсь князю Гагарину — и желаю Вам обоим счастья.

А. П.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Павлу Воиновичу Нащокину. В Москве на Остоженке, в приходе Воскресения у священника в доме.

866. М. И. Калашников — Пушкину. 19 декабря 1833 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич

по приезде моем спешу собрать хотя рублей 1000-чу и взнести в опекунский Совет да ваши 1000 рублей которые остановлены оным Советом то очень бы хорошо естли бы зачли то уже почти за год проценты не можно ль вашей милости перезаложить в 37-и летний банк. Естли будет прибавка хотя бы на проценты зачли; а впредь по расчету из оброчной суммы, вносили, сколько причитается будет. А достальные по заплате, вашей милости доставлять, на кистеневские души надбавочной ссуды и батюшки не выдадут за недостатком земли, кроме что может на 76-ть душ взять по 200 рублей под залог, впродчем воля ваша! Я даже хотел на сто душ и то невозможно, то сказали что и на пятьдесят душ не выдадут не только на 200 душ; в продчем что возможно в пользу вашей милости ничего из виду не упущу! Я просил Павла Воиновича и он посылал, за тем кто по этому столу служит то и тот сказал что невозможно. Я и сам просил от кого это зависит и обещал по приказу Павла Воиновича подарить на что сказал, что оную сумму разделить пополам, и то нельзя, засим честь имею пребыть с истинным моим высокопочитанием и преданностию

ваш милостивого государя всенижайший раб навсегда пребуду Михаил Калашников.

19 декабря 1833-го года.

Старуха моя и дочь кланяются, и так худа толки что жива и ноги распухли до поясницы и всё вдоль идет что бог даст не знаем.

867. Н. В. Гоголь — Пушкину. 23 декабря 1833 г. Петербург.

23 декабря 1833.

Естли бы вы знали, как я жалел, что застал вместо вас одну записку вашу на моем столе. Минутой мне бы возвратиться раньше и я бы увидел вас еще у себя. На другой же день я хотел непременно

побывать у вас; но как будто нарочно всё сговорилось итти мне наперекор: к моим гемороидалным добродетелям вздумала еще присоединиться простуда, и у меня теперь на шее целый хомут платков. По всему видно, что эта болезнь запрет меня на неделю. Я решился однако ж не зевать и вместо словесных представлений набросать мои мысли и план преподавания на бумагу. Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли. Как и поступил я назад тому три года, [я] когда мог бы занять место в Московском университете, которое мне предлагали, но тогда был Ливен, человек ума недалёкого. Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я понял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гётте. Не говорю уже о мыслях его по случаю экзаменов, где столько философического познания языка и ума быстрого. — Я уверен, что у нас он более зделает, нежели Гизо во Франции. [Если только он прочтет план мой] Во мне живет уверенность, что [он поймет меня и] если я дождусь прочитать план мой, то в глазах Уварова он меня отличит от толпы вялых профессоров, которыми набиты университеты. —

Я восхищаюсь заранее, когда вообразу, как закипят труды мои в Киеве. Там я выгружу из-под спуда многие вещи, из которых я не все еще читал вам. Там кончу я Историю Украины и юга России и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор к сожалению не только на Руси, но даже и в Европе, нет. А сколько соберу там преданий, поверьев, песен и проч.! Кстати ко мне пишет Максимович, что он хочет оставить Московский университет и ехать в Киевский. Ему вреден климат. Это хорошо. Я его люблю. У него в Естественной истории есть много хорошего, по крайней мере ничего похожего на [бестолковую] галиматью Надеждина. Если бы Погодин не обзавелся домом я бы уговорил его проситься в Киев. Как занимательными можно сделать университетские записки: сколько можно поместить подробностей совершенно новых о самом крае! Порадуйтесь находке: я достал летопись без конца, без начала, об Украине, писанную [в конце] по всем признакам в конце XVII-го века. Теперь покамест до свиданья! Как только мне будет лучше, я явлюсь к вам.

Вечно Ваш Гоголь.

Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину Против Пантилемона в доме Оливио.

868. Е. К. Воронцова — Пушкину. 26 декабря 1833 г. Одесса.

Милостивый государь.

Право не знаю, должна ли я писать вам и будет ли мое письмо встречено приветливой улыбкой, или же тем скучающим взглядом, каким с первых же слов начинают искать в конце страницы имя навязчивого автора. — Я опасюсь этого проявления чувства любопытства и безразличия, весьма, конечно понятного, но для меня, признаюсь, мучительного по той простой причине, что никто не может отнестись к себе беспристрастно. — Но всё равно; меня побуждает не личный интерес: благодеяние, о котором я прошу, предназначено для других, и потому я чувствую в себе смелость беспокоить вас; не сомневаюсь, что и вы уже готовы выслушать меня. — Крайняя нищета, угнетающая наш край и самый город, в котором вы жили и который благодаря вашему имени войдет в историю, дала случай проявиться в полной мере милосердию его обитателей. — Образовалось общество, поставившее себе задачей осуществление благородной цели, ради которой были принесены щедрые жертвования. Бог благословил общественное усердие, много слез было осушено, многим беднякам была оказана помощь; но надо продолжить это дело, и для того, чтобы увеличить средства для оказания помощи, общество непрерывно возбуждает любопытство и использует развлечения. — Между прочим было сделано одно литературное предложение; кажется, оно осуществимо, судя по той горячности, с какою его стали развивать и поддерживать. — Мысль об альманахе в пользу бедных удостоилась одобрения лиц, влиятельных собственной помощью или помощью своих друзей. Из программы этого альманаха, которую я беру на себя смелость вам послать, Начато: Этот Альманах, программу которого я беру на себя смелость вам послать... вы, милостивый государь, увидите, как он

будет составлен. — Теперь, когда столько лиц обращаются к нашим литературным светилам с призывом обогатить наш [Подарок бедным], могу ли я не напомнить вам о наших прежних дружеских отношениях, воспоминание о которых вы, может быть, еще сохранили, и не попросить вас в память этого о поддержке и покровительстве, которые мог бы оказать ваш выдающийся талант нашей Подбирательнице колосьев. — Будьте же добры не слишком досадовать на меня, и, если мне необходимо выступать в защиту своего дела, прошу вас, в оправдание моей назойливости и возврата к прошлому, принять во внимание, что воспоминания — это богатство старости, и что ваша старинная знакомая придает большую цену этому богатству.

Примите, милостивый государь, мои самые усердные приветствия.

Е. Вибельман [?]

Одесса, 26 декабря 1833.

Я должна в скором времени выехать в Киев, поэтому прошу вас (если вы удостоите меня ответом) адресовать ваше письмо и милостыню, которую вы пожертвуете одесским беднякам, госпоже Зонтаг (Анне Петровне) через вашего издателя Смирдина, который состоит с нею в переписке.

Пользуюсь случаем сообщить вам, что мои поиски рукописи графа Ивана Потоцкого оказались безуспешными. Вы, конечно, понимаете, милостивый государь, что я обратилась к первоисточнику. У его родных нет ее; возможно, что, так как граф Иван Потоцкий окончил жизнь одиноким, в деревне, рукописи его были по небрежности утеряны — о трех повешенных.

869. М. И. Калашников — Пушкину. 20-е числа декабря 1833 г. Болдино. 47

Милостивый государь Александр Сергеевич

извините меня милостивый государь что я беспокою вас моею прозбою, так как я писал прежде и послал бумаги черновыи писанныи Васильем Козловым к батюшки вашему, на что и теперь подтверждаю точно им Козловым писаны были о чем я узнал ему хотелось [...мн]е не было дела до [...] о вашей части за [... д]абы крестьяне зна[...]я, и о [том] не прогов[орились] [?] [...крестья]н[?] болд[инских] [?] [...] [...] не будеть не толко в Кистеневе но Бог его наказал о чем не известно нам, а крестьяне со всем не писали и ничего не знают невинно от них написана и они подписаны в прозбы, во всем был участник наш земской, за все мои к нему милости он злом плотить за что и его божия казнь не оставит без наказания, а я всегда скажу как сын пред отцем а не так как р[аб][?] ч[то я] служу всегда ч[естно...] и даже под клят[вой ...] у меня не то [...] и ст[...] бле[...] [...] [бу]деть меня помянуть, естли ваши милости мне не помогут, я не знаю не из чего [?] взять и как другие наживаются и как уберегуть, мне и того доволно что сыт и есть что надеть и слава богу, я говорю как верный раб пред вами и пред богом не дам ответа, за сим репортую вашей милости что [на сие] [?] число состоит всё бла[гополучно в] вашей вотчине — [...] засим честь име[ю остаться с ис]тинным моим вы[сокопочитанием] и преданностию

[ва]ш м[илостивого] госуд[аря] [покорный слуга и] раб [навсегда пре]буд[у] [Михайла Калашников.]

Адрес: Его в[ысокоблагородию] милостивому государю] [...]

⁴⁷ Письмо повреждено грызунами, нижняя часть листа отсутствует.

П Е Р Е П И С К А 1834

870. Д. Ф. Виноградов — Пушкину. 8 января 1834 г. Болдино.

Ваше высокоблагородие! Милостивейший государь! Александр Сергеевич,

Крайняя необходимость понудила меня сим беспокоить особу Вашего высокоблагородия: находясь я в вотчине вашего папины села Болдине священником четыре уже года, а как ныне подпал под гнев преосвященнейшего Амвросия епископа нижегородского, чрез клеветы напрасно на меня нанесенные того же села священником Павлом Семеновым, и не находя других средств к умягчению гнева архипастыря, кроме того, как прибегнуть только под покровительство Ваше; осчастливьте, милостивейший государь, защитою вашею! Попросите писмом вашим прописанного нижегородского преосвященного Амвросия, о помиловании моем, дабы он простил меня, и оставил в сказанном селе Болдине на прежнем моем месте; чрез что обяжите как меня, пред Престолом Владычним проливать теплейшие молитвы, так равно престарелую мне мать и малолетнюю мою дочь, которые кроме меня не имеющие надежды, о вашем здравии молить Бога. Хотя страшусь беспокоить сим особу вашу, но невинность, которая желает защитить себя, очищает путь к стопам вашим; а при том зная благороднейшую вашу душу, которая желаний имеет помогать ближнему, по оному льщу себя надеждою, что и мне напрасно претерпевающему несчастье подать руку помощи не откажитесь.

С истинным моим высокопочитанием и совершенною преданностию осмеливаюсь наименовать себя вашим усердным богомолцем села Болдина священник Дмитрий Феодоров Виноградов.

Генваря 8-го 1834 года.

871. М. И. Калашников — Пушкину. 9 января 1834 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич

при сем уведомляю вашу милость что мог собрать денег пять сот слишком то как изволети приказать к вашей милости отослать или в совет куда изволети приказать буду ожидать вашего повеления; а между тем буду продолжать збором сколько могу — нынечи хлеб так вздорожал что чрез одну неделю из 22 рублей 33 рубли за четверть а впредь одному богу толко известно что будет; при сем уведомляю вас милостивый государь в той половине опекун запродавал ржи 300 четвертей на винный завод по 22 рубл. 50 ко. то крестьяни просиле его оставить на продавольствие их и он отменил с каким намерением неизвестно; и замолот зделан бурмистром очень мал опекун ничего не видит у нас менеи нажато ржи было проти[в] их 9000 снопов и то сто сорок четвертей лишнего намолотил я от земского узнал сколько показал бурмистр; я к батюшки писал и просил его милости себе со старухой не оставить которая на смертном одре и болей ни о чем; еще уведомил сколько кокова хлеба здал налицо равно и денег; вся надежда на вашу милость.

Извините меня что я осмелился послать письмо нашего свещеника которого прозба и слезы понудили меня вашу милость утруждать о невинности его всему притчина завесть что богат и ничего не пьет и очень себя хорошо ведет и всё видимое лутчи их; за сим честь имею пребыть с истинным моим высокопочитанием и преданностию,

ваш милостивого государя всенижаише раб наивсегда пребу[ду] Михаил Калашников

Старуха моя желает всех благ от вышнего вам со слезами и кланеется всё вместе.

Ч[исла] 9-го генваря 1834-го года

872. А. А. Фукс — Пушкину. 20 января 1834 г. Казань.

Милостивый государь Александр Сергеевич,

Ваш проезд в Казань, ваше к нам обязательное посещение и ваше столь лестное письмо имели на меня такое влияние, что я не могла удержаться от восторга и выразила мои чувства в стихах вам посвященных. Простите моей смелости и не судите меня, как поэта, но обратите ваше внимание на

мое усердие и преданность, а моя восторженная муза, надеюсь, будет пред вами моей защитницей. Мне очень досадно, что я не могла давно послать к вам стихи. Причина этому цензура, которая их держала четыре месяца, а мне непременно хотелось их послать напечатанные. Как я не старалась узнать, где теперь ваше пребывание, но никто из казанских этого не знает. Я решилась послать к вам стихи в два места: по вашему адресу в Нижегородскую деревню и в С. Петербург на имя барона Люцера, который, уважая вас так много, верно не сочтет за труд передать вам мою посылку.

Хотя мое счастье вас видеть продолжалось не более двух часов, но в это короткое время я успела заметить, что вы не только снисходительны к моим стихам, но даже, не скучая, их слушали, и потому я решилась послать к вам мои стихи, написанные после вашего отъезда. Сделайте одолжение, пришлите мне ваш адрес; мои стихотворения через две недели выйдут из печати, без сомнения я пожелаю послать книгу к первому к вам, но не зная где вы теперь, в адресе будет для меня затруднение. Я ласкаю себя надеждою иметь удовольствие читать ответ ваш и честь имею пребыть с истинным почтением Вам,

милостивый государь, навсегда покорнейшая Александра Фукс.

1834. Января 20, Казань.

873. П. В. Нащокин — Пушкину. Январь (не позднее 26) 1834 г. Тюфили.

Выехал я из Москвы в Тюфили с тем чтобы не возвращаться, не знаю куда и далеко ли заеду. Олюнька не знает что я ее оставляю — и воображение мое на счет ее в грустном положении; возок уже заложенный и еду я в одну подмосковну, где думаю жениться — на ком тебе известно, но не знаю еще как удастся, ибо куда, кроме будущей и ее матери, никто не знает о моем решительном намерении, а кто не догадывался никто не хотел и все отговаривали на разные манеры — но мне кажется коли что я захочу того Бог хочет — и потому не смотря ни на что, что будит то будет, хуже не будет. К усугублению моей чувствительности скажу тебе что Олюнька последнее время была чрезвычайно мила и добра — и нежна до привлекательности. Всё у меня не в попать — было — не знаю какого будет. Писать ко мне ты можешь — на имя Андрея Христофоровича Кренцера *машиниста*, в Тюфили, который между прочим просить, чтоб ты позволил бы ему к [тебе] в случае нужды адресоваться, он же будит знать о моем пребывании. — Еще прошу тебя позаботится об деньгах, ибо мне никогда так они не нужны как теперь и буде ты можешь их прислать пришли их на имя А. Х. К. — должен же ты мне опять 4 т[ысячи] считая проценты. Постарайся прислать все — и по скорей. После денежного разговора — ничего больше не нахожу тебе сказать что будь здоров — и не забывая la lettre⁴⁸ истинно преданного тебе друга П. Нащокина.

874. А. Х. Кнерцер — Пушкину. (7) 26 января 1834 г. Тюфили.

Ваше высокородие! Милостивый государь, Александр Сергеевич.

Простите великодушно моей смелости обремене[ние] новыми просьбами, уверен будучи, что сии со стороны особы Вашей никак иначе не примутся, как наичувст[ви]тельною моею благодарностию за оказанное ко мне благодетельное внимание, посредством какового я уже ныне п[о]чти достиг цели будущего моего и семейства моего основани[я.] И теперешнее мое утруждение суть плоды того древа, к[ото]рое благодетельные Ваши чувства и искусственное пе[ро] насадить вспомоществовали

Посредством покровительного Вашего посредничест[ва] посчастливилось мне получить одно из важнейших [под] самую Москву для мануфактурных заведений мест, ([Ту]фелево), на каковое прошлого 1833-го года 11-ое марта и поселился временным владельцем; хотя хижине моей, на самом берегу реки Москвы построенной, и открыто обширное пространство горизонта с очарованными видами столицы, но в особенности занимало меня вскрытие реки со сплавом льда и плачевное состояние барок.

⁴⁸ в буквальном смысле.

А как сего рода судоходство слишком важно к доставлению для человеческой жизни необходимых потребностей, и к споспешествованию сего ободрило меня изобресть механическое средство, дабы таковым способом прекратить различные бедствия с изнурением людей и лошадей, сверх же того поспешнее доставлять всякую потребность, а сим несоразмерно значительнее умножить и самый привоз, мне посчастливилось таковой способ изобресть.

Но как я прошлым летом был очень занят стройкою известного особе Вашей заведения, почему и достиг лишь нынешнею зимою своей цели, составить проект с описанием, каковой на прошлых днях привел к окончанию, а ныне занимаюсь деланием оного на бело, с желанием получить на сей предмет от правительства 10-ти-летней привилегии.

Я в полной мере питаю надежду на покровительное особы Вашея внимание и осчастливление меня своим ходатайством, поелику мое изобретение никак не подлежит рассматривания и одобрения Департаменту мануфактур, а должно будет, как видно из высочайшего указа 22 ноября 1833 года, обратиться к г. министру финансов со внесением установленных пошлин 1500 руб. ассигн.[ациями] за привилегию.

К подаванию г. министру формального прошения, я не имею в виду должной просьбе формы, и какого достоинства для сего гербовая бумага потребна, а сдесь в Москве никого спросить и никому сие дело доверить не смею.

По сим побудительным и основательным причинам я почтеннейше и прибегаю к особе Вашей, осчастливет[ь] меня своим покровительным благорасположением, дозволит[ь] к особе Вашей адресоваться с доставлением проекта моего с описанием, и Вашим ходатайством таковой представить к г. министру, а вместе дерзаю утрудить, представить и десятилетнюю пошлину в 1500 [р.] ассигн.[ациями] состоящую, из числа суммы Павла Воиновича, к[оторую] постараюсь сдесь лично Павлу Воиновичу доставить.

В противном же случае смею питать надежду на доверие особы Вашея ко мне, выплатить по[шлину] собственностию своею за меня, а сим заставить во вс[ей] силе более и более чувствовать истинное великодуш[ие] и неоцененное покровительство к облагоднадежению [бу]дущего моего состояния и быть истинно вечно благодарным, в полном уповании благодетельных Особы Вашей благорасположений и лестном ожидании Вашего разрешения судьбы моей, имею честь и счастье пребыть по всегда к Особе

Вашего высокородия! Милостивейшего государя моего, с отличным высокопочтанием и всею преданностию, наипокорнейшим слугою Андрей Кнерцер.

Генваря 26 дня 1834 года Туфелево.

875. В. А. Жуковский — Пушкину. 29 января 1834 г. Петербург.

Посылаю тебе, почтеннейший друг Александр Сергеевич, Историю господина Пугачева, тобою написанную с особенным искусством; очень сожалительно для меня, что не успел я прочесть сего бытописательного отрывка, делающего честь твоему таланту. Продолжай, достойный русский писатель, работать умом и пером ко чести России и ко полноте твоего кармана. А завтра я именинник, и будет у меня в вечеру семейство Карамзиных, Мещерских и Вяземских; и будут у меня два изрядных человека графы Вьельгорские, и попрошу Смирнову с собственным ее мужем; да может быть привлеку и привлекательную Дубенскую; в следствие сего прошу и тебя с твоею грациозною, стройносозданною, богинеобразною мадонистою супругою пожаловать ко мне завтра (во вторник) в 8-мь часов откушать чаю с бриошами и прочими вкусными причудами; да скажи об этом и домашнему твоему Льву. Уведомь, будешь ли, а я твой богомолец Василий.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

876. Д. К. Нессельроде 30 января 1834 г. Петербург.

Вот „Анжель“, граф. Моя жена одолжила ее госпоже Хитровой — прошу вас извинить меня и

очень вас благодарю.

Шлю вам привет от всего сердца.

А. Пушкин.

30 января

Адрес: Графу Дмитрию Нессельроде.

877. Н. М. Коншин — Пушкину. 7 февраля 1834 г. Царское Село.

Взглянув в переднюю, вы увидите [перед] собой, любезнейший Александр Сергеевич, [алкого]лика-протодьякона. Чорт, вместе с п[рото]попом, попутали его в грех, и зат[янули] в петлю: — он исключен из придворн[ого] ведомства в епархиальное; Синод же пр[и]совокупил к тому, чтоб он был отправ[лен] в Смоленск, т. е. в свою родную епархию, а он упрямый болван говорит: лучше в омут головой, нежели ехать туда.

Ради Вашего Царского Села, найдите, любзнейший Александр Сергеевич, доброго человека, который бы сказал за него два слова обер-прокурору Нечаеву — я знаю, что просить вас не чего: вы сделаете, если можете. — Дело всё в том, чтоб ему позволили подать в Синод просьбу об оставлении в здешней епархии: смысл высочайшего повеления будет исполнен равно, ибо это тоже епар.[хиальное] ведомство. А оное выс.[очайшее] повеление я знаю: оно было объявлено нам, и там ни слова не было сказано о том, чтоб на свою епархию его отправить.

Я просил одну молодую женщину, имеющую вес, похлопотать по этому делу; но она отыгралась — у нее есть дескать просьба по-серьёзнее: хочет[ся ей] разыграть развод с мужем. Ес[ли] Вы слышите петербургские сплетн[и], то и об этой чете может быт[ь] знаете.

Христа ради осчастливьте Царск[о]сельского моего протодьякона и примите уверение в моей искренней к Вам преданности.

К[оншин]

7 февраля 1834. Царское Село.

878. А. Х. Бенкендорфу. 7-10 февраля 1834 г. Петербург. (Вторая черновая редакция)

Представляя его величеству том II Пугачева, приемлю смелость обратиться к вашему сиятельству по поводу обстоятельств, меня касающихся, и прибегнуть к вашей обычной благосклонности.

Разрешая напечатание этого труда, его величество обеспечил мое благосостояние. Сумма, которую я могу за него выручить, даст мне возможность принять наследство, от которого я вынужден был отказаться за отсутствием сорока тысяч рублей, недостававших мне. Этот труд мне их доставит, если я сам буду его издателем, не прибегая к услугам книгопродавца. 15000 было бы мне достаточно.

У меня две просьбы: первая — чтобы мне разрешили отпечатать мое сочинение за мой счет в той типографии, которая подведомственна г-ну Сперанскому, — единственной, где, я уверен, меня не обманут; вторая — получить в виде займа на два года 15000—сумму, которая даст мне возможность посвятить изданию всё необходимое время и старание.

У меня нет другого права на испрашиваемую мною милость кроме тех благодеяний, которые я уже получил — и которые придают мне смелость и уверенность снова к ним прибегнуть. Покровительству Вашего сиятельства вверяю я мою покорнейшую просьбу.

Остаюсь, граф, вашего сиятельства нижайший

879. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 10 февраля 1834 г. Петербург.

Граф Бенкендорф, свидетельствуя свое почтение Александру Сергеевичу, покорнейше просит его пожаловать к нему завтра, в воскресенье, в 11-ть часов утра.

Суббота. 10 февраля 1834. А. С. Пушкину.

880. С. Д. Нечаеву. 12 февраля 1834 г. Петербург.

Милостивый государь, Степан Дмитриевич,

Осмеливаюсь прибегнуть к Вашему высокопревосходительству со всепокорнейшею просьбою.

По воле государя императора протоиерей Парско-сельской придворной церкви за нетрезвость исключен из придворного ведомства и переведен в епархиальное. По предписанию же Синода, он должен быть отправлен в свою родную епархию. Протоиерей, человек уже не молодой и семейный, просит, как милости, быть оставлену в епархии здешней. Смысл высочайшего повеления будет исполнен равно, ибо в нем ни слова не было сказано о том, чтоб на *свою* епархию отправить его.

Протоиерей, не знаю почему, отнесся ко мне, полагая, что слабый мой голос удостоится Вашего внимания. Во всяком случае, я не мог отказать от ходатайства и препоручаю моего клиента Вашему великодушному покровительству.

С глубочайшим почтением честь имею быть,

милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейший слуга Александр Пушкин.

12 февраля 1834.

881. О. И. Сенковский — Пушкину. Январь — первая половина февраля 1834 г.

Любезности Смирдина обязан я, милостивый государь, чрезвычайным удовольствием, только что испытанным мною, удовольствием столь живым, что я не могу не взяться за перо и не выразить его под свежим впечатлением. Уступая моей просьбе, Смирдин доставил мне две первые главы вашей повести: я перечитал их три раза, столько нашел я в них прелести. Я совсем не знаю продолжения повести, но эти две главы — верх искусства по стилю и хорошему вкусу, не говоря уже о бездне замечаний, тонких и верных, как сама истина. Вот как нужно писать повести по-русски! Вот, по крайней мере, язык вполне обработанный, язык, на каком говорят и могут говорить благовоспитанные люди. Никто лучше меня не чувствует, каких основ недостает нам, чтобы создать хорошую литературу, а главнейшая из них, жизненная, без которой нет настоящей национальной литературы, основа, которой совершенно не существует в нашей прозе, — это язык хорошего общества. До сих пор я встречал в нашей прозе только язык горничных и приказных. Загоскин, писатель особенно мною любимый, не за слог, которого у него нет, но за язык и за способность к выдумке, даже Загоскин, всякий раз, когда выводит лиц из высших кругов общества и особенно женщин, заставляет их говорить языком, какой употребителен только в разговоре между барыней и горничной. Да если хотите, настоящего русского языка хорошего общества еще и не существует, ибо наши дамы говорят по-русски только со своими горничными, но нужно разгадать этот язык, нужно его создать и заставить этих самых дам принять его; и слава эта, вижу ясно, уготована вам, вам одному, вашему вкусу и прекрасному таланту. Я не могу опомниться от этих двух глав: они прелестны, прелестны, прелестны! Ради этих двух глав продолжайте! Вы создаете нечто новое, вы начинаете новую эпоху в литературе, которую вы уже прославили в другой отрасли. Я замечаю совсем новый [феномен] метеор. По некоторым страницам „Монастырки“ уже можно было как бы предчувствовать тот язык, который я ищу повсюду, но не нахожу в наших книгах, однако автор не сумел удержаться и впал в вульгарность. Впрочем, он не гений, а человек, лишенный гениальности, не создан для того, чтобы пролагать новые пути в литературе. Вам, вам всё возможно, всё вам досталось по праву. Повторяю вам, и без лести, — ибо, слава Богу, наши отношения не таковы, чтобы мне нужно было унижаться до лести, которая, к тому же, была бы и бесцельна, как она никогда не имеет оправдания среди порядочных людей, — повторяю вам, [что] — вы положили начало новой прозе, — можете в этом не сомневаться. С энтузиазмом любви к искусству говорю это, а такой энтузиазм может быть только искренним и не должен даже оскорблять вашу скромность. У Бестужева, спору нет, много, много достоинств; мысль у него прекрасна, но ее выражение всегда фальшиво: не ему создать прозу, которую все [могли бы], от графини до купца 2-й гильдии, могли бы читать с одинаковым удовольствием. Именно всеобщего

русского языка недоставало нашей прозе, и его-то я нашел в вашей повести. Это язык ваших стихов, одинаково понятных и доставляющих наслаждение всем слоям общества, который вы переносите в вашу прозу рассказчика; я узнаю в ней тот же язык, и тот же вкус, ту же прелесть. О, не могу выразить, сколько радости доставило мне это чтение, хотя я и совсем болен благодаря неприятностям, причиненным мне теми, кто называет себя друзьями литературы, кто, не зная меня лично, не имея со мной никаких ссор, пожелал преследовать меня как человека, который довел до полного падения всю литературу; они до сих пор еще рыщут около моей гражданской собственности, — несомненно, чтобы доказать свою любовь к изящной словесности. Но всё это вас не может интересовать: а факт тот, что именно вам обязан я минутой истинной радости среди моих нервных страданий; позвольте же мне поблагодарить вас за это без церемоний, со всей необдуманностью поступка, ве оправданного никаким внешним обстоятельством. Это, видите ли, чувство „кабинетное“, и вот это-то нечаянное чувство, без умысла и без последствий, столь свойственное мне и столь домашнее, настоящее home-feeling, домашнее чувство я вам в высказываю, не зная хорошенько, почему я так поступаю. Простите за каракули: я их пишу, держа попеременно то одну, то другую руку на кувшине с горячей водой и поставив обе ноги на другой такой же кувшин. Если это письмо вам не понравится или если оно покажется вам странным — скажите, что его писал старый кувшин [Непереводимая игра слов: la stuche значит „кувшин“ и „дурень“, „олух“].

Прощайте.

Сенковский.

Суббота.

Адрес: Его благородию милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину. В собственные руки.

882. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 24 февраля 1834 г. Петербург.

Граф Бенкендорф, свидетельствуя свое совершенное уважение господину Пушкину, честь имеет просить его пожаловать к нему послезавтра, в понедельник, в 10 часов утра.

Суббота

24 февраля 1834.

883. М. И. Калашников — Пушкину. 25 февраля 1834 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич,

При сем уведомляю вашу милость что мною собрано оброку 1000 рублей асигнациями; на что и ждал вашего повеления, о чем я прежде писал к вашей милости генваря 9 числа на имя Павла Воиновича, для доставления вам, так как мне изволил сказывать что вы изволите быть в Москву то я на его имя и послал, не знаю, — изволили ль вы получить, и куда прикажите выслать собранные деньги; на что жду вашего повеления куда прикажите выслать; — при сем рапортую вашей милости что при водчине вашей состоит всё благополучно! Засим честь имею пребыть с истинным моим высокопочитанием и преданностию

ваш милостивого государя всенижайший раб навсегда пребуду ⁴⁹

1834-го года февраля 25-го числа.

884. А. Х. Бенкендорфу. 26 февраля 1834 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Христофорович,

Не имея ныне способа, независимо от книгопродавцев, приступить к напечатанию мною написанного сочинения, осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству со всепокорнейшею моею

⁴⁹ Подпись отсутствует.

просьбою о выдаче мне из казны заимообразно, за установленные проценты, 20.000 рублей, с тем, чтоб я оные выплатил в два года, по срокам, которые угодно будет назначить начальству.

С глубочайшим почтением честь имею быть
милостивый государь Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Пушкин.
26 февраля 1834.

885. А. Х. Бенкендорфу. 27 февраля 1834 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Христофорович

государю императору угодно было чрез Ваше сиятельство дозволить мне печатать Историю Пугачева в одной из типографий, зависящих от его высокопревосходительства М. М. Сперанского: осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою дать знать о том куда следует.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,
милостивый государь Вашего сиятельства покорнейший слуга. Александр Пушкин.
27 февраля 1834.

886. П. П. Свиньин — Пушкину. Первая половина 1833 г. — февраль 1834 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Надеюсь, вы простите моей докучливости в уважение малого времени, которое остается мне жить в Петербурге а в это малое время мне хотелось бы кончить с изданием Храповицкого Записок! Сделайте одолжение пришлите мне с подателем сей манускрипт, я усердно займусь примечаниями, тем более, если вы потрудились отме[тить] те места, которые требуют оных по [вашему] мнению. Для дальнейшего объяснения я [явлюсь] [к] вам завтра часу в 1-м, если вы будете [дома и]ли не пожалуете ли вы ко мне сегодня? [До...] часов буду ожидать вас.

[Ес]ли вам не нужна рукопись de Legia, то [покорнейш]е прошу также возвратить мне ее с пода[телем сего и] верить чувствам совершенного почтения

Вашего покорнейшего слуги Пав. Свиньина.

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину.

887. А. О. Смирнова — Пушкину. 23 января — 4 марта 1834 г. Петербург.

Видно, суждено именно мне всегда отвечать вам. Итак, знайте, что на сегодняшнем вечере полагается быть во фраке.

Мой муж у себя в канцелярии, а его жена шлет самая сердечный привет вам и супруге вашей.

Адрес: Милостивому государю господину Пушкину.

883. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 4 марта 1834 г. Петербург.

Шеф № 382. Марта 4 дня 1834 года. Камер-юнкеру Пушкину.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

На письмо Ваше, от 26 февраля, о выдаче Вашему высокоблагородию заимообразно из казны двадцать тысяч рублей ассигнациями за указаны проценты, с тем, что вы, милостивый государь приемлете на себя обязанность уплатить сию сумму в течении двух лет, по срокам которые угодно будет назначить начальству, я имел счастье докладывать государю императору.

Его величество, изъявив на то свое соизволение, высочайше повелеть соизволил, выдать вам 20 [т. тысяч] рублей на вышеизложенных условиях.

Поспешая вас о сем уведомить, имею честь присовокупить, что вместе с сим я сообщил о сей высочайшей воле г. министру финансов.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть.

889. Л. В. Дубельт — Пушкину. 4 марта 1834 г. Петербург.

Управление жандармского корпуса. Отделение 2. С.-Петербург.

Марта 4-го дня 1834 № 1064

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Шеф жандармов, Командующий императорскою главною квартирою г-н генерал-адъютант граф Бенкендорф, получив письмо Вашего высокоблагородия от 27 февраля, поручил мне вас уведомить, что он сообщил г-ну действительному тайному советнику Сперанскому о высочайшем соизволении, чтобы сочиненная вами история Пугачева напечатана была в одной из подведомственных ему типографий.

Исполняя сим приказание его сиятельства графа Александра Христофоровича, имею честь быть с отличным почтением и преданностию вашим,

милостивый государь, покорнейшим слугою Л. Дубельт.

Его высокоблагородию камер-юнкеру А. С. Пушкину.

890. А. П. Малиновской (?). Около (не ранее) 4 марта 1834 г. (?) Петербург.

Прошу вас, милая [Анна Петровна], прислать ко мне Арндта, но только не говорите об этом моим родителям.

А. П.

891. А. Х. Бенкендорфу. 5 марта 1834 г. Петербург.

Милостивый государь, граф Александр Христофорович,

Извещение Вашего сиятельства о высочайшей милости государя императора имел я счастье получить. Осмеливаюсь, милостивый государь, свидетельствовать Вашему сиятельству чувства глубочайшей благодарности за могущественное ходатайство, коего изволили меня удостоить.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть

милостивый государь Вашего сиятельства покорнейшим слугою, Александр Пушкин.

5 марта 1834.

892. А. В. Дубельту. 5 марта 1834 г. Петербург.

Милостивый государь Леонтий Васильевич,

Спешу Вас всепокорнейше известить, что уведомление о высочайшем соизволении государя императора печатать мною написанную Историю о Пугачеве в одной из типографий, подведомственных господину действительному тайному советнику Сперанскому, получить имел я честь.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть

милостивый государь Вашим покорнейшим слугою Александр Пушкин.

5 февраля 1834 С.П.Б.

893. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 8 марта 1834 г. Петербург.

Граф Бенкендорф, свидетельствуя совершенное почтение его благородию Александру Сергеевичу, честь имеет при сем препроводить к нему обратно второй том Истории Пугачева и уведомить, что государь император изволил всё одобрить, за исключением некоторых мест, где его императорским величеством собственноручно сделаны отметки. —

Генерал-адъютант граф Бенкендорф.

№ 287. 8-го марта 1834. Его благород.[ию] А. С. Пушкину.

894. П. А. Катенин — Пушкину. 10 марта 1834 г. Петербург.

Посылаю к тебе, любезнейший Александр Сергеевич, только что вышедшую из печати сказку мою; привез бы ее сам, но слышал о несчастье, случившемся с твоей женой, и боюсь приехать не в пору. Если, как я надеюсь, беда сколько можно кончится добром, одолжи меня своим посещением в понедельник вечером; во вторник по утрам я отправляюсь в далекий путь: в Грузию. Прощай покуда.
Весь твой

Павел Катенин.

Суббота. Марта 10-го. 1834.

895. В. Ф. Одоевскому. 15–16 марта 1834 г. Петербург.

Едете ли Вы на совещание к Гречу? Если да, то отправимся вместе; одному ехать страшно: пожалуй, побьют.

896. В. Ф. Одоевскому. 16 марта 1834 г. Петербург.

Дело идет о Конверсационс Лексиконе: я это пронюхал. Соглашаюсь с Вашим сиятельством NB), что нынешний вечер имеет свою гадкую и любопытную сторону. Я буду у Г.[реча], ибо на то получил разрешение от Плетнева, который есть воплощенная совесть. Поедем; что за беда? Ведь это будет мирская сходка всей республики. Всего насмотримся и наслышимся — а в воровскую шайку не вступим.

А. П.

Адрес: Его сиятельству м. г. к.[нязю] Владимиру Федоровичу Одоевскому etc.

897. П. В. Нащокину. Середина марта 1834 г. Петербург.

Ты не можешь вообразить, милый друг, как обрадовался я твоему письму. Во-первых получаю от тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствие, и охота со мною болтать. С первых строк вижу, что ты спокоен и счастлив. Каждое слово уничтожает сплетни, половине коих я не верил, но коих другая половина сильно меня тревожила. У меня обедал Соболевский и Лев Серг.[еевич]. Прочитав твое письмо сперва про себя, потом во услышание твоих приятелей, все мы были довольны, все пожелали тебе счастья. Нат.[алья] Ник.[олаевна] нетерпеливо желает [с то[бою]] познакомиться с твоею Верою Александровною, и просит тебя заочно их подружить. Она сердечно тебя любит и поздравляет... Но сперва поговорим о деле, т. е. о деньгах. Когда ты отправил меня из Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты без моих денег обойдешься; от того-то я моих распоряжений и не сделал. У меня была в руках, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но она истаила и до октября денег у меня не будет — но твои 3,000 доставлю тебе в непродолжительном времени, по срокам, которые назначу, сообразясь с моими обстоятельствами. Здесь говорили, что ты проиграл в долг всё, что тебе следовало получить с брата. Ты не можешь вообразить, как это меня беспокоило; но теперь надеюсь на перемену жизни твоей. Тебе уже не нужно потрясений кенз-ель-ва и плие, для рассеяния своего домашнего горя. Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к добру и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно. Конечно мы квиты, если ты мне обязан женитьбою своей — и надеюсь, что Вера Ал.[ександровна] будет меня любить, как любит тебя Наталья Николаевна. Вообрази, что жена моя на днях чуть не умерла. Нынешняя зима была ужасно изобильна балами. На масленице танцовали уж два раза в день. Наконец настало последнее воскресенье перед великим постом. Думаю: слава Богу! балы с плеч долой. Жена во дворце. Вдруг, смотрю — с нею делается дурно — я увожу ее, и она, приехав домой — выкидывает. Теперь она (чтоб не сглазить) слава Богу здорова и едет на днях в Калужскую деревню к сестрам, которые ужасно страдают от капризов моей тещи. Долг Вяземского я еще до получения твоего письма перевел на себя.

Андрей Петрович в ужасном положении. Он умирал с голоду и сходил с ума. Соболевский и я, мы помогали ему деньгами скупю, увещаниями щедро. Теперь думаю отправить его в полк капельмейстером. Он художник в душе и в привычках, т. е. беспечен, нерешителен, ленив, горд и легкомыслен; предпочитает всему независимость; но ведь и нищий независимее поденщика. Я ему ставлю в пример немецких гениев, преодолевших столько горя, дабы добиться славы и куска хлеба. Сколько ты должен ему? Хочешь, я за тебя и ему заплачу? — Обстоятельства мои затруднились еще вот по какому случаю: На днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в пост[ел]е — весь дом в ужасном беспокойстве. Что такое? имение описывают. — Надо скорее заплатить долг. — Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя. — О чем же горе? — Жить нечем до октября. — Поезжайте в деревню. — Не с чем. — Что делать? Надобно взять имение в руки, а отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты. А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва, который в своем роде такой же художник, как и Андрей Петрович, с той разницей, что за собою никакого художества не знает. Сестра Ольга Сергеевна выкинула и опять брюхата. Чудеса да и только.

Вот тебе другие новости: я камер-юнкер с январ[я ме]сяца; Медный Всадник не пропущен — убытки и неприятности! за то Пугачев пропущен, и я печатаю его на счет государя. Это совершенно меня утешило; тем более, что, конечно, сделав меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах — и верно не думал уж меня кольнуть. Как скоро устрою свои дела, то примусь и за твои. Прощай, жди денег.

898. М. И. Калашников — Пушкину. 10-е числа (после 11) марта 1834 г. Болдино

Милостивый государь Александр Сергеевич,

При сем препровождаю к вашей милости доверенность для подачи ревизских сказок! которую извольте подписать; и двумя свидетелями засвидетельствуйте. А без оной доверенности нынче нельзя подать сказок, то и спешу вашу милость уведомить, и как получите оную доверенность то поспешите выслать па первой почте. Ревизкая начерно уже написана; а на оной доверенности кому изволите поручить подать оную, мне или старосте Петру Петрову. Я и ожидаю вашего повеления, о чем я писал к вашей милости два раза и ничего на оные ни получал, засим честь имею пребыть истинным моим высокопочтанием и преданностию

ваш милостивого государя всенижайший раб навсегда пребуду Михаил Калашников.

[...мар]та [...года]. [С. Болди]но

При сем не мог, что бы за ваше великое благодеяние не пролить теплый молитвы со слезами: моя старуха в сей жизни молила Бога и в вышней обители тоже будет молить за вас; мы лишились сего марта 11 числа: я, дочь и сын молили за ваше здравия Бога, естли бы вашей руки помощи не было то и нечем бы было и предать земли, меня извиниты я сто рублей в счет жалования получи[л]

ваш раб Мих[аил] Калашников.

899. Д. М. Княжевич — Пушкину. 21 марта 1834 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич,

Сего числа дано предписание Главному казначейству о выдаче всемилостивейше пожалованных Вам на напечатание Истории Пугачевского бунта 20.000 рублей, в ссуду на два года без процентов и без вычета в пользу увечных, со взятием от Вас надлежащего Государственному казначейству обязательства, в исправном возврате сей ссуды; о чем поспешая Вас уведомить, имею честь быть с совершенным почтением

Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою Дм. Княжевич.

№ 8386 21 Марта 1834 года

Его высокоблагородию А. С. Пушкину

900. Д. М. Княжевичу. 22 марта 1834 г. Петербург.

Милостивый государь Дмитрий Максимович,

Извещение Вашего превосходительства о том, что государю императору угодно было пожаловать мне 20,000 рублей на напечатание Истории Пугачевского Бунта, с тем, чтоб оные заплатить через два года, получить имел я честь.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть милостивый государь Вашего превосходительства покорнейший слуга Александр Пушкин.
1834 Марта 22 С.П.Б.

901. П. В. Нащокин — Пушкину. Около (не позднее) 24 марта 1834 г. Тула.

Пишу тебе, только для того — чтобы тебе напомнить обо мне, я здоров и счастлив и все еще в Туле. Сей час сажусь кровь пускать. Моциону не делаю, сильных ощущений нет и потому кровь привалило до того [я] что я голову нагнуть не могу. Прошай драгоценный Пушкин. Ради Бога присылай денег — и отдай Вяземскому, общее наше почтение с женою Натальи Николаевне.

П. Нащокин.

Ради Бога займи да пришли, у меня всего 5 рублей. Смерть хочется писать — но сил ни каких нет так голова и горит.

Адрес: Его высо[ко]благородию Александру Сергеевичу Пушкину. [Другой рукой:] Против Цепного мосту в доме Оливье у Пантелеймана, в С. Петербурге.

902. М. П. Погодин — Пушкину. 24 марта 1834 г. Москва.

Бог вам судья что вы не хотите принять участия в благом деле. И почему вы отказываетесь? Ведь после вы напечатаете прочтенное стихотворение где угодно. Общество Любите[лей] Рус[ской] Словесности делается средоточием словесн[ости] в Москве — пособите же этому. И не всё ли равно быть [тому или другому] стихотвор[ению] в Библиотеке, прочтенному в кругу приятелей за день или непрочтенному. — Пришлите же, пришлите же. Мы просим и ждем, а не то плакаться будем. — Знаете ли, что собрание отложено поэтому. Ну как без начала!

Ваш М. Погодин.

1834. Марта 24.

Скажите и Василью Андреевичу: он был прежде ревностным членом.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину. В книжный магазин г. Смирдина на Невском проспекте, близ Казанского собора в Петербурге.

903. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 24 марта 1834 г. Петербург.

Шеф жандармов, Командующий императорскою главною квартирою. Отделение 2. В С. Петербурге. Марта 24. дня 1834. № 491.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Сообщив Вашему высокоблагородию, отношением от 4-го сего марта за № 380-м, что государю императору благоугодно было изъяснить соизволение на выдачу вам 20 т[ысяч] р., я в то же время уведомил о сей высочайшей воле г. министра финансов и получил ныне от него отзыв, что он имел счастье подносить государю императору проэкт указа, о выдаче вам той суммы заимообразно, который и удостоен высочайшего подписания 16-го сего марта. При чем его императорскому величеству благоугодно было собственноручно написать вместо: История Пугачева, — История Пугачевского бунта.

О таком высочайшем соизволении, сообщенном мне г-м министром финансов, уведомляя Ваше высокоблагородие, присовокупить честь имею, что об отпуске вам в ссуду 20 т[ысяч] р., г-н министр финансов предложил Департаменту государственного казначейства; что же касается до

вашего сочинения, то в исполнение высочайшей воли, покорнейше прошу издать оное под заглавием
История Пугачевского бунта.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашим,
милостивый государь, покорнейший слуга граф Бенкендорф.
Двора его императорского величества камер-юнкеру А. С. Пушкину

904. А. Х. Бенкендорфу. 25 марта 1834 г. Петербург.

Милостивый государь, граф Александр Христофорович

Всепокорнейше честь имею известить Ваше сиятельство, что сего 24 марта получено мною уведомление об отзыве г. министра финансов касательно всемилостивейше мне пожалованных заимообразно денег на издание Истории Пугачевского Бунта.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть
милостивый государь Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Пушкин.
25 марта 1834 С.П.Б

905. И. И. Лажечников — Пушкину. 30 марта 1834 г. Тверь.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Недавно узнал я, что Вы пишете историю Пугачева. У меня есть рукопись, которая может быть
Вам полезна. Не зная, имеете ли вы уж копию с нее, препровождаю ее к Вам на всякой случай. Этим
случаем пользуюсь, чтобы доказать желание мое быть вам полезным и истинное мое к Вам уважение.

С чувством сим честь имею быть,
милостивый государь, ваш покорнейший слуга Иван Лажечников.
Тверь, 30 марта 1834.

906. В. А. Жуковский — Пушкину. Февраль — март (?) 1834 г. Петербург.

Раевский будет у меня нынче ввечеру. Будь и ты, привези брата Льва и стихи или хоть прозу,
если боишься Раевского. Порастреплем Пугачева.

Ж. Четверг.

Собрание открывается в 9 часов.
Адрес: А. С. Пушкину.

907. К. Монтандон — Пушкину. 1 апреля 1834 г. Одесса.

Милостивый государь,

Прошу вас соблаговолить принять эту книгу взамен того, что я у вас похитил предумышленно.
Спешу воспользоваться этим случаем, чтобы заверить вас в совершенном уважении, с которым я имею честь быть, милостивый государь, вашим нижайшим и покорнейшим слугой.

Монтандон.

Одесса 1 апреля 1834.

Я поселился в Симферополе. Если вам понадобятся какие-либо сведения или что другое, прошу вас вполне располагать мною.

Адрес: Милостивому государю господину Ал. Пушкину в С.-Петербурге.

908. Д. В. Давыдов — Пушкину. 4 апреля 1834 г. Маза.

Помилуй! что за дьявольская память? — Бог знает когда-то на лету я рассказал тебе ответ мой
М. А. Нарышкиной на счет камеристок, которые более свежи, а ты слово в слово поставил это
эпиграфом в одном из отделений Пиковой Дамы. Вообрази мое удивление, а еще более восхищение
мое жить в памяти твоей, в памяти Пушкина, некогда любезнейшего собутыльника и всегда моего

единственного, родного душе моей поэта! Право у меня сердце облилось радостью, как при получении записки от любимой женщины.

Как мне досадно было разъехаться с тобою прошлого года! Я не успел проехать Симбирск, как ты туда явился, и что всего досаднее, я возвращался из того края, в который ты ехал и где я мог бы тебе указать на разные лица или рожи, от которых ты мог получить и бумаги и сведения тебе нужные. После того ты был у Языкова, и я не знал о том! Неужели ты думаешь, чтобы я усидел дома и не прилетел бы обнять тебя. Злодей! зачем не дать было знать мне?

Знаешь ли, что струны сердца моего опять прозвучали? На днях я написал много стихов, так и брызгало ими. Право я думал, что рассудок во мне так разжирел, что вытеснил поэзию; не тут-то было: встрепенулась небесная, и он дай Бог ноги, так что и по сю-пору не отыщу его.

Совестно мне посылать тебе сердечные мои бредни, но, если прикажешь, исполню повеление Парнасского отца и командира. Надо только, чтобы повеление писано было неперемониально, и слово вы заменилось словом ты. Тогда на всё готов.

Денис Давыдов.

1834. апреля 4-го. Симбирской губернии Сызранского уезда С. Маза.

909. Н. В. Гоголю. Март — первые числа (не позднее 7) апреля 1834 г. Петербург.

Вы правы — я постараюсь. До свидания.

А. П.

910. М. П. Погодину. Около (не позднее) 7 апреля 1834 г. Петербург.

Радуюсь случаю поговорить с Вами откровенно. Общество Любителей поступило со мною так, что никаким образом я не могу быть с ним в сношении. Оно выбрало меня в свои члены вместе с Булгариным, в то самое время, как он единогласно был забалотирован в Англ.[ийском] клубе (NB в Петербургском), как шпион, переметчик и клеветник, в то самое время, как я в ответ на его ругательства принужден был напечатать статью о Видоке; мне нужно было доказать публике, которая в праве была удивляться моему долготерпенью, что я имею полное право презирать мнение Булгарина и не требовать удовлетворения от ошельмованного негодяя, толкующего о чести и нравственности. И что же? В то самое время читаю в газете Шаликова: Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея нашей словесности, удостоены etc. etc. Воля Ваша: это пощечина. Верю, что Общество, в этом случае, поступило как Фамусов, не имея намерения оскорбить меня.

Я всякому, ты знаешь, рад.

Но долг мой был немедленно возвратить присланный диплом; я того не сделал, потому что тогда мне было не до дипломов — но уж иметь сношения с Обществом Любителей, я не в состоянии.

Вы спрашиваете меня о Медном Всаднике, о Пугачеве и о Петре. Первый не будет напечатан. Пугачев вылет к осени. К Петру приступаю со страхом и трепетом, как вы к исторической кафедре. Вообще пишу много про себя, а печатаю по неволе и единственно для денег; охота являться перед публикою, ко[то]рая Вас не понимает, чтоб чет[ыре] дурака ругали Вас потом шесть месяцев в своих журналах только что не поматерну. Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок. Быть так.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Михайле Петровичу Погодину В Москве, в Университете.

911. А. В. Никитенке. Около (не позднее) 9 апреля 1834 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Иванович,

Могу ли я надеяться на Вашу благосклонность? Я издаю Повести Белкина вторым тиснением, присовокупя к ним Пиковую Даму и несколько других уже напечатанных пизэ. Нельзя ли Вам всё это пропустить? Крайне меня обяжете.

С истинным почтением и преданностью честь имею быть
милостивый государь, Ваш покорнейший слуга Александр Пушкин.

912. А. В. Никитенко — Пушкину. 9 апреля 1834 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

С душевным удовольствием готов исполнить Ваше желание теперь и всегда: да благословит только Вас Гений Ваш новыми вдохновениями, а мы готовы — что? скажете Вы — обрезать крылья ему? По крайней мере моя рука не поднимется на это. Потрудитесь прислать мне всё, что означено в записке Вашей, и уведомить меня, к какому времени желали бы Вы окончания этой тяжбы политического механизма с искусством, говоря просто, ценсурования. Я Пиковой Дамы не подписал, потому что считаю ее только частью собрания, к которому уже заодно приписано будет: печатать позволяется.

С искреннейшим уважением и преданностью имею честь быть:

Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга А. Никитенко.

9 апреля 1834.

913. Д. Н. Бантыш-Каменский — Пушкину. 10 апреля 1834 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Тяжкая болезнь жены моей препятствовала мне всё это время узнать от вас: не нужен ли вам портрет Пугачева для сочиняемой Истории его? Я видел гравированный у Платона Петровича Бекетова и могу достать верный рисунок с оного. Подлинный принадлежит к тому времени, когда самозванец был пойман. — Полагая, что сведения собранные вами, обширнее и любопытнее моих (из коих составлена мною биография мнимого Петра), желаю, однако ж, знать от вас: не имеете ли вы надобности в верном описании примет, обыкновенной одежды и образа жизни Пугачева, почерпнутых мною из писем частных особ к покойному моему родителю? — Если вам нужна и биография, я могу выслать оную. При сем прилагаю рисунок с печати самозванца. Он представлен без бороды, вероятно для большего убеждения легковерных в сходстве его с императором, на которого совсем не походил.

Будьте здоровы и трудитесь для славы собственной и любезного отечества.

С истинным почтением и душевною преданностью имею честь быть

Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою Дмитрий Бантыш-Каменский

Апреля 10-го 1834 года. Москва.

914. Г. А. Строганову. Около (не ранее) 11 апреля 1834 г. Петербург.

Граф.

Весьма печально искупаю я заблуждения моей молодости. Лобзание Лелевеля представляется мне горше ссылки в Сибирь. Благодарю вас однако ж за то, что вы сооблаговолили сообщить мне данную статью: она послужит мне текстом для проповеди.

Прошу вас, граф, повергнуть меня к стопам супруги вашей и принять, изъявление моего высокого уважения.

Александр Пушкин.

915. И. М. Пеньковскому. 13 апреля 1834 г. Петербург.

Батюшке угодно было поручить в полное мое распоряжение управление имения его; по сему утверждая доверенность им данную вам, извещаю вас, чтобы отныне относились вы прямо ко мне по всем делам, касающимся Болдина. Немедленно пришлите мне счет денег, доставленных Вами Батюшке со времени вступления Вашего во управление, также и Вами взятых в займы и на уплату долга, а за сим и сколько в остатке непроданного хлеба, несобранного оброка и (если случится)

недоимок. Приступить Вам также и к подворной описи Болдина, дабы она к сентябрю месяцу была готова.

А. Пушкин. 13 апреля.

Адрес: В Арзамасском уезде в Нижегородской губернии в село Абрамово, оттуда — в село Болдино, г-ну Пеньковскому.

916. И. И. Лажечникову. Первая половина апреля 1834 г. Петербург. (Черновое)

С живейшей благодарн.[остью] получил я письмо Ваше 30 [марта], и рукопись о Пуг.[ачеве]. Рукопись была уже мне известна, она сочинена ак.[адемиком] Рычк[овым], находившимся в Оренб.[урге] во время осады. В вашем списке я нашел некоторые любопытные прибавления, которыми непр[еменно] воспользуюсь.

Несколько раз проезжая через Тверь, я всегда желал случая вам представиться и благодарить Вас во-первых за то истинное наслаждение, которое доставили вы мне Вашим первым романом, а во-вторых и за внимание, которого вы меня удостоили.

С нетерпением ожидаем нового Вашего творения, из коего прекр.[асный] отрыв[ок] читал я в альм.[анахе] Макс.[имовича]. Скоро ли он выдет? и как Вы думаете его выдать — ради Бога, не по частям. Эти рассрочки выводят из терпения многоч.[исленных] ваш[их] читат[елей] и почитат[елей].

С глуб.[очайшим] и проч.

917. Н. Н. Пушкиной. 17 апреля 1834 г. Петербург.

17 апреля.

Что, женка? каково ты едешь? что-то Сашка и Машка? Христос с Вами! будьте живы и здоровы, и доезжайте скорее до Москвы. Жду от тебя письма из Нова-города; а покаместь, вот тебе отчет о моем холостом житье-бытье. Третьего-дня возвратился я из Царского-села в 5 часов вечера, нашел на своем столе два билета на бал 29-го апреля и приглашение явиться на другой день к Литте; я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни. В самом деле в тот же вечер узнаю от забежавшего ко мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камер-геров и камер-юнкеров и что он велел нам это объявить. Литта во дворце толковал с большим жаром, говоря: Il y a cependant pour les Messieurs de la Cour des rgles fixes, des rgles fixes. На что Нарышкин ему заметил: Vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur ⁵⁰. Я извинился письменно. Говорят, что мы будем ходить по-парно, как институтки. Вообрази, что мне с моей седой бородкой придется выступать с Безобразовым или Реймарсом — ни за какие благополучия! Пусть уж лучше меня высекут перед всеми, как говорит г-н Журден. Поутру сидел я в моем кабинете, читая Гримма и ожидая, чтоб ты, мой ангел, позвонила, как явился ко мне Соболевский с вопросом, где мы будем обедать? Тут вспомнил я, что я хотел говеть, а между тем уж оскоромился. Делать нечего; решились отобедать у Дюме; и покаместь стали приводить в порядок библиотеку. Тетка приехала спросить о тебе и узнав, что я в халате и оттого к ней не выхожу, сама вошла ко мне — я исполнил твою комиссию, поговорили о тебе, потужили, побеспокоились; и решились тебе подтвердить наши просьбы и требования — беречь себя и помнить наши наставления. Потом явился я к Дюме, где появление мое произвело общее веселие: холостой, холостой Пушкин! Стали подчивать меня шампанским и пуншем, и спрашивать, не поеду ли я к Софье Астафьевне? Всё это меня смутило, так что я к Дюме являться уж более не намерен и обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и beef-steaks. Вечер провел я дома, сегодня проснулся в 7 часов, и стал тебе писать сие подробное донесение. — Посылаю тебе письмо матери, пришедшее третьего дня — буду ей писать, а покаместь обнимаю и целую тебя, и благословляю всех троих.

Адрес: Ее благородию м. г. Натальи Николаевне Пушкиной В Москве на Никитской в д. Гончарова.

⁵⁰ Однако ж для придворных кавалеров существуют определенные правила, определенные правила. [...] Вы ошибаетесь: это для фрейлин. (Игра слов: les rgles значит и „правила“ и „регулы“).

918. Н. Н. Пушкиной. 19 апреля 1834 г. Петербург

Душка моя, посылаю тебе два письма, которые я распечатал из любопытства и скупости (чтоб меньше платить на почту весовых денег), также и рецепт капель. Сделай милость, не забудь перечитать инструкцию Спасского и поступать по одной. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чем дальше едешь, тем тебе легче; а мне!.. Сестры твои тебя ждут; воображаю вашу радость; смотри, не сделайся сама девочкой, не забудь, что уж у тебя двое детей, третьего выкинула, береги себя, будь осторожна; пляши умеренно, гуляй по немножку, а пуще скорее добираться до деревни. Цалую тебя крепко и благословляю всех вас. Что Машка? чай куда рада, что может в волю воевать! Теперь вот тебе отчет о моем поведении. Я сижу дома, обедаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевского. Третьего дня сыграл я славную штуку со Львом Сергеевичем. Соболевский, будто ненарочно, зовет его ко мне обедать. Лев Серг.[еевич] является. Я перед ним извинился как перед гастрономом, что не ожидая его, заказал себе только ботвинью да beafsteaks. Лев Серг.[еевич] тому и рад. Садимся за стол; подают славную ботвинью; Лев Серг.[еевич] хлебает две тарелки, утирает осетрину, наконец требует вина; ему отвечают, нет вина. — Как, нет? — Алекс.[андр] Серг.[еевич] не приказал на стол подавать. И я объявляю, что с отъезда Нат.[альи] Ник.[олаевны] я на диете — и [всё] пью воду. Надобно было видеть отчаяние и сардонический смех Льва Сергеича, который уже ко мне вероятно обедать не явится. Во всё время Соболевский подливал себе воду то в стакан, то в рюмку, то в длинный бокал — и подчивал Льва Сергеича, который чинился и отказывался. Вот тебе пример моих невинных упражнений. С нетерпением ожидаю твоего письма из Новгорода и тотчас понесу его Кат.[ерине] Ивановне. Покаместь — прощай, ангел мой. Цалую вас и благословляю. Вчера был у нас первый гром — слава Богу, весна кончилась.

Адрес: М. г. Наталии Николаевне Пушкиной В Москве на Никитской в доме Гончарова.

919. Н. Н. Пушкиной. 20 и 22 апреля 1834 г. Петербург.

Пятница.

Ангел мой женка! сей час получил я твое письмо из Бронниц — и сердечно тебя благодарю. С нетерпением буду ждать известия из Торжка. Надеюсь, что твоя усталость дорожная пройдет благополучно, и что ты в Москве будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послал я тетке, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим теской; с моим теской я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перешеголяет, а плетью обуха не перешибет. Теперь полно врать; поговорим о деле; пожалуй-ста, побереги себя, особенно с начала; не люблю я святой недели в Москве; не слушайся сестер, не таскайся по гуляниям с утра до ночи, не пляши на бале до заутренни. Гуляй умеренно, ложись рано. Отца не пускай к детям, он может их испугать и мало ли что еще. Пуще береги себя во время регул — в деревне не читай скверных книг дединой библиотеки, не марай себе воображения, женка. Кокетничать позволяю, сколько душе угодно. Вверхом ездите не на бешеных лошадях (о чем всепокорно прошу Дм.[итрия] Ник.[олаевича]). Сверх того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку и, если ты не будешь довольна своей немкой или кормилицей, прошу тотчас прогнать, не совестясь и не церемонясь.

Воскресение. Христос воскрес, моя милая женка, грустно, мой ангел, грустно без тебя. Письмо твое мне из головы нейдет. Ты, мне кажется, слишком устала. Приедешь в Москву, обрадуешься сестрам; нервы твои будут напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, целую ночь постоишь у всеночной и теперь лежишь в растяжку в истерике и лихорадке. Вот что меня тревожит,

мой ангел. Так что голова кругом идет и что ничто другое в ум не лезет. Дождусь ли я, чтоб ты в деревню удрала! Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии, потому что репортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров. Кочубей сделан канцлером; множество милостей; шесть фрейлен, между прочими твоя приятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская всё нет. Жаль и досадно. Наследник был очень тронут; государь также. Вообще, говорят, всё это произвело сильное действие. С одной стороны я очень жалею, что не видал сцены исторической и под старость нельзя мне будет говорить об ней как свидетелю. Еще новость: Мерлер умер; это еще тайна для в.[еликого] князя, и отравит его юношескую радость. Аракчеев также умер. Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться. Тетка подарила мне шоколадный бильярд — прелесть. Она тебя очень целует и по тебе хандрит. Прощайте, все мои. Христос воскрес, Христос с Вами.

920. П. В. Нащокин — Пушкину. Около (после) 22 апреля 1834 г. Тула.

Ну, почтенный и любезный друг Александр Сергеевич, — в какое положение ты, хотя и нехотя но меня ставишь. Вообрази что я в незнакомом городе живу в кредит — занимаю по не многу у хозяина, что я говорю — занимаю, занимал и уже теперь стал он отънековаться, и смотрит как он так и многие на меня с подозрением — меня понимают шарлатаном, — ибо — говоря откровенно, моя правдивая речь — кажется ложью, потому что уверения мои на скорое получение денег не много мне сомнительны самому — и от того слово мое бывает с запинательством — что и приводит всякого в сумнение, — жена моя ничего не знает — и не замечает — ибо я наружно очень весел и покоен, нет почты, что бы я раза три не посылал переспрашивать — не ошибаются ли, верно есть, должна быть ко мне повеска. — В маленьком городе всё известно, — и потому не мудрено, что я кажусь либо подозрителен — либо жалок и смешон, но это всё ничего — хотя некрасивая — роль, но сущность или существенность моего положения может быть очень жестока. — Не могу, силы нет — описать тебе могущее быть унижительное мое положение, — не то что бы не умел — в мемориях я в своих опишу, — но теперь какая-то русская амбиция мешает — не люблю ни представлять себя, ни сам себя видеть — в жалком положении — я думаю что это происходит от нравственного кокетства, — мне же всё равно что жалко — что гатько, — а я близок к гаткому — [но] и только от того, что я писал к тебе, бил наверное, но вышло [плие] по первой почте плииё, — и потом затянулось — не выходит — да и только, — знаю что выдет — да когда. — Прости великодушно — что я тебя не много огорчаю, — мне ей-ей бы не хотелось — но так пришлось — нутренной жар — какая-то нервическая хлопотливость — заставляет меня тебе писать — а приятного написать как бы не хотел не могу — понудить тебя не для чего — ты и сам почти столько же беспокоишься я уверен. Ускорить тебя в платеже, то же не имею в намерении, — ибо уже я не получа нынешнюю почту к светой, не естественно получение, — ни по времени, ни почему — итак любезный друг я пишу — без цели, без надежды, а только надеясь на твою дружбу, — разъярил свое тяжелое сердце, и мне поверишь ли, что как-то гораздо легче. — Если тут будет — Соболевский, останови его, чтобы он на смех — не поднял — и не сказал что без денег легко, — это шутка будет с его стороны не чистосердечная, потому что он как человек опытной знает — что без денег тяжело. — Кланяйся ему и брату твоему — мне кажется что ты писал что он сердит на меня. — Скажи ему, что это не прилично, беспечному и сладко-жирно-ество любителю, *Лорду*, сердится и ему, должно быть, *лень* сердится, я так и думаю, что он не может сердится, так же как и я, — ему — от лени, а мне от того, что некогда. Прощай, любезный Александр Сергеевич, хотя мне и очень плохо — но всё лучше того, что бы было — еслиб не жена моя — а была бы Ол.[ьга] Анд.[реевна] — Она ей-ей премилая, и прекроткая — только бы не с глазить, — хотя жена и не знает, что я тебе пишу, но кланяюсь тебе за нее и прошу засвидетельствовать наши почтения Натальи Николаевне.

Ради Бога присылай мне все три тысячи, это одно может поправить мою репутацию — кредит и вообще дела — мои.

П. Нащокин.

921. Н. Н. Пушкиной. 24 апреля 1834 г. Петербург.

Вторник. Благодарю тебя, мой ангел, за письмо из-под Торжка. Ты умна ты здорова — ты детей кашей кормишь — ты под Москвою. — Всё это меня очень порадовало и успокоило; а то я был сам не свой. У нас Святая неделя, шумная, бурная. Вчера был у Карамзиной и побранился с Тимерязевой. Сегодня пойду к тетке, с твоим письмом. Завтра напишу тебе много. Покамест целую тебя и всех Вас благословляю.

922. Н. И. Павлицев — Пушкину. 26 апреля 1834 г. Варшава.

Варшава, 26 апреля — 8 мая 1834.

Милостивый государь Александр Сергеевич,

Узнавши из писем Сергея Львовича, что вы берете на себя труд уплачивать долги Льва Сергеевича и доставлять ежегодное содержание жене моей, я нужным считаю объяснить с вами насчет этих двух предметов.

Лев Сергеевич, живя здесь почти два года, часто бывал в крайнем положении и делал долги. Нередко случалось мне выручать его из беды, занимая на честное слово деньги для удовлетворения нужд его. Отъезжая отсюда, он обещал выслать из Петербурга должную им сумму и даже оставил мне счет своим долгам; но не исполнил того, не отвечав даже ни слова на три письма мои. Многие заимодавцы его ропщут и нераз уже обращались ко мне с своими домогательствами: я решительно отказался от всякого посредничества; между тем будучи сам в долгу за Льва Сергеевича, я вынужден обстоятельствами просить вас покорнейше о высылке мне 1539 злотых, которые я для него занял. До сих пор заимодавец довольствовался процентами; но теперь требует неотступно капитал. Денег у меня нет, занять не где, заложить нечего, — следовательно я сам в беде, из которой только вы меня выручить можете.

Сергей Львович, заботясь о долгах Л.[ьва] С.[ергеевича], в одном письме своем изъявил желание знать, как велики они? Хотя узнать это можно всего ближе от самого Л.[ьва] С.[ергеевича]; но я посылаю собственноручный (*примерный*) счет его, который удовлетворит отчасти этому желанию. Говорю *отчасти*, потому что сверх того Л.[ев] С.[ергеевич] должен Плещееву 2000 руб. ассигнац.[иями] и 30 червонцев. — Долг этот каким-то образом принял Аничков на себя, в надежде получить деньги от Л.[ьва] С.[ергеевича] в Петербурге. Денег он не получил, а между тем Плещеев, по случаю сдачи своей роты попавши в трудное положение, требует платежа от него. Чем это кончится, не знаю; но вышла большая путаница. Есть еще у Л.[ьва] С.[ергеевича] денежные счета с Аничковым; какие же именно, мне неизвестно.

Перехожу к другому предмету. Батюшка, говоря о содержании, какое вы ежегодно будете доставлять жене, пишет, что в первый год вы не можете дать более 1500 руб., а в следующие дадите может быть и больше. Сорамерявши до сих пор расходы свои обещанному Сергеем Львовичем пособию, я не могу не сделать вопроса: с какого именно времени считаться будет первый год? Для разрешения его надобно войти в некоторые подробности.

Батюшка назначил когда-то содержания жене моей по *четыре тысячи* в год; назначение это было принято с полною благодарностию. Не смотря на то, в первые два года дано было только по 2/ т., в последующие два по 1500, а в остальные еще менее, так что в последние 20 месяцев пребывания нашего в Варшаве вся выдача ограничилась только тысячью руб. Оставленный таким образом на одном царском жалованьи, я не смел никогда роптать, сократил расходы и только старался предупреждать неприятные последствия нужды: два раза имел случай получить награду, я отказался от *чинов* и *крестов*, а удовольствовался *деньгами* для расплаты с кредиторами, и вперед, покуда положение мое не переменится, буду просить денег. Но случай не всегда может представиться, и тогда кто заплатит долги мои? Не мне одному грозит нужда: обо мне и речи нет; но жена моя, сестра ваша, имеет кажется право на участие родных в ее судьбе. Считая доходы не тысячами и сотнями, а

единицами, я порадовался, что наконец вы, вступив в управление именем Сергея Львовича, будете постоянно помогать нам хотя тысячью пятьюстами руб. Но скажите, когда именно начнется *первый год*? Разрешение этого вопроса, как видите, для меня очень важно.

Итак, всё содержание длинного письма моего заключается в двух просьбах: 1) прислать мне без отлагательства 1539 злотых, должных Л.[ьвом] С.[ергеевиче]м, и 2) уведомить положительно на счет срока, с которого считается *первый год*. Я надеюсь, что вы поспешите исполнением моих просьб, — что не оставите письма этого без ответа: адрес мой есть у С.[ергея] Л.[ьвовича], но на всякий случай вот он: *Помощнику статс-секретаря Государственного совета*.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности, с которыми имею честь быть
вашим покорнейшим слугою Николай Павлицев
NB .

Лев Сергеевич должен мне не 1120 злотых,* но по счету, который я послал ему еще в прошлом году _____ 1.432 зл.[отых] 15 гр.[ошей]

С октября прошлого 1833 по июнь сего года процентов от суммы 200 руб. серебр.[ом] по 1 процента _____ 106—20

итого _____ 1.539—5—, что на ассигнации, полагая 184 зл. за 100 руб., составит 837 рублей ассигн.[ациями].

* Кроме 400 зл.[отых], которые он должен мне по висту и заплатит когда-нибудь при деньгах.
Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

923. Н. Н. Пушкиной. 28 апреля 1834 г. Петербург.

Ну, женка! насилу дождались мы от тебя письма. По моему расчету ты должна была приехать в Москву в великий четверг (так и вышло), и целые девять дней не было от тебя известия. Тетка перепугалась. Я был спокойнее, зная уже, что ты до Торжка дотащишься благополучно, и полагая, что хлопоты приезда и радость свидания помешают тебе в первые дни думать о письмах. Однако уж и мне становилось плохо. Слава Богу! ты приехала, ты и Маша здоровы, Сашке лучше, вероятно он и совсем выздоровил. Не от кормилицы ли он болен? Вели ее осмотреть, да отыми его от груди, пора. Кланяйся сестрам. Попроси их от меня Машку не баловать, т. е. не слушаться ее слез и крику, а то мне не будет от нее покоя. Береги себя, и сделай милость, не простудись. Что делать с матерью? Коли она сама к тебе приехать не хочет, поезжай к ней на неделю, на две, хоть это лишние расходы и лишние хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственных сцен. Помяни Господи царя Давида и всю кротость его! — С отцем пожалуй-ста не входи в близкие сношения и детей ему не показывай; на его, в его положении, невозможно полагаться. Того и гляди откусит у Машки носик. Теперь вот тебе всепокорнейший отчет. Святую неделю провел я чинно дома, был всего вчерась [у] (в пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качелях не являлся; завтра будет бал, на который также не явлюсь. Этот бал кружит все головы и сделался предметом толков всего города. Будет 1,800 гостей. Расчислено, что, полагая по одной минуте на карету, подъезд будет продолжаться 10 часов; но кареты будут подъезжать по 3 вдруг, следственно время втрое сократится. Вчера весь город ездил смотреть залу, кроме меня. Соболевский здесь, но занял у меня 50 р. и с тех пор ко мне не являлся. Лев Серг.[еевич] переезжает сегодня от Энг.[ельгардта] к родителям. Честь имею тебе заметить, что твой извозчик спрашивал не рейнвейну, а ренского (т. е. всякое белое кисленькое виноградное вино называется ренским), впрочем твое замечание о просвещении русского народа очень справедливо, и делает тебе честь, а мне удовольствие. Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу тебе, кто ты. Пьешь ли ты ромашку или eau d'orange ⁵¹? Тетка третьего-дня заезжала ко мне узнать о твоём здоровье и пококотничала со мною из [каре]ты. Сегодня отправлюсь к ней с твоим письмом. Прощай, мой ангел; цалую тебя и всех вас благословляю.

⁵¹ отвар из апельсиновых листьев.

Кланяюсь сестрам... Эх, хотелось бы отпустить крепкую шутку, да тебя боюсь. До свиданья.

Суббота.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В Москве на Никитской в доме Гончарова.

924. П. В. Нащокин — Пушкину. Конец апреля 1834 г. Тула.

Любезный друг — Александр Сергеевич. Крайне мне грустно будет если я узнаю что ты на меня сердишься. Нельзя и не сердится на того кто денег просит, особенно на четырех круглых страницах — но делать нечего — я еще и теперь к тебе прибегаю, с тою же прозьбою. Ты человек рассеянный — а я человек отдаленный — а потому я и напоминаю, что только и нужно. Письмо же это посылаю не по почте — а по аказий с тульским купцом — которому ты можешь если еще не послал ко мне денег — ему поручить мне оные доставить [и] всю сумму — или остальную — ибо я не надеюсь чтобы ты все в друг — деньги ко мне прислал — в твоём добром намерении я не сомневаюсь, но на возможность падает всё мое сомнение и то, что, со мною, такого благополучия никогда не случилось — обыкновенно — или мне со всем не платят — или раздробляют платеж на шесть лет, — такова моя судьба. Заимовал же я [часто [?]] по сту рублей, и то с натяжкой, — ибо первый вопросительный ответ [был — на] [на] на мое требование бывал — *на что тебе — возьми четыре золотых.* Желал бы, чтоб моя надежда совершилась — а я надеюсь что всё переменится — ибо я как мне кажется на перекор судьбы женился, — и всё пойдет — ей теперь на перекор — а мне к удовольствию. Вяземскому ради Бога отдай — 500 — а остальные 3 т[ысячи] — в Тулу по возможности. — Можешь еще достать столько же или хотя 2 т.[ысячи] — в таком случае — ты одолжи меня на год — и можешь быть уверен — что они тебе преберутся лучше. Следственно ты не скупись — а дай мне их коли будут — после слюбится; впрочем — сказать не беда, — а там — как тебе угодно. Жена моя и я тебе низко кланяемся — и просим тебя покорно засвидетельствовать — от нас Натальи Николаевне нижайшее почтение. — Я слава Богу здоров — у нас здесь погода славная, и грязь ужасная. Жена моя брюхата, — без причут, только не любит табаку, — знать будет старовер. Я желаю дочь — она будет — сестрою Павлу Павловичу. Сын же того и гляди — вместо брата, делается ему барином, чего я не хочу. Что мне приятно, что жена моя в большой дружбе с моим сыном. — Прощай, любезный друг — кланяйся всем — кто то только вспомнить. Я всем доволен — кроме финансов. Отвечай мне хоть словом — если не делом. Писал ли ты Кнерцеру. Что делает Эсаулов — я об нем крепко думаю. Поцалуй Соболевского и брата — если они хорошо себя ведут. Буть здоров.

Они хорошие люди но больно молоды.

П. Нащокин.

925. Н. Н. Пушкиной. 30 апреля 1834 г. Петербург.

Фомин понедельник.

Вчера был наконец дворянский бал. С шести часов начался подъезд экипажей. Я пошел бродить по городу и прошел мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиция с ним шумела. Иллюминацию приготавливали. Не дождавшись сумерков, пошел я в Англ.[ийский] клуб, где со мною случилось небывалое происшествие. У меня в клубе украли 350 рублей, украли не в тинтере, не в вист, а украли, как крадут на площадях. Каков наш клуб? перешеголяли мы и московский! Ты думаешь, что я сердился, ни чуть. Я зол на Петербург и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой ангел. Слава Богу, ты здорова, дети здоровы, ты пай дитя: с бала уезжаешь прежде мазурки, по приходам не таскаешься. Одно худо: не утерпела ты, чтоб не съездить на бал кн.[ягини] Галицыной. А я именно об этом и просил тебя. Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где хозяйка позволяет себе невнимание и неуважение. Ты не мадмуазель Зонтаг, которую зовут на вечер, а потом на нее и не смотрят. Московские дамы мне не пример. Они пускай таскаются по передням, к тем, которые на них и не смотрят. Туда им и дорога. Женка, женка! если ты и в эдакой безделице меня не слушаешь, так как мне не думать... ну, уж Бог с тобой. Ты говоришь: я к ней не

ездил, она сама ко мне подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штатс-дама, а ты камер-пажиха; это дело службы. Но на бал к ней нечего было тебе являться. Ей Богу, досада берет — и письма не хочу продолжать.

926. Н. Н. Пушкиной. 30 апреля 1834 г. Петербург.

Жена моя милая, женка мой ангел — я сегодня уж писал тебе, да письмо мое как-то неудалось. Начал я было за здравие, да свел за упокой. Начал нежностями, а кончил плюхой. Виноват, женка. Остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим. Прошаю тебе бал у Галицыной и поговорю тебе о бале вчерашнем, о котором весь город говорит и который, сказывают, очень удался. Ничего нельзя было видеть великолепнее. Было и не слишком тесно, и много мороженого, так что мне бы очень было хорошо. Но я был в народе, и передо мною весь город проехал в каретах (кроме поэта Кукольника, который проехал в каком-то старом фургоне, с каким-то оборванным мальчиком на запятках; что было истинное поэтическое явление). О туалетах справлюсь и дам тебе знать. Я писал тебе, что у меня в клобе украли деньги; не верь, это низкая клевета: деньги нашлись и мне принесены. Напрасно ты думаешь, что я в лапах у Соболевского, и что он пакостит твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять с Софьей Карамзиной. Она сегодня на свадьбе, у Бакуниной. Есть еще славная свадьба: Воронцов женится — на дочери К. А. Нарышкина, которая и в свет еще не выезжает. Теперь из богатых женихов остался один Новомленский, ибо Сорохтин, ты говоришь, умре. Кого-то выберет он? Александру ли Николаевну или Кат.[ерину] Ник.[олаевну]? как думаешь? Это письмо вероятно получишь ты уже в Ярополище; Натальи Ивановне я уже писал; поцалуй за меня у ней ручки и скажи много нежного. Прощай, жена, цалую и благословляю тебя и Вас.

А. П.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной — в Москве на Никитской в доме Гончарова.

927. Д. Н. Бантышу-Каменскому. 1 мая 1834 г. Петербург.

Милостивый государь Дмитрий Николаевич

Позвольте принести Вам глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоценный знак Вашей благосклонности, и за снимок с печати Самозванца, который я тотчас и отдал гравировать. Портрет его у меня есть и также гравирован. С нетерпением буду ждать Биографию Пугачева, которую изволите мне обещать с такою снисходительностию.

Жалею, что время не позволяет мне повергнуть мой труд Вашему рассмотрению. Мнения и замечания такого человека, каков вы, послужили бы мне руководством и ободрили бы первый мой исторический опыт.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь

Вашего превосходительства покорнейшим слугою Александр Пушкин.

1 мая 1834 С.П.Б.

928. М. И. Калашников — Пушкину. 2 мая 1834 г. Нижний-Новгород.

Милостивый государь Александр Сергеевич

Сего апреля 24-го числа получил повестку из Арзамаза и от правился 27-го для получения причем получил доверенность и приказания вашей милости, 30-го апреля подал прозбу в гражданскую полату, теперь хлапochу справки вынести как в Нижнем равно и в Сергаческом уездном и земском суде и непримено 4 числа мая выеду, и как скоро получу в Сергачи то в Нижней от правлюсь для получения настоящего свидетельства.

При сем уведомляю вашу милость что [по] 7-й ревизии за батюшкой было 276 душ а по 8-й ре[ви]зии 296 душ, равно и вашей части было 200 душ теперь 226 душ.

Следовательно проти[в] седмой ревизи[и] болей 46 душ, то не изволете ли на все души взять свидетельства одне хлопаты что на семдесят то на ста издержки, естли изволети то изволте доверенность прислать а я между тем все справки вынесу. Засим честь имею пребыть с истинным моим высокопочитанием и преданностию *ваш милостиваго государя всенижайший раб наивсегда пребуду Михаил Калашиков.* Ч.*[исла]* 2 мая 1834 года Нижней Новгород

Василей ко мне писал что вы изволели ему приказать ко мне написать: если ваша милость будет для нас вернополанных рабов ваших не лишите своею отеческую милостью, за что мы по гроб нашей жизни будем Бога молить — и моей старухи Богу неугодно было вас в нынешнем свете поблагодарить со слезами то в будущем веке молить Царя Небесного о вашем здравии и долголетье.

Я от правился в Нижней, оставил дочь свою при последних часах родить и не знаю что с ней случится на одного Бога надежда, теперь матери нет и ненакова надеится.

929. П. В. Нащокин — Пушкину. 3 мая 1834 г. Тула.

Любезный и почтенный друг Александр Сергеевич. Нет от тебя ни денег ни письма, не знаю что подумать — и то и другое для меня необходимо, — деньги чтобы успокоить — желудок, — письмо, чтобы успокоить — совесть, — мне совестно что я у тебя их прошу так настоятельно, и думаю что ты на меня за то в неудовольствие, но ей ей с тех пор как я к тебе писал у меня денег уже не было и теперь нет — и других не будет до генваря месяца. Мне совестно перед тобою, мне совестно перед Тулою, — и совестно перед собою, [невозможною (?) нужду свою] описывать нужду, которую я терплю, мне оскорбительно я ни как не могу — довольно если я скажу — что еще ден без денег здесь — т. е. в Туле, я вообразить не могу — и этот ден будет — и ни как его не избежишь. Если ты уже не выслал денег — скажи ради Бога был ли у тебя тульский купец, что ты ему сказал — дал ли ты ему денег, или не забыл ли ты мой адрес, в доме купца Кондрашева, на Сенной площади, в Туле. Ради Бога отпиши и не сердись. Прости великодушно, что о деньгах только и пишу — больше не о чем — не могу. — Отпиши хоть строчку. Прощай, боюсь надоесть, а то я в духе написать 10 страниц — и 1000 раз упомянуть об деньгах. — О деньги! деньги!

П. Нащокин

Уже 3-го мая, 1834-го года. Тула. — На Сенной площади в доме купца Кондрашева.

Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. Против Цепного моста в доме Оливье у Понтелеймана, в С. Петербург.

930. С. А. Соболевский — Пушкину. Конец апреля — не позднее 4 мая 1834 г. Петербург.

Из сей бумаги следует

1) что у тебя душ 1037 по последней ревизии, а не 950, как ты говорил. К ним земли 4698 десятин.

2) что из них 563 заложены с надбавочными

200 заложены с надбавочными

200 тобою заложены без надбавочных

74 совершенно свободны.

Итак ты можешь получить: на свои 200 надбавочных 10.000 руб.

на 74 всего по 250. 18.500.

сверх этих 28.500 рублей есть надежда, что души по новой ревизии прибавились и что их можно будет заложить. —

3) что недоимки 11.045 рублей 92 копейки, кои должно немедленно заплатить, как то отметил мой приятель бухгалтер. Впрочем я думаю, что у него последний платеж, сделанный теперь с деревни, еще не известен. Итак 11.045 есть maximum, с надеждою на minimum.

Итак у тебя остается с первого раза 17.000 рублей на платеж 10 или 12 тысяч за Льва и отца, и на прокорм отца за год вперед, не считая оставшихся доходов. Есть же тебе из чего печалиться, а Натальи Николаевне дуться?!!

4) ежегодно следует платить за отца 11.826

за себя — 2.400

за те, коих периложишь и заложишь — 1.847 рублев 50 соресс,
16.173-50.

Счет по займам Сергея Львовича Пушкина.

В описании имению показано принадлежащей земли: к селу Болдину единственного владения пахотной 2340. дес. 2091 саж., сенокосной 182. дес. 1.615 саж., лесу строевого и дровяного 582. дес. 1.422 саж., под поселением, огуменниками и огородами 110. дес. 100 саж., под речкою и оврагою 20. дес. 36 саж., всего 3.236. десятин 465. сажень. К сельцу Кистеневу при 476 душах единственного владения 1.461. дес. 95. сажень.

19 июля 1834 заложено на 37 лет 74 души (за удержанием долга) выдано 13,242 р.

Платить процент. 900 руб. (за 15,200)

931. Н. И. Павлицеву. 4 мая 1834 г. Петербург.

Милостивый государь Николай Иванович,

Благодарю Вас за Ваше письмо. Оно дельное и деловое; следовательно отвечать на него не трудно.

Согласясь взять на себя управление батюшкинова имения, я потребовал ясного расчета долгам казенным и частным, и доходам.

Батюшка отвечал мне, что долгу на всем имении тысяч сто, что процентов в год должно уплачивать тысяч семь, что недоимок тысячи три, а что доходов тысяч 22.

Я просил всё это определить с большею точностию, и батюшка не успев того сделать сам, я обратился в ломбард и узнал наверное, что

Долгу казенного — 190,750

Что процентов ежегод.[ных] — 11,826

Что недоимок — 11,045

(Частных долгов полагаю около — 10,000)

Сколько доходу, наверное знать не могу, но, полагаясь на слова батюшкины и ставя по 22,000, выдет, что, за уплатою казен.[ных] процентов, остается до 10,000.

Из оных если батюшка положит по 1,500 Ольге Серг.[еевне], да по стольку же Л.[ьву] Серг.[ееви]чу, то останется для него 7,000. Сего было бы довольно для него, но есть недоимки казенные, долги частные, долги Льва Серг.[еевича], а часть доходов сего года уже батюшкой получена и истрачена.

Покаместь не приведу в порядок и в известность сии запутанные дела, ничего не могу обещать О.[льге] С.[ергее]вне и не обещаю. Состояние мое позволяет мне не брать ничего из доходов батюшкина имения, но *своих* денег я не могу и не в состоянии приплачивать.

На днях [...]74 души не залож[енных...] *Надеюсь* получить тыся[ч... если не] будет запрещений на им[ении. Из] них пришлю Вам долг Л.[ьва] С.[ергеевича].

С истинным почтением и преданностию остаюсь

Ваш покорнейший слуга А. Пушкин.

4 мая 1834 С.П.Б.

Я еще не получил от батюшки доверенности, [а уж]е [?] в один месяц *из моих* денег уп[латил] уже в один месяц 866 за батюшку, а за Л.[ьва] С.[ергеевича] 1,330: более не могу.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Николаю Ивановичу Павлицеву В Варшаву Помощнику статс-секретаря Гос.[ударственного] совета.

932. Н. Н. Пушкиной. Около 5 мая 1834 г. Петербург.

Что это, жена? вот уже 5 дней как я не имею о тебе известия. Надеюсь, что хлопоты отъезда и приезда одни помешали тебе ко мне писать и что ты и дети здоровы. Пишу к тебе в Ярополец. Не знаю,

куда отправить тебе деньги, в Москву ли, в Волоколамск ли, в Калугу ли? На днях на что-нибудь решусь. Что тебе сказать о себе: жизнь моя очень однообразна. Обедаю у Дюме часа в 2, чтоб не встретиться с холостою шайкою. Вечером бываю в клобе. Вчера был у кн.[ягини] Вяземской, где находилась и твоя гр.[афиня] Сал[логуб]. Оттуда поехал я к Одоевскому, который едет в Ревель. Тетку вижу часто, она беспокоится, что давно нет об тебе известия. Погода у нас славная, а у Вас вероятно еще лучше. Пора тебе в деревню на лекарство, на ванны и на чистый воздух.

Сей час, мой ангел, получил я твое письмо от 1-го мая. Благодарю тебя, что ты переждешь свои временные. Это мне доказывает твое благоразумие, и я тебя вдвое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошеешь, хоть это уже слишком. Сей час (в 5 ча[сов]) сидела у меня тетка, она тебя целует. Летний сад полон. Все гуляют. Гр.[афиня] Фикельм.[он] звала меня на вечер. Явлюсь в свет в первый раз после твоего отъезда. За Салог.[уб] я не ухаживаю, вот-те Христос; и за Смирновой то же. Смирнова ужасно брюхата, а родит через месяц. Все тебе кланяются. Завтра еще буду писать.

Не смей купаться — с ума сошла, что ли. После завтра обедаю у Спасского — и буду на тебя жаловаться. Я не поехал к Фикельм[он], а остался дома, перечел твое письмо и ложусь спать. Брат Иван у меня. Лев Серг.[еевич] и отец меня очень сердят, а Ольга С.[ергеевна] начинает уже сердить. Откажусь ото всего — и стану жить припеваючи.

933. Д. Н. Бантыш-Каменский — Пушкину. 7 мая 1834 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Поспешаю представить Вам: 1) Биографию Пугачева; 2) разные краткие биографии, числом двадцать, отличившихся в сие смутное время верностию к престолу и содействовавших самозванцу; 3) биографию графа Петра Ивановича Панина, из коей, может быть, Вы что-либо почерпнете любопытное. — Первою (то-есть Пугачевскою) бью Вам челом, предоставляя оную в полное Ваше распоряжение; вторые прошу возвратить мне; а биографию графа Панина потрудитесь (если найдете достойною) передать г. Смирдину для помещения в издаваемой им Библиотеке.

Извините, почтеннейший Александр Сергеевич, что за скоростию посылаю я Вам некоторые черновые бумаги. Счастливым себя почту, удовлетворив любопытство Ваше. Верьте, что душевная преданность моя к Вам соответствует глубочайшему почтению, с коим имею честь быть

Вашим, милостивый государь! покорнейшим слугою Дмитрий Бантыш-Каменский.

Маия 7-го 1834 года. Москва.

В Молчановском переулке в доме госпожи Колошиной.

934. И. М. Пеньковский — Пушкину. 7 мая 1834 г. Болдино.

7-го маия 1834 году Село Болдино

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Получил я Ваше приказание от 13-го апреля. На прошедшей почте не успел оно исполнить. Сего числа пересылаю Ведомость сколько мною принято от Михайлы Иванова при вступлении во управление разного хлеба с означением всего прихода [и] расхода и наличности, то же по оброчным сумах села Болдина и Кистенева.

Относился я к Сергею Львовичу! на счет оброчных тягол, что на 1834 год определено 77-мь, по сие число выбыло два тегла, из отпущенных в Уральск для заработков на оброк, там же померло 2 человека, налицо остается оброчных тягол 75-ть на барщине 175. Каждое тегло пашет одну десятину, в прошедшем году было на барщине 150 тягол, по прибавлению тягол 25, отрезано земли у крестьян 25 десятин каждое тегло должно убрать 1 десятину. У крестьян остается земли на тегло по десятине. Как Вам угодно будет уважить мое распоряжение о чем буду ожидать решительного Вашего приказанья.

Поле еравое оканьчиваю засеивать купленным овсом которого высеется на 150 десятин 450 четвертей на каждую считая по 3 четверти остальные 25 десятин посеется разным мелким хлебом.

после посева уведомяю сколько именно.

Обозначенный семенной овес куплено у Апраксинских крестьян 200 четв.[ертей] в 9 мер, по 9 руб. 75 ко. каждая, у управляющего Малого Болдина Валентина Иванова 200 чет.[вертей] в 9-ть мер по 9 руб. каждая.

Время благоприятствует для посева земля хорошо обрабатывается.

Озимое поле в селе Болдине очень мало обещает — по справке оказалось что Михайла Иванов засеил дурными семенами. Озими крестьян болдинских посредственные, естли будут дожди и теплое время будут хороши. Села Кистенева озими в хорошем виде, хлеба для крестьян по сие время очень мало давал, по приказанию Сергея Львовича! намерен давать из числющейся по ведомости наличной ржи тем которые не в состоянии пропитаться без господской помощи — тоже даю по части овса на посев взаимобразно, и принуждаю дабы всякой засеил свое поле а не отдавал посторонним засеять за самую малую цену.

Лесу продал одну десятину Николаю Петровичу Новосильцову за 380 руб. которые деньги переслал к Сергею Львовичу! — торговал две десятины, от другой отказался, нониче не спрашивает ни кто продажного лесу, в случае естли найдутся купцы сколько оного прикажите продать и по какой цене, ожидать буду Вашего приказания.

Подворной описи не начинал, нонишнее время занимаюсь посевом по при казанию Вашему к сентябрю м[еся]цу составлю.

Я намерен в Болдинском доме нонишнего лета переменить пол перебрать печьки и покрыть новым тесом крыжу, естли Вам, Александр Сергеевич! заблагорассудится побывать в Болдине, желал бы знать в перед, и когда мне принятся перечинять.

Относился я по прозбе Ивана Степанова Вильянова к Сергею Львовичу! 26-го марта — дабы просить Сергея Львовича поселится на одной десятине ему Вильянову и за оное место естли заблагорассудится Сергею Львовичу получить 350 руб. асыгнац[иями] с тем дабы, покуда он будет жив и его наследники, не тревожить с места — или 500 руб. асыгнац. с условием когда очистится имение с залогу совершить купчую ему Вильянову — на сию прозьбу Вильянова Сергей Львович мне предписал от 13-го апреля дабы ожидать Вашего решения — он же Вильянов просит Александра Сергеевича! о решение его судьбы — меня простите Александр Сергеевич! что я Вас беспокою Вильяновой прозьбой. Я не мог иначе поступить на его частые посещение об оном.

Доносит с глубочайшим высокопочитанием и таковую же преданностию

Ваш милостивый государь всепокорнейший слуга И. Пеньковский.

935. Н. Н. Пушкиной. 12 мая 1834 г. Петербург.

Какая ты дура, мой ангел! конечно я не стану беспокоиться оттого, что ты три дня пропустишь без письма, так точно как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом. Из этого еще не следует, что я равнодушен и не ревнив. Я отправил тебя из П.[етер]Б.[урга] с большим беспокойством; твое письмо из Бронницы еще более меня взволновало. Но когда узнал я, что до Торжка ты доехала здорова, у меня гора с сердца свалилась, и я не стал съизнова хандрить. Письмо твое очень мило; а опасения на счет истинных причин моей дружбы к Софьи К.[арамзиной] очень приятны для моего самолюбия. Отвечаю на твои запросы: Смирнова не бывает у К.[арамзиных], ей не всташить брюха на такую лестницу; кажется, она уже на даче; гр.[афиня] С.[оллогуб] там также не бывает, но я видел ее у кн.[ягини] В.[яземской]. Волочиться, я ни за кем не волочусь. У меня голова кругом идет. Не рад жизни, что взял имение, но что ж делать? Не для меня, так для детей. Тетка вчера сидела у меня, она тебя цалует. Вчера был большой парад, который, говорят, не удался. Царь посадил наследника под арест. Сюда ожидают Прусского принца и много других гостей. Надеюсь не быть ни на одном празднике. Одна мне и есть выгода от отсутствия твоего, что не обязан на балах дремать да жрать мороженое. Пишу тебе в Ярополец, где ты должна быть с третьегоднешнего дня. Кланяюсь сердечно Нат.[алье] Ив.[ановне], цалую тебя и детей. Христос с Вами.

Знаешь ты, что кн.[ягиня] Мещ.[ерская] и Sophie Kar[amzine] едут за границу? Sophie уж плачет недели две, вероятно я доведу ее до Кронштата.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В Волоколамск в село Ярополиц.

936. Н. В. Гоголь — Пушкину. Первая половина (до 13?) мая 1834 г. Петербург.

Я вчера был у Уварова. Ничего я не могу вам сказать утешительного для себя. Если бы я был хотя в таком состоянии как вчера, я бы явился к вам. Но теперь я так зло захворал, что никуда не могу носа показать. Если вы будете в нашей стороне и станете проходить мимо Малой Морской, то будьте великодушны и загляните ко мне страдающему и телом и духом. Я имею вам кое-что сказать.

Вечно ваш Н. Гоголь.

Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

937. Н. В. Гоголь — Пушкину. 13 мая 1834 г. Петербург.

13 мая.

Я раздумавши увидел, что теперь писать к Левашеву точно будет излишне. Это лучше сделать тогда, когда я буду уже собираться в дорогу, и через меня. Теперь же я буду вас беспокоить вот какою просьбою: если зайдет обо мне речь с Уваровым, скажите, что вы были у меня и застали меня еле жива; при этом случае выберите меня хорошенько за то, [что] живу здесь и не убираюсь сей же час вон из города, что доктора велели ехать сей же ч[ас] и стараться захватить там это время. — И сказавши, что я могу весьма легко через месяц протянуть совсем ножки, завесьте речь о другом, как-то о погоде или о чем-нибудь подобном. Мне кажется, что это не совсем будет бесполезно.

Вечно ваш Гоголь.

Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

938. Н. В. Гоголю. 13 мая 1834 г. Петербург.

Я совершенно с Вами согласен. Пойду сегодня же назидать Уварова, и к стати о смерти Телеграфа поговорю и о вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, Его ожидающему. Авошь уладим.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Н. В. Гоголю etc.

939. Н. И. Гончарова и Н. Н. Пушкина — Пушкину. 14 мая 1834 г. Ярополец.

[Н. И. Гончарова:]

Прежде чем ответить на ваше письмо, мой дорогой Александр [Сергеевич], я начну с того, что поблагодарю вас от всего сердца за ту радость, которую вы мне доставили, отпустив ко мне вашу жену с детьми; из-за тех чувств, которые она ко мне питает, встреча со мной, после 3 лет разлуки, не могла не взволновать ее. Однако, она не испытала никакого недомогания; повидимому, она вполне здорова, и я твердо надеюсь, что во время ее пребывания у меня я не дам ей никакого повода к огорчениям; единственно, о чем я жалею в настоящую минуту, — это о том, что она предполагает так недолго погостить у меня. Впрочем, раз вы так уговорились между собой, я конечно не могу этому противиться. Я тронута доверием, которое вы мне высказываете в вашем письме, и, принимая во внимание любовь, которую я питаю к Натали и которую вы к ней питаете, — вы оказываете мне это доверие не напрасно, я надеюсь оправдывать его до конца моих дней. Дети ваши прелестны и начинают привыкать ко мне, хотя вначале [Маша прикрикивала на бабушку]. — Вы пишете, что рассчитываете осенью ко мне приехать; мне будет чрезвычайно приятно соединить всех вас в домашнем кругу. Хотя Натали, повидимому, чувствует себя хорошо у меня, однако легко заметить ту пустоту, которую ваше отсутствие в ней вызывает. До свиданья, от глубины души желаю вам ненарушимого счастья. Верьте, я навсегда ваш друг.

[Н. Н. Пушкина:]

С трудом я решилась написать тебе, так как мне нечего сказать тебе и все свои новости я сообщила тебе с оказией, бывшей на этих днях. Даже мама едва не отложила свое письмо до следующей почты, но побоялась, что ты будешь несколько беспокоиться, оставаясь некоторое время без известий от нас; это заставило ее побороть сон и усталость, которые одолевают и ее и меня, так как мы целый день были на воздухе. Из письма мамы ты увидишь, что мы все чувствуем себя очень хорошо, оттого я ничего не пишу тебе на этот счет; кончаю письмо, нежно тебя целую, я намереваюсь написать тебе побольше при первой возможности. Итак, прощай, будь здоров и не забывай нас.

Понедельник, 14 мая 1834. Ярополец.

940. И. М. Пеньковский — Пушкину. 15 мая 1834 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Получил я приказание Сергея Львовича от 4-го мая дабы Вас известить хотя примерно сколько можно ожидать на сей год доходу с села Болдина. Нониче невозможно и примерно обозначить доходу, на одной половине озимого поля рож дурная на другой хороша. Еравое поле засеяно лутчими семенами но еще не взошли, какая исправность в полях окажется в последних числах мая меца донесу Александру Сергеевичу подробно и тогда можно будет обозначить доход примерно.

На счет оброчных тягол которые обозначены по пересланной к Вам ведомости, за оные по всей возможности буду стараться пересылать деньги. Мая 20-го начну собирать петровской оброк.

По приказанию Сергея Львовича доношу Вам что по последней 8-й ревизии в селе Болдине числится душ мужеска пола 564, женска 552, в Кистеневе мужес. 297, жен. 327. — Михайла Иванов ездил в Нижний для вытребования свидетельства на остальные души кистеневские, оттуда прислан указ в Сергачский уезд для отобрания справок — получив оные Михайла Иванов тотчас отправится в Нижний за свидетельством.

Осмеливаюсь Вам предложить! что личное Ваше присутствие в селе Болдине в нонишнее лето необходимо бы нужно для устройства полей, с каких частей [лесу] неудобного лесу вычистить на пашню, (нужно на будущую озимь 25 десятин), для осмотра полей засеянных, и для освидетельствования крестьян в каком они находятся состоянии — естли Вам заблагоразсудится побывать, или мне вычистку неудобного лесу припоручить, о чем буду ожидать Вашего решения. — Сего числа на огородах засеил 2 десятины маку в 4 десятины семя коноплянного, в еровом поле незасеяных еще осталось 25 десятин, которые засеются ячменем и гречью, оные семена рано засевать. — О чем доносит с глубочайшим высокопочитанием и таковую же преданностью

Ваш милостивый государь всепокорнейший слуга И. Пеньковский.

941. Н. Н. Пушкиной. 16 мая 1834 г. Петербург.

Давно, мой ангел, не получал я от тебя писем. Тебе видно было некогда. Теперь вероятно ты в Яропольце и уже опять собираешься в дорогу. Такая тоска без тебя, что того и гляди приеду к тебе. Говорил я со Спасским о Пирмонтских водах; он желает, чтобы ты их принимала; и входил со мною в подробности, о которых по почте не хочу тебе писать, [потому что не хочу, чтоб письма мужа к жене ходили по полиции]. Пиши мне о своем здоровьи и о здоровьи детей, которых цалую и благословляю. Кланяюсь Н.[аталье] Ив.[ановне] — Тебя цалую. На днях получишь письма по оказии. Прощай, мой милый друг.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Волоколамск в село Ярополец.

942. Н. Н. Пушкиной. 18 мая 1834 г. Петербург.

Мой ангел! поздравляю тебя с Машиним рождением, цалую тебя и ее. Дай Бог ей зубков и здоровья. Того же и Саше желаю, хоть он не именинник. Ты так давно, так давно ко мне не писала, что

не смотря на то, что беспокоиться попустому я не люблю, но я беспокоюсь. Я должен был из Яропольца получить по крайней мере два письма. Здорова ли ты и дети? спокойна ли ты? Я тебе не писал, потому что был зол — не на тебя, на других. Одно из моих писем попало в полицию и так далее. Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, что может происходить между нами: никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны, нет семейственной жизни. Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники. Но знаю, что этого быть не может; а свинство уже давно меня ни в ком не удивляет.

Вчера я был в концерте, данном для бедных в великолепной зале Нарышкина, в самом деле, великолепной. Как жаль, что ты ее не видала. Пели новую музыку Вельгорского на слова Жуковского. Я никого не вижу, нигде не бываю: принялся за работу и пишу по утрам. Без тебя так мне скучно, что поминутно думаю к тебе поехать, хоть на неделю. Вот уж месяц живу без тебя; дотяну до августа; а ты себя береги; боюсь твоих гуляний верхом. Я еще не знаю, как ты едешь; вероятно, смело; да крепко ли на седле сидишь? вот запрос. Дай Бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! Неприятна зависимость; особенно когда лет 20 человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя. Благословляю всех Вас, детушки.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Волоколамск в село Ярополец.

943. И. П. Мятлев — Пушкину. 18 мая 1834 г. Петербург.

Дорогой и милый Пушкин.

К несчастью моему я должен сидеть дома и не могу с места тронуться, так как моя жена очень нездорова. А между тем мне совершенно необходимо повидаться с тобой, чтобы посоветоваться насчет целого потока новых м[-]н материнств и вольностей, которые мучили меня все эти дни. — В качестве моей прачки ты не можешь отказаться уделить мне несколько минут— если надеяться на то, что ты не откажешься отобедать сегодня со мной, значит не слишком злоупотреблять твоей дружбой: моя мать в деревне, и никакого другого общества кроме моей м[-]ы не будет.

Весь твой сердцем и душой

И. Мятлев.

Я работаю над солидным трудом, материнским и разудалым, который хочу посвятить тебе.

Адрес: Его высокородию милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину. И. Мятлев.

944. А. Н. Мордвинову. 26 мая 1834 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Николаевич

Осмеливаюсь беспокоить Ваше превосходительство покорнейшей просьбой о позволении мне перепечатать в одну книгу сочинения мои в прозе, доньше изданные; также и о позволении доставить Вильгельму Кюхельбекеру экземпляры всех моих сочинений.

С глубочайшим почтением честь имею быть, милостивый государь,
Вашего превосходительства покорнейший слуга. Александр Пушкин.

945. И. П. Мятлев — П. А. Вяземскому и П. А. Вяземский — Пушкину. 28 мая 1834 г.

[И. П. Мятлев — П. А. Вяземскому:]

Милый князь.

Я написал Пушкину и еще не получил от него ответа, я сделал еще одну попытку — побывал у Жуковского; мне бы хотелось, чтобы вы трое были крестными отцами моих материнских и юмористических стихов, которых крестины я справляю завтра. За обедом крестными матерями стихов

будут моя жена и моя сестра Галахова — вот из кого будет состоять вся наша компания; Бога ради, поддержи мою просьбу перед этими господами, которые знают и любят тебя больше, чем меня; а что до тебя — ты дал мне слово, да и заинтересован ты в этом не меньше меня.

Воспользуйся для этого дела моим слугой, который сегодня утром прибудет в твое распоряжение, и употреби свое влияние так, как в тех случаях, когда ты взаправду чего-нибудь хочешь — и сообщи мне результат своего посредничества, чем бесконечно и основательно обяжешь преданнейшего из твоих слуг

И. Мятлева.

С.-Петербург. 28 мая 1834.

П. А. Вяземский — Пушкину:]

Приезжай непременно. Право будет весело. Надобно быть там в четыре часа, то есть сегодня. К тому же Мятлев

Любезный родственник, поэт и камер-гер,
А ты ему родня, поэт и камер-юнкер.
Мы выпьем у него Шампанского на клункер,
И будут нам стихи на матерный манер.

Адрес (рукою И. П. Мятлева): Его сиятельству милостивому государю князю Петру Андреевичу Вяземскому И. Мятлев.

Рукою П. А. Вяземского, поверх предыдущего: Александру Сергеевичу Пушкину.

946. И. М. Пеньковский — Пушкину. 28 мая 1834 г. Болдино.

Маия 28 дня 1834 году Село Болдино

Милостивый государь Александр Сергеевич!

По окладу тягол 75-и на 1834 год пересылаю к Вам с крестьян Болдинских достальной мартовской оброк 73 руб. из оных же крестьян болдинс.[ких] петровского 27 руб. — с крестьян Кистеневских петровского оброку 300 руб. всего 400 руб. асыгнациями. Болдинские крестьяне оброчные которые проживают для заработков в Уральском и в разных отдаленных местах оттуда не высылают оброка за ними весь мартовской и петровской оброк по оному случаю никак невозможно исправно доставлять оный, всего тягол 30 в отлучке.

Высеяно в поле еравое овса на 152 десятинах 466 четвертей 7 четвериков. Ячменю на 18-и десят. 31 четверть 2 четверика. Гороху на 1-й десят. 6 четвериков. На огородах высеянно на 8-и десят. семя коноплянного земляного 37 четвертей 4 четверика, маку на 1 1/2 десят. один четверик — по сие число засеянно 180 1/2 десятин — остается незасеянных 6 десятин в поле еравом под гречью — в озимом поле отсеянно одна десятина просою.

Роздано для крестьян на посев. Овса 120 четвертей, для них же выдано посие число на хлеб ржи 20 четвертей, остается на лицо ржи 27 четвертей 3 гарнца. Овса 60 четвертей. Как Вам угодно будет уважить о роздаче для крестьян на хлеб и посев их полей доношу Александр Сергеевичу! что естли не дать крестья[нам] на посев, то у них пролежало бы земля незасеянна. Я тем только давал хлеб и семена которые не могли обойтиса без Вашей помощи — оный взаимообразный хлеб соберу сполна в осени.

Михайла Иванов отправился маия 18-го числа в Сергач, оттуда в Нижний для вытребования свидетельства — о чем доношу с глубочайшим высокопочитанием и таковою же преданностью

Ваш милостивый государь всепокорнейший слуга И. Пеньковский.

947. Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 29 мая 1834 г. Петербург.

Благодарю тебя, мой ангел, за добрую вест о зубке Машинном. Теперь надеюсь, что и остальные прорежутся безопасно. Теперь за Сашкою дело. Что ты путаешь, говоря: о себе не пишу, потому что не интересно. Лучше бы ты о себе писала, чем о S.[ollogoub], о которой забираешь в голову всякой вздор — на смех всем честным людям и полиции, которая читает наши письма. Ты спрашиваешь, что

я делаю. Ничего путного, мой ангел. Однако дома сижу до 4 часов и работаю. В свете не бываю: от фрака отвык; в клобе провожу вечера. Книги из Парижа приехали, и моя библиотека растет и теснится. К нам в П.[етер]Б.[ург] приехал чревоушитель, который смешил меня до слез; мне право жаль, что ты его не услышишь.хлопоты по имению меня бесят; с твоего позволения, надобно будет кажется выдти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерской мундир, который так приятно льстил моему честолюбию и в котором к сожалению не успел я пошеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены. Зависимость и расстройство в хозяйстве ужасны в семействе; и никакие успехи тщеславия не могут вознаградить спокойствия и довольства. Вот тебе и мораль. Ты зовешь меня к себе прежде августа. Рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о Петре? идет по маленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого не лзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок. Вчера видел я Сперанского, Карамзиных, Жуковского, Вельгорского, Вяземского — все тебе кланяются. Тетка меня всё балует — для моего рождения прислала мне корзину с дынями, с земляникой, клубникой — так что боюсь поносом встретить 36-ой год бурной моей жизни. Сегодня еду к ней с твоим письмом. Покаместь прощай, мой друг. У меня желчь, так извини мои сердитые письма. Цалую вас и благословляю.

Деньги шлю на имя Дм.[итрия] Н.[иколаевича].

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной В Калуге на Полотняный Завод.

948. Н. Н. Пушкиной. 3 июня 1834 г. Петербург.

Что это, мой друг, с тобою делается? вот уж девятый день, как не имею о тебе известия. Это меня поневоле беспокоит. Положим: ты выезжала из Яропольца, всё-таки могла иметь время написать мне две строчки. Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство буквально. Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (inviolabilit de la famille ⁵²) невозможно: каторга не в пример лучше. Это писано не для тебя; а вот что пишу для тебя. Начала ли ты железные ванны? есть ли у Маши новые зубы? и каково перенесла она свои первые? У меня отгадай кто теперь остановился? Сергей Ник.[олаевич], который приехал-было в Ц.[арское] С.[ело] к брату, но с ним побранился и принужден был бежать со всем багажем. Я очень ему рад. Шашки возобновились. Тетка уехала с Н.[атальей] Кир.[илловной] — я еще у ней не был. Долгорукая Малиновская выкинула, но кажется здорова. Сегодня обедаю у Вяз[емского], у которого сын именинник; Карамзина уехала также. Писал я тебе, что Мещерские отправились в Италию, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя в жестокосердии и раскаиваясь в том, что оставляет Кат.[ерину] Андр.[еевну] одну? Я провожал их до пироскафа. В прошлое воскресенье представлялся я к вел.[икой] княгине. Я поехал к ее выс.[очеству] на Кам.[енный] Остров в том приятном расположении духа, в котором ты меня привыкла видеть, когда надеваю свой великолепный мундир. Но она так была мила, что я забыл и свою несчастную роль и досаду. Со мною вместе представлялся цензор Красовский. Вел.[икая] кн.[ягиня] сказала ему: Вас, вероятно, очень утомляет обязанность читать всё, что появляется. Да, ваше императорское высочество, [...] тем более, что в том, что теперь пишут, нет здравого смысла. А я стою подле него. Она, как умная женщина, как-то его подправила. Смирнова на сносях. Брюхо ее ужасно; не знаю, как она разрешится; но она много ходит и не похожа на то, что была прошлого году. Гр.[афиню] Сал.[логуб] встретил я недавно. Она велела тебя поцеловать, и тетка ее также. Я большею частию дома и в клобе. Веду себя порядочно, только то не хорошо, что расстроил себе желудок; и что желчь меня так и волнует. Да от желчи здесь не

⁵² неприкосновенность семьи.

убережешься. Новостей нет, да хоть бы и были, так не сказал бы. Цалую всех вас, Христос с Вами. Отец и мать на днях едут в деревню; а я хлопочу. Лев ходит пешком в Царское Село, а Соболевс[кий] в Ораниенбаум. Видно им делать нечего. Прощай, мой ангел. Не сердись на холодность моих писем. Пишу скрепя сердце.

3 июня.

949. Д. Н. Бантышу-Каменскому. 3 июня 1834 г. Петербург.

Милостивый государь Дмитрий Николаевич

Не знаю, как Вас благодарить за доставление бумаг, касающихся Пугачева. Не смотря на то, что я имел уже в руках множество драгоценных матерьялов, я тут нашел неизвестные, любопытные подробности, которыми непременно воспользуюсь. Смирдину отдал я Вашу прекрасную статью о Панине. Он взял ее к себе с благодарностию. Не согласитесь ли Вы участвовать в его журнале и на каких условиях?

Вы вероятно изволили слышать о торговом и литературном предприятии Плюшара, о русском Энциклопедическом словаре: великое множество биографических статей, Вами заготовленных, могли бы войти в состав этого Лексикона. Не войдете ли Вы в сношение с Плюшаром? В таком случае прошу Вас выбрать меня в свои поверенные, а мы рады стараться.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

3 июня 1834. С. П. Б.

950. Н. Н. Пушкиной. 8 июня 1834 г. Петербург.

8 июня.

Милый мой ангел! я было написал тебе письмо на 4 страницах, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебе не послал, а пишу другое. У меня решительно сплин. Скучно жить без тебя и не сметь даже писать тебе всё, что придет на сердце. Ты говоришь о Болдине. Хорошо бы туда засесть, да мудрено. Об этом успеем еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моих жалоб в худую сторону. Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у Господа Бога. Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, не смотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за весы, роскошную вывеску моей скупости. Мне прислала их тетка без записки. Вероятно она теперь в хлопотах и приготавливает Нат.[алью] Кир.[илловну] к весте о смерти кн.[язя] Кочубея, который до Вас не доехал, как имел намерения, и умер в Москве. Денег тебе еще не посылаю. Принужден был снарядить в дорогу своих стариков. Теребят меня без милосердия. Вероятно послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имения. Пускай они его коверкают как знают; на их век станет, а мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба. Не так ли? Новостей нет. Фикельмон болен и в ужасной хандре. Вельгорский едет в Италию к больной жене; П.[етер]Б.[ург] пуст, все на дачах. Я сижу дома до 4 часов и пишу. Обедаю у Дюме. Вечером в клобе. Вот и весь мой день. Для развлечения вздумал было я в клобе играть, но принужден был остановиться. Игра волнует меня — а желчь не унимается. Цалую Вас и благословляю. Прощай. Жду от тебя письма об Ярополище. Но будь осторожна... вероятно и твои письма распечатывают: этого требует Государственная безопасность.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Калуге на Полотняный Завод.

951. Н. Н. Пушкиной. 11 июня 1834 г. Петербург.

Нашла за что браниться!.. за Летний сад и за Соболевского. Да ведь Летний сад мой огород. Я вставши от сна иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома. А Соболевский? Соболевский сам по себе, а я сам по себе. Он спекуляции творит свои, а я свои. Моя спекуляция удрать к тебе в деревню. Что ты мне пишешь о Калуге? Что тебе смотреть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что же тебе там делать? Это тебя сестры баламутят, и верно уж моя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой друг, в Калугу не ездить. Сиди дома, так будет лучше. Тетка на даче, а я у ней еще не был. Еду сегодня с твоими письмами. Нат.[алья] Кир.[илловна] узнала о смерти Кочубея. Je ne stouais pas, сказала она, я не думала, [...] что смерть Кочубея так огорчит меня. Она утешается тем что умер — он, а не Маша. Сегодня едут мои в деревню, и я их иду проводить, до кареты, не до Царского-Села, куда Лев Серг.[еевич] ходит пешечком. Уж как меня теребили; вспомнил я тебя, мой ангел. А делать нечего. Если не взяться за имение, то оно пропадет же даром. Ольга Серг.[еевна] и Л.[ев] Серг.[еевич] останутся на подножном корму, а придется взять их мне же на руки, тогда-то заплачусь и заплачусь, а им и горя мало. Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья!

Пожалуйста, мой друг, не ездь в Калугу. С кем там тебе знаться? с губернаторшей? она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебе ехать к ней на поклон. С невестой Дм.[итрия] Ник.[олаевича]? Вот это дело другое. Ты слади эту свадьбу, а я приеду в отцы посаженные. Напиши мне, женка, как поживала ты в Яроп.[ольце], как ладила с матушкой и с прочими. Надеюсь, что Вы расстались дружески, не успев поссориться и приревновать друг к другу. У нас ожидают Прусского принца. Вчера приехал Озеров из Берлина с женою в три объезда. Славная баба; я, смотря на нее, думал о тебе и желал тебе воротиться из Завода такою же тетехой. Полно тебе быть спичкой. Прощай, жена. У меня на душе просветлело. Я два дня сряду получил от тебя письма и помирился от души с почтою и полицией. Чорт с ними. Что делают дети? благословляю их, а тебя цалую.

В тот же день

Сей час от меня тетка. Она просит тебя к ней писать, а меня тебе уши выдрать. Она переезжает в Царское-Село, в дом кн.[язя] Кочубея, с Нат.[альей] Кир.[илловной], которая удивительно мила и добра; завтра еду с ней проститься. Зачем ты тетке не пишешь? какая ты безалаберная! Она просит, чтоб я тебя в Калугу пустил, да ведь ты махнешь и без моего позволения. Ты на это молодец. Сей час простился с отцем и матерью. У него хандра и черные мысли. Знаешь, что я думаю? не приехать ли мне к тебе на лето? Нет, жена, дела есть, потерпим еще полтора месяца. А тут я к тебе упаду как снег на голову; если только пустят меня. Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Во-первых вероятно откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому П.[етер]Б.[ургу]. Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы. Погоди; овдовеешь, постареешь — тогда пожалуй будь салопницей и титулярной советницей. Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора; в нем толку мало. Вы же не богаты. На тетку нельзя вам всем навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, так меня бы в П.[етер]Б.[ург] не заманили и московским калачем. Жил бы себе барином. Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навеки, чтобы только сказали про вас: *Вчера на балу госпожа такая-то была решительно красивее всех и была одета лучше всех. Прощай, госпожа такая-то.* Тетка прислала мне твое письмо, за которое я тебя очень благодарю. Будь здорова, умна, мила, не ездь на бешеных лошадях, за детьми смотри, чтоб за ними няньки их смотрели, пиши ко мне чаще; сестер поцалуй за просто, Дм.[итрия] Ник.[олаевича] также — детей за меня благослови. Цалую тебя. Еду на пироскафе провожать Вельгорского, который вероятно жену свою в живых не застанет. Петр 1-ый идет; того и гляди напечатаю 1-ый том к зиме. На того я перестал сердиться, потому что, в сущности говоря не он виноват в свинстве его окружающем. А живя в нужнике, по неволе привыкнешь к [-], и вонь его тебе не будет противна, даром что джентльмен. Ух кабы мне удрать на чистый воздух.

952. И. М. Пеньковский — Пушкину. 12 июня 1834 г. Болдино.

12-го июня 1834 году Село Болдино

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Имею честь Вас уведомить что в село Болдино Вами присланны[й] с верующим письмом на мое место управляющий Карл Рейхман прибыл 30-го мая, верующее письмо было объявлено крестьянам 4-го июня 9-го же числа отказался от управления и отправился обратно в С. Петербург, притчину своего отъезда сам лично обязан Вам изяснить — при отъезде Рейхмана я обязался в пользу Вашу трудится в предь до Вашего распоряжения, на дорогу дано Рейхману 125 руб. под его росписку — мне данное верующе[е] письмо Сергеем Львовичем и Вами письменно уполномоченное пересылаю, в доверенности Рейхмана оно уничтожено.

Приезд нового управляющего меня очень обескуражил, а более неизвестность по какой я притчине оказался Вам не способным во управлении Вашего имения при моих неусыпных трудах. Осмеливаюсь Вам объясниться что я нанялся не капитал наживать, а единственно дабы оправдать тех особ которые меня рекомендовали к Сергею Львовичу и вместе заслужить у Сергея Львовича и у Вас о себе хорошее мнение; без чего бедному человеку в нонишних временах мудрено прожить.

Ожидая Вашего распоряжения буду старатся ни в чем не упустить для Вашей пользы.

Еравое поле засеянное новыми семенами оказалось очень хорошее. Михайла Иванов третья неделя как проживает в Нижнем для испрошения свидетельства. О чем доношу с глубочайшим высокопочитанием и таковую же преданностью

Ваш милостивый государь всепокорнейший слуга И. Пеньковский.

Р. С. Карл Рейхман у меня отобрал книгу прихода и расхода разного хлеба другую прих.[ода] и расх.[ода] деньгам по экономической части третью тетрадь прихо.[да] и расход.[а] оброчной суммы четвертую выписку мартовского и петровского оброку пятую при.[хода] и расхо[да] мирской суммы — для доставления к Вам.

953. Д. Н. Бантыш-Каменский — Пушкину. 14 июня 1834 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Примите чувствительнейшую мою благодарность за обязательное письмо Ваше от 3-го июня. Теперь я в долгу у Вас, ибо служил Вам от доброго сердца безделицею, а Вы стараетесь одолжить меня, изыскивая к тому средства.

Скажу Вам откровенно, почтеннейший Александр Сергеевич, что участвовать в Журнале господина Смирдина, украшаемом произведениями известнейших писателей наших, весьма для меня лестно, и я готов сообщать ему каждый месяц из написанных мною биографий (пятисот) одну, одинакой величины с биографиею графа Панина, или две, соответствующие оной и еще никем не изданные; но оценивать трудов своих не могу, а предоставляю ему самому сообразить и меня уведомить.

Что ж касается до торгового оборота господина Плюшара, имеющего также свою цену, признаюсь Вам: мне не желательно жертвовать шестилетним трудом своим для славы издателя. Биографии мои будут поглощены множеством предметов сего Лексикона.

С нетерпением жажду прочесть творение Ваше, при появлении оногo в свет. Предмет весьма любопытный и наверно искусно обработанный Вами!

Когда в кратких биографиях жертв и участников Пугачева Вы не будете иметь надобности, потрудитесь возвратить оные имеющему честь быть с глубочайшим к Вам почтением и душевною преданностию

Вашему, милостивый государь! покорнейшему слуге Дмитрию Бантыш-Каменскому.

Июня 14-го 1834 года. Москва.

Жит.[ельство] имею на Собачьей площадке, в Молчановском переулке, в доме князя Крапоткина.

954. П. А. Осипова — Пушкину. 17 июня 1834 г. Тригорское.

17 июня. Тригорское.

Думали ли вы, мой дорогой, всегда любимый Пушкин, получить письмо от меня — конечно, нет — и к тому же, что хуже всего... деловое письмо — но не о моих делах — у вас довольно своих — а о ваших; запаситесь терпением; прочитайте мое письмо — пораздумайте день-другой, права ли я — и затем, но не раньше, можете действовать. Позавчера вечером ваши родители приехали отобедать к моей дочери Вревской, а вчера к чаю — ко мне; несмотря на усталость после дороги они провели у нас весь день. И сегодня я узнаю от Аннеты, что вы наняли г-на Рейхмана приказчиком — или управляющим — или чем-то в этом роде по вашему нижегородскому имению. При этой новости я испытала опущение, так верно выражаемое русскими: [что у меня упало сердце]. Я спросила у Аннеты, кто же его рекомендовал — Алексей, был ответ. По правде сказать, я ничего не могла ей возразить на это, но уверяю вас, что с той поры я нахожусь в нервном возбуждении, которое тогда лишь пройдет, когда я выскажу вам всё, что у меня лежит на сердце; — успокоив мою совесть исполнением того, что кажется мне моим долгом, я тихо и мирно пойду сажать свои цветы — как некогда Домициан свою капусту. — Так, значит, вы поверили рекомендации г-на Алексея Вульфа — Алексея, сущего простачка в делах хозяйственных, — молокососа, который, найдя свое имение без куска хлеба, свои поля плохо вспаханнкими, своих крестьян без пищи, мог назвать г-на Рейхмана хорошим управляющим!!! И вы, вы у меня не спросили совета, у меня; которая волей-неволей осуждена, вот уже 6-й раз в своей живни, исправлять хозяйственные промахи господ немецких агрономов! — Ради Бога, ради вашего собственного покоя, ради маленькой, совсем маленькой частички дружбы, которую я бы желала, чтобы вы питали ко мне, — не доверяйте ему управление вашим имением. — Оставьте там еще на год того, кто сейчас там находится, но только, только не Рейхмана. Когда мне пришлось отстранить Дрейера от управления Тригорским, я поручила Рейхману проверить счета Дрейера — и вот, когда он провозился неделю и ничего не сделал, — мне пришлось самой взяться за работу, и я закончила ее в 3 дня. Так как тогда управление тверскими имениями было проще, крестьяне там зажиточнее (вернее — были) и так как я еще не верила тому, что начинала замечать, — то я наняла его управляющим, — и вот мы накануне продажи с торгов 500 душ — и двух домов со службами. Перечислять все хозяйственные глупости, которые он наделал, было бы слишком долго и вам бы наскучило — но если вы думаете, что нынешний ваш управляющий может быть заподозрен потому, что он беден, то я скажу вам, наоборот, что это как раз наоборот его лучшая рекомендация. — ибо он управлял имениями вашей родственницы г-жи Менандр в течение, кажется, 6 лет, всё время пока ее муж был на действительной военной службе, а ведь нет такого маленького имения, которое не дало бы барыша господам управляющим, — и поверьте мне и моей небольшой опытности, что лучше иметь управляющим человека, который, давая вам приличный доход, сумеет и себе отложить кое-что, — чем бедного простачка, который перевернет ваше хозяйство вверх дном, потому что он иначе не умеет, и разорит вас без выгоды для себя.

Всё, что я вам пишу, внушено мне искренней привязанностью, которую я к вам питаю; я не могу не интересоваться тем, что вас касается, — и теперь, когда я высказала всё, что думаю, поступайте, как хотите. Будьте здоровы — остерегайтесь Рейхмана, предупреждаю вас — еще раз, — и [дорогой] только не сомневайтесь никогда в нежной привязанности к вам

П. О.

Р. S. Соберитесь как-нибудь приехать взглянуть на Тригорское. Благодаря некоторым обстоятельствам ваши родители не будут иметь ничего против того, чтобы вы поселились в садовом флигеле Тригорского; там вы будете жить так, словно вас нет ни в Тригорском, ни в Михайловском — если вы того пожелаете.

Анекдот.

После того как я отказала Трейеру от управления Малинниками, доказав ему, что он украл у мена

1000 руб., — госпожа Поликарпова, урожденная княжна Шербатова, по рекомендации моего деверя Ивана Вульфа, доверяет ему имение в 800 душ, в Тамбовской губернии. Этой зимой мы встречаемся с нею у Нетти Трувеллер, я спрашиваю у нее о Трейере. — Ах, Боже мой, сударыня, — говорит она мне, — представьте, он украл у меня 35000 руб. — и только с помощью полиции я могла от него отделаться. — Вы не спросили у меня совета, сударыня, — был мой ответ.

К сведению моего читателя.

А у меня есть серьезные основания думать, что несмотря на разорение, до которого Рейхман довел наше имение, он его не покинул с пустыми карманами. Верьте мне.

955. Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 19 июня 1834 г. Петербург.

Грустно мне, женка. Ты больна, дети больны. Чем это всё кончится, Бог весть. Здесь меня тербят и бесят без милости. И мои долги и чужие мне покоя не дают. Имение расстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насели. То — то, то другое. Вот тебе письмо Спасского. Если ты здорова, на что тебе ванны. Тетку видел на днях. Она едет в Царск.[ое] Село. Прощай, женка. Плетнев сей час ко мне входит.

А. П.

Цалую вас всех и благословляю детей.

Адрес: Натальи Николавне Пушкиной в Калугу на Полотняный Завод.

956. К. Рейхман — Пушкину. 22 июня 1834 г. Тверь.

Ваше высокоблагородие! Милостивейший государь! Александр Сергеевич.

Имею честь Вас уведомить что я был в вотчинах ваших Болтине и Костиноге, с лишком две недели теперь нахожусь в г. Твери, а из одного отправляюсь в Малиновки. Вы может быть будете сомневаться что я не остался в Болтине. Ибо никак мне остаться возможности не было, управляющий Осип Матвеевич принужден был купить овса в займы для посева а который овес Михайла Иванов оставил для посева вовсе негодится, я же хотел взять на себя заплатить за овес однако доверители не согласились полагали естли Осип Матвеевич от вас отойдет а я останусь место его им не заплачу.

Вы меня рекомендовали Михайле Иванову но я в нем ничего не нашел благонадежного, чрез его крестьяне ваши совсем разорились в бытность же вашу прошлого года в вотчинах крестьяне ваши хотели вам на его жаловаться и были уже на дороге но он их встретил не допустил до вас и наказал. И я обо всем оном действительно узнал не только от ваших крестьян, но и от посторонних по близости находящихся суседей.

Еще уведомляю вас что подушных собрано около 2000 рублей но в казначейство не отданы я полагаю что оные деньги находятся у Михайле Иванова.

А потому как я всё сие узнал, сам не знал что делать, но как Осип Матвеевич человек порядочный и ведет во [в]сем порядок и он благонадежен то я ему опять предоставил управлением. Но я же уверен был естли буду в месте с Михайлом Ивановым управлять хорошего нечего не предвидил чрез что самое опасался что вы мне не поверите. Лутче согласился оставить сие место чтоб вам и крестьянам вашим убытку не было, при сем посылаю вам книги прихода и расхода которые я с Осипом Матвеевичем поверил, и по необходимости моей принужден был взять у Осипа Матвеевича денег 125 рублей, хотя имел при себе но на проезд недостаточно. За сим остаюсь с истинным моим почтением и совершеннейшею преданностию.

Вашего высокоблагородия!

Милостивейшего государя Ваш все покорнейший и все усерднейший слуга Карл Рейхман.

Июня „22“ дня 1834-го года Г. Тверь.

Адрес: В Санкт-Петербурге! Его высокоблагородию! Милостивейшему государю! Александр Сергеевичу. Г-ну Пушкину. Противу Летнего Саду в доме Оливиера.

При сем письме прилагаются две шнуровые книги в холсте. Посылает Карл Райхман. Г. Тверь.

957. П. А. Осипова — Пушкину. 24 июня 1834 г. Тригорское.

Во всяком деле только первый шаг труден, дорогой Александр, — несколько дней тому назад я вам писала — и вот опять должна вам сказать несколько слов. Я только что узнала от вашей матушки, что вы слышали от Рейхмана, будто я осталась ему кое-что должна. Не могу понять, почему г-н Рейхман пребывает в таком заблуждении! — Никогда я ему не была должна ничего — ни одного обола: он взялся управлять тверскими имениями из десятой части дохода, хозяйничал в Малинниках 4 года, в Ниве 3, и оставил 500 душ в крайней нищете. Алексей рассчитался с ним, и если он думает что мы ему должны — по тверским имениям, то именно, по строгой справедливости г-н Рейхман должен получить плату за свои благотворные труды из доходов тверских имений. — Поэтому прошу вас не выступать посредником между ним и мною — деньги, которые должны мне ваши родители, были им доверены на хранение, чтобы я сама их не истратила: 1000 руб. старого долга 1826 года и для г-жи Павлицевой 560 руб. ассигнациями, и еще 200, занятых, когда они приезжали в 33 году в июне или июле месяце, — этот долг вы отдадите мне осенью, дорогой Александр, — чтобы я внесла эти деньги в Ломбард — 22-го декабря. Итак, вам нечего торопиться и спешить сломя голову. — Но Рейхману с меня ничего не следует — вот чего я прошу вас не забывать. Каждый день, повторяя молитву: Отче наш, иже еси на небесех, я вспоминаю его и прощаю ему его прегрешения — по отношению ко мне, — но мне бы не хотелось прощать ему еще что-либо за ваш счет. — Сегодня у нас было интересное зрелище — увоз иконы Святогорской Божьей Матери. С час тому назад прошел крестный ход при чудной погоде: множество довольно приличной публики, в ожидании прибытия иконы, расположилось у подошвы нашей горы — десять или 12 экипажей, стоявших по близости, дополняли картину. — В числе перемен, происшедших в наших краях, извещаю вас, что наши соседи Шелгуновы живут открытым домом — хороший повар, танцы, музыка; в настоящую минуту ваш отец с матерью и еще человек 40 обедают у них, я же, страдая уже несколько недель болями в ногах, просила меня извинить — и чувствую себя, право, гораздо лучше в вашем обществе. И не могу еще раз не повторить — приезжайте на несколько дней в Михайловское. Какая земляника!! просто наслаждение. — и потом какая восхитительная погода — слишком хорошая для яровых. Прощайте, я тоже еду к Шелгуновым — и желаю вам спокойной ночи, — целую ваши глаза, такие прекрасные иногда. Прощайте.

Иванов день, 24 июня.

958. А. Х. Бенкендорфу. 25 июня 1834 г. Петербург.

Граф.

Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу, и покорнейше прошу Ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение.

В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которое соизволил мне даровать его величество, не было взято обратно.

Остаюсь с уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

15 июня. С.-Петербург..

959. М. И. Калашников — Пушкину. 26 июня 1834 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич

Присем спешу доставить к вашей милости квитанцию, состоящая в недоимки государственных податей полученную из Сергаческого казначейства в 6 рублях 17 копейк! то теперь уже никакой недоимки за Кистеневым ниимеется, по приезде моим домой нашел в вашей водчине всё

благополучно, мы всё молим Бога чтобы продлил ваши лета во всяком благополучии и здоровьи, наша только одна осталась надежда только на вашу милость, вы извольте узнать от батюшки уплочены ли занятые ими деньги Зайкину ЕСТЬЛИ уплочены, то вам нужно будет подать прошение чтобы уничтожили оный иск, засим честь имею быть с истинным моим к вашей милости высокопочитанием и преданностью

Ваши милостивый государь всенижайший раб наевсегда пребуду Михаил Калашиников

После вышлю к вашей милости счет имяно куда что издержено всего 470 р. осигнациями.

Село Болдино июня 26 дня 1834-го году.

[Приложение:]

КВИТАНЦИЯ

Сергачьское Уездное Казначейство

14-го мая 1834 года

без платежа за бумагу

№ кв. 383. № ст. 424

По указу его императорского величества дана сия квитанция, в том, что сего числа принято в означенное Казначейство внесенных в платеж с крестьян чиновника 5-го класса Сергея Львовича Пушкина по сельцу Кистеневу *за три души* на первую сего 1834 года половину податей на дороги и водяные сообщения 4 ру. 95 ко. с них пени за 3 месяца 15 коп. и на земские повинности 1 ру. 9 1/2 ко. С них пени 3 3/4 к, а всего шесть рублей двадцать три копейки с четью, от бурмистра Никона Семенова. — Казначей Кузнецов.

Журналист Смарагдов

960. Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 27 июня 1834 г. Петербург.

Ваше благородие всегда понапрасну лаиться изволите (Недоросль).

Помилуй, за что в самом деле ты меня бранишь? что я пропустил одну почту? но ведь почта у нас всякой день; пиши сколько хочешь и когда хочешь; не то что из Калуги, из которой письма приходят каждые десять дней. Передпоследнее письмо твое было такое милое, что расцаловал бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо бы выдрал. Буду отвечать тебе по пунктам. Когда я представлялся в.[еликой] кн.[ягине], дежурная была не С.[оллогуб], а моя прищипленная кузинка Чичерина, до которой я не охотник, да хоть бы и С.[оллогуб] была в карауле, так уж если влюбляться... — Эх, женка! почта мешает, а то бы я наврал тебе с три короба. Я писал тебе, что я от фрака отвык, а ты меня ловишь во лжи как в *petite misre ouverte* ⁵³, доказывая что я видел и того и другого, следственно в свете бываю; это ничего не доказывает. Главное то, что я привык опять к Дюме и к Английскому клубу; а этим нечего хвастаться. Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоих. Какова бабенка, и каков красноглазый кролик Смирнов? — Первого ребенка такого сделали, что не пролез, а теперь принуждены на двое разделить. Сегодня кажется девятый день — и слышно, мать и дети здоровы. Ты пишешь мне, что думаешь выдать Кат.[ерину] Ник.[олаевну] за Хлюстина, а Алекс.[андру] Ник.[олаевну] за Убри: ничему не бывать; оба влюбятся в тебя; ты мешаешь сестрам, потому надобно быть твоим мужем, чтоб ухаживать за другими в твоём присутствии, моя красавица. Хлюстин тебе врет, а ты ему и веришь; откуда берет он, что я к тебе в августе не буду? разве он пьян был от ботвиньи с луком? Меня в П.[етер] Б.[урге] останавливает одно: залог имения Нижегородского, я даже и Пугачева намерен препоручить Яковлеву, да и дернуть к тебе, мой ангел, на Полотняный Завод.

Туда бы от жизни удрал, улизну[л!] Цалую тебя и детей и благословляю вас от души. Ты, я думаю, так в деревне похорошела, что ни на что не похоже. Благодарю за анекдот о Дмитр.[ии] Ник.[олаевиче]. Не влюблен ли он? Тетка в Царском Селе. На днях еду к ней. Addio, vita mia; ti amo.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной, в Калуге на Полотняный Завод.

⁵³ [термин карточной игры в бостон.]

961. Н. Н. Пушкиной. Около 28 июня 1834 г. Петербург.

Мой ангел, сей час послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни. Жалею, что ты не увидишь; оно того стоит. Не знаю даже, удастся ли тебе когда-нибудь его видеть. Я крепко думаю об отставке. Должно подумать о судьбе наших детей. Имение отца, как я в том удостоверился, расстроено до невозможности и только строгой экономией может еще поправиться. Я могу иметь большие суммы, но мы много и проживаем. Умри я сегодня, что с Вами будет? мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сделаться мне богатым — а там, пожалуй, и кутить можем в свою голову. П.[етер]Б.[ург] ужасно скучен. Говорят, что свет живет на Петергофской дороге. На Черной речке только Бобринская да Фикельмон. Принимают — а никто не едет. Будут большие праздники после Петергофа. Но я уж никуда не поеду. Меня здесь удерживает одно: типография. Виноват, еще другое: залог имения. Но можно ли будет его заложить? Как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уж крови, что все пиявки дома нашего ее мне не высосут. К стати о доме нашем: надобно тебе сказать, что я с нашим хозяином побранился и вот почему. На днях возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. На силу добудился дворника. А я ему уже несколько раз говорил прежде моего приезда не запирайте — рассердясь на него, дал я ему отеческое наказание. На другой день узнаю, что Оливье на своем дворе декламировал противу меня и велел дворнику меня не слушаться и двери запирайте с 10 часов, чтоб воры не украли лестницы. Я тотчас велел прибить к дверям объявление, писанное рукою Сергея Николаевича, о сдаче квартиры — а к Оливье написал письмо, на которое дурак до сих пор не отвечал. Война же с дворником не прекращается, и вчера еще я с ним повозился. Мне его жаль, но делать нечего; я упрям и хочу переспорить весь дом — включая тут и пиявок. Я перед тобой кругом виноват, в отношении денежном. Были деньги... и проиграл их. Но что делать? я так был желчен, что надобно было развлечься чем-нибудь. Всё Тот виноват; но Бог с ним; отпустил бы лишь меня восвояси. Письмо твое не перед мной: кажется есть что-то, на что обязан я возразить — но до другого дня. Пока прощай. Целую тебя и детей, благословляю всех троих. Прощай, душа моя — кланяйся сестрам и братьям. Сергей Ник.[олаевич] на днях в офицеры произведен, и хлопочет о мундире.

А. П.

962. П. В. Нащокин — Пушкину. После 3 мая — июнь 1834 г. Тула.

Почтеннейший друг и благодетель Александра Сергеевича

Еслиб я полагал, что мои письма до тебя доходят, то верно бы этого письма к тебе не писал, зная на опыте сколь неприятны письма, по которым просят денег — в предыдущих письмах я слишком убедительно просил — и не получая ни денежного ни даже никакого ответа, думаю, что ты или переменял квартиру или тебя нет — в Петербурге, — и потому пишу к тебе чрез г-на Смирдина, у которого попроси извинения, что я его беспокою; — я писал к тебе пять писем — одно другого трогательнее, 1-ое писал к тебе, — тогда — когда у меня оставалось — полтора рубля, 2-ое когда уже оставалось — пять рублей, 3-ие я был должен — слишком сто рублей кроме квартирных денег — 4, когда уже хозяин — переменял со мною свое обхождение ласковое, — на суровое. По 5-тому уже я всё продал что только можно продать, в четверо дешевле настоящих цен, должен слишком тысячу рублей, и в низ не смею съходить — как в комнатах не душно, потому что хозяин по прежнему суров — в даваков и пьян. — Теперь, пишу шестое письмо, с сокрушением сердца — чувствую сколь оно для тебя неприятно, и так как — в место чисел, пишу положения моих обстоятельств, при каждом письме — при теперешнем — вот оно каково, не говоря, о моем долге, по городу, в котором ни меня никто не знает ни я ни кого, ни о суровости и о пьянстве хозяина, которые очень неприятны, тем более

что он единств[енно] пьет — на счет мой, ему смелее требовать у меня денег в этом виде — но хуже всего что я рискую заплатить штраф — как за своих дворовых людей, которых числом до тридцати — так и за деревню, жены моей, [по] за не представление ревизских сказок, и штраф этот — не дай бог что бы был — состоит — в нескольких тысячах, и всё потому что я не могу выехать из Тулы, в которую я приехал на короткое время, именно дождатся твоих денег — и ехать — потом в деревню, провести лето, распорядится и кой как дождаться или до тенуть генваря месяца. — Но вот мой план со всем разрушен. — и не могу начать другой — не получая от тебя никакого ответа — сделай милость — пришли ответ — на мои письма, коротенько и добренькой. — Ты легко вообразить себе можешь, зная меня — как мне тяжело, и что мне стоит, что бы тебя беспокоить. Пришли мне адрес Соболевского, мне до него есть прозьба, не большая — денежная, — я не у него их просить буду — а по прошу его, чтобы он их получил — в Петербурге, — у одного барина, который мне должен — и предлагает мне заплатить, полагая что у меня руки короткие и от сюда не достанут получить из Петербурга деньги. Прощай любезный друг — Александр Сергеевич. Ради Бога не сердись. — жду твоего милостивого ответа.

Адрес: в Тулу — на Сенную площадь — в дом купца Кондрашева.

963. М. И. Калашников — Пушкину. Июнь 1834 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич

При сем спешу вашей милости отправить полученное свидетельство равно и список из гражданской палаты в опекунский совет который с великим трудом мог получить в восемь недель, при сем всенижа[й]ше вас прошу милостивый государь ни оставте при последних моих днях ни лишите своею милостию вся надежда только на вашу милость, засим остаюсь с истинным моим высокопочитанием и преданностию

*ваш милостивого государя всенижайший раб навсегда пребуду Михаила Калашников.
июня 1834-го года.*

964. Н. Н. Пушкиной. 30 июня 1834 г. Петербург.

Твоя Шишкова ошиблась: я за ее дочкой Полиной не волочился, потому что не видывал, а ездил я к Александру Семеновичу Ш. [ишкову] в Академию, и то не для свадьбы, а для жетонов, не иначе. История же о княжнах совершенно справедлива, и я не вижу тут ничего смешного. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, друг мой, кроме тебя в жизни моей утешения нет — и жить с тобою в разлуке так же глупо, как и тяжело. Но что ж делать? После завтраго начну печатать Пуг. [ачева], который до сих пор лежит у Сперанского. Он задержит меня с месяц. В августе буду у тебя. Завтра Петергофский праздник и я проведу его на даче у Плетнева вдвоем. Будем пить за твое здоровье. С хозяином Оливье я решительно побранился, и надобно будет иметь другую квартиру, особенно если приедут с тобою сестры. Serge еще у меня, вчера явился ко мне в офицерском мундире, и молодец. История о том, как Ив. [ан] Ник. [олаевич] побранился с Юрьевым и как они помирились, уморительно смешна, но долго тебе рассказывать. Из деревни имею я вести неутешительные. Посланный мною новый управитель нашел всё в таком беспорядке, что отказался от управления и уехал. Думаю последовать его примеру. Он умный человек, а Болдино можно еще коверкать лет пять.

Прости, женка. Благодарю тебя за то, что ты обещаешься не кокетничать: хоть это я тебе и позволил, но всё-таки лучше моим позволением тебе не пользоваться. Радуюсь, что Сашку от груди отняли, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не беда; мальчик привыкнет к вину, и будет молодец, во Льва Сергеевича. Машке скажи, чтоб она не капризничала, не то я приеду и худо ей будет. Благословляю всех вас — тебя цалую в особенности.

30 июня.

Пожалуй-ста не требуй от меня нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и

прочитываются на почте, в полиции, и так далее — охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен. Погоди, в отставку выду, тогда переписка нужна не будет.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной В Калугу на Полотняный Завод.

965. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 30 июня 1834 г. Петергоф.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Письмо ваше ко мне от 25-го сего июня было мною представлено государю императору в поллиннике, и его императорское величество, не желая ни кого удерживать против воли, повелел мне сообщить г. вице-канцлеру об удовлетворении вашей просьбы, что и будет мною исполнено. —

Затем на просьбу вашу, о предоставлении вам и в отставке права посещать государственные архивы для извлечения справок, государь император не изъявил своего соизволения, так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностию начальства. —

С совершенным почтением имею честь быть

ваш покорный слуга граф Бенкендорф .

№ 2396. Июня 30 дня 1834. Петергоф. Его высокоблагородию А. С. Пушкину.

966. В. А. Жуковский — Пушкину. 2 июля 1834 г. Царское Село.

Государь опять говорил со мною о тебе. Если бы я знал наперед, что побудило тебя взять отставку, я бы ему объяснил всё, но так как я и сам не понимаю, что могло тебя заставить сделать глупость, то мне и ему нечего было отвечать. Я только спросил: *нельзя ли как этого поправить?* — Почему ж нельзя? отвечал он. Я никогда не удерживаю никого и дам ему отставку. Но в таком случае всё между нами кончано. [— вот] Он может однако еще возвратить письмо свое. — Это меня истинно трогает. А ты делай как разумеешь. Я бы на твоём месте не минуты не усумнился как поступить. Спешу только уведомить о случившемся.

Жуковский.

Адрес: А. С. Пушкину.

967. М. Л. Яковлеву. 3 июля 1834 г. Петербург.

Милостивый государь, Михайло Лукьянович.

В следствии данного Вам начальством поручения касательно напечатания рукописи моей, под названием История Пугачевского бунта, и по личному моему с Вами о том объяснении, поспешаю вас уведомить:

1-е. Желая я, чтоб означенная рукопись была напечатана в 8-ую долю листа, такого же формата как Свод Законов.

2-ое. Число экземпляров полагаю я 3,000; из коих для 1,200 прошу заготовить бумагу на счет казенный, а потребное количество оной для 1800 экз.[емпляров] доставлю я сам в типографию.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до издания книги, то на всем полагаюсь на Ваше благоусмотрение.

С глубочайшим почтением честь имею быть

милостивый государь Вашим покорнейшим слугою Александр Пушкин.

3 июля 1834 С.П.Б.

968. А. Х. Бенкендорфу. 3 июля 1834 г. Петербург.

Граф.

Несколько дней тому назад я имел честь обратиться к Вашему сиятельству с просьбой о разрешении оставить службу. Так как поступок этот неблаговиден, покорнейше прошу вас, граф, не давать хода моему прошению. Я предпочитаю казаться легкомысленным, чем быть неблагодарным.

Со всем тем отпуск на несколько месяцев был бы мне необходим.

Остаюсь с уважением, граф, вашего сиятельства низжайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

3 июля.

969. В. А. Жуковский — Пушкину. 3 июля 1834 г. Царское Село.

Вчера я писал к тебе с Блудовым на скоро и кажется не ясно сказал то чего мне от тебя хочется. А ты ведь человек глупый, теперь я в этом совершенно уверен. Не только глупый, но еще и поведения непристойного: как мог ты, приступая к тому, что ты так искусно состряпал, не сказать мне о том ни слова ни мне, ни Вяземскому — не понимаю! Глупость, досадная, эгоистическая, неизглаголанная глупость! Вот что бы я теперь на твоём месте сделал (ибо слова государя крепко бы расшевелили и повернули к нему мое сердце): я написал бы к нему прямо, со всем прямодушием, какое у меня только есть, письмо, в котором бы обвинил себя за сделанную глупость, потом так же бы прямо объяснил то, что могло заставить меня сделать эту глупость; и всё это сказал бы с тем чувством благодарности, которое государь вполне заслуживает. Повторяю (ибо, случиться может, что ты еще не успел получить вчерашнего письма моего), вот что он отвечал на мой вопрос: *Нельзя ли этого поправить? — Почему ж не лзя. Он может взять назад письмо свое; я никого не держу; но раз в отставке, всё между им и мною кончано.* — Эти слова для меня чрезвычайно трогательны. Напиши немедленно письмо и отдай графу Бенкендорфу. Я никак не воображал, чтобы была еще возможность поправить то, что ты так безрассудно соблаговолил напакостить. Если не воспользуешься этою возможностью, то будешь то щетинистое животное, которое питается желудями и своим хрюканьем оскорбляет слух всякого благовоспитанного человека; без галиматъи, поступишь дурно и глупо, повредишь себе на целую жизнь и заслужишь свое и друзей своих неодобрение (по крайней мере мое)

Вторник.

Ж.

Может быть захочешь показать Бенкендорфу письмо мое. Вот экземпляр без галиматъи.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

[На отдельном листе:]

Вот что вчера ввечеру государь сказал мне в разговоре о тебе и в ответ на вопрос мой: *не лзя ли как этого поправить? — „Почему ж нельзя! Пускай он возьмет назад свое письмо. Я никого не держу и его держать не стану. Но если он возьмет отставку, то между мною и им всё кончано“.* — Мне нечего прибавить к этим словам, чрезвычайно для меня трогательным и в которых выражается что-то отеческое к тебе, при всем неудовольствии, которое письмо твое должно было произвести в душе государя. Ты сам будешь знать как поступить; мое дело сообщить тебе эти слова без всякого объяснения, совершенно излишнего. Сожалею только, что ты ничего не сказал мне предварительно о своем намерении, ни мне, ни Вяземскому, и даже весьма тебе за это пеняю.

Вторник поутру. Жуковский.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

970. В. А. Жуковскому. 4 июля 1834 г. Петербург.

Получив первое письмо твое, я тотчас написал графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, так как мой поступок неосмотрителен, и сказал что я предпочитаю казаться скорее легкомысленным, чем неблагодарным. Но в след за тем получил официальное извещение о том, что отставку я получу, но что вход в архивы будет мне запрещен. Это огорчило меня во всех отношениях. Подал в отставку я в минуту хандры и досады на всех и на всё. Домашние обстоятельства мои затруднительны; положение мое не весело; перемена жизни почти необходима. Изъяснять это всё гр. Бенкендорфу мне не достало духа — от этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо.

Впрочем я уж верно не имел намерения произвести, что вышло. Писать письмо прямо к государю, ей-Богу, не смею — особенно теперь. Оправдания мои будут похожи на просьбы, а он уж и так много сделал для меня. Сей час от меня Л.[изавета] М.[ихайловна]. Она привезла еще мне два твои письма. Это меня конечно трогает. Но что ж мне делать! Буду еще писать к гр. Бенкендорфу.

Адрес: В. А. Жуковскому.

971. А. Х. Бенкендорфу. 4 июля 1834 г. Петербург.

Милостивый государь граф Александр Христофорович.

Письмо Вашего сиятельства от 30 июня удостоился я получить вчера вечером. Крайне огорчен я, что необдуманное прошение мое, вынужденное от меня неприятными обстоятельствами и досадными, мелочными хлопотами, могло показаться безумной неблагодарностию и супротивлением воле того, кто доньше был более моим благодетелем, нежели государем. Буду ждать решения участи моей, но во всяком случае, ничто не изменит чувства глубокой преданности моей к царю и сыновней благодарности за прежние его милости.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь, *Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Пушкин.*

4 июля 1834 С.П.Б.

972. М. Л. Яковлеву. 5 июля 1834 г. Петербург.

Вот тебе, мой благодетель, первая глава — с Богом.

973. В. А. Жуковский — Пушкину. 6 июля 1834 г. Царское Село.

Я право не понимаю, что с тобою сделалось; ты точно поглупел; надобно тебе или пожить в желтом доме, или велеть себя хорошенько высечь, чтобы привести кровь в движение. Бенкендорф прислал мне твои письма, и первое и последнее. В первом есть кое-что живое, но его нельзя употребить в дело, ибо в нем не пишешь ничего [хочешь] о том, хочешь ли оставаться в службе или нет; последнее, в коем просишь, чтобы всё осталось по старому, так сухо что оно может показаться государю новою неприличностию. Разве ты разучился писать; разве считаешь ниже себя выразить какое-нибудь чувство к государю? Зачем ты мудришь? Действуй просто. Государь огорчен твоим поступком; он считает его с твоей стороны неблагодарностию. Он тебя до сих пор любил и искренно хотел тебе добра. По всему видно, что ему больно тебя оттолкнуть от себя. Что же тут думать! Напиши то, что скажет сердце. А тут право есть о чем ему поразговориться. И не прося ничего, можешь объяснить необходимость отставки; но более всего должен столкнуть с себя упрек в неблагодарности и выразить что-нибудь такое, что непременно должно быть у тебя в сердце к государю. Одним словом я всё еще стою на том, что ты должен написать прямо к государю и послать письмо свое через гр. Бенкендорфа. Это одно может поправить испорченное. Оба последние письма твои теперь у меня; несущих через несколько минут к Б.[енкендорфу], но буду просить его погодить их показывать. Скорее.

Ж.

Пришли мне копию с того, что напишешь; хоть вероятно мне покажут. — Посылаю это письмо с нарочным. Ты же пришли с ним и письмо. Может случиться однако, что Бенкендорф в промежутке этого времени уедет в Петербург, то всего вернее отослать письмо немедленно к нему на дом [т[ы]]. Объяснимся (ведь ты глуп): ты пришлешь мне свое письмо с моим посланным и тотчас пошлешь узнать, приехал ли Бенкендорф. Если он уже приехал, то напишешь ему другой экземпляр письма и тотчас пошлешь к нему на дом; я же, получив твое письмо, тогда оставлю оное у себя. Всего важнее не упустить времени.

Адрес: А. С. Пушкину

974. В. А. Жуковскому. 6 июля 1834 г. Петербург.

Я право сам не понимаю, что со мною делается. Идти в отставку, когда того требуют обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствие — какое тут преступление? какая неблагодарность? Но государь может видеть в этом что-то похожее на то, чего понять всё-таки не могу. В таком случае я не подаю в отставку и прошу оставить меня в службе. Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед государем; гнев его меня огорчает, но чем хуже положение мое, тем язык мой становится связаннее и холоднее. Что мне делать? просить прощения? хорошо; да в чем? К Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что у меня на сердце — но не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье.

Адрес: В. А. Жуковскому.

975. А. Х. Бенкендорфу. 6 июля 1834 г. Петербург.

Граф.

Позвольте мне говорить с вами вполне откровенно. Подавая в отставку, я думал лишь о семейных делах, затруднительных и тягостных. Я имел в виду лишь неудобство быть вынужденным предпринимать частые поездки, находясь в то же время на службе. Богом и душою моею клянусь, — это была моя единственная мысль; с глубокой печалью вижу, как ужасно она была истолкована. Государь осыпал меня милостями с той первой минуты, когда монаршая мысль обратилась ко мне. Среди них есть такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения, столько он вложил в них прямоты и великодушия. Он всегда был для меня провидением, и если в течение этих восьми лет мне случалось роптать, то никогда, клянусь, чувство горечи не примешивалось к тем чувствам, которые я питал к нему. И в эту минуту не мысль потерять всемогущего покровителя вызывает во мне печаль, но боязнь оставить в его душе впечатление, которое, к счастью, мною не заслужено.

Повторяю, граф, мою покорнейшую просьбу не давать хода прощению, поданному мною столь легкомысленно.

Поручая себя вашему могущественному покровительству, осмеливаюсь изъявить вам мое высокое уважение.

Остаюсь с почтением, граф, вашего сиятельства низжайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

976. М. Н. Загоскину. 9 июля 1834 г. Петербург.

Милостивый государь Михайло Николаевич

Вы изволили вспомнить обо мне и прислали мне последнее, прекрасное Ваше творение; и не слышали от меня спасибо. Вы имеете полное право считать меня неучем, варваром и неблагодарным. Но виноват приятель мой Соболевский, который едет в Москву каждый день и уже седьмой месяц как взял от меня письмо, которое обещался немедленно Вам доставить.

Обращаюсь к Вам с важным делом. Г. Александр, очень замечательное лицо (или даже лица), собирается в Москву, и предлагает Вам следующие условия: доход за представления пополам с дирекцией (издержки спектакля, на ее счет) и бенефис. Удостоите меня Вашим ответом и потешьте матушку Москву.

С глубочайшим уважением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь, *Вашего превосходительства покорнейший слуга Александр Пушкин. 9 июля.*

977. Н. Н. Пушкиной. 11 июля 1834 г. Петербург.

Ты женка моя [презалаберная] пребезалаберная (насилу слово написал). То сердишься на меня за С.[оллогуб], то за краткость моих писем, то за холодный слог, то за то, что я к тебе не еду. Подумай

обо всем, и увидишь, что я перед тобой не только прав, но чуть не свят. С С.[оллогуб] я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствам тебе известным, не еду к тебе по делам, ибо и печатаю П.[угачева], и закладываю имена, и вожусь и хлопочу — а письмо твое меня огорчило, а между тем и порадовало; если ты поплакала, не получив от меня письма, стало быть ты меня еще любишь, женка. За что целую тебе ручки и ножки.

Кабы ты видела, как я стал прилежен; как читаю корректуру — как тороплю Яковлева! Только бы в августе быть у тебя. Теперь расскажу тебе о вчерашнем бале. Был я у Фикельмон. Надо тебе знать, что с твоего отъезда я кроме как в клобе нигде не бываю. Вот вчерась как я вошел в освещенную залу, с нарядными дамами, то я смутился как немецкий профессор; насилу хозяйку нашел, насилу слово вымолвил. Потом осмотревшись увидел я, что народу не так-то много, и что бал это запросто, а не раут. Незнакомых дам несколько прусачек (наши лучше, не говоря уж о тебе), а одеты, как Ермолова во дни отчаянные. Вот наелся я мороженого и приехал себе домой — в час. Кажется не за что меня бранить. О тебе в свете много спрашивают и ждут очень. Я говорю, что ты уехала плясать в Калугу. Все тебя за то хвалят, и говорят: ай да баба! — а у меня сердце радуется. Тетка заезжала вчера ко мне и беседовала со мною в карете; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утешала. На днях я чуть было беды не сделал: с тем чуть было не побранился — и тухнул-то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умею; хоть и он не прав. Сегодня был на даче у Плетнева; у него дочь имянинница. Только вместо его, нашел я кривую кузину — и ничего. А он уехал в Ораниенбаум — в.[еликую] княгиню учить. Досадно было, да нечего делать. Прощай женка — спать хочу. Целую тебя и вас — и всех благословляю. Христос с Вами.

11 июля.

978. П. А. Осиповой. 29 июня и 13 июля 1834 г. Петербург.

От всего сердца благодарю вас, дорогая, милая и любезная [Прасковья Александровна], за письмо, которое вы были добры мне написать. Вижу что вы по прежнему сохраняете ко мне былую дружбу и участие. Отвечу вам откровенно на то, что касается Рейхмана. Я знаю его за честного человека, а в данную минуту это всё, что мне нужно. Я не могу довериться ни Михайле, ни Пеньковскому, ибо знаю первого и не знаю второго. Не имея намерения поселиться в Болдине, я не могу и помышлять о том, чтобы восстановить имение, которое, между нами говоря, близко к полному разорению; я хочу лишь одного — не быть обворованным, и платить проценты в Ломбард. Улучшения придут впоследствии. Но будьте покойны: Рейхман только что написал мне, что крестьяне так обнищали и дела идут так худо, что он не мог взять на себя управление Болдиным, и что в настоящую минуту он в Малинниках.

Вы не можете себе представить, до чего управление этим имением мне в тягость. Нет сомнения, Болдино заслуживает того, чтобы его спасти, хотя бы ради Ольги и Льва, которым в будущем грозит нищенство или по меньшей мере бедность. Но я не богат, у меня самого есть семья, которая зависит от меня и без меня впадет в нищету. Я принял имение, которое не принесет мне ничего кроме забот и неприятностей. Родители мои не знают, что они на волос от полного разорения. Если б только они решились прожить несколько лет в [Зуеве] Михайловском, дела могли бы поправиться; но этого никогда не будет.

Рассчитываю повидаться с вами нынешним летом и, разумеется, остановиться в Тригорском. Будьте добры передать мое почтение всему вашему семейству и примите еще раз мою благодарность и выражение чувств моего уважения и неизменной дружбы

А. П.

29 июня. С.-Пб.

13 июля. Вот письмо, которое должно было быть у вас уже две недели тому назад. Не знаю, как случилось, что оно до сих пор не отослано. Дела мои задержат меня еще на некоторое время в Петербурге. Но я попрежнему надеюсь появиться у ваших дверей.

979. Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 14 июля 1834 г. Петербург.

Ты хочешь непременно знать, скоро ли буду я у твоих ног? изволь, моя красавица. Я закладываю имение отца, это кончено будет через неделю. Я печатаю Пугачева; это займет целый месяц. Женка, женка, потерпи до половины августа, а тут уж я к тебе и явлюсь и обниму тебя, и детей распалую. Ты разве думаешь, что холостая жизнь ужасно как меня радует? Я сплю и вижу, чтоб к тебе приехать, да кабы мог остаться в одной из Ваших деревень под Москвою, так бы Богу свечку поставил; рад бы в рай, да грехи не пускают. Дай, сделаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю — но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости. А [о] каком соседе пишешь мне лукавые письма? кем это меня ты стращаешь? отселе вижу, что такое. Человек лет 36; отставной военный или служащий по выборам. С пузом и в картузе. Имеет 300 душ и едет их перезакладывать — по случаю неурожая. А накануне отъезда сентиментальничает перед тобою. Не так ли? А ты, бабенка, за неимением того и другого, [в о[божатели]] избираешь в обожатели и его: дельно. Да как балы тебе не приелись, что ты и в Калугу едешь для них. Удивительно! — Надобно тебе поговорить о моем горе. На днях хандра меня взяла; подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и Богом прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так? Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать, и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута, и что их маменька ужас как мила была на Аничковских балах. Ну, делать нечего. Бог велик; главное то, что я не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. Попалуй детей и благослови их за меня. Прощай, цалую тебя.

А. П.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Калугу на Полотняные Заводы.

980. Н. Н. Пушкиной. 14 июля 1834 г. Петербург.

Все вы, дамы, на один покрой. Куда как интересны похождения дурачка Д и его семейственные ссоры. А ты так и радуешься. Я чай, так и раскокетничалась. Что-то Калуга? Вот тут поцарствуешь! — Впрочем, женка, я тебя за то не браню. Всё это в порядке вещей; будь молода, потому что ты молода — и царствуй, потому что ты прекрасна. Цалую тебя от сердца — теперь поговорим о деле. Если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти, то у Оливье оставаться нам невозможно: места нет. Но обеих ли ты сестер к себе берешь? эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть одна под одной кровлей: муж, жена, дети покамест малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберешься, и семейственного спокойствия не будет. Впрочем об этом еще поговорим. Яковлев обещает отпустить меня к тебе в августе — я оставлю Пугачева на его попечении. Август близок. Слава Богу дождались. Надеюсь, что ты передо мною чиста и права; и что мы свидимся, как расстались. Мне кажется, что Сашка начинает тебе нравиться. Радуюсь: он не в пример милее Машки, с которой ты напляшешься. Смирнова опять чуть не умерла. Рассердилась на доктора, и кровь кинулась в голову, слава Богу, что не молоко. Она теперь принимает, но я у ней еще не был. Сегодня фейворок или фейерверк — Сергей Н.[иколаевич] едет смотреть его; а я в городе останусь. У нас третий день как жары — и мы не знаем, что делать. Сплю и вижу, чтоб из П.[етер]Б.[урга] убраться к тебе; а ты и не веришь мне, и бранишь меня. Сегодня съезжу к Плетневу. Поговорим о тебе. У меня большие хлопоты по части Болдина. Через год я на всё это плюну — и [за]ймусь своими делами. Лев С.[ергеевич] очень себя ду[рно] ведет. Ни копейки денег не имеет, а в [дом]ино проигрывает у Дюме по 14 бутылок [ша]мпанского. Я ему нич[его] не говорю, потому что слава Богу мужи[ку] 30 лет; но мне его жаль и досадно. Соболевский им руководствует, и что уж они делают, то Господь ведает. Оба довольно пусты. Тетка в Царск.[ом] Селе. Я всё к ней собираюсь, да не соберусь. Прощай. Обнимаю тебя крепко — детей благословляю — тебя также. Всякой ли ты день молишься, стоя в углу?

14 июля.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Калуге на Полотняном заводе.

981. М. Л. Яковлев — Пушкину. 6-15 июля 1834 г. Петербург.

[Сомер] Просим сделать при начале глав Перечни содержания.

982. М. Л. Яковлеву. 6-15 июля 1834 г. Петербург.

Не мала ли?

983. М. Л. Яковлев — Пушкину. 6-15 июля 1834 г. Петербург.

Весьма мало. Всего лучше сделать одну главу VIII; — в таком случае просим дополнить Перечень содержания и возвратить всё в типографию.

М. Я.

984. М. Л. Яковлеву. 17 июля 1834 г. Петербург.

[Указы надобно будет]

Вот и второй том.

985. Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 26 июля 1834 г. Петербург.

Наташа мой ангел, знаешь ли что? я беру этаж, занимаемый теперъ Вяземскими. Княгиня едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку; бояться чахотки. Дай Бог, чтоб юг ей помог. Сегодня видел во сне, что она умерла, и проснулся в ужасе. Ради Бога, берегись ты. Женщина, говорит Гальяни, есть животное, по природе своей слабое и болезненное. Какие же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать. И за то спасибо. Пожалуй-ста не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. Право, душа просит; да мощна не велит. Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания, закладываю деревни — Льва Сергеича выпроваживаю в Грузию. Всё слажу — и сломя голову к тебе прискачу. Сей час приносили мне корректуру и я тебя оставил для Пугачева. В корректуре я прочел, что Пугачев *поручил Хлопуше грабеж заводов*. Поручаю тебе грабеж Заводов — слышишь ли, моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись с добычею. В свете я не бываю. Смирнова велела мне сказать, что она меня впишет в разряд иностранцев, которых велено не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (Животное, по природе своей слабое и болезненное —). Цалую Машу и заочно смеюсь ее затеям. Она умная девчонка, но я от нее покамест ума не требую; а требую здоровья. Довольна ли ты немкой и кормилицей? Ты дурно сделала, что кормилицу не прогнала. Как можно держать при детях пьяницу, поверя обещанию и слезам пьяницы? Молчи, я всё это улажу. До тебя мне осталось 9 листов. То-есть как еще пересмотрю 9 печатных листов и подпишу: *печатать*, так и пушусь к тебе, а покамест буду проситься в отпуск. Новостей нет никаких; кроме того, что бедного маршала Мезона чуть не задавили на маневрах. Знай наших. Цалую тебя и их. Господь вас благослови.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной. В Калугу на Полотняный Завод.

986. Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 30 июля 1831 г. Петербург.

Что это значит, жена? Вот уж более недели, как я не получаю от тебя писем. Где ты? что ты? В Калуге? в деревне? откликнись. Что так могло тебя занять и развлечь? какие балы? какие победы? уж не больна ли ты? Христос с тобою. Или просто хочешь меня заставить скорее к тебе приехать. Пожалуй-ста, женка — брось эти военные хитрости, которые не в шутку мучат меня за тысячи верст от тебя. Я приеду к тебе, коль скоро меня Яковлев отпустит. Дела мои подвигаются. Два тома печатаются вдруг. Для одной недели разницы, не заставь меня всё бросить и потом охать целый год,

если не два и не три. Будь умна. Я очень занят. Работаю целое утро — до 4 часов — никого к себе не пускаю. Потом обедаю у Дюме, потом играю на бильярде в клубе — возвращаюсь домой рано, надеясь найти от тебя письмо — и всякой день обманываюсь. Тоска, тоска...

С кн.[язем] Вяземским я уже условился. Беру его квартиру. К 10 августу припасу ему 2,500 рублей — и велю перетаскивать пожитки; а сам поскачу к тебе. Ждать не долго.

Прощай — будьте все здоровы. Целую твой портрет, который что-то кажется виноватым. Смотри — Адрес: Натальи Николаевны Пушкиной. В Калугу на Полотняный Завод.

987. А. Ваттемару. Вторая половина июля 1834 г. Петербург.

Милостивый государь,

Ответ г-на Загоскина еще не дошел до меня. Как только получу его письмо, буду иметь честь передать его вам

А. Пушкин

Адрес: Милостивому государю господину Александру в Галерной дом Брискорн.

988. Н. Н. Пушкиной. 3 августа 1834 г. Петербург.

Стыдно, женка. Ты на меня сердисься, не разбирая, кто виноват, я или почта, и оставляешь меня две недели без известия о себе и о детях. Я так был смущен, что не знал, что и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утешило. Описание вашего путешествия в Калугу, как ни смешно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться в скверный уездный городишка, чтоб видеть скверных актеров, скверно играющих старую, скверную оперу? что за охота останавливаться в трахтире, ходить в гости к купеческим дочерям, смотреть с чернию губернский фейворок — когда в Петербурге ты никогда и не думаешь посмотреть на Каратыгиных и никаким фейвороком тебя в карету не заманишь. Просил я тебя по Калугам не разъезжать, да видно уж у тебя такая натура. О твоих кокетственных сношениях с соседом говорить мне нечего. Кокетничать я сам тебе позволил — но читать о том лист кругом подробного описания вовсе мне не нужно. Побранив тебя, беру нежно тебя за уши и целую — благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас. Ты ждешь меня в начале августа. Вот нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь; Яковлев отпустит меня около половины месяца. Но и тут я не совсем еще буду свободен. Я взял квартиру Вяземских. Надо будет мне переехать, перетаскать мебель и книги, и тогда уже, благословясь, пуститься в дорогу. Дай Бог приехать мне к твоим именинам, я и тем был бы счастлив.

Вяземские здесь. Бедная Полина очень слаба и бледна. Отца жалко смотреть. Так он убит. Они все едут за границу. Дай Бог, чтоб климат ей помог. Marie похорошела и в бедной и загнанной Москве произвела большое действие. О тебе гремит еще молва, после минутного твоего появления. Нашли, что ты похудела — я привезу тебя тетехой, по твоему обещанию: смотри ж! Не поставь меня в лгуны. На днях встретил я M-de Жорж. Она остановилась со мною на улице и спрашивала о твоём здоровье, я сказал, что на днях еду к тебе pour te faire un enfant ⁵⁴. Она стала приседать, повторяя: Ах, мосье, вы доставите мне большое удовольствие. Однако я боюсь родов, после того, что ты выкинула. Надеюсь однако, что ты отдохнула. Видел я Смирнову; она начинает оправляться, но всё еще плоха и желта. Тетка воротилась из Царского Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кириловна сильно ей надоела. Н.[аталья] К.[ириловна] сердится на всех, особенно на князя Кочубея, за чем он умер и тем огорчил ее Машу. На княгиню также дуетя и говорит: Господи, да мы все потеряли наших мужей и однако же утешились. Тетка говорит, что ты ей вовсе не пишешь. Не хорошо. А она всё за тебя хлопочет. Serge в лагери. Брата Ивана не вижу. Прощай, Христос с Вами. Целую Вас, тебя в особенности. Принесли корректуру.

⁵⁴ чтобы сделать тебе ребенка.

989. М. Л. Яковлев — Пушкину. Около (не позднее) 12 августа 1834 г. Петербург.

Нельзя ли без Вольтера?

990. М. Л. Яковлеву. Около (не позднее) 12 августа 1834 г. Петербург.

А почему ж? Вольтер человек очень порядочный, и его сношения с Екатериною суть исторические.

991. М. Л. Яковлеву. 10-е числа августа 1834 г. Петербург.

Вот 18-й лист. Справлялся я в других списках и смысла не нашел и там. Из предисловия (ты прав, любимец Муз!) должно будет выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его.

992. С. А. Соболевскому. Апрель — середина августа 1834 г. Петербург.

Пожалуй-ста приезжай ко мне, к обеду: мне с тобою непременно надо поговорить.

А. Пушкин. Воскресение.

993. И. И. Лажечникову. Около 20 августа 1834 г. (?) Тверь.

Я всё еще надеялся, почтенный и любезный Иван Иванович, лично благодарить вас за ваше ко мне благорасположение, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преследует. — Проезжаю через Тверь на перекладных и в таком виде, что никак не осмеливаюсь к вам явиться и возобновить старое, минутное знакомство. — Отлагаю до сентября, то есть, до возвратного пути; покамест поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.

Сердечно вас уважающий Пушкин.

994. И. М. Пеньковский — Пушкину. 21 августа 1834 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Поступил указ из Нижегородского губернского правления о взыскании по залогу за сельцо Кистенево на 350 руб. асыгнац.[иями]. Копию указа пересылаю к Вам, мне объявлен 15-го августа 20 числа оную сумму уплотил из Кистеневского оброку — по видимому указ поступил более двух месяцев в Нижегородское губер. правление, ежли в июне мсце были Вами уплачиваемые проценты в Опекуновском совете или позже, то может быть что я другой раз уплачиваю, мне никак невозможно было к Вам отнестись в так скором времени дабы ожидать Вашего приказания, только пять дней дали сроку, после оного приступали к описи имения. Квитанцию из Опекуновского совета должны мне выслать получив оную немедленно к Вам перешлю. Не знаю получите ль мое донесение в Петербурге. Я слышел от г-на Безобразова что Вы изволите проживать в Москве. Безобразов был в селе Болдине справлялся об состоянии крестьян покойного Василья Львовича, и кажется, что они ему понравились, отправился в Лукоянов оттуда в Москву.

В селе Болдине рож сжата из 150 десятин нажато 117000 снопов противу сдешней окружности очень дурной ужин. Замолоту еще не делал наливом хороша полагаю что должен быть умолотом хороша. Еровое поле отличное завтрешнего числа начинаю жать овес — у крестьян села Болдина рож которые в прошедшей осени сеили очень хороша, многие нониче не имели чего жать от своего нерадения или от дурного хозяйства. Я находя дурные последствия строго за крестьянами смотрю, отдал приказ от имени Вашего дабы всяк свое поле засеил и отнюдь не продавал никому, и надеюсь успеха. Инным крестьянам даю семена на посев. Нужно непременно всё прежнее переменить, иначе всегда в Болдине будет неурожай. В Вашем полю высеянно под озимь на 177 десятинах русской ржи по 1 четверти по 4 четверика на каждую — на 3 де.[сятин] возы по 1-й четверти всего высеянно на 180 десят.[инах] 268 четвертей 4 четверика. Кончил посев 19 числа августа. За купленный овес на

семена из Болдинского оброку и Кистеневского уплачиваю остается долгу за овес 500 руб. монетой.

Я по сие время тружусь с истинным к Вам, милостивый государь Александр Сергеевич! усердьем ни в чем не упуская пользы Вашей. При сем принужден Вас просить естли угодно будет принять во уважение мою прозбу о решение моей участи. Михаил Иванов хотя живет со мной по наружности дружно по совету его сына Василья который в письме пишет дабы со мной жить дружески и в том же письме пословицу, худой мир лучше доброй ссоры, и так Михай.[ла] Ивано.[в] придерживается этой пословицы, ходит по своим любовницам и твердит что скоро меня выживет и грозит строгим наказанием некоторых крестьян за их дерзость, как они смели на него говорить правду Рейхману о недоимке и беспорядках его правления.

Мною заведен порядок и ровна справедливость над всеми крестьянами мало по малу растроивается сплетнями Михай.[ла] Иванова и мстительными угрозами. Нониче дочего уже доходит, мною отланные приказания старостам по хозяйственной части запрещает им исполнять, что это всё будет иначе как приедет Александр Сергеевич! Старосты ходят как сонные не знают кого слушать, крестьянам нестарательным этого только и нужно — мудренно очень управлять при этаких растройствах.

Представляю Вам Александр Сергеевич некоторые статьи до рассмотрения Вашего. При прозбе старшин от всего миру, об[ъ]явлено мне что в прошедшей осини Мих. Иванов дал трем мужикам 1 десятину земли сверх их тягол и за что этакая особенная милость оным. Я именно позвал тех которые засеили в свою пользу. Показалось по справке что они получили по любовным связям Михаила Иванова. Я почел это злым употреблением господского добра велел сжать барщиной и отдать тем крестьянам которые вовсе не засевали в прошедшей осени и нониче при урожае не имеют куска хлеба.

Во время бытности Вашей в Болдине я получил лично Ваше приказание дабы за дурное поведение Якова Семенова отдать в солдаты, Михаил Иванов по родству сделал снисхождение, выпустил он его, бегал долгое время, на его место поступил из хорошего дому я виноват перед Вами что не мог исполнить Вашего приказания, и признаюсь Александр Сергеевичу что очень мудрено в одном имени двум управлять. Всепокорнейше прошу Вашего решения, прикажите из нас кому одному в селе Болдине управлять естли же оба в разсуждению Вашем окажемся неспособными, то не медлите прислать нового управляющего потому что нониче рабочее время от растройств в хозяйстве более всего теряет доверитель.

Книги шнуrowые села Болдина к Вам верно доставленны Рейхманом, оные нужны для окончания счетов за 1833 год и для записывания в новь доходов на 1834-й, естли Вам заблагорассудится пересылать обратно на адресе пропишите в город Лукоянов.

Покуда я занимаю должность хозяина в селе Болдине обязан предложить в пользу Вашу, как прикажите поступить в оном. Крестьяне села Болдина нуждаются в пахатной земли и покосах. По моему мнению, много лесу неудобного который Вам ни какой пользы не приносит, нужно бы после уборки хлеба всю силу употребить дабы из оногo часть обратить на пашню и луга.

От крестьян уже много отрезано на барскую пашню, на Ваше поле нужно будет в будущей весне 30 десятин под еровое поле, естли еще отрезать у крестьян, тогда не останется у них на тегло по одной десятине, этая статья главная необходимо нужно прибавить пахатной земли, естли угодно Вам получить значительный доход из села Болдина и улучшить состояние крестьян.

Обо всем буду ожидать Вашего решения, трудясь с истиною преданностию

Ваш милостивый государь всеpokорнейший слуга И. Пеньковский.

995. Н. И. Гончаровой. Около (не позднее) 25 августа 1834 г. Полотняный Завод.

Милостивая государыня матушка Наталья Ивановна,

Как я жалею, что на пути моем из Петербурга не заехал я в Ярополец: я бы имел и счастье с Вами свидеться и сократил бы несколько верстами дорогу, и миновал бы Москву, которую не очень люблю и в которой провел несколько лишних часов. Теперь я в Заводах, где нашел всех моих, кроме Саши, здоровых, — я оставляю их еще на несколько недель и еду по делам отца в его нижегородскую

деревню, а жену отправляю к Вам, куда и сам явлюсь как можно скорее. Жена хандрит, что не с Вами проведет день Ваших общих именин; как быть! и мне жаль, да делать нечего. Покаместь, поздравляю Вас со днем 26 августа; и сердечно благодарю вас за 27-ое. Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом. В Петербурге видался я часто с братом Ив.[аном] Ник.[олаевичем], а Серг.[ей] Ник.[олаевич] и жил у меня почти до моего отъезда. Он теперь в хлопотах обзаведения. Оба, слава Богу, здоровы.

Цалую ручки Ваши и поручаю себя и всю семью мою Вашему благорасположению.

А. Пушкин.

996. А. И. Тургеневу. Около (не позднее) 9 сентября 1834 г. Москва.

Жена выбрала булавки и сердечно Вас благодарит. Само по себе разумеется, что Пугачев явится к вам первому, как скоро выдет из печати. Симбирск осажден был не им, а одним из его сообщников, по прозвищу Фирска. Книгу оставлю у жены, которая вам ее и возвратит. Весь ваш — до свидания.

А. П.

Симбирск в 1671 году устоял противу Стеньки Разина, Пугачева того времени.

Адрес: Его превосходительству м. г. Александру Ивановичу Тургеневу etc.

997. С. А. Соболевскому. 9 сентября 1834 г. Москва.

Москва 9 с.[ентября]

Пожалуй ста, любезный Сергей Александрович, объясни жене, где живет наш друг ростовщик. Надеюсь на твою медлительность и полагаю наверное, что ты еще в Париже — и что даже я там тебя застану по приезде моем в П.[етер]Б.[ург.]

Адрес: С. А. Соболевскому В Париже (что в П. Б. на Малой Морской)

998. А. И. Тургеневу. 9-10 сентября 1834 г. Москва.

Это всё у меня уже есть — и будет напечатано в приложении. Благодарен Полевому за его доброе расположение к историографу Пугачева, камер-юнкеру и проч. — Сей час еду, лошади уже заложены.

Адрес: А. И. Тургеневу etc. etc.

999. Болдинские крестьяне — Пушкину. 15 сентября 1834 г. Болдино.

Ваше высокоблагородие милостивы[й] государь батюшка Александр Сергеевич.

1-е. Во вторых осмеливаемся донести вашей милости — в том что у нас по мирским книгам числится — наличних денег в приходе 700 руб. подушного збору — и записано в приходной книги рукою Михайлы Иванова, а оных денег в расходе ни находится.

2-е у Михайлы Иванова начальники определены были — без мирского сагласия, бурмистра Игнатъя Сягина старосту Дениса Иванова которые к оному хозяйству были неспособны потому что он Михайла Иванов дал им начальникам во всем полную волю и ни сматрел за ними. Дурное поведение в том что бурмистр и староста брале деньги всякой день по дварам и кто где попадается, требовали [в] воскресные дни и каждый [?] базар брали а в книгу не записовали.

3-е Михайла Иванов во время какой-нибудь покраже решительности [?] никогда никакой не делал варам а бурмистр и староста всегда с варамы вообще пили гуляли и неоднократно их начальников выводили от варов. Стараст[ы] едва действия могут чрез пьянство. —

4-е теперь с нас в новь поступившай управляющий Иосиф Матвейев требует за 1832-й год надоимку аброчной сумы а мы крастьяни в то время собраны были управляющим Иосифом Матвейевым на мирской сход и сказали Михайлы Иванову бурмистру и старосты что мы не имеем на себе недоимки а бурмистр и староста сказали Осипу Матвейеву что не может быть на оных крестьянах недоимки, оныя крестьяне у нас находятся первые плательщики а теперь с их управляющий оную

недоимку требует а мы онай недоимки на себе не имейм батюшка Александр Сергеевич благоволите в оное вступить — куды оные доходы девали а мы от оногo не порядку в великое пришли разарение.

5-е при оном управляющем Осифом Матвеивам ни один крестьянин жалобу не имеет чтобы ни записаны были денежные припасы и каждая ниделю требует от начальников атчеты денежные на счот судов остаемся довольны не как прежде в вышеписанном беспорядке во всем справедливо.

6-е. Еще у нас в гасподскай пашенной земле находится с верх тягал наличная земля 10-ть десетин, оная земля в селе на старожилище и загарожина вокру оная плетневам гародам оная земля засевається 8-мь десетин канаплями, а 2 десетини сенные пакосы, оная земля сверх всего положенного, осмеливаемся батюшка Александр Сергеевич вас просить сердечно чтобы оную землю принять в намер потому что оная земля нас очень [нас] отигащает. —

7-й у нас баращина находится ежедневная потому что у нас крестьяне многи не имеют лашедей а у каторых крестьян свои лошади имеют на баращине тем очен тягостно. — Батюшка Александр Сергеевич, припадаим к стопам ног ваших и просим вас сердечно в том чтобы вы нас определили на тридневную баращину потому чтобы мы стали иметь дни для засева во время своей земли и для заработка казенного платежа а мы тепер имеем на себе падушную недоимку, от таго, что заработать некогда. —

8-е прошлого года Михайла Иванов по своей любовной страсти дал своим трем фафористам гасподской пашенной земли десетину для засева хлеба ржи по урожаю на онай десетини хлеба старосте приказал мирскую рож с жать и привести оную в гасподское гумно оное исполнено а во время жатви онай ржи Михайла Иванов приехал в поля к старосте и сказал старосте чтобы оная рож была нежата вы думайте тепер будит по вашему как вы распорежайте, вот приедит Александр Сергеевич будет иначе.

Батюшка Александр Сергеевич припадаем к стопам ног ваших и всенародно просим вас сердечно зделайте такое милосердие Ежели вы нам батюшка Александр Сергеевич зделайте какую-нибудь льготу то может быть по милости вашей и апать обратится на путь истины. Остаемся поданнейшие ваши рабы всеобщай мир. С высокопочитанием.

1000. Н. Н. Пушкиной. 15 и 17 сентября 1834 г. Болдино.

15 сент.

Почта идет во вторник, а сегодня только еще суббота; и так это письмо нескоро до тебя доберется. Я приехал третьего дня в четверг поутру — вот как тихо ездят по губернским трактам — а я еще платил почти везде двойные прогоны. Правда, что отовсюду лошади были взяты под государя, который должен из Москвы проехать на Нижний. В деревне встретил меня первый снег, и тепер двор перед моим окошком белешенек; это очень любезно с его стороны, однако я еще писать не принимался, и в первый раз беру перо, чтоб с тобою побеседовать. Я рад, что добрался до Болдина; кажется, менее будет мне хлопот, чем я ожидал. Написать что-нибудь мне бы очень хотелось. Не знаю, придет ли вдохновение. Здесь нашел я Безобразова (что же ты так удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины Маргаритки). Он хлопочет и хозяйничает и вероятно купит пол Болдина. Ох! кабы у меня было 100,000! как бы я всё это уладил; да Пуг.[ачев], мой оброчный мужичок, и половины того мне не принесет, да и то мы с тобою как раз промотаем; не так ли? Ну, нечего делать: буду жив, будут и деньги... Вот едет ко мне Безобразов — прощай.

Ух, на силу отвязался. Два часа сидел у меня. Оба мы хитрили — дай <ог, чтоб я его перехитрил, на деле; а на словах, кажется, я перехитрил. Вижу отселе твою недоверчивую улыбку, ты думаешь, что я подурюша, и что меня опять оплетут — увидим. Приехав в Москву, кончу дело в два дня; и приеду в П.[етер] Б.[ург] молодцом и обладателем села Болдина...

Сей час у меня были мужики, с челобитьем; и с ними принужден я был хитрить — но эти наверное меня перехитрят... Хоть я сделался ужасным политиком, с тех пор, как читаю Завоевание Англии норманнами. Это что еще? Баба с просьбою. Прощай, иду ее слушать.

— Ну, женка, умора. Солдатка просит, чтоб ее сына записали в мои крестьяне, а его-де записали в выблядки, а она-де родила его только 13 месяцев по отдаче мужа в рекруты, так какой же он выблядок? Я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

17-го.

Теперь вероятно ты в Яропольце и вероятно уж думаешь об отъезде. С нетерпением ожидаю от тебя письма. Не забудь моего адреса: в Арзамаском уезде, в село Абрамово, оттуда в село Болдино. — Мне здесь хорошо, да скучно, а когда мне скучно, меня так и тянет к тебе, как ты жмешься ко мне, когда тебе страшно. Цалую тебя и деток и благословляю вас. Писать я еще не принимался.

1001. Н. Н. Пушкиной. 20-е числа (не позднее 25) сентября 1834 г. Болдино.

Вот уж скоро две недели как я в деревне, а от тебя еще письма не получил. Скучно, мой ангел. И стихи в голову нейдут; и роман не переписываю. Читаю Вальтер-Скотта и Библию, а всё об вас думаю. Здоров ли Сашка? прогнала ли ты кормилицу? отделалась ли от проклятой немки? Какова доехала? Много вещей, [на] о которых беспокоюсь. Видно нынешнюю осень мне долго в Болдине не прожить. Дела мои я кой-как уладил. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с Богом и в путь. В Москве останусь дня три, у Нат.[альи] Ив.[ановны] сутки — и приеду к тебе. Да и в самом деле: не уж то близ тебя не распишусь? Пустое. Я жду к себе Языкова, да видно не дождусь.

Скажи пожалуй-ста, брюхата ли ты? если брюхата, прошу, мой друг, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колени перед Машей (ни даже на молитве). Не забудь, что ты выкинула, и что тебе надобно себя беречь. Ох, кабы ты уж была в Петербурге. Но по всем моим расчетам ты прежде 3-го октября не доедешь. И как тебе там быть? без денег, без Амеляна, с твоими дурами няньками и неряхами девушками (не во гнев буде сказано Пелагеи Ивановне, которую заочно цалую). У тебя чай голова кругом идет. Одна надежда: тетка. Но из тетки двух теток не сделаешь — видно, что мне надобно спешить. Прощай, Христос Вас храни. Цалую тебя крепко — будьте здоровы.

Адрес: М. г. Натальи Николаевны Пушкиной. В С. Петербурге. На Дворцовой Набережной у Прачечного мосту в доме Баташева.

1002. Кистеневские крестьяне — Пушкину. 25 сентября 1834 г. Кистенево.

Ваше высокоблагородие милостивейший государь Александр Сергеевич доносим вашей милости на старосту Петра Петрова просили мы его всем миром чтобы он нам в свою бытность в начальниках прочитал расход и приход и сколько куда вышло но он нам сказал у меня расход сачтен верно нам его слова неверюся потому что он нестоющий человек и самый подозрительный привез ночью два воза арженого хлеба и зсыпал в магазинный анбар прошедше времени с месяц и взяли они оба з земским хлеб по себе разделили узнав миром и стали про себя говорить чей етот хлеб и слышно староста говорит я купил [у] управляющего Михайлы Иванача Просим вашего высокоблагородия о сем хлебе старосты спросить когда господской хлеб продается ночью мы старости и недоверяем у него на руках магазинный хлеб Можит быть они и магазейного по себе раз делили. Еще доносим вашему высокоблагородию когда сидят в начале тесть с зятем Петр Петров земскому тесть а он ему зять и такового самого дурного поведения извольте спросить земсковай матери при всем мире и она то самое скажет когда мать свою матерны ругает и бьет и из дому вон выгоняет он и вашему высокоблагородию известен по приезду вашему первый раз к нам в село Болдина в тогдашня время етот самый земской с отцем своим буянил и представил покойный бурмистр Казлов обеих к вашему высокоблагородию для рассуждения.

Еще просим вашего высокоблагородия старосту и земского от должности от менить потому оне нас да того довели в одну избу с ходются по две семьи жить и каторые продали свои дома и ушли жить на сторону извольти посмотреть какое у нас построенье и сколько у кого скота имеется дожили до того на два тегла по одной лошади у которых еще нет. Есть у нас в сельце Кистеневе один старик Григорей Кузьнецов о котором и тятиньки вашему известно что обуян не приказывал его на сход призывать и

ни в какии мирские согласии не принимать а ныне староста Петр Петров без него и схода не делает потама что он старосту защищает. Просим вас нам зделайти порядок мы все пришли в упадок как бы положеннии ваши оброк[и] не остановать потама что многии пошли по миру и просим вас слезно от сих нас дурных распорезений защитить и летошний год вашему высокоблагородию доказывали об своих непорядках узнав староста и высик нас всех тижелым наказанием и не велит нам ничего доказывать а нам нельзя чтобы недоказать. Покорнии слуги сельца Кистенева и рабы ваши доносим всем миром вашему высокоблагородию известно какое распорезение в селе Болдини такое же и у нас.

1834-го года сеньтября 25-го дня.

Филип Семенов Спиридон Праковъев Семен Фролов Исай Андреев Никифор Макаров Павел Семенов Моисей Ильин Кирила Федоров Осип Пракофъев Митрофан Дементьев Родион Фадеев Василей Семенов Иван Пракофъев Ларион Макаров Алексей Семенов все едино гласно доносим.

Еще доносим вашему высокоблагородию Григорья Кузьнепова сын Дмитрий украл на своей мельницы арженого хлеба у Андрея Дмитриева пришедше на него к старости Петру Петрову просить и просил его чтобы собрать сход но он ему на его ничего на сказал и принес ему на дом старости два целковых денег то есть восем рублей говорил ему Андрей Дмитриев как бы мне не остатся возьму я у тебя деньги без схода начто же он батюшка так воров покрывает когда начальники на дом за воров деньги носят Стало быть он с ним вмести ворует когда вора покрывает а добрых людей ворами называет извольте спросить об сей кражи Андрея Дмитриева когда мы ложно показываем.

1003. Н. М. Языкову. 26 сентября 1834 г. Болдино.

Я был обрадован в моем уединении приездом Александра Михайловича, который к сожалению пробыл у меня несколько часов. Блазнит он меня предложением ехать с ним в село Языково, быть свидетелем его свадьбы, обещаясь употребить меня с пользою — но мне невозможно — жена и дети...

Разговаривая о различных предметах, мы решили, что весьма не худо было бы мне приняться за альманах или паче за журнал, я и не прочь, но для того должен я быть уверен в Вашем содействии. Как думаете, сударь? Сами видите: шелкоперы нас одолевают. Пора, ей-ей пора дать им порядочный отпор. На днях отправляюсь в П.[етер]Б.[ург]. Если вам будет досуг написать мне две строчки, адресуйте их на Дворцовую Набережную в дом Баташева — у Прачечного мосту. — Ал.[ександр] Мих.[айлович] изволит спешить — и я кончаю письмо мое, поручая себя вашей благосклонности.

Ваш богомолец А. Пушкин.

26 сент. С. Болдино.

Искреннее мое почтение и мой поклон Петру Александровичу.

Адрес: Н. М. Языкову.

1004. П. Петров — Пушкину. Конец сентября 1834 г. Кистенево.

Ваше высокоблагородие милостиве[й]шей государь Александр Сергеевич.

Я как верноподданнейший ваш раб приемлю смелость милости вашей донести которой крестьяне беспокоиле вас прозбою на меня: о которых милости вашей изъясняю: что оне самыи плуты бунтовщики а при том и подозрительные в следующим: 1-й Яков Андреев который при жизни пакойного бурмистра Василья Иванова покушался на жизнь его и хотел мышьяком его уморить. 2-й Моисей Ильин который у нашего одновотчинного крестьянина со шляпы у сонного ⁵⁵ срезал шелковые кисти за что я его при мирской сходки строго наказал розгам, а за поступок оный ему Ильину приказал я тому крестьянину у которого срезал кисти, заплотить за поношении чести его четыре рубли штрафу. 3-й Родион Фадеев, 4-й Василей Семенов, 5-й Семен Пракофъев, которой не хотят плотить ваших положенных аброков. 5-й Митрофан Дементьев, 6-й Кирей Федоров, 7-й Алексей

⁵⁵ В подлиннике: у саннаго

Семенов, 8-й Иван Пракофьев, 9-й Филип Семенов (относятся милости вашей о своих недостатках), которой, милостивый государь Александр Сергеевич, пришли во упадок не от ваших положенных аброков, о болие от пьянства за что я их неоднократно при сходке мирской наказывал розгами, за оною мою строгость к ним и запрещении сего имеют на меня злобу и беспокоют вас милости[во]го государя несправедливой на меня жалобою. А которой крестьяне хорошего состояния и плотют ваши аброки безъотговорочно тех не толко я что наказать но даже словом дурным не обижал их; и оне за мною нечево худова не заметили и остаются мною довольными. И им от меня за исправность их ⁵⁶ всегдашняя благодарность моя. О чем усерднейший и справедливо милости вашей и доношу на ваше благорасмотрение. При сем донесении астаюсь к вам милостивейший государь Александр Сергеевич со истенным моим высокопочитанием и преданностию

ваш милостивого государя подданнейший раб и слуга Староста Петр Петров.

1005. И. М. Пеньковский — Пушкину. 15 октября 1834 г. Болдино.

15-го октября 1834 году. Село Болдино

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Пересылаю к Вам письмо полученное 14-го октября. При сем имею честь донести, в селе Кистеневе в Вашей части по приказанию Вашему отрешен от должности бывший бурмистр Петр Петров, на его место определен Семен Фралов — от Михаил Иванова принял отчеты и от бывшего бурмистра по их управлению в селе Кистеневе, наличных денег по счетам не оказалось.

По всему моему управлению собираю оброк — хлеб не продаю нониче цены niskие и неосновательные. Риги перестроенны начинаю молотить околоченную на семена рож, которой соломой в новых рижных печках буду топить и сушить снопы — по сие время в ригах топили дровами. — по моему мнению нашел для Вас полезным сушить хлеб лишней соломой. до сих пор она почти даром пропадала, выгода в том что у вас останется лес который бы нужно употребить на дрова (или деньги на покупку оных), тоже и крестьяне освобождаются от вывозки дров. Замолоту ржи и овса еще не молотил, в скором времени об оном доставлю ведомость — в селе Болдине и селе Кистеневе всё благополучно, о чем доносит с истинным высокопочитанием и таковую же преданностию

Ваш милостивый государь всепокорнейший слуга И. Пеньковский.

1006. М. Л. Яковлеву. 19 октября 1834 г. (?) Петербург.

Ведь у тебе празднуем мы Годовщину? не правда ли?

19 окт.

Адрес: М. Л. Яковлеву.

1007. А. А. Фукс. 19 октября 1834 г. Петербург.

19 октября 1834 года. С. П. Б.

Вчера, возвратившись в Петербург, после скучного, трехмесячного путешествия по губерниям, я был обрадован неожиданной находкою: письмом и посылкою из Казани. С жадностию прочел я прелестные ваши стихотворения и между ими ваше послание ко мне, недостойному поклоннику вашей музыки. В обмен вымыслов, исполненных прелести, ума и чувствительности, надеюсь на днях доставить вам отвратительно ужасную историю Пугачева. Не браните меня. Поэзия, кажется, для меня иссякла. Я весь в прозе: да еще в какой!.. право, совестно; особенно перед вами.

Вы изволили написать, что барон Люцереде должен мне был доставить письмо еще в прошлом году; к крайнему сожалению моему, я его не получил, вероятно потому что б.[арона] Люцереде я уже не застал в П.[етер]Б.[урге], по возвращении моем из Оренбурга. Он уже был отозван в Дрезден. Э. П.

⁵⁶ В подлиннике: иху

Перцов, которого на минуту имел я удовольствие видеть в Петербурге, сказывал мне, что он имел у себя письмо от вас ко мне, но и тут оно до меня не дошло; он уехал из Петербурга, не доставя мне для меня драгоценный знак вашего благосклонного воспоминания. Понимаю его рассеянность в тогдашних его обстоятельствах, но не могу не жаловаться и великодушно ему прощаю, только с тем, чтоб он прислал мне письмо, которое забыл мне здесь доставить.

Потрудитесь, милостивая государыня, засвидетельствовать глубочайшее мое почтение Карлу Федоровичу, коего любезность и благосклонность будут мне вечно памятны.

С глубочайшим почтением и сердечною преданностию честь имею быть.

1008. Н. И. Павлицев — Пушкину. 25 октября 1834 г. Варшава.

Варшава 25 октября — 6 ноября 1834.

Милостивый государь Александр Сергеевич,

По слухам, дошедшим до батюшки, что вы уже воротились из деревни в Петербург, я спешу поблагодарить вас за деньги, высланные вами на удовлетворение одного из безотвязных заимодавцев Льва Сергеевича. Не худо б расплатиться и с другими, в особенности с Плещеевым и Гутом; но это Лев Сергеевич должен знать лучше нас с вами.

В последнем письме вы спрашивали, скоро ли родит Ольга? 8/20 октября она разрешилась сыном *Львом* благополучно: не пишет сама к вам потому, что глаза у нее еще очень слабы. Вы были так добры, что обещали прислать что-нибудь к ее родам; теперь, более нежели когда-нибудь, вы сделаете доброе дело исполнением благого вашего намерения. Крайность положения моего вам известна, и говорить о ней больше было бы здесь повторением всего прежде к вам писанного. Если у вас нет лишних тысячи полторы, то я убедительно прошу выкупить в ломбарде фермуар и булавку, заложенные за 450 руб., и продать, по вашему усмотрению. Что бы не дали, я в теперешней моей нужде приму с благодарностию; здесь же покупателей не найдешь; варшавские щеголихи незнакомы с петербургскою придворною роскошью. Исполнением этой просьбы, тем или другим способом, вы истинно обяжете

покорнейшего всегда к услугам Н. Павлицева.

NB. Мне хотелось бы знать ваш адрес: это письмо отправляю просто — в С. Петербург.

1009. Н. В. Гоголю. Вторая половина октября 1834 г. Петербург.

Перечел с большим удовольствием; кажется, всё может быть пропущено. Секуцию жаль выпустить: она, мне кажется, необходима для полного эффекта вечерней мазурки. Авось Бог вынесет. С Богом!

А. П.

Адрес: Н. В. Гоголю

1010. П. А. Осипова — Пушкину. 1 ноября 1834 г. Тригорское.

1 ноября. Тригорское.

Где вы?... что вы поделяваете, мой дорогой Александр; хочу надеяться, что с вами не случилось ничего худого; — но ваши родители очень беспокоятся о вас — ибо как же объяснить более чем трехмесячное молчание. Мне очень неприятно докучать вам моими письмами, мой дорогой, всегда дорогой Александр, я отлично понимаю, что нет дружбы, которая устояла бы против докучки, — но вместе с тем я дошла до такого положения, что должна знать, можете ли вы уплатить мне долг ваших родителей. Ибо я тоже не могу оставаться в неизвестности по этому поводу. — Срок моего платежа в Ломбард совсем близок, и я должна знать, на что могу рассчитывать. — Вот письмо вашей матери, которое прилагаю к моему, ваш отец слег в постель — и только от беспокойства. Бога ради, напишите нам, ибо иначе, — иначе, право!! ваш отец этого не вынесет, — поспешите же сообщить ему, что вы и

все ваши здоровы, — и что вы его не забыли — мысль, которая его мучает и доводит до слез вашу мать. Простите мне, повторяю эти строки, — сердитесь, но отвечайте искренне преданной вам

Праск. Осиповой.

[На втором листе:]

Для памяти.

С 33 года — 1760 руб. — 60 уплачено в Петербурге

Проценты за год 170 —

Итого 1870, ассигнациями.

Если вы можете, если вы будете добры уплатить их мне, — я просила бы вас внести их в Ломбард.

По займу на 96,000 руб. стат.[ской] сов.[етнице] Пр.[асковье] Осип.[овой] под залог имения Пс.[ковской] губ.[ернии] Опоческого уезда 650 душ 1824 года, перезаложенных на 37 лет с 1832-го.

1011. П. Н. Беклемишев — Пушкину. 3 ноября 1834 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Прошлого года — я имел честь принять от батюшки вашего верное обещание, — что я посредством Вас, милостивый государь! получу деньги, занятые братцом Вашим, 2.000 руб., у полковника Плещеева, родного моего племянника, который не имея никакой собственности, в уважение просьбы и обстоятельств его кинулся к помощи и был уверен, — что его дружеской поступок не поставит его в то трудное положение, — в каком он теперь находится по письму, мною на сих днях от него полученному, которое к объяснению Вам, милостивый государь, в том истинны — я при сем прилагаю, и поруча сие справедливости, не смею в Вашем уважении сему делу не быть в совершенной благонадежности. С тем отличным почитанием — с каким имею честь быть милостивый государь

Ваш покорный слуга Петр Беклемишев.

„3-го“ ноября 1834.

P. S. Приложенное письмо ожидаю обратно.

Его в.[ысокоблаго]родию А. С. Пушкину.

[Приложение: Я. Эйхберг (?) — Н. П. Беклемишеву.]

Почтеннейший Николай Петрович!

Положение мое с долгом Пушкина не совсем завидное; я при болезни и нуждаюсь в деньгах, а он по сие время не присылает. Зделайте милость не оставте быть в сем деле моим ходатаем, что совершенно на вас возложено от Александра Павловича. Третий день как я в сухопутной гошпитали, впредь до разрешения министра о принятии в клинику, чего ожидаю каждый день. Я слышал, что вчерашний день на квартиру ко мне приезжал Аренд; как жаль, что меня уже не было; впрочем он сказал, что приедет в гошпиталь. Уведомте меня, как разделаетесь с Пушкиным, и я удивляюсь, как он не найдет такой суммы, ему всякой за одолжение поставит дать. — Быть может от рассеянности он и забыл или полагает, что деньги следуют Плещееву, а не бедному больному. — Уведомления свои вы можете пересылать ко мне чрез Балясного, у которого я останавливался на квартире.

3 ноября.

Ваш покорнейший слуга Яков Эйхберг [?]

Адрес: Его благородию Николаю Петровичу Беклемишеву в Большом Конюшенном дворе в квартире шталмейстера Беклемишева.

1012. Н. В. Гоголь — Пушкину. Около (не позднее) 10 ноября 1834 г. Петербург.

Вышла вчера довольно неприятная зацепка по цензуре, [кажется] по поводу Записок Сумашедш[его], но, слава Богу, сегодня немного лучше. По крайней мере я должен ограничиться выкидкою лучших мест. Ну, да Бог с ними! Если бы не эта задержка, книга моя может быть завтра вышла. — Жаль однако ж, что мне не удалось видеться с вами. Я посылаю вам предисловие, зделайте милость просмотрите, и если что, то поправте и перемените тут же чернилами. Я ведь, сколько вам

известно, сурьезных предисловий еще не писал, и потому в этом деле совершенно неопытен. —

Вечно ваш Гоголь.

1013. И. М. Пеньковскому. 10 ноября 1834 г. Петербург.

Получил я ваше письмо от 30 окт.[ября] и спешу вам отвечать. Долг мой в Опекунской совет я заплачу сам, а из доходов Болдина не должно тратить ни копейки. Что касается до 1270, требуемых за просрочку батюшкинова долга, то если можете найти такую сумму, то заплатите. — Доверенность посылаю к Вам на следующей почте. Вы хорошо сделали, что до сих пор не приступили к продаже хлеба. Невозможно, чтоб цены не возвысились. К счастью могу еще подождать.

А. П. 10 ноября.

Адрес: В Арзамасской уезд Нижегородской губ. в село Абрамово — оттоле в село Болдино, его благородию Осипу Матвеевичу Пенковскому.

1014. А. Х. Бенкендорфу. 23 ноября 1834 г. Петербург.

Милостивый государь граф Александр Христофорович

История Пугачевского Бунта отпечатана, и для выпуска оной в свет ожидал я разрешения Вашего сиятельства; между тем позвольте беспокоить Вас еще одною покорнейшею просьбою: я желал бы иметь счастье представить первый экземпляр книги государю императору, присовокупив к ней некоторые замечания, которых не решился я напечатать, но которые могут быть любопытны для его величества. Осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству для получения на то позволения.

Книгопродавец Смирдин хочет издать в одну книгу мои уже напечатанные стихи; я осмелился их препроводить в канцелярию его превосходительства А. Н. Мордвинова, по предписанному пред сим порядку.

С глубочайшим почтением, совершенною преданностию и благодарностию честь имею быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Пушкин.

23 ноября 1834. С. П. Б.

1015. III Отделение — Пушкину. 4 декабря 1834 г. Петербург.

III-е Отделение собственной его императорского величества канцелярии честь имеет возвратить Вам рассмотренную по приказанию его сиятельства графа Бенкендорфа рукопись четвертой части Ваших стихотворений.

№ 4182. С. П. б. 4 декабря 1834.

Его высокоблагородию А. С. Пушкину.

1016. А. Н. Мордвинов — Пушкину. 4 декабря 1834 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Письмо Ваше от 23-го ноября к г. генерал-адъютанту графу Бенкендорфу было его сиятельством доложено государю императору, и его величество соизволил отозваться, что изволит назначить время, в которое угодно будет его величеству Вас принять.

О сем по приказанию графа Александра Христофоровича имею честь Вас уведомить.

С совершенным почтением и преданностию имею честь, милостивый государь,

Ваш покорнейший слуга А. Мордвинов. 4-го декабря 1834.

1017. А. И. Тургеневу. Первая половина (не позднее 11) декабря 1834 г. Петербург.

Письца у меня французского нет, российских сколько угодно. Завтра же пригону. Мне покаместь из Парижа ничего не надобно; разве Папу Мейстера.

1018. П. В. Нащокин — Пушкину. Около (не позднее) 12 декабря 1834 г. Москва.

Любезный Александр Сергеевич.

Теперь я в Москве. Жена моя родила мне дочь Катерину. К тебе я писал — но всё не в полат — ни где мои письма не могли тебя застать. — Пришли, сделай милость — остальные все две тысячи, — а в процентах мы при свидании сочтемся. — Я пробуду здесь — до марта месяца. Славу Богу здоров но всё не так как в деревни. — Помни друг мой обо мне как о человеке, который тебя любил и всё любит — как никто из твоих приятелей. Пиши ко мне в Москву на Знаменьку против бывшего Апраксина дому в доме г-на Дорошевича, — еще прошу тебя не розни деньги — а коли можешь пришли все и поскорее. Весь твой П. Нащокин.

Ты мне большое благодеяние можешь сделать, оно состоит вот вчем, попроси Наталью Николаевну из должных тобою денег — купить жене моей для выезду шляпку — и модный материи на платья четыре, всего рублей — на 400. — Говорят есть какая-то материя называемая *satain laine*⁵⁷. Жена же моя и я [будем век [?] Богу молить [?] — за Наталью Николаевну [?]] Цалую.

Нельзя ли к празднику прислать шляпку.

Адрес: Его высокоблагородию Александру Филипповичу Смердину.

Близь Полицейского моста на Невском проспекте — в книжный магазейн г-на Смирдина, а Вас всепокорнейшии прошу доставить Александру Сергеевичу Пушкину. В С. Петербурге.

1019. А. Х. Бенкендорфу. 17 декабря 1834 г. Петербург.

Граф,

Я в отчаянии от необходимости вновь докучать вашему сиятельству, но г. Сперанский только что сообщил мне, что так как история Пугачевского бунта отпечатана в его отделении по повелению его величества государя императора, то ему невозможно выдать издание [без высочайшего на то соизволения]. Умоляю ваше сиятельство извинить меня и устранить это затруднение.

Остаюсь с глубочайшим уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга
Александр Пушкин.

17 декабря 1834.

1020. М. Л. Яковлеву. 1833–1834 г. Петербург.

Милый Михайло Лукьянович, я надеялся с тобою обедать сегодня — невозможно. Как бы о том дать знать Эрстову? Извини меня великодушно.

⁵⁷ шерсть с шелком.

П Е Р Е П И С К А 1835

1021. А. А. Трубецкая — Пушкину. 3 января 1835 г. Петербург.

Если вам не предстоит ничего лучшего, дорогой Пушкин, приходите ко мне обедать завтра, в пятницу, в 4 часа. Вы будете в обществе хороших знакомых и друзей, которые были бы чрезвычайно огорчены вашим отсутствием. Всего доброго.

Трубецкая.

3 января 1835.

в 9 Роте близъ Литейной, в доме Аршениевского, за № 3.

1022. П. А. Катенин — Пушкину. 4 января 1835 г. Ставрополь.

Сонет... это сонет. Да, любезнейший Александр Сергеевич, я обновил 1835-й год Сонетом, не милым как Оронтов, не во вкусе Петраркистов, а разве несколько в роде Казы; и как новогодний подарок посылаю к тебе с просьбою: коли ты найдешь его хорошим, напечатать в Библиотеке для Чтения; а поелику мне бедняку дарить богатого Смирдина грех, то продай ему NB как можно дороже.

Что у Вас нового, или лучше сказать: у тебя собственно? ибо ты знаешь мое мнение о светилах, составляющих нашу поэтическую Плеяду: В них уважал Евдор одного Феокрита; и это не барон Дельвиг, ручаюсь вам. С приезда моего в сей край я в глаза не видал ни одной книги, кроме в Москве купленных: Сочинения Поля Курье, и после смерти его напечатанных десяти томов Гёте, в коих, между нами, любопытного одно продолженье Фауста, и то сумбур неизвиненный ничем гениальным, ибо гений выжился из лет. Жаль очень, что я не успел видеть тебя перед отъездом, и потому не знаю, какова показалась тебе Княжна Милуша, тогда только что вышедшая из печати: одолжи двумя словами на ее счет.

Не спрашивай, что я здесь делаю; покуда ничего достойного внимания. Лето провел в лагере на берегу Баксана в клетке между воспетых мною гор, а теперь нахожусь в Ставрополе, тебе, я чаю, знакомом. Здравствует ли Российская Академия и нет ли там новых членов после сенатора Баранова?

Прощай соловей, пой и не забывай искренно почитающего слугу.

Павел Катенин.

Ставрополь. Генваря 4-го 1835.

Сонет.

Кто принял в грудь свою язвительные стрелы
Неблагодарности, измены, клеветы,
Но не утратил сам врожденной чистоты,
И образы богов сквозь пламя вынес целы;

Кто терновым путем идя в труде, как пчелы,
Сбирает воск и мед, где встретятся цветы,
Тому лишь шаг, и он достигнул высоты,
Где добродетели положены пределы.

Как лебедь восстает белее из воды,
Как чище золото выходит из горнила,
Так честная душа из опыта беды:

Гоненьем и борьбой в ней только крепнет сила,
Чем гуще мрак кругом, тем ярче блеск звезды,
И чем прискорбней жизнь, тем радостней могила.

1023. Неизвестной. Декабрь 1834 г. — 6 января 1835 г. Петербург (Черновое)

Позвольте мне, графиня, повергнуть себя к вашим стопам, чтобы

1024. А. А. Бобринскому. 6 января 1835 г. Петербург.

Мы получили следующее приглашение от имени графини Бобринской: Г-н и г-жа Пушкины и ее сестра и т. д. Отсюда страшное волнение среди моего бабья (как выражается Антикварий В. Скотта): которая? Предполагая, что это по-просту ошибка, беру на себя смелость обратиться к вам, чтобы вывести нас из затруднения и водворить мир в моем доме.

Остаюсь с уважением, граф, Ваш нижайший и покорнейший слуга

А. Пушкин.

6 января 1835.

1025. И. М. Пеньковский — Пушкину. 6 января 1835 г. Болдино.

6 Января 1835 году Село Болдино

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Получил я верующе письмо, буду стараться отискивать средств дабы оправдать себя за Ваше доверие. —

Приказываете Вы, Александр Сергеевич, дабы за Ваше имение не вносить суммы 7200 р., требуемой Москов.[ским] Опека.[унским] Советом, как мне теперь поступить прикажите, когда настоятельно приступает Земский Суд к описи имения. Если Вы заплотили уже оную сумму, пришлите ка мне квитанцию, которую я представлю оному Суду.

За Кистенево же части Сергея Львовича давно уплотил 1270 р. по требованию С.[анкт-]Петер.[бургского] Оп.[екунского] Совета (из оброчной суммы).

По сие время были цены на хлеб очень низкие: рож не более доходила до 15 руб., овес до 5-ти, нонице (нониче) по пристаням поднялись цены, рож 17 руб. 25 ко., овес 6 руб. Я сего числа отправил 250 четвер.[тей] ржи на пристань Лысковскую, дабы воспользоваться ценою — притом всем еще хочу остановиться с продажею хлеба до 15 генваря, тогда в казну будут требования, может цена еще возвысится. —

Ржи остается на лице 150 четвер.[тей]: овес запроданный 700 четвертей доставил в Лысково.

У меня нынче производится молочение ржи и отвозка хлеба — в Болдине и в Кистеневе всё благополучно. —

Я же насило могу к Вам писать от простуды, был в ужасной горячке, тепер слава богу возвращается прежнее здоровье.

Остаюсь с истинным высокопочитанием и таковую же преданностью

Ваш, милостивый государь, всепокорнейший слуга И. Пеньковский.

1026. П. В. Нащокину. Около (не позднее) 8 января 1835 г. Петербург.

Любезный Павел Воинович,

Не можешь вообразить, с каким удовольствием получил я наконец от тебя письмо. Но прежде всего поговорим о деле: Соболевский, с которым имею денежные дела, немедленно тебе доставит 2,000 р. Следственно будь покоен. Я бы нашел много что тебе сказать в извинение моей несостоятельности, но это по почте писать вещь излишняя; а дай Бог, чтоб запоздалые мои деньги пришли к тебе в пору. Поздравляю тебя с дочкою Катериной Павловной; желаю роженице здоровья. (Ты не пишешь когда она родила). Всё лето рыскал я по России, и нигде тебя не заставал; из Тулы выгнан ты был пожарами; в Москве не застал я тебя неделью; в Торжке никто не мог о тебе мне дать известия. Рад я, Павел Воинович, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушие и умная, терпеливая

снисходительность не изменились ни от хлопот новой для тебя жизни, ни от виновности дружбы перед тобою. Когда бы нам с тобой увидиться! много бы я тебе наговорил; много скопилось для меня в этот год такого, о чем не худо бы потолковать у тебя на диване, с трубкой в зубах, вдали цыганских бурь и Рахмановских наездов! Пиши мне, если можешь, почаще: *На Дворц.[овой] набер.[ежной]* в дом Балашева у Прач.[ешного] мосту (где жил Вяземской), а не к Смирдину, который держит твои письма по целым месяцам, а иногда, вероятно, их и затереваает. С любопытством взглянул бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я знал тебя всегда под бурю и в качке. Какое действие имеет на тебя спокойствие? видал ли ты лошадей, выгруженных на П.[етер] Б.[ургск]ой бирже? Они шатаются и не могут ходить. Не то ли и с тобою? О себе говорить я тебе не хочу, потому что не намерен в наперсники брать московскую почт[у], которая нынешний год делала со мною удивительные свинства; буд[у] писать тебе по оказии. Покамес[ть] обнимаю тебя от всего сердца [и] цалую ручки у твоей рожени[цы].

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Павлу Воиновичу Нащокину etc. В Москве на Знаменье против дома Апраксина в доме Дорошевича.

1027. Д. Н. Бантыш-Каменский — Пушкину. 9 января 1835 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Полагая, что вы не имеете более надобности в сообщенных мною Вам биографиях, покорнейше прошу одолжить меня возвращением оных, чем чувствительно изволите обязать имеющего честь быть с глубочайшим к Вам высокопочитанием и душевною преданностию

Вашего высокогородия покорнейшего слугу Дмитрия Бантыша-Каменского

P. S. — С наступившим новым годом и с драгоценным для нас подарком от всего сердца поздравляю. —

Генваря 9-го 1835 года. Москва.

1028. И. М. Пеньковский — Пушкину. 15 января 1835 г. Болдино.

15 Генваря 1835 году Село Болдино

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Имею честь донести Вам, что поступило взыскание на селе Болдине из С.[анкт] Петерб.[ургского] Опек.[унского] Сове.[та] на 11,114 руб: — при сем посылаю копию указа, там значится по какому займу. —

Я продал ржи 380 четвертей по 17 руб. 20 ко., у меня всего находится денег 7000 руб. асыгнац.[иями], в числе оных 1200 оброчных из вашей части, очень трудно в скором времени уплотить так большую сумму, притом же бури ежедневные препятствуют в молодье хлеба — нужно бы справиться в Опек.[унском] Сове.[те] нет ли ошибки какой, что вдруг так большое взыскание.

Позвольте Вам Александр Сергеевич предложить на счет уплаты Опек.[унского] Совета, неужгодно ли Вам будет приказать мне уплачивать в Опекун.[ский] Совет, сколько именно, по каким займам и в какое время, а из уплаты к вам квитанций доставлять — выгодней было бы для Вас и спокойней. Я уже в Губер.[нское] Правление и в Земский Суд чиновникам отдал 200 руб., дабы не приступали к описи имения, еслибы в свое время уплачивать, тогда [бы] небыло бы хлопот и лишних расходов — на мое уведомление ожидать буду Вашего приказания.

С истинным высокопочитанием и таковую же преданностью

Ваши, милостивый государь, всепокорнейший слуга И. Пеньковский.

1029. П. В. Нащокину. 20 января 1835 г. Петербург.

Посылаю тебе, любезный Павел Воинович, 1,500 р., остальные 500 должны были к тебе явиться, но вчера их у меня перехватил займообразно молодой человек, находящийся в подмазке. Соболезную

положению, в котором и нам с тобою случалось обретаться, вероятно ты извинишь меня великодушно.
Однако пожалуйста, пришли мне полный счет моего долга.

Жена кланяется сердечно твоей Вере Александровне; она у M-de Sichler заказала ей шляпу, которая сегодня же и отправляется в Москву. Жена говорит, что, так как г-жа Нащокина брюнетка и так как у нее прекрасный цвет лица, то выбрала она для нее шляпу такого-то цвета, а не другого. Впрочем это дело дамское.

Ты видел вероятно Пугачева и надеюсь, что его не купил. Я храню для тебя особый экземпляр. Каково время? Пугачев сделался добрым исправным плательщиком оброка, Емелька Пугачев оброчный мой мужик! Денег он мне принес довольно, но как около двух лет жил я в долг, то ничего и не остается у меня за пазухой, а всё идет на расплату. Теперь, обняв тебя от всего сердца, и поцаловав ручку Вере Александровне, отправляюсь на почту.

20 янв. 1835 С. П. Б.

1030. П. В. Нащокин — Пушкину. 21 января 1835 г. Москва.

21 Января

Уведомляю тебя Александр Сергеевич — что денег я 20 числа сего месяца не получил — и деньги тобою назначенные мне в уплату получить не могу, как я предполагаю — по моим замечаниям. Был у меня Завальевский, и я был у него, — он мне и говорил, что ждет Соболевского; я же сказал, что жду его тоже и вместе с ним жду и денег — на что Завальевский мне объяснил всё дело, что деньги от Полевого поручено ему получить — а он обязан внести в Опекунской Совет, что он и сделает; и что он мне бы дал денег, но у него нет, и что он и Соболевскому принужден был отказать. — Из сего ты сам [увидишь][?] заключишь и рассудишь, как знаешь. Я теперь более ни об чем писать не могу. — Наше с женою почтение Натальи Николаевне, а ты будь здоров и весел.

Весь т[вой] Пав[ел] Нащокин.

Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. На Дворцовой набережной, в доме Баташева, у Прачешного моста в С.-Петербург.

1031. Н. В. Гоголь — Пушкину. Около 22 января 1835 г. Петербург.

Я до сих пор сижу болен; мне бы очень хотелось видеться с вами. Заезжайте часу во втором; ведь вы, верно, будете в это время где-нибудь возле меня. Посылаю вам два экземпляра Арабесков, которые, ко всеобщему изумлению, очутились в 2-х частях. Один экземпляр для вас, а другой разрезанный для меня. Вы читайте мой и сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не останавливайте негодования при виде ошибок, но тот же час их всех на лицо. —

Мне это очень нужно.—

Пошли вам Бог достаточного терпения при чтении!

Ваш Гоголь.

Адрес: Его высокородию Александру Сергеевичу Пушкину.

1032. Н. С. Алексеев — Пушкину. 23 января 1835 г.

Пользуясь отправлением своего человека в С.[анкт] Петербург, я позволил себе написать к тебе несколько строк, любезный Пушкин, не с тем, чтоб доставить тебе ими удовольствие, но в доказательство, как мне приятно везде и всегда, о тебе помнить.

В скором времени я обещаю тебе сообщить некоторую часть моих записок то-есть: эпоху Кишеневской жизни; они сами по себе ничтожны; но, с присоединением к твоим, могут представить нечто занимательное, потому что волею или неволей, но наши имена не раз должны столкнуться на пути жизни.

В заключении напомним тебе о обещанном экземпляре *Пугачева* с твоей подписью, которая не

раз уже украшала полученные мною от тебя книги. —

Прости и верь чувствам преданного тебе Николая Алексеева.

23 Января.

1033. А. Х. Бенкендорфу. 26 января 1835 г. Петербург.

Милостивый государь граф Александр Христофорович

Честь имею препроводить к Вашему сиятельству некоторые замечания, которые не могли войти в Историю Пугачевского бунта, но которые могут быть любопытны. Я просил о дозволение представить оные государю императору, и имел счастье получить на то высочайшее соизволение.

При сем осмеливаюсь просить Ваше сиятельство, о испрошении важной для меня милости: о высочайшем дозволении прочесть Пугачевское дело, находящееся в архиве. В свободное время я мог бы из оногo составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мере, для полноты моего труда, без того не совершенного, и для успокоения исторической моей совести.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть милостивый государь Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Пушкин
26 янв. 1835 С. П. Б.

1034. Д. Н. Бантышу-Каменскому. 26 января 1835 г. Петербург.

Милостивый государь Дмитрий Николаевич

С благодарностию отсылаю к Вам статьи, коими по Вашему благорасположению ко мне пользовался я при составлении моей Истории. При них препровождаю и экземпляр Истории самой. Мнение Ваше о ней, во всяком случае, мне драгоценно: похвала от настоящего историка, а не поверхностного рассказчика или переписчика, будет лестна для меня; а из укоризны, научуся (чего, знаете вы сами, не дождуся от записных наших критиков).

Прошу Вас взять на себя труд исправить две ошибки, справедливо замеченные в Сыне Отечества: На стран. 129 *был уже в 15 верстах*, должно читать *в 50*. — И в примечании к пятой главе (16) вместо *Тобольск, Табинск*.

С глубочайшим почтением и благодарностию, честь имею быть милостивый государь Вашего превосходительства покорнейший слуга Александр Пушкин
26 янв. С. П. Б.

Адрес: Его превосходительству милостивому государю Дмитрию Николаевичу Бантышу-Каменскому

в Москве в книжную лавку Ширяева.

1035. Н. И. Павлищев — Пушкину. 31 января 1835 г. Варшава.

Варшава 31 января — 12 февраля 1835

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Зная довольно хорошо домашние дела Сергея Львовича, я не могу хладнокровно подумать о намерении вашем отказаться от управления имением. Отказываясь от управления, вы оставляете имение на произвол судьбы, отдаете его в руки Михайла, который разорил, грабил его двенадцать лет сряду; чего же ожидать теперь? — первой недоимки, — продажи с молотка, и может быть зрелища, как крепостные покупают имения у своих господ. Я не говорю, чтобы Михайло купил его, — нет; но уверен, что он в состоянии купить. Положим, что управление отдается не Михайлу, а другому, — и тогда последствия будут не лучше. Какой управитель удержится, когда господин, проживая доходы без остатка, будет еще делать новые долги? Я разумею здесь Льва Сергеевича. Вы заплатили за него 18/т.[тысяч]: легко станется, что чрез несколько времени новому на месте Михайлы управителю придется заплатить столько же *. Теперь было еще что заложить, а тогда? — тогда придется продать

часть имения, — продать, разумеется, за бесценок, — потом еще продать и наконец остаться без имения. Конечно, вы не допустили бы до такой крайности; но у вас может также не случиться на тот раз денег, и тогда — беда неизбежна.

Все это так сбыточно, так правдоподобно, что я не мог долее оставаться равнодушным зрителем гибели, грозящей общему вашему имению. Обдумав я нахожу, что помочь беде еще можно, и считаю долгом объяснить свои мысли.

Расстройство дел Сергея Львовича происходит от двух причин: от дурного управления имением и от поглощения доходов чрезвычайными долгами Льва Сергеевича. Худое правление заменить можно хорошим; но чрезвычайные долги Льва С.[ергеевича]? — это имеет свою причину. Возможность брать без хлопот деньги в чужом кармане не обязывает знать меру, вместимость его; да и кто, при этой возможности, не станет брать полною горстью? Это рассуждение применяется к положению Л.[ьва] С.[ергеевича] Беспечная жизнь его оправдывается тем, что он, будучи незнаком с собственностью, не знает ей и цены. Дайте ему собственность, и я поручусь, что он оставит странствования свои по закавказским степям; что он, взяв имение в руки, по необходимости должен будет математически сообразить расход с приходом; — что он сделается помещиком, как всякий другой. Кроме личной пользы его, самая справедливость оправдывает эту меру. Он живет теперь насчет целого, нераздельного имения, — по этому живет на счет ваш, на счет сестры своей. Какие-нибудь восемьдесят душ, припадающих на долю жены моей, для нас не безделица; напротив, это один верный ломоть хлеба, который у меня в виду; сегодня окажись я по какой-нибудь причине ненужным для службы, завтра же, без этого ломтя, должен буду пойти по миру. — Итак справедливость требует не обижать одного, помогая другому. Я не говорю уже о том, что за расточительностию Л.[ьва] С.[ергеевича] мы остаемся три года без всякого пособия; — что скудная доля жены моей в течение этого времени умалилась, подвергнувшись залогу, для уплаты долгов Л.[ьва] С.[ергеевича] — Надо же сказать правду.

Вы скажете, быть может, что отделить Л.[ьва] С.[ергеевича] значит дать ему нож в руки; т. е. что он проживет имение. — До нищеты, конечно ни вы, ни я, никто другой из друзей его не допустит. Но если уже ему суждено прожить имение, то пускай же проживает свое, а не чужое: пускай он тогда примет за милость то пособие, которое теперь считает своим правом. Но это одни лишь предположения; я не поверю, чтобы Л.[ев] С.[ергеевич] получив имение не мог быть, если не отличным хозяином, то по крайней мере помещиком не хуже многих.

Обдумайте, Александр Сергеевич, всю важность моего мнения. Как старший в семействе, и пользующийся доверием Сергея Львовича, вы только можете осуществить мою мысль, и тем спасти ваших родных от гибели. Я умоляю вас не отступаться от управления имением; напротив, удержав его за собою, настоять, чтобы Лев Сергеевич был отделен. — Знаю, что управление это вам в тягость; но как же быть? — Впрочем, еслиб жене моей дана была какая частица, то я имел бы повод взять отпуск месяцев на шесть, поехать в Болдино, и там занявшись своим, устроить ваше общее: на это у меня толку станет. Теперь же ехать туда, не в качестве владельца, а в виде управителя, я не должен, и не поеду. Еще раз прошу вас обдумать всё это и действовать; во всяком же случае, не оставить меня без ответа.

С истинным почтением остаюсь вашим покорнейшим слугою Н. Павлицев.

Р. S. Никогда я не был в такой нужде, как теперь. Исправляя должность Помощника Статс-Секретаря, я числился по Министерству Ин.[остранных] Д.[ел] и как русский чиновник пользовался казенною квартирою, с отопкою и освещением. Теперь я утвержден в должности и поступил собственно в Польскую службу, — почему лишился права на квартиру. Это делает мне разницы до 2т. р. в год. Можете представить мое положение.

Начало нового долга, кажется, уже существует. В числе 18/т.[ысяч] едва ли вошли долги его Варшавские, как то: Плещеева, Гута, Аничкова и многих других: вот уже около 4/т.[ысяч].

1036. Неизвестной. Январь (?) 1835 г. Петербург. (Черновое)

Графиня.

Вот книга, о которой шла речь. Умоляю вас не показывать ее решительно никому. Если я не имел счастья лично принести ее Вам, — Вы позволите мне по крайней мере зайти за нею.

1037. И. И. Дмитриеву. 14 февраля 1835 г. Петербург.

Милостивый государь Иван Иванович, молодой Карамзин показывал мне письмо вашего высокопревосходительства, в котором укоряете вы меня в невежливости непростительной. Спешу оправдаться: я до сих пор не доставил вам своей дани, потому что поминутно поджидал портрет Емельяна Ивановича, который гравировается в Париже; я хотел поднести вам книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы с моей стороны не только скупостию, но и неблагодарностию: хроника моя обязана вам яркой и живой страницей, за которую много будет мне прощено самыми строгими читателями.

Вы смеетесь над нашим поколением и, конечно, имеете на то полное право. Не стану заступаться за историков и стихотворцев моего времени; те и другие имели в старину, первые менее шарлатанства и более учености и трудолюбия, вторые более искренности и душевной теплоты. Что касается до выгод денежных, то позвольте заметить, что Карамзин первый у нас показал пример больших оборотов в торговле литературной.

Не знаю, занимает ли вас участь нашей академии, которая недавно лишилась своего секретаря, умершего на шите, то есть на последнем корректурном листе своего словаря. Не известно, кто будет его преемником. Святое место пусто не будет; но место неперменного секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современник ваш, о котором изволите упоминать в письме к А.[ндрею] Н.[иколаевичу] К.[арамзину], слава Богу, здравствует и продолжает посещать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академию по субботам. В лавке забирает он свои сочинения, всё еще нераспроданные, и раздает их в академии своим сочленам с трогательным бескорытием.

С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Александр Пушкин. 14 февраля 1835. С. П. Б.

1038. И. И. Пеньковский — Пушкину. 19 февраля 1835 г. Болдино

19 февраля 1835 году Село Болдино

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Относился я к Вам 30-го октяб[ря] на счет взыскания Московского Опека[унского] Совета по залогу сельца Кистенева, что поступило из Вашей части 7200 руб. из С.[анкт-] Петербургского Опекуна[ского] Совета, части Сергея Львовича 1270 руб. и при оном переслал из указов выписку, на это я и получил Ваше приказание от 10 ноября, что долг Ваш в Москов.[ском] Опека[унском] Сов.[ете] Вы сами уплотите, а из доходов болдинских не должно тратить ни копейки; долг Сергея Львовича уплотить.

По оному приказанию немедля уплотил долг Сергея Львовича 1270 руб. и тогда же упросил Нижегородское Губернское Правление на Ваш долг отсрочку на 4 м[еся]ца — она коньчилась 11-го февраля.

Тоже 15 генваря сообщал Вам, что еще поступило взыскание по залогу села Болдина части Сергея Львовича из С.[анкт-] Петерб.[ургского] Опекуна[ского] Сов.[ета] на 11,114 руб., и при оном переслал копию указа.

На это получил от 27-го генваря Ваше распоряжение, дабы немедленно внести 4000 за Сергея

Львовича, а остальные за Вашу долю получить отсрочку на 4 м[еся]ца.

Требует С.[анкт-] Петерб.[ургский] Опе[к].[унский] Сов.[ет] с Сергея Львовича по залогу села Болдина асыгнациями 11,114 руб. кроме 7200 руб., которые следует внести за Вашу часть, числеющуюся в сельце Кистеневе — всего по требованию Москов.[ского] Опе[к].[унского] Сове.[та]и С.[анкт-] Петербургского следует уплотить по залогам 18 314 руб. асыгнациями. —

У меня по сие число находится из разных сумм наличных денег 12 000 руб. монетой, оные деньги я бы к Вам отправил в генваре м[еся]це еслибы не было так большого взыскания на село Болдино — теперь я полагаю нужным удовлетворить Опе[к].[унский] Сов.[ет] по залогу болдинскому, а остальные, куда прикажите к Вам пересылать.

По приказанию Вашему на ету почту отчетов за 1834 и 1835 год не успел зготовить — оканчиваю овес молотить, который поступить в продажу до 25 числа етого м[еся]ца, рожь коньчил молотить по 20 генваря, и всю продал в генва[ре] м[еся]це: 380 четв.[ертей] по 17 руб. 20 ко. и 230 четв.[ертей] по 16 руб. 40 ко. Сего числа насыпаю овес в Лысково, почем продам уведомлю на будущей почте.

В селе Болдине и Кистеневе все благополучно — о чем доносит с истинным высокопочитанием и таковою же преданностию Ваш

милостивый государь всепокорнейший слуга И. Пеньковский.

1039. И. И. Дмитрнев — Пушкину. 4 марта 1835 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Не хочу верить, чтоб невинная моя шутка в письме к А.[ндрею] Н.[иколаевичу] К.[арамзину] принята была вами за действительную вам укоризну. Это было бы для меня крайне прискорбно. Но хорошо, что я с молодых лет держусь философии Панглоса: всё к лучшему. Книги вашей еще и теперь не получил, но твердо надеюсь получить ее, а вдобавок к тому еще утешаюсь и тем, что мнимый упрек мой доставил мне удовольствие пробежать несколько строк любезнейшего из наших поэтов, за что от всего сердца благодарю его.

Благодарю также и за добрую весть о моем сверстнике: приятно мне слышать о двойной благостыне его (charit — извините). Что же касается до свежей нашей потери: она важна, конечно всем нам чувствительна, но я соглашаюсь с вами и с старинной пословицей: „Святое место не будет пусто“.

Почует Соколов, но бдит еще Языков.

И на что лучше его в приемники? работящ и любознателен, ктому же и к новизнам не падок.

Впрочем с искренним моим почтением и преданностию имею честь быть,

милостивый государь, покорнейшим вашим слугою Иван Дмитриев.

P. S. Естли любезные ваши родители в П.[етер]б.[урге], то прошу Вас сказать им искреннее мое почтение; то же и Катерине Андреевне с ее семьею и В. А. Жуковскому.

Москва 1835 Марта 4 дня.

1040. В. С. Голицын — Пушкину. 21 марта 1835 г. Москва.

Москва, 21-го марта 1835.

Любите ли Вы музыку, Обером сочиненную на Немую? — Как не любить! — Приятно ли было бы Вам слышать оную в Москве, где не существует иностранного театра, на котором ⁹/₁₀ зрителей не поняли бы слов? — очень лестно бы послушать, но как? — а вот как; я Вам переделаю возмутительную поэму Скриба, выброшу из французской пьесы заговор *Фомы Аниело*, по нужде перекрещу его самого с братьею и даже оперу назову другим именем. Это не глупо, да измерили ль Вы силы своей, и не ужели достанет у Вас духу увеличить репертуар подражанием, переводом или как сами назовете свою работу, подобным водяным произведениям переводчиков Фрейшюца, Весталки, Роберта Дьявола и проч. и проч. — Это не ваше дело, мой почтеннейший, ведь я не из того бьюсь, чтоб публика из-за моих слов забыла музыку, следовательно стихи мои могут быть посредственные (а иных, виноват,

писать не умею), мое дело удержать, по возможности, смысл пьесы, дабы слова не ругались над напевом, а еще более соображаться с мнением мудрого Голохвастова, с важностью индейского петуха и едва ли не с равной ему разборчивостью председательствующего в Московском Ценсурном Комитете; и так за работу!

Вот вам, почтеннейший Александр Сергеевич, сущность разговора моего за шесть тому недель с испытанным меломаном, (но не с Иваном Александровичем Нарышкиным); три дни после одного первый акт был кончен, и я с авторским подобострастьем к своему первородному, едва ли не на всех перекрестках столицы *огромного размера*, читал свои плоские стихи; — меня слушатели ободряли, вероятно, чтоб скорей отвязаться, и я, легковёрный, принялся за прочие акты; вот они наконец! все условия сохранены свято и ненарушимо, заговора нет, стихи переведены от первого до последнего в точную меру, музыка на них приходится как по мерке, чего же Вам более? — читайте, если у Вас достанет терпения, читайте до конца, и Вы увидите, что богатство Скрибова воображения так велико, что, даже без главного эпизода его оперы, она остается занимательною.

Кто это ко мне пишет, спросите Вы, почтеннейший Александр Сергеевич, и с нетерпением перевернёте страницу, чтоб увидеть подпись, но не тут-то [то] было! Вы ее не найдете и должны будете отгадать кто я таков. — Впрочем Вам не мудрено узнать меня по обработке стихов; Вам случалось, при возвращении домой, находить подобные на столике Вашем, и [находить] не совсем брезгать мыслями в оных рассеянными. —

Прощайте — писать более значило бы отвлечь Вас от занятий Ваших и посягнуть на наслаждения публики; итак сокращаю, прося о сохранении дружбы Вашей, которую цену в полной мере, хотя подозреваю себя несколько забытым Вами в пылу светской и литературной жизнью Ваших. —

весь Ваш издатель Палермских бандитов

Мой адрес. Суцьевской части, в доме бывшем Шепелевой.

1041. Публичная Библиотека — Пушкину. 22 марта 1835 г. Петербург.

По приказанию господина директора императорской Публичной Библиотеки Канцелярия оной на основании дарованного права Библиотеке и самого устава о цензуре просит его высокоблагородие Александра Сергеевича Пушкина печатанные им книги его сочинения 1) Евгений Онегин 2) Полтава и 3) Историю о Пугачевском Бунте доставить ныне в Библиотеку по одному экземпляру, и впредь какие будут издаваться сочинения доставлять.

„22“ марта 1835

Его высокоблагородию А. С. Пушкину

1042. Д. Н. Бантышу-Каменскому. 2 апреля 1835 г. Петербург.

Милостивый государь Дмитрий Николаевич,

С крайней досадою узнал я, что давно уже отосланные Ваши бумаги всё еще находились в руках того, кому я их поверил. Простите невольное мое прегрешение. Не знаю, получили ли вы Историю Пугачева. Она была мною поручена вместе с Вашими бумагами тому же беспечному комиссионеру.

Поручая себя Вашей благосклонности, с глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть, *милостивый государь Вашего превосходительства покорнейший слуга Александр Пушкин.*

2 апреля 1835

Адрес: Его превосходительству милостивому государю Дмитрию Николаевичу Б. Каменскому etc. etc.

1043. А. Н. Оленин — Пушкину. 3 апреля 1835 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Я сей час получил письмо, которым вы меня почтили; список подписавшихся на памятник, Друга

друзей своих, на надгробный камень покойному и достойному Николаю Ивановичу Гнедичу; и при том пятьдесят рублей ассигнациями. — Деньги я отдам сыну моему Алексею, который занимается устройением сего памятника; а вас, милостивый государь, душевно благодарю (за добрую память к усобшему) — именем покойного Николая Ивановича Гнедича! — Затем имею честь быть с истинным почтением и преданностью — вам

Милостивый государь покорнейшим слугою Алексей Оленин.

3. Апреля 1835

Его вы[сокоблагородию] А. С. Пушкину.

1044. И. И. Пеньковский — Пушкину. 9 апреля 1835 г. Болдино.

9 Апреля 1835 году С. Болдино

Милостивый государь Александр Сергеевич!

На мое донесение от 19 фев: [раля] не получив Вашего приказания на счет уплаты по требованию С.[анкт-] Петерб.[ургского] и Московск: [ого] Опекунских Советов, решился удовлетворить С.[анкт-] Петерб.[ургский] Опек.[унский] Сов.[ет] по залогу села Болдина требуемых капитала и процен.[тов] 11 114 руб., в число оных уплотить в Лукояновский Земский Суд 7000 руб. асыгнац: [иями], достальные 4114 руб. удержал по притчине той; что я в прошедшем 1834 году марта 23 числа по требованию Опек.[унского] Сов.[ета] уплачивал в Лукояновский Зем.[ский] Суд 4113 руб. 80 коп. асыгнац.[иями], по сие число не получал от С.[анкт-] Петерб[ургского] Опек.[унского] Сов.[ета] квитанций, Лукояновского Земского Суда квитанцию на оную сумму получил и доставил тогоже м[еся]ца Сергею Львовичу. Нынеже марта 26 числа послал в С.[анкт-] Петер.[бургский] Опек.[унский] Совет прошение, дабы благоволено там рассмотреть; не вдвое ли требует Опек.[унский] Совет, если точно следует по последнему требованию 11 114 руб. то дабы мне выслано из С.[анкт-] Петер.[бургского] Опек.[унского] Сов.[ета] на прежние 4113 руб. 80 ко. квитанция, тогда и достальные 4114 руб. внесу (не получил ли Сергей Львович в Совете квитанций, которой я требую).

По залогу сельца Кистенева части Вашей в Москов.[ском] Опек.[унском] Сов.[ете] приказывали мне получить отсрочку на 4 м[еся]ца. Я партикулярную отсрочку имел на 5 м[еся]цов и дошло до этого, что заседателя Сергачскаго Зем.[ского] Суда отдано под суд за не исполнений описи Вашего имени; после чего я ездил в Губерское Правление, хотел еще испросить отсрочки на 4 м[еся]ца, там мне отказано, и никому не дает Опек.[унский] Совет кроме тем, в которых имениях по засвидетельствованию уездного предводителя случается значительный урон, *н[а]пр*: неурожай хлеба, позар, падеж скота и прч.; а у Вас благодаря бога нельзя мне было с етим отозваться. Принужден был уплатить в Москов.[ский] Опек.[унский] Сов.[ет] 7200 руб. асыгнац.[иями] Поступило в уплату из болдинской суммы ассигнациями 4920 рублей.

За часть Сергея Львовича в с. Кистеневе уплочено 1270 руб., о чем уже давно Вам доносил, всего по отъезде Вашем из Болдина, с страховыми и весовыми в Опекун.[ском] Совет.[е] уплочено асыгнац.[иями] 15 670 руб. на монету, с променами по 15 и 15½ коп. на каждый рубль 18 070 руб. 50 ко., тепере ожидаю резолюций Опек.[унского] Сов.[ета] на 4114 руб. — у меня находится наличных денег из разных сумм 2160 руб. монетой.

По сельцу Кистеневу в часть Сергея Львовича поступил указ из С.[анкт-] Петерб.[ургского] Опек.[унского] Сов.[ета] в Губернское правление, дабы описать оное имение, хотя уплоченные деньги 1270 руб. и доставить опись в Опек.[унский] Совет. Я не понимаю, для чего это делает Опек. [унский] Совет, разви для етого только: за неисправность в платеже, что уже наскучило Опек.[унскому] Совету предписывать об описи имения. Нужно бы Александр Сергеевич справиться в Опекунском Совете и испросить, дабы предписал Губер.[нскому] Правлению оставить опись имения, когда нету взыскания: присем пересылаю к Вам копию онога указа.

По нонишной розкладке на 1835 год определено на барщину 180 тягол, на оброк 66 тягол, всего тягол 246 — на оброк определил тех, которые, не отлучаясь из вотчины, могут внести оный, на сторону

не отпускаю, по причине той, что они вместо оброку приносят разные отговорки, притом же во время отлучки дома их приходят в разорение, не засеваются их поля, жены и дети таковых приходят до самой крайности в пропитании себя. На уход Вашей земли сделал 45 борон железных и надеюсь, что они не будут бесполезны.

Озими ныне оказались очень хороши, чем Бог обрадует в перед — Барщиной очищаю лес неудобный и обращаю на пашню.

Позвольте Александр Сергеевич Вам предложить на счет барщины, по моему мнению гораздо полезней было бы для Вас, еслибы в селе Болдине совсем уничтожить оброчные тяглы, а всех определить на барщину. Я сужу по доходу 1834 году, что всякое тягло, коих было 160 на барщине, дало более 100 руб.; по сие число за продажу хлеба поступило в приход 18 700 ру. 75 ко. монетой, и еще остается в продажу 100 четвертей ячменю, и я полагаю, что должно остаться от семян овса в продажу до 30 четвертей, которой начинается молотить серомолотом для посева. И так я полагаю должны Вы получать, обратив всех болдинских на барщину, до 30 000 тысяч рублей — об оном нужно только решения Вашего. Я с моей стороны надеюсь оправдать себя в моем предложении. Я вижу, что Сергея Львовича большие обязанности зашли с Опекун.[ским] Советом, тем только можно будет освободиться от обязанностей Опека.[унского] Сов.[ета] и останется часть доходу, которым можно будет прожить без крайней нужды, — если Вам угодно будет утвердить мое предложение. Я мартовский оброк с 66 тягол возьму, летом буду оными тяглами готовить землю на будущие озими — ныне же всех определить к еровому полю невозможно по недостатке земли.

Доношу Вам Александр Сергеевич, что после покойного Василья Львовича, вторую половину села Болдина купил из акционного торгу некто Сергей Зыбин и уже прислал партикулярное свое распоряжение к бурмистру. Как прикажете поступить на счет земли пахатной, которой находится в той половине до 170 десятин лишних, они отрезанны после полюбовной межи, и оные поступают г-ну Зыбину. Мне известно от крестьян, будтобы Сергей Львович подавал мировую при жизни Василья Львовича, в каком смысле и куда подана; можно ли хлопотать, дабы обратить во владение Ваше оных 170 десятин —

Отчеты перешлю к Вам за 1834 год, когда покончу молотить овес, который оставлено на семена сыромолотом. Ныне в страдную субботу попались в воровстве первейшие воры, Ефим Захаров, и Тимофей Михайлов; украли пару лошадей в Сергачском уезде и изобличены сознались; отправлены в суд и дай бог избавиться от разорителей вотчины, дабы пошли на поселение, в солдаты они не способны, туда бы им и дорога за их развратную жизнь в пример другим —

Я получил приказание от 13 марта Сергея Львовича, дабы переслать по почте кистеневские планы с принадлежащими документами по ныншней почте и переслал. В селе Болдине и сельце Кистеневе всё благополучно — о чем доносит с истинным высокопочтанием и таковою же преданностью

Ваш милостивый государь всепокорнейший слуга И. Пеньковский.

1045. И. И. Дмитриев — Пушкину. 10 апреля 1835 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Наконец и моя русская библиотека красуется новым плодом любимого нашего автора! Сердечно благодарю вас за приятный гостинец и за ваше хотя и церемонное, но не меньше обязательное надписание.

Сочинение ваше подвергалось и здесь разным толкам, довольно смешным, но никогда дельным: одни дивились, как вы смели напоминать о том, что некогда велено было предать забвению. — Нужды нет, что осталась бы прореха в Р.[усской] истории; другие, и к сожалению большая часть лживых романтиков, желали бы, чтоб История ваша и в расположении и в слоге изуродована была всеми припасами Смирдинской школы, и чтобы была гораздо погрузнее. — Но полно ныне настает время не желчи, а ликования.

Приветствую вас с продолжающимся праздником. Искренно желаю по следам наших предков *всесемейно* провести его благополучно, и между тем с совершенным почтением и преданностью имею честь быть,

милостивый государь вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

P. S. Кто же Секретарь Академии?

1046. А. Х. Бенкендорфу. 11 апреля 1835 г. Петербург.

Милостивый государь, граф Александр Христофорович,

Пользуясь драгоценным своим правом, имею счастье повергнуть на рассмотрение его величества сочинение, которое весьма желал бы я напечатать, по причинам, объясненным в предисловии.

Ободренный вниманием, коего Вы всегда изволили меня удостоивать, осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о дозволении объяснить Вам лично обстоятельство, собственно до меня касающееся.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть,

милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейшим слугою Александр Пушкин.

11 апреля 1835 С. П. Б.

1047. А. Н. Мордвинов — Пушкину. 15 апреля 1835 г. Петербург. (Черновое)

Статс-секретарь Мордвинов, свидетельствуя истинное почтение его высокоблагородию Александру Сергеевичу, в следствие письма его к графу Александру Христофоровичу от 11-го сего апреля, покорнейше просит его пожаловать к его сиятельству завтра 16-го апреля, в 10 часов утра.

Г. [господину] Пушкину.

15 апреля 1835.

1048. Д. Н. Бантыш-Каменский — Пушкину. 18 апреля 1835 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

За экземпляр *Истории Пугачевского бунта*, мною полученный и который будет служить украшением моей библиотеки, равно за возвращение биографий, принося Вам чувствительнейшую благодарность, пользуюсь сим случаем, чтобы возобновить Вам уверения в чувствах глубочайшего почтения и душевной преданности, с коими имею честь быть

Вашим, Милостивый государь! покорнейшим слугою Дмитрий Бантыш-Каменский.

Апреля 18 1835 года Москва.

Адрес: Его высокоблагородию, милостивому государю, Александру Сергеевичу Пушкину. В С. Петербурге.

1049. Л. С. Пушкину. 23–24 апреля 1835 г. Петербург.

Я медлил с ответом тебе, потому что не мог сообщить ничего существенного. С тех пор, как я имел слабость взять в свои руки дела отца, я не получил и 500 р. дохода; что же до займа в 13000, то он уже истрачен. Вот счет, который тебя касается:

Энгельгардту — 1330

в ресторацию — 260

Дюме — 220 (за вино)

Павлищеву — 837

портному — 390

Плещееву — 1500

Сверх того ты получил: ассигнациями — 280

(в августе 1834 г.) золотом — 950

Твое заемное письмо (10 000) было выкуплено. Следовательно, не считая квартиры, стола и портного, которые тебе ничего не стоили, ты получил 1230 р.

Так как матери было очень худо, я всё еще веду дела, несмотря на сильнейшее отвращение. Рассчитываю сдать их при первом удобном случае. Постараюсь тогда, чтобы ты получил свою долю земли и крестьян. Надо надеяться, что тогда ты займешься собственными делами и потеряешь свою беспечность и ту легкость, с которой ты позволял себе жить изо дня в день. [С этого времени обращайся к родителям]. Я не уплатил твоих мелких карточных долгов, потому что не трудился разыскивать твоих приятелей — это им следовало обратиться ко мне.

Адрес: Его благородию м. [милостивому] г.[осударю] Льву Сергеевичу Пушкину в Тифлис.

1050. Н. И. Павлищев — Пушкину. 25 апреля 1835 г. Варшава.

Варшава. 25 апреля / 7 мая 1835.

Милостивый государь Александр Сергеевич,

Четыре месяца ожидаю от вас ответа на последнее письмо мое; ждал бы еще столько, когда б можно было. Но дела мои, становясь час-от-часу хуже, не дают отсрочки и заставляют меня теперь быть яснее, и, если можно, короче прежнего.

Я должен здесь в Варшаве слишком пять тысяч рублей. Деньги эти я не промотал, не проиграл, а прожил день за днем на необходимое, сперва на обзаведение дома, потом на содержание его, — на хлеб насущный; — от прихотей мы с женою далеки; она давно отказалась от света, а я, я разъезжаю — по канцеляриям. И так, я задолжал единственно от невозможности удержаться в границах казенного бюджета. Это обстоятельство и еще другие, — что половину долга взыскивают уже из моего жалованья, — вам надобно знать для того, чтоб быть снисходительнее к моей просьбе. В вас разумею я старшего в семействе Пушкиных, представителя Сергея Львовича по имени, состоящему в *вашем* управлении.

Долгов моих платить вы не обязаны, оно так; но...? этих *но* я мог бы подобрать много, но ограничусь несколькими главнейшими. Или жена моя дочь Сергея Львовича, и дети ее — внуки его, или нет; последнее невероятно, следовательно первое остается в своей силе. На этом основании я делаю вопрос: почему не выделить ее, не дать ей того, что раньше или позже ей должно быть отдано? Сыновей холостых, и даже женатых, не все отцы и не всегда при жизни своей выделяют; но замужних дочерей?.. все, и всегда. — так водится на святой Руси. Причитающаяся ей законная доля не велика. — слова нет; но всё она таки кусок хлеба, и гораздо больший сего дня, нежели завтра. Заплатите завтра еще двадцать тысяч за Льва Сергеевича и вы обрежете этот кусок вдвое против прежнего. Что же наконец останется?.. ничего, или очень мало. Тогда как в моих руках, кусок этот не только уцелеет, но даже прокормит меня с женою и детьми, и еще — странное дело, — даст мне ход по службе, в которой все виды мои до сих пор ограничивались квартирою, дровами и свечами. Но служба в сторону, а главное в том, что я терплю нужду и решительно не могу перебиться жалованьем, которое за отчислением законной (по здешним польским законам четвертой) части на уплату долга, и такой же части на квартиру, убавилось целой половиной. По течению же дел, я вижу, что вы не можете дать и не дадите нам ничего с имения: четырехлетние обещания служат тому доказательством. И так, *отделите* нас, сделайте благое дело. С моей стороны благодарность; с вашей — спокойствие, освобождение от докучных моих притязаний: шансы, кажется, равные. Я уверен, что предложение это вы одобрите: прошу только вас, Александр Сергеевич, не откладывать этого дела, так для меня важного, и почтить меня в ответ несколькими строками, адресуя прямо в мои руки, так как всё это писано покамест без ведома Ольги.

Н. Павлищев.

1051. И. И. Дмитриеву. 26 апреля 1835 г. Петербург.

Милостивый государь Иван Иванович, приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утешительное ободрение моему историческому

отрывку. Его побранивают, и по делом: я писал его для себя, не думая, чтоб мог напечатать, и старался только об одном ясном изложении происшествий, довольно запутанных. Читатели любят анекдоты, черты местности и пр.; а я всё это отбросил в примечания. Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать это лице по самому последнему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у нас в академии? Кажется, еще не решено. Улисс Лобанов и Аякс Федоров спорят об оружии Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мере, издателю Нестора). Вы пророк в отечестве своем.

На академии наши нашел черный год: едва в Российской почил Соколов, как в академии наук явился вице-президентом [Дондуков-Корсаков. Уваров] фокусник, а [Дондуков-Корсаков] его паяс. Кто-то сказал, что куда один, туда и другой; один кувыркается на канате, а другой, под ним на полу.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, честь имею быть, вашего высокопревосходительства, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

26 апреля 1835 С. П. Б.

1052. К.-Л. Фикельмон — Пушкину. 27 апреля 1835 г. Петербург.

Вот два тома контрабанды, которые граф Фикельмон имеет удовольствие предложить господину Пушкину и которые он просит не отказать принять на память — и как визитную карточку при прощаньи.

Суббота, 27 апреля.

Адрес: Господину Пушкину.

1053. В. А. Перовскому. Март — апрель 1835 г. Петербург.

Посылаю тебе Историю Пугачева в память прогулки нашей в Берды; и еще 3 экзempl.[яра]. Далю, Покотиллову и тому охотнику, что вальшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем. Жалею, что в П.[етер]Б.[урге] удалось нам встретиться только на бале. До свидания, в степях или над Уралом.

А. П.

Адрес: Его превосходительству м. г. Василью Алексеевичу Перовскому etc.

1054. И. М. Пеньковскому. 1 мая 1835 г. Петербург.

Все ваши распоряжения и предположения одобряю в полной мере. В июне думаю быть у Вас. Дела мои в П.[етер]Б.[урге] приняли было худой оборот, но надеюсь их поправить. По условию с батюшкой, доходы с Кистенева отныне определены исключительно на брата Льва Сергеевича и на сестру Ольгу Сергеевну. Следственно все доходы с моей части отправлять, куда потребует сестра или муж ее Ник.[олай] Ив.[анович] Павлищев; а доходы с другой половины (кроме процентов, следующих в ломбард) отправлять ко Л.[ьву] С.[ергеевичу], куда он прикажет. Болдино останется для батюшки.

На днях буду писать вам обстоятельнее.

А. Пушкин. 1 мая

Адрес: В Нижегородскую губернию в Арзамасской уезд в село Абрамово оттуда в с. Болдино, управителю г. Пеньковскому.

1055. Л. С. Пушкину. 2 мая 1835 г. Петербург.

Отец согласен дать тебе в полное управление половину Кистенева. Свою часть уступаю сестре (т. е. одни доходы). Я писал о том уже управителю. У тебя будет чистого доходу около 2,000 р. — Советую тебе предоставить платеж процентов управляющему — а самому получать только эту сумму. 2,000 немного, но всё же можно ими жить. Мать у нас умирала; теперь ей легче, но не совсем. Не

думаю, чтоб она долго могла жить.

А. П. 2 мая

Адрес: Его благородию м. г. Льву Сергеевичу Пушкину в Тифлис.

1056. Н. И. Павлищеву. 2 мая 1835 г. Петербург.

Милостивый государь Николай Иванович

Я вам долго не отвечал, потому что ничего утвердительного не мог написать. Отвечаю сегодня на оба Ваши письма: вы правы почти во всем, а в чем не правы, о том нечего толковать. Поговорим о деле. Вы требуете сестрину, законную часть; Вы знаете наши семейственные обстоятельства; вы знаете, как трудно у нас приступать к чему-нибудь дельному или деловому. Отложим это до другого времени. Вот распоряжения, которые на днях предложил я батюшке, и на которые он, слава Богу, согласен. Он Л.[ьву] С.[ергеевич]у отдает половину Кистенева; свою половину уступаю сестре (т. е. доходы), с тем, чтоб она получала доходы и платила проценты в ломбард: я писал о том уже управителю. Батюшке остается Болдино. С моей стороны это конечно не пожертвование, ни одолжение, а расчет для будущего. У меня у самого семейство и дела мои не в хорошем состоянии. Думаю оставить П.[етер] Б.[ург] и ехать в деревню, если только этим не навлеку на себя неудовольствия.

За фермуар и за булавку дают 850 руб. Как прикажете? Не худо было бы Вам приехать в П.[етер]Б.[ург], но об этом успеем списаться.

Я до сих пор еще управляю имением, но думаю к июню слать его. Матушке легче, но ей совсем не так хорошо, как она думает; лекаря не надеются на совершенное выздоровление.

Сердечно кланяюсь Вам и сестре.

А. Пушкин. 2 мая.

1057. П. А. Осиповой. Около (не позднее) 3 мая 1835 г. Петербург.

Адрес: Ее высокородию м. г. Праксковь Александровне Осиповой в Остров 58

1058. М. П. Погодину. Начало мая 1835 г. Петербург (Черное)

Милостивый государь Михайло Петрович

Сей час получил я последнюю книжку Библиотеки д[ля] Ч[тения], и увидел там какую-то повесть с подписью *Белкин* — и встретил Ваше имя. Как я читать ее не буду, то спешу Вам объявить, что этот Белкин не мой Белкин и что за его нелепость я не отвечаю.

Это письмо доставит Вам г.[осподин] С.[емен] издатель *Живописного Ежегодника*. Он собирается описать Москву, отсылаю его к ее любовнику.

Скажите Наблюдателям, чтоб они были немножко аккуратнее в доставлении.

1059. Н. И. Гончаровой. 16 мая 1835 г. Петербург.

Милостивая государыня матушка Наталья Ивановна

Имею счастье поздравить Вас со внуком Григорьем, и поручить его Вашему благорасположению. Наталья Николаевна родила его благополучно, но мучилась долее обыкновенного — и теперь не совсем в хорошем положении — хотя слава Богу, опасности нет никакой. Она родила в мое отсутствие, я принужден был по своим делам съездить во Псковскую деревню, и возвратился на другой день ее родов. Приезд мой ее встревожил, и вчера она прострадала; сегодня ей легче. Она поручила мне испросить Вашего благословения ей и новорожденному.

Вчера получен от Вас ящик с шляпою и с запискою, которую я жене не показал, чтоб ее не

⁵⁸ Самое письмо утрачено; сохранился лишь конверт с адресом.

огорчить в ее положении. Кажется она не удовлетворительно исполнила вашу комиссию, а по записки она могла бы заключить, что Вы на нее прогневались.

Цалую ручки Ваши и имею счастье быть с глубочайшим почтением и душевной преданностию
Вашиим покорнейшим слугою и зятем А. Пушкин

*Адрес: Ее Высокоблагородию м. г. Натальи Ивановне Гончаровой [в Москв] В Волоколамск
Другой рукой: в с. Ярополиц*

1060. П. А. Катенин — Пушкину. 16 мая 1835 г. Ставрополь.

Тебе подобные, любезнейший Александр Сергеевич, всё равно, что цари и красавицы; забытые, недовольные ими, мы досадуем и ропчем, но им стоит захотеть,

Et la moindre faveur d'un coup d'oeil caessant

Nous rengage de plus belle. 59

Я дулся на тебя, долго оставаясь без ответа: получил его и распвел. О бестолковой трусости цензуры имел я вести от Каратыгина, послав к нему для напечатания две басни; одна из них: *Предложение* нравилась мне, но не пришлась по мерке Прок[r]устовой кровати, и я безжалостно решил отрубить голову и ноги, чтоб не схоронить заживо сердца; не знаю, удовольствуются ли тем г-да скопители, но прошу тебя не судить о ней по торсу, а полюбопытствовать и посмотреть в целом: у Каратыгина достанешь. Что ж до Сонета, то я почти недоумеваю, в чем провинился, разве что не велят чертаться, и уже в этом угодить не решаюсь; мой стих существует, и я считаю его одним из лучших имянно по гумористической энергии. За Милушу благодарю, хотя не вполне согласен с твоим мнением, яко бы она мое лучшее творение; отцы не всегда так расположены к детям своим, как посторонние; и коли к слову пришлось, скажи-ко мне: согласен ли ты со мной, что Онегин лучшее твое творение? Мне очень хочется знать. NB. Коли ты написал что нибудь в стихах недавно, оно мне неведомо, после сказки о мачихе с зеркалом я ничего твоего не читал. Судя по твоим, уввы! слишком правдоподобным словам, ты умрешь (дай Бог тебе много лет здравствовать!) Венямином русских поэтов, юнейшим из сынов Израиля, а новое поколение безымянное; ибо имена, подобные Кукольникову, сильно отзываются Перро. Где ему до Шаховского? У того везде кое-что хорошо. *Своя Семья* мила, в *Аристофане* целая идея, и будь всё как второй акт, вышла бы в своем роде хорошая комедия; князь не тщательный художник и не великий поэт, но вопреки Voileau:

Il est bien des degrs du mdiocre au pire 60

сиречь до Кукольника; и какими стихами, с тех пор как они взбунтовались противу всех правил, они пишут! Французские романтики версификацией шеголяют, блеском ее стараются по крайней мере помрачить своих классиков, а наши по пословице: дуракам закон не писан, валяют без рифмы и цезуры, не тысячами, а тьмами, не трагедиями, а десятками. Беда моя, что в их трагедиях не вижу я ничего трагического; они как будто не подозревают его существования, толкуют о формах и чванятся, что откинули все на что нибудь похожие; о душе, о живых лицах, о пылких страстях нет заботы ни в писателях, ни в зрителях, все остаются довольны надутой галиматьей. *Годунов* Лобанова мне известен, и, коли критики разбрали его, это чистая злоба; чего им стоило похвалить? Пьеса осталась бы та же, а Мих.[аил] Евст.[афьевич] не хворал бы огорченным самолюбием. Наше сложение крепче от того, что наше самолюбие ядренее; не пренебрегая похвалой общества, ни даже критики, как она у нас ни жалка, мы не совсем довольствуемся ею; хотим более всех угодить себе, потом избранным, наконец уже и прочим; встречая невзначай Марлинского с устрицами, либо Воейкова с вишневым лбом, пропускаем их мимо, идем своей дорогой; доверяем своему по совести суждению более, нежели чужому, часто невежественному; Мих.[аил] Евст.[афьевич] слишком умен, чтоб верить себе, и когда другие не хвалят, по справедливости приходит в отчаяние: мне его очень жаль. Если Непременное Секретарство

59 И малейшая благосклонность ласкающего взгляда снова нас покоряет.

60 Есть много ступеней от посредственного к худшему

может залечить раны его, я сажаю его обеими руками на седалище Соколова, и без шуток предпочитаю двум соперникам: он несколько пристойнее и более литератор. Оставляя его, скажи пожалуйста, зачем ты не говоришь ни слова о своих занятиях? Может быть, полагаешь, что я без того знаю, но я не знаю ничего что называется ничего — ни в стихах, ни в прозе; и если не стыжусь сего невежества, ибо оно невольное, то смерть хочу просветиться. У меня есть два стихотворения, и я бы охотно тебе их прочел, кабы мы были вместе; одно из Аравийской истории, под названием: *Гнездо голубки*, написано размером моей Елегии; другое припасено в состав Кантаты: *Сафо*, это песня гребцов, везущих ее в Левкад, четырёхстопным ямбом с рифмой в простонародном древне-греческом роде. Всея кантаты здесь сложить не могу, хочется поместить стихи самой Сафы, а ни подлинника, ни словаря, ни точного перевода в Ставрополе не достанешь. Напиши-ко ты Кантату, разумеется сыскав счастливый сюжет, как говорил Мазарин; лирическая идиллия по моему понятию есть *taxitum* чистой поэзии. На последний вопрос твой: когда мы свидимся, как отвечать? Наша ли воля управляет нами? Нет, нечто неуловимое, что всякой зовет по своему, и против чего мы в точном смысле слова бессильны. Теперь я и не предвижу, когда сближение мое со светом белым окажется вещью возможною; мне кажется, что я навсегда удален ото всех знакомых, что возвратный путь к ним закрыт, и разве переписка, буде они не скучают ею, может служить взаимным напоминанием, что земля нас не поглотила; но чем поручиться, что нечаянность не переменит всего? Я столько раз испытал неверность самых основательных предположений, что становлюсь скептик и фаталист вкупе; сомневаюсь во всем, кроме непонятной силы, увлекающей всех и каждого, вопреки собственному желанию, безрассудно, слепо и неодолимо. Знаешь что? вот и философия: прошу простить ее ради скуки, с которой я часто вдвоем обретаюсь, и которую я почитаю за родительницу матефизики которая порождает ее в свою очередь. Будь умница, милый Александр Сергеевич, не забывай меня и пиши: тебе труда мало, а мне радости много. Прощай покуда.

Весь твой Павел Катенин

1061. М. П. Бутурлин — Пушкину. 23 мая 1835 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Имею честь известить, что по изъявленному Вами, милостивый государь, желанию взять акции второго Страхового от огня Общества, — я назначить Вам оных ни сколько не могу; — потому что все сии акции, как отозвался ко мне Управляющий губернию вице-губернатор, уже им розданы. —

С совершенным почтением иметь честь быть,

милостивый государь, Вашего высокоблагородия, покорнейший слуга Михаил Бутурлин.

№ 115 23 мая 1835

С. Петербург Его высокобл. [агородию] А. С. Пушкину.

1062. С. С. Хлюстину. 25 мая 1835 (?) г. Петербург.

Очень прошу вас извинить меня. Мне невозможно будет пообедать у вас. Жена вдруг почувствовала себя очень плохо. Будьте добры сообщить мне адрес господина Сиркура.

Весь ваш Пушкин.

25 мая.

Адрес: Милостивому государю господину Хлюстину и проч.

1063. В. Ф. Одоевскому. Апрель — май 1835 г. Петербург.

За кого вы меня принимаете? Я слышал раз дурака в Москве, и больше не буду. Его надо слушать, однако, чтоб порядком побранить в Летописце. Итак подпишитесь, князь! извольте заплатить, Ваше сиятельство — стерпится слюбится. Не скупитесь. — А когда-то нам свидеться?

А. П.

1064. В. Ф. Одоевский — Пушкину. Апрель — май 3835 г. Петербург.

Чтобы начать с какого-нибудь определенного времени, я думаю, Александр Сергеевич, начать обозрение политики, наук и литературы с 3-го десятилетия 19-го века, т. е. с 1830-го года, и потому поместил в Летописце: 1ое — Хронологическое обозрение сухое, по годам, политических происшествий с 1830-го года; в последствии мы можем издать его отдельною книжкою, которая бы могла быть приплетена к 1-й части хронологического обозрения происшествий с начала мира; я его составлю, а Погодину пошлем на ценсировку. 2ое — Общий взгляд на состояние наук и литературы в последние 4 года в Европе — 1-е, т. е. науки я могу сделать, 2-е — ваше дело. 3^е — общее, но подробное обозрение русских произведений в последние 4 года — это общими силами; хорошо приложить им и краткий каталог. 4^е — особенные статьи о некоторых более достопамятных произведениях, каковы, напр.[имер] .. Черная женщина“. Далее — стихотворения, повести и все, что не войдет в вышеупомянутые разряды. Заглавие Летописца может быть такое: „Современный Летописец Политики, Наук и Литературы, содержащий в себе обозрение достопримечательнейших происшествий в России и других государствах Европы, по всем отраслям политической, ученой и эстетической деятельности с начала 3-го (последнего) десятилетия 19-го века. Часть I.“

Надобно бы приискать и эпитафия — я без этого жить не могу.

Одоевский.

1065. А. Х. Бенкендорфу. Апрель — май 1835 г. Петербург. (Черновое)

Осмеливаюсь представить на решение Вашего сиятельства.

В 1832 г. его величество соизволил разрешить мне быть издателем политической и литературной газеты.

Ремесло это не мое и неприятно мне во многих отношениях, но обстоятельства заставляют меня прибегнуть к средству, без которого я до сего времени надеялся обойтись. Я проживаю в Петербурге, где благодаря его величеству могу предаваться занятиям более важным и более отвечающим моему вкусу, но жизнь, которую я веду, вызывающая расходы, и дела семьи, крайне расстроенные, ставят меня в необходимость либо оставить исторические труды, которые стали мне дороги, либо прибегнуть к щедротам государя, на которые я не имею никаких других прав, кроме тех благодеяний, коими он меня уже осыпал.

Газета мне дает возможность жить в Петербурге и выполнять священные обязательства. Итак, я хотел бы быть издателем газеты, во всем сходной с „Северной Пчелой“; что же касается статей чисто литературных (как то пространных критик, повестей, рассказов, поэм и т. п.), которые не могут найти место в фельетоне, то я хотел бы издавать их особо (по тому каждые 3 месяца, по образцу английских Обозрений).

Прошу извинения, но я обязан сказать вам всё. Я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дондукова, урожденного Корсакова. Оба уже дали мне ее почувствовать довольно неприятным образом. Вступая на поприще, где я буду вполне от них зависеть, я пропаду без вашего непосредственного покровительства. Поэтому осмеливаюсь умолять вас назначить моей газете цензора из вашей канцелярии; это мне тем более необходимо, что моя газета должна выходить одновременно с „Северной Пчелой“, и я должен иметь время для перевода тех же сообщений — иначе я буду принужден перепечатывать новости, опубликованные накануне; этого одного будет довольно, чтобы погубить всё предприятие.

1066. А. Х. Бенкендорфу. Апрель — май 1835 г. Петербург. (Вторая черновая редакция)

Испрашивая разрешение стать издателем [литературной и политической] газеты, я сам чувствовал все неудобства этого предприятия. Я был к тому вынужден печальными обстоятельствами.

Ни у меня, ни у жены моей нет еще состояния; дела моего отца так расстроены, что я вынужден был взять на себя управление ими, дабы обеспечить будущность хотя бы моей семьи. Я хотел стать журналистом для того лишь, чтобы не упрекать себя в том, что пренебрегаю средством, которое давало мне 40 000 дохода и избавляло меня от затруднений. Теперь, когда проект мой не получил одобрения его величества, я признаюсь, что с меня снято тяжелое бремя. Но зато я вижу себя вынужденным прибегнуть к щедротам государя, который теперь является моей единственной надеждой. Я прошу у Вас позволения, граф, описать вам мое положение и поручить мое ходатайство вашему покровительству.

Чтобы уплатить все мои долги и иметь возможность жить, устроить дела моей семьи и наконец без помех и хлопот предаться своим историческим работам и своим занятиям, мне было бы достаточно получить займы 100 000 р. Но в России это невозможно. Государь, который до сих пор не переставал осыпать меня милостями, но к которому мне тягостно [...], соизволив принять меня на службу, милостиво назначил мне 5000 р. жалования. Эта сумма представляет собой проценты с капитала в 125000. Если бы вместо жалования его величество соизволил дать мне этот капитал в виде займа на 10 лет и без процентов, — [я был бы совершенно счастлив и спокоен].

1067. В. А. Коленов — Пушкину. Май 1835 г. Юрьев-Польский.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Вас конечно удивит мое посвящение? И действительно очень странно; но вот мои причины:

Я собрал несколько моих пьес и посвятил вам их собственно из того уважения, которое я имею к высокому таланту вашему с первых лет моей молодости.

Я занимаюсь уже пять лет стихотворными сочинениями; но напечатать ничего не в состоянии; ибо я человек совершенно бедный и стесненный бедствиями. — я потерял отца и мать в ранних годах жизни моей; получил после их большие долги; лишился состояния и расстроил здоровье.

Теперь принося вам песни уездной музыки моей, прошу вас благосклонно принять их как застенчивых сирот из отдаленных мест, шествующих под ваше покровительство! и тем поощрите милостивый государь слабый талант неопытного юноши, которого затмевает бедность и обессиливает горе!..

Засим с высокопочитанием моим имею честь быть, к вам
милостивый государь покорный слуга Вечеслав Коленов.

„“ мая 1835 года

P. S. Ежели угодно вам знать о месте моего жительства, то вот.

Адрес: „Владимирской губернии в город Юрьев-Польский, Вечеславу Андрееву Коленову.

1068. А. Х. Бенкендорфу. 1 июня 1835 г. Петербург.

Граф,

Мне совестно постоянно надоедать Вашему сиятельству, но снисходительность и участие, которые вы всегда ко мне проявляли, послужат извинением моей нескромности.

У меня нет состояния; ни я, ни моя жена не получили еще той части, которая должна нам достаться. До сих пор я жил только своим трудом. Мой постоянный доход — это жалованье, которое государь соизволил мне назначить. В работе ради хлеба насущного, конечно, нет ничего для меня унижительного; но, привыкнув к независимости, я совершенно не умею писать ради денег; и одна мысль об этом приводит меня в полное бездействие. Жизнь в Петербурге ужасающе дорога. До сих пор я довольно равнодушно смотрел на расходы, которые я вынужден был делать, так как политическая и литературная газета — предприятие чисто торговое — сразу дала бы мне средство получить от 30 до 40 тысяч дохода. Однако дело это причиняло мне такое отвращение, что я намеревался взяться за него лишь при последней крайности.

Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые вовлекают меня в долги и

готовят мне в будущем только беспокойство и хлопоты, а может быть — нищету и отчаяние. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я еще обязан милостям его величества.

Я был осыпан благодеяниями государя, я был бы в отчаянии, если бы его величество заподозрил в моем желании удалиться из Петербурга какое-либо другое побуждение, кроме совершенной необходимости. Малейшего признака неудовольствия или подозрения было бы достаточно, чтобы удержать меня в теперешнем моем положении, ибо, в конце концов, я предпочитаю быть стесненным в моих делах, чем потерять во мнении того, кто был моим благодетелем, не как монарх, не по долгу и справедливости, но по свободному чувству благожелательности возвышенной и великодушной.

Вручая судьбу мою в ваши руки, честь имею быть с глубочайшим уважением, граф, Вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

1 июня. С. П. Б.

Александр Пушкин.

1069. П. А. Катенин — Пушкину. 1 июня 1835 г. Ставрополь.

Вот тебе еще Сонет, милый Александр Сергеевич; мне кажется он не хуже первого, коли не... но повторяю: отцы детям не судьи; а что ты скажешь? Коли: bene, то отдай его для тиснения у Александра Филиповича Смирдина-Македонского, и сотвори с сим героем сделку; в счет оной да пришлет он мне в Ставрополь всю свою текущего года *Библиотеку* и весь каталог со всеми прибавлениями. Прикажи в печатании расставить по чину руки и ноги, сиречь кватрины и терцеты: писав на лоскутке, я все рядом черкнул: ты и так разберешь, но публика совсем другое дело. Что ты творишь? Авось узнаю из толстых томов Сенковского, или Бромбеуса, или Тютюджю-Оглу ибо он все это вместе взятое. Я зябну; представь себе, что здесь на юге лето холоднее северных: в тулупе не согреешься, и надо печки топить. Занятие же мое состоит в старом, четыре с половиною года тянуемся, уголовном деле, которое мне поручено кончить; это еще возможно, но то худо, что надобно назвать по имени: кошку — кошкой, а Ролле — жуликом, а тут котов целая ватага, все с когтями и берегись, оцарапают. Потом отправлюсь я в Экспедицию, в Черноморие, на гг. Черкесов, и что там будет — одному богу ведомо. Видишь ли, ты когда-нибудь свою прежнюю обожательницу: Е.[лизавету] М.[ихайловну] Х.[итрово]? Поклонись-ко ей от меня, коли не в труд. Нет ли у тебя знакомого греколога, кто бы мог en vile prose рабски переложить крошечные два стихотворения Сафы: Венере и Neureux qui etc ? Очень бы ты одолжил, Кантата засела в голове и не может вылезть за недостатком книжных пособий. С горя пишу сонеты: к слову, я перевел Оронтов, он у Каратыгина: взгляни и напиши: удалась ли la chte; коли нет, то и жалеть не о чем. Надоедаю я тебе, но и это не великое в жизни несчастье, а коли ты за свою скуку заплатишь мне удовольствием, честь тебе и хвала. Прощай любезнейший.

Весь твой Павел Катенин.

1-го июня 1835. Ставрополь

1070. Н. И. Павлицеву. 3 июня 1835 г. Петербург.

Милостивый государь Николай Иванович

Вы желаете знать, что такое состояние батюшки; посылаю Вам о том ведомость.

В селе Болдине душ по 7-ой ревизии 564

В сельце Кистеневе (Тимашеве то-ж) 476

Покойный Вас.[илий] Льв.[ович] владел *другой половиною Болдина*, в коей было также около 600 душ. Эта часть продана, спустя 3 года после отречения от наследства самого наследника. Я не мог взять на себя долги покойника, потому что уж и без того был стеснен; а брат Л.[ев] С.[ергеевич] кажется не мог бы о том и подумать, ибо на первый случай надобно было бы уплатить по крайней мере 60,000. Жаль, что вы в то время не снесли со мною; кабы я мог думать, что Вы примите на себя управление этим имением, я бы мог от него не отступить.

Вы хотите иметь доверенность на управление части Кистенева, коего доходы уступаю сестре: с охотою; напишите мне только: переслать ли Вам оную, или сами Вы за нею приедете. Переговорить обо всем не худо было б.

Весь ваш А. Пушкин.

3 июня 1835

1071. И. М. Пеньковскій — Пушкину. 4 июня 1835 г. Болдино.

Июня числа 1835 году С. Болдино

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Получил я Ваше письмо от 1-го мая, приказываете в оном дабы Кистеневские доходы пересылать к Ольге Сергеевне и Льву Сергеевичу. Я по сие время не получал от новых господ никакого приказания. Присем доношу, что в сельце Кистеневе в части Сергея Львовича производится опись, по распоряжению С.[анкт-]П.[етербургского] Опек.[унского] Сов.[ета]. Я никакого средства ненахожу, дабы отвратить оную; указ Опек.[унского] Совета я к Вам переслал 9-го апреля; в оном прописывается, *хотя последовала надлежащая уплата, между тем описать имение и отдать в прежнее распоряжение заимщика, числа однакож оное по прежнему в залоге и под запрещением до полной уплаты всего долга Опекунскому Совету.* — Я понимаю из указа, что велят описать имение за неисправность в платеже. — Я вам предлагал сего года генваря 15 числа об уплате по займам в Опек.[унский] Сов.[ет]: дабы мне припоручить уплату, собственно для Вашего спокойствия; назначить, сколько именно по каким займам и в какое время года уплачивать Опекунскому Совету — в один год из доходов можно бы удовлетворить Опек.[унский] Сов.[ет], хотя уже большое упущение в неисправности платежа последовали, в будущие года исправно уплачивая, всегда большая половина доходов должна оставаться для Вас — инакч нельзя етого в порядок привести; в противном случае Вы должны лишиться ни зачто имения. —

От 3-го мая сего года поступил указ С.[анкт-]Петерб.[ургского] Опе.[кунского] Сов.[ета] в Нижегородское Губерское правление о взыскании по залогу села Болдина на 5625 руб.; в случаи неплатежа приступить к описи имения — у меня находится не более 2300 руб., хотя займу у кого либо и уплачу сполна. Квитанций еще не получил из Опек.[унского] Совета на внесенную сумму 4113 руб. 80 ко. в прошедшем году в марте м[еся]це. Квитанцию же мне лично данную на оную сумму Лукояновского Земского Суда представил тогда же к Сергею Львовичу, — нет ли какой ошибки в Опек[унском] Совете, не требуют ли вдвойне. Я ныне в марте м[еся]це послал вместе с уплатою 7000 руб. объяснение и просил квитанций на 4113 ру. 80 ко., по сие время из Опек.[унского] Сов.[ета] на мое прошение нету резолюций. —

Пересылаю копии указов Опек.[унского] Совета — и квитанций С.[анкт-] Петерб.[ургского] Опек.[унского] Совета 1834 года № 7127, 1835 года № 123, № 906, № 907, Московского Опек.[унского] Совета 1835 года № 8059, всего пять квитанций. —

Апреля 9-го испрашивал я у вас, как мне поступить на счет земли, которая несправедливо отрезана из Вашей части п.[окойным] Васильем Львовичем, ныне поступает Сергею Васильевичу Зыбину всей земли пахатной 170 десятин, будтобы была мировая между п.[окойным] Василь.[ем] Льво.[вичем] и Сергеем Львовичем в каком она смысле была подана и в какое присутствие, очень бы хорошо было-бы обратить оную землю в Вашу часть — ныне Сергей Васильевич Зыбин занимается лично в Болдине по части хозяйственной. — Я виделся с ним и приметил по словам его, жалеет, что купил, а по делам радуется, и мне говорил, что заплотил 230 000 руб. —

В селе Болдине Ваши озими хороши, еровой всход хорош — тоже и крестьянские — в Кистеневе также.

Барщиной очищаю неудобные леса на пашню и поземом унаваживаю земли старые, тощие — о чем доносит с истинным высокопочитанием и таковую же преданностью

Ваш милостивый государь всепокорнейший слуга И. Пеньковскій.

1072. В. А. Дурову. 16 июня 1835 г. Петербург.

Милостивый государь, Василий Андреевич,

Искренне обрадовался я, получа письмо Ваше, напомнившее мне старое, любезное знакомство, и спешу Вам отвечать. Если автор Записок согласится поручить их мне, то с охотою берусь хлопотать об их издании. Если думает он их продать в рукописи, то пусть назначит сам им цену. Если книгопродавцы не согласятся, то вероятно я их куплю. За успех, кажется, можно ручаться. Судьба автора так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное, общее впечатление. Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему.

Поздравляю Вас с новым образом жизни; жалею, что из ста тысяч способов достать 100, 000 рублей, ни один еще Вами с успехом, кажется, не употреблен. Но деньги [будут], дело наживное. Главное, были бы мы живы.

Прощайте — с нетерпением ожидаю ответа.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, честь имею быть

милостивый государь Ваш покорнейший слуга А. Пушкин.

16 июня 1835

С. П. Б. На Дворцовой набережной дом Баташева.

1073. А. А. Краевскому. 18 июня 1835 г. Петербург.

Не написал я ничего братии московской. Но сделайте милость: поправьте передпоследний стих в *Туче*

И ветер, лаская листочки древес

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю ... г-ну Краевскому Обухова моста в доме Сухаревой.

1074. А. Х. Бенкендорфу (?). 20-е числа (после 23) мая — июнь 1835 г. (Черновое)

Вы позволили мне изложить Вашему превосходительству

1075. С. Л. Пушкину. 20-е числа (после 23) мая — июня 1835 г. Петербург. (Черновое)

Ваш доход равняется [22 000]

[...]

11,800 в дом — 11,800

1,500 Льву — 1,500

1,500 Ольге — 1,500

500 управляющему — 600 (22)

22[000] — 15,400 (23)

15,200 (21)

7,000

Вы выручили 1600

22,0[00] — 16,000 уплаченных

15,400 — 2500 — от[нрзб.]

6,600 — 2000 должно [?] платить [?]

1076. А. Х. Бенкендорфу. 4 июля 1835 г. Петербург.

Милостивый государь граф Александр Христофорович

Государю угодно было отметить на письме моем к Вашему сиятельству, что не лъзя мне будет отправиться на несколько лет в деревню иначе, как взяв отставку. Предаю совершенно судьбу мою в царскую волю, и желаю только, чтоб решение его величества не было для меня знаком немилости и чтоб вход в архивы, когда обстоятельства позволят мне оставаться в Петербурге, не был мне запрещен.

С глубочайшим почтением, преданностию и благодарностию честь имею быть,
милостивый государь Вашего сиятельства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

1077. А. П. Плещеев — Пушкину. 5 июля 1835 г. Проскуров.

Почтеннейший Александр Сергеевич!

Весьма тебе благодарен за высылку 1500 рублей, в счет двух тысяч и тридцати червонцев, должных мне твоим братом, об сих, изволишь видеть, червонцах, кажется, тебе Лев ничего не говорил, думаю оттого, что он позабыл все долги свои, и всякого рода обязательства, а потому прилагаю при сем его письмо, из коего усмотришь, как люди пишут, как кажись чувствуют и как исполняют; господь бог ниспосылает на ум тебе скаски и повести, кои ты печатаешь и продаешь, вырученные за оные деньги не бросаешь в Неву реку, а поди чай кладешь в шкатулку; вынь оттуда 500 рублей и 30 червонцев; будь друг и благодетель пришли ко мне; а в проценты пришли бунт Пугачева, до нас еще эта книжица не дошла, — в нашей стороне больше питают брюхо нежели голову (за исключением винных паров, коими приисполнены головы всех классов, полов и родов людей). *Прощай будь здоров умен богат и развратен как Саломон .*

Твой Плещеев.

Каменец-Подольской губернии г. Проскуров Июля 5-го д.[ня] Командиру 5-й артиллер. бригады.

[Приложение: письмо Л. С. Пушкина А. П. Плещееву]

18 января 1834 г. Петербург

Кругом виноватый, не знаю как приняться объяснить тебе мое положение. — Надежды мои на заем в Петербурге денег рушились, ибо мало людей, готовых подобно тебе, помогать другому; голод и неурожай лишили нынешний год моего отца почти всякого дохода; дела брата расстроеннее прежнего и я не могу надеяться на его помощь. С самого приезда моего в Петербург я живу в долг, не имея даже средства доставить в Варшаву необходимую и д[о]вольно незначительную сумму на уплату долгов весьма тягостных. Все сие не дозволило мне кончить с Аничковым дела касательно твоего перевода; он просил меня тебя о сем уведомить. Грустно и совестно перед ним и перед тобою, но нельзя сделать невозможного и я остаюсь должным прежние *две тысячи рублей* и тридцать червонцев. Весною я надеюсь уехать далеко и на долго, но прежде я должен окончить все денежные мои счета. — Принимаешь ли ты снова на себя до сего времени вышеупомянутую сумму — уведоми меня поспешнее.

Кончаю сие тягостное для меня письмо не имея ни духу ни права перед тобою извиняться; но видит бог, что непредвиденные обстоятельства, а не собственная вина ввели меня в таковую несостоятельность. — Прощай, желаю тебе всего возможного счастья и для себя желаю, чтобы ты не поминал меня лихом. —

Душевно тебе преданный Лев Пушкин.

С.-Петербург 1834 года. Генов. 18 дня.

Адрес мой: в С.-Петерб. у Казанского мосту на Невском проспекте в доме Энгельгарда во 2 N.

1078. П. А. Катенин — Пушкину. 7 июля 1835 г. Ставрополь.

Купив для похода тройку повозочных лошадей с хомутами, палатку с прибором и другое кое-что, издержав на эти припасы около тысячи рублей, я всё по грехам моим задержан неоконченным

делом, на меня наваленным, и не могу из скучного города Ставрополя отправиться хоть на Черкесские сабли; со скуки, с досады etc. пишу и, без мала месяц тому назад, отправил к Каратыгину толстый пакет разных стихов и прозы. Полюбопытствуй, милый Александр Сергеевич, взглянуть на всё писание сие и посоветуй: что с ним делать? Ты всегда хвалил меня как критика, и мне хочется знать: по мысли ли придется тебе, что там есть, и чему продолжение: о комедии в прозе также готово, и при первом удобном случае также пошлетя. Если ты полагаешь, что оно годится в печать, сиречь в журнал, ибо особо нельзя, пока не всё готово, то я бы желал тиснуть, отчасти ради денег, в коих мне очень нужда. Того же ради, прошу без промедления издать и прилагаемую при сем басню, в которой не вижу зацеп для г-жи Ценсуры, разве что в иных случаях правда борется со властью; но это старая аксиома, всего сильнее выраженная у набожного Паскаля в *Письмах к провинциалу*, и кажется, сказанное им не ставится в грех никому. Я своей басней вообще доволен, но жду суда умного со стороны, для уверенности, и прошу тебя мне сказать: тогда я тебе скажу, что думаю вообще о баснях. Кантата: Сафо рисуется прелестно в воображении, так и манит; но без топора не рубят дров, и я с низким поклоном повторяю мое прошение о присылке одного, то есть немногих греческих стихов в оболочке новейшей прозы, сколько можно презренной и пресмыкающейся. Почти совестно писать всё о себе и всё неважное, по крайней мере для другого, даже для приятеля; но отселе не придумаю, что может сообщаться прямо занимательного, а прошу наоборот, такого из столицы, которое что бы ни говорили всем всего лучше; беда моя, что жду и не дожусь: все заняты своим, и до бедного Кальпиджи никому дела нет. Прощай, любезнейший Александр Сергеевич, и коли басня тебе доставит хоть миг удовольствия, расплатись письмом. Весь твой

Павел Катенин

Июля 7-го 1835. Ставрополь.

1079. Н. И. Гончаровой. 14 июля 1835 г. Петербург.

Милостивая государыня матушка Наталия Ивановна,

Искренно благодарю Вас за подарок, который изволили Вы пожаловать моему новорожденному и который пришел очень к стати. Мы ждали Дмитрия Николаевича на крестины, но не дождались. Он пишет, что дела задержали его, а что его предположения косательно графини N. не исполнились. Кажется он не в отчаянии. Жену я, по вашему препоручению, поцаловал как можно нежнее; она цалует Ваши ручки и собирается к Вам писать. Мы живем теперь на даче, на Черной речке, а отселе думаем ехать в деревню и даже на несколько лет: того требуют обстоятельства. Впрочем ожидаю решения судьбы моей от государя, который очень был ко мне милостив, и коего воля будет для меня законом.

Обращаюсь к Вам с просьбою и с домашними объяснениями: до сих пор главные наши хлопоты состоят в том, что не можем сладить с поварами, которые в Петербурге избалованы и дороги не померно. Если в Ярополице есть у Вас какой-нибудь ненужный Вам повар (только был бы хорошего, честного и не-развратного поведения), то Вы бы сделали нам истинное благодеяние, отправя его к нам — особенно в случае нашего отъезда в деревню. Простите меня, что я без церемонии и прямо к Вам обращаюсь — надеясь на Вашу снисходительность и благосклонность.

Жена, дети и свояченицы — все слава Богу у меня здоровы — и цалуют Ваши ручки. Маша просится на бал, и говорит, что она танцовать уже выучилась у собачек. Видите, как у нас скоро спеют: того и гляди будет невеста.

С глубочайшим почтением и преданностью имею счастье быть

милостивая государыня матушка Вашим покорнейшим слугою и зятем А. Пушкин.

14 июля

1080. В. Д. Соломирский — Пушкину. 17 июля 1835 г. Тобольск.

Ты просил меня, писать тебе о Ермаке, предмет конечно любопытный, но помышляя о поездке для розысков следов сего воителя, я досель сижу дома; однакоже могу доставить тебе сведение не

менее занимательное и это о тебе самом.

На-днях у меня обедало человек пять моих приятелей: в числе гостей был Петр Андреевич Словцев, старец знаменитый, сын Сибири, он соученик и бывший друг Сперанского, богатый умом, познаниями, правдолюбием и несчастиями. Словцев должен жить в памяти русских или лучше человечества, зане жизнь одного мудреца несравненно поучительнее жизни сотни воинов. Другой гость, ибо должно тебя с ним познакомить, человек достигший богатства и чинов собственным умом и дельностью, образованный старинной школой и твердый в своих правилах, — меня же ты знаешь. — Говоря о словесности заговорили о тебе и мой богатый гость старинной школы восстал на тя, со всею силою классицизма и педантизма. Я, во преки моим мнениям, взял твою сторону и дело пошло на голоса. Словцов сказал: [что] Сочинения Пушкина должно читать для роскоши ума, везд где я встречаю произведения его пера я их пробегая с жадностью! — Полагая, что таковой отзыв человека подобного Словцову для тебя [буд[ет]] приятнее и занимательнее мнения наших полусловесников, я поставил [себе] приятною обязанностью сообщить тебе оное. Прение продолжалось; Словцев согласился, что род твоих сочинений мог бы быть возвышеннее, но, говорил он, гении своевольны! Наконец, так как общее мнение было на твоей стороне, я, чтоб совершенно победить сопротивника, предложил тост за твое здоровье с тем, чтоб всякой сказал какое-нибудь желание; очередь пала на младшего, это был учитель русского языка; он пожелал тебе всеобщей любви; я пожелал тебе привыкнуть пить [лишь] воду, с тем однакоже условием, чтобы ты доказал что дух, господствующий в твоих стихах, не винный спирт. Словцев пожелал богачу антагонисту, чтобы его дети с тобою сравнялись! Один из гостей — чтоб ты вечно писал; другой — долгой жизни. Словцев заметил, что долгая жизнь великим умам не свойственна, им надо желать благодарного потомства. Наконец классик пожелал, чтоб все тебя уважали, но по справедливости ценили твои сочиненья! И так мы все пили за здоровье гения-писателя, даже я, давно пьющий одну воду.

Это письмо как доказательство того, что и в глубине России, на границах Европы с Азией, не токмо есть просвещение, но и того, что степень сего просвещения довольно значительна, чтобы люди могли и умели ценить таланты, должно быть для тебя и для всякого русского занимательно.

Прощай! пиши, ежели тебе твоя рассеянность оставляет довольно времени для написания нескольких строк человеку, тебя уважающему.

В. Соломирский. 17 июля.

1081. А. Х. Бенкендорфу. 22 июля 1835 г. Петербург.

Граф.

Я имел честь явиться к Вашему сиятельству, но к несчастью не застал вас дома.

Осыпанный милостями его величества, к вам, граф, должен я обратиться, чтобы поблагодарить за участие, которое Вам было угодно проявлять ко мне, и чтобы откровенно объяснить мое положение.

В течение последних пяти лет моего проживания в Петербурге я задолжал около шестидесяти тысяч рублей. Кроме того, я был вынужден взять в свои руки дела моей семьи; это вовлекло меня в такие затруднения, что я был принужден отказаться от наследства, и что единственными средствами привести в порядок мои дела были: либо удалиться в деревню, либо одновременно занять крупную сумму денег. Но последний исход почти невозможен в России, где закон предоставляет слишком слабое обеспечение займодавцу и где займы суть почти всегда долги между друзьями и на слово.

Благодарность для меня чувство не тягостное; и, конечно, моя преданность особе государя не смущена никакой задней мыслью стыда или угрызений совести; но не могу скрыть от себя, что я не имею решительно никакого права на благодеяния его величества и что мне невозможно просить чего-либо.

Итак, вам, граф, еще раз вверяю решение моей участи и, прося вас принять уверение в моем высоком уважении, имею честь быть с почтением и признательностью Вашего сиятельства, граф, нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

1082. В. Д. Вольховскому. 22 июля 1835 г. Петербург.

Обращаюсь к тебе, почтенный мой Владимир Дмитриевич, с дружеской и покорнейшей просьбою: граф Забела едет служить в Грузию под твоим начальством. Друзья и родственники просят для него твоего покровительства и благорасположения, которое и необходимо ему в его положении. Знаю, что мое предстательство в этом случае совершенно лишнее; но я радуюсь случаю издалека напомнить тебе о старом, лицейском товарище, искренно тебе преданном.

Посылаю тебе последнее мое сочинение, Историю Пугачевского Бунта. Я старался в нем исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении, что стоило мне немалого труда, ибо начальники, действовавшие довольно запутанно, еще запутаннее писали свои донесения, хвастаясь или оправдываясь ровно бестолково. Всё это нужно было сличать, проверять etc.: мнение твое косательно моей книги во всех отношениях было бы мне драгоценно.

Будь здоров и счастлив.

А. Пушкин.

22 июля 1835 С. П. Б.

1083. А. Х. Бенкендорфу. 26 июля 1835 г. Петербург.

Граф,

Мне тяжело в ту минуту, когда я получаю неожиданную милость, просить еще о двух других, но я решаюсь прибегнуть со всей откровенностью к тому, кто удостоил быть моим провидением.

Из 60 000 моих долгов половина — долги чести. Чтобы расплатиться с ними, я вижу себя вынужденным занимать у ростовщиков, что усугубит мои затруднения или же поставит меня в необходимость вновь прибегнуть к великодушию государя.

Итак, я умоляю его величество оказать мне милость полную и совершенную: во-первых, дав мне возможность уплатить эти 30 000 рублей, и во-вторых, соизволив разрешить мне смотреть на эту сумму как на заем и приказав, следовательно, приостановить выплату мне жалованья впредь до погашения этого долга.

Поручая себя вашей снисходительности, имею честь быть с глубочайшим уважением и живейшей благодарностью вашего сиятельства, граф, нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин

26 июля 1835. С.-Петербург.

1084. Н. А. Дурова — Пушкину. 5 августа 1835 г. Елабуга.

Не извиняюсь за простоту адреса, милостивый государь! Александр Сергеевич! Титулы кажутся мне смешны в сравнении с славным именем вашим.

Что б не занять напрасно ни времени, ни внимания вашего, спешу сказать, что заставило меня писать к вам: У меня есть несколько листов моих записок; я желал бы продать их и предпочтительно вам. Купите, Александр Сергеевич! Прекрасное перо ваше может сделать из них что-нибудь весьма занимательное для наших соотечественниц, тем более, что происшествие, давшее повод писать их, было некогда предметом любопытства и удивления. Цену назначьте сами; я в этом деле ничего не разумею и считаю за лучшее ввериться вам самим, вашей честности и опытности.

Много еще хотел бы я сказать о моих записках, но думаю, что вам некогда читать длинных писем. И так упреждаю вас только, что записки были писаны не для печати, и что я, вверяясь уму вашему, отдаю вам их, как они есть, без перемен и без поправок.

Преданный слуга ваш Александров

Вятской губернии, Елабуга. 5-го августа 1835-го года.

1085. Ф. М. Беллизар — Пушкину. 7 августа 1835 г. Петербург.

Милостивый государь.

Честь имеем препроводить Вам на обороте счет расходов по печатанию, гравированию, пересылке и проч. портрета Пугачева, на сумму Р. 750. 15 коп. Мы произвели эти расходы, сделав вам любезность, и надеемся, что вы сообразовите их нам немедленно возместить.

К сожалению, ввиду необходимости привести в ясность наши поступления мы вынуждены напомнить вам, что, за вычетом всех произведенных вами платежей, счет наших поставок 1834 г. составляет еще сумму в 1566 р. 38 к. — Поэтому мы были бы вам весьма признательны, если бы вы могли равным образом за них расплатиться, или же, по меньшей мере, внести в погашение задолженности рублей тысячу, необходимую нам в данный момент для расчета по обязательствам, тем более тягостным, что дела наши сильно пострадали вследствие обстоятельств, в которых мы оказались ныне.

Домогаться этих двух платежей с настойчивостью, нам обычно не свойственной, — значит доказать вам наиболее явным образом, до какой степени нам важно, чтобы вы сообразовали удовлетворить нашу просьбу. В надежде на это

Имеем честь быть, милостивый государь, вашими нижайшими и покорнейшими слугами

Ф. Беллизар и К°

С.-Петербург, 7 августа 1835.

Господину Алексу Пушкину и проч., и проч., в городе.

1086. Д. А. Фукс. 15 августа 1835 г. Петербург.

15 августа 1835 С. П. Б.

Долго мешкал я доставить вам свою дань, ожидая из Парижа портрета Пугачева; наконец его получил, и спешу препроводить вам мою книгу. Надеюсь на вашу снисходительность, я осмелился отправить на ваше имя один экземпляр для доставления г. Рыбушкину, от которого имел честь получить любопытную историю о Казани.

Препоручаю себя драгоценному вашему благорасположению и дружеству почтенного Карла Федоровича (перед которым извиняюсь в неисправности издания моей книги).

С глубочайшим почтением и преданностью честь имею быть [...]

1087. Е. П. Люценке. 19 августа 1835 г. Петербург.

Милостивый государь, Ефим Петрович!

Мне право совестно за хлопоты, по которым ввожу ваше превосходительство. Смирдин не сдержал своего слова; полагаю, в самом деле обстоятельства его запутаны. Печатание вашей поэмы не может стоить 1.500 рублей; он ошибается. Отъезд мой в деревню мешает мне взяться самому за это дело. Сейчас писал я барону Корфу, прося его походатайствовать за вас, как за лицеиста. Надеюсь, что с своей стороны сделает он всё возможное.

С истинным почтением и совершенной преданностью честь имею быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнейшим слугою.

А. Пушкин. 19 Августа 1835 г.

1088. В. А. Поленову. 28 августа 1835 г. Петербург.

Милостивый государь, Василий Алексеевич

Честь имею обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою.

Государь император изволил мне приказать распечатать дело о Пугачеве для составления Исторической выписки. В восьми связках, доставленных мне из С. П[етербургск]ого Сената, не нашел я главного документа: допроса, снятого с самого Пугачева в следственной Комиссии, учрежденной

в Москве. Осмеливаюсь покорнейше просить Ваше превосходительство, дабы приказали снести о том с А. Ф. Малиновским, которому вероятно известно, где находится сей необходимый документ.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейшим слугою Александр Пушкин.
28 августа 1835 С. П. Б.

1089. М. Л. Яковлев — Пушкину. 5 сентября 1835 г. Петербург.

Посылаю тебе Пугачева. Нанял я за пять рублей две подводы, но всего не могли на них взвалить и для того на помощь дана казенная лошадь. Мужикам прошу отдать за провоз.

Прилагаю при сем наставление для переплетчика, которому ты будешь отдавать экземпляры в листах. Перепечатки лежат в особой кипе. Нужно чтоб переплетающий имел для проверки исправный экземпляр. Я нарочно написал наставление в лист, чтобы оно не затерялось между твоими бумагами.

Сегодня не могу я к тебе зайти: недосуг. Доброе ты дело сделаешь, если пришлешь мне по обещанию 2 экз. Пугачева портрета.

Весь твой М. Я.
5 сентября 1835.

1090. Е. Ф. Канкрину. 6 сентября 1835 г. Петербург.

Милостивый государь, граф Егор Францович

Обращаясь к Вашему сиятельству с покорнейшей просьбою, осмеливаюсь утрудить внимание Ваше предварительным объяснением моего дела.

В следствие домашних обстоятельств, принужден я был проситься в отставку, дабы ехать в деревню на несколько лет. Государь император весьма милостиво изволил сказать, что он не хочет отрывать меня от моих исторических трудов, и приказал выдать мне 10,000 рублей, как вспоможение. Этой суммы недостаточно было для поправления моего состояния. Ос[таваясь] в Петербурге, я должен был или час от часу более запутывать мои дела, или прибегать к вспоможениям и к милостям, средству, к которому я не привык, ибо до сих пор был я, слава Богу, независим и жил своими трудами.

И так осмелился я просить его величество о двух милостях: 1) о выдаче мне, вместо вспоможения, взаймы 30,000 рублей, нужных мне в обрез, для уплаты необходимой; 2) о удержании моего жалования, до уплаты сей суммы. Государю угодно было согласиться на то и на другое.

Но из Государственного Казначейства вы[да]но мне вместо 30,000 р., только 18,000, за вычетом разных процентов и 10,000 (десяти тысяч рублей), выданных мне заимообразно на напечатание одной книги. Таким образом я более чем когда-нибудь нахожусь в стесненном положении, ибо принужден оставаться в Петербурге, с долгами недоплаченными и лишенный 5,000 рублей жалования.

Осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о разрешении получить мне с полна сумму, о которой принужден я был просить государя, и о позволении платить проценты с суммы, в 1834 году выданной мне, пока обстоятельства дозволят мне внести оную с полна.

Препоручая себя благорасположению Вашего сиятельства, с глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть

милостивый государь Вашего сиятельства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.
6 сентября 1835

1091. Н. Н. Пушкиной. 14 сентября 1835 г. Михайловское.

Хороши мы с тобой. Я не дал тебе моего адреса, а ты у меня его и не спросила; вот он: в Пск.[овскую] губ.[ернию] в Остров, в село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вот уж неделя как я тебя оставил, милый мой друг; а толку в том не вижу. Писать не начинал и не знаю, когда начну. За то беспрестанно думаю о тебе, и ничего путного не надумаю. Жаль мне что я тебя с собою не взял. Что у

нас за погода! Вот уж три дня, как я только что гуляю то пешком то верхом. Элак я и осень мою прогуляю, и коли Бог не пошлет нам порядочных морозов, то возвращусь к тебе не сделав ничего. Пр.[асковьи] Ал.[ександровны] еще здесь нет. Она или в деревне у Бегичевой, или во Пскове хлопочет. На днях ожидают ее. Сегодня видел я месяц с левой стороны, и очень о тебе стал беспокоиться. Что наша экспедиция? виделась ли ты с графиней К.[анкриной], и что ответ? На всякой случай если нас гонит граф К.[анкрин], то у нас остается граф Юрьев; я адресую тебя к нему. Пиши мне как можно чаще; и пиши всё что ты делаешь, чтоб я знал с кем ты кокетничаешь, где бываешь, хорошо ли себя ведешь, каково сплетничаешь, и счастливо ли воюешь с твоей однофамилицей. Прощай, душа: цалую ручку у Марьи Александровне и прошу ее быть моею заступницею у тебя. Сашку цалую в его круглый лоб. Благословляю всех вас. Теткам Ази и Коко мой сердечный поклон. Скажи Плетневу, чтоб он написал мне об наших общих делах.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной. В С. Петербург, в доме Баташева у Прачечного мосту на Дворцовой набережной.

1092. А. И. Беклешовой. 11–18 сентября 1835 г. Тригорское.

Мой ангел, как мне жаль, что я Вас уже не застал, и как обрадовала меня Евпр.[аксия] Ник.[олаевна], сказав, что Вы опять собираетесь приехать в наши края! Приезжайте, ради Бога; хоть к 23-му. У меня для вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу к Вам, а наискось от меня сидите Вы сами во образе Марии Ивановны. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время

И путешествия в Опочку

и прочая. Простите мне мою дружескую болтовню. Цалую ваши ручки.

А. П.

1093. Н. Н. Пушкиной. 21 сентября 1835 г. Михайловское.

Жена моя, вот уже и 21-ое, а я от тебя еще ни строчки не получил. Это меня беспокоит поневоле, хоть я знаю, что ты мой адрес, вероятно, узнала, не прежде как 17-го, в Павловске. Не так ли? к тому же и почта из П.[етер] Б.[урга] идет только раз в неделю. Однако я всё беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет. Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится. А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполонину промотал; Ваше имение на волоске от гибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит Бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30,000. Все держится на мне, да на тетке. Но ни я, ни тетка не вечны. Что из этого будет, Бог знает. Покаместь, грустно. Поцалуй-ка меня, авось горе пройдет. Да лих, губки твои на 400 верст не оттянешь. Сиди да горюй — что прикажешь! Теперь выслушай мой журнал: был я у Вревских третьего дня и там ночевал. Ждали Пр.[асковью] Алекс.[андровну], но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста как Мефодий, наш Псковский архиерей. И незаметно, что она уж не брюхата; всё та же, как когда ты ее видела. Я взял у них Вальтер-Скотта и перечитываю его. Жалею, что не взял с собою английского. К стати: пришли мне, если можно, „Опыты“ г. Монтэня — 4 синих книги, на длинных моих полках. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Пр.[асковью] Ал.[ександровну], которая вероятно будет сегодня в Тригорское. — Я много хожу, много езжу верхом, на клячах, которые очень тому рады, ибо им за то дается овес, к которому они не привыкли. Ем я печеный картофель, как маймист, и яица в смятку, как Людвик XVIII. Вот мой обед. Ложусь в 9 часов; встаю в 7. Теперь требую от тебя такого же подробного отчета. Цалую тебя, душа моя, и всех ребят, благословляю вас от сердца. Будьте здоровы. Бель — сёрам поклон. Как надобно сказать: бель серы, иль бель сери? Прощай.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в С. Петербург на Дворцовой Набережной в доме Баташева.

1094. П. А. Клейнмихель — Пушкину. 24 сентября 1835 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич

В 1833 году доставлены к Вам от г. Военного Министра вытребованные из Архива Инспекторского Департамента книги, в прилагаемой у сего ведомости означенные.

Полагая, что книги сии, в коих ныне встречается по Инспекторскому Департаменту надобность, более уже вам не нужны, я покорнейше прошу Вас, милостивый государь, возвратить оные.

С совершенным почтением имею честь быть
милостивого государя покорнейший слуга Клейнмихель.

№ 5413 „24“ сентября 1835.

Его высокоблагородию А. С. Пушкину.

[Приложение.]

Ведомость книгам, вытребованным из Архива Инспекторского Департамента Военного Министерства и отправленным от г. Военного Министра к Александру Сергеевичу Пушкину при записках от 25 февраля, 8 и 27 марта 1833 года.

число книг

Разные секретные бумаги и своеручные манифесты Пугачева, в двух книгах — 2.

Письма и донесения графа Суворова-Рымнического 1789, 1790 и 1791 годов, в одной книге — 1.

Донесения графа Суворова-Рымнического во время кампании 1794, 1799 и частью 1800 годов и книга за № 532, в коей заключаются реляции сего генерала двух последних годов — 1.

Рапорты генералов: Бибикова, князя Голицына и графа Суворова Рымнического 1774 года, в восьми книгах — 8.

[*Расписка в обратном получении книг :*]

Все показанные по сей ведомости книги принял

Секретарь А. Иванов

11 ноября 1835.

1095. Н. Н. Пушкиной. 25 сентября 1835 г. Тригорское.

Пишу тебе из Тригорского. Что это, женка? вот уж 25-ое, а я всё от тебя не имею ни строчки. Это меня сердит и беспокоит. Куда адресуешь ты свои письма? Пиши *Во Псков*, Ее высокоородию, Пр.[асковье] Ал.[ександровне] Осиповой для доставления А. С. П. известному сочинителю — вот и всё. Так вернее дойдут до меня твои письма, без которых я совершенно одурею. Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? Что дом наш, и как ты им управляешь? Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки; а всё потому что не спокоен. В Михайловском нашел я всё по старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей, и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая, сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; всё кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым, русским языком. Наприм.[ер] вчера мне встретила знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменилась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был. Всё это не беда; одна беда: не замечай ты мой друг, того что я слишком замечаю. Что ты делаешь, моя красавица, в моем отсутствии? Расскажи, что тебя занимает, куда ты едешь, какие есть новые сплетни, etc. Карамзина и Мещерские, слышал я, приехали. Не забудь сказать им сердечный поклон. В Тригорском стало просторнее, Евпраксея Ник.[олаевна] и Ал.[ександра] Ив.[ановна] замужем, но Пр.[асковья] Ал.[ександровна] всё та же и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пешком и верхом, читаю романы В.[альтер] Скотта, от которых в восхищении, да охаю о тебе. Прощай, цалую тебя крепко, благословляю тебя и ребят. Что Коко и Азя? замужем или еще нет? Скажи, чтоб без моего благословения не шли. Прощай, мой ангел.

1096. Н. Н. Пушкиной. 29 сентября 1835 г. Михайловское.

Душа моя, вчера получил я от тебя два письма; они очень меня огорчили. Чем больна Кат.[ерина] Ив.[ановна]? ты пишешь *ужасно больна*. Следственно есть опасность? с нетерпением ожидаю твой *bulletin*. Всё это происходит от нечеловеческого образа ее жизни. Видать ли, чтоб гр.[афиня] Полье вышла наконец за своего принца? Канкрин шутит — а мне не до шуток. Г.[осударь] обещал мне Газету, а там запретил; заставляет меня жить в П.[етер] Б.[урге], а не дает мне способов жить моими трудами. Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошки деньги трудовые, и не вижу ничего в будущем. Отец мотает имение без удовольствия, как без расчета; твои теряют свое, от глупости и беспечности покойника Аф.[анасия] Ник.[олаевича]. Что из этого будет? Господь ведает. Пожар твой произошел вероятно от оплошности твоих фрейлен, которым без меня житье! слава Богу, что дело ограничилось занавесками. Ты мне переслала записку от M-d Kern; дура вздумала переводить Занда, и просит, чтоб я сосводничал ее со Смирдиным. Чорт побери их обоих! Я поручил Ан.[не] Ник[олаевн]е отвечать ей за меня, что если перевод ее будет так же верен, как она сама верный список с г-жи Занд, то успех ее несомнителен, а что со Смирдиным дела я никакого не имею. — Что Плетнев? думает ли он о нашем общем деле? вероятно, нет. Я провожу время очень однообразно. Утром дела не делаю, а так из пустого в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу. А ни стихов, ни прозы писать и не думаю. Скажи Сашке, что у меня здесь белые сливы, не чета тем, которые он у тебя крадет, и что я прошу его их со мною покушать. Что Машка? какова дружба ее с маленькой Музика? и каковы ее победы? Пиши мне также новости политические. Я здесь газет не читаю — в Англ.[ийский] Клоб не езжу и Хитрову не вижу. Не знаю, что делается на белом свете. Когда будут цари? и не слышно ли чего про войну и т. под.? Благословляю Вас — будьте здоровы. Цалую тебя. Как твой адрес глуп, так это объединение! В Псковскую губернию в село Михайловское. Ах ты, моя голубушка! а в какой уезд, и не сказано. Да и Михайловских сел, чаю не одно; а хоть и одно, так кто ж его знает. Экая ветреница! Ты видишь что я всё ворчу: да что делать? не чему радоваться. Пиши мне про тетку — и про мать. Благодарю ваших сестер, как пишет Нат.[алья] Ив.[ановна], хоть право не за что.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной в С. Петербург у Прачечного мосту на Неве в доме Баташева.

1097. Н. А. Дурова — Пушкину. 30 сентября 1835 г. Елабуга.

Не знаю, что мне делать, милостивый государь Александр Сергеевич! Еще в апреле послана была рукопись моя, в трех тетрадах, к *Мамышеву*, в *Гатчино*. Первые две он получил, но последняя пропала. Я в праве так думать, потому что шестой месяц, как Мамышев ничего не отвечает мне. При этой последней тетради был и портрет мой, писанный с меня в шестнадцатилетнем возрасте моем и, разумеется, в том виде, в каком мне надобно было быть тогда. Я пишу Мамышеву, что б он отослал к вам мои записки; но если вы не получили еще их, прошу меня уведомить: я тотчас пришлю вам подлинник их. Примерное несчастье было бы, если бы и он пропал.

Адрес прошу делать на собственное мое имя: *Александрову в Елабуге.*

Искренно почитающий вас Александр Александров.

30-го сентября 1835-го года.

1098. Н. Н. Пушкиной. 2 октября 1835 г. Михайловское.

2 окт.

Милая моя женка, есть у нас здесь кобылка, которая ходит и в упряже и под верхом. Всем хороша, но чуть пугнет ее что на дороге, как она закусит поводья, да и несет верст десять по кочкам да оврагам — и тут уж ничем ее не проймешь, пока не устанет сама.

Получил я, ангел кротости и красоты! письмо твое, где изволишь ты, закусив поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у мадам Катрин. Надеюсь, что теперь ты устала и присмирела. Жду от тебя писем порядочных, где бы я слышал тебя и твой голос — а не брань, мною вовсе не заслуженую, ибо я веду себя как красная девица. Со вчерашнего дня начал я писать (чтобы не сглазить только). Погода у нас портится, кажется осень наступает не на шутку. Авось распишусь. Из сердитого письма твоего заключаю, что К.[атерине] И.[ванов] не лучше; ты бы так бодро не бранилась, если б она была не на шутку больна. Всё-таки напиши мне обо всем, и обстоятельно. Что ты про Машу ничего не пишешь? ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а всё люблю ее затеи. Я смотрю в окошко и думаю: не худо бы, если вдруг въехала на двор карета — а в карете сидела бы Нат.[алья] Ник.[олаевна]! да нет, мой друг. Сиди себе в П.[етер] Б.[урге], а я постараюсь уж поторопиться, и приехать к тебе прежде срока. Что Плетнев? что Карамзины, Мещерские? etc. — пиши мне обо всем. Цалую тебя и благословляю ребят. —

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной в С. Петербург у Прачечного мосту на Неве в доме Баташева.

1099. Д. И. Языков — Пушкину. 4 октября 1805 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

В бывшее 21 сентября сего года собрание Императорской Российской Академии происходил, по предложению г. президента, выбор в действительные члены:

Статского советника Василия Матвеевича Перевозчикова и Статского же советника Василия Григорьевича Анастасевича .

Уставом Академии положено, глава VIII, § 5: „Никто не может иначе быть избран в члены Академии, как двумя третями полного числа членов, против одной трети неизбирающих“. § 9: „Когда назначится заседание, в котором будет происходить выбор в члены Академии, тогда все присутствующие в городе члены о том извещаются“. § 10: „Поелику в заседаниях Академических никогда не бывает полного числа членов, того ради при избирании поступать следующим образом: 1) По открытии заседания, наличное число членов, установленным порядком кладут шары, которые, по окончании действия, президент вынимает и записывает сколько избирательных и сколько неизбирательных. 2) На другой или третий день, непременно секретарь пишет ко всем отсутствующим, или неприсутствовавшим членам письма, извещая их о происходившем выборе, и прося, чтобы каждый из них прислал свой голос. 3) Отсутствующий или неприсутствовавший член отвечает только, что он голос свой посылает в письме своем, но прилагает оный в особой запечатанной записке. 5) Время для получения отзывов полагается три месяца, считая от первого заседания. 6) Если в течение сего времени кто из членов не пришлет голоса своего, то уже по прошествии срока, оный не приемлется; недостающие же в день избрания голоса, как от неполного числа членов, так и от неприсылки отзывов оставшиеся президент кладет сам, или раздает их присутствующим членам“.

В сказанном собрании 21 сентября присутствовали только 18 действительных членов, включая в то число и г. президента, а по тому собрание на основании вышеприведенного § 10 главы VIII Устава, поручило мне, как непременно секретарю Академии, известя Вас, милостивый государь о происходившем выборе, покорнейше просить о доставлении ко мне вашего голоса, избирательного или неизбирательного, для представления оною Академии.

Исполнив сим возложенное на меня Академиею поручение, имею честь быть с совершенным почтением Вашим ,

Милостивый государь, покорнейшим слугою Д. Языков

С. Петербург. 4 октября 1835.

Его благородию А. С. Пушкину

1100. Н. В. Гоголь — Пушкину. 7 октября 1835 г. Петербург.

Октября 7. 1835. Спб.

Решаюсь писать к вам сам; просил прежде Наталью Николаевну, но до сих пор не получил известия. Пришлите, прошу вас убедительно, если вы взяли с собою, мою комедию, которой в вашем кабинете не находится и которую я принес вам для замечаний. Я сижу без денег и решительно без всяких средств, мне нужно давать ее актерам на разыграние, что обыкновенно делается, по крайней мере, за два месяца прежде. Сделайте милость, пришлите скорее и сделайте наскоро хотя сколько-нибудь главных замечаний. — Начал писать Мертвых душ. Сюжет растянулся на предлинный роман и кажется будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь.

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русской чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Еслиж сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельства[ми]. Я, кроме моего скверного жалованья университетского 600 с[е]р[ебряных][?] рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь будет смешнее чорта. Ради Бога. Ум и желудок мой оба голодают. И пришлите Женитьбу. Обнимаю вас и целую и желаю обнять скорее лично.

Ваш Гоголь.

Мои ни Арабески, ни Миргород не идут совершенно. Чорт их знает, что это значит. Книгопродавцы такой народ, которых без всякой совести можно повесить на первом дереве.

1101. К. А. Бух — Пушкину. 9 октября 1835 г. Оренбург.

Милостивый государь.

После прочтения Вашего прекрасного труда [„История Пугачевского бунта“] мои занятия, до того очень смутные и беспорядочные, приняли совершенно определенное направление, и мое влечение к истории проявилось окончательно; эпоха, вами избранная и разработанная с таким замечательным мастерством, заинтересовала меня столь живо, что я взялся за ее изучение; и Архив комиссии пограничных споров, как ее назвал А. Гумбольдт, дал мне первые материалы: я начал делать выписки из всего, что мне показалось любопытным в этом архиве, и после 8 месяцев усидчивой работы над 12-ю толстыми фолиантами я в конце концов получил эскиз их содержания, обнимающий историю Пугачева от его бегства из-под Казани до сражения под Татищевой; выписки эти, смею сказать, интересны тем, что представляют все особенности этой эпохи, столь странной и кровавой! Закончив Пугачева, я возымел желание возобновить свои труды и изучил еще 5 фолиантов, писанных очень неразборчивым почерком и содержащих бегство калмыков.

Указы Пугачева, множество простодушных рассказов („показаний“), отлично рисующих нравы того времени и страны, переписка русского правительства с Китаем — всё это заставляя меня настолько ценить мои труды, чтобы думать, что они не лишены всякого интереса для Вас и что, предлагая их вам, я заслужу Вашу признательность и некоторое уважение, чем и буду гордиться. Однако печальные обстоятельства вынуждают меня соединить с этим предложением денежный интерес; мне недостает 500 руб.: выручите меня из беды, если имеете к тому возможность, и, удвоив свои усилия, я постараюсь доказать Вам мою благодарность.

Итак, остаюсь в приятном ожидании скорого ответа и с глубочайшим почтением и величайшим уважением пребываю навсегда, милостивый государь, Ваш преданнейший слуга

Константин Бух.

9 октября 1835. Оренбург.

Мой адрес [...], Константину Андреевичу Буху. Инженер-прапорщику в Оренбурге.

1102. П. А. Плетневу. Около (не позднее) 11 октября 1835 г. Михайловское.

Очень обрадовался я, получив от тебя письмо (дельное по твоему обычаю). Постараюсь отвечать по пунктам и обстоятельно: ты получил Путешествие от цензуры; но что решил комитет на мое всеуниженное прошение? Ужели залягает меня осленок Никитенко, и забодает бык Дундук? Впрочем они от меня так легко не отделаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, в ней альманах далеко может уехать; но мое мнение: даром Коляски не брать; а установить ей цену; Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовем его Арион или Орион; я люблю имена, не имеющие смысла; шуточкам привязаться не к чему. Лангера заставь также нарисовать виньетку без смысла. Были бы цветочки, да лиры, да чаши, да плющ, как на квартире Алекс.[андра] Ив.[ановича] в комедии Гоголя. Это будет очень натурально. В ноябре я бы рад явиться к Вам; тем более, что такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен. Ты дурно делаешь, что становишься нерешителен. Я всегда находил, что всё тобою придуманное мне удавалось. Начнем альманах с Путешествия, присылай мне корректуру, а я перешлю тебе стихов. Кто будет наш цензор? Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; но нельзя ль (разумеется из-за угла и тихонько, на пример в М.[осковском] Набл.[юдателя]) объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего омонима? Это бы, право, было не худо.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Петру Александровичу Плетневу В С. Петербург у Обухова мосту в доме 2-жи Сухоревой башни.

1103. Е. Ф. Канкрину. 23 октября 1835 г. Петербург.

Милостивый государь, граф Егор Францович,

Возвратясь из деревни, узнал я, что Ваше сиятельство изволили извещать меня о высочайшем соизволении государя на покорнейшую просьбу, Вам принесенную мною. Приношу Вашему сиятельству искреннюю, глубокую мою благодарность за снисходительное внимание, коим удостоили Вы меня посреди Ваших трудов, и за благосклонное ходатайство, коему обязан я успехом моего дела.

*С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть милостивый государь Вашего сиятельства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.
23 окт С. Петербург*

1104. А. Х. Бенкендорфу. Около (не ранее) 23 октября 1835 г. Петербург. (Черновое)

Обращаюсь к В.[ашему] с.[иятельству] с жалобой и покорнейшею просьбою.

По случаю затруднения цензуры [в пропуске] издания одного из моих стихотворений принужден я был во время Ваш.[его] отсут.[ствия] обратиться в Ценсурн.[ый] комитет с просьбой о разрешении встретив.[шегося] недоразумения. Но Комитет не удостоил просьбу мою ответом. Не знаю, чем мог я заслу[жить] таковое небрежение — но ни один из русск.[их] писателей не притеснен более моего.

[— Сочинения мои, одобренные государем, остановлены при их появлении] — печатаются с своевольными поправками цензора, жалобы мои оставлены без внимания. Я не смею печатать мои сочинения — ибо не смею ⁶¹

1105. П. А. Осиповой. Около (не позднее) 26 октября 1835 г. Петербург.

Вот я, сударыня, и прибыл в Петербург. Представьте себе, что молчание моей жены объяснялось тем, что ей взбрело на ум адресовать письма в Опочку. Бог знает, откуда она это взяла. Во всяком случае умоляю вас послать туда кого-нибудь из наших людей сказать почтмейстеру, что меня нет больше в деревне и чтобы он переслал всё у него находящееся обратно в Петербург.

⁶¹ Вторая половина листа оторвана.

Бедную мать мою я застал почти при смерти, она приехала из Павловска искать квартиру и вдруг почувствовала себя дурно у госпожи Княжниной, где остановилась. Раух и Спасский потеряли всякую надежду. В этом печальном положении я еще с огорчением вижу, что бедная моя Натали стала мишенью для ненависти света. Повсюду говорят: это ужасно, что она так наряжается, в то время как ее свекру и свекрови есть нечего, и ее свекровь умирает у чужих людей. Вы знаете, как обстоит дело. Нельзя конечно сказать, чтобы человек, имеющий 1200 крестьян, был нищим. Стало быть, у отца моего кое-что есть, а у меня нет ничего. Во всяком случае, Натали тут не при чем, и отвечать за нее должен я. Если бы мать моя решила поселиться у нас, Натали, разумеется, ее бы приняла. Но холодный дом, полный детворы и набитый гостями, едва ли годится для больной. Матери моей лучше у себя. Я застал ее уже перебравшейся. Отец мой в положении, всячески достойном жалости. Что до меня, я исхожу желчью и совершенно ошеломлен.

Поверьте мне, дорогая госпожа Осипова, хотя жизнь — и сладкая привычка, однако в ней есть горечь, делающая ее в конце концов отвратительной, а свет — мерзкая куча грязи. Тригорское мне милее. Кланяюсь вам от всего сердца.

Адрес: Ее высокородию м. г. Прасковьи Александровне Осиповой Во Псков — оттоле в село Тригорское.

1106. Н. Иванов — Пушкину. 2 ноября 1835 г. Петербург.

С. Петерб. 1835 Ноября 2.

Милостивейший государь Александр Сергеевич!

Простите великодушно молодому человеку, близкому к совершенной гибели и испрашивающему Вашей помощи, за беспокойство, которое он осмеливается Вам делать своею отчаянною просьбою, в надежде, что благородная душа Ваша тронется стонами несчастья и злополучия.

Незнание света, любовь к изящному, беспокойная душа, пылкие страсти довели пишущего к Вам сии строки до последней крайности. В многолюдном городе не имея ни одного человека, могущего бы подать ему помощь, он обращается к Вам. Непонимаемый людьми, коим сама природа со дня его рождения должна бы вдохнуть к нему нежнейшую любовь и горячность, презренный ими, так рано испытавший злость людскую, коварство и клевету, неподдерживаемый ни одною рукою во время хотя краткого, но печального поприща по земле, им пройденного, не имея ни одного сердца, которое бы билось для него и своим участием облегчило ему тяжесть жизни, — он ожесточил свое сердце, омрачил ум сомнениями, юность, драгоценный перл жизни, запятнал пороками, ожесточением и преступлениями — и пал, как ангел, отторгнутый толпою демонов от светлого неба, но унесший в мрачную бездну ада воспоминание о первобытной отчизне своей. — Он пал — и теперь, как путник, описанный в притче евангельской, лежит среди дороги мира с растерзанным от страстей сердцем, измученный, погибающий: напрасно он взывает к мимоидущим — и Левит и Судия, Раввин и воин — и все проходящие хладнокровны, не отвечают на его болезненные вопли, скорбные стоны; иным как будто отрадно, весело утешаться страданиями собрата; прежде столь сильною жизнью, гордого, пылкого; другим — стыдно дать руку помощи несчастному, потому, что они замазывают ее в грязной луже, где повержен он; третьи нарочно глубже и глубже в оную его втаптывают... Ах, кто же тот самарянин или мытарь, — который на язвы его возлиет елей утешения и растерзанное сердце исцелит слезами соболезнования.

Несчастный образ воспитания, воспитания деспотического — развил и придал ему страсти, — коих, при другом случае, он, может быть, не узнал бы. Воспитатели, впрочем люди добрые и честные, так ревностно старались потушить в сердце его божественную искру поэзии, приближающую человека к божеству, и на беду несчастливца — утушили, *но не совсем*. Эта ползатугушенная искра превратилась в пламень — ах! не освещающий, не согревающий душу его, но сожигающий ее. Пылкий, неопытный, он всеми силами старался, чтоб для него были

Жизнь и Поэзия одно...

Но он гнался за призраком, за тенью предмета, не на земле находящегося. В гордости он хотел стать выше других и отдельно; как Икар, забыв свою природу, хотел вознестись к небу — и пал, пал. Перессорившись с жизнью, с людьми, с самим собою, стесненный земными нуждами, с телом, истомленным адскою болезнью, мир Божий претворившею ему в ад, которая, как червь, по капле в день сосет кровь из его сердца, — он теперь находится в ужасном состоянии человека, который стремился на высоту горы, чтоб ближе встать к светлому, ясному, безмятежному небу, и вдруг увидел под ногами пропасть и в пропасти чудовищ, готовых пожрать дерзновенного. — Еще шаг, еще минута — и он низринется в нее, и чудовища растерзают его. — Как Прометей мифологический, хищник небесного огня, — прикован он цепями нужды к ужасной скале нищеты, а коршуны — страсти неумолимо терзают его сердце: его вопли теряются в воздухе!..

О ты, Собрат мой по скорбной, печальной жизни, — внемли мне, умоляю Тебя, если только жестокосердие, неблагодарность и злость людей не оледенили Твоего сердца; внемли для жалости — мне 20-ть лет, но я не знал, что такое радость, счастье, и жизнь моя до сей поры была не иное что, как продолжительное мучение. — Не зная лично Тебя, я разгадал Твою душу, я проник ее — Я познал Тебя — и печальные, унылые строфы Твоих поэм были друзьями, утешителями моего увядшего сердца. — Ко многим я обращался, ко многим, коих почитал достойными видеть свои слезы, — но они отвергли меня или с хладнокровием говорили мне: *терпение!*.. Теперь обращаюсь к Тебе, и надежда, единственный остаток от моей мгновенной юности, шепчет мне, что Ты не без сострадания услышишь голос собрата Твоего ужасно обманутого мечтами и жизнью...

Твоя молодость — прости меня за многословие! может быть протекла среди шума пиров и звона чаш; Твое отрочество наверное подарило Тебя воспоминаниями невинности, спокойствия — я, — ах! не знал дней младенчества души и спокойствия, и половина юности моей протекла в тяжелом заключении, врознь от общества и людей, подарила меня угрюмостью и мрачными мечтами; — после я сорвался с цепей своих как тигр и, стремясь в родную дебрь, погряз в тине смрадного болота; Твое мужество украшала, может быть, любовь, хотя и безнадежная; дружба вела Тебя за руку и, прижимая к сердцу, целила Твои язвы: в любви и дружбе я вижу то фантастические призраки Пери, то нагие, отвратительные скелеты; сам Ты сказал, что поэзия Тебя нигде не оставляла, ни среди пиршеств, ни в пустыне, ни среди многолюдного города: исполнилось Твое назначение — Ты [и] пел — и жадно внимали Тебе; Ты утешал сердца, Ты проникал в них — и я не чужд был этих мечтаний, коварных обольстителей моего сердца, друзей на минуту. — Были минуты, когда кровь моя пылала, в кои мрак отдаленных веков ясны пред моими умственными взорами, и предо мною являлись два призрака древности во всем своем гигантском величии — минута, другая — и после вещественность снова, еще жесточее обхватывала меня, как змей, забавляющийся своею добычею: то разовьет он свои кольца, и добыча его, вздыхая свободно, мыслит о побеге и свободе, — то снова стискивает он ее в своих губительных объятиях.

Ты может быть, о мой Собрат! начнешь презирать меня, за нижеследующие строки, но не могу удержаться, чтоб не воскликнуть: пагубный, губительный дар фантазии — зачем достался ты мне в удел; зачем мои потребности не ограничиваются желаниями удовлетворения грубой природе! — Отрицаюсь от тебя, дар губительный!.. Без тебя я не был бы преступником своих обязанностей; лишенный тебя, не взирал бы я на небо глазами Манфреда, стоящего на скале и готового низринуться в пропасть; не имея тебя, я не томился бы желанием Фауста — *(о суетный, безумный изыскатель!)* — приподнять завесу, разделяющую наш вещественный мир от мира духовного; в двадцать лет не мыслил бы, с ужасом, что может бы[ть] мне придется много, много жить на белом свете; не стонал бы на ложе своем, во время всеобщего спокойствия, как заживопогребенный в тесном гробе!.....

Повсюду страсти роковые —

И от Судеб защиты нет!..

Как часто, в ожесточении сердца, я хотел убить жар сердца и души подобно мужам древности,

Диогенам, Драконам, Регулам, Брутам, Катонам... Я торжествовал, мысленно почитая себя сходным с ними; находил в себе ту же твердость, то же презрение к жизни — и нечаянно открывалась под ногами моими западня искушения, и я лежал за мгновенное спокойствие, и отдых[ал] долго, долго в объятиях порока, иногда самого гнуснейшего — о милосердый творче! Существо всех существ, умилосердись надо мною! Ущедри создание твое, владыко!..

Еслиб я жил не в этом болотном, гранитном Петербурге, где повсюду гранит: от памятников и тротуаров до сердец жителей — я готов был бы бежать в дремучие дебри: там, днем прятался бы я от насмешливого, укорительного дневного света, а ночью, при выходе тихих звезд, жителей безмятежного эфира, подобно дикому зверю, наполнял бы поляны и рощи рыканием и стонами, проклиная самого себя, терзал бы свою грудь и рвал волосы...

Утомленный тяжестию горестных воспоминаний, подавленный ими, я не в состоянии более продолжать рассказа о печальной моей жизни, утешая себя надеждою, что не смех воспоследует за прочтением моего письма. Наверное сердце Ваше тронется и пред умственными взорами Вашими воскреснет память о собственных Ваших страданиях и печалях. — Помогите мне, если можете. — Река течет среди селений, а иногда и капля воды в состоянии возвратить жизнь путнику, погибающему среди жгучих песков пустыни. — Скрепив сердце — я испрашиваю у Вас денежного пособия, не превышающего 550 рублей, с тем условием, что ежели Вы по благородству души Вашей дадите мне оное, — не будите отказываться принять оное обратно, когда труд и старание позволят мне возвратить Вам вышеупомянутую сумму. Также умоляю Вас доставить, ежели можете, случай поправить свое положение на службе обществу.

В сих случаях прошу адресовать в С.-Петербург, в 3-ю роту Измайловского полка № 12-й в дом г. Сурина, что против лавочки, на имя Никанора Иванова, живущего в дворе, во флигеле вышеупомянутого дома. —

Если ж — письмо это, длинное письмо! — отвлекши Вас, может быть, от важного труда, оскорбляет Вас, — то простите нижеподписавшемуся за безрассудные просьбы и утомление многоречием ради бога и человечества!

Милостивейший государь Александр Сергеевич!

Покорнейший слуга Ваш Никанор Иванов.

NB. Не зная, где именно живете Вы, я адресовал письмо это [на имя] к книгопродавцу А. Ф. Смирдину, полагая, что ему без сомнения известно место Вашего жительства, и просил его переслать к Вам. — Может быть, он будет столько добр, что отделит от дня четверть часа и не пожалеет 60 коп. для отсылки письма на почту. —

О, не медлите, умоляю Вас!.. Будьте подобием ангела-спасителя для человека, отринутого всеми, униженного судьбою и близкого уже не к гибели тела, а к совершенной гибели души. — По крайней мере удостойте обратившегося к Вам несчастливца несколькими строчками: и его сердцу будет легче, сердцу, на коем со дня младенчества тяготеет свинцовая лапа судьбы. — Дополните Вы сами то, что я не сказал здесь; перо не в состоянии выразить чувств души — но еслиб могло, то клянусь, самый бесчувственный из людей, слушая повесть моих злоключений, по малой мере на полтора дня лишился бы аппетита. — Ужасный жребий Жильберта или Чаттертона угрожает мне — а знаете, хоть как не умствуй, а собственное сердце трепещет, замирает и говорит: *а вечность?* — Небо отвергло меня, хотя и распростирался пред ним в смирении и прахе: люди, коих я прижимал к сердцу, сжимая меня в объятиях, вонзали мне кинжал: говорят, что безумие — несчастье; ошибаются — это благо... я бы желал помешаться или клянусь, за счастье почел бы, еслиб мог родиться грубым, беззаботным, но спокойным поселянином, или выбрать жребий дикого, воинственного сына степей и гор. —

1107. И. И. Лажечникову. 3 ноября 1835 г. Петербург.

Милостивый государь, Иван Иванович!

Во-первых, должен я просить у вас прощения за медленность и неисправность свою. Портрет

Пугачева получил месяц тому назад, и возвратясь из деревни узнал я, что до сих пор экземпляр его Истории вам не доставлен. Возвращаю вам рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить вас теперь за прекрасные романы, которые все мы прочли с такою жадностью и с таким наслаждением. Может быть, в художественном отношении, Ледяной Дом и выше Последнего Новика, но истина историческая в нем не соблюдена, и это со временем, когда дело Волынского будет обнародовано, конечно, повредит вашему созданию; но поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык. За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лице мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя. О Бироне можно бы также потолковать. Он имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа. Впрочем он имел великий ум и великие таланты.

Позвольте сделать вам филологический вопрос, коего разрешение для меня важно: в каком смысле упомянули вы слово *хобот* в последнем вашем творении и по какому наречию?

Препоручая себя вашей благосклонности, честь имею быть с глубочайшим почтением,
милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою Александр Пушкин.
3 ноября 1835 г. С. Петербург.

1108. А. А. Фукс — Пушкину. 15 ноября 1835 г. Казань.

Милостивый го[сударь]
Александр [Сергеевич]
От 15 август[а ...]
[по]лучить письмо[...]
которым вы ме[ня ...]
Истории Пугачевс[кого бунта ...]
книг не получа[ла ...]
[...]
книги отпр [...]
[бла]годарною. С ис[тинным почтением ...]
честь имею [быть вам ...]
[Милостивый государь]
Н[авсегда покорнейшая] [Александра Фукс]
1835-го года Ноября 15 Казань.

1109. П. А. Клейнмихелю. 19 ноября 1835 г. Петербург.

Милостивый государь Петр Андреевич,

Возвратясь из путешествия, нашел я предписание Вашего высокопревосходительства, коему и поспешил повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сиятельства графа Чернышева, возвращены мною в Военное министерство.

Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою: в Главном Штабе находится одна, мне еще неизвестная книга, содержащая последние письма и донесения генерала Бибикова (1774 года). Мне было бы необходимо справиться с сими документами; осмеливаюсь просить на то соизволения Вашего высокопревосходительства.

С глубочайшим почтением честь имею быть, милостивый государь,
Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.
19 ноября 1835.

1110. И. И. Лажечников — Пушкину. 22 ноября 1835 г. Тверь.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Считаю за честь поднять перчатку, брошенную таким славным, как Вы, литературным подвижником.

В письме своем от 3-го ноября Вы упрекаете меня в несоблюдении исторической верности и говорите, что со временем, когда дело Волынского будет обнародовано, это повредит моему Л.[ебяному] Лому. Дело Волынского?... В нынешнее время скептицизма и строгих исторических исследований примут ли это дело безусловно, как акт, на который можно положиться историку, потому только, что он лежал в Государственном архиве? Рассудок спросит сначала, кто были его составители. Поверят ли обвинениям и подписям лиц, из коих большая часть были враги осужденного и все клеветы временщика, люди, купленные надеждою почестей и других выгод, страхом Сибири и казни, люди слабые, завистники и ненавистники? Все были адвокаты ужасной власти: кто был адвокатом со стороны Волынского?.. Один Ушаков имел только смелость плакать, подписывая смертный приговор тому, которого в душе почитал невинным. На это есть также своего рода акты. Приказано было обвинить Волынского во что б ни стало (а приказывал тот, кого боялась сама императрица), и на бедного взвалили всякую чепуху, лишь бы поболее обвинительных пунктов было — между прочим такие преступления, за которые и в наше время не взыскали бы строго с людей сильных и знатных: на пример, что он был будто строг с своими людьми и поколотил Тредьяковского, которого только плохенький не бил. Где ж тут логический вывод справедливости акта, на который вы указываете? Скорей поверю я Манштейну, который, как немец, взял бы сторону немца Бирона. Еще скорей поверю совести Анны Иоанновны, видевшей, после казни Волынского, за царскою трапезою на блюдах голову кабинет-министра. Зачем бы ей тревожиться, если б она убеждена была в вине его?.. Живые предания рассказали нам это лучше и вернее пристрастных актов, составленных по приказанию его врага. Прочтите ныне статью из Энцикл.[лопедического] Словаря об Анне И.[оанновне]. С чего-нибудь да взяли эти господа написать эту статейку, как она есть!

Пункт второй: Тредьяковский. Низких людей, подлецов, шутов, считаю обязанностью клеймить, где бы они ни попались мне. Что он был низок и подл, то доказывают приемы, деланные ему при дворе. Иван Василь[е]в.[ич] Ступишин, один из 14 возводителей Екатерины II на престол, умерший в 1820 году, будучи 90 лет, рассказывал (а словам его можно верить!), что „когда Тредьяковский с своими одами являлся во дворец, то он всегда по приказанию Бирона, из самых сеней, чрез все комнаты дворцовые, полз на коленях, держа обеими руками свои стихи на голове, и таким образом доползая до Бирона и императрицы, делал им земные поклоны. Бирон всегда дурачил его и надседался со смеху“. Делали ли это с рыбаком Ломоносовым? С пьяницей Костровым? А Тредьяковский был член Академии-де-Сиянс!.. Когда его при дворе почитали шутом и дураком, так не беда была вельможе тогдашнего времени поколотить его за то, что он не хотел писать дурацких стихов на дурацкую свадьбу. И стоило ли за это снести голову с кабинет-министра — с государственного человека, который, быв губернатором в Астрахани, оживил весь край (прочтите дела тамошней Канцелярии); который, по назначению Петра Великого, ездил послом в Персию и исполнил свои обязанности, как желал царственный гений: который в Немирове вел с турками переговоры, полезные для России, — своим ободрением побудил Татищева писать Русскую историю (прочтите вступление к ней) и, наконец, чего в числе великих заслуг его отечеству забыть не должно, вступил в борьбу с могучим временщиком, которого жестокости превзошел только в нашей истории Иоанн IV (если взять в сравнение время). Этих заслуг не отнимет никакой акт, нам еще неизвестный. — Анекдоты о Тредьяковском, помещенные в моем романе, все рассказаны мне людьми почтенными, достойными вероятия. Я почел также за грех утаить предание о том, как он имел подлость и жестокость наступить на мертвую голову Волынского. Какие подвиги школьника Тредьяковского велят замолчать этому животрепещущему преданию?.. Не те ли, что он перевел в подлую прозу и стихи Роллена, Фенелона

и Абульгази? Как оценены его переводы и стихи собственной работы современниками, умевшими уже сочувствовать красноречивому витийству Феофана, сатире Кантемира и лиризму Ломоносова? Осел, который не по силам вез куль лучшей крупчатой муки и свалил его в помойную яму, все-таки будет ослом. Может статься, и поколотят его: бедный мученик осел!..

В моем романе я заставил Тредьяковского говорить и действовать, как педанта и подлеца: в этом случае я не погрешил ни как историк, ни как художник, не смотря на осуждения г. Сеньковского, который по своей системе хождения вверх ногами, хочет, вопреки здравому рассудку, заставить педанта говорить, как порядочного человека. Тогда бы мне надобно было сказать в выносках: „уверяю вас, гг. и госпожи, что это говорит не порядочный человек, а педант: в доказательство зри вступление к Телемахиде, зри Путешествие на остров любви и проч. и проч.“ В разговорах-де он не таков был, утверждает г. Сеньковский. Да кто ж слышал его разговоры? Ба, ба, ба! А донесение Академии!.. Раз удалось ему написать простенько, не надуваясь, и все огромные памятники его педантизма должны уступить этому единственному клочку бумаги, по человечески написанному. Странно и больно! За подлого писачку, признанного таким уже целый век, игравшего роль шута при временщике, за писачку, которого заслуги литературные надобно отыскивать в кучах сору, готовы поднять меня на копыя и закидать грязью память одного из умнейших сподвижников Петра Великого и патриота, нашу гордость народную. Что за мания ныне делать черное белым и наоборот?..

Кстати пункт третий: сам Бирон. О! Никакое перо, даже творца Онегина и Бориса Годунова, не в состоянии снять с него позорное клеймо, которое История и ненависть народная, передаваемая от поколения поколению, на нем выжгли. Он имел несчастье быть немцем, говорите вы. Да разве Миних не был немец? Однакож войско его любило. Разве Анна Леопольдовна не была немка? Не оставила ж она по себе худой памяти в народе. Разве воспитанница пастора Глика, шведка, и потом ее соимяница, принцесса Цербстская, не заставила русских забыть свое немецкое происхождение? Не сумел же этого сделать правитель. Если можно простить злодеяния за ум и таланты, я готов бы извинить за них злодеяния Ришелье. Но какой ум и какие таланты правителя народного имел Бирон? То и другое должно доказываться делами. Что ж славного и полезного для России сделал временщик? Разве то, что десятками тысяч русских населил дремучие леса Литвы? (В походах наших видели мы живые акты этого народного переселения.) Разве то, что он подвинул назад границы наши с Китаем, до него зарубленные по Амур? Что отдал персам завоевания Петра?.. Быть может, какой-нибудь лихой наездник-историк велит нам снять шапку пред его памятью за то, что он, ничтожный выходец, умел согнуть Петрову Россию в бараний рог и душил нас, как овец? Или, может статься, велят нам увидеть его ум и великие таланты в мастерской его езде верхом на разные манеры или в том, что он имел дерзость сесть не в свои сани?.. Других памятников своего искусства *править* он нам не оставил. По крайней мере, мы доселе не подозревали в нем ни великого ума, ни великих дарований: разве не откроет ли нам их какой-нибудь архивный акт, отысканный вместе с обвинительным актом Волынского! Нет, не поверю я этому: историческое лице Бирона останется навсегда в том виде, в каком сохранилось оно для нас. Может быть, искусная рука подмоет его немного, но никогда не счистит запекшейся на нем крови Волынского, Еропкина, Хрущева, графа Мусина-Пушкина и других и не задушит вопиющего против него голоса нескольких тысяч безвестных мучеников.*

Не соглашусь также с Вами и в том, чтобы ужасы Бироновского тиранского управления были в духе того времени и в нраве народа. Приняв это положение, надобно будет все злодеяния правителей отнести к потребностям народным и времени. Признаю кнут справедливым и необходимым для нашего, русского народа за преступления его; но не понимаю, почему бы он требовал за неплатеж недоимок окачивания на морозе холодной водой и впускания под ногти гвоздей. Впрочем народ наш до Бирона и после Бирона был всё тот же; думаю, что он не изменился и ныне, или очень мало изменился к лучшему. Долго еще будет ходить за современную практическую истину пословица: гром не грянет, русский не перекрестится. Решительно скажу что чувства нравственного (и даже религиозного), как у немецкого крестьянина нашего времени, и теперь не существует в нашем народе

и до тех пор не будет, пока не подумают о Воспитании его те, которые должны об этом думать.** (Но об этом когда-нибудь после, и печатно, если удастся!..) И за что ж дух этого русского народа требовал ужасных Бироновских пыток? Бунтовал ли он против своей царицы или поставленных от нее властей? Нарушал ли он общественное спокойствие? — Ничего этого не было. Денег, золота требовал Бирон у этого бедного, тогда голодного народа, требовал у него бриллиантов для своей жены, роскошной жизни для себя — и народ, не в состоянии дать ни того, ни другого, должен был выдерживать всякого рода муки, как народы Колумбии, когда они отдали мучителям всё свое золото и не могли ничего более дать. Почему дух времени и нравы народа не требовали Бироновских казней при Екатерине I, Петре II, Анне Леопольдовне, Елизавете, Екат.[ерине] II и ее преемниках? Народ, как мы сказали, все тот же.

Теперь объясню Вам, почему я употребил слово *хобот* в Л.[едяном] Д.[оме] и, кажется, еще в Послед.[нем] Новике. Всякой лихой сказочник, вместо того, чтобы сказать: таким-то образом, таким-то путем, пощеголяет выражением: *таким-то хоботом*. Я слышал это бывало от моего старого дядьки, слышал потом не раз в народе Московском, следственно по наречию Великороссийскому.

Извините наконец, что на Ваше письмо отвечал целою скучною тетрадью: я хотел защитить себя от несправедливых упреков и, между тем, защитить память русского патриота. Я молчал бы, [ес]ли бы писал мне г. Сеньковский: уважаю в нем ориенталиста, ученого; но ставлю ни во что критики того, кто видит превосходного творца и художника в превосходительном строителе Постоялого двора. В этом случае и подобных или он обманут своею головою, или обманывает других из видов. Учиться же у него буду изящности слога тогда, когда он в своем разговорном языке, вместе с *сею* и *оною*, изгонит слово: *долженствовало* и много подобных, которыми он, вероятно, совершает тризну по г-не Профессоре элоквенции времен Бироновских. Но ваши упреки задели меня за живое. Ответом моим хотел я доказать, что историческую верность главных лиц моего романа старался я сохранить, сколько позволяло мне поэтическое создание, ибо в историческом романе истина всегда должна уступить поэзии, если та мешаает этой. Это аксиома. Вините также славу Вашу за эту длинную тетрадь. Ваши похвалы так вскружили мне голову, что я в восхищении от них заб[ыл] время и записался.

Искренностью моего письма хотел [я] также доказать то глубокое уважение, которое всегда питал к Вам и с которым имею честь быть,

милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою Иван Лажечников.

Тверь. 22 ноября 1835.

* Это не возгласы одни, а извлечения из актов.

** Говорю это единственно из любви к моему отечеству и преданности моим царям.

1111. А. Я. Вильсон — Пушкину. 18 декабря 1835 г. Александрово.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Вместе с сим получить изволите Записки капитана Брюса, в которых найдете много любопытства достойного; но как они составлены с памяти, хотя самовидцем описанных сочинителем обстоятельств, может быть в числах и подробностях при проверке с другими документами окажутся погрешности. — Впрочем, кажется, что Брюс был человек добросовестный и с намерением не искажал происшествий.

Записки Доктора Куна при сем же получить изволите.

Он жил в России с 1736 по 1750 год и по своим понятиям описывает всё, что видел и что с ним приключилось. У него много пошлого и довольно сплетен, но служба его при князе Голицыне, поездка с посольством в Персию, анекдоты об ученом, умном, но бессовестном Татищеве, заслуживают некоторого замечания, кроме много других подробностей, относящихся до времени, о котором мало писали.

О флоте во время Петра Великого на иностранных языках мало найдется: но я спрошу знакомых, и буде у себя что-нибудь найду, за особое удовольствие сочту вам сообщить.

Адмиралтейский архив богат собственноручными повелениями великого Петра. Инженер-полковник Дириард, умерший в 1820 году, всё списал, что до построения Петербурга и Кронштата относилось. Думаю, что бумаги достались брату Дириарда, служившему при Главном Штабе полковником, который после был действительным статским советником — не знаю, жив ли он теперь, или уже скончался. Копии могли бы вас избавить труда рыться в архивных бумагах; а по крайней мере, облегчили бы отыскание подлинников.

Поручая себя благорасположению вашему, с совершенною преданностью честь имею быть
вашего высокородия покорнейший слуга. А. Вильсон.

Александрово 18 декабря 1835.

Его высокор[одию] А. С. Пушкину.

1112. П. А. Осиповой. 26 декабря 1835 г. Петербург.

Наконец, сударыня, я был утешен получением вашего письма от 27 ноября. Оно было около 4 недель в дороге. Мы не знали, что думать о вашем молчании. Не знаю, но полагаю, что вы в Пскове, и туда адресую это письмо. Матери моей лучше, но до выздоровления еще далеко. Она слаба, однакож болезнь утихла. Отец всячески достоин жалости. Жена моя благодарит вас за память и поручает себя вашей дружбе. [...] Желаю вам здоровья и хороших праздников; ничего не говорю о моей неизменной преданности.

Государь только что оказал свою милость большей части заговорщиков 1825 г., между прочим и моему бедному Кюхельбекеру. [...] Край прекрасный, но мне бы хотелось, чтобы он был поближе к нам; и, может быть, ему позволят поселиться в деревне его сестры, г-жи Глинки. Правительство всегда относилось к нему с кротостью и снисходительностью.

Как подумаю, что уже 10 лет протекло со времени этого несчастного возмущения, мне кажется, что всё я видел во сне. Сколько событий, сколько перемен во всем, начиная с моих собственных мнений, моего положения и проч., и проч. Право, только дружбу мою к вам и вашему семейству я нахожу в душе моей всё тою же, всегда полной и нераздельной.

26 дек.

Ваше заемное письмо готово, и я вышлю его вам в следующий раз.

Адрес: Ее высокородию милостивой государыне Прасковье Александровне Осиповой

1113. Неизвестному. 1833–1835 гг. Петербург (?). (Черновое)

Милостивый государь

Вл[адимир] [?]

1114. Неизвестный — Пушкину. 1 июля — 31 декабря 1835 г. Петербург.

Пришлите мне, прошу вас, три последних тома мемуаров лорда Байрона, о которых я очень беспокоюсь. Вот опыт моего знания греческого языка — я думаю, что ошибся и что нужно писать [...] вместо дательного. Тысячи приветов.

Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

1115. Неизвестному лицу. Около (не позднее) 31 декабря 1835 г.(?) Петербург.

Если всё кончено, дайте мне какой-нибудь знак

1116. А. Х. Бенкендорфу. 31 декабря 1835 г. Петербург.

Милостивый государь граф Александр Христофорович,

Имею счастье повергнуть на рассмотрение его величества записки Бригадира Моро де Бразе о походе 1711 года, с моими примечаниями и предисловием. Эти записки любопытны и дельны. Они

важный исторический документ, и едва ли не единственный (опричь Журнала самого Петра Великого.)

Осмеливаюсь беспокоить Ваше сиятельство покорнейшею просьбою. Я желал бы в следующем 1836 году издать 4 тома статей чисто литературных (как то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трехмесячных Обзрений. Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой Обзрения доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды мною начатые. Это было бы для меня новым благодеянием государя.

Препоручая себя всегдашней вашей благосклонности, честь имею быть с глубочайшим почтением и совершенной преданностию

милостивый государь Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Пушкин.

31 дек. 1835 С. П. Б.

1117. И. И. Пеньковский — Пушкину. 31 декабря 1835 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Собранный оброк декабрьский в сельце Кистеневе части Вашей по распоряжению Вашему, сего месяца 22-го числа переслал в Варшаву к Николаю Ивановичу г-ну Павлицеву асыгнац: [иями] 900 рублей — От 3-го числа сего же м[еся]ца предписывал мне Сергей Львович, дабы поста[вил] на вид Николаю Ивановичу Ва[ш] долг Московскому опекунскому [Со]вету, о чем я и не замолчал в пи[с]ьме к Николаю Ивановичу предл[ожив] дабы из мартовского оброку [уплатить] следующий процент за 1835 год [Москов]скому Опекунскому Совету [...], что ожидаю его решения — Полагаю, что лучше будет еже[годно] плотить процент, удерживать ж[е] оный для Вас очень не выгодно е[ди]новременнo плотить за три года — снабдите меня, Александр Сергеев[ич], адресом, куда к Вам письма [адре]совать — В селе Болдине и Кистеневе все благополучно, о чем доношу [д]ля ведома Вашего с истинным высокопочтением и таковою же преданностию

Ваш милостивый государь всепокорнейший слуга И. Пеньковский

П Е Р Е П И С К А 1836

1118. Н. А. Дурова — Пушкину. 6 января 1836 г. Елабуга.

Милостивый государь! Александр Сергеевич!

Мамышев давно уже писал мне, что отослал рукопись мою к вам, итак позвольте мне узнать ваше мнение об ней и то, угодно ли вам взять ее? В случае естли она вам ненадобна, прошу вас покорно переслать ее ко мне обратно.

Преданный слуга ваш Александр Александров.

1119. П. А. Осипова — Пушкину. 18 января 1836 г. Тригорское.

18 января 1836.

Спасибо, мой дорогой друг, за письмо, которое я получила на этих днях, — но не могла вам ответить, ибо с 28 декабря я лежала в постели, не будучи в состоянии пошевелить ни ногой, ни рукой. Так как я по прежнему не глотаю никаких снадобий, выздоровление мое началось лишь 3 дня тому назад, и я спешу сказать вам, что ваше письмо от 26 декабря заставило меня испытать чувство теплой радости — сообщив мне добрую весть об облегчении участи несчастных ссыльных — но правда ли это? — не в Петербурге ли только этому верят? Я стала недоверчивой — видишь столько противоречий в том, что происходит перед нашими глазами, в том, о чем слышишь, — что не знаешь, что думать. Почему вы попрежнему причиняете себе беспокойства по поводу Надежды Осиповны? Ольга писала недавно, что ее здоровье восстанавливается, что она спит хорошо, ест с аппетитом, — чего же вы еще хотите в нашем возрасте? Вполне естественно, что она не может выздороветь так быстро, как это было возможно десять лет назад. — У Аннеты в одно время со мной была лихорадка, от которой она еще не совсем оправилась, и между тем она хочет ехать к вам в Петербург — сейчас она в Голубове. — А я уж остерегусь покинуть мою пустыню, где в конце концов я чувствую себя лучше, чем где бы то ни было, — если к тому же, память тех, кого я [так] люблю, время от времени меня там посещает. Оттенок меланхолии, которая царит в вашем письме, перешел и в мое сердце, и каждый раз, что я его перечитываю, чувство это возникает вновь, а между тем одному Богу известно, как я желаю, чтобы вы были счастливы и довольны. — Один знакомый пишет мне из Петербурга, что Наталья Николаевна продолжает быть первой красавицей среди красавиц на всех балах. Поздравляю ее с этим и желаю, чтобы можно было сказать о ней, что она самая счастливая среди счастливых. Прощайте искренно мною любимый Александр Сергеевич, моя нежная дружба к вам тоже выдержала испытание времени. П. О.

*Адрес: Его высокобла[го]родию] М.[илостивому] г.[осударю] Александру Сергеевичу Пушкину
В С.-Петербурге, близ Прачешного мосту в доме Баташева.*

1120. Н. А. Дуровой. 19 января 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Андреевич

По последнему письму Вашему от 6го янв.[аря] чрезвычайно меня встревожило. Рукописи вашей я не получил, и вот какую подозреваю на то причину. Уехав в деревню на 3 месяца, я пробыл в ней только 3 недели, и принужден был на скоро воротиться в П.[етер]Б.[ург]. Вероятно Ваша рукопись послана в Псков. Сделайте милость, не гневайтесь на меня. Сей час еду хлопотать; задержки постараюсь вознаградить.

Я было совсем отчаявался получить Записки, столь нетерпеливо мною ожидаемые. Слава Богу, что теперь попал на след.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть

Вашим усерднейшим и покорнейшим слугою А. Пушкин.

19 янв. 1836.

1121. М. А. Дондуков-Корсаков — Пушкину. 19 января 1836 г., Петербург

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Во исполнение сообщенного мне высочайшего разрешения на издание предполагаемого Вами журнала, еще до получения Вашего письма, я назначил цензором одного господина Крылова, к коemu уже можете Вы, милостивый государь, отсылать ныне все статьи, долженствующие быть напечатанными в предполагаемом Вами издании.

Уведомляя о сем Вас, милостивый государь, я не могу скрыть моего сожаления о неудовольствиях, причиненных Вам Санктпетербургским Цензурным Комитетом, неудовольствиях, мне еще и доселе неизвестных, и которые конечно я отклонил бы и по праву и по обязанности моей, как председатель того Комитета, если бы Вы почтили меня уведомлением о них в свое время.

Для избежания же на будущее время могущих произойти недоразумений, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, со всеми требованиями Вашими относительно Цензурного Комитета обращаться прямо ко мне; уверяю при том Вас, что я за особенное удовольствие почту отклонить все препятствия к исполнению таковых требований, если они будут сообразны с правилами, для Цензурных Комитетов изданными.

С отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Ваш
Милостивый государь, покорнейший слуга Князь Михаил Дондуков-Корсаков.
19 января 1836 года.

1122. П. В. Нащокину. 10-е числа января 1836 г. Петербург.

Мой любезный Павел Воинович,

Я не писал к тебе потому что в споре с Московскою почтою. Услышал я, что ты собирался ко мне в деревню. Радуюсь что не собрался, потому что там меня бы ты не застал. Болезнь матери моей заставила меня воротиться в город. О тебе были разные слухи, касательно твоего выигрыша; но что истинно меня утешило, так это то, что все в голос оправдывали тебя, и тебя одного. Думаю побывать в Москве, коли не околею на дороге. Есть ли у тебя угол для меня? То-то бы наболтались! а здесь не с кем. Денежные мои обстоятельства плохи — я принужден был приняться за журнал. Не ведаю, как еще пойдет. Смирдин уже предлагает мне 15.000, чтоб я от своего предприятия отступился, и стал бы снова сотрудником его Библиотеки. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковский такая бестия, а Смирдин такая дура — что с ними связываться невозможно. Желал бы я взглянуть на твою семейственную жизнь, и ею порадоваться. Ведь и я тут участвовал, и я имел влияние на решительный переворот твоей жизни. Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и [смерти] старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились. — Каковы твои дела? Что Кнерцер и твой жиденок-лекарь, которого Наталья Николаевна так не любит? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся с ними: это необходимо. Но обо всем этом после поговорим. До свидания, мой друг.

Адрес: П. В. Нащокину etc.

1123. П. В. Нащокин — Пушкину. 10-е числа января 1836 г. Москва.

Любезный друг Александр Сергеевич — долго я к тебе не писал — давно и от тебя ничего не получал; впрочем мне бы хотелось тебя видеть — и поговорить с тобою, чем переписываться. Авось удастся мне весною к тебе побывать. Я уже и был на готове ехать прошедшим первым путем, но Брянчанинову вздумалось взять с меня расписку о не выезде из городу, после этого не только ехать, но и говорить нечего. — Теперь пишу тебе в следствие обеда, который был у Окулова, в честь

знаменитого Брюлова. Он отправляется в Петербург по именному повелению. Уже давно, т. е. так давно, что даже не помню, не встречал я такого ловкого, образованного и умного человека; о таланте говорить мне тоже нечего: известен он — всему Миру и Риму. Тебя, т. е. твое творение он понимает и удивляется равнодушию русских относительно к тебе. — Очень желает с тобою познакомиться и просил у меня к тебе рекомендательного письма. Каково тебе покажется? Знать его хорошо у нас приняли, что он боялся к тебе быть, не упредив тебя. Извинить его можно — он заметил вообще здесь большое чиновничество, сам же он чину мелкого, даже не коллеж.[ский] асс.[ессор.] Что он Гений, нам это не почем — в Москве гений не диковинка; не знаю как у Вас — их у нас столько, сколько в Питере, весною, разносчиков с мясинскими апельсинами. — Приехал он в Москву за два или за три часа до начала спектакля. — Кресел он не достал, пошел в стулья, где встретил своего старого товарища, узнал его скоро по калмыцкому [его] лицу — это был Каракалпаков, смотритель ламп и тому подобному Москов.[ского] театра. — Калмык же, не имея с своей стороны такого сильного преимущества, не узнал до тех пор, пока Брюлов не назвался: *Каракал.[паков]* рад, очень рад, как сам артист, что может объявить своему начальнику, артисту и литератору-автору, — все служащие при здешнем театре в каких бы должностях не были имеют звания артистов. — Любопытную новость бежит и докладывает Загоскину — что Брюлов здесь, — и сидит в стульях. — При сем известии, еще директор не опомнился, как все окружающие его, в том числе и мой Окулов, артист тоже, — друг и наперстник Загоскина, пожелали видеть Брюлова, и это слава Богу. — и по ложили по звать Брюлова за кулисы. Крклп. привел его, и вот как его приветствовал Загоскин: Ну, брат, что за картина, уж подлинно картина, какие краски, что за лица, и всё это проговорено было с [достойными] приличными жестами, от которых я думаю и теперь еще у Бр.[юлова] плеча болят. — По тормозив его на порядках — посадили в ложу — продержали весь спектакль, — и тем 1-й день кончился. — Кркл. как первая ступенька, на которую вступил Бр.[юлов] в собрание Москов. артистов и литераторов — имел первенство: угощали его в Разписном трактире. На 3-й день обедал он у Тропинина. Вот он и у Окулова, я не был приглашен, а был. Приглашены же были Загоскин, Верстовский, генер.[ал] Жеребцов и п[рочие] другие, не заслуживающие большого внимания. Во время обеда ему не давали говорить — пошло хватать. Хозяин и его гости закидали его новейшими фразами, как то, что все музы сестры, что живописец поймет поэта и проч. [в таком роде]. Когда устал играть в карты — я подсел к Бр.[юлову] — и слушал его — о Италии, которую он боготворит. — Дошла речь о его занятиях — и о тебе. После обедал он у М. Ф. Орлова, где был весь Москов.[ский] Наблюдатель. Теперь — говорят — артисты хотят дать ему обед по подписки, хочется и мне в число артистов попасть, думаю, что буду — не так, как артист, но как шурин артиста, всё равно, лишь бы быть! Человек весьма привлекательный, и если ты его увидишь — и поговоришь с ним, я уверен, что мое желание побывать еще раз с ним — тебе будет в полне понятно. — Статья о Брюлове — к концу, и вот чем заключаю. Прошу тебя покорно, так как ты очень рассеян, не забыть — спр.[осить] его адрес у того, кто принесет [мое] тебе мое письмо; ибо оно очень длинно, — и я бы не хотел, чтобы ты его читал при нем, это неловко, если он сам пачи чаяния привезет его. Потом — кому Рим удивлялся, кого в Милане и в Неаполе с триумфом народ на руках носил, кому Европа рукоплескала — того прошу принять с моим рекомендательным письмом благосклонно,

Весь т[вой] П. Нащокин.

Коли увидишь Соболевского, скажи ему, что ругательные его письма очень милы. — Скажи ему, что я был в таких обстоятельствах, что если бы у меня и были деньги, то я бы может бы ему их не отдал — но у меня их и не было, и теперь такие слухи носят здесь по Москве, что уф [для меня] как не хороши. — Еще скажи ему, что я был болен, горячкою. — Дела его делать с купчихой я не мог — ибо у меня дела были у самого не приятные, что денги же его я отдам — на днях — Алек.[сандру] Ник.[олаевичу] Соймонову, который у меня был сам и видел [что и принять его] лично, что у меня были другие хлопоты, а наконец скажи ему, что не смотря на то что он меня кастил — от чистого сердца, — но что я неблагодарным быть не умею и что я во всей силе чувствую его одолжение. —

Хотя ему это покажется неудовлетворительно, как коммерческому человеку, — но авось когда-нибудь [будет] сделается банкрот, тогда мы ему на деле постараемся доказать нашу не коммерческую, а человеческую благодарность.

1124. П. А. Вяземский — Пушкину. 22 января 1836 г. Петербург.

*Приезжай сегодня к нам, будет
Наш боец чернокудрявый
с белым локоном во лбу.*

Середа. Адрес: А. С. Пушкину.

1125. М. Т. Лебедев — Пушкину. 27 января 1836 г. Опочка.

Милостивейший государь! Александр Сергеевич!

Дерзновение мое принимаю убедительнейше просить особу вашу, о милостивом и снисходительном удостоянии принятием в уважение, повергаемые правосудию вашему нижепомещенные обстоятельства.

Быть может, не без известно и особе вашей, что по зделанному мне от покойной бабушки Марьи Алексеевны, и богохранимой здравствующей матушки вашей Надежды Осиповны доверию, занимался я с 1807-го по 1814-й год делами по Опочецкому имению вашему согласно заключенному контракту, с положением мне жалованья по 50 руб. в месяц; потом руководствуясь сим уполномочием, все меры употреблены были с моей стороны к оправданию возложенной на меня порученности; наконец в течении семи лет, имение сие от всех возникнувших тогда к нему неправильных притязаний и исков избавлено, и получено во владение доверительниц под мою росписку; а противники, как полагаю я, что и вы изволили быть может наслышанными, в последствии времен уже умершие, г. Толстая, и подпоручик Тимофеев, остались во всех неблагонамеренных предприятиях их навсегда испроверженными; а с тем вместе и всякая собственность ваша по неправильным сих особ исканиям — подвергнувшаяся тогда арестному заведованию, освобождена; и возвращена своевременно в руки законных владетельниц.

В продолжении дел сих, встречал я не токмо трудности в защищениях прав, к ограждению мне вверенного, но еще несколько кратно сам лично подвергался опасностям быть судимым по возобновляемым клеветам и ябедам г. Тимофеева со стороны г. Толстой о фальшивых документах, кои я обнаружил; но все ухищрения сии с помощью единого токмо бога, были отражены, и я избегнул от угрожавших последствий. —

Покойная бабушка ваша в жизнь свою, ценя и уважая труды мои, а не менее того и потерпенные во все то время беспокойствия с неожиданым излишеством, как и самое очищение от всех неблагоприятных случаев имения, вознаграждала меня по условию следующим жалованьем без остановочно: но за остальной 1813-й год 600 рублями, и за генварь 1814 года 50-ю руб. по неимению ею тогда у себя при расчете наличных денег, я остался не удовлетворен; в каковой сумме от бабушки вашей выдано мне собственноручная ее тогож 1814 года февраля 28 дня расписка, для получения моего тех 650 рублей из Михайловского; но токмо оных по отсудствии Марьи Алексеевны, я ни от кого не получил; после же смерти ее, в бытность батюшки вашего Сергея Львовича в том же имении, я лично представ пред ним, просил о моем удовлетворении, но в том мне отказано было с отзывом: что батюшка ваш долгов за Марью Алексеевну платить не обязан. —

И так с крайним прискорбием, и неудовлетворительно в руках моих оставшеюся распискою, я должен был предать себя молчанию, опасаясь малейшим образом нарушить спокойствие особ, прежде столь много — и бессомненно мне доверявших, требованиями моими где-либо о моем удовлетворении, выжидая единого благотворительного время и случая, представить все то на уважение особы вашей тогда, когда с. Михайловское откроет мне свободный путь во время пребывания в нем Вашего; но отвлекаемые меня по крайней нужде моей обстоятельства, недозволили

мне иметь счастья предстать к особе Вашей, хотя изволили неоднократно посещать его в недавнем пред сим времени. —

В таковой всегдашней лестной надежде моей пребывая до сего настоящего времени, и не имея счастья повергнуть себя милостивому покрову Вашему моею личностью, ныне дерзновенную смелость принял, с изъяснением описанных обстоятельств, и представя у сего своеручную покойной бабушки вашей росписку оригиналом в единственную и непосредственную вашу зависимость, убедительнейше просить о снисходительном принятии во уважение мои заслуги, труды, и беспокойствия в семь лет мною претерпенные, и о неоставлении за все то милостивою вашею, в память рукописи в бозе опочивающей бабушки вашей, наследственною за нее и общее имение наградою меня, хотя неполным уже количеством, но по человеколюбию и благоусмотрению вашему, сколько предназначено будет в мое удовлетворение, с преданием прилагаемой росписки всегдашнему забвению. — Я не осмелился бы решиться утруждать особу вашу, естли бы не был обременен ныне значительным семейством, которое по моему неимуществу, и неимению никакой должности и занятий, во время поздней 60-ти летней моей доспелости, претерпевает вместе со мною всю крайность бедности. —

Долгое удержание мною росписки в безгласности, не извольте причесть к получению по ней удовлетворения моего; в сем уверении, чистою моею признательностию свидетельствуюсь, и в сущей таковой истине, дерзаю призвать себе в помощь самое высочайшее существо! —

В прочем все упование и надежду мою полагать осмеливаюсь, в испрошении такового благотворения от единого великодушия добродетельной и человеколюбивой особы Вашей; не отвергните моления неимущего и обремененного семейством и обстоятельствами старца; и во дни настоящей скудости его не откажите подать ему рукопомощь, по боговдохновению на благодетельное сердце ваше, великою своею милостию. —

В чаянии какового снисходительного благодеяния, с глубочайшим к особе Вашей высокопочитанием, и униженнейшею преданностию моею счастье имею именоваться
Милостивейший государь! ваш всепокорнейший слуга Маркеля Трофимов Лебедев.
Ныне Опочецкий мещанин. Генваря 27 дня 1836 года. Г. Опочька. Где и жительство имею.

1126. П. А. Клейнмихель — Пушкину. 29 января 1835 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

На письмо ваше, милостивый государь, имею честь уведомить, что книги, заключающей в себе последние письма и донесения генерала Бибикова 1774 года, — ни в здешнем, ни в Московском архиве Инспекторского департамента, нет.

С совершенным почтением имею честь быть

Милостивого государя покорнейший слуга Клейнмихель.

№ 606 „29“ генваря 1836 года

Его высокобл.[агороди]ю А. С. Пушкину.

1127. В. А. Соллогуб — Пушкину. Конец января (?) 1836. Тверь. (Черновое)

Милостивый государь.

Только что, сию минуту, я получил от Андрея Карамзина письмо, в котором он пишет, что в одном из своих предыдущих писем он [упоминал] меня извещал об объяснении, которое вы будто бы желали получить от меня, [и что]. Спешу вас заверить, милостивый государь, что письмо это до меня не дошло и что вплоть до сего дня я совершенно не знал, что из-за моей опрометчивости меня могли заподозрить в поступке, недостойном честного человека. — Далекий от мысли отказать в удовлетворении, которого вы от меня хотите, милостивый государь, я иду ему навстречу и настоятельно прошу вас дать мне знать через Андрея, когда и каким образом мы можем окончить наше дело. — Нынешние обстоятельства не позволяют мне возвратиться в Петербург, если только вы того

не пожелаете непременно, да и в таком случае это было бы возможно лишь на несколько часов. Не имея, впрочем, намерения оспаривать ваше вполне законное право вмешиваться в разговоры, которые ведутся с вашей супругой, я отвечу на ваши два вопроса, что я говорил ей о г-не Ленском, так как я только что обедал с ним у графа Нессельроде [и что я ничего не знал о сплетнях, говоря ей]... [и] что кроме того у меня не было никакой задней мысли [не зная и всегда презирая сплетни], потому что никогда не знаю сплетен света и глубочайшим образом их презираю [всегда светские сплетни]

[Что касается другого поставленного мне вопроса, то я отнюдь не отказываюсь на него ответить: не получив от вашей супруги никакого ответа и видя, что она с княгиней Вяземской смеется надо мной] [Что касается других подробностей того вечера] Если я задавал еще другие нескромные, быть может, вопросы вашей супруге, то это было вызвано, может быть, личными причинами, в которых я не считаю себя обязанным давать отчет.

Вот, милостивый государь, все, что я могу вам ответить. Спешу отправить это письмо на почту, чтобы как можно скорее удалить оскорбительные сомнения, которые вы могли питать на мой счет, и прошу вас верить, что я не только не склонен отступить, но даже сочту за честь быть вашим противником.

Имею честь

1128. А. Н. Мордвинову (?). Вторая половина января — начало февраля 1336 г. Петербург.

Умоляю вас простить мне мою настойчивость, но так как вчера я не мог оправдаться перед министром...

Моя ода была послана в Москву без всякого объяснения. Мои друзья совсем не знали о ней. Всякого рода намеки тщательно удалены отсюда. Сатирическая часть направлена против гнусной жадности наследника, который во время болезни своего родственника [приказывает уже наложить печати на имущество, которого он жаждет. Признаюсь, что подобный анекдот получил огласку и что я воспользовался поэтическим выражением, проскользнувшим на этот счет.]

Невозможно написать сатирическую оду, без того чтобы злоязычие тотчас не нашло в ней намека. Державин в своем „Вельможе“ нарисовал сибарита, утопающего в сластолюбии, [глухого к воплям народа], и восклицającego:

*Мне миг [покоя моего
Приятней, чем в истории веки.]*

Эти стихи применяли к Потемкину и к другим [между тем, все эти выражения были общими местами, которые повторялись тысячу раз; другими словами в сатире наиболее низменные и наиболее распространенные пороки, описанные].

В сущности, то были пороки знатного вельможи, и я не догадываюсь, насколько Державин был неповинен в каких-либо личных нападках.

В образе низкого скупца, пройдохи, воруящего казенные дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож, и т. д., — публика, говорят, узнала вельможу, человека богатого, человека, удостоенного важной должности.

Тем хуже для публики — мне же довольно того, что я (не только не назвал), но даже не намекнул кому бы то ни было, что моя ода [...]

Я прошу только, чтобы мне доказали, что я его назвал, — какая черта моей оды может быть к нему применена, или же, что я намекал [...]

Все это очень неопределенно; все эти обвинения суть общие места.

Мне неважно, права ли публика или не права. Что для меня очень важно, — это доказать, что никогда и ничем я не намекал решительно никому на то, что моя ода направлена против кого бы то ни было.

1129. С. С Хлюстин — Пушкину. 4 февраля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь.

Я повторил в виде цитаты замечания г-на Сенковского, смысл которых сводился к тому, что вы обманули публику. Вместо того, чтобы видеть в этом, поскольку дело касалось меня, простую цитату, вы нашли возможным счесть меня эхом г-на Сенковского; вы нас в некотором роде смешали вместе и закрепили наш союз следующими словами: [...] В выражении „эти люди“ подразумевался я. Тон и запальчивость вашего голоса не оставляли никакого сомнения относительно смысла ваших слов, даже если бы логика и допускала неопределенность их значения. Но повторение „нелепостей“ не могло, разумно говоря, вызвать в вас никакого раздражения; следовательно, вам показалось, что вы слышали и нашли во мне их отголосок. Оскорбление было достаточно ясно выражено: вы делали меня соучастником [нелепостей свиней и мерзавцев]. Между тем, к моему стыду или к моей чести, я не признал или не принял оскорбления и ограничился ответом, что если вы непременно хотите сделать меня участником суждений об „обмане публики“, то я их вполне принимаю на свой счет, но что я отказываюсь от приобщения меня к [свиньям и мерзавцам]. Соглашаясь таким образом и против моей воли сказать вам, что „вы обманываете публику“ (в литературном смысле, ибо ведь все время дело шло о литературе), — я наносил вам, самое большое, литературную обиду, которою я отвечал и доставлял себе удовлетворение за обиду личную. Думаю, что я отвел себе роль достаточно благодушную и достаточно кроткую, ибо даже при взаимности оскорблений отпор никогда не бывает равноценен с первоначальным выпадом: только в этом последнем заключается сущность обиды.

Однако именно вы, после подобного поведения с моей стороны, стали произносить слова, предвещавшие принятую по обычаям общества встречу: „это уж слишком“, „это не может так закончиться“, „посмотрим“, и проч. и проч. Я ждал результата этих угроз. Но не получая от вас никаких известий, я должен теперь просить у вас объяснений:

1) в том, что вы сделали меня соучастником [нелепостей свиней и мерзавцев]:

2) в том, что вы обратились ко мне, не давая им дальнейшего хода, с угрозами, равносильными вызову на дуэль;

3) в том, что вы не исполнили по отношению ко мне долга вежливости, не ответив мне на поклон, когда я уходил от вас.

Имею честь быть, милостивый государь, ваш нижайший и покорный слуга

С. Хлюстин.

С. П. Б. Владимирская, № 75.

4 февраля 1836 г.

Адрес: Милостивому государю, господину Александру Пушкину.

1130. С. С. Хлюстину. 4 февраля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь,

Позвольте мне восстановить истину в отношении некоторых пунктов, где вы, кажется мне, находитесь в заблуждении. Я не припоминаю, чтобы вы цитировали что-либо из статьи, о которой идет речь. Заставило же меня выразиться с излишней, быть может, горячностью сделанное вами замечание о том, что я был неправ накануне, принимая близко к сердцу слова Сенковского.

Я вам ответил: [...] отождествлять вас с [свиньями и мерзавцами] — конечно, нелепость, которая не могла ни придти мне в голову, ни даже сорваться с языка в пылу спора.

К великому моему изумлению вы возразили мне, что вы всецело принимаете на свой счет оскорбительную статью Сенковского и в особенности выражение [„обманывать публику“].

Я тем менее был подготовлен к такому заявлению с вашей стороны, что ни накануне, ни при нашей последней встрече вы мне решительно ничего не сказали такого, что имело бы отношение к статье журнала. Мне показалось, что я вас не понял, и я просил вас не отказать объяснить, что вы и сделали в тех же выражениях.

Тогда я имел честь вам заметить, что все только что высказанное вами совершенно меняет дело, и замолчал. Расставаясь с вами, я сказал, что так оставить это не могу. Это можно рассматривать как

вызов, но не как угрозу. Ибо, в конце концов, я вынужден повторить: я могу оставить без последствий слова какого-нибудь Сенковского, но не могу пренебрегать ими, как, только такой человек, как вы, присваивает их себе. Вследствие этого я поручил г-ну Соболевскому просить вас от моего имени не отказать просто-напросто взять ваши слова обратно или же дать мне обычное удовлетворение. Доказательством того, насколько последний исход был мне неприятен, служит именно то, что я сказал Соболевскому, что не требую извинений. Мне очень жаль, что г-н Соболевский отнесся ко всему этому со свойственной ему небрежностью.

Что касается невежливости, состоявшей будто бы в том, что я не поклонился вам, когда вы от меня уходили, то прошу вас верить, что то была рассеянность совсем невольная, в которой я от всего сердца прошу у вас извинения.

*Имею честь быть, милостивый государь, ваш нижайший и покорнейший слуга А. Пушкин.
4 февраля.*

1131. С. С. Хлюстин — Пушкину. 4 февраля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь.

В ответ на устное сообщение, переданное вами через г-на Соболевского и дошедшее до меня почти одновременно с вашим письмом, имею честь вас уведомить, что я не могу взять назад ничего из сказанного мною, ибо, полагаю, я достаточно ясно изложил в моем первом письме причину, по которой я именно так действовал. В отношении обычного удовлетворения, о котором вы говорите, — я к вашим услугам.

Что касается лично меня, то прося вас не отказать припомнить три пункта, включенные в мое письмо, по которым я считал себя оскорбленным вами, имею честь вам ответить, что в отношении третьего пункта я считаю себя вполне удовлетворенным.

Относительно же первого — даваемых вами заверений в том, что у вас не было в мыслях отождествить меня с... и... и проч., мне недостаточно. Все, что я помню, и все рассуждения заставляют меня попрежнему считать, что ваши слова заключали в себе оскорбление, даже если в ваших мыслях его и не было. Без этого я не мог бы оправдать в своих собственных глазах принятую мною солидарность с оскорбительной статьей — шаг, который с моей стороны не был ни необдуманном, ни запальчивым, но совершенно спокойным. Я должен буду, следовательно, просить вполне ясных извинений относительно образа действий, в которых я имел все основания увидеть оскорбление, вами, к моему большому удовольствию, по существу отрицаемое.

Я признаю вместе с вами, милостивый государь, что во втором пункте с моей стороны была допущена ошибка и что я увидел угрозы в выражениях, которые нельзя было счесть ничем иным, как „вызовом“ (текст вашего письма). За таковой я их и принимаю. Но если вы совсем не хотели придавать им такого смысла, я должен буду ждать извинений и по поводу этого досадного недоразумения; ибо я полагаю, что сделанный вызов, хотя бы непреднамеренный и оставленный без последствий, равносителен оскорблению.

*Имею честь быть, милостивый государь, ваш нижайший и покорнейший слуга С. Хлюстин.
4 февраля.*

1132. Е. Ф. Розен — Пушкину. 4 февраля 1836 г. Петербург.

Посылаю вам стихотворение, написанное мною недели две тому назад; право, не знаю, хорошо ли оно или нет — полагаюсь в этом отношении вполне на Ваше суждение. Если вы найдете пьесу достойною Вашего журнала и если в ней нужно кое-что подправить — пожалуйста отметьте всё, что не получит вашего одобрения. Когда такой знаменитый Поэт становится журналистом, он должен относиться к стихам с величайшей строгостью; поэтому прошу вас обойтись со мною без всякого снисхождения к дружбе, которую я к вам питаю. Если пьеса плоха — вам стоит лишь сказать это совершенно откровенно: я постараюсь написать что-нибудь получше.

Что касается прозаических статей, которых Вы у меня просите, я серьезно о них подумываю; прежде всего, я хотел бы написать статью о Кукольнике. Так как мы с вами придерживаемся почти одинаковых мнений о нем, не встретится никаких препятствий к помещению данной статьи, цель которой будет: доказать вышеупомянутому автору, что все, им написанное, не многого стоит и что он не овладел даже техникой драматического действия; напасть беспощадным образом на избранный им злополучный жанр, принимая во внимание, что у него есть талант, который, будучи усовершенствован, мог бы, быть может, возвыситься над его бледной посредственностью нынешнего дня. Другая замышляемая мною статья представляет собой разбор критики наших современных критик, помещенной в Сыне Отечества текущего года. Я слишком уважаю ваш журнал, чтобы сделать из него отдушину моего негодования; могу вас заверить, что тон моих статей — по меньшей мере — будет на уровне литературного предприятия, руководителем которого являетесь Вы.

Пожалуйста скажите мне, что Вы об этом думаете.

Весь ваш!

Розен.

4 февраля 1836.

Мой адрес: в доме баронессы Розен, 59, на Лиговском пруду, подле Преображенских бань; идти по Бассейной улице, через мостик.

1133. Н. Г. Репнину. 5 февраля 1836 г. Петербург.

Князь,

С сожалением вижу себя вынужденным беспокоить ваше сиятельство; но, как дворянин и отец семейства, я должен блюсти мою честь и имя, которое оставлю моим детям.

Я не имею чести быть лично известен вашему сиятельству. Я не только никогда не оскорблял Вас, но по причинам, мне известным, до сих пор питал к вам искреннее чувство уважения и признательности.

Однако же некто г-н Боголюбов публично повторял оскорбительные для меня отзывы, якобы исходящие от вас. Прошу ваше сиятельство не отказать сообщить мне, как я должен поступить.

Лучше нежели кто-либо я знаю расстояние, отделяющее меня от вас; но вы не только знатный вельможа, но и представитель нашего древнего и подлинного дворянства, к которому и я принадлежу, вы поймете, надеюсь, без труда настоятельную необходимость, заставившую меня поступить таким образом.

*С уважением остаюсь Вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин.
5 февраля 1836.*

1134. Д. В. Давыдов — Пушкину. 8 февраля 1836 г. Москва.

Полагая что у тебя нет ни письма, ни стихов Жобара, спешу доставить их тебе, любезнейший друг. Перевод довольно плох, но есть смешные места, чтож касается до письма, я, читая его, хохотал как дурак. Злая бестия этот Жобар и ловко доклевал Журавля подбитого Соколом.

Преданный тебе душою Денис Давыдов.

8-го февраля Москва.

1135. В. А. Соллогубу. Первые числа февраля 1836 г. Петербург. (Черновое)

Вы взяли на себя напрасный труд, давая мне объяснение, которого я у вас не требовал. Вы позволили себе обратиться к моей жене с не[приличными] замечаниями и хвалились, что наговорили ей дерзостей.

Обстоятельства не позволяют мне отправиться в Тверь раньше конца марта месяца. Прошу меня извинить.

1136. Н. Г. Репнин — Пушкину. 10 февраля 1836 г. Петербург.

Милостивый Государь, Александр Сергеевич!

Сколь ни лестны для меня некоторые изречения письма вашего, но с откровенностию скажу вам, что оно меня огорчило, ибо доказывает, что вы, милостивый государь, не презрили рассказов столь противных правилам моим.

Г-на Боголюбова я единственно вижу у С. С. Уварова и с ним никаких сношений не имею, и никогда ничего на ваш счет в присутствии его не говорил, а тем паче прочтя послание Лукуллу, Вам же искренно скажу, что гениальный талант ваш принесет пользу отечеству и вам славу, воспевая веру и верность русскую, а не оскорблением честных людей.

Простите мне сию правду русскую: она послужит вернейшим доказательством тех чувств отличного почтения, с коими имею честь быть

вашим покорнейшим слугою кн. Репнин.

10-го февраля 1836. в СПбурге.

1137. Н. Г. Репнину. 11 февраля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь князь Николай Григорьевич,

Приношу Вашему сиятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить.

Не могу не сознаться, что мнение Вашего сиятельства косательно сочинений, оскорбительных для чести частного лица, совершенно справедливо. Трудно их извинить даже когда они написаны в минуту огорчения и слепой досады. Как забава суетного или развращенного ума, они были бы непростительны.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, есмь

милостивый государь Вашего сиятельства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

11 февраля 1836

1138. В. К. Кюхельбекер — Пушкину. 12 февраля 1836 г. Баргузин.

А. С. Пушкину.

Баргузин 12. Февраля 1836. года.

Двенадцать лет, любезный друг, я не писал к тебе... Не знаю, как на тебя подействуют эти строки: они писаны рукою, когда-то тебе знакомою; рукою этою водит сердце, которое тебя всегда любило; но двенадцать лет не шутка. Впрочем мой долг прежде всех лицейских товарищей вспомнить о тебе в минуту, когда считаю себя свободным писать к вам; долг, потому что и ты же более всех прочих помнил о вашем затворнике. Книги, которые время от времени пересылал ты ко мне, во всех отношениях мне драгоценны: раз, они служили мне доказательством, что [помнишь] ты не совсем еще забыл меня, а во вторых приносили мне в моем уединении большое удовольствие. Сверх того, мне особенно приятно было, что именно ты, поэт, более наших прозаиков заботишься обо мне: это служило мне вместо явного опровержения всего того, что господа люди хладнокровные и рассудительные обыкновенно взводят на грешных служителей стиха и рифмы. У них поэт и человек недельный одно и то же; а вот же Пушкин оказался другом гораздо более дельным, чем все они вместе. Верь, Александр Сергеевич, что умею ценить и чувствовать всё благородство твоего поведения: не хвалю тебя и даже не благодарю, потому что должен был ожидать от тебя всего прекрасного; но клянусь, от всей души радуюсь, что так случилось. — Мое заточение кончилось: я на свободе, т. е. хожу без няньки и сплю не под замком. — Вероятно любопытствуешь узнать кое-что о Забайкальском крае или Даурской Украине — как в сказках и песнях называют ту часть Сибири, в которой теперь живу. На первый случай мало могу тебе сообщить удовлетворительного, а еще менее утешительного. Во-первых, в этой

Украине холодно, очень холодно; — во-вторых, нравы и обычаи довольно прозаические: без преданий, без резких черт, без оригинальной физиономии. — Буряты мне нравятся гораздо менее кавказских горцев: рожи их безобразны, но не на Гофманновскую статью, а на статью нашей любезной отечественной литературы, — плоски и безжизненны. Тунгусов я встречал мало: но в них что-то есть; звериное начало (le principe animal) в них сильно развито и, как человек-зверь, тунгус в моих глазах гораздо привлекательнее расчетливого, благоразумного буряты. — Русские (жаль, друг Александр, — а должно же сказать правду) русские здесь почти те же буряты, только без бурятской честности, без бурятского трудолюбия. Отличительный порок их пьянство: здесь пьют все, мужчины, женщины, старики, девушки; женщины почти более мужчин. Здешний язык богат идиотизмами, но о них в другой раз. — Мимоходом только замечу, что простолюдины употребляют здесь пропасть книжных слов, особенно часто: *почто, но, однако*; далее, — *облачусь* вместо *оденусь*, *ограда* вместо *двор* etc. — Метисы бывают иногда очень хороши: веришь ли? Я заметил дорогою несколько лиц истинно греческих очерков; но что гадко: у них, как у бурят, мало бороды, и потому под старость даже лучшие бывают похожи на старых евнухов или самых безобразных бабушек. Между русскими, здешними уроженцами, довольно белокурых, — но у всех почти скулы выдаются, что придает их лицам что-то калмыцкое. — Горы Саянские или, как их здесь называют, Яблонный хребет, меньше Кавказских, но, кажется, выше Уральских, — и довольно живописны. О Байкале ни слова: я видел его под ледяною броней. За то, друг, здешнее небо бесподобно: какая ясность! Что за звезды! — Вот для почину! Если пожелаешь письма покладнее, отвечай. — Обнимаю тебя. Прошу напомнить обо мне твоей матушке и твоему батюшке.

Весь твой.

В. Кюхельбекер.

Р. С. Брат тебе посылает поклон.

1139. К. А. Полевой — Пушкину. 15 февраля 1836 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Объявление об издаваемом Вами журнале обрадовало меня, как весть самая приятная для всех любящих литературу. Я желал бы с своей стороны споспешествовать вашему изданию, как книгопродавец, и почел бы за особенное удовольствие быть вашим комиссионером в Москве. Не угодно ли Вам назначить в моей лавке *депо*, где всегда было бы в запасе десятка два-три экземпляров журнала и где желающие могли бы получать его тотчас, не дожидаясь выписки из Петербурга. Я вышлю деньги за всех подписчиков, сколько будет их у меня до выхода первой книжки, и для этого желал бы только знать, когда выйдет она. Если же вам угодно будет принять мое предложение, то нельзя ли прислать сверх того некоторое число экземпляров и упомянуть в подробном объявлении, или в объявлении при журнале, что в Москве подписка принимается в Книжной лавке Полевого? Назначить условия предоставляю Вам самим, потому что цель моя не барыши.

Прошу принять уверение в глубоком почтении, с которым всегда имею честь быть вашим, Милостивый государь! покорным слугою Ксенофонт Полевой.

15 ч. [исла] февраля 1836 года Москва.

Р. С. Адрес мой: На Тверской, в доме г-жи Мятлевой.

1140. Н. А. Дурова — Пушкину. 17 февраля 1836 г. Елабуга.

Милостивый государь! Александр Сергеевич!

Рукопись моя, вояжируя более года, возвратилась наконец ко мне; я несколько суеверен, и такая неудача заставляет меня переждать козни злого рока. Летом я приеду сам с моими записками, чтоб лично отдать их под ваше покровительство; а теперь в замену брат посылает вам мои Записки 12-го года, если вы найдете их стоящими труда, чтоб поправить; они не были присоединены к тем, которые были присланы вам из Гатчино; может быть я сужу пристрастно, может быть, я увлекаюсь

воспоминаниями, но Записки 12-го года мне кажутся интереснее первых.

С истинным почтением честь имею быть вашим покорнейшим слугою

Александр Александров.

17-го февраля 1836-го года.

1141. А. А. Фукс. 20 февраля 1836 г. Петербург.

Милостивая государыня Александра Андреевна,

Я столько перед Вами виноват, что не осмеливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я из деревни и нашел у себя письмо, коим изволили меня удостоить. Не понимаю, каким образом мой бродяга Емельян Пугачев не дошел до Казани, место для него памятное: видно шатался по сторонам и загулялся по своей привычке. Теперь гр. Апраксин снисходительно взялся доставить к Вам мою книгу. При сем позвольте мне милостивая государыня препроводить к Вам и билет на получение Современника, мною издаваемого. Смее ли надеяться что Вы украсите его когда-нибудь произведениями пера вашего?

Свидетельствую глубочайшее мое почтение любезному, почтенному Карлу Федоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Чсть имею быть с глубочайшим почтением и совершенною преданностию

милостивая государыня Вашим покорнейшим слугою Александр Пушкин

С.П.Б. 20 февр. 1836

1142. П. П. Каверину. Февраль 1836 г. (?) Петербург.

Тысяча извинений, милый Каверин, за то, что я не сдержу слова — непредвиденное обстоятельство заставляет меня удалиться немедленно.

1143. С. Д. Нечаеву. Июнь 1827 г. — февраль (?) 1836 г. Петербург.

Возвратите мне, любезный Сергей Дмитриевич, не посылку, но письмо: я забыл в нем сказать нужное. Когда в путь?

А. Пушкин.

1144. Д. В. Давыдов — Пушкину. 2 марта 1836 г. Москва.

Твое ты сняло мне двадцать пять лет с костей и развязало мне руки; — по милости его я молод и свободен. Теперь слово о журнале: Смирдин давал мне по 300 р. за печатный лист с тем, что статьи, помещаемые им в Библ.[иотеке] для Ч.[тения] я имел право печатать в особой книжке. Хочеш так? или как тебе угодно, я с тобой на всё согласен, только уведомя.

Жаль, что не дождусь тебя в Москве. Я сегодня еду отсюда в мои степи. Баратынской хочет пристать к нам, это не худо; Языков верно будет нашим; надо бы Хомякова завербовать, тогда [команда [?]] стихотворная фаланга была бы в комплекте.

Пожаласта пробеги статью, доставленную тебе Шеншиним и переправь что нужно; одолжиш.

Боюсь за цензуру. Хотя Данилевской мне хороший приятель, но читав мою статью он что-то морщился. Увидим: смелым Бог владеет, и, к тому же, можно ему сделать уступки. Прости. Пиши мне: Симбирской губернии, Сызранского уезда в село Мазу.

Денис Давыдов.

1145. В. Ф. Одоевскому. Февраль — начало марта 1836 г. Петербург.

Я не очень здоров — и занят. Если вы сделаете мне милость ко мне пожаловать с г. Сахаровым, то очень меня обяжете. Жду вас с нетерпением.

А. П.

1146. В. Ф. Одоевский — Пушкину. Февраль — начало марта 1836 г. Петербург.

Согласитесь ли Вы, Александр Сергеевич, напечатать у себя *предисловие* к книге Сахарова вместо объявления об оной; если покажется длинно, то возвратите присылаемый при сем экземпляр, а я Вам напишу простое объявление.

Да возвратите 2-ю часть (рукописную), ибо мы хотим представить ее в цензуру чтоб получить право объявить о подписке; в последствии я вам ее возвращу и велю выписать что Вам нужно будет.

Я болен уже две недели и никуда не выезжаю; если бы Вы заглянули сегодня вечером ко мне.

Одоевский.

Суббота.

1147. В. Ф. Одоевскому. Февраль — начало марта 1836 г. Петербург.

Объявление готов поместить какое будет — лишь Вам по сердцу. Для 1 № Совр.[еменника] думаю взять *Загадки*; о Мифологии еще не читал. На днях возвращу Вам рукопись.

1148. В. А. Соллогуб — Пушкину. Начало марта 1836 г. Тверь. (Черновое)

Пользуюсь [милостивый государь] верной оказией, чтобы ответить на письмо, переданное мне от вас г-ном Хлюстиным. Не отвечая на странные выражения, которыми вы пользуетесь и которые могли быть вызваны только недоразумением, я замечу лишь, милостивый государь, что не могу понять, как ваша супруга могла обидеться на такой банальный вопрос: Давно ли вы замужем? Мне кажется [также], что для нее вы как раз последнее лицо, которое могло бы принять это за оскорбление. [Не сочтите впрочем...] Что же касается дерзостей, будто бы сказанных мною, то прошу вас иметь в виду, что я слишком хорошо воспитан, милостивый государь, чтобы говорить их мужчине, и недостаточно безумен, чтобы говорить их женщине, и еще менее — чтобы ими хвалиться. Теперь, милостивый государь, я вас [и так как я вас...] ждал в течение всего февраля месяца, и так как служба моя не позволяет мне оставаться в Твери долее, я выеду в различные места назначения. Когда вам будет угодно вновь потребовать от меня удовлетворения, вы найдете меня всегда готовым принять ваш вызов. Прошу вас не отказать дать мне ответ и сказать мне решительно, продолжаете ли вы настаивать на серьезной дуэли, так как я другой не признаю, или же — не предпочтете ли вы, забыв сплетни, которые поставили ее между нами, избавить нас обоих от нелепого положения и беспричинного несчастья.

1149. А. И. Чернышев — Пушкину. 7 марта 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Принося Вам изъявление особенной моей признательности за сообщенную мне рукопись генерал-лейтенанта Давыдова о занятии войсками нашими Дрездена в 1813-м году, имею честь Вас уведомить, что рукопись сию, я, по заведенному порядку, передал на рассмотрение в Военно-Цензурный Комитет, при вверенном мне Министерстве учрежденный, и с особенным удовольствием поспешу Вам возвратить оную коль скоро она ко мне будет обратно доставлена из Комитета.

С совершенным почтением имею честь быть

Вашим покорнейшим слугою Граф А. Чернышев.

№ 1742 „7-го“ марта 1836-го

Его высокоблагородию А. С. Пушкину.

1150. В. Д. Сухорукову. 14 марта (?) 1836 г. Петербург.

Любезнейший Василий Дмитриевич.

Пишу к вам в комнате вашего соотечественника, милого молодого человека, от которого нередко

получаю об вас известия. Сейчас сказал он мне что вы женились. Поздравляю вас от всего сердца, желаю вам счастья которое вы заслуживаете по всем отношениям. Заочно кланяюсь Ольге Василиевне и жалею, что не могу высказать ей всё, что про вас думаю, и всё, что знаю прекрасного.

Писал ли я Вам после нашего разлучения в Арзерумском дворце? Кажется что не писал; простите моему всегдашнему недосугу и не причисляйте мою леность к чемунибудь иному. — Теперь поговорим о деле. Вы знаете, что я сделался журналистом (это напоминает мне, что я не послал вам Современника; извините, — постараюсь загладить мою вину). Итак, сделавшись собратом Булгарину и Полевому обращаюсь к Вам с удивительным бесстыдством, и прошу у вас *статей*. В самом деле, пришлите-ка мне чтонибудь из ваших дельных, добросовестных, любопытных произведений. В соседстве Бештау и Эльбруса живут и досуг и вдохновение. Между тем и о цене (денежной) не худо поговорить. За лист печатн.[ый] я плачу по 200 руб. — Не войдем ли мы и в торговые сношения.

Простите; весь ваш А. П.

14 Марта 1836 С. П. Б.

1151. Соболевский — Пушкину. Февраль — первая половина марта 1836 г. Петербург.

Музыкант Глинка, живущий на углу Фонарного переулкa, в д. Шлотгауера (Schlothauer) зовет нас к себе в пятницу 9 heures.

Sobolevsky

1152. В. Ф. Одоевскому. Конец февраля — первая половина марта 1836 г. Петербург.

Весьма и весьма доволен и благодарен. Если в неделю можно будет отпечатать по пяти листов, то это славно — и дело наше в шляпе. Корректуру путешествия прикажите однако присылать ко мне. Тут много ошибок в рукописи. Что ваша повесть Зизи? Это славная вещь.

А. П.

1153. В. А. Жуковский — Пушкину. Первая половина марта 1836 г. Петербург.

С Вортсвортом постараюсь переведаться. А ты мою пиесу унес и уже в цензуру хватил. Нет, голубчик, в первую книжку ее ни как не помещай. Она годится может быть [в] после, но для дебюту нельзя. Прошу тебя не помещать в 1 номер. Завтра пошлю Карамзина статью к Е.[катерине] А.[ндреевне]. У нее возьмешь.

Ж.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

1154. Н. В. Гоголь — Пушкину. 15 (?) марта 1836 г. Петербург.

Посылаю вам Утро чиновника. Отправте ее, если можно, сегодня же или завтра поутру к цензору, потому что он может ее [взять] в Пенз.[урный] Комитет вместе с Коляскою, ибо завтра утром заседание. — Да возьмите из типографии статью о журнальной литературе. Мы с вами пребезалаберные люди и позабыли, что туды нужно включить многое [нужно] из остающегося у меня хвоста. — Я прошу сделать так, чтоб эта сцена шла вперед, а за ней уже о литературе

Н. Гоголь.

1155. А. Жобар — Пушкину. 16 марта 1836 г. Москва.

Господину Пушкину, непременно секретарю Аполлона, в Департаменте Севера.

Милостивый государь,

Полный стыда и раскаяния прихожу я к подножию Парнаса — принести повинную в том, что изуродовал вашу прекрасную оду [На выздоровление Лукулла], пытаюсь подражать ей или, скорее, ее собезьянничать французскими стихами; кроме того, чтобы придать некоторую ценность моему

переводу, я поднес ее красноречивому переводчику „Распри славян“ [„Клеветникам России“] — моему благосклонному начальнику, г-ну Уварову, министру народного просвещения, дабы он мог опубликовать ее от своего имени, подобно тому, как он уже публиковал многие труды, — между прочим, и ученые комментарии профессора Грефа к древним классикам; [я был] убежден в том, что если его превосходительство удостоит оказать ту же честь моему опыту, я вскоре несмотря на мое невежество и мое помешательство, законным порядком установленные по его приказаниям, буду академиком, членом государственного совета, кавалером с орденской лентой и проч., и проч., и проч., ибо его прихоти ныне достаточно для назначения и смещения академиков, профессоров, заслуженных людей и т. п., но, увы, вскоре мои воздушные замки рассеялись как дым, — мой меценат до сих пор даже не удостоил почтить меня одним единственным ответом, хотя мое посвятительное послание было пятым письмом, мною ему адресованным: таким образом, я, повидимому, обречен до конца моих дней носить скромное звание действительного профессора Казанского университета.

Вы видите, милостивый государь, что, переводя вашу оду, я не стремился к другой цели, как только к славе моего знаменитого начальника (который уже давно летит за венцом... бессмертия) и к собственному моему преуспеянию на стезе науки и почестей; и так, смею надеяться, что, приняв во внимание эти побуждения, вы не откажете мне в прощении, о котором я молю.

Впрочем, чтобы доказать вам искренность моего раскаяния, посылаю вам все вещественные доказательства преступления и выдаю их вам, связав по рукам и ногам, — предмет, оригинал и черновик, равно как и мое посвятительное послание, уполномочивая вас, милостивый государь, сделать из этого чудовищного целого публичное и торжественное ауто-да-фе, а от вашего великодушия я ожидаю милостивого манифеста, который бы успокоил мою напуганную совесть.

Примите, милостивый государь, выражение чувств уважения и восхищения, которые питает к вам низжайший и покорнейший слуга

Альфонс Жобар

Москва, 16 марта 1836.

1156. П. А. Вяземскому. Около (не ранее) 17 марта 1836 г. Петербург.

Ура! наша взяла. Статья Козловского прошла благополучно; сей час начинаю ее печатать. Но бедный Тургенев!.. все политические комеражи его остановлены. Даже имя Фиески и всех министров вымараны; остаются одни православные буквы наших русских католичек, да дипломаток. Однако я хочу обратиться к Бенкендорфу — не заступится ли он? Ты мне говорил о своих стихах к Потоцкой: получил ли ты их? по крайней мере не вспомнишь ли их?

А. П.

1157. М. А. Дондукову-Корсакову. 18 марта 1836 г. Петербург.

Милостивый государь, князь Михаил Александрович,

Пользуясь позволением, данным мне Вашим сиятельством, осмеливаюсь прибегнуть к Вам с покорнейшею просьбою.

Ценсурный комитет не мог пропустить письма из Парижа как статью, содержащую политические известия: для разрешения оной, позвольте ли, милостивый государь, обратиться мне к гр. Бенкендорфу? или прикажите предоставить сие комитету?

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть

милостивый государь Вашего сиятельства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

18 марта 1836 С. П. Б.

1158. В. Ф. Одоевский — Пушкину. 10-е числа марта 1836 г. Петербург.

Переводчик наш занемог, и от того Вильменова речь опоздала, я только вчера вечером получил

ее. Начало я исправлял еще прежде и [оно] [?] от того первые листы переписаны, но [в] за следующие извините, что перемараны жестоко; не смотря на это Вы просмотрите еще раз. — За все труды я Вас как издателя прижимаю и требую баночку шиповника. Статья, которую Вы у меня читали, кончена, переписывается и будет к Вам прислана завтра.

Одоевский.

1159. М. А. Дондуков-Корсаков — Пушкину. 20 марта 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

На последнее письмо Ваше имею честь ответить Вам, милостивый государь, что по встреченному затруднению С. Петербургским Цензурным Комитетом в пропуске статьи: Письмо из Парижа, обстоятельство сие будет представлено Комитетом на разрешение Главного Управления Цензуры.

С совершенным почтением имею честь быть Ваш покорнейший слуга Князь Михаил Дондуков-Корсаков.

20 марта 1836.

[На обороте помета рукою Пушкина:] С Ценз.[урой] спорить-де можно, а с Вашей Милостью нет.

1160. А. Л. Крылову. 20–22 марта 1836 г. Петербург (Черновое)

Милостивый государь, Александр Лукич,

Князь М. А. Корсаков писал мне, что Письма из Парижа будут рассмотрены в высшем комитете. Препровождаю их к Вам; одно замечание: Письма из Парижа Тургенева печатаются в М.[осковском] Наблюдателе, не как статьи политические, а литературные.

1161. А. Жобару. 24 марта 1836 г. Петербург.

Милостивый государь.

С истинным удовольствием получил я ваш прелестный перевод Оды к Лукуллу и столь лестное письмо, ее сопровождающее. Ваши стихи столько же милы, сколько язвительны, а этим многое сказано. Если правда, как вы говорите в вашем письме, что хотели законным порядком признать вас потерявшим рассудок, то нужно согласиться, что с тех пор вы его чертовски приобрели.

Расположение, которое вы, повидимому, ко мне питаете и которым я горжусь, дает мне право говорить с полным доверием. В вашем письме к г-ну министру народного просвещения вы, кажется, высказываете намерение напечатать ваш перевод в Бельгии, присоединив к нему несколько примечаний, необходимых, говорите вы, для понимания текста; осмеливаюсь умолять вас, милостивый государь, отнюдь этого не делать. Мне самому досадно, что я напечатал пьесу, написанную в минуту дурного расположения духа. Ее опубликование навлекло на меня неудовольствие одного лица мнением которого я дорожу и пренебречь которым не могу, не оказавшись неблагодарным и безрассудным. Будьте настолько добры пожертвовать удовольствием гласности ради мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте с помощью вашего таланта произведения, которое без этого впадет в заслуженное им забвение. Смею надеяться, что вы не откажете мне в любезности, о которой я прошу; вместе с тем покорно прошу вас принять уверения в моем совершенном уважении.

Имею честь быть, милостивый государь, ваш покорнейший и нижайший слуга А. Пушкин
24 марта 1836. С.-Петербург.

1162. Ф. М. Беллизар — Пушкину. 24 марта 1836 г. Петербург.

Ф[ердинан]д Беллизар и К°

Книгопродавцы — издатели — комиссионеры.

В С.-Петербурге, в доме голландской церкви, близ Полицейского моста.

В Париже, улица Верней, № 1 бис.

Милостивый государь.

Так как просьбы, с которыми мы обращались к вам много раз, неизменно оставались без результата, мы вынуждены повторить шаг, который не может быть вам более докучен, чем он нам неприятен.

При настоящем письме вы найдете общую выписку из нашего счета, откуда следует, что вы нам должны еще 1100 р. за книги, отпущенные в 1834 г.! и, без малого, такую же сумму за отпущенные в 1835 г. — Лишь в ноябре прошлого года мы получили 466 р. 38 к. в счет долга 1834 года. — Если подобного способа уплаты придерживаться и впредь, то наши счета будут погашаться спустя более трех лет после отпуска товара, т. е. в таком случае одно лишь накопление процентов причинило бы нам убыток.

Мы не пренебрегаем ничем, чтобы удовлетворить лиц, благоволящих обращаться к нам, но, с другой стороны, все признают справедливым рассчитываться в первой четверти следующего года по счетам, поданным в только что истекшем году.

Будучи на сей день должником по отношению к нам в сумме Р. 2172.90 к., вы, милостивый государь, решите, надлежит ли вам ныне уплатить по счету, который мы вам представляем.

Имеем честь быть, милостивый государь, вашими нижайшими и покорнейшими слугами
Ф. Беллизар и К^о.

С. Петербург, 24 марта 1836.

Господину А. Пушкину, в городе.

Книгопродавцы, издатели Иностранного Обозрения, Детского журнала и проч. У Полицейского моста, в доме голландской церкви.

Отпущено господину А. Пушкину.

Согласно счету, поданному 11 марта 1835 г. он был нам должен — Р. 1566. — 38 коп.
1835, марта 22.

Бульвер. Последние дни Помпеи. 2 тома, 8^о, получ. сухим путем. — Р. 22
Марта 22.

Вуайар. Песни сербов, в 8-ю д. — 16

Мая 23.

Латинско-французская библиотека, выпуски 125–140, по 8 фр. 50 — 136
— тоже — Иконография, вып. 4–6, по 8 фр. — 15

Июня 20.

Латуш. Волчья долина, в 8-ю д. — 7.50

„ 22.

Капфиг. История реформы. Томы 7 и 8, в 8-ю д. — 18

Нибур. Римская история. Томы 1–3, в 8-ю д. — 27

Библия, изд. Когена. Том 6, 8-ю д. — 9

Июля 12.

Земной шар. Географический атлас, вып. 1—10, пр[едполагается] всего 10 выпусков — 18

Правда о России, в 8-ю д. — 4

„ 15.

Воспоминания [маркизы] Креки. Том 4, в 18-ю д. — 4

„ 16.

Бульвер. Французское общество. 2 тома, в 18-ю д. — 8

Августа 1.

Рейфенберг. Воскресенье. 2 тома, в 18-ю д. — 8

Воспоминания Креки, томы 4 и 5. в 18-ю д. — 8

Ирвинг, Абботсфорд, в 12-ю д. — 5
Бульвер. Студент, в 12-ю д. — 5
„ 2.
Энциклопедия светских людей. Том IV в 2 частях — 16
Сентября 5.
Воспоминания Креки. Том 6-й, в 18-ю д. — 4
Октября 24.
Латинско-французская библиотека, вып. 141–146: по 8 фр. 50 — 51
Объяснение медалей, в 8-ю д. — „
Ноября 8.
Фенелон. Сочинения, 3 тома, в больш. 8-ю д. — 36
Мериме. Путевые заметки, в 8-ю д. — 9
Агуб. О восточной литературе, в 8-ю д. — 9
Тьерри. История галлов. 3 т., в 8-ю д. — 27
Тремадер. Пробный камень, в 8-ю д. — 10
Шницлер. Польша и Россия, в 8-ю д. — 15
Мармье. Этюды о Гете, в 8-ю д. — 9
Краткое изложение истории, в 8-ю д. — 9
Ноября 21.
Мемуары Сен-Симона. 6 томов в 8-ю д. — 42
Роман о Лисе, в 8-ю д. — 13
1836, Января 10.
Сэр Лионель д'Арженэ. 2 тома в 8-ю д. — 18
Мемуары Лютера. Томы 2 и 3, в 8-ю д., по 12 руб. — 24
Кабинет фей, в 18-ю д. — 5
„ 24.
Сочинения Лафонтена, 6 томов, в 8-ю д. — 55
Мемуары мадам д'Эпинэ. 3 тома в 8-ю д. — 20
Февраля 3.
Мемуары Мирабо. Томы 4–6 в 18-ю д. — 11. 25
Сочинения Мирабо. 9 томов, в 8-ю д. — 63
„ 17.
Небольшой том, в 18-ю д., редкость — 5
Марта 7.
Стихотворения Роджерса, в 8-ю д., — 45
Автобиография Джона Голта, 2 тома, в 8-ю д. — 35
Журнал вест-индского плантатора, в 8-ю д. — 18
Годвин. Жизнеописание магов, в 8-ю д. — 20
Трактат о литературе, в 8-ю д. — 9
В пятницу вечером, в 8-ю д. — 9
Подписка на „Заграничное Обозрение“ на 1836 г., с Модами — 80
Сальдо счета портрета Пугачева (см. ниже). — 95. 15

1835, ноября 2. Получено в счет долга

Всего Р. 2639. 28 коп.

Р. 466. 38

С. Петербург, 21 марта 1836.

1836, апреля 24.

Получено в счет долга 975,

Остаток Р. 2172. 90

за Ф. Беллизара и К^о И. Юнгмейстер

Остаток Р. 1197. 90

Счет портрета Пугачева.

Согласно подробному счету, поданному 18 июля

1835 г., причиталось нам — Р. 850. 15 коп.

Надлежит вычесть:

1835, август 14. Получено в счет долга — Р. 555.

1836, января 24. То же — 100.

Сальдо в нашу пользу — Р. 650.95. коп.

С. Петербург, 21 марта 1836.

1163. С. Н. Глинке. Около (не позднее) 26 марта 1836 г. Петербург.

Милостивый государь, Сергей Николаевич,

Искренно благодарю вас за любезное письмо Ваше (извините галлицизм). Современник мой еще не вышел — а выйдет со временем. Вы [тотчас] первый его получите.

Как адресовать письма к Федору Николаевичу?

Весь Ваш А. Пушкин.

Адрес: Его высокоородию м. г. Сергею Николаевичу Глинке. На Сергеевской в доме Болдырева № 37 на дворе.

1164. С. Н. Глинка — Пушкину. 26 марта 1836 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

На голос сердечный сердце быстро откликается.

А потому две первые части моих записок, которые прошли горнило цензуры, представлю Вам в субботу, около того времени, когда севодни был у Вас.

Волтер сказал:

„Величественно, прекрасно — создавать неблагодарных!“

Еще лучше созидать благодарных.

Всё зависит от Провидения. Но участие души, вызывающей голос сердца, осветляет и туман жизни.

Подлинного адреса к его превосходительству Федору Николаевичу не знаю. А по прежнему, можете просить, чтобы из дома генеральши Левашевой, живущей на Покровке, сооблаговостили доставить письмо в его наемный дом.

Ваш *Современник* будет *Сопотомственнымником*. Это термин моего изобретения; но гения не изобретешь. Он рождается появляется под влиянием своей звезды и продолжает жить в потомстве.

Весь ваш С. Глинка..

26 марта 1836 г. С. П.

Адрес: Его высокоблагородию, милостивому государю, Александру Сергеевичу Пушкину. На Невской набережной; в Прачешном переулке, в доме Баташева.

1165. В. А. Дурову. 17 и 27 марта 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Василий Андреевич,

Очень благодарю Вас за присылку записок и за доверенность, Вами мне оказанную. Вот мои

предположения: I) я издаю журнал: во второй книжке оно (т. е. в июле месяце) напечатаю я *Записки о 12 годе* (все или часть их) и тотчас перешлю Вам деньги по 200 р. за лист печатный. II) Дождавшись других записок брата Вашего, я думаю соединить с ними и *Записки о 12 годе*; таким образом книжка будет толще, и следственно дороже.

Полные *Записки*, вероятно, пойдут успешно после того как я о них протрублю в своем журнале. Я готов их и купить, и напечатать в пользу автора — как ему будет угодно, и выгоднее. Во всяком случае будьте уверены, что приложу всё возможное старание об успехе общего дела.

Братец Ваш пишет, что летом будет в П.[етер]Б.[урге]. Ожидаю его с нетерпением. Прощайте, будьте счастливы, и дай Бог Вам разбогатеть с легкой ручки храброго Александра, которую ручку прошу за меня поцаловать.

Весь Ваш А. Пушкин.

17 марта 1836 С. П. Б.

Сей час прочел переписанные *Записки*: прелесть! живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен. 27 марта.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Василью Андреевичу Дурову etc. etc. в Елабуге.

1166. П. А. Вяземский — Пушкину. Конец (не ранее 28) марта 1836 г. Петербург.

Вот тебе мое яичко. Я целую ночь и целое утро сидел над ним. Это еще не конец, но все пока отошли в цензуру и начни печатать. Остальное пришлю завтра, будут выписки из самой поэмы. Поправь как хочешь. Я совершенно разучился высиживать яйца. Всё как-то не лезет.

1167. В. А. Жуковский — Пушкину. Январь — март 1836 г. (?) Петербург.

У меня будут нынче в вечеру, часов в десять, Глинка, Одоевский и Розен для некоторого совешания. Ты тут необходим. Приходи, прошу тебя. Приходи непременно. А завтра (в субботу) жду тебя также непременно к себе часу во втором по утру. У меня будет живописец и ты должен с полчаса посидеть под пыткой его животворной кисти. На оба запроса прошу ответить: да.

Жуковский.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

1168. В. А. Жуковский — Пушкину. Январь — март 1836 г. (?) Петербург.

Не забудь, что ты у меня нынче в час будешь рисоваться. Если не найдешь меня, паче чаяния, дома; то найдешь у меня живописца. Прошу пожаловать.

Жуковский.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

1169. В. Ф. Одоевскому. Начало апреля 1836 г. Петербург.

У меня в 1 № не будет ни одной строчки вашего пера. Грустно мне; но времени нам не достало — а за меня приятели мои дали перед публикой обет выдать *Совр.[еменник]* на Фоминой.

Думаю 2 № начать статьею вашей, дельной, умной и сильной — и которую хочется мне наименовать *О вражде к просвещению*; ибо в том же № хочется мне поместить и *Разбор Постоялого Двора* под названием *о Некоторых романах*. Разрешаете ли Вы?

О Сегиеле, кажется, задумалась цензура. Но я не очень им доволен — к тому же как отрывок он в печати может повредить изданию полного вашего произведения.

Я еду во вторник. Увижу ли Вас дотоле?

Весь Ваш А. П.

Разговор Недовольных не поместил я, потому что уже *Сцены Гоголя* были у меня напечатаны — и что Вы могли друг другу повредить в эффекте.

1170. М. А. Дондукову-Корсакову. 6 апреля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь князь Михаил Александрович,

Осмеливаюсь обратиться к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою.

Конечно я не имею права жаловаться на строгость цензуры: все статьи, поступившие в мой журнал, были пропущены. Но разрешением оных обязан я единственно благосклонному снисхождению Вашего сиятельства, ибо цензор, г. Крылов, сам от себя не мог решиться их пропустить. Чувствуя в полной мере цену покровительства, Вами мне оказанного, осмеливаюсь однако ж заметить во-первых, что мне совестно и неприлично поминутно беспокоить Ваше сиятельство ничтожными запросами, между тем как я желал бы пользоваться правом, Вами мне данным, только в случаях истинно затруднительных и в самом деле требующих разрешения высшего начальства; во-вторых, что таковая двойная цензура отымает у меня чрезвычайно много времени, так что мой журнал не может выходить в положенный срок. Не жалею на излишнюю мнительность моего цензора; знаю, что на нем лежит ответственность, может быть, не ограниченная Цензурным Уставом; но осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о дозволении выбрать себе еще одного цензора; дабы таким образом вдвое ускорить рассматривание моего журнала, который без того остановится и упадет.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,
милостивый государь Вашего сиятельства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.
6 апреля 1836 С. П. Б.

1171. Д. В. Давыдов — Пушкину. 6 апреля 1836 г. Село Маза.

Я был у Языкова. — Он готов и поступает под знамены твои. Уведомь ради Бога пропустит ли цензура мою статью? Если будут споры на какие-нибудь слова или даже целые периоды — я уполномочиваю тебя вымарывать, изменять во всей статье что твоей душе угодно. В случае же, что всю статью остановят на таможене просвещения, то дай знать — я примусь за работу и другую пришло тебе.

Нет ли прижимки журналу твоему от наследника Лукула? Я знаю, что *Наблюдатель* охает; было замечание Строгонову на счет какой-то статьи Погодина. Считаю на меня — я под твоим начальством лихо служить буду. Кланяйся Вяземскому и Жуковскому и повергни меня к стопам жены своей.

Денис.

6 апреля. —

Вот что я дорогой мысленно сложил, только прошу *не* печатать:

*Я помню, — глубоко,
Глубоко мой взор
Как луч проникал и рожи и бор
И степь обнимал широко, широко*

*Но зоркие очи
Потухли и вы...
Я выглядел вас на деву любви,
Я выплакал вас в бессонные ночи!*

Пожалуйста не давай никому даже списывать. — Есть причина этому.

1172. М. А. Дондуков-Корсаков — Пушкину. 10 апреля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Согласно желанию Вашему, дабы ускорить рассматривание издаваемого Вами журнала, я вместе

с сим делаю распоряжение о назначении для этого предмета г. коллежского советника Гаевского в помощь г. Крылову, и весьма рад сему случаю доказать Вам, милостивый государь, на опыте всегдашнюю мою готовность содействовать с моей стороны к скорейшему изданию журнала и сочинений Ваших.

С совершенным почтением имею честь быть Ваш,
милостивый государь покорнейший слуга Князь Михаил Дондуков — Корсаков.

"10" апреля 1836.

Его высокобла[городи]ю А. С. Пушкину.

1173. П. А. Катенин — Пушкину. 12 апреля 1836 г. Ставрополь.

Как! Ты издаешь журнал, а я знаю о том едва по слуху! Хорошо ли это, Александр Сергеевич? Не похвально.

Кстати, ты мне совсем не пишешь.

Это нехорошо по отношению ко мне, который тебя так любит.

Я бы писал к тебе с утра до вечера во все дни живота, еслиб была возможность, писать о чемнибудь с этого того света, где я живу, коли живу. Одиночество Робинсона при мне, правда; но он был царь в своей пустыне, а я не имею и сей маленького утешения. Но обо мне ровно нечего говорить, и о городе Ставрополе, и о всей Кавказской области, Грузии etc. etc. etc., также нечего; я хочу тебя слушать; следовательно прошу писать, а покуда прочитать следующий эпиграмматический рондо:

*Фантазия, златое Сновиденье,
Улада чувств, рассудка обольщенье,
Цвет, радуга, блеск, роскошь бытия,
Легка как пух, светла как ток ручья,*

*И Диево любимое рожденье.
Но вот лежит тяжелое творенье,
Без рифм и стоп, нескладных строк сплетенье,
И названа в стихах галиматья:*

*Фантазия.
С чего Барон, нам издающий чтение,
Хвалил ее? что тут? своя семья?
Злой умысел? насмешка? заблужденье?
Вопрос мудрен, а просто разрешенье:
У всякого Барона есть своя
Фантазия.*

Буде в твоём Современнике сыщется местечко для этой безделки, выдай; но, разумеется, без подписи, и не говори никому, чья она: это большая тайна, которой я ни за что кроме тебя другому не скажу. Не смею слишком пенять что ты забыл меня; не ты один; все забыли, а что все делают, в том и греха нет, по общему суждению. Худа нет, положим, но вспомнить обо мне и обрадовать было бы хорошо, и этого я жду от тебя, не как от всех.

Весь твой Павел Катенин.

Апр.[еля] 12-го 1836. Ставрополь

Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

1174. М. П. Погодину. 14 апреля 1836 г. Михайловское.

Милостивый государь Михайло Петрович,

Пишу к Вам из деревни, куда заехал в следствии печальных обстоятельств. Журнал мой вышел

без меня, и вероятно Вы его уж получили. Статья о Ваших афоризмах писана не мною, и я не имел ни времени, ни духа ее порядочно рассмотреть. Не сердитесь на меня — если вы ею недовольны. Не войдете ли Вы со мною в сношения литературные и торговые? В таком случае прошу от Вас объявить без обиняков ваши требования. Если увидите Надежина, благодарите его от меня за Телескоп. Пошлю ему Современник. Сегодня еду в П.[етер]Б.[ург]. А в Москву буду в мае — порыться в Архиве, и свидеться с Вами.

Весь Ваш А. П.

14 апр. Михайловское

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Михаилу Петровичу Погдину В Москве в Университет.

1175. Н. М. Языкову. 14 апреля 1836 г. Голубово.

Отгадайте, откуда пишу к Вам, мой любезный Николай Михайлович? из той стороны
— где вольные живали etc.

где ровно тому десять лет пировали мы втроем — Вы, Вульф и я; где звучали ваши стихи, и бокалы с Емкой, где теперь вспоминаем мы Вас — и старину. Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевне, некогда полувоздушной девы, ныне дебелией жены, в пятой раз уже брюхатой, и у которой я в гостях. Поклон Вам ото всего и ото всех Вам преданных сердцем и памятью!

Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, усатый агроном, Тверской Ловлас — по прежнему милый, но уже перешагнувший за тридцатый год. Пребывание мое во Пскове не так шумно и весело ныне, как во время моего заточения, во дни как царствовал Александр; но оно так живо мне вас напомнило, что я не мог не написать Вам несколько слов в ожидании, что и Вы откликнетесь. Вы получите мой Современник; желаю, чтоб он заслужил Ваше одобрение. Из статей критических моя одна: о Кониском. Будьте моим сотрудником непременно. Ваши стихи: вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили Современника; опрысните его Вашими кипучими каплями. Послание к Давыдову — прелесть! Наш боец чернокудрявый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон, но после Ваших стихов опять его вымыл — и прав. Это знак благоговения к поэзии. Прощайте — пишите мне, да к стати уж напишите и к Вяземскому ответ на его послание, напечатанное в Новосельи (помнится) и о котором вы и слова ему не молвили. Будьте здоровы и пишите. То есть: *Живи и жить давай другим.* Весь Ваш А. П.

14 апр .

Пришлите мне ради Бога стих об Алексее бож.[ием] человеке , и еще какую нибудь Легенду —
Нужно .

Адрес: Николаю Михайловичу Языкову.

1176. А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 15 апреля 1836 г. Петербург.

Шеф Жандармов, Командующий Императорскою Главною Квартирою Отделение В С.-
Петербурге Апреля 15 дня 1836.

№ 2366.

Милостивый государь Александр Сергеевич

В первом томе издаваемого Вами журнала Современника помещена статья: Долина Ажитугай, сочиненная Султаном Казы-Гиреем, корнетом лейб-гвардии Кавказско-Горского полу-эскадрона.

Высочайшим его императорского величества повелением, последовавшим в 1834-м году, повелено: чтобы как военные, так и гражданские чиновники не иначе предавали печати литературные произведения свои, оригинальные и переводы, какого бы рода они не были, как по предварительном разрешении директоров департаментов, начальников штабов и генерал-интендантов.

Означенная статья корнета Султана Казы-Гирея не была предварительно представлена ни на мое рассмотрение, ни на рассмотрение начальника моего штаба.

Уведомляя о сем Вас, милостивый государь, я покорнейше прошу на будущее время не помешать в издаваемом Вами журнале ни одного произведения чиновников высочайше вверенного мне Жандармского корпуса, лейб-гвардии Кавказско-Горского полу-эскадрона и собственного конвоя государя императора, не получив на то предварительного моего или начальника моего штаба разрешения.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть,
Вашим, милостивый государь! покорнейший слуга Граф Бенкендорф.
Его высокоблагородию А. С. Пушкину.

1177. А. Жобар — Пушкину. 17 апреля 1836 г. Москва.

Милостивый государь.

Я вам бесконечно благодарен за ваше письмо и ваши похвалы. Все бранили мой перевод: его находили неточным, многословным, прозаическим, неверным; и я сам был того же мнения: теперь же, когда мэтр высказался, все находят мой перевод точным, сжатым, поэтическим и верным. Удивляюсь метаморфозе. Это происходит с людьми, как и с вещами. Я некогда знал маленького человечка, совершенную посредственность, но полного самомнения, честолюбивого, желчного, с тщеславием детским и смехотворным; посредством интриг, плагиатов, низостей и подлостей, ползая и пресмыкаясь как улитка, он пробрался в светонасные сферы, где орел устраивает свое гнездо. И с тех пор все — ну им восторгаться и восхвалять заслуги, дарования, добродетели, могущество пигмея, облеченного в великолепную эфирную мантию. — В один прекрасный день некий злой шутник приподнял полу таинственной, волшебной мантии, и показал миру жука, ползающее насекомое, таким, каким природа-мать его сотворила. Иллюзия мигом исчезла и уступила место правде; и стоило бы вам посмотреть, как с той же минуты все те, кто недавно пресмыкался у ног мужа света и разума, поднялись против него, стали над ним издеваться, насмехаться, освистывать его, забрасывать грязью.

Но, одобряя мой перевод, вы мне советуете, милостивый государь, не отдавать его в печать. Повинуюсь вам, но лишь временно. Я послал одну копию его моему брату в Бельгию, и другую — моему отцу, во Францию, как делаю со всеми документами моего дела; но со специальным условием ничего не печатать без моего распоряжения.

В тех чрезвычайных обстоятельствах, в которых я нахожусь, я счел необходимым принять эту меру предосторожности; таким образом, если мне не удастся добиться справедливости, которой я требую, — живым или мертвым, я буду отомщен путем опубликования этого сплетения несправедливостей, насилий и низостей, жертвой которых я являюсь уже столько лет.

Посылаю вам при сем копию пасхального яичка, отправленного мною моему начальнику, моему покровителю, господину министру народного просвещения; и прошу вас принять выражение моих чувств уважения и признательности.

Честь имею быть, милостивый государь, ваш нижайший и покорнейший слуга, Альфонс Жобар.
Москва, 17 апреля 1836.

1178. Е. Ф. Розен — Пушкину. 19 апреля 1836 г. Петербург.

Вот моя трагедия и отрывок, который я для вас предназначаю, если вы его одобрите. Присоединяю к этому еще лирическое стихотворение, отданное мною Карлгофу для его альманаха, но которое я могу взять обратно в случае, если оно вам понравится, потому что альманах этот, говорят, не выйдет в свет. Кажется, я наперед знаю ваше мнение об этой пьесе: вы скажете, что она чересчур уж немецкая! Я замышляю статью столь же странную, как и статья о рифме; я ничего вам о ней не скажу; напишу ее, принесу к вам — и мы вместе над ней посмеемся.

Весь ваш!
Розен.
19 апреля 1836.

Р. С. Я еще не прошелся в последний раз по моей трагедии: поэтому будьте снисходительны к небольшому пятнышку, которое исчезнет под самодержавным ножом. Я не перечитывал моей пьесы с тех пор, как переписал ее начисто: хочу, чтобы она стала мне совсем чужой для того, чтобы я мог лучше судить о ней. —

1179. А. А. Краевскому. Около 20 апреля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Андреевич

Вчера был я у Вас и не имел удовольствия застать Вас дома. Завтра явлюсь к Вам поутру. Не имею слов для изъявления глубочайшей моей благодарности — Вам и к.[нязю] Одоевскому. До свидания

весь Ваш А. П.

1180. А. Н. Мордвинов — Пушкину. 28 апреля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Его сиятельство граф Александр Христофорович просит Вас доставить к нему письмо, полученное Вами от Кюхельберга, и с тем вместе желает непременно знать чрез кого Вы его получили.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Ваш покорнейший слуга Александр Мордвинов.

28 апреля 1836.

1181. А. Н. Мордвинову. 28 апреля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Николаевич

Спешу препроводить к Вашему превосходительству полученное мною письмо. Мне вручено оно тому с неделю, по моему возвращению с прогулки, оно было просто отдано моим людям безо всякого словесного препоручения неизвестно кем. Я полагал, что письмо доставлено мне с Вашего ведома.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть,

милостивый государь Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

28 апр. 1836 С. П. Б.

1182. И. М. Пеньковский — Пушкину. 28 апреля 1836 г. Болдино.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Сообщаю для сведения Вашего, что с Вашей части в сельце Кистеневе по предписанию Николая Ивановича собранный оброк мартовский 900 руб. переслан в Московский Опекун.[ский] Совет 10 числа марта м[еся]ца и до сих пор не получено еще квитанций на оную сумму.

Предписывал мне Николай Иванович, дабы уведомить его, сколько именно в Кистеневе в Вашей части собирается годового дохода, о чем я уже и доносил, — и можно ли умножить годовой доход. Я другого средства не предвижу, как только возвысить на крестьянах оброк — это зависит от Вас — о сем до сих пор Николаю Ивановичу ничего не отвечал. —

Вчерашнего числа получил письмо Сергея Львовича, из которого понял, что находится в ужасном расстройстве после покойной Вашей матушки, а моей благодетельницы Надежды Осиповны, и в оном прописывает — Не знаю, куда приклонить голову. — Я на сие решился предложить Сергею Львовичу, дабы оставил Петербург и переехал в Болдино, что там может найти по сельскому хозяйству разного роду приятности и что может жить спокойно, ни в чем не нуждаясь. —

Так как мне известны все обстоятельства Сергея Львовича, по моему мнению одно только средство и остается, которым может поправить свое состояние, современем может быть полезным и для Вас. — Преданность моя к Вам и Сергею Львовичу заставила мне решиться на сие предложение.

Не оставляйте, Александр Сергеевич, сего без внимания, употребите все средства уговорить Сергея Львовича переездом в Болдино —

Намеревается Сергей Львович переехать в Москву и жить с зятем господином Сонцевым, и это к лучшему, но не столько полезно, в Болдине невпример меньше будет издержек, и более найдет развлечения и приятности.

Болдинской же дом совсем в другом виде, прошедшего лета выщекатурен, полы новые выкрашены, только недостает мебели. Деревенская мебель не требует значительной суммы, одним словом для житья удобен и тепел.

В селе Болдине и Кистеневе все благополучно, о чем доношу с истинным высокопочитанием и таковую же преданностью

Ваш милостивый государь всепокорнейший слуга И. Пеньковский

1183. П. А. Вяземский — Пушкину. 18–29 апреля 1836 г. Петербург.

Скажи мне минимум и максимум того, что ты намерен платить за печатный лист для Современника, разумеется за лист, который дуракам может казаться святым.

Я взял у Гоголя три книжки:

1 Дмитриеву

1 Г. Бобринскому (деньги не получены)

1 Смирновой.

У Вас взял 1 для Нессельроде: деньги отдал Алекс.[андре] Николаевне.

1184. М. А. Дондукову-Корсакову. Вторая половина апреля 1836 г. Петербург. (Черновое)

Письмо, коего В.[аше] с.[иятельство] удостоили меня, и статью о взятии Дрез[дена] имел я счастье получить.

Хотя ценсура и не могла допустить [к] печати оправдание генер.[ала] Дав[ыдова], — тем не менее, м.[илостивый] г.[осударь], благодарен я В.[ашему] с.[иятельству] за внимание, коим изволи[ли] почтить мою покорнейшую просьбу.

С глубоч.[айшим] почт[ением] и совершенной преданностию]

1185. М. А. Дондуков-Корсаков — Пушкину. Конец апреля 1836 г. Петербург. (Отрывок)

Нужное.

Князь Дондуков-Корсаков, свидетельств[вую свое почтение] Александру [Сергеевичу]

1186. В. А. Соллогуб — Пушкину. 1 мая 1836 г. Тверь.

Милостивый государь.

Дела заставляют меня покинуть Тверь на несколько дней. Считаю своим долгом предупредить вас об этом и прошу вас сообщить ваши условия относительно нашей дуэли подателю этой записки и моему секунданту князю Н. Козловскому.

Имею честь быть, милостивый государь, ваш покорнейший слуга

Граф В. Соллогуб.

Тверь, 1 мая 1836.

1187. И. П. Погодин — Пушкину. 1 мая 1836 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Все мое — ваше. Я рад участвовать во всяком вашем предприятии, на пользу и честь рус.[ской] словесности, но оскорбляюсь вашим вопросом о моих требованиях. Будет успех — хорошо, вы мне уделите что-нибудь; не будет — мне не надо ничего.

Какие статьи нужны вам, мы поговорим в Москве.

На первый случай могу предложить:

1. О новых толках в рус.[ской] истории (статья осязательная, для публики).

2. Новости из стран славянских, с которыми у меня живая корреспонденция.

3. У меня собрано множество документов для жизни Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, их писем, условий и т. п. Я хотел было издать всё это особо, но может быть вы захотите поместить у себя.

4. Об источниках для Слав.[янской] истории (вовсе неизвестных у нас) Шафа-фарика.

Если допускаете вы у себя шутку, то я напишу вам о политике журналов, как писал прежде.

Словом — располагайте: весь мой досуг принадлежит вам.

Ваш М. Погодин.

1 мая 1836.

1188. Н. Н. Пушкиной. 4 мая 1836 г. Москва.

4 мая Москва, у Нащокина против Старого Пимена, дом 2-жи Ивановой.

Вот тебе, царица моя, подробное донесение: путешествие мое было благополучно. 1го мая переночевал я в Твери, а 2го ночью приехал сюда. Я остановился у Нащокина. Квартира у него щегольская. Жена его очень мила. Он счастлив и потолстел. Мы разумеется друг другу очень обрадовались и целый вчерашний день проболтали Бог знает о чем. Я успел уже посетить Брюлова. Я нашел его в мастерской какого-то скульптора у которого он живет. Он очень мне понравился. Он хандрит, боится русского холода и прочего, жажлет Италии; а Москвой очень недоволен. У него видел я несколько начатых рисунков, и думал о тебе, моя прелесть. Не уж-то не будет у меня твоего портрета им писанного! невозможно, чтоб он, увидя тебя, не захотел срисовать тебя; пожалуйста не прогони его, как прогнала ты Прусака Криднера. Мне очень хочется привести Брюлова в П.[етер].Б.[ург.] А он настоящий художник, добрый малой, и готов на всё. Здесь Перовский его было заперел; перевез к себе, запер под ключ и заставил работать. Брюлов насилу от него удрал. Домик Нащокина доведен до совершенства — недостает только живых человечиков. Как бы Маша им радовалась! Вот тебе здешние новости. Акулова, долгоносая певица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ее Варвара сошла с ума от любви. Она была влюблена и надеялась выдти замуж. Надежда не сбылась. Она впала в задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры совершенно ее помutilа. Она убежала к Троице. Ее насилу поймали, и увезли. Мне очень жаль ее. Надеются что у ней белая горячка, но вряд ли. Видел я свата нашего Толстого; дочь у него так-же почти сумасшедшая, живет в мечтательном мире, окруженная видениями, переводит с греческого Анакреона, и лечится омеопатически. Чедаева, Орлова, Раевского и Наблюдателей (которых Нащокин называет тринадцать) еще не успел видеть. С Наблюдателями и книгопродавцами намерен я кокетничать и постараюсь как можно лучше распорядиться с Современником. — Вот является Нащокин и я для него оставляю тебя. Цалую и благословляю тебя и ребят. Кланяюсь дамам твоим. Здесь говорят уже о свадьбе Marie W.[iazemsky] — я секретничаю покаместь. Прости — мой друг — цалую тебя еще раз.

Адрес: Ее высокоблагородию м. г. Натальи Николаевне Пушкиной в С. Петербург у Прачечного мосту в доме Баташева.

1189. И. И. Дмитриев — Пушкину. 5 мая 1836 г. Москва.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Знаю по себе всю важность вашей потери, и на сей раз могу только сказать: всем сердцем сожалею об вас и об Сергее Львовиче.

Между тем чувствительно благодарю вас за билет на Современника, и за первую книжку — не смею сказать — оного. Но ваше щедролюбие усовещевает мое корыстолюбие, и возбудило во мне бесплодное желание и помолодеть и поумнеть на равне с вами или хотя с к.[нязем] Вяземским и Языковым, чтоб самому быть достойным вкладчиком в Современника и не даром получать его.

Я люблю хвалить авторов в третьем лице, а потому и ограничиваюсь теперь не многими словами: журнал ваш расшевелил и освежил меня на целую неделю и заставил позабыть сводных братьев своих.

Знает ли Василий Андреевич, что он на *Ночном Смотре* получил одинаковое вдохновение с каким-то Зейдлицом? Сообщаю вам перевод и стихов Зейдлица. Он уже давно сделан, но до сих пор лежит в портфеле у переводчика.

Прощайте, любезный Поэт, бодрствуйте духом, украшайте нашу словесность, и уговорите Сергея Львовича побывать с вами на вашей и его родине.

В этой надежде, с искренним почтением и преданностью имею честь быть,
милостивый государь! вашим покорнейшим слугою, И. Дмитриев.
Москва 1836 Маия 5. дня.

1190. Н. Н. Пушкиной. 6 мая 1836 г. Москва.

Вот уж три дня как я в Москве, и всё еще ничего не сделал: Архива не видал, с книгопродавцами не сторговался, всех визитов не отдал, к Солнцевым на поклонение не бывал. Что прикажешь делать? Нащокин встает поздно, я с ним забалтываюсь — глядь, обедать пора, а там ужинать, а там спать — и день прошел. Вчера был у Дмитриева, у Орлова, Толстого; сегодня собираюсь к остальным. Поэт Хомяков женится на Языковой, сестре поэта. Богатый жених, богатая невеста. Какие бы тебе московские сплетни передать? что-то их много, да не вспомню. Что Москва говорит о П.[етер] Б.[ург]е, так это умора. На пример: есть у Вас некто *Савельев*, кавалергард, прекрасный молодой человек, влюблен он в *Idalie* Политику и дал за нее пощечину Гринвальду. Савельев на днях будет расстрелен. Вообрази как жалка *Idalie*! И про тебя, душа моя, идут кой какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жен своих, однако ж видно что ты кого-то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостию, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц. Не хорошо, мой ангел: скромность есть лучшее украшение Вашего пола. Чтоб чем-нибудь полакомить Москву, которая ждет от меня, как от приезжего, свежих вестей, я рассказываю, что Алекс.[андр] Карамзин (сын историографа) хотел застрелиться из любви к красавице-брюнетке, но что по счастью пуля вышибла только передний зуб. Однако полно врать. Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву прочесть Ревизора. Без него актерам не спеться. Он говорит, комедия будет карикатурна и грязна (к чему Москва всегда имела поползновение). С моей стороны я то же ему советую: не надобно чтоб Ревизор упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в П.[етер]Б.[ург]е. При сем пакет к Плетневу, для *Современника*; коли цензор Крылов не пропустит, отдать в комитет, и ради Бога, напечатать во 2 №. Жду письма от тебя с нетерпением, что твое брюхо, и что твои деньги? Я не раскаиваюсь в моем приезде в Москву, а тоска берет по Петербурге. На даче ли ты? Как ты с хозяйном управлялась? что дети? Экое горе! Вижу что непременно нужно иметь мне 80,000 дохода. И буду их иметь. Не даром же пустился в журнальную спекуляцию — а ведь это всё равно что золотарство, которое хотела взять на откуп мать Безобразова: очищать русскую литературу, есть чистить нужники и зависеть от полиции. Того и гляди что... Чорт их поberi! У меня кровь в желчь превращается. Цалую тебя и детей. Благословляю их и тебя. Дамам кланяюсь.

1191. П. А. Вяземскому. 7 мая 1836 г. Москва.

Вот в чем дело:

Рязанским губернатором было сделано представление (№ 11,483) касательно пенсии, следующей вдове Степана Савельевича Губанова, губернского землемера. Жена его в крайности и просит ускорить время получения оной пенсии.

Пожалуйста, мой милый, сделай это через Д. В. Дашкова от которого дело это зависит. Очень обяжешь и Акулова, у которого пишу тебе эту записку и который о том же тебя просит

А. Пушкин 7 мая

1192. Н. Н. Пушкиной. 10 мая 1836 г. Москва.

Сей час получил от тебя письмо, и так оно меня разнежило, что спешу переслать тебе 900 р. — Ответ напишу тебе после, теперь, покаместь, прощай. У меня сидит Ив.[ан] Н.[иколаевич].

1193. Н. Н. Пушкиной. 11 мая 1836 г. Москва.

Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и прошу прощения у тебя за себя и книгопродавцев. Они ужасный мове-тон, как говорит Гоголь, т. е. хуже нежели мошенники. Но Бог нам поможет. Благодарю и Одоевского за его типографические хлопоты. Скажи ему чтоб он печатал как вздумает — порядок ничего не значит. Что записки Дуровой? пропущены ли Цензурою? они мне необходимы — без них я пропал. Ты пишешь о статье *Гольцовской*. Что такое? Кольцовской или Гоголевской? — Гоголя печатать, а Кольцова рассмотреть. Впрочем это не важно. Вчера был у меня Ив.[ан] Ник.[олаевич]. Он уверяет что дела его идут хорошо. Впрочем Дм.[итрий] Ник.[олаевич] лучше его это знает. Жизнь моя пребеспутная. Дома не сижу — в Архиве не роюсь. Сегодня еду во второй раз к Малиновскому. На днях обедал я у Орлова, у которого собрались Московские Наблюдатели, между прочим жених Хомяков. Орлов умный человек и очень добрый малый, но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям; Раевский (Ал.[ександр]) который прошлого разу казался мне немного приглупевшим, кажется опять оживился и поумнел. Жена его собою не красавица — говорят, очень умна. Так как теперь к моим прочим достоинствам прибавилось и то что я журналист, то для Москвы имею я новую прелесть. Недавно сказывают мне, что приехал ко мне Чертков. От роду мы друг к другу не езжали. Но при сей верной оказии вспомнил он что жена его мне родня, и потому привез мне экземпляр своего *Путешествия в Сицилию*. Не побранить ли мне его по родственному? Вчера [об]едал] ужинал у кн.[язя] Фед.[ора] Гагарина, и возвратился в 4 часа утра — в таком добром расположении как бы с бала. Нашекин здесь одна моя отрада. Но он спит до полудня, а вечером едет в клуб, где играет до света. Чедаева видел всего раз. Письмо мое похоже на тургеневское — и может тебе доказать разницу между Москвою и Парижем. Еду хлопотать по делам Современника. Боюсь, чтоб книгопродавцы не воспользовались моим мягкосердием и не выпросили себе уступки вопреки строгих твоих предписаний. Но постараюсь оказать благородную твердость. Был я у Солнцовой. Его здесь нет, он в деревне. Она зовет отца к себе в деревню на лето. Кузинки пищат, как галочки. Был я у Перовского, который показывал мне недоконченные картины Брюлова. Брюлов, бывший у него в плену, от него убежал и с ним поссорился. Перовский показывал мне Взятие Рима Гензериком (которое стоит Последн.[его] дня Помп.[еи]) приговаривая: Заметь, как прекрасно подлец этот нарисовал этого всадника, мошенник такой. Как он умел эта свинья, выразить свою канальскую, гениальную мысль, мерзавец он, бестия. Как нарисовал он эту группу, пьяница он, мошенник. Умора. Ну прощай. Цалую тебя и ребят, будьте здоровы — Христос с Вами.

11 мая.

1194. К. А. Полевому. 11 мая 1836 г. Москва.

Милостивый государь Ксенофонт Алексеевич

Я не отвечал на последнее письмо Ваше, надеясь лично с Вами увидеться. Книгопродавец Фариков доставил мне книгу, которую сделали Вы мне честь прислать на мое имя. Что касается до Современника, то Фариков не захотел взять его от меня, переслав Вам его сам от себя. Деньги (275 р.), о которых Вы мне изволите писать, также мне им не доставлены. Покорнейше прошу, если впредь угодно будет Вам иметь дело со мною, ничего не поручать г. Фарикову — ибо он кажется человек не надежный и не аккуратный.

С истинным почтением честь имею быть
Вашим покорнейшим слугою А. Пушкин.

1195. П. Я. Чаадаев — Пушкину. Первая половина мая 1836 г. Москва.

Я ждал тебя, любезный друг, вчера, по слову Нащокина, а нынче жду по сердцу. Я пробуду до восьми часов дома, а потом поеду к тебе. В два часа хожу гулять и прихожу в 4. Твой Чаадаев.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

1196. Н. Н. Пушкиной. 14 и 16 мая 1836 г. Москва.

Что это, женка? так хорошо было начала и так худо кончила! Ни строчки от тебя; уж не родила ли ты? сегодня день рождения Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нет ли у него нового братца или сестрицы? погоди до моего приезда. А я уж собираюсь к тебе. В Архивах я был, и принужден буду опять в них зарыться месяцев на 6; что тогда с тобою будет? А я тебя с собою, как тебе угодно, уж возьму. Жизнь моя в Москве степенная и порядочная. Сажу дома — вижу только мужеск пол. Пешком не хожу, не прыгаю — и толстею. На днях звал меня обедать Чертков, приезжаю — а у него жена выкинула. Это нам не помешало отобедать очень скучно и очень дурно. С литературой московскою кокетничаю как умею; но Наблюдатели меня не жалуют. Любит меня один Нашекин. Но тинтере мой соперник, и меня приносят ему в жертву. Слушая толки здешних литераторов, дивлюсь как они могут быть так порядочны в печати, и так глупы в разговоре. Признайся: так ли и со мною? право боюсь. Баратынский однакож очень мил. Но мы как-то холодны друг ко другу. Зываю Брюлова к себе в П.[етер] Б.[ург] — но он болен и хандрит. Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности; я говорю: У меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылепим. Видел я невесту Хомякова. Не разглядел в сумерках. Она, как говорил покойный Гнедич, не красавица, [но] хорошенькая фигурка. Прощай, на минуту: ко мне входят два буфона. Один маиор-мистик; другой пьяница-поэт; оставляю тебя для них.

14 мая

На силу отделался от буфонов — в том числе от Норова. Все зовут меня обедать, а я всем отказываю. Начинаю думать о выезде. Ты уж вероятно в своем загородном болоте. Что-то дети мои и книги мои? Каково-то перевезли и перетасили тех и других? и как перетасила ты свое брюхо? Благословляю тебя, мой ангел. Бог с тобою и с детьми. Будьте здоровы. Кланяюсь твоим наездникам. Цалую ручки у К.[атерины] Ив.[ановны]. Прощай.

А. П.

Я получил от тебя твое премилое письмо — отвечать некогда — благодарю и цалую тебя, мой ангел. 16 мая.

1197. Н. Н. Пушкиной. 18 мая 1836 г. Москва.

Жена мой ангел, хоть и спасибо за твое милое письмо, а всё таки я с тобою побранюсь: зачем тебе было писать: Это мое последнее письмо, более не получишь. Ты меня хочешь принудить приехать к тебе прежде 26. Это не дело. Бог поможет, Современник и без меня выдет. А ты без меня не родишь. Можешь ли ты из полученных денег дать Одоевскому 500? нет? Ну, пусть меня дождутся — вот и всё. Новое твое распоряжение, касательно твоих доходов, касается тебя, делай как хочешь; хоть кажется лучше иметь дело с Дм.[итрием] Ник.[олаевичем] чем с Нат.[альей] Ив.[ановной.] Это я говорю только в интересах мсье Дюрье и мадам Зихлер; а мне всё равно. Твои петербургские новости ужасны. То, что ты пишешь о Павлове, помирило меня с ним. Я рад что он вызывал Апрелева. — У нас убийство может быть гнусным расчетом: оно избавляет от дуэля, и подвергается одному наказанию — а не смертной казни. Утопление Стальпина — ужас! не уж то невозможно было ему помочь? У нас в Москве, всё слава Богу смирно: бой Киреева с Яром произвел великое негодование в чопорной здешней публике. Нащокин заступает за Киреева очень просто и очень умно: что за беда что

гусарский поручик напился пьян и побил трахтирщика, который стал обороняться? Разве в наше время, когда мы били немцев на Красном Кабачке, и нам не доставалось, и немцы получали тычки сложа руки? По мне драка Киреева гораздо простительнее, нежели славный обед ваших кавалергардов, и благоразумие молодых людей, которым плюют в глаза а они утираются батистовым платком, смекая что если выдет история, так их в Аничков не позовут. Брюлов сей час от меня. Едет в П.[етер]Б.[ург] скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уж полицейские выговоры и мне говорили: *Вы не оправдали* и тому подобное. Что же теперь со мною будет? Мордвинов будет на меня смотреть как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона; чорт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать. Прощай, будьте здоровы.

Цалую тебя.

18

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной. В С. Петербург в доме Баташева у Прачечного моста на набережной.

1198. Д.В. Давыдов — Пушкину. 18 мая 1836 г. Село Маза.

Правда твоя, видно какая-нибудь особого рода немецкая ведьма горой стоит и за Дрезден и за Винценгерода. Вот другой раз как я в дураках от этого проклятого городишка, и другой раз как Ч[ернышев] спасает Винценгерода: первый раз от французских жандармов, которые везли его *на заклятие* во Францию; в другой раз от анафемы, воспетой мною поганой его памяти. Право, это замечательно! Надо, чтоб в 1812 году Ч[ернышев], шедший с партией казаков от Бреста к Полоцку, неожиданно повстречал Винценгерода там, где уже он не имел никакой надежды на избавление, и избавил его от смерти и потом, надо чтобы в министерство его, 23 года после, я вздумал потешиться над человеком, которого он продолжает прикрывать своею егидою и за пределами гроба, — что впрочем с его стороны и честно и благородно. Если немецкие бароны допускаются в рай и молитвы их доступны всевышнего, важного покровителя приобрел себе Ч[ернышев]; но если слабости наши сопутствуют нам и на тот свет, то защита его втуне: неблагодарность Винценгерода продолжается и верно он то же говорит о Ч[ернышеве] там, что говорил мне про него здесь при выговоре, делаваемого им мне за взятие Дрездена: в пылу гнева он обрушился на партизанов вообще и разругал более Ч[ернышева] чем меня.

Как бы то ни было, а Эскадрон мой, как ты говоришь, опрокинутый, растрепанный и изрубленный саблею Ценсуры, прошу тебя привести в порядок: — убитых похоронить, раненых отлатить в лазарет, а с остальным числом всадников — ура! и снова в атаку на военно-ценсурный Комитет. Так я дельвал в настоящих битвах, — унывать грешно солдату — унывать грешно солдату — надо или лопнуть или врубиться в паршивую колонну [Ценсуры]. Одного боюсь: как ты уладишь, чтобы, при исключении погибших, Эскадрон сохранил связь, узел, единство? возьми уже на себя этот труд ради Бога, составь разорванные части — и сделай из них целое. Между тем — не забудь без замедления прислать мне [экземпляр[?]] чадо мое (рукопись), потерпевшее в битве; дай мне полюбоваться на благородные его раны и рубцы, полученные в неровной борьбе, смело предпринятой и храбро выдержанной, — я его оставлю *дома до поры и до время.* Это мне приводит на память Берниса, который был в том же почти отношении к кардиналу Флэри, как я к Ч[ернышеву]. Флэри с гневом сказал Бернису: *Пока я жив, сударь, вы не напечатаете этого послания [...] Ваше высокопреосвященство, я могу подождать.* Если успею, то к 2-му номеру, а если не успею, то к 3-му пришлю тебе такой Эскадрон, который пройдет через военную цензуру нос кверху, фуражка на бекрень и с сигаркою в зубах — как бывало я хаживал в трактирах и борделях мимо общества приказных. Пожалоста присылай рукопись искаженную; умираю хочу видеть ее в этом положении. Прости.

Денис Давыдов.

Журнала твоего еще не получал.

1836. — Мая 18. Симб. губ. Сызран. уезда С. Маза.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину. В собственные руки.

1199. П. И. Шаликов — Пушкину. 5 — 20 мая 1836 г. Москва.

Ах! как я жалел, жалею и буду жалеть, что поспешил вчера сойти с чердака своего, где мог бы принять бесценного гостя и вместе с ним сойти в *гостиную*, где жена и дочь моя разделили бы живейшее удовольствие моего сердца, разделяя со мною все чувства относительно этого, повторяю, бесценного и, присовокуплю, редкого *для всех* гостя!.. Ужасная груда газетной корректуры не допускает меня сказать любезнейшему Александру Сергеевичу изустно всё, что хотелось бы сказать; но может *статься* как-нибудь *удастся* (к поэту рифмы так и рвутся. ... ах-ти! да вот и стих!..) *удастся*, говорю, видеть и слышать нового Петрова историка; а между тем посылаю дань Карамзину с просьбою поместить, еще достойна, в Современник, о котором также прошу и также еще можно: по крайней мере я возвещал о нем в своей газете: *усердие* значит же что-нибудь; но получить в *подарок* такой журнал от такого издателя... это не имеет *термина* — во всех отношениях. Однако ж, довольно!

Преданнейший душою К.[нязь] Шаликов.

[Приложение]

К ПОРТРЕТУ КАРАМЗИНА.

*С твоим ли образом в душе и пред очами
Не буду верен я тому,
Что некогда своими ты устами
Передавал уму и сердцу моему!
Замолкнет ли в груди моей твой голос звучный
Вещаньем истины, добра и красоты,
С которыми до гроба неразлучный,
Творил изящный мир нам в поученье ты!
Противники ль твои — Пигмеи дерзновенны
Введут рассудок мой, тобою озаренный,
В сей жалкий Лабиринт, где жалкий гений их
Блуждает ввек без нити благотворной,
Где в гордых замыслах своих
Они покорствуют лишь воле, непокорной
Светильнику небесного огня,
Пылавшего в тебе, великий муж, до дня
Вещественной разлуки с нами.
Нет! нет! наставленный и гением твоим,
И жизнь твою, останусь верен им
И мыслями, и в чувствах, и словами!*

Князь Шаликов.

1200. А. А. Фукс — Пушкину. 24 мая 1836 г. Казань.

Казань, 1836-го года мая 24.

Милостивый государь, Александр Сергеевич,

Последнее письмо ваше ко мне, как и все мои к вам, дошло до меня очень поздно: причина этому ранняя весна, которая заставила меня прожить в деревне долее, нежели как я предполагала. В день моих именин мне отдали письмо вместе с драгоценным вашим подарком. Я была в восхищении, и без сомнения вместе со мною радовался и мой ангел. Родные мои и знакомые были тогда у меня; они разделили со мною мою радость, и при восклицаниях кипел кубок за ваше здоровье. Этому был

свидетель ваш петербургской житель Приклонский. Поблагодарив усердно за письмо, за книги и за билет, приношу также мою чувствительную благодарность за позволение посылать к вам мои сочинения в ваш журнал. — Очень сожалею, что моя нерадивая Муза диктует мне такие ничтожности, которые послать к вам я никогда бы не осмелилась. Но, исполняя ваше приказание, что есть, посылаю: отрывки из Писем о скитах в Нижегородской губернии, два действия водевиля, первую главу моей повести, взятой из предания татарского об основании и переселении Казани, и одну элегию, которую взял у меня Деларю, чтоб отдать, ежели возможно, вам, а не то в Библиотеку для Чтения. Я почту себя счастливою, ежели вы из моих сочинений найдете что нибудь достойное для помещения в Современник. — Все сочинения, посылаемые к вам, прежде зимы печататься не будут: я бы желала, чтобы они ранее показались в вашем журнале: тогда бы злая критика не смела очень грозно на меня вооружиться. С истинным моим высокопочтанием, честь имею пребыть вам,

Милостивый государь, навсегда покорнейшая Александра Фукс.

Писарь, не умеющий писать, наделал множество ошибок в своих тетрадях.

Карл Федорович поручил мне засвидетельствовать вам его почтение; он также имеет намерение к вам послать свои сочинения. Но вот затруднение — мы не знаем к вам адреса. Я уже придумала послать к вам посылку и письма через Панаева.

1201. П. В. Нащокину. 27 мая 1836 г. Петербург.

Любезный мой Павел Воинович,

Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь, и на пороге узнал, что Нат.[алья] Ник.[олаевна] благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день, я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении. Дай Бог не сглазить, всё идет хорошо. Теперь поговорим о деле. Я оставил у тебя два порожних экз.[емпляра] Современника. Один отдай кн. Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей, NB) и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидеться. Во-вторых, я забыл взять с собою твои Записки; перешли их, сделай милость, поскорее. В-третьих деньги, деньги! Нужно их до зареза. —

Путешествие мое было благополучно, хотя три раза чинил я коляску, но слава Богу — на месте т. е. на станции, и не более 2-х часов в общем.

Второй № Современника очень хорош, и ты скажешь мне за него спасибо. Я сам начинаю его любить, и вероятно займусь им деятельно. Прощай, будь счастлив в тинтере и в прочем. Сердечно кланяюсь Вере Алекс.[андровне.] Ее комиссий сделать еще не успел. На днях буду хлопотать.

27 мая .

Вот тебе анекдот о моем Сашке. Ему запрещают (не знаю за чем) просить чего ему хочется. На днях говорит он своей тетке: Азя! дай мне чаю: я просить не буду.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Павлу Воиновичу Нащокину etc. в Москве.

1202. Д. В. Давыдову. 20-е числа (после 23) мая 1836 г. Петербург.

[Я сей час из Москвы —]

Статью о Дрезд.[ене] не могу тебе прислать прежде нежели ее не напечатают, ибо она есть ценсурный документ. Успеешь наглядеться на ее благородные раны.

Покаместь благодарю за позволение — напечатать ее и в настоящем ее виде. — А жаль, что не тиснули мы ее во 2-м № Соврем.[енника], который будет весь полон Наполеоном куда бы к стати тут же было заколоть у подножия Вандомской колонны генерала Винценгероде как жертву примирительную! — я было и рукава засучил! Вырвался, проклятый: Бог с ним, черт его побери.

Вяз.[емский] советует мне напечатать твои очи без твоего позволения — Я бы рад, да как-то боюсь. Как думаешь — ведь можно бы — без имени?...

От Язык.[ова] жду писем.

1203. Н. М. Языков — Пушкину. 1 июня 1836 г. Село Языково.

1 июня 1836 г. Село Языково.

Спасибо вам, что Вы обо мне вспомнили в Тригорском... тогда я был легок!.. Ваш Современник цветет и красуется: жаль только, что выходит редко: лучше бы книжки поменьше, да чаще. Я пришло вам стихов. — Что делать мне с Ж.[ар] Птицей? Я вижу, что этот род не может иметь у нас полного развития; я хотел только попробовать себя: теперь примусь за большее.

Я собираюсь в Белокаменную, на свадьбу сестры, — повезу туда и всю Птицу. — Мне пишут, что вы опять будете в Москве — дай Бог мне с вами там съехаться. Наблюдатель выходит все плоше и плоше — жаль мне, что я увязал в него стихи мои: его никто не читает.

Ответ на послание кн.[язя] Вяземского будет скоро — виноват я грешный перед ним, но ведь я был немощен и хил — поправляюсь и исправлюсь. *Ваш Н. Языков.*

Легенду об Ал.[ексее] Б.[ожем] ч.[еловеке] я послал к брату для передачи вам: это не то, ее должно взять у Петра Киреевского, сличенную со многими списками и потом уже...

1204. Д. В. Давыдов — Пушкину. 2 июня 1836 г. Село Маза.

2-го июня — Симб.[ирской] губ.[ернии] Сызран.[ского] уезда. С.[ело] Маза.

Посылаю тебе того удальца-партизана, о котором писал тебе; ты увидишь, что писал правду. Он может пройти бодро и смело мимо Ценсурного Комитета, не ломая шапки, а в случае каприза наплевать членам в глаза, — *так, — здорово-живешь*, от нечего делать, чтобы показать, что никого не боится. Прочти со вниманием эту статью и исправь слог ее, потому что я ее писал сплеча, на скоро, — а между тем заметь: мысль богатая. Это открытие нового рудника силы империи и [пре] и намек, как из него бить монету славы. Недостаток статьи состоит в гомеопатической ее краткости, что вовсе не действует на наших государственных мужей; у них горлы аллопатически широкие и любят глотать огромные пилюли, хотя бы они сделаны были из одного белого хлеба. Я это знаю, и потому статья к тебе посылаемая есть только вступление к сочинению довольно обширного размера: Опыт партизанского действия, некогда мною изданного и теперь совершенно переделанного.

Знаешь ли, что бы мне хотелось сделать для тебя? Послать к тебе на некоторое время вступление мое к Польской войне, которую я было вздумал описывать. Всего вступления печатать нельзя, потому что... нельзя. Хотя оно писано в духе анти-либеральном и царь наш выставлен, каким он истинно есть: твердым, великим и душой русским, но так как я говорю о других особах с тою же благосклонностию, как о Винценгероде, а у этих особ всегда много заступников, потому что рука руку моет, — то можно бы сделать некоторые извлечения из книги: — но как сделаешь извлечения? Всякая книга как кольчуга, кольцо в кольцо: разорвать ее легко, но что из этого выдет? вынутые кольца негодятся даже и для обручения Корсакову (Григорью), который, как тебе верно уже известно, женится, — а кольчуга останется с прорехою, как невеста его, вдова Леонтьева. Долго, 45 лет, если не более, человек этот обдумывал дело, которое позволительно только делать надумавши, иначе даешь всё право на весьма невыгодное заключение о своей умственной способности. Мне жаль его душевно. Он человек прекрасный и любящий жизнь свободную, к тому же и сошник в [сохе[?]] плугу его — по слухам, — невесьма исправен; теперь надевай ярмо, да принимайся за пашню волею или не волею; она же, как говорят, взыскательна на барщине; покойного Леонтьева вплоть запахала.

Вот куда занесла меня свадьба Корсакова: начал польскою войною, а кончил делом, в котором [ни] капли крови не прольется. — Вот уже две почты прошли, а я всё-таки обещанного тобою Современника не получил и еслиб не прочел его у знакомого, то по сию пору не знал бы его содержания. Присылай ради Бога первый номер, а в присылки следующих будь окуратнее. Меня многие спрашивали, где на твой журнал подписываться, и я не мог им дать ответа, — уведошь. — Прости, обнимаю тебя.

Денис Давыдов.

1205. Л. С. Пушкину. 3 июня 1836 г. Петербург.

Вот тебе короткий расчет нашего предполагаемого раздела:

80 душ и 700 десятин земли в Пск.[овской] губ[ерн]ии стоят (полагая 500 р. за душу вместо обыкновенной цены 400 р.) — 40,000 р.

Из оных выключается 7ая часть на отца — 5,714

Да 14ая часть на сестру — 2,857

И того — 8,571 —

Отец наш отказался от своей части и предоставил ее сестре.

На нашу часть остается разделить поровну — 31,429 р.

На твою часть придется — 15,715.

Прежде сентября месяца мы ничего не успеем сделать.

Напиши, какие у тебя долги в Тифлисе и если успеешь, то купи свои векселя покаместь кредиторы твои не узнали о твоём наследстве.

Из письма твоего к Ник.[олаю] Ив.[ановичу] вижу, что ты ничего не знаешь о своих делах. Твой вексель, данный Болтину, мною куплен — долг Плещееву заploчен (кроме 30 червонцев, о которых он писал ко мне, когда уже отказался я от управления нашим именем). Долг Ник.[олаю] Ив.[ановичу] также заploчен. Из мелочных не заploчен долг Гута, и некоторые другие, которые ты знаешь, говорит мне Ник.[олай] Ив.[анович.]

3 июня .

Мнение мое: эти 15,000 рассрочить тебе на 3 года — ибо вероятно тебе деньги нужны и ты на получение доходов с половины Михайловского согласиться не можешь. — О положенном тебе отцем буду с ним говорить, хоть это вероятно ни к чему не поведет. Отдавая ему имение, я было выговорил для тебя независимые доходы с половины Кистенева. Но видно отец переменял свои мысли. Я же ни за что не хочу более вмешиваться в управление или разорение имения отцовского.

1206. А. А. Краевскому. 6 июня 1836 г. Петербург.

В статье Вяземского о Юлии Кес.[аре] и Наполеоне есть ошибки противу языка в собственных именах. На пример: Тарквин вместо Тарквиний, Парфы вместо Парфяне, Тиверий вместо Тиберий — и другие. Исправьте, сделайте милость, если заметите.

6 июня

1207. Д. В. Давыдов — Пушкину. 6 июня 1836 г. Село Маза.

Сделай милость отсеки весь хвост у статьи моей *О партизанской войне*, от самого слова в отдельных действиях и приставь хвост, тебе посылаемый. Кажется этот будет лучше. При всем том прошу поправить слог как в нем, так и во всей статье. Я их писал во все поводы, следственно перескакивал чрез кочки и канавы: — надо одни сгладить, другие завалить фашиником, а твой фашиник из ветвей лавровых.

Денис Давыдов.

6 июня. Маза

Стихи к Башилову, названные мною Челобитною, можешь печатать хоть сей час.

1208. Д. В. Давыдов — Пушкину. 7 июня 1836 г. Село Маза.

7 июня — Сymb. губ. Сызран. уез. С. Маза.

Посылаю тебе, любезный друг, стихи, сей час мною написанные. Я об них могу кричать *стихи горячие*, как блинники кричат *блины горячие*. Это Челобитная Башилову. У меня есть каменный, огромный дом в Москве, окно в окно с пожарным депо. В Москве давно ищут купить дом для обер-

полицемейстера — я предлагаю мой — вот всё, о чем идет дело в моей Челобитной. Ты можешь напечатать ее в *Современнике*. Только повремени немного, то есть до 3-го номера. Главное дело в том, чтобы Челобитная достигла своей позитивной, а не поэтической цели; чтобы прежде подействовала на Башилова и понудила бы его купить мой дом за 100 тысяч рублей — а там, после [долгих(?)] *нет с* его стороны, пусть поступает в область фикций вместе с моими надеждой и предприятием.

Денис Давыдов.

1209. Н. А. Дурова — Пушкину. 7 июня 1836 г. Петербург.

Имя, которым вы назвали меня, милостивый государь, Александр Сергеевич, в вашем предисловии, не дает мне покоя! нет ли средства помочь этому горю? Записки хоть и напечатаны, но в свет еще не вышли, публика ничего об них не знает, и так не лзя ли сделать таким образом: присоедините их к тем, что сегодня взяли у меня, издайте все вместе от себя и назовите: Своеручные записки русской амазонки известной под именем „Александрова“. Что получите за эту книгу, разделите со мною пополам, за вычетом того, что употребите на напечатание. Таким образом вы не потерпете ничего чрез уничтожение тех листов, где вы называете меня именем, от которого я вздрагиваю, как только вздумаю, что 20-ть тысяч уст его прочитают и назовут. Угодно ли вам мое предложение? не опечаливайте меня отказом.

Когда покажете царю мои Записки, скажите ему просто, что я продаю их вам, но что меня самого здесь нет; непостижимый страх овладевает мною при мысли о нашем государе! Может быть он и напрасен, но я не могу управится с каким-то неприятным предчувствием. В ожидании ответа вашего остаюсь

истинно почитающий вас Александров.

1210. Н. А. Дуровой. Около 10 июня 1836 г. Петербург.

Вот начало ваших записок. Все экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будет остановить издание. Мнение мое, искреннее и бескорыстное — оставить как есть. Записки амазонки, как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. Записки Н. А. Дуровой — просто, искренне и благородно. Будьте смелы — вступайте на поприще литературное столь же отважно как и на то, которое Вас прославило. Полу-меры никуда не годятся.

Весь Ваш А. П.

Дом мой к Вашим услугам. На Дворцовой Набережной, дом Баташева у Прачечного мосту.

1211. Неизвестной. 23 мая (?) — 14 июня 1836 г. Петербург. (Черновое)

Я еще более несчастен, чем виновен, графиня.

1212. И. И. Дмитриеву. 14 июня 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Иван Иванович, возвратясь в П.[етер]Б.[ург], имел я счастье найти у себя письмо от вашего высокопревосходительства. Батюшка поручил мне засвидетельствовать глубочайшую свою благодарность за участие, принимаемое вами в несчастии, которое нас постигло.

Благосклонный ваш отзыв о Современнике ободряет меня на поприще, для меня новом. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнение.

Замечание о вашем омониме украсит второй № Современника и будет напечатано слово в слово. Ваш Созий не сын Юпитера, и его встреча с вами для него невыгодна во всех отношениях.

Дай Бог вам здоровье и многие лета! Переживите молодых наших словесников, как ваши стихи переживут молодую нашу словесность.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

1213. И. М. Пеньковскому. 14 июня 1836 г. Петербург.

Возвратясь из Москвы, нашел я у себя письмо ваше. Надеюсь, что квитанция из моск.[овского] совета Вами уже получена. Оброка прибавлять не надобно. Если можно и выгодно Кистеневу положить на пашню, то с богом. Но вряд ли это возможно будет.

Батюшка намерен нынешний год побывать у вас; но вряд ли сберется. Жить же в Болдине, вероятно, не согласится. Если не останется он в Москве, то думаю поселится в Михайловском.

Очень благодарен Вам за ваши попечения о нашем имении. Знаю, что в прошлом году вы остановили батюшку в его намерении продать это имение, и тем лишить, если не меня, то детей моих, последнего верного куска хлеба. Будьте уверены, что я никогда этого не забуду.

А. П.

14 июня 1836. С. П. Б.

О Михайле и его семье буду к Вам писать.

1214. Н. И. Ушакову. Около 14 июня 1836 г. Петербург. (Черновое)

Возвратясь из Москвы имел я честь получить вашу книгу — [и с жадностию] ее прочел.

Не берусь судить о ней как о произведении ученого военного человека, но восхищаюсь ясным, красноречивым и живописным изложением. Отныне имя покорителя Эривани, Арзр.[ума] и В.[аршавы] соединено будет с имен.[ем] его блестящего историка. С изумлением увидел я, что вы и мне даровали бессмертие — одною чертою вашего пера. Вы впустили меня в храм Славы, как некогда гр. Эриван[ский] позволил мне въехать вслед за ним в завоеванный Арзрум.

С глубоч.[айшим] etc.

1215. П. А. Вяземскому. Конец мая — первая половина июня 1836 г. Петербург.

Поздравляю с благополучным возвращением из-под цензуры. Посылаю Ф.[он] Визина. Послания Хвостова не имею, да и не видывал. Знаешь ли ты, что Ф.[он] Визин написал Феологический памфлет: *Авакум Скитник?*

1216. Вяземский — Пушкину. Конец мая — первая половина июня 1836 г. Петербург.

Пришли мне, если у тебя имеются: Мемуары Гиббона, мемуары Сюара, изданные Гара, сочинения Дидро — последнее издание с его мемуарами

Где отыскать *Авакума Скитника?*

Адрес: А. С. Пушкину.

1217. А. А. Краевскому. 18 июня 1836 г. Петербург.

Я разрешил типографии печатать *Париж* прежде последних двух статей: *о Ревизоре* и *о нов.[ых] кн.[ига]х* ибо *Париж*, благо, готов; а *те* еще не переписаны, и в тисках у Крылова не бывали. Простите будьте здоровы, так и мы будем живы —

весь Ваш А. П.

18 июня.

Адрес: Его благородию А. А. Краевскому от Пушкина

1218. М. П. Погодин — Пушкину. 23 июня 1836 г. Москва.

Июн[я] 23.

Посылаю вам, м. г. Александр Сергеевич, кипку статей. — В рецензиях марайте и проч., что угодно. — Впрочем, не блазн[итесь] о них: Рецензент Современника не вы, это другое лицо, которое может говорить [и не тем] таким тоном иногда, который вашему лицу не приличен. Непременно надо

выводить мошенников на чистую воду, и говорить без обиняков, коих не понимает наша публика. В статьях своих, в критике, вы сохраняйте свое достоинство, а в летописи — дело другое. В 3 № пришло также листа на 3 или 4.

Не сказывайте никому, что статьи мои.

Ваш М. Погодин

1219. Н. А. Дурова — Пушкину. 24 июня 1836 г. Петербург.

Видеться нам, как замечаю, очень затруднительно; я не имею средств, вы — времени. Итак будемте писать; это всё равно, тот же разговор.

Своеручные записки мои прошу вас возвратить мне теперь же, естли можно; у меня переписут их в четыре дня, и переписанные отдам в полную вашу волю, в рассуждении перемен, которые прошу вас делать, не спрашивая моего согласия, потому что я только это и имел в виду, чтоб отдать их на суд и под покровительство таланту, которому не знаю равного, а без этого неодолимого желания привлечь на свои Записки сияние вашего имени, я давно бы нашел людей, которые купили бы их или напечатали в мою пользу.

Вы очень обязательно пишете, что ожидаете моих приказаний; вот моя покорнейшая просьба, первая, последняя и единственная: действуйте без отлагательства. Что удерживает вас показать мои записки государю, как они есть? Он ваш цензор. Вы скажете, что его дома нет, он на маневрах! Поезжайте туда, там он верно в хорошем расположении духа, и записки мои его не рассердят.

Действуйте или дайте мне волю действовать; я не имею времени ждть. Полумеры никуда не годятся! Нерешительность хуже полумер; медленность хуже и того и другого вместе! Это — червь, подтачивающий корни прекраснейших растений и отнимающий у них возможность принести плод! У вас есть враги: для чего же вы даете им время помешать вашему делу и вместе с тем лишите меня ожидаемых выгод?

Думал ли я когда-нибудь, что буду говорить такую проповедь величайшему гению нашего времени, привыкшему принимать одну только дань хвалы и удивления! Видно, время чудес опять настало, Александр Сергеевич! Но как я уже начал писать в этом тоне, так хочу и кончить: вы и друг ваш Плетнев сказали мне, что книгопродавцы задерживают вырученные деньги. Этого я более всего на свете не люблю! Это будет меня сердить и портить мою кровь, чтоб избежать такого несчастья, я решительно отказываюсь от них; нельзя ли и печатать и продавать в императорской типографии? Там, я думаю, не задержат моих денег?

Мне так наскучила бездейственная жизнь и бесполезное ожидание, что я только до 1-го июля обещаю вам терпение, но с 1-го, пришлете или не пришлете мне мои записки, действую сам.

Александр Сергеевич! Естли в этом письме найдутся выражения, которые вам не понравятся, вспомните, что я родился, вырос и возмужал в лагере: другого извинения не имею. — Простите, жду ответа и рукописи.

Вам преданный Александров.

24-го июня 1836-го года.

1220. Н. А. Дуровой. Около (не ранее) 25 июня 1836 г. Петербург.

Очень вас благодарю за ваше откровенное и решительное письмо. Оно очень мило, потому что носит верный отпечаток вашего пылкого и нетерпеливого характера. Буду отвечать вам *по пунктам*, как говорят подъячии.

1) Записки ваши еще переписываются. Я должен был их отдать только такому человеку, в котором мог быть уверен. От того дело и замешкалось.

2) Государю угодно было быть моим цензором: это правда; но я не имею права подвергать его рассмотрению произведения чужие. Вы, конечно, будете исключением, но для сего нужен предлог, и о том-то и хотелось мне с вами переговорить, дабы скоростью не перепортить дела.

3) Вы со славою перешли одно поприще; вы вступаете на новое, вам еще чуждое. Хлопоты сочинителя вам непонятны. Издать книгу нельзя в одну неделю; на то требуется по крайней мере месяца два. Должно рукопись переписать, представить в цензуру, обратиться в типографию и проч., и проч.

4) Вы пишете мне: *действуйте, или дайте мне действовать*. Как скоро получу рукопись переписанную, тотчас и начну. Это не может и не должно мешать вам действовать с вашей стороны. Моя цель — доставить вам как можно более выгоды и не оставить вас в жертву корыстолюбивым и не исправным книгопродавцам.

5) Ехать к государю на маневры мне невозможно по многим причинам. Я даже думал обратиться к нему в *крайнем случае*, если цензура не пропустит ваших записок. Это объясню я вам, когда буду иметь счастье вас увидеть лично.

Остальные 500 рублей буду иметь вам честь доставить к 1-му июлю. У меня обыкновенно (как и у всех журналистов) платеж производится только по появлении в свет купленной статьи.

Я знаю человека, который охотно купил бы ваши записки; но, вероятно, его условия будут выгоднее для него, чем для вас. Во всяком случае, продадите ли вы их, или будете печатать от себя, все хлопоты издания, корректуры и проч. извольте возложить на меня. Будьте уверены в моей преданности и ради Бога не спешите осуждать мое усердие.

С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть, милостивый государь, *вашим покорнейшим слугою Александр Пушкин.*

P. S. На днях выйдет 2-й № Современника. Тогда я буду свободнее и при деньгах.

1221. Н. И. Павлицев — Пушкину. 27 июня 1836 г. Михайловское.

Михайловское, 27 июня 1836.

Я ехал сюда, предубежденный в пользу управителя. С этим предубеждением я принялся на досуге рассматривать его приходо-расходные книги, и — вот что оказалось. — Имейте терпение прочитать всё со вниманием: я трудился больше для вас, нежели для себя. Речь идет здесь только о последних 18 месяцах, которые управитель провел здесь один, без господ.

1. Рожь . Посев 30 четвертей, умолот 144, следовательно сам 4 —. Умолот самый жалкий; не говорю о соседах, у которых намолочено от 7 до 12 зерен; сами крестьяне наши у себя собрали от 5 до 8. — По биркам рижника оказалось в умолоте 159 четв., да на гребло утаено 9, и того 168, следов, украдено 24 четв. — Продано 44 ч. в сложности по 22 р., тогда как у других и везде цена была от 26 до 30 р. — Итак на цене украдено 220 р., да на зерне 24 ч., или 600 р., а всего на ржи украдено 820 рублей.

2. Жито. Посев 10, умолот 35 четв., т. е. сам 3. Против других очень дурно, да и тут по биркам недостачи 2 четверти. Оставшееся в амбаре жито, которое выдавалось дворовым в месячину, по полам с мякиной; по этому на месячине украдено 4 четв., да на умолоте и гребле 2 и того 6 четвертей, что по его же управителя ценам (19 р.) составит 118 рублей.

3. Овес. Посеяно 41 четв., а собрано 62, т. е. сам 1. Урожай был плохой: однако и мужик иной намолотил от 2 до 3 зерен (не говорю опять о соседах, где пропорция вдвое). С бирками верно; а растрата произошла от слишком поздней уборки. Убыток до 60 четв., что по прошлогодней цене дало бы 700 рублей.

4. Греча. С 6 четвериков собрано только 1 четверти. Весьма дурно: утаенные 1 четверти съедены управителем, — ибо теперь в доме ни зерна.

5. Горох. Посеяно 1 ч., а собрано 6. Есть грех, да неважный.

6. Лен. Что посеяно, то и собрано, т. е. 1 ч.[етверть] 5 чет.[вериков] — Намято только четыре берковца. По урожаю, отличному в прошлом году у всех без изъятия, с четверти намять надо было до 4 берковцев, по этому украдено 2. Но вот что из рук вон: продано 3 берковца, по 25 р!!.. Цена во всем околдке, и по Псковской губернии была от 65 до 75 р. наши мужики продавали свой не ниже 65; в

прошлые годы цена бывала и по 120 р. Каково же? — на одной продаже украдено слишком 150 рублей.

7. Сено. Прошу прислушаться. Накошено и с 1 января 1835 перевезено 8695 пудов. Всё это израсходовано на корм скота, овец и лошадей в 10 зимних месяцев, — и еще прикуплено 20 пудов. Ужасно! При самой щедрой даче (по 1/2 пуда в сутки) нельзя было истравить на пять лошадей больше 750 пудов; скотина же, по всем справкам и очным ставкам, не видала сена больше 2 возов, а овцы больше двух недель, в доказательство чего истреблена вся яровая и ржаная солома двух лет; к тому же скот и овцы, не смотря на хороший подножный корм, еще худы и не вылиняли. И так, отсчитав на них еще 750 п. самую щедрою рукою, выходит недостачи 7195 пудов. Если положить его, так как в нем половина болотного, по 30 коп. вместо 80 (по которой сам управитель купил 20 п.), то оказывается кражи 2150 рублей. Трудно поверить, а так точно говорят его книги, оправдываемые его молчанием. Поверит ли кто, чтобы управитель, имея 8 т.[ысяч] п. сена, стал покупать его пудами в городе, при своих поездках; — а это также записано по книгам.

8. Масло. Всего в приходе в 18 месяцев выведено 9 пудов, от 20 дойных коров прошлого и 16-ти нынешнего. Дерзкое плутовство! Хорошая корова дает в год пуд масла; положим, что его тощая давала 1/2 п., и тут должно быть по крайней мере 18 пудов, что по его же собственным ценам составит убытка 135 рублей.

9. Птицы. На корм их (34 больших и 96 деток) показано в год с лишком 10 четвертей разного хлеба, что делает 224 р. — а все-то они (по его же ценам) не стоят и 60 р. Они так худы и во вшах, что я велел их откармливать, а для себя купил у Исака (отправленного уже в Болдино) курицу с цыплятами.

Если разбирать каждую статью, то не было б письму моему конца. Довольно прибавить, что в холсте, пряже, шерсти, да в поборе с крестьян гусей, кур, свиней, яиц, шерсти, пеньки и пуху, я не досчитался больше половины.

Обо всем этом составлены у меня подробные ведомости, из которых видно, что управитель, в прошлом году, батюшке дал 630 руб., в расход вывел 720 руб., а 3500 руб. украл. — Воровство страшное: а от чего? от того, во первых, что управитель вор; а во вторых, что он, получая 300 р. жалования и руб. на 260 разных припасов, по положению батюшки, не может прокормить этим себя, жену, пятеро детей и двух баб (которые у него в услужении, из деревни): да и что он за дурак — тратить на это свое жалованье. По простому деревенскому положению, ему на хлеб (месячину), на отопку 3 печей, на масло, свечи, бараны, птицы, на замен двух баб и старосты (который сидит по-пустому и получает месячину) нужно без малого 1000 рублей. Денег этих в расходе показать он не смел, а утаив их в приходе, запутался и открыл всё свое воровство. — Прибавьте к этому страшные порубки в лесах, особенно на Земиной горе, от неимения караула более года (при мне староста с Архипом поймали порубщика), жалкое состояние строений, особенно птични (которая к зиме развалится) и скотного двора; нищенскую одежду дворни (наприм. 5 ф. в год льна на душу), своевольный наряд в барщину (например, делать для него дрожки) и пр. и получится полное понятие о нерадивом и плутовском управлении г. Рингеля.

Я не мог скрыть мое негодование. Я призвал управителя и высказал, или высчитал ему по книгам (так называю я какие-то бестолковые записки) и по пальцам все его проделки, обличающие и плутовство, и лень, и невежество. Он молчал, и в заключение вымолвил: не погубите (не разглашайте). На вопрос мой, что заставило его итти на 560 р.? — отвечал он: крайность. После этого объяснения, я не мог считать его доверенным лицом. С другой стороны сообразив, что амбары пусты (всего 20 четв. ржи, 1/2 ч. овса и 1 жита); что нет ни крупы, ни картофели, ни гороху; что сена ни клока, а соломы ни стебла; что поэтому придется кому-нибудь из нас голодать; что управлять вшивыми птицами и паршивым скотом сумеет всякая баба, — я ему отказал, в полной уверенности, что вы мне еще скажете спасибо за избавление вас от расчета с подобным плутом. После этого я сделал следующее: хлеб в амбаре перемерял и поручил старосте, сад с пчельником Архипу, птиц птичнице, скот скотнице под надзором Степаниды (по удою и старосте по корму). Всё это было третьего дня; вчера успел я землю, которая ходила в 75 р., отдать за 95; другую, ходившую в 175 р., берут у меня за 245 и т. д. Работ в

поле никаких нет; с Петрова дня начнут сенокос. О том, что и как делать вперед, я сообщу, если вам угодно будет, мои соображения. Теперь же у меня голова ходит кругом; но не от хозяйства, а от положения Ольги. Она больна и очень больна с самого приезда: кашель ужасный и грудь болит; сего дня лихорадочная дрожь; не знаю, что делать. Доктора она не хочет и не позволяет послать за ним; потерплю еще день, и увижу, что делать. Желаю вам здоровья с детками; Наталье Николаевне и сестрицам ее мое усерднейшее почтение. —

Преданный вам Н. Павлицев.

Адрес наш: в г. Остров, барону Борису Александровичу Вревскому.

1222. Ф. Яковлев — Пушкину. 29 июня 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

От моей, квартиры к Вам, — Ах, улицы длинны!
Пока туда дошел; я довольно напотел
В субботу — для того: что Вас конечно, хотел
Видеть — Но в тот день бог дал Натальи крестины —
О! расти, красна дочь! нашего поэта. —
А как совершаться уже тебе лета,
Да снишпошет! мужа! бог! к удивлению света. —
И доброго парня и юного цвета —
Таков да будет, пусть во всем он, и певец,
Как Александр Пушкин! а твой милый! Отец! —
Богатого-смирного, нрава человека,
Живите в щастьи хуж и четыре века. —
Да по одиночке, прошу не умирать!
Пусть поживут, ровно с Вами, отец и мать. —
Тогда, можете и их с собой забирать. —
—
О! Пушкин!!! помоги мне... слёзы утирать,
Не выпутаюсь, вот никак! — я, видь, пропал!
Полез не за своим!.. да и в яму попал —
Добродетель! ... тупым хоть пером, прославлю
Твою! — когда щастье мне, такое доставишь?
Скажи ж!.. написанный стих тобой — Я! исправлю! —
Не престану! Тебя вовек жизни, благо словить! —
Прошу! исправ!!! мой тяжелый труд...
С погрешностей! — так? — как? грязный пруд.
С каковым имею я честь нынче к Вам! предстать. —
В прозбе, выслушанным быть? хочет себя ласкать.

*Милостивого государя Преданный слуга убогий стихоплёт Ф. Яковлев Отст.[авной]
подпорутчик.*

*1836-о года Июня 29 дня Санкт Петербург 4-й части 4–8 квартала
дом купца жены Сухаревой № 130. у малого Калинкина моста. — Квартирую.*

1223. А. А. Краевскому. Вторая половина июня 1836 г. Петербург.

Муравьев заметил важную ошибку в своей сцене: целый стих выпущен —

*Кто за великого магистра ?
К.[нязь] Б.[оэмунд] я! (стр. 103—)*

Что нам делать? перепечатать ли страницу или поместить в *Errata*? 62

1224. Л. С. Пушкин — Пушкину. Первые числа (после 2) июля 1836 г. Тифлис.

Вот тебе и доверенность. Закладывается или продается Михайловское — не знаю, да и дела мне до этого нет; были бы деньги, а ты мне их обещаешь. Чего же лучше? —

Ты советуешь мне купить векселя тифлиские; во-первых, у меня, слава богу, их нет, а во-вторых, хотя бы и были, то не было бы возможности купить их, потому

что ничто есть ничто и из ничего ничего не выходит.

Что касается до моих здешних долгов, то они простираются до 2,000 за квартиру и стол главное; ведь я живу по милости отца в долгу, так тут расчеты плохи. —

Кланяйся Наталии Николаевне и всему твоему племени.

Пушкин.

[ДОВЕРЕННОСТЬ Л. С. ПУШКИНА]

Любезный брат Александр Сергеевич,

После смерти матери нашей статской советницы Надежды Осиповны Пушкиной осталось Псковской губернии в Опочинском уезде принадлежавшее ей родовое имение сельцо Михайловское, которое должно быть разделено между нами и родною сестрою нашею коллежской советницей Павлицевой. Не имея возможности ехать из Грузии в Псковскую губернию для раздела сказанного имения, я прошу Вас, любезный брат, при оном разделе подавать вместо меня, куда следовать будет, за вашим подписом прошения, составить и подписать раздельный Акт, принять имение в полное ваше распоряжение и, если за благорассудите, заложить или продать оное. В следствии сего уполномочиваю вас выдавать на то имение купчие крепости, закладные и дарственные записи и везде вместо меня расписываться; словом: во всем до упомянутого имения касающемся действовать точно так как я бы сам действовал, в чем я Вам или кому от Вас поверено будет, верю и в том, что Вы учините, спорить и прекословить не буду.

С душевной преданностию остаюсь Вас любящий брат Лев Сергеев сын Пушкин отставной Капитан и Кавалер.

Г. Тифлис Июля 2 дня 1836 года.

Сия доверенность принадлежит Двора его императорского величества камер юнкеру Александру Сергеевичу Пушкину.

[Помета:] 1836-го года июля 2-го дня сию доверенность Тифлиском уездном Суде отставной Капитан и Кавалер Лев Сергеев сын Пушкин к свидетельству лично явив скаскою показал, что она действительно от него брату его Двора его императорского величества Камер-Юнкеру Александру Сергеевичу Пушкину дана, и собственною его рукою подписана, почему она в книгу подлинником под № 553-м записана в чем Суд сей подписом присутствующих и приложением казенной печати свидетельствует. —

Уездный Судья Коллежский Ассессор Михаил Гринев

Заседатель Никитин [?]

Заседатель князь Бебутов

В должности Секретаря Шитковский.

[Печать Тифлисского Уездного Суда]

1225. Д. В. Давыдов — Пушкину. 7 июля 1836 г. Село Маза.

Очи не позволяю тебе печатать ни за что, даже и без подписи. Челобитная к твоим услугам. Не хочешь ли двух эпиграмм? Только тисни их без подписи (т. е. эпиграммы, а не Челобитную, под которой непременно надо подписать мое имя). 1-я эпиграмма почти не принадлежит мне, она внушена

62 Погрешности, опечатки.

мне Вяземским, я только переложил ее в стихи; а 2-я моя, но с мыслью не новою и потому мне не нравится. Посылаю тебе еще Мадригал — подраженный Волтеровскому: мне противны первые четыре стиха, переломай их по-своему и пусти в ход с подписью моею или нет, как хочешь.

Ты теперь должен уже получить вторую статью мою и даже Variante к ней. Статья была послана мною 3-го июня, а Variante 10-го — через Шеншина. Если он в Петербурге, то всё это уже у тебя, — а если нет его, то всё это пролежит до его возвращения, ибо застраховано. Я надеюсь, что этой статьей ты будешь доволен — она отрывок из моего любимого сочинения, которое я кончаю.

Боюсь я, что Дрезден плох будет без Винценгерода, это [будет] останется на твоей совести; ты пожелал иметь в Современнике такого кастрата. Я бы желал, чтоб прежде Дрездена была напечатана статья *О партизанской войне* я кажется об этом уже писал; пожалуста сделай так.

Не забудь прислать 2-й № Современника как только он выдет — да ради Бога уведомя как адресовать к тебе письма? Я это пускаю на удачу — просто на Каменный остров. Продолжаешь ли ты занимать дом Баташева или переменил и чья дача, на которой ты живешь?

7-го июля

Симб. губер. Сызранского уезда С. Маза

Подумав хорошенько, я решился послать это письмо опять через Шеншина

Ради бога не забудь прислать искаженную статью мою о Дрездене — коль скоро она будет напечатана; у меня нет черновой.

1226. И. А. Яковлеву. 9 июля 1836 г. Петербург.

Любезный Иван Алексеевич,

Я так перед тобою виноват, что и не оправдываюсь. Деньги ко мне приходили и уходили между пальцами — я платил чужие долги, выкупал чужие имения — а свои долги остались мне на шее. Крайне расстроенные дела сделали меня несостоятельным... и я принужден у тебя просить еще отсрочки до осени. Между тем поздравляю тебя с приездом. Где бы нам увидеться? я в трауре и не езжу никуда, но рад бы тебя встретить хоть ты мой и заимодавец. Надеюсь на твое слишком испытанное великодушие

весь твой А. Пушкин.

9 июля 1836 Кам. Остр.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Ивану Алексеевичу Яковлеву etc.

1227. Н. И. Павлицев — Пушкину. 11 июля 1836 г. Михайловское.

Михайловское. 11 июля 1836.

Из письма моего от 27 июня вы знаете, Александр Сергеевич, что я прогнал управителя. С того времени хозяйство идет своим порядком, без хлопот. Косят сено, да ставят в скирды, — а там примутся за жатву. Теперь я на досуге, познакомившись коротко с имением, размышлял долго о том, как кончить раздел его, — и вот мое мнение.

Оценка ваша по 500 р. за душу не имеет, позвольте сказать, никакого основания. Душа душе розь; продается она в Псковской губернии по разной цене; Львов, наприм., или Росихин не уступит своих и по тысяче, а другой отдаст свои и по 300. Дело в том, что цена всякого имения определяется доходом с него получаемым. Дом у Полицейского моста дает 80/т.[тысяч], а такой же на Выборгской стороне 10/т.[тысяч]; первый стоит миллиона, а последний не стоит и 150/т[тысяч]. Применим это к Михайловскому.

Во первых, в Михайловском земли не 700 десятин, как вы полагали, а 1965, с саженьями, т. е. без малого 2000, как видно из межевых книг и планов, лежащих у меня под рукою. Ошибка ваша произошла от того, что вы вместо двух описей межевых книг, взяли здесь одну, и то не Михайловского, а Морозова с прочими деревнями. По книгам и планам, говорю, в Зуеве, что ныне Михайловское, с прочими деревнями, по межеванию 1786 года, земли количество следующее:

пашенной 848 десятин 878 саж.

сенного покосу 216–936 —

лесу дровяного 320 — 2070 —

под озерами 471–352 —

под мызою, деревнями, огородами, ручьями и дорогами 108 — 2302 —

Итого 1965 десятин 1738 саже в том числе, показано неудобной только 48 десятин. На этом пространстве в 1786 году было 190 душ, из них сто слишком выселены под Псков (для г-жи Толстой), а осталось теперь по последней ревизии 80 душ.

И так, в отношении земли. Михайловское есть одно из лучших имений в Псковской губернии. Пашенная земля, не смотря на запущенную обработку родит изрядно: — пастбищных лугов и отхожих сенных покосов вдоволь; лесу порядочно, а рыбы без числа. Далее.

Средний доход с имения определяется 10-ти летнею сложностью. Для этого надо было б иметь под рукою приходо-расходные книги 10 лет. Но их нет (а если б и были, то не могли б служить поверкою, быв составляемы плутами и грабителями, подобными Рингелю); к счастью, что хоть за 1835 книги я успел захватить у приказчика. Делать нечего: положимся на Рингеля. Не будем считать, что он украл пудов 2000 сена, четвертей 30 разного хлеба, пудов 13 масла, берковца 2 льна и т. п.; что на одних оброчных землях я тотчас сделал до 200 р. прибыли; что на худой конец Михайловское, при прошлогоднем дурном урожае, дало до 5/т.[ысяч] чистого дохода (в удостоверение чего составлены у меня подробные расчеты); не будем считать всего этого, и положим, что Рингель не украл ни гроша. Всё-таки по его книгам, за отчислением расхода на посев, на дворовых, на лошадей, на скот и птицы, чистого дохода выведено около 3600 рублей. Это уже самый низший доход: для получения его нужен капитал 80/т. руб., следовательно Михайловское равно капиталу 80/т., а душа 1000 руб. — Положим, что имение всегда будет опустошаемо наемными приказчиками; что будут опять неурожаи; что доход еще уменьшится до 3/т., в таком случае получится капитал 75/т.; сбавьте еще на грабеж и неурожай 5/т., и тут имение сохранит цену 70/т. Вот самая близкая и низкая оценка.

Так делаются оценки, Александр Сергеевич. Время мною здесь проведенное я считаю не потерянным. Я знаю теперь имение как свои пять пальцев, и ручаюсь, что если прикупить 100 штук скота (на 250 руб.), то оно на следующий год даст 5/т., а там и больше, по мере удобрения. Лугов довольно и для прокормления 400 штук скота; какова же была б посылка! у одного из здешних помещиков удобренная земля дает до 20 зерен. Наша и без позема дает до 5-ти. Заметьте это. К тому же запашка здесь слишком велика: я убавил три десятины, неудобренные и необещающие семен, — и отдал их из 5-го снопа. Позволять себя обкрадывать, как Сергей Львович, ни на что не похоже. Вы говорили, помнится мне, однажды, что в Болдине земли мало, и запашка не велика. А знаете ли, как мала она? 225 четвертей одной ржи, т. е. вдесятеро больше против здешнего (это начитал я нечаянно в одном из писем Михайлы к батюшке, заброшенных здесь в столе). Обыкновенный урожай там сам 10; по этому в продаже должно быть *одной ржи* до 2000 четвертей, на 25/т. рублей. Каково ж было раздолье Михайле? ну, уж право не грешно взять с него выкупу тысяч 50: он один стоит Михайловского, также им ограбленного. Но к делу.

И так, самая низкая цена Михайловскому 70/т. Я хлопочу о законной, справедливой оценке потому, что действую не за себя, а за Ольгу с сыном и за Льва. Чем справедливее оценка, тем законнее будет выделяемая 1/14 часть. Если имение купите вы, то я готов спустить еще 6/т., и отдать вам его за 64/т., т. е. по 800 руб. душу. Ниже этого нельзя ни под каким видом. Таким образом вы заплатите Ольге вместо 8500, — 13.700, — капитал составляющий всё достояние нашего сына, — залог его существования, в случае моей смерти, или удаления от службы, по каким-нибудь непредвидимым случаям. Разумеется, что и Лев поблагодарит, получа вместо 15.700 — 25.000, — о чем я уже писал ему.

Вот основание, на котором должно делиться. Раздел этот можно произвести двояким образом, или продажею имения, или дележем его в натуре. Последний способ будет для наследников не выгоден; ибо держась справедливости и закона, пришлось бы для уравниения делить имение по

клочкам, т. е. наделить каждого и пашенною землею, и лесом, и лугами, и водою, и садом, и скотом и т. п., — раздробление, от которого имение потеряло б цену, и каждый из вас остался б в убытке. — Остается способ продажи — Ольга купить не может, потому что не может заплатить вам и Льву 50/т.; Лев также, потому что нуждается в деньгах: остаетесь вы. Если же и вы не хотите, то придется продать имение в чужие руки. Покупщики найдутся, — я ручаюсь; для них можно даже возвысить цену до 70/т. — Объявление об этом должно немедля сделать в газетах: для объявления вы в этом письме имеете все данные.

Ожидаю от вас ответа решительного, а пуще всего, безотлагательного. Срок моему отпуску настанет 15 августа: просрочив, я могу потерять много, и даже место. Уезжать, не кончив дела, я считаю безрассудным. Вам надо поспешить сюда, не дожидаясь доверенности Льва Сергеевича; ибо я могу здесь действовать за него по доверенности, которую я получил еще в Петербурге. Не забудьте только сделать в газетах вызов кредиторам и должникам покойной матушки. Я ожидаю вас, и очистил для вас флигель, если вам не вздумается стать в доме. Не забудьте также, Александр Сергеевич, что малейшая с вашей стороны проволочка может нанести мне вред ничем не вознаградимый.

Не знаю, в каком положении вы найдете Ольгу. Здоровье ее день ото-дня хуже; кашель не перестает, а к кашлю присоединились еще какие-то лихорадочные припадки. Против воли ее посылал я за доктором, который и приезжал; но она не приняла и не принимает его лекарства; о докторе и слышать не хочет. — Я в мучительном положении; попытаюсь еще раз призвать доктора, а там одна надежда на Бога!

Мое почтение Наталье Николаевне. Деток ваших целую

Н. П.

1228. Н. И. Павлицеву. 13 июля 1836 г. Петербург.

Я очень знал, что приказчик плут, хотя признаюсь не подозревал в нем такой наглости. Вы прекрасно сделали, что его прогнали, и что взялись сами хозяйничать. Одно плохо; по письму Вашему вижу, что, вопреки моему приказанию, приказчик успел уже всё распродать. Чем же будете Вы жить покамест? Ей Богу не ведаю. Ваш Полонский ко мне не являлся. Но так как я еще не имею доверенности от Льва Сергеевича, то я его и не отыскивал. Однако где мне найти его, когда будет до него нужда. Батюшка уехал из П.[етер]Б.[урга] 1го июля — и я не получал об нем известия. Письмо сестры перешлю к нему, коль скоро узнаю куда к нему писать. Что ее здоровье? От всего сердца обнимаю ее. Кланяюсь также милой и почтенной моей Праск.[овье] Алекс.[андровне], которая совсем меня забыла. Здесь у меня голова кругом идет, думаю приехать в Михайловское, как скоро немножко устрою свои дела.

13 июля.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Николаю Ивановичу Павлицеву. В гор. Остров оттуда во Врев.

1229. Н. А. Лавров — Пушкину. (52) 15 июля 1836 г. Псков.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

К красоте всё идет, говорит послов[ица], таки близко применяющаяся к вашему жур[налу]. Естли жажда скорее насладиться его изящн[ой] литературой несколько и потерпит теперь — [она] за то в вознаграждение доставляет лестную честь писать к вам. Одно другого стоит, и что в другом случае потеряло бы — здесь выигрывает и самое повидимому неудобство, обращается в новое удовольствие, именно потому, что к красоте всё идет и в особенности красоте поэтической, разнообразной, истинной, коей дышет Современник! —

На перьвых днях святой недели имел честь быть у вас некто отъезжающий из Петербурга и потому-то убеждавший вас о приказании вашем, поспешить выдать ему этот перл нашей журналистики. Он имел счастье говорить с вами о многом, например: о заячьем подвиге Брам-Беуса,

которым он так храбро разразился в *своей Библи[отеке]*, но который он при всем своем старани[и] [не] весьма-то ловко умел прикрыть своей Гу[...]шинской уверткой, также „О литературе [во]обще и драматической в особенности“, наконец об общем знакомце Гляубиче, с которым вы, отъезжая в Св.[ятые] Горы, надеялись у[ви]диться. Окончив очаровательную беседу, он встал со стула, но только так ловко, что чуть было вместе с ним не ударил вам челом о сыру землю за милостивый прием. Вот все его отличительные регалии — на других не взыщите. — И естли счастье порутирует ему воспоминанием вашим, то это тот самый, которого адрес вы записать изволили „под фирмою — Николая Алексеевича Лаврова — в г. Порхов“ и который имеет теперь честь писать к вам, хотя вовсе не надеется быть удостоенным ответом вашим, но с высоким уважением души своей пребывающий навсегда! —

Милостивый государь Ваш покорнейший слуга Н. Лавров
15-го июля 1836 года Псков.

1230. П. И. Кеппен — Пушкину. 17 июля 1836 г. Павловск.

Свидетельствуя отличное свое почтение его высокоблагородию Александру Сергеевичу, Кеппен имеет честь препроводить при сем копию с статьи доставленной к нему о *Трояне*, — о коей было говорено в И.[мператорской] Публичной Библиотеке.

Павловск 17-го июля 1836.

[На другом листе:]

Г-н Андрей Кухарский, преподаватель одной из варшавских гимназий, в докладе, который он публично читал по случаю последнего экзамена в том учено-учебном заведении, попытался объяснить некоторые трудные места в стихотворении „Поход Игоря на половцев“ [„Слово о Полку Игореве“]. Упоминаемую там „Землю Троянову“ обычно отождествляют с Дакией, завоеванной императором Траяном, годы царствования которого падают на 98—117 гг. после рожд. Христова. Так как, далее, в поэме с Трояном связывается некоторый способ летоисчисления и говорится о „веках Трояновых“, которые, с своей стороны, если относить к императору Траяну в первом столетии по р. Х., не могут быть согласованы с другими упомянутыми в поэме позднейшими историческими событиями, — нужно с признательностью отнестись к остроумным попыткам г-на Кухарского, предлагающего совсем другое истолкование имени „Троян“. Византийские историки упоминают о войне римлян с народами, жившими на нижнем Дунае, около 367 г., в правление императора Валентиниана. Полководец его звался Траяном. Война эта, окончившаяся несчастливо для римлян, могла казаться придунайским народам особо важным, радостным для всех событием, так что они, чтобы лучше помнить о нем, начали с того времени летоисчисление. Среди же именно дунайских народов упоминаются анты, одно из главных славянских племен. У этих антов, по Иордану, царствовал около 373 года некий Бокс, погибший на войне. Песнь об Игоре говорит о каком-то Бусе, которого „оплакивают русские девушки“. Если предположить, что под Трояном в песне подразумевается не император Траян I века по р. Х., но полководец Траян IV века и что таким образом первый век Траяна является четвертым столетием обычного летоисчисления, то своеобразная дальнейшая хронология поэмы окажется совпадающей с нашей. А именно, там сказано: „На седьмом веке Трояновом бросился Всеслав к городу Киеву, отворил ворота Новгорода“. Это событие, покорение Новгорода Всеславом, произошло в 1067 г. и, следовательно, имело место действительно в VII веке Трояна, если отсчитывать не от императора, а от полководца Валентиниана. Нельзя отрицать, что построения г. Кухарского представляют собой ценный вклад для лучшего уразумения замечательной и странной поэмы, — они, вероятно, приведут даже к дальнейшим не безразличным для истории первобытных славян выводам.

1231. Неизвестный — Пушкину. 19 июля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

То, что вы усмотрите из прилагаемого при сем, не есть опыт, а просто выражение той мысли,

какою я увлекся, урвав, для отдыха, минуту у многотрудного и пока еще скучного занятия моего. Согласившиеся на некое мое желание, может быть, по молодости моей, весьма легкомысленное, избрали для меня однако ж такой род изучения, где я исключительно должен посвятить себя синусам и косинусам, где обязуюсь верить, не требуя божбы, что 2 руб. X на 4 руб. = не 8, а 800 рублям и проч. т. п., а чуть лишь заикнусь на счет этой науки, отвечают: взявшись за гуж, не говори, что не дюж. С видом спокойным, но скрепя сердце, принимаюсь за этот гуж, дабы, признаюсь вам, не показать легкомыслия и по мере сил достичь цели своей. Из этого вы видите, смею ли я пытаться в чем-либо другом, решившись уже на одно с твердостью характера. Ах, Александр Сергеевич, дух-то бодр, да плоть немощна. Главное, что меня ужасает и заставляет, очертя голову, избрать совершенно другой род службы — противной гражданской, так это сидячее, бесцветное как вода, занятие, коим вырабатывается, в поте лица, пенсия будущей жене т. е. скоропостижной вдове, или детям, — имеющего умереть на службе чиновника. Но, это в сторону, Александр Сергеевич! положи руку на сердце и скажи по чистой совести (я весьма далёк от самолюбия), достоин ли первенец мой чести: подвергнуться, чрез посредство Современника, суду благоразумной критики, чтобы, так сказать, почтительно быть ею наказанным за первое и, надеюсь, последнее отступление мое от своих занятий?

Я к вам заходил на прошедшей неделе, но благообразный служитель ваш доложив мне, что вы живя теперь на даче, редко заезжаете сюда и то, говорит, покажитесь как огонь из огнива. Поэтическое сравнение это напомнило мне французскую поговорку: каков хозяин, таков и слуга. Я ушел с надеждою: доставить вам чрез него свою челобитную и получить *резолюцию* вашу чрез него же.

В прилагаемом найдете, в конце, одно изменение на случай, если невозможно оставить прежнего выражения. Впрочем, всё в вашей воле.

Простите за предисловие, это слабость новичков. Стыдясь себя, не подписываю своей фамилии; но вы ее знаете, потому что брат мой с вами на одной лавке масло жал, в рекреационной зале играли вместе в чихарду, сыры-кишки, треп-трап-трюль, а на поле задавали вы ему полномочные редьки; он был *печушкой* у Фотия Петровича, так сказать, Калинича, который оставил ему в память свое дружеское пожатие руки, ибо Фотий Петрович, будучи костоломом, вовсе не был костоправом. Но я, может быть, не кстати разболтался; не зная меня, вы этим можете получить весьма невыгодное обо мне мнение и разве только из учтивости примете меня за сумасшедшего.

Сделайте одолжение, умоляю, Александр Сергеевич, почтите хоть ответом. Я уж не знаю как и просить вас. Зачем вы не генерал, не граф, не князь? поверите ли, если сто раз не употребишь: Ваше превосходительство! Ваше высокопревосходительство!! Ваше сиятельство!!! Ваше графское сиятельство!!!! Сиятельнейший князь!!!! и выше..., то кажется как-то и просьба слаба, никуда не годна и вовсе не просьба. — Однако пора кончить: во многоглаголении бо нет спасения, притом же мне надобно решить следующую задачу: нововыезжей в Россию французской мадаме вздумалось ценить свое богатство в чемодане новой выдумки народное фуру и праздничной чепец а ла фигаро; оценщик был Русак, сказал мадаме так: богатства твоего первая вещь фуру вполчетверта дороже чепца фигаро; вообще же стоят не с половиною четыре алтына, но настоящая им цена только сего половина; спрашивается каждой вещи цена, с чем французенка к Россам привезена? (см. Курс штык-юнкера Войтяховского. Ч. 1, стр. 215). —

Принимаясь решать этот балагурный вопрос с отличным почтением и таковою же преданностию имею честь быть, с каковою... — Виноват, совсем забылся, я ведь дал себе клятвенное обещание не подводить, если можно, под такой конец письма. Точно, теперь верю, правду говаривал один из наших чиновников, что привычка есть вторая природа *натурь*. Но, так кончилось, что же делать, пускай это написано, как он же говаривал, для *pro* формы. — Простите и не судите обо мне строго. —

19 июля 1836 г. —

Если б я не знал, что вы *bon vivant*, я не осмелился бы написать к вам в таком вкусе писульку.

—

1232. Д. В. Давыдов — Пушкину. 20 июля 1836 г. Село Маза.

Ты меня совсем забыл. Обещал прислать 1-й номер журнала и по сю пору нет его. Вот и 2-й номер на дворе, а 1-й всё еще не едит.

Уведомь, получил ли ты статью мою *О партизанской войне* и еще к ней *Variante*. Всё это я послал через Шеншина. Мне хотелось бы, чтоб ты эту статью напечатал прежде *Занятия Дрездена*, охолощенного военной цензурою. Не забудь, возврати мне рукопись искаженную; мне она необходима.

В Пчеле есть ругательство на Современника. По слогу кажется Булгарин машит лаптою, нельзя ли махнуть его ладонью по ланите, как некогда ты махнул его в Литературной Газете.

Не забудь ради Бога прислать 1 № журнала и тетрадь мою *Занятие Дрездена*.

Денис Давыдов.

20 июня. Симб. губ. Сызран. уезда С. Маза. —

Слава богу, что все мои насмешки на свадьбу Корсакова даром. Он не женится. Это были пустые московские слухи.

1233. А. Л. Крылов — Пушкину. 25 июля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Имею честь препроводить к вам все статьи, находившиеся у меня на рассмотрении; из них только *Челобитную* я не подписал потому, что надобно избежать и слова *вельможа*, дабы отклонить возможность применения и намеков, которых читателю искать весьма натурально. Затем печатать и эту статью я не нахожу, с своей стороны, препятствия.

Из статей, возвращенных вам прежде за подписью Цензуры, князь Михаил Александрович желает видеть №№ XV и XVI мелких стихотворений, принадлежащих автору в Мюнхене; ибо обе статьи сии пропущены Комитетом в его отсутствие. Потому прошу вас всепокорнейше доставить эти №№ или прямо к его сиятельству, или прислать их для доставления на мое имя.

С истинным почтением и преданностию имею честь пребыть вашим

милостивый государь покорнейшим слугою Ал. Крылов.

25 июля 1836.

1234. А. Л. Крылов — Пушкину. 27 июля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

В статье *Челобитная* сомнение мое относилось только к одному слову *вельможа*; потому я, с своей стороны, не могу остаться равнодушен, если бы это одно слово повлекло исключение за собою 8-ми стихов. Если не удобно заменить его каким-либо другим, то соблаговолите доставить мне эту статью к завтрашнему заседанию; может быть комитет внесет в журнал и оставит в том виде, как я имел честь препроводить ее в последний раз. Подобным же образом, может быть я в состоянии буду удержать и в статье г. Гоголя намеки о сахаре и ассигнациях; соблаговолите прислать ко мне эту часть статьи; завтра вечером я буду иметь честь возвратить ее с окончательным заключением.

С истинным почтением и преданностию имею честь пребыть

вашим милостивый государь усерднейшим слугою Ал. Крылов.

27 июля 1836.

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину.

1235. А. Л. Крылов — Пушкину. 28 июля 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Возвращая находившиеся у меня статьи, имею честь известить, что в сочинении г. Гоголя Комитет согласился допустить шутку на предпочтение *Ассигнации* оставив однако исключенным

другое место о сахаре.

Стихотворение под № XVI: *Два демона и пр.* предложено было князем Михаилом Александровичем снова в сегодняшнем заседании, и Комитет признал справедливее не допустить сего стихотворения, за неясностию мысли автора, которая может вести к толкам, весьма неопределенным.

Относительно замечания вашего на предполагаемые в № XVII-м точки, „что ценсура не тайком вымарывает и в том не прячется“, долгом почитаю присоединить, с своей стороны, что ценсура не в праве сама публиковать о своих действиях; тем более она не в праве дозволить посторонние на это намеки, в которых смысл может быть не одинаков. По крайней мере я не могу убедиться ни в позволительности отмечать точками ценсурные исключения, ни в том, чтобы такие точки могли быть нужны для сбережения литературного достоинства.

С отличным почтением и преданностию имею честь пребыть вашим
милостивый государь покорнейшим слугою А. Крылов.
28 июля 1836.

1236. NN Никитин, И. С. Мальцов, С. А. Соболевский, Пушкин и Ф. И. ДоливоДобровольский — К. П. Брюлову. Июнь — июль 1836 г. Петербург.

Подпоручик Никитин свидетельствует свое почтение, Карлу Павловичу.

Мальцов

Соболевский,

и Пушкин

свидетельствуют Брюлову свое почтение

1237. Н. А. Дурова — Пушкину. 31 июля 1836 г. Петербург.

Пришлите мне мои листочки, Александр Сергеевич! Их надобно сжечь, так я желал бы иметь это удовольствие поскорее. — Я виделся с князем Дундуковым, но рукописи ему еще не отдал; им обоим, я думаю, не до того, у Петра Александровича жена при смерти — Позвольте ли вы мне поместить проданный вам отрывок во вторую часть?

Ваш покорнейший слуга Александров.
31-го июля 1836-го года.

1238. Н. И. Павлищев — Пушкину. 1 августа 1836 г. Михайловское.

Михайловское. 1 августа 1836.

Вы требуете окончательной оценки. Я уже сделал ее, по действительному доходу 1835 г., — в 64/т. По первому письму моему вы видели, что на счета управителя нельзя полагаться: он украл до 3/т. рублей. И так, объявляйте о продаже имения, обратясь к Василию Ивановичу Полонскому, столоначальнику в Гражданской Палате. Во втором письме моем имеете все данные; прибавьте 100 душ женска пола, и господской запашки в трех полях 71 десятина.

Предлагаю вам еще одну сделку, если разумеется Сергей Львович согласится выделить Ольгу. Ей причитается [там] в Нижегородском имении 80 душ, что по 600 р. душа (за вычетом 200 закладных) дает 48.000. По моей оценке приходится вам и Льву получить за Михайловское (за вычетом 13.713 на долю Ольги) каждому по 25.143 р., обоим 50.287. Если вы согласны на эту мену, то я приняв Михайловское, заложу его в 12/т.[ысяч] (за Псковскую душу с добавочными 50 р. дают только 150), из коих тотчас 5.143 р. посылаю Льву Сергеевичу, а остальные употребляю на расплату с своими долгами, и на поправку имения. Таким образом останусь я вам должным 25.000, а Льву 20.000, которые и заплачу Нижегородским имением.

К предложению этому побуждают меня следующие причины: 1) получить 80 д.[уш] в Нижегород. имении, без господской запашки и без всякого заведения, не очень выгодно, особенно тому, кто

подобно мне хочет заняться имением; 2) оно далеко, и одно принятие его вовлекло б меня в новые, даже неоплатные долги; в соединении с целым оно имеет свою цену; 3) Михайловское же мне уже известно, так что я могу управлять им и из Варшавы; к тому же оно близко к Варшавской дороге, — выгода, для всякого другого ничего не значущая; 4) получа Михайловское, я посредством заклада могу тотчас иметь деньги, нужные мне до зареза. 5) оно в моих руках будет кусок хлеба — а в ваших, простите откровенности, дача, игрушка, которой вы впрочем всегда можете пользоваться.

Если вы согласны, то дайте мне доверенность подобную доверенности Льва, у меня имеющейся. С ними я могу войти во владение и заложить имение в самое короткое время. Лев Серг. поймет конечно эту сделку и не будет противиться. Между тем, до получения Нижегородского имения, я откажусь в пользу вашу и Льва, в виде процентов с долга, от доли Ольги с Кистеневского имения 1000 рублей. (Вы вспомните конечно, что батюшка, по вашему предложению, отдал доходы с Кистенева на троих и что они составляют в год 3000, если не ошибаюсь).

По получении вашей доверенности я тотчас пишу к Сергею Львовичу, и на основании нашей сделки требую выдела Ольги. По этой сделке я буду иметь *предлог* и *право* [ее] требовать выдела. Если он заламается, то бог с ним и с имением. Продавайте Михайловское, и — только. На всякий случай объявление о продаже будет уже в газетах.

Из лучших покупателей, Львов на водах, а Росихин в Москве; других я еще не приискал, и едва ли приищу, потому что по болезни Ольги я нигде не был и никого не видел. Согласитесь лучше, Александр Сергеевич, на предлагаемую мною сделку, — и дело с концом.

Здоровье Ольги начало поправляться, и то благодаря деревенскому лекарю, бородатому знахарю. Удивительно, а право, он ей помог баней и травой, если не нашептами. Об лекаре она и слышать не хотела.

Прасковья Александровна не сидит на месте; часто летает во Врево, — (особенно когда приближались роды Евпраксии Николаевны, которая между прочим родила дочку) —; вчера прискакала из Пскова. Вревских мы видели только тогда, когда ехали сюда, мимоездом.

В заключение я должен убедительно просить вас отвечать мне с первой если можно почтою на это письмо; — впрочем ответы ваши до сих пор не заставляли себя ждать. Мое почтение Наталье Николаевне и всем вашим.

Н. П.

1239. В. К. Кюхельбекер — Пушкину. 3 августа 1836 г. Баргузин.

Баргузин 3-го августа 1836 года.

А. С. Пушкину

Признаюсь, любезный друг, что я, было, уже отчаялся получить от тебя ответ на письмо мое: но тем более я ему обрадовался; жаль только, что при нем не было первой книжки твоего журнала: я ее не получил.

Ты хочешь, чтоб я тебе говорил о самом себе. Ныне это мне еще совершенно невозможно: в судьбе моей произошла такая огромная перемена, что и поныне душа не устоялась. Дышу чистым, свежим воздухом, иду, куда хочу, не вижу ни ружей, ни конвоя, не слышу ни скрипу замков, ни шопота часовых при смене: всё это прекрасно, а между тем — поверишь-ли? — порою жалею о своем уединении. Там я был ближе к Вере, к поэзии, к идеалу; здесь всё не так, как ожидал даже я, порядочно же, кажись, разочарованный на счет людей и того, чего можно от них требовать, — впрочем вкус ко мне придет вместе с едой, — вот напр. как вчера в лесу, когда предложили мне вместо обеда соленых омулей, несколько, как говорят здесь, *воньких*: от них чуть, было, не сорвало с души; но, протаскав целое утро бревна и доски, я устал, проголодался и — вообрази — съел целого омуля. Так-то наконец и нравы здешние придутся же мне по зубам. — Еще одно: когда я начал дневник свой, я именно положил, чтоб он отнюдь не был исповедью, а вышло напротив; проговариваюсь и довольно даже часто. Иначе и быть не может.

Есть случаи, где „всяк человек ложь“; но есть и такие, где всяк человек — истина. Писать к тебе и о самом себе как не высказать того, что во мне бродит? А это еще рано. —

Ты, друг Александр Сергеевич, полагаешь, что я получал в крепости много Литературных новостей. Ошибаешься. Французских и немецких книг мне давали очень не много; из русских только в последнее время попадались мне не совсем еще старые. — Здесь у брата нашел я кое-что, но и то не новое, Гюго, Бальзака, Альфреда де Виньи знаю только по отрывкам из русских журналов. Последнего: *Рассказ из времен Террора*, по моему мнению, рассказ превосходный. Гюго, кажется, талант мощный, но стулья, штаны, карнизы etc. его слишком занимают. — Что скажешь об исторической верности, о местности, на которой помешались особенно наши молодцы? Не пустое ли и глупое ребячество все это? — У Шекспира анахронизмов, анатонизмов тьма; а между тем, — с анахронизмов перейду к безделке, которую тебе посылаю: — „Моя Ксения всего менее поэма историческая. Женитьба князя Ярослава Ярославича Тверского только материал. Мой Ярослав совсем другое лицо, лице дотатарское, по тому и не бывалое, и, — полагаю, что это хорошо. Упомяни я только слово о татарах, так воспоминания о их чудовищном величии чисто бы задушили ничтожную басню о любви Ксении и Ермила, Юрия и Ольги“. — Эти строки, отделенные вводными знаками, пусть будут предисловием к моей поэмке, если только позволят ее напечатать. А это бы было очень не худо, потому что деньги мне нужны и пренужны. Земледелец я плохой; быть же в тягость брату не хочется. — К стати! Несколько раз я писал к родным, чтоб отправили ко мне все мои деньги *сполна*; у меня по всем расчетам еще около 1000 рублей, которые мне теперь *необходимы* здесь; у брата-де около 700 долгу, а это в нашем положении не вздор, особенно же потому, что порабощает нас людям, от которых я не желал бы зависеть. — Сделай же дружбу, Александр Сергеевич, скажи сестре и племяннику, чтоб непременно выслали мне все мои деньги *разом*; уверь их, что по 100 или по 200 рублей нам нисколько не поможет. Твои слова, быть может, будут действительнее писем. Ты же с своей стороны выхлопчи мне позволение сизнова приобрести что-нибудь. — На тебя надеюсь более, чем на дюжину так называемых дельных людей. Запасу у меня довольно: и в стихах и в прозе. Участвовать в твоём журнале я рад. Мои условия: по 24 листа печатных или по 12 статей в стихах и в прозе в год за 2000 или 1500. — разумеется, что мелкие стихотворения не в счет. — Не дорого ли? — Сверх того прими на себя труд издать или продать то, что позволят мне напечатать отдельно. — Учиться мне, друг, ровно некогда: надобно вырабатывать хлеб насущный. — Книг пришли мне: Эсхилла с комментариями, хороший словарь Латинский, Тацита, Куран на английском, Саконталу на английском же, Ша-Намэ на немецком (Гёрреса) только всё это, когда заведутся у меня свои пенязи в подарок приму от тебя с благодарностью всё русское, что рассудишь переслать мне. — Нашею критикою и я не слишком доволен; только не думаю, чтоб она в наше время была лучше; Честности-то точно было более; но, друг, иная простота хуже воровства. — Не слишком ли ты строг и к Кукольнику? — К тебе я конечно писал бы о нем несколько иначе, чем к племянникам; но всё же он не то, что Тимофеев, который (между прочим) безбожно обкрадывает и тебя и меня. — Язык Кукольник знает плохо, стих его слишком изнежен, главный порок его — болтовня; но всё же он стоит, чтоб на пр.[имер] ты принял его в руки: в нем мог бы быть путь; дай ему более сжатости, силы, бойкости: мыслей и чувства у него довольно, особенно, (не во гнев тебе) если сравнить его кое с кем из наших сверстников и старших братьев. — Гоголь? — Из выписок Сенковского, который его впрочем ругает, вижу, что он должен быть человек с истинным дарованием. Пришли мне его комедию. Трагедию Хомякова (только не Ермака) Ник.[олай] Глинка мне расхвалил. Точно ли она хороша? —

Где Лев Сергеевич? Пишет ли? Прошу ему кланяться. — Обнимаю тебя.

Твой Вильгельм.

Я не поблагодарил тебя за письмо: но лишь потому, что всякий великодушный и благородный поступок есть нечто, тебе глубоко свойственное, о чем не говорят громких фраз, когда обращаются к Пушкину.

Разумеется, что статьи, которые стану посылать к тебе, будут подлиннее нынешней.

1240. С. Л. Пушкин — Пушкину. 7 августа 1836 г. Село Коровино.

Дорогой Александр. Я получил только что несколько строк от Оленьки. Она опасно больна, а в письме г-на Павлищева он мне так прямо и говорит, что осталась одна надежда на Божье милосердие. Я в отчаянии. Письмо г-на Павлищева, наполненное подробностями об управлении Михайловским и о разделе жениного наследства, растерзало мне душу и разбило сердце — я провел бессонную ночь. Оно так неприлично и написано так [даже] чрезвычайно невежливо, без малейшего внимания ни к моему положению, ни к тому, что так мало времени прошло с моего несчастья. — Это человек очень жадный, очень корыстный и весьма мало понимающий то, что берет на себя.

Не можешь ли ты сообщить мне более утешительные вести об Оленьке. Она тебе писала, она мне говорит даже, что вложила туда письмо для меня. Получил ли ты мое и 100 руб. для горничной?

Прощай, дорогой друг, обнимаю вас обоих, [и] а также деток. Я теряю голову.

С. П.

Подумаю, я посылаю тебе письмо г-на Павлищева в подлиннике. Имей терпение прочесть его. Ты увидишь, как он жаден, как он преувеличивает ценность Михайловского и как он мало понимает в управлении имением. — Счеты с управляющим тоже преувеличены, и потом — какая холодность!.. Он говорит о болезни Оленьки только вскользь и притом так, точно он сообщает о здоровье лица, ему постороннего, человеку, которому оно еще более чуждо.

[Приложение: письмо Н. И. и О. С. Павлищевых — С. Л. Пушкину.]

[Н. И. Павлищев:]

Михайловское, 18 июля 1836.

Вот уже пять недель как мы в Михайловском. Ольга писала к вам отсюда любезнейший батюшка, и я удивляюсь, почему вы не получили ее письма. Оно было вложено в моем конверте к Александру Сергеевичу: не запоздал ли он вручить вам это письмо, когда вы были еще в Петербурге? А может быть и почта виновата. Теперь, когда вы отделились от Петербурга слишком на тысячу верст, я воображаю, как долго будут ходить наши письма. К тому же, я не могу требовать от барона Вревского, и не ожидаю, чтобы письма наши всегда исправно принимались на Островской почте. Вот по-моему, одна из главных невыгод деревенской жизни.

Я ехал сюда на покой и с полным предубеждением в пользу управителя. Но вышло иначе. Надо вам знать, что А.[лександр] С.[ергеевич] просил меня заглянуть здесь в хозяйство. На досуге я принялся рассматривать приходо-расходные книги г. Рингеля, и к сожалению, открыл в них большие плутни. Вот результат моей проверки, основанный на неопровержимых доводах. Я буду говорить об одном 1835 годе, когда вас здесь не было.

1) Ржи, овса, ячменя и гречи оказалось, против бирок замолотчика, в недостатке до 30 четвертей, что по прошлогодним ценам составит до 660 рублей.

2) Сена в течение 10-ти зимних месяцев, на корм 50-ти коров и 35 овец, истравлено 8695 пудов, — количество достаточное для прокормления круглый год кавалерийского эскадрона!.. Между тем коровы, по всем справкам, не видали сена больше двух возов, а овцы больше двух недель: в доказательство чего истреблена вся яровая и ржаная солома двух лет, — а скот в самом жалком теле. Украдено на худой конец 3/т. пудов, что по самой низкой цене (я полагаю по 30 коп., а управитель еще прикупил сена 20 пудов по 80 копеек!..) даст 900 рублей.

3) Масла от 20 дойных коров выведено в приходе 7 пудов. Теперь при мне, от 16 коров сбито в 4 недели масла 2 пуда, что даст в год 26 пудов; следовательно украдено до 20 пудов, ценою на 300 рублей.

4) Льну (не говоря об утаенном) продано 3 берковца по 25 руб!.. Было время, что лен продавался и по 120; в прошлом году от изобильного урожая цены упали, но и тут наши крестьяне продали свой по 65 и по 75 р., а г. Рингель сбыв за 25!.. Украдено 150 рублей.

5) На корм 40 птиц с приплодом израсходовано ржи и ячменя слишком 10 четвертей, — ценою

на 224 рубля, тогда как они не стоят больше 60 р., по ценам самого управителя. Нужно всего 6 четв., — украдено 88 руб.

Не стану разбирать каждой статьи. От поверки составились у меня толстые отчетные ведомости. Довольно прибавить, что холста и пряжи недостает ровно половины; — что лес, особенно на Земиной горе, вырублен просеками, что караул в лесу снят более года и восстановлен уже мною, после случившейся порубки у самой часовни; что дворня оборвана, получая от управителя только по 5 ф. льну на душу; что птичья развалилась, тогда как барщинники делали для г. Рингеля дрожки и т. п. Словом, управитель украл в 1835 г. до 2500 р., да убытку сделал на столько же.

Что он украл так много, — это из рук вон; а что он должен был украсть, это объясняется тем, что ему для прокормления себя, жены и пятерых детей нужно по крайней мере (применяясь к месячине) 1000 рублей. Вывесть эти деньги в расходе он не смел, а утаив их, запутался в книгах и обнаружил все свои плутовства.

После этого я не мог уже считать его доверенным лицом: сообразив при том что амбары пусты, что сена и соломы ни клока; что картофели и круп ни зерна; что поэтому придется кому-нибудь из нас голодать; что тощим скотом и голодными птицами сумеет управлять и всякая баба, — я ему откланялся. Он был так озадачен, что молчал, и только вымолвил: „батюшка не погубите“, т. е. не разглашайте. Из уважения к его семейному положению, я дал ему атестат, с которым он может снова других обкрадывать. Без него, я успел уже землю, которая ходила в 75 р., отдать внаймы за 95, а другую, ходившую в 175, за 300. Хозяйство, благодаря бога, идет своим порядком. Управлять здесь может и староста, — задача, которую в праве решить будущий владелец Михайловского.

Я зову сюда Алек.[сандра] С.[ергеевича], чтобы кончить раздел. Он предлагал в Петербурге 500 руб. за душу, т. е. 40/т.[ысяч] за всё имение, считая в нем только 700 десятин земли. Но дело в том, что здесь земли без малого 2000 десятин; что лесу, сенных покосов, рыбы и других угодьев вдоволь; что мыза с садом и строениями не безделица; что имение, при самом дурном наемном управлении, по 10-ти-летней сложности, дает до 3500 р. дохода. По этому имение стоит по меньшей мере 75/т.[ысяч.] Уступку можно сделать; но только А.[лександр] С.[ергеевич]у, и то никак не ниже 64/т.[ысяч], т. е. 800 р. душу. Таким образом на *законную* часть Ольги, включая и вашу седьмую, придется не 8/т.[ысяч] (как рассчитывал А.[лександр] С.[ергеевич]), а 13 т.[ысяч] — капитал составляющий всё наше достояние, — залог существования нашего сына, в случае моей смерти, или удаления от службы по каким-нибудь не предвиденным причинам. Надо же сказать, что все мои способы заключаются в месте, которого я могу лишиться по первой прихоти начальства. Конечно 13/т.[ысяч] не велики деньги (на пример, для А.[лександра] С.[ергеевича], который за одну квартиру платит столько, сколько я получаю жалованья); но в моем положении они составляют кусок хлеба на черный день. При том, соблюдая пользу Ольги, я сохраняю выгоды и Льва Сергеевича, который прислал мне от себя доверенность: он верно скажет спасибо, если вместо 15/т.[ысяч] получит по моей оценке 25/т.[ысяч].

Так или иначе кончится раздел, — я всё однакож не вижу, как мы отсюда выедем. У меня нет ни гроша, и занять негде. В Варшаве, в подобном случае, помог мне брат мой, прислав заимообразно 2/т.[ысячи] р., которыми я и зажал рот некоторым кредиторам; но вторично просить его не смею и не должен, тем более, что он сам нуждается, будучи отцем семейства: словом, я не вижу впереди ничего хорошего. В конце августа, или в начале сентября, я должен быть в Варшаве; в случае просрочки могу отвечать и даже поплатиться местом. Чему быть, тому не миновать, а мне пособить нечем. К этому присоединилась у меня другая тяжкая забота. Ольга очень больна; ужасный кашель, начавшийся еще в Петербурге, истощает приметно ее силы; все средства до сих пор употребленные не помогают. Был и доктор из Новоржева; но она ему не вверилась. Завтра, если не будет лучше, пошлю за доктором в Остров, а там — надежда на бога.

Приказания ваши управителю я исполню. Исак отправлен: на подъем и кормовые дал я ему 100 руб., — по расчету 1200 верст. Познякову заплачу из первого прихода; лошадей ваших продам по-выгоднее; за бесценок же отдавать их кажется не следует. Карета ваша стоит в сарае; о продаже ее

заботится, по поручению вашему, барон Вревский, и кажется, без успеха. — Желаю вам здоровья и душевного спокойствия. Весь ваш Н. П.

[О. С. Павлицева:]

28-го прошлого месяца я послала вам письмо, вложенное в письмо на имя Александра. Надеюсь, дорогой папа, что вы его получили. С моего приезда я все время хвораю, была только один раз в саду, в конце июня, и с тех пор не схожу с дивана — ежедневная лихорадка осложнилась ужасным кашлем, от которого я до сих пор не могу отделаться. Врач из Опочки прислал мне мушку, я ее приложила, но не чувствую облегчения. Боюсь принимать внутренние лекарства, за исключением известных трав. Другой доктор приехал из Новоржева, по рекомендации добрейших Тимофеевых. Он привез какой-то порошок, слишком невинный для того, чтобы мне помочь. Зато Лоло, слава богу, здоров, у него прорезываются зубки, но он не очень страдает.

Ни одной из Тимофеевых я не видела. Аграфена Петровна опасно больна, Марья Петровна писала мне, что они потеряли всякую надежду на ее выздоровление. Анна Николаевна в Петербурге, она не уезжала дальше Царского Села. Прощайте, дорогой папа, в следующий раз напишу вам больше — надеюсь. Нежно целую кузин и шлю привет тетушке и дяде. Г-жа Осипова рекомендовала мне островского доктора: если через два дня мне не станет лучше, придется, пожалуй, к нему обратиться.

1241. Д. В. Давыдов — Пушкину. 10 августа 1836 г. Село Маза.

Ты по шерсти погладил самолюбие мое, отыскав Бог знает где и прозу и стихи Арно, о которых я и знать не знал. Жалею что перевод мой недостоин благосклонности и мадригала покойного академика. Этот перевод ужасно плох, так плох, что в издании стихотворений моих я не смел его поместить.

Дурову я знал, потому что я с ней служил в арьергарде во всё время отступления нашего от Немана до Бородина. Полк, в котором она служила, был всегда в арьергарде, вместе с нашим Ахтырским гусарским полком. Я помню, что тогда поговаривали, что Александров женщина, но так, — слегка. Она очень уединена была и избегала общества столько, сколько можно избегать его на биваках. Мне случилось однажды на привале войти в избу вместе с офицером того полка, в котором служил Александров, имянно с Волковым. Нам хотелось выпить молока в избе (видно плохо было, что за молоко хватились — вина не было капли). Там нашли мы молодого уланского офицера, который только что меня увидел, встал, поклонился, взял кивер и вышел вон. Восков сказал мне: это Александров, который, говорят, женщина. Я бросился на крыльцо — но он уже скакал далеко. В последствии я ее видал во фронте, на ведетах, словом во всей тяжкой того времени службе, но много ею не занимался, не до того было, чтобы различать мужского или женского она роду; эта граматика была забыта тогда. —

В записках ее есть некоторые противоречия и недосмотры; например: 1-е. Она говорит Кутузову, что служила уже в Прусскую войну, отличилась, и храбрость ее заметил гр.[аф] Буксгевден, а в твоём предисловии к запискам ее сказано, что она вступила в службу в 1808 году. То или другое несправедливо. Прусская война [была] началась в декабре 1806 года и продолжалась 1807 год до 8-го июня, а гр.[аф] Буксгевден был отозван в начале оной и вряд ли был лично в деле; был в деле один из его корпусов, корпус Дохтурова под Голомином, не более; разве Бенингсен заметил ее храбрость, это другое дело; но и тут все-таки ей следовало бы для того войти в службу 1806 году, а не в 1808-м.

2-е. В Записках сказано, что бригадный командир Литовского уланского и Новороссийского драгунского полков был ген.[ерал] К... неправда — был ген.[ерал]-майор гр.[аф] Сиверс. —

3. Она говорит стран. 60 „— сама поехала на гору к стенам монастыря, чтоб сменить главный ведет“. —

За то что в ночное время барышня-корнет Александров поместил ведет на горе, за то можно было бы ему сказать дурака. Ночные ведеты становятся под горой, имея ее впереди себя. Как бы небо ни было темно в ночное время, оно все-таки светлее самой горы и всякого человека или лошади, на верх

ее вошедших и потому этот человек, или лошадь, или что бы то ни было немедленно оказываются от впечатления себя на горизонт уступающем [ему] им чернотой. [Это] азбука казачьего ремесла.

Желательно прочесть ту часть ее Записок, в которой открывает она причину, побудившую ее идти в солдаты, вступление ее на службу и первые месяцы ее службы; — есть ли эта часть?

Не забудь пожалуста просьбу мою: напечатай прежде *О партизанской войне*, а потом уже *Занятие Дрездена*. Что же касается до стихотворений, то напечатай только *Челобитную*, эпиграмму *Меринос* — *Когда я повстречал красавицу мою* и только: пожалуста сделай так.

Спасибо и тебе и Вяземскому и за Наполеона и за то, что вы по Наполеоньски отломали бока этой шайки ярыжных писателей, которые вмешиваются не в свое дело и судят и рдят о благопристойности, о которой они не имеют понятия. Что это Сенковской! Это Бог знает что! Каковы его критики на книги? бывало Полевой ругался площадно, но что он перед Сенковским? — Монастырка перед своднею и какою? Маеровой, варшавскою. — (спроси о Маеровой у Вяземского) или лучше сказать монастырка перед сводником-певуном варшавским, которому и Маярова платила в год 40 карбованцов, чтобы он не пел по улицам: *Маярова дуна смердзи*. Как нет никого, чтобы [ему] Сенковскому рот зажать или обрубить пальцы, которые пером водят — или по крайней мере хоть плюх надавать!

Я еду или [[нрзб.]] переселяюсь со всей семьей в Москву, в сентябре, — или лучше сказать жена едит со всем моим народишком, а я остаюсь еще в степях для рысканья за зайцами, лисицами и волками и не прежде буду в Москве как в конце октября; пиши ко мне туда и адресуй письма на Пречистенку в мой собственный дом, бывший Бибиковой. Прости.

Денис Давыдов.

10-го августа. Маза.

1242. П. А. Вяземский — Пушкину. 11 августа 1836 г. Остафьево.

Хоть Вы красавица, хоть вы и баронесса,
Хоть без ума от Вас и мудрый и повеса,
И стоит только Вам нечаянно, хоть раз
Каленую стрелу пустить из черных глаз
Чтоб сердце поразить — всё это справедливо! —
Но дайте-ж Вам сказать: напрасно так спесиво
Вы смотрите на нас с двуглавой высоты
Баронства Вашего и Вашей красоты.
Слыхал я, не чужда любовь военных шашень:
Найдутся лестницы и для высоких башень.
Бывают: имеют .

Другие две шутки, переписанные Вьельгорским, у тебя. Всё это назвать бы: подражания Испанским Сегидильям. Подписывать имени моего не надо, также как и под стихами:

Не говори, красавица, for ever ⁶³

а выставить только *Рим*. — Москвы и московских я еще не видал, кроме Корсакова и К. Федора Гагарина, которые были у меня в Остафьево. Говорят, что *Современника* нет в московских книжных лавках. Г-жа Соиздательница выслала ли 2-ую книжку Дмитриеву, который, говорят, ходит без парика, а то у него волоса дыбом бы встали от негодования на ваше невнимание.

Мои молодые здоровы и Вам всем кланяются.

Остафьево. 11-го августа. 1836.

Московские барыни, сказывают, ужасно сердятся на Лев-Веймара за то, что он выводит русских монахов и русские монастыри из какой-то дыры, и говорят: врет он сукин сын француз, у нас нет таких

⁶³ навски.

больших дыр, разве у француженок, так может быть! — А в самом деле сердятся в Москве за это описание. Много в нем хорошо сказано, а уж не может французский язык не повернуться, говоря о России. —

1243. Н. И. Павлицеву. Около (не позднее) 13 августа 1836 г. Петербург.

Пришлите мне сделайте одолжение *объявление о продаже Михайловского*, составя его на месте; я так его и напечатаю. Но постарайтесь на месте же переговорить с *лучшими* покупателями. Здесь за Михайловское, один из наших соседей, знающий и край и землю нашу, предлагал мне 20.000 рубл.! Признаюсь, вряд ли кто даст вдвое, а о 60.000 я не смею и думать. На сделку вами предлагаемую не могу согласиться и вот почему: батюшка никогда не согласится выделять Ольгу, а полагаться на Болдино мне невозможно. Батюшка уже половину имения прожил и проглядел, а остальное хотел уже продать. Вы пишете, что Михайловское будет мне игрушка, так — для меня; но дети мои ничуть не богаче Вашего Лёли; и я их будущностью и собственностью шутить не могу. Если взял Михайловское понадобится вам его продать, то оно мне и игрушкою не будет. Оценка ваша в 64.000 выгодна; но надобно знать дадут ли столько. Я бы и дал, да денег не хватает, да кабы и были, то я капитал свой мог бы употребить выгоднее. Клянюсь Ольге; дай Бог ей здоровья — а нам хороших покупателей. Нынче осенью буду в Михайловском — вероятно в последний раз. Желал бы Вас еще застать.

А. П.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Николаю Ивановичу Павлицеву В Остров, в село Врев.

1244. А. Л. Крылову. Первая половина августа 1836 г. Петербург.

Пушкин покорнейше просит Александра Лукича представить сию статью куда следует для разрешения.

1245. Л. С. Пушкин — Пушкину. 20 августа 1836 г. Тифлис.

Павлицев мне пишет, что он не согласен продать свою часть Михайловского за предлагаемую тобою сумму; следственно тут выдет проволочка. Ты знаешь, или не знаешь, что я определен в военную службу; ни обмундироваться, ни ехать драться с горцами мне не на что. — Если ты можешь мне послать треть моей части заимообразно, удержав её при окончании раздела, то ты выведишь меня из большого затруднения и от больших неприятностей. Я рискую получить вторичную выключку. — Прощай. Жду ответа.

Тифлис 1836 20 авг.

Где отец? В Москве, что ли?

Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину у Гагаринской пристани в доме Баташева в С.-Петербурге

1246. Н. И. Павлицев — Пушкину. 21 августа 1836 г. Михайловское.

Михайловское, 21 августа.

Предложив вам меняться Михайловским на Нижегородское имение, я ожидал скорого ответа. Ответа нет, а между тем меня зовут в Варшаву. Срок моему отпуску минул вчерашнего дня. Я еще заранее писал Статс-Секретарю — испросить мне отсрочку на один месяц, по болезни. К 20 сентября я должен быть непременно в Варшаве, — иначе могу потерять много. Еслиб ответ ваш пришел вовремя, т. е. неделю тому назад, и с согласием на сделку, то я б успел еще, с доверенностями вашею, Льва и Ольги съездить в Остров и приискать денег; в случае неудаче мог бы еще списаться с вами. Но теперь всё это уже поздно. Мне не с чем выехать и не с чем приехать, чтобы расплатиться с кредиторами, арестовавшими четвертую часть моего жалованья. Эта крайность заставляет меня отказаться как от меновой сделки, так и от продажи имения в чужие руки, — продажи требующей

времени. Возьмите Михайловское за 40/т.[ысяч], только выручьте нас из беды. Если не можете заплатить Ольгиной доли сполна, то дайте на первый раз хоть 2500; остальные 5/т.[ысяч] (за вычетом 1000, уже нами полученной) будут за вами, год или два, смотря по обстоятельствам. Без 2500 я не смею явиться в Варшаву. Обещания фельдмаршала, как вижу, не надежны. Деньги эти, вместо высылки по почте, лучше вам самим привезти сюда, по причинам ниже объясненным. Только не забудьте, Александр Сергеевич, что 20 сентября я должен быть в Варшаве, что следственно 15-го я должен быть уже в дороге.

Я зову вас сюда для того, чтоб сдать вам на руки разные документы по имению и другие бумаги по хозяйству. Плата 25/т.[ысяч] за имение, вы конечно захотите знать его хоть поверхностно. Никто, кроме меня, не даст вам объяснений, — а объяснения мои, хочу надеяться, могут быть вам в свое время полезны. В несколько часов, на листе бумаги, вы познакомитесь с здешним хозяйством, а познакомясь с ним, вы не дадите обманывать себя, подобно батюшке, ни здесь ни в будущем вашем Нижегородском имении (если разумеется батюшка его не промотает или не проплачет). Управителя здесь совсем не нужно. Староста мною избранный, бывший рижник Петр, малый расторопный и надежный. По моим наставлениям, по формам, которые я дал для ежемесячной отчетности, вы будете в состоянии и из Петербурга поверять его действия. Всё хозяйство разделил я на две части: одною заведует староста, а другою Архип садовник, которого таже вам рекомендую. У первого в ведении: полевые работы, хлебные амбары, лес, сбор подушного, оброчные статьи, расход хлеба, продовольствие скота и домашние постройки и починки. У последнего: птицы, пчелы, счет и приплод скота, масло, шерсть, лен, пряжа, огороды, сад, дом, и надзор за дворнею. Тот и другой имеют формы и книги, по которым должны вести отчетность, каждый по своей части. От меня узнаете, что и сколько чего должно от них требовать. Я с охотою занимался хозяйством, и не даром; могу быть вперед порядочным, если не помещиком, то хоть арендатором, или управителем. Мне кажется, я ошибся в своем истинном призвании.

И так, я зову вас сюда, дня хоть на два, или на три. Не забудьте также, что рекрутский набор на носу. Не худо б забрать лоб кому-нибудь из наследников Михайлы; жаль, что сам он ушел от рекрутства. Но это вы сами решите. — Между тем я могу получить на днях согласие ваше на меновую сделку. Вот употребление, которое я намерен из него сделать. Пишу тотчас к С.[ергею] Л.[вовичу], и на основании сделки требую выдела Ольги, чтобы расплатиться с вами и со Львом. Это только дипломатическая хитрость, для пробы отцовской любви. Разумеется, что через несколько времени потом я уведомяю его, что сделка не состоялась, по причинам, требовавшим немедленного отъезда моего в Варшаву. Посмотрим, что скажет С.[ергей] Л.[ьвович] — Авось образумится. Ведь сам же он говорит в письме к Пр.[асковье] А.[лександровне], что „мое присутствие в нижегородском имении совершенно бесполезно; я потерял все мои умственные способности; я почти лишился рассудка“.

Так как вы будущий владелец Михайловского, то для надлежащего сведения честь имею сообщить следующее. — В мое управление накошено сена до 4000 пудов, нажато ржи 21.000 снопов, засеяно 23 десятины, по 1 ч. 3 чк. на десятину. Посев кончен ранее обыкновенного, по примеру порядочных хозяев. По умолоту 3600 снопов, урожай оказался сам 5, — недурно для земли, которая до сих пор удобрялась щедротами Творца; останется за расходом до 80 четвертей в продажу. Соломы на подстилку вдоволь; при хорошем корме скота позему к весне будет довольно и хорошего. Сена за расходом останется пудов пятьсот. Масла коровы дают покамест около полпуда в неделю; — в год накопится до 16 пудов, — слишком вдвое против прежнего. Яровое еще в поле. Все работы идут успешно, [Работы идут] гладко. В одно время жали, молотили, пахали и сеяли, и не было ни суеты, ни беспорядка. В то же время выстроил я сарай для спашки, и перестраиваю птичник, чтоб не заморозить птиц по прошлогоднему. Скотный двор негоден: нужен каменный или на каменных столбах. Дом, как известно вам, валится: это уж постройки капитальные. Повторяю мое желание вас видеть, хоть на пару дней. Собственная ваша польза требует вашего сюда приезда, а наша — приезда с деньгами. 15 сентября должен я выехать, под страхом большой ответственности.

Здоровье Ольги поправляется. Мы никуда еще не выезжали. Пр.[асковья] А.[лександровна] сидит дома, — лечится. Вревские были у нас раза два. Веньямин Петрович нас изредка навещает; соседство его, как опытного хозяина, может быть очень полезно. Сергей Львович писал к нам из Зарайска. Поручил заплатить за него в Новоржев долгу 200 руб., для чего и продать лошадей. Лошадей здесь всего четыре, которые нужны в работу и на позем. Я не продал их. Да и неужто не собрать ему 200 р. в Нижегородском имении!.. К тому же я дал Исаку кучеру на дорогу 100 рублей. Карету поручил он продать Вревскому и прислать ему деньги!!.. За повара Алексашку, что в Пскове, он не платил ни гроша: теперь надо заплатить слишком 750 рублей. Старик молчит. Если он не выделит Ольги, так я по крайней мере потешусь: выскажу ему много горькой правды, да так чтоб и Сонцев знал. Не пройдет ему даром это равнодушие, с которым он смотрел, как я рвался в Петербург, чтобы найти денег на дорогу. Но об этом довольно. Кланяюсь усердно вам и Наталье Николаевне: ожидаю вас или денег.

Преданный вам Н. П.

NB . Предлагая вам мену, я оценил Нижегородскую и псковскую душу в 800 руб., ту и другую. В казну Псковская душа принимается 50-ю руб. ниже, — что на 80 душ составит 4/т.[ысячи], следовательно Михайловское в этой мене должно итти не за 64, а за 60/т.[ысяч]. Я не люблю ошибок, — хотя ошибка эта не ведет уже ни к каким последствиям. Грехи исправлять простительно и похвально.

1247. Н. И. Павлищев — Пушкину. 28 августа 1836 г. Михайловское.

Михайловское, 28 августа 1836.

Объявление о продаже Михайловского не нужно, потому что я отказался, уже от меновой сделки. Приезжайте сюда скорее, дайте нам 2500 р. и имение за вами. На этом, думал я, и кончится наша переписка о наследстве; но в последнем письме вашем есть вещи, которые требуют категорического с моей стороны объяснения.

Мне досадно и странно видеть, что вы боитесь быть в убытке, заплатив 40/т.[ысяч]. Опасения ваши напрасны, и я признаюсь не совсем их понимаю, потому что вы в то же время не согласны отдать имения нам в 60/т.[ысяч]. — Ведь я предлагал мену только в том случае, когда батюшка выделит Ольгу. Вы не согласны, потому что он ее не выделит. А если выделит, спрашиваю я? — Ответ ваш, правда, не категорический; однако ведет к догадке, что вы не согласились бы и в таком случае, когда бы Ольга была выделена. Как же помирить это с мнением вашим, что Михайловское не стоит и 40/т.[ысяч]? Жаль, что вы не верите моей оценке, основанной на фактах, а рассчитываете на удачу. Я утверждаю и могу доказать, что платя 40/т.[ысяч] вы не только не убыточитесь, а напротив делаете выгодное приобретение. Спросите того, кто знает толк, чего стоит, например:

- 1) 80 душ с 2000 десятин земли.
- 2) Сельцо с господской запашкой 70 десятин.
- 3) 67 тягол земли у крестьян. Да-с: 80 душ держат 67 тягол, из коих 32 в барщине, 13 в оброке и 22 в подушном. Этого сосед, предлагающий 20 т.[ысяч], не знает, батюшка никогда не знал, да и вы б не узнали, если б меня здесь не было.
- 4) Несколько пустошей, отдававшихся в наймы до сих пор за бесцен. Если мне с первых слов за одну вместо 175 дали 300, то нет сомнения, что со временем дадут и вдвое.
- 5) Сенного покосу здесь довольно и для прокормления и 150 штук скота. Скота здесь довольно иметь и 100 штук; — следовательно, что можно получить еще за сено?

Но я не стану повторять себя. Скажу вам просто, что Михайловское так стоит 40/т.[ысяч], что если б у меня были деньги, то я б выложил их на стол, чего, согласитесь, вы не делаете, ибо платите только 23/т.[ысячи] и то не вдруг, а в разные сроки. Купить на чистые деньги или приобрести частью наследством, частью покупкою, — не всё равно. Я повторяю, и докажу, если нужно, что Михайловское достается вам очень выгодно, что вы совсем не в убытке. От вас зависит потом увеличить выгоды имения, в котором вы видите будущность ваших детей. Но тут я опять скажу, что если вы оставите имение на произвол судьбы, как Сергей Львович; если земля, оставленная без утучнения, выпашется,

то детям вашим представится будущность самая незавидная. Не хозяину оброчное имение выгоднее экономического. В Болдине ваших, со Львом, 13/14 частей; 1/14 наша. Что делать нам с нею? не ехать же мне из Варшавы заводить там пашню. Признаюсь, я всегда находил дележ Михайловского, особняка, случаев выделенной 14-й части, странным, тем более, что я не разделяю вашей мысли, что батюшка проглядит *всё* Нижегородское имение. *Часть* — так; но *всё*, — это уже слишком много. Имение заложено частями; за недоимки возьмут часть и т. д. За первым аукционом, старик верно образумится и призовет вас опять на помощь. Опасения ваши на этот счет, мне кажется, преувеличены; а надежды на Михайловское, как бы сказать? — очень неблистательны. Нельзя, мне кажется, основывать на нем будущность ваших детей, — а еще менее сравнивать достояние наших детей. У меня в запасе 1/14 часть и место, — которого я могу лишиться, если, например, не достану теперь 2500 рублей; а у вас, — но тут результат сравнения вышел бы слишком в вашу пользу.

Вот мысли, которые вылились у меня от сомнения вашего насчет ценности имения, и от боязни вашей быть в убытке. Не могу еще не сказать, что несогласие ваше на мою сделку лишило меня важной вещи — предлога требовать выдела Ольги, для расчета с вами. Разве воспользуюсь последним письмом отца. Он спрашивал новостей о саде, о дорожках. Говоря об этом, я коснулся и всего имения, объяснивши, почему я прогнал его управителя. Что же старик? пишет, чтобы я не обременял его делами, и считал его вперед совершенно *посторонним* человеком. Я признаться давно считал его таким для себя; — но для Ольги — он покамест отец. Хочу попробовать его отцовскую нежность, которую он так забавно рассыпает в своих идиллических письмах. Потребую ее приданого, — четырнадцатую часть, но не доходов с имения (потому, например, что с Кистенева ей приходится собственно 200 рублей), а самого имения. Предвижу ссору; но тут лучше хорошая ссора, чем дурной лад. Старик будет помнить меня.

И так, дело о разделе наследства между нами кончено. Ожидаю вас сюда и 2500 р., без которых, как пишут мне из Варшавы, мне отсюда выехать нельзя.

1248. А. И. Хмельницкий — Пушкину. Июль — август 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

С умом и доброй волею, говорили вы, можно найти место в Петербурге; вот я более двух недель употребил на бесполезное приискывание должности и теперь приведен в такое положение, что даже *не могу* больше искать себе места. Есть, правда, одно вакантное: в Неве; но я берегу его, как последнее убежище. Я был в справочной конторе. Там нет ни одного вызова, на который бы мне можно явиться. — Определение мое во флот зависит от моего личного объяснения с князем Меншиковым; а это объяснение, по милости адъютантов, откладывалось со дня на день. — Назад тому дня четыре я просил Н. И. Греча доставить мне литературные занятия; вот ответ его: „скажите мне, что я за несчастный такой, что вы пришли просить у меня места?“ В Петербурге называют несчастием — пособить ближнему!

Мне осталось одно: еще раз просить вас, Александр Сергеевич. Восемдесят, много сто рублей приведут меня в состояние расплатиться с гостинницею, где я живу противу воли, и нанять себе где-нибудь уголок.

Я не прошу этих денег как милостыни; вы и сами не захотите так предложить их мне. К ноябрю у меня будет готов перевод сочинения „Опыт истории математических наук“, соч. Боссю. Тогда я буду в состоянии возратить вам эти деньги.

Жду вашего ответа. Человек, который доставит вам это письмо, [из] служит в той гостиннице, где я живу.

Ваш покорный слуга Алек. Хмельницкий.

Адрес: Его благородию милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину. На Гагаринской пристани в доме Баташева.

или На Каменном острове в доме Доливо-Долинского.

1249. А. А. Жандру. Июль — август 1836 г. Петербург. (Черновое)

Осмеливаюсь тебя беспокоить просьбою за молодого человека мне незнакомого, но который находится в обст.[оятельствах] требующих немедленной помощи. Г.[осподин] Хм.[ельницкий] на днях приехал из Малор[оссии]. Он здесь без денег и без покровителей. Ему 23 года. Судя по его разговору и по письму мною от него полученному, он умен и имеет благородные чувства. Вот в чем дело: он желает определиться во флот, но до сих пор не имел доступа до кн. Менщ[икова]. Я обещался его тебе представить, отвечая за твою готовность сделать ему добро, коли только будет возможно.

1250. А. А. Краевскому. Июль — август 1836 г. Петербург.

Сей час отправлюсь в Цензуру — думаю мои статьи переслать к кн. Корсакову — до свидания.

1251. Д. В. Давыдову. Август 1836 г. Петербург. (Черновое)

Ты думал, что твоя статья о партизанск[ой] войне пройдет сквозь цензуру, цела и невредимо. Ты ошибся: она не избежала красных чернил. Право, кажется, военные цензоры марают для того чтоб доказать, что они читают.

Тяжело, нечего сказать. И с одною цензурою напляшешься; каково же зависеть от целых четырех? Не знаю, чем провинились русские писатели, которые не только смиренны, но даже сами от себя согласны с духом правительства. Но знаю, что никогда не бывали они притеснены, как нынче: даже и в последнее пятилетие царств.[ования] покойн.[ого] имп.[ератора], когда вся литература сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову.

Цензура, дело земское; от нее отделили опричину — а опричники руководствуются не уставом, а своим крайним разумением.

1252. С. Н. Дирин — Пушкину. Конец августа-начало сентября 1836 г. Петербург.

Уверен, что вы с удовольствием узнаете кое-какие новости о Вильгельме, почему и посылаю вам эти письма, недавно полученные из Сибири. Русское письмо — от его брата Михаила, и заставит вас рассмеяться на второй странице. Русское письмо — от него самого и доставит вам удовольствие, если вам удастся расшифровать его. Не могу вам оставить ни одного, ни другого на более долгий срок, чем сколько вам понадобится, чтобы их прочесть, ибо я похитил их тайком у матери, чтобы переслать вам.

Желая здравствовать Александру Сергеевичу, остаюсь до конца жизни преданнейший
Дирин.

1253. С. А. Кокошкин — Пушкину. 5 сентября 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Возвращая у сего доставленную Вами ко мне при письме копию контракта, на наем квартиры в доме полковника Баташова, имею честь Вас, милостивый государь, уведомить, что для уничтожения сего акта нужно формальное прошение, в коем следует описать причины, нарушающие условие со стороны владельца дома и поставляющие Вас в необходимость отказаться от дальнейшего проживания в оном, без чего Вы от ответственности за квартиру освободиться не можете.

С должным почтением имею честь быть

Ваши, милостивый государь, покорный слуга С. Кокошкин.

№ 6707. „5“ сентября 1836 г. Его высокоб[лагороди]ю А. С. Пушкину.

1254. П. А. Осипова — Пушкину. 7 сентября 1836 г. Голубово.

Я медлила, дорогой друг, поблагодарить вас за присылку 2-го тома Современника, чтение

которого доставило мне много удовольствия, — в ожидании удовольствия, еще большего, — увидеть вас вскоре среди нас; но прекрасные осенние дни, установившиеся у нас недавно, отдалили эту надежду, — если только не совсем ее уничтожили — на нынешний год, понятно, — ибо г-н Павлищев отказался от намерения обосноваться в Михайловском. — В пятницу на этой неделе он получил письмо из Варшавы, в котором его начальник по канцелярии извещает его как секретаря, что если он не поторопится возвратиться к месту службы, то князь Варшавский его уволит. Это подстроил ему, по злобе, [Правитель Канцелярии] князя, и Павлищеву нужно по меньшей мере 3000 руб., чтобы предпринять это путешествие. Если можете ему помочь — сделайте это, любезный друг мой, и сохраните нам ваше драгоценное соседство. — Пишу вам из Голубова, где я провела 4 дня очень приятно. Мои дети и я, мы шлем вам дружеский привет.

П. О.

7 сентября 1836.

Бедная Ольга снова от этого захворала.

Адрес: Его высокоблагородию М.[илостивому] г.[осударю] Александру Сергеевичу Пушкину в С.-Петербурге, близ Прачешного мосту в доме Баташева.

1255. П. А. Корсакову. Около (не позднее) 27 сентября 1836 г. Петербург.

Милостивый государь, Петр Александрович,

Некогда, при первых моих шагах на поприще литературы, Вы подали мне дружескую руку. Ныне осмеливаюсь прибегнуть снова к Вашему снисходительному покровительству.

Вы один у нас умели сочетать щекотливую должность цензора с чувством литератора (лучших, не нынешних времен). Знаю как Вы обременены занятиями: мне совестно Вас утруждать; но к Вам одному можем мы прибегать с полной доверенностью, и с искренним уважением к Вашему окончательному решению. Пеняйте ж сами на себя.

Осмеливаясь препроводить на разрешение к Вам первую половину моего романа, прошу Вас сохранить тайну моего имени.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть милостивый государь Вашим покорнейшим слугою А. Пушкин.

1256. П. А. Корсаков — Пушкину. 28 сентября 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Приятно мне было видеть из лестного письма вашего, что вы не забыли старинного и всегдашнего почитателя вашей музыки. Печатая ваши первые стихи в журнале моем, я гордился мыслию, что гениальный поэт, долженствовавший прославить имя свое и русскую словесность, избрал меня и журнал мой орудием обобщения своего с отечественными читателями. Не одна дружба ваша к покойному брату Николаю, — сознание гениальности вашей — заставляла меня радоваться вашим успехам. После этого, можете посудить, с каким удовольствием получил я вчера поверенное цензуре моей ваше новое произведение! с каким наслаждением я прочел его! или нет; не просто прочел, — проглотил его! Нетерпеливо жду последующих глав... Теперь вот в чем дело: вы желаете сохранить аноним, и я не изменю вашей тайне; но мне нужно чье-нибудь имя для записания его в качестве вашего подставного лица в регистры комитетские; или лучше сказать, — нужно лицо представителя манускрипта. Потрудитесь же сказать мне его имя; а оно должно быть невымышленное: ибо цензура, допуская псевдонимы и анонимы авторов, должна непременно знать, кем именно сочинение неизвестного представляется цензору. Это одна просьба; а вот другая. Мне хотелось бы увидеться лично с вами и перемолвить несколько слов — о *паре слов* вашего прелестного романа, который я без малейшего затруднения хоть сейчас готов подписать и дозволить к печатанию. Назначьте же час и место свидания: у меня или у вас?

Хотя времени у меня весьма мало; но вы — должны быть исключением из общего правила.

Благоволите почтить ответом вашим нелестного почитателя и всегда вам милостивый государь готового на услуги П. Корсакова.

Сент. 28, 1836

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину. От Корсакова. На Гагаринской пристани в доме Баташева.

1257. А. П. Плещеев — Пушкину. 3 октября 1836 г.

3 октября 1836.

Податель сего есть честный и большой мой приятель, которому я прошу тебя отдать занятые у меня повесою твоим братом 500 руб. ассигнац[иями] и 30 червонцев. Время тебе, Александр Сергеевич, рассчитаться со мною: я выручил твоего брата из беды, а ты даже и не отвечал на мое письмо; заплатил часть долгу, а от другой как будто бы отказываешься; ты не такой бедняк, а я не такой богач, что бы тебе не платить, а мне не требовать. Больной, коему я прошу отдать деньги, гвардейской конной-артиллерии штабс-капитан Эйхберг и старший адъютант 2-й артиллерийской дивизии. Вот тебе и вся сказка, которая может быть не так тебе приятна, как нам твои.

Твой покорный слуга А. Плещеев.

1258. Н. И. Греч — Пушкину. 12 октября 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Прочитав в 3-й книжке Современника стихотворение ваше Полководец, не могу удержаться от излияния пред вами от полноты сердца искренних чувств глубокого уважения и признательности к вашему таланту и благороднейшему его употреблению. Этим стихотворением, образцовым и по наружной отделке, вы доказали свету, что Россия имеет в вас истинного поэта, ревнителя чести, жреца правды, благородного поборника добродетели, возносящегося светлым ликом и чистою душою над туманами предрассудков, поверий и страстей, в которых коснеет пресмыкающаяся долу прозаическая чернь. Честь вам, слава и благодарение! Вы нашли истинное, действительное, единственное назначение поэзии!

Извините это несвязное разглагольствие. Вы, с своим исполинским талантом не имеете нужды в хвалах. Но я имел непреодолимую потребность высказать вам то, чем вы преисполнили мою душу.

Примите уверение в истинном моем почтении и душевной преданности.

Ваш всепокорнейший слуга Николай Греч.

12 окт. 1836.

1259. Н. И. Гречу. 13 октября 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Николай Иванович,

Искренне благодарю Вас за доброе слово о моем Полководце. Стоическое лице Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства; но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения.

С истинным почтением и преданностию честь имею быть

милостивый государь Вашим покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

13 окт. 1836

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Ивановичу Гречу etc. За Синим мостом на Мойке в собств. доме.

1260. М. А. Корф — Пушкину. 13 октября 1836 г. Петербург.

Лет пятнадцать тому назад, когда служба не поглощала еще всего моего времени, мне хотелось ближе изучить Русскую историю, и это постепенно навело меня на мысль: составить полный

библиографический каталог всех книг и пр. когда либо изданных о России, не в одном уже историческом, но во *всех вообще* отношениях и на всех языках: труд компилятора, но который в то время приносил мне неизъяснимое удовольствие. Перебрав все возможные каталоги, перерыв все наши журналы, перечитав всё, что я мог достать о России и воспользовавшись всеми, сколько-нибудь надежными цитатами, — я собрал огромный запас материалов, в последствии, однакож, оставшихся без всякой дальнейшей обработки и частью даже растерянных. Последний наш разговор о великом твоём труде припомнил мне эту работу. Из разрозненных ее остатков я собрал всё то, что было у меня в виду о Петре В.[еликом] и посылаю тебе, любезный Александр Сергеевич, то, что я подобрал на этой ниве, разумеется, без всякой другой претензии, кроме той, чтобы пополнить твои материалы, если, впрочем, ты найдешь тут что-нибудь новое. Это одна голая, сухая библиография, и легче было выписывать заглавия, чем находить самые книги, которых я и десятой части сам не видал. Впрочем в теперешней моей выборке я ограничился решительно одними *специальностями* о Петре В.[еликом], его веке и его людях, не приводя никаких *общих* исторических курсов, и т. п. В этой выборке нет ни системы, ни даже хронологического порядка: я выписывал заглавия книг, так как находил их в своих заметках, и искренно рад буду, если ты найдешь тут указание чегонибудь, до сих пор от тебя ускользнувшего, а еще больше, если по этому указанию тебе можно будет найти и достать самую книгу. Я охотно обратил на это несколько часов свободного моего времени и прошу ценить мое приношение не по внутреннему его достоинству, а по цели.

Весь твой Модест.

13 окт. 1836.

Разумеется, что указания мои не идут дальше той эпохи, в которую я ими занимался; всё вышедшее после того, при перемене моих занятий, совершенно мне чуждо, и из прежнего, как я уже сказал, многое пропало: это одни остатки.

1261. Д. В. Давыдов — Пушкину. 13 октября 1836 г. Москва.

Я совсем переселился в Москву; живу в собственном доме на Пречистенке (бывшем доме Бибиковой). Слышу, что вышел 3 номер Современника, в котором и Партизаны мои и Башилов, — пожаласта присылай скорее этот номер, дай взглянуть на моих детищ; да не забудь прислать и пострадавшего в битве с ценсурой, ты давно мне это обещал; мне рукопись эта и потому нужна, что нет у меня черновой; чорт знает куда делась.

Я ездил с собаками в Пензенской губернии с старинным моим подкомандующим 1812 года Бекетовым и, разговорясь о Дуровой, он мне рассказал причину ее рыцарства. Бекетов был дружен с Литовского уланского полка поручиком Григорьем Шварцом (которого и я хорошо знал и который теперь генерал-майором). Этот Шварц служил прежде в Генеральном Штабе и был на съемке в Казанской губернии. Дурова в него влюбилась, и когда переместили его на Дон, она бежала из родительского дома в след за ним. К несчастью ее, Шварца перевели тогда в Литовской уланской полк, который стоял тогда на Волыни. Она поскакала в Волынь и, приехавши в Бердичев, так истратилась в деньгах, что приходило ей умирать с голоду. В это время вербовали в Мариопольской гусарской полк (который тогда был вербованный полк), и она, надев мужское платье, завербовалась в гусары, чтоб не умереть с голоду. Прослужа несколько месяцев гусаром, тогда только узнала она о местепребывании Литовского уланского полка и перепросилась в оный; — вот ее начальные похождения. Поцелуй от меня Вяземского и Жуковского.

Денис Давыдов.

13 октября. Москва.

P. S. Да объяви ради Бога в газетах, где подписываться на Современника. Ведь ты от молчания своего об этом много теряешь особенно в провинциях; я знаю многих, которые не подписались на твой журнал от незнания к кому прибегнуть.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

В № 3 Современника есть престранная статья: это *Письмо к Издателю* (стр. 321). Г. А. Б. взялся быть адвокатом г. Сенковского, т. е. адвокатом Биб.[лиотеки] для Чте.[ния], ибо, хотя в программе этого журнала и сказано, что в составлении его будут участвовать известнейшие русские литераторы, но он есть не что иное, как печатный *оный* г. Сенковский с товарищи: Бароном Брамбеусом, Морозовым, Белкиным, Тютюнджи-Оглу, Хаджи-Бабою и проч. и проч. со всеми их принадлежностями...

Мне кажется, г. А. Б. взял на себя напрасный труд: защищать Биб.[лиотеку] для Чте.[ния], значит — спорить с целым светом: она слишком резко выказала себя во всем своем блеске и величии; уронить ее достоинства, так же как защитить недостатки, или лучше сказать, излишества (крайности сходятся), никто не может и обвинения статьи № 1-го Современника совсем не так маловажны, как это кажется г. А. Б.

1. *Г. Сенковский исключительно завладел отделением критики и проч.*

2. *Г. Сенковский переправляет статьи, ему доставляемые для помещения в Библиотеке.*

„Первые два обвинительные пункта, — говорит г. А. Б., — относятся к домашним, так сказать, распоряжениям книгопродавца Смирдина и до публики не касаются“. — Странная мысль! — Во-первых, к домашним распоряжениям относятся приказы — повару, кучеру и т. п., во-вторых, кто составляет публику? — Мы же, авторы и читатели. — Для читателей всё равно, с переделкой, или без переделки напечатана доставленная в редакцию, или, как говорит *распорядитель* Биб.[лиотеки] для Чте.[ния], в *Дирекцию* статья; но каково бедному автору — не узнать своего собственного произведения! Я полагаю, что ежели статья не достойна занять страницу в журнале, то лучше отказать ей на чисто.

3. *Г. Сенковский в своих критических суждениях не всегда соблюдает тон важности и беспристрастия.* Главная обязанность критика — быть благородно-беспристрастным...

Я согласен, что много есть сочинений, возбуждающих шутку критика, но шутка должна быть благопристойна, и критик не должен позволять себе выражений дерзких, оскорбительных, какими наполнены страницы Биб.[лиотеки] для Чте.[ния]. — И что такое все эти остроты, бедные, жалкие, пошлые, приторные, оскорбляющие чувство благовоспитанного человека! Тем более это оскорбительно, ежели дело идет о сочинении, заслуживающем внимание всякого образованного человека, или об авторе известном.

Барон Брамбеус (мы привыкли называть г. Сенковского этим именем) хочет распространить свой особенный образ мыслей, с которым трудно согласиться — К тому же он смеется над всем и над всеми... Как назвать это стремление — уронить, помрачить, смешать с грязью произведение, имеющее непомрачаемое достоинство? — Не оскорбленное ли это самолюбие? — [Не чувство ли] Сознание это собственного ничтожества? — Неужели Фантастические путешествия, Записки домового и прочие сочинения бар.[она] Брам.[беуса] достойны занимать место в избранной библиотеке любителя просвещения? — Прекрасна в № 11 Москов.[ского Наблюд.[ателя] притча об орле и вороне (стр. 354).

4. *Г. Сенковский не употребляет местоимений сей и оный.*

Из шутки бар. Брам.[беус] завел сурьозный процесс в каком-то фантастическом департаменте. И всякая шутка должна иметь границы, а продолжительная делается приторною и наконец наскучает.

„Вольно же было публике, — говорит г. А. Б., — и даже некоторым авторам принять ее за чистую монету“ — „Mais, si ce n'tait que plaisanterie, pourquoi nous mistifier de la sorte?“⁶⁴ — Не слишком ли это дерзко? — И не так ли же дерзки вышеприведенные слова г. А. Б.?

5. *Г. Сенковский имеет около 5000 подписчиков.*

⁶⁴ Но, если это была только шутка, зачем же дурачить нас таким образом?

Этого рецензент Современника не ставит в обвинение г. Сенковскому и, вероятно, не из зависти упомянул об этом. Но Биб.[лиотека] для Чте.[ния] имела 5000 подписчиков, теперь же, как и нам известно, число их значительно уменьшилось, так же как и все лучшие авторы отказались от участия в Биб.[лиотеке] для Чте.[ния]; остались г. г. Сенковский, под тысячью одним именем, для разнообразия, Тимофеев и еще весьма не многие — и это тоже доказывает, что г. А. Б. взял на себя напрасный труд — быть адвокатом Биб.[лиотеки] для Чте.[ния].

Не могу понять, какие статьи г. Сенковского достойны занять место в лучших европейских журналах? — Не та ли, между прочим, где он говорит, что лице герцогини Абрантес *задорно* (Б. д. Ч. 1834 г. № 4, Смесь, стр. 43)? — Извините! так говорят только в неприличных местах.

„В показаниях его (г. Сен.[ковского]) касательно Востока, — говорит г. А. Б., — мы должны верить ему, как люди непосвященные“. — Этим-то и пользуется г. Сенковский — не идти же нам на место уличать его... Он до такой степени пристрастился к Востоку, что всё, по крайней мере, всё в литературе, делает по-восточному — да простит ему Магомет!

„Он издает Библиотеку, — продолжает г. А. Б., — с удивительною сметливостию, с аккуратностию, к которой не приучили нас русские журналисты“. — Этому надо отдать справедливость; но и сметливость, правда, удивительна! —

Г. А. Б. от лица своей публики, как видно, благодарит г. Сенковского.

1. *За разнообразие статей* — мне они кажутся очень однообразны.

2. *За полноту книжек* — но говорят — велика Федора...

3. *За свежие новости европейские*, — но все они искажены и многие выдуманы, и

4. *Даже за отчет о литературной всячине*. — Не знаю, что рецензент называет *всячиною*, неужели это значит: отчет о литературе? — Это уж чересчур!.. Но в отчете не добьешься никакого толку, не знаешь, что хочет сказать критик — хвалит ли он сочинение, или бранит, и вообще в его отчетах заметен тон какого-то презрения, негодования, даже какая-то желчная злость. — Может быть в Твери это нравится, но я здесь изложил мнение нашей южной публики, — я только отголосок этого мнения.

Так как главный предмет письма г. А. Б. есть защита г. Сенковского, то прочие пункты я оставляю без рассмотрения и кончаю здесь мое письмо, прося Вас покорнейше — дать ему место в издаваемом Вами журнале.

С истинным почтением честь имею быть

Вашиим, Милостивый государь! покорнейшим слугою. Петр Мартос .

1836 года Октября 13 ч.[исла] Одесса.

1263. М. А. Корфу. 14 октября 1836 г. Петербург.

Вчерашняя посылка твоя мне драгоценна во всех отношениях и останется у меня памятником. Право, жалею, что государственная служба отняла у нас историка. Не надеюсь тебя заменить. Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованных книг мне неизвестна. Употреблю всевозможные старания, дабы их достать. Какое поле — эта новейшая Русская история! И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кроме нас, русских, никто того не может и предпринять! — Но история долга, жизнь коротка, а пуще всего, человеческая природа ленива (русская природа в особенности). До свидания. Завтра, вероятно, мы увидимся у Мясоедова.

Сердцем тебе преданный А. П.

14 Окт.

1264. М. Л. Яковлеву. 9-15 октября 1836 г. Петербург.

Я согласен со мнением 39 №. Нечего для двадцатипятилетнего юбилея изменять старинные обычаи Лицея. Это было бы худое предзнаменование. Сказано, что и последний лицеист, *один* будет праздновать 19 октября. Об этом не худо [повторить] напомнить.

№ 14.

[Приписки:]

[Неизвестный лицеист:] Согласен с мнением № 14 и № 39. № 40.

[А. И. Мартынов (?):] С № 39 сог.[ласен]. № 33.

[П. Н. Мясоедов:] С № 39. № 41.

[С. Д. Комовский:] С № 39. № 35.

1265. В. К. Кюхельбекер — Пушкину. 18 октября 1836 г. Баргузин.

Баргузин, 18 октября 1836 года.

А. С. Пушкину.

Не знаю, друг Пушкин, дошло ли до тебя, да и дойдет ли письмо, которое писал я к тебе в августе; — а между тем берусь опять за перо, чтобы поговорить с тобою хоть заочно. В иное время я, быть может, выждал бы твоего ответа; но есть в жизни такие минуты, когда мы всего надеемся, когда опасения не находят дороги в душу нашу. — Большая новость! Я собираюсь — жениться: вот и я буду Бенедиктом — женатым, а моя Беатриче почти такая же маленькая ворчунья, как и в "Много шуму", старика Вилли [Шекспира]. — Что-то Бог даст? — Для тебя, поэта, по крайней мере важно хоть одно, что она в своем роде очень хороша: черные глаза ее жгут душу; в лице что-то младенческое и вместе что-то страстное, о чем вы, европейцы, едва ли имеете понятие. Но довольно. Завтра 19 Октября. — Вот тебе, друг, мое приношение. Чувствую, что оно недостойно тебя, — но, право, мне теперь не до стихов.

19. Октября.

[1.]

Шумят, бегут часы: их темный вал
Вновь выплеснул на берег жизни нашей
Священный день, который полной чашей
В кругу друзей и я торжествовал.
Давно! — Европы страж, седой Урал,
И Енисей, и степи, и Байкал
Теперь меж нами... На крылах печали
Любовью к вам несусь из темной дали.

2.

Поминки нашей юности! — И я
Их праздновать хочу; — воспоминанья,
В лучах дрожащих тихого мерцанья,
Воскресните! — Предстаньте мне, друзья!
Пусть созерцает вас душа моя,
Всех вас, Лицея верная семья!
Я с вами был когда-то счастлив, молод:
Вы с сердца свеете туман и холод.

3.

Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? — Как перуны
Сибирских гроз, его золотые струны
Рокочут... Песнопевец, это ты!
Твой образ свет мне в море темноты.
Твои живые, вещие мечты
Меня не забывали в ту годину,
Когда уединен, ты пил кручину.

4.

Когда и ты, как некогда Назон,
К родному граду простирал объятия,
И над Невою встрепетали братья,
Услышав гармонический твой стон:
С [Чудского озера] седого Пейпуса, волшебный, он
Раздался, прилетел и прервал сон,
Дремоту наших мелких попечений,
И погрузил нас в волны вдохновений.

5.

О Брат мой! Много с той поры прошло:
Твой день прояснел, мой — покрылся тьмою;
Я стал знаком с Торкватовой судьбою,
И чтож? — Опять передо мной светло!
Как сон тяжелый, горе протекло;
Мое светило из-за туч чело
Вновь подняло; гляжу в лице природы:
Мне отданы долины, горы, воды. —

6.

И, друг, хотя мой волос поседел,
А сердце бьется молодо и смело,
Во мне душа переживает тело: —
Еще мне божий мир не надоел.
Что ждет меня? — Обманы наш удел.
Но в эту грудь вонзилось много стрел,
Терпел я много, обливался кровью...
Что? Если в осень дней столкнусь с любовью?

—

Размысли, друг, этот последний вопрос — и не смейся, — потому что человек, который десять лет сидел в четырех стенах и способен еще любить довольно горячо и молодо, — ей богу! достоин некоторого уважения. Целую тебя.

Вильгельм.

1266. Ф. Ф. Вигель — Пушкину. Около 18 октября 1836 г. Петербург.

Вы требуете от меня того, об чем я сам хотел просить Вас; у меня есть человек-машинка, который очень исправно переписывает ему совершенно непонятное. Его рукой писано [писано] письмо мое и мною даже не подписано. Вот вам доказательство, что я не ищу его известности; оно писано для одного. Надобно было быть уверено в его уме и проницательности, чтобы осмелиться так писать. Он один сквозь некоторую досаду мог увидеть беспредельную к нему любовь и преданность: его талант поставил выше мелочей обыкновенного самолюбия. Он может не уважить мнением моим, но чувства, я знаю, всегда уважал. — Я болен, без того бы сам к вам явился. Я чувствую простуду и в то же время моральную болезнь, какое-то непонятное лихорадочное беспокойство. Нежную, обожаемую мать разругали, ударили при мне по щеке; желание мести и бессилие меня ужасно тревожит. — Я ожидаю от Дим.[итрия] Ник.[олаевича] извещение когда удобнее ему будет дружески, по Арзамаски, побеседовать с вами.

Я снова раскрываю мое письмо, чтобы сообщить вам, что Блудов ждет вас с нетерпением с десяти утра до трех в среду. Дайте мне знать, должен ли я притти к вам, я совсем болен, но мертвым или живым вы увидите меня у себя, если вы это прикажете.

Адрес: Его высокоблагородию м.[илостивому] г.[осударю] Александру Сергеевичу Пушкину. На Мойке, у Конюшенного моста, в доме кн. Волконского.

1267. П. Я. Чаадаеву. 19 октября 1836 г. Петербург.

Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что Схизма [разделение церквей] отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясли, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и всё. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя: как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал.

Вышло предлинное письмо. Поспорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши [религиозные] исторические воззрения вам не повредили... Наконец, мне досадно, что я не был подле вас, когда вы передали вашу рукопись журналистам. Я нигде не бываю и не могу вам сказать, производит ли статья впечатление. Надеюсь, что ее не будут раздувать. Читали ли вы 3-й № Современника? Статья „Вольтер“ и Джон Теннер — мои, Козловский стал бы моим провидением, если бы захотел раз навсегда сделаться литератором. Прощайте, мой друг. Если увидите Орлова [?] и Раевского [?], передайте им поклон. Что говорят они о вашем письме, они, столь посредственные христиане?

1268. С. Л. Пушкину. 20 октября 1836 г. Петербург.

Дорогой отец, прежде всего — вот мой адрес: [...] Я вынужден был покинуть дом Баташева, управляющий которого негодяй.

Вы спрашиваете у меня новостей о Натали и о детворе. Слава Богу, все здоровы. Не получаю известий о сестре, которая уехала из деревни больною. Ее муж, выведивший меня из терпения совершенно никчемными письмами, не подает признаков жизни теперь, когда нужно устроить его дела. Пошлите ему, пожалуйста, [доверенность] на ту часть, которую вы выделили Ольге; это необходимо. Лев поступил на службу и просит у меня денег; но я не в состоянии содержать всех; я сам в очень расстроенных обстоятельствах, обременен многочисленной семьей, содержу ее своим трудом и не смею заглядывать в будущее. Павлишев упрекает меня за то, что я трачу деньги, хотя я не живу ни на чей счет и не обязан отчетом никому, кроме моих детей. Он утверждает, что они всё равно будут богаче его сына; не знаю, но я не могу и не хочу быть щедрым за их счет.

Я рассчитывал побывать в Михайловском — и не мог. Это расстроит мои дела по меньшей мере еще на год. В деревне я бы много работал; здесь я ничего не делаю, а только исхожу желчью.

Прощайте, дорогой отец, целую ваши руки и обнимаю вас от всего сердца.

20 окт. 1836..

Адрес: Его высочородию м. г. Сергею Львовичу Пушкину в Москве На Лубянке в доме Митькова.

1269. Н. И. Павлищев — Пушкину. 22 октября 1836 г. Варшава.

Варшава. 22 октяб.[ря] — 4 ноября 1836.

Отъезжая из Михайловского, я приказал старосте, до приезда вашего, доносить обо всем мне, чтобы не оставить имения на произвол судьбы. Теперь сполагаю, что вы уже там были, все видели и взяли в свое ведение. Спешу кончить расчет наш по наследству, которое осталось за вами в 40/т.[ысячах]

При дележе должно различать движимое имение от недвижимого, потому что из первого по закону следует отцу $1/4$, а Ольге $1/8$ часть; из последнего же отцу $1/7$, а Ольге $1/14$. Движимостью считаются: скот, овцы, птицы, разные припасы, хлеб сжатый и молоченый и т. п. Я сделал всему прилагаемую особо оценку. Количество зерна определил я по умолоту. Ржи намолочено было при мне слишком 100; яровому сделан был замолот при мне же, кроме гороха и льна, которые я, не смотря на хороший урожай, кладу на прошлогдную меру. Цены взял я самые умеренные: на ржи и жите половиной ниже прошлогдных. Некоторые мелочные статьи выпущены. И так:

1. движимое имущество стоит 9541 р. 75 к.

2. недвижимое 30.458 — 25 —

а всё 40.000 —

Из движимого причитается Ольге $1/4 + 1/8 = 3/8$ 3578 — 14

„ недвижимого $1/7 + 1/14 = 3/14$ 6.526 — 74

итого 10.104 — 88

В то число получено:

а) от управителя и оброчных 1200

б) рожью 155 четв. по 13 р. 2015

—

3215

За вычетом $3/14$, т. е. 688 — 92 2526 — 8

в) деньгами от вас 1000

—

всего 3526 — 8

Остается получить 6578 р. 80 коп.

Я заключаю расчет сегодняшним числом. С утверждением вами расчета высылается к вам тотчас доверенность Ольги и прекращаются все права ее по имени. Теперь дело вот в чем.

Во владение введут вас не прежде как в апреле; след.[овательно] до апреля вам и денег требовать нельзя. Но я в таком положении, что не знаю как прожить до будущего месяца. Я приехал сюда с 1000 руб. данных мне Кириаковым в счет запродажной ржи: — и те пошли тотчас на квартиру и другие потребности. Из Кистенева денег не шлют; четвертая часть моего жалованья под секвестром; занять не где. Вы богаты, если не деньгами, то кредитом. Помогите; вышлите нам теперь 1578 р.; остальные 5 — т. отдадите к генварю 1838, если нельзя прежде, частями. Процентом разумеется не нужно: вы сами их с меня не брали; да и что в процентах, когда жить нечем. Словом, мы будем истинно благодарны, если вы на первый раз вышлите эти 1500 руб. — Для избежания порта и проволоочки, короче всего перевести их векселем на здешнего банкира Френкеля, Ризена, или Штейнкеллера.

Я запродаю ржи из нынешнего урожая 80, а из будущего 75, которые ссудили Осипова и Вревский. Покамест получил я от Кириакова только по 11 р. 50 к., но в оценке поставил 13. На цене вы ничего не теряете: чем ниже она в оценке, тем меньше придется Ольге из движимости. Осипова и Вревские скажут вам, в каком я был положении. Слава богу, что с фельдмаршалом обошлось всё ладно, не только без грозы, но даже без упрека.

Остается мне еще сказать кой-что делового. Из Михайловских дворовых у меня Петрушка и девка Пронька. Последнюю мы просим оставить у нас, — а с Петрушкой я не знаю что делать. Спился с кругу. Я хотел-было отправить его по пересылке в деревню для отдачи в рекруты; но раздумал; — ожидаю ваших приказаний; а между тем дал ему паспорт для проживания здесь в Варшаве. Мнение мое — отдать его в солдаты; он не очень боится солдачины. Послушайте меня, Александр Сергеевич. Не выпускайте из рук плута Михайлу с его мерзкой семьей: я сам не меньше вашего забочусь о благе крепостных; в Михайловском я одел их, накормил. Благо их не в вольности, а в хорошем хлебе. Михайла и последнего не заслуживает. Возьмите с него выкуп: он даст вам за семью 10/т. Не то, берите хоть оброк с Ваньки и Гаврюшки по 10 р. в месяц с каждого, а с Васьки (получающего чуть ли не полковничье жалованье) по 20 р. в месяц, обязав на случай их неисправности, платить самого Михайлу: вот вам и капитал 10.000. Петрушка спасет хорошего мужика от рекрутства, и будет если не солдат, то лихой ротный писарь или цырюльник.

Батюшка подарил карету с заветной четверней Ольге. Карета вам верно не нужна: я продаю ее; а лошадей, которые нужны в хозяйстве как для работы, так и для поезда, не угодно ли вам оставить за собой в 300 руб. В случае согласия вы уже сделаете одолжение, вместо 1578 ссудите нам 1878. Если встретятся какие-нибудь вопросы по Михайловскому, я на досуге готов разрешать их. Не забудьте только напомнить старосте, чтобы он непременно засеял в будущем году *льном три десятины*, давно заброшенные и мною открытые. Десятина льну даст на худой конец 200 руб. Еслиб можно, то я всё б яровое поле обратил под лен. Во всяком случае, из 24 десятин, хоть 10 засеяте льном, да на резах десятинки три. Вот источник доходов.

Ольга не так-то здорова, — беременность ее тяжела. Кланяется вам и Наталье Николаевне. —

Н. П.

Оценка движимого имущества в Михайловском.

1. Коровы 44 штуки по 25 р. 1100 р.
2. Телята 10 — 9 — 90—
3. Овцы 40 — 8 — 320—
4. Индейки 40 — 2—50 100—
5. Гуси 60 — 1—50 90—
6. Куры 40—50 20—
7. Пчелы 16 ульев (дающие до 5 пуд меду) 800—
8. Шерсть 2 п. 1 ф. 20—40—50
9. Пенька 4 п. 9—5— 21—25

10. Рожь 21.440 сн.[опов] (17—0—4—2) 13— 2216—50
 11. Жито 12.789 — (26—) 13— 338—
 12. Овес 9007— (57—) 8— 456—
 13. Греча 9 воз.[ов] (1—4—1) 18—27—25
 14. Горох 44 остров. [?] (7—“—) 19— 133—
 15. Пшеница 42 сн.[опа] („—3—) 22— 9—
 16. Лен 4 берковца 70— 280—
 17. Семя льняное 1—5—5 35—57—
 18. Картофель 10—1—“ 8— 81—
 19. Масло 7 пуд. 16— 117—
 20. Сено 4150 п. 30— 1245—
 21. Солома ржаная и яровая, снимина, спашка и пр. 1000—
 22. Мебель, столовое и постельное белье, посуда,
 бочки, кадки, телеги, упряжь, невода и пр. 1000—
 ———
 итого 9541—75.

1270. К. О. Россет — Пушкину. Около (не ранее) 22 октября 1836 г. Петербург.

Сейчас возвратившись домой я узнал нижеследующее обстоятельство, которое спешу вам сообщить в дополнение к нашему разговору. — Государь читал статью Челаева и нашел ее нелепою и сумасбродною, сказав при том, что он не сомневается, „что Москва не разделяет сумасшедшего мнения Автора“, а г.[енерал] г.[убернатору] князю Голицыну предписал ежедневно навещать о состоянии здоровья головы Челаева и отдать его под присмотр правительства, цензора отставить, а № журнала запретить.

Сообщаю вам об этом, для того, чтоб вы еще раз прочли писанное вами письмо к Челаеву, а еще лучше отложили бы посылать по почте; я прошу прислать мне вышесказанный номер для прочтения с подателем этой записки.

К. Россет.

Адрес: Е.[го] в.[ысокоблагородию] Александру Сергеевичу Пушкину в собственные руки.

1271. П. А. Корсаков — Пушкину. 25 октября 1836 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Я прочел всю рукопись *Капитанская дочка* и не нашел в ней ничего предосудительного. Одно только обстоятельство заставило меня к вам обратиться. Благоволите уведомить: 1-е, существовала ли девица Миронова и действительно ли была у покойной императрицы? 2-е, объявить ли мне в цензуре, что рукопись эта (*неизвестного автора*) доставлена вами; ибо окончание ее обличает вас — в издании этой повести? — Вы спросите: на что мне первое? отвечаю. У вас выведена на сцену, хотя и самым приличным образом — великая Екатерина; и потому, прежде возвращения вам оригинала я должен о том доложить моему начальнику, по порядку у нас существующему. Но доклада этого вам опасаться не надо; он необходимая проформа, от которой я отступить не имею права. Итак с ответом вашим, благоволите мне прислать и начало повести, а я уже вам все вместе [возвращу] [?] и конец и начало, тотчас после доклада не премину доставить.

Между тем, прошу вас принять искреннее уверение в преданности и том уважении, которым обязан я вам как знаменитому нашему поэту. В ожидании ответа вашего честь имею быть

милостивый государь Вашим покорнейшим слугою П. Корсаков.

25 октября 1836

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину.

От Корсакова.

1272. П. А. Корсакову. 25 октября 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Петр Александрович

Спешу отвечать на вопросы ваши. Имя девицы Мироновой вымышлено. Роман мой основан на предании некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров изменивших своему долгу и перешедших в шайки Пугачевские был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины. О настоящем имени автора я бы просил вас не упоминать, а объявить, что рукопись доставлена через П. А. Плетнева, которого я уже предупредил.

Позвольте, милостивый государь, вновь засвидетельствовать глубочайшее почтение и сердечную мою благодарность.

Чсть имею быть милостивый государь

Вашим покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

25 окт.

1273. Н. Г. Устрялов — Пушкину. 27 октября 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич,

Приятнейшим долгом считаю препроводить к вам прилагаемую безделку. Впрочем как она написана по частному случаю и в продажу не поступит, то благоволите прийти об ней молчанием в Современнике.

С отличным почтением имею честь быть

Вашим покорнейшим слугою Н. Устрялов.

27 октября 1836.

1274. Д. Н. Арсеньев — Пушкину. 29 октября 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Не любя докучливых людей, весьма понятно опасение мое поставить себя противу вас в подобном виде, тем более, что занятия ваши в теперешнем моем бездействии в сто раз полезнее публике, доставлением ей журналом вашим истинную пользу и наслаждение. — Прошу вас, милостивый государь, не озаботить себя ответом на мое письмо, я хочу только уведомить вас о необходимости моей ехать по первому пути обратно в Смоленск, в совершенном уверении оставляя вам объяснение мое, видеть его в руках достойнейшего человека, умеющего ценить в полной мере обиду мне нанесенную. —

С истинным уважением честь имею быть

милостивый государь ваш покорнейший слуга Дмитрий Арсеньев

Октября 29-го дня 1836 года.

1275. Б. А. Враский — Пушкину. 29 октября 1836 г. Петербург.

Посылаю вам, милостивый государь Александр Сергеевич, счет за все три книжки Современника и как вы мне предлагали вместо уплаты напечатать Евгения Онегина, то потрудитесь уведомить меня, могу ли я приступить теперь к печатанию его, — у меня уже всё для этого готово; если же вы почему нибудь переменили ваше намерение, то сделайте одолжение пришлите с посланным моим следующие мне по счету деньги, в которых я терплю крайнюю теперь нужду. Вы кажется не можете на меня пожаловаться — я был необыкновенно терпелив.

Всегда готовый к услугам вашим Б. Враский

29 Октября

Адрес: Его высокоблагородию милостивому государю А. С. Пушкину в собственные руки

[Приложения:]

1.

А. С. Пушкину.

Счет

Из Гуттенберговой типографии.

Современник книжка 1-я Рубл. Коп.

За набор и печать 20 листов в числе 2400 экземпляров по 50 р. за лист 1012. 50

Обертка 1/2; листа 12 —

За набор и печать 2400 билетов 25 —

За бумагу на них 50 —

За набор и печать б/т. экземпляр, объявлен 40 —

За бумагу на них (3 стопы по 11 р.) 33 —

За приложение объявлений к журналам 40 —

Итого 1212. 50

За напечатание похорон. билетов 15 —

Всего 1227. 50

2.

Счет

Из Гуттенберговой типографии

Современник Часть 2-я Рубл. Коп.

За набор и печатание 20 листов в числе 2400 экземпляр 1000 —

Обертка 12. 50

Объявления 5/т. экземпляр 40 —

Бумаги на объявление 2 ст. 25 —

Итого 1077. 50

А. С. Пушкину

3.

Счет

Из Гуттенберговой типографии

Современник Рубл. Коп.

По прежним счетам за первые две книжки и проч. 2305 —

За набор и печатание 3-й книжки по 40 р. за лист 870 —

Итого 3175 —

Враский

1276. П. А. Вяземский — Пушкину. Вторая половина октября 1836 г. Петербург.

Мне пришло в голову: не слишком ли много о Лакордере и тому подобном в Парижской хронике, назначенной для 4-го Современника? пожалуй добрые люди приищут тут Телескоповщину.

Дай же мне стихи, которые ты мне даешь.

У тебя есть замечания на книгу Шевырева о поэзии. Дай их мне, если не готовишь их в свой журнал. Мне хочется написать несколько писем о текущей словесности. — Нет ли еще чего набросанного о других книгах?

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

1277. Анонимное письмо — Пушкину. 3 ноября 1836 г. Петербург.

Кавалеры первой степени, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшись в Великий Капитул (в общем собрании своем) под председательством высокопочтенного Великого Магистра Ордена, е.[го] п.[ревосходительства] Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на

Александра Пушкина заместителем великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена.

Непременный секретарь: граф И. Борх.

Адрес: Александру Сергеичу Пушкину

1278. Е. И. Хитрово — Пушкину. 4 ноября 1836 г. Петербург.

Я только что узнала, что цензурой пропущена статья, направленная против вашего стихотворения, дорогой друг. Особа, написавшая ее, разъярена на меня и ни за что не хотела показать ее, ни взять ее обратно. Меня не перестают терзать за вашу элегию — я настоящая мученица, дорогой Пушкин; но я вас люблю за это еще больше и верю в ваше восхищение нашим героем и в вашу симпатию ко мне!

Бедный [Челаев]. Он, должно быть, очень несчастен от того, что накопил в себе столько ненависти к своей стране и к своим соотечественникам.

Элиза Хитрова

урожденная княжна Кутузова-Смоленская

Адрес: Александру Пушкину

1279. А. Н. Муравьеву. Октябрь — начало ноября 1836 г. Петербург.

Сердечно благодарен за статью, которую я так долго ожидал. Я перед вами кругом виноват, я не только должен, но еще и желал бы с Вами поговорить — когда я Вас застану?

А. Пушкин.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Андрею Николаевичу Муравьеву тс.

1280. П. В. Нащокин — Пушкину. Конец октября — начало ноября 1836 г. Москва.

Любезный друг Александр Сергеич, много бы было об чем писать да некогда. Что ты не окуратен, это дело известное. Не смотря что известно — надо тебе это сказать и коли можно и помочь. Белинский получал от Надежина, чей журнал уже запрещен, 3 т. Наблюдатель предлагал ему 5. — Греч тоже его звал. — Теперь коли хочешь, он к твоим услугам — я его не видал — но его друзья, в том числе и Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если придется ему на тебя работать. — Ты мне отпиши, — и я его к тебе пришлю. — Современник твой — очень хорош для меня, но не всем нравится. — Предлагаю тебе помешать кой-что по художественной части, — т. е. говорить о Брюлове, что он делает, — там у вас художником работ очень много, для иногородных и московских жителей это будет любопытно. — Еще скажу тебе любезный друг, что напрасно ты не надписываешь к кому, на *Современнике*, для раздачи, — который ты ко мне посылаешь, — ибо, я так полагаю, ты на этот счет мне не писал. Я раздавал как умел, припоминая тех, которым ты роздал 1-ый номер — исключая Ив.[ану] Ив.[ановичу] Дмитриеву, которому без надписи не смел послать — и потому у него двух последних номеров нету. — Ты вероятно слава Богу здоров, жена и дети тоже. — Брат же твой, т. е. по жене, — Сергей, — женится на баронессе *Шенк*; был сей час у меня — и объявил мне — звал меня к себе. Завтре увижу я новую бел серу — *Натальи Николаевны* и тогда отпишу — как я ее нашел. Покуда скажу тебе, что по словам Сергея Николаевича у нее приданного не было — и не будет. — Теща твоя извещена им же, но ответу [от] еще не имеется. Женится он в *Туле*. Мои же дела идут шершаво, — т. е. ныне что завтра — плетусь по маленьку. — Жена моя опять брюхата. Сердилась на тебя не много что ты ей не высылаешь никакой моды — теперь перестала, — забыла, и потому ничего не присылай — у тебя денег нет — а будут так сочтемся, комиссии же тебе давать нельзя — со старым счетом ты мне должен 3 т.[ысячи]. Прощай. Приезжай ко мне в Москву — и прошу слово свое взять назад — не останавливаться у меня: иначе ты потеряешь — единственного преданного тебе человека. — Прощай, будь здоров и счастлив. Жена моя и я — свидетельствуем наше почтение Наталье Николаевне.

Весь т[вой] П. Нащокин.

Не можешь ли уведомить, где Гоголь. Куды ему писать — меня просили узнать.

1281. Е. Ф. Канкрину. 6 ноября 1836 г. Петербург.

Милостивый государь граф Егор Францович.

Ободренный снисходительным вниманием, коим ваше сиятельство уже изволили меня удостоить, осмеливаюсь вновь беспокоить вас покорнейшею моею просьбою.

По распоряжениям, известным в министерстве вашего сиятельства, я состою должен казне (без залога) 45,000 руб., из коих 25,000 должны мною быть уплачены в течение пяти лет.

Ныне, желая уплатить мой долг сполна и немедленно, нахожу в том одно препятствие, которое легко быть может отстранено, но только вами.

Я имею 220 душ в Нижегородской губернии, из коих 200 заложены в 40,000. По распоряжению отца моего, пожаловавшего мне сие имение, я не имею права продавать их при его жизни, хотя и могу их закладывать как в казну, так и в частные руки.

Но казна имеет право взыскивать, что ей следует, несмотря ни на какие частные распоряжения, если только оные высочайше не утверждены.

В уплату означенных 45,000 осмеливаюсь предоставить сие имение, которое верно того стоит, а вероятно и более.

Осмеливаюсь утрудить Ваше сиятельство еще одною, важною для меня просьбою. Так как это дело весьма малозначуще и может войти в круг обыкновенного действия, то убедительнейше прошу ваше сиятельство не доводить оно до сведения государя императора, который, вероятно, по своему великодушию, не захочет таковой уплаты (хотя она мне вовсе не тягостна), а может быть и прикажет простить мне мой долг, что поставило бы меня в весьма тяжелое и затруднительное положение: ибо я в таком случае был бы принужден отказаться от царской милости, что и может показаться неприличием, напрасной хвастливостию и даже неблагодарностию.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою *Александр Пушкин.*

6-го Ноября 1836 г.

1282. П. А. Вяземский — Пушкину. Первые числа (до 9) ноября 1836 г. Петербург.

Вот стихи Романовича, которые он желает видеть напечатанными в Современнике.

Кто-то заметил, кажется Долгорукий, что Потемкин не был в Пугачевщину еще первым лицом, и следовательно нельзя было Пугачеву сказать: сделаю тебя фельдмаршалом, сделаю Потемкиным. — Да и не напоминает ли это французскую драму: я сделаю тебя Долгоруким.

Важные поступки где-то, кажется, о Пугачеве у тебя сказано. Гоголь может быть в претензии.

Можно ли было молодого человека, записанного в гвардию, прямо по своему произволу определить в армию? А отец Петра Андреевича так поступил, — написал письмо к генералу и только. Если уже есть письмо, то, кажется, в письме нужно просить генерала о содействии его к переводу в армию. А то письмо не правдоподобно. Не будь письма на лице, можно предполагать, что эти побочные обстоятельства выпущены автором, — но в письме отца они необходимы.

Абшиит говорится только об указе отставки, а у тебя, кажется, взят он в другом смысле.

Кажется зимою у тебя река где-то не замерзла, а темнеет в берегах, покрытых снегом. Оно бывает с начала, но у тебя чуть ли не посреди зимы.

Тургенев просит отметить в Современнике: (статья пешехода) — но вот [что] и письмо его.

1283. В. А. Жуковский — Пушкину. 9 ноября 1836 г. Петербург.

Я не могу еще решиться почитать наше дело конченным. Еще я не дал никакого ответа старому

Геккерну: я сказал ему в моей записке, что не застал тебя дома и что, не выдавшись с тобою, не могу ничего отвечать. Итак есть еще возможность всё остановить. Реши, что я должен отвечать. Твой ответ невозвратно всё кончит. Но ради Бога одумайся. Дай мне счастье избавить тебя от безумного злодейства, а жену твою от совершенного посрамления. Жду ответа. Я теперь у Вьельгорского, у которого обедаю.

Ж.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

1284. Н. Б. Голицыну. 10 ноября 1836 г. Петербург.

С.-Петербург, 10 ноября 1836.

Тысячу раз благодарю вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны. Я видел уже три перевода, из которых один сделан высокопоставленным лицом из числа моих друзей, но ни один не стоит вашего. Отчего вы не перевели этой пьесы в свое время. — я бы послал ее во Францию, чтобы шелкнуть по носу всех крикунов из Палаты депутатов.

Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату: письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего „Онегина“: и вы, конечно, узнали некоторых лиц.

Вы обещаете перевод в стихах моего [Бахчисарайского Фонтана]. Уверен, что он вам удастся, как все, что выходит из-под вашего пера, хотя тот род литературы, которому вы предаетесь, — самый трудный и неблагодарный из всех, какие я знаю. По моему, нет ничего труднее, как переводить русские стихи французскими, ибо, при сжатости нашего языка, никогда нельзя быть столь же кратким. Итак, честь и слава тому, кто справляется с этим так удачно, как вы. —

Прощайте, я еще не отчаялся скоро увидеть вас в нашей столице, ибо знаю как вы легки на подъем.

Весь ваш А. Пушкин.

1285. В. А. Жуковский — Пушкину. 10 ноября 1836 г. Петербург.

Я обязан сделать тебе некоторые объяснения. Вчера я не имел для этого довольно спокойствия духа. Ты вчера, помнится мне, что-то упомянул о жандармах, как будто опасаясь, что хотят замешать в твое дело правительство. На счет этого будь совершенно спокоен. Никто из посторонних ни о чем не знает, и если дамы (то есть одна дама Загряжская) смолчат, то тайна останется ненарушенной. Должен однако сказать, что вчерашний твой приход ко Вьельгорскому открыл ему глаза: мне же с ним не для чего было играть комедию; он был один из тех, кои получили безименные письма; но на его дружбу к тебе и на скромность положиться можешь.

Пишу это однако не для того только чтобы тебя успокоить на счет сохранения тайны. Хочу, чтобы ты не имел никакого ложного понятия о том участии, какое принимает в этом деле молодой Геккерн. Вот его история. Тебе уж известно, что было с первым твоим вызовом, как он не попался в руки сыну, а пошел через отца, и как сын узнал [уже] о нем только по истечении 24 часов, т. е. после вторичного свидания отца с тобою. В день моего приезда, в то время когда я у тебя встретил Геккерна, сын был в карауле и возвратился домой на другой день в час. За какую-то ошибку он должен был дежурить три дня не в очередь. Вчера он в последний раз был в карауле и нынче в час пополудни будет свободен. Эти обстоятельства изъясняют, почему он лично не мог участвовать в том, что делал его бедный отец, сиюсь отбиться от несчастья, которого одно ожидание сводит его с ума. Сын, узнав положение дел, хотел непременно видеться с тобою. Но отец испугавшись свидания обратился ко мне. Не желая быть зрителем или актером в трагедии, я предложил свое посредство, то есть, [я] хотел предложить его, написав в ответ отцу то письмо, которого брульон тебе показывал, но которого не послал и не пошло. Вот всё. Нынче поутру скажу старому Геккерну, что не могу взять на себя

никакого посредства, ибо из разговоров с тобою вчера убедился, что посредство ни к чему не послужит, почему я и не намерен никого подвергать неприятности отказа. Старый Геккерн таким образом не узнает, что попытка моя с письмом его не имела успеха. Это письмо будет ему возвращено, и мое вчерашнее официальное свидание с тобою может считаться не бывшим.

Всё это я написал для того, что счел святейшею обязанностию засвидетельствовать перед тобою, что молодой Геккерн во всем том, что делал его отец, был совершенно посторонний, что он так же готов драться с тобою, как и ты с ним, и что он так же боится, чтобы тайна не была как-нибудь нарушена. И отцу отдать ту же справедливость. Он в отчаянии, но вот что он мне сказал: я приговорен к гильотине; я взываю к милосердию если это не удастся — придется взойти на эшафот; и я взойду, потому что мне так же дорога честь моего сына, как и его жизнь. — Этим свидетельством роля, весьма жалко и неудачно сыгранная, оканчивается. Прости.

Ж.

1286. В. А. Жуковский — Пушкину. 11–12 ноября 1836 г. Петербург.

Ты поступаешь весьма неосторожно, невеликодушно и даже против меня несправедливо. За чем ты рассказал обо всем Екатерине Андреевне и Софье Николаевне? Чего ты хочешь? Сделать невозможным то, что теперь должно кончиться для тебя самым наилучшим образом. Думав долго о том, что ты мне вчера говорил, я нахожу твое предположение совершенно невероятным. И имею причину быть уверенным, что во всем том, что случилось для отвращения драки, молодой Г.[еккерн] нимало не участвовал. Всё есть дело отца и весьма натурально, что бы он на все решился, дабы отворотить свое несчастье. Я видел его в таком положении, которого нельзя выдумать и сыграть как роль. Я остаюсь в полном убеждении, что молодой Г.[еккерн] совершенно в стороне, и на это вчера еще имел доказательство. Получив от отца Г.[еккерна] доказательство материальное, что дело, о коем теперь идут толки, затеяно было еще гораздо прежде твоего вызова, я дал ему совет поступить так, как он и поступил, основываясь на том, что, если тайна сохранится, то никакого бесчестия не падет на его сына, что и ты сам не можешь предполагать, чтобы он хотел избежать дуэля, который им принят, именно по тому, что не он хлопочет, а отец о его отвращении. В этом последнем я уверен, вчера еще более уверился и всем готов сказать, что молод.[ой] Гек.[керн] с этой стороны совершенно чист. Это я сказал и Карамзиным, запретив им крепко на крепко говорить о том, что слышали от тебя, и уверив их, что вам непременно надобно будет драться, если тайна теперь или даже и после откроется. Итак требую от тебя уже собственно для себя, чтобы эта тайна у вас умерла навсегда. Говорю для себя вот почему: полагая, что все обстоятельства, сообщенные мне старым Геккерном справедливы (в чем я не имел причины и нужды сомневаться), я сказал, что почитаю его, как отца, в праве и даже обязанным предупредить несчастье открытием дела как оно есть; что это открытие будет в то же время и репарациею того, что было сделано против твоей чести перед светом. Хотя я не вмешался в самое дело, но совет мною дан. Не могу же я согласиться принять участие в посрамлении человека, которого честь пропадет, если тайна [сохранена] будет открыта. А эта тайна хранится теперь между нами; нам ее должно и беречь. Прошу тебя в этом случае беречь и мою совесть. Если что-нибудь откроется, и я буду это знать, то уже мне по совести нельзя будет утверждать того, что неминуемо должно нанести бесчестие. Напротив, я должен буду подать совет противный. Избавь меня от такой горестной необходимости. Совесть есть человек; не могу же находить приличным другому такого поступка, который осрамил бы самого меня на его месте. Итак требую тайны теперь и после. Сохранением этой тайны ты так же обязан и самому себе, ибо, в этом деле, и с твоей стороны есть много такого, в чем должен ты сказать: виноват! Но более всего ты должен хранить ее для меня: я в это дело замешан невольно и не хочу, чтобы оно оставило мне какое-нибудь нареkanie; не хочу, чтобы кто-нибудь имел право сказать, что я нарушил доверенность, мне оказанную. Я увижусь с тобою перед обедом. Дождись меня.

Ж.

1287. В. А. Жуковский — Пушкину. 14–15 ноября 1836 г. Петербург.

Вчера в вечеру после бала заехал я к Вяземскому.

Вот что приблизительно ты сказал княгине третьего дня, уже имея в руках мое письмо: я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как станут говорить о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная; она бросит того человека в грязь; громкие подвиги Раевского — детская игра в сравнении с тем, что я намерен сделать и тому подобное.

Все это очень хорошо особенно после обещания, данного тобою Геккерну в присутствии твоей тетушки (которая мне о том сказывала), что всё происшествие останется тайною. Но скажи мне, какую роль во всем это[м] я играю теперь и какую должен буду играть после перед добрыми людьми, как скоро всё тобою самим обнаружится и как скоро узнают, что и моего тут меду капля есть? И каким именем и добрые люди, и Геккерн, и сам ты наградите меня, если, зная предварительно о том, что ты намерен сделать, приму от тебя письмо, назначенное Геккерну, и, сообщая его по принадлежности, засвидетельствую, что всё между вами [предварительно] кончено, что тайна сохранится и что каждого честь останется неприкосновенна? Хорошо, что ты сам обо всем высказал, и что всё это мой добрый гений довел до меня заблаговременно. Само по себе разумеется, что я ни о чем случившемся не говорил княгине. Не говорю теперь ничего и тебе: делай, что хочешь. Но булавочку свою беру из игры вашей, которая теперь с твоей стороны жестоко мне не нравится. А если Геккерн теперь вздумает от меня потребовать совета, то не должен ли я по совести сказать ему: остерегитесь? Я это и сделаю.

Вот тебе сказка: жил был пастух; этот пастух был и забубенный стрелок. У этого пастуха были прекрасные овечки. Вот повадился серый волк ходить около его овчарни. И думает серый волк дай-ка съем я у пастуха его любимую овечку: думая это серый волк поглядывает и на других овечек, да и облизывается. Но вот узнал прожора, что стрелок его стережет и хочет застрелить. И стало это неприятно серому волку; и он начал делать разные предложения пастуху, на которые пастух и согласился. Но он думал про себя: как бы мне доканать этого долгохвостого хахалю и сделать из шкуры его детям тулупы и кенги. И вот пастух сказал своему куму: кум Василий, сделай мне одолжение, стань на минуту свиньей и хрюканьем своим вымани серого волка из лесу в чистое поле. Я соберу соседей и мы накинем на волка аркан. — Послушай, братец, сказал кум Василий: ловить волка ты волен да на что же мне быть свиньей. Ведь я у тебя крестил. Добрые люди скажут тебе свинья де крестила у тебя сына. Не хорошо. Да и мне самому будет невыгодно. Пойду ли к обедне, сяду ли с людьми обедать, сложу ли про красных девиц стихи — добрые люди скажут: свинья пошла к обедне, свинья сидит за столом, свинья стихи пишет. Неловко. Пастух, услышав такой ответ, призадумался, а что он сделал право не знаю.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

1288. Ж. Дантес-Геккерн — Пушкину. 15–16 ноября 1836 г. Петербург.

Милостивый государь.

Барон Геккерн только что сообщил мне, что он был уполномочен г. [нрзб.] уведомить меня, что все те основания, по каким вы вызвали меня, перестали существовать, и что поэтому я могу рассматривать это ваше действие, как не имевшее места.

Когда вы вызвали меня, не сообщая причин, я без колебаний принял вызов, так как честь обязывала меня к этому; ныне, когда вы заверяете, что не имеете более оснований желать поединка, я, прежде чем вернуть вам ваше слово, желаю знать, почему вы изменили намерения, ибо я никому не поручал давать вам объяснения, которые я предполагал дать вам лично. — Вы первый согласитесь с тем, что прежде чем закончить это дело, необходимо, чтобы объяснения как одной, так и другой стороны были таковы, чтобы мы впоследствии могли уважать друг друга.

Жорж де Геккерн.

1289. В. А. Соллогуб — Пушкину. 17 ноября 1836 г. Петербург.

Я был, согласно вашему желанию, у г-на д'Аршиака, чтобы условиться о времени и месте. Мы остановились на субботу, ибо в пятницу мне никак нельзя будет освободиться, в стороне Парголова, рано поутру, на дистанции в 10 шагов. Г-н д'Аршиак добавил мне конфиденциально, что барон Геккерн окончательно решил объявить свои намерения относительно женитьбы, но что опасаясь, как бы этого не приписали желанию уклониться от дуэли, он по совести может высказаться лишь тогда, когда все будет покончено между вами и вы засвидетельствуете словесно в присутствии моем или г-на д'Аршиака [что считая его неспособным ни на какое чувство, противоречащее чести, вы приписываете его] что вы не приписываете его брака соображениям, недостойным благородного человека. [Вы слишком умны, милостивый государь]

Не будучи уполномочен обещать это от вашего имени, хотя я и одобряю этот шаг от всего сердца, я прошу вас, во имя вашей семьи, согласиться на это условие, которое примирит все стороны. — Само собой разумеется, что г-н д'Аршиак и я, мы служим порукой Геккерна.

Соллогуб.

Будьте добры дать ответ тотчас же.

Адрес: Господину Пушкину, в собственные руки.

1290. В. А. Соллогубу. 17 ноября 1836 г. Петербург.

Я не колеблюсь написать то, что могу заявить словесно. Я вызвал г-на Ж. Геккерна на дуэль, и он принял вызов, не входя ни в какие объяснения. И я же прошу теперь господ свидетелей этого дела соблагovolить считать этот вызов как бы не имевшим места, узнав из толков в обществе, что г-н Жорж Геккерн решил объявить о своем намерении жениться на мадемуазель Гончаровой после дуэли. У меня нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека.

Прошу вас, граф, воспользоваться этим письмом так, как вы сочтете уместным.

Примите уверение в моем совершенном уважении.

А. Пушкин.

17 ноября 1836.

1291. М. М. Яковлеву. 19 ноября 1836 г. Петербург.

Милый и почтенный мой Михайло Лукьянович! виноват! я было тебя зазвал сегодня к себе отобедать, а меня дома не будет. До другого раза прости великодушно. Не забудь записку о святых доставить мне грешному.

Адрес: Его высочородию м. г. Михаилу Лукьяновичу Яковлеву etc. etc. У Казанского моста в доме казенной типографии

1292. В. А. Жуковский — Пушкину. 15–20 ноября 1836 г. Петербург.

Хотя ты и рассердил и даже обидел меня, но меня все к тебе тянет — не брюхом, которое имею уже весьма порядочное, но сердцем, которое живо разделяет то, что делается в твоём. — Я приду к тебе между 1/2 12 и часом; обещаюсь не говорить более о том, о чем говорил до сих пор и что теперь решено. Но ведь тебе, может быть, самому будет нужно что-нибудь сказать мне. Итак приду. Дождись меня пожалуста. И выскажи мне все, что тебе надобно: от этого будет добро нам обоим.

Ж.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину

1293. Неизвестному. Ноябрь (не позднее 21) 1836 г. Петербург.

[М]илостивый [государь]

Барон,

Прежде всего позвольте мне подвести итог всему тому, что произошло недавно. — Поведение Вашего сына было мне полностью известно уже давно и не могло быть для меня безразличным; но так как оно не выходило из границ светских приличий и так как я притом знал, насколько жена моя заслуживает мое доверие и мое уважение, я довольствовался ролью наблюдателя, с тем чтобы вмешаться, когда сочту это своевременным. Я хорошо знал, что красивая внешность, несчастная страсть и двухлетнее постоянство всегда в конце концов производят некоторое впечатление на сердце молодой женщины и что тогда муж, если только он не глупец, совершенно естественно делается поверенным своей жены и господином ее поведения. Признаюсь вам, я был не совсем спокоен. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное Вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь потешную и жалкую, что моя жена, удивленная такой пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в отвращении самом спокойном и вполне заслуженном.

Но вы, барон, — вы мне позволите заметить, что ваша роль во всей этой истории была не очень прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали [...] вашему незаконнорожденному или так называемому сыну, всем поведением этого юнца руководили вы. Это вы диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома из-за лекарств, вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына. Это еще не всё.

2-го ноября после разговора [...] вы имели с Вашим сыном совещание, на котором вы положили [?] нанести удар, казавшийся решительным. Анонимное письмо было составлено вами и [...] я получил три экземпляра из десятка, который был разослан. Письмо это [...] было сфабриковано с такой неосторожностью, что с первого взгляда я напал на следы автора. Я больше об этом не беспокоился и был уверен, что найду пройдоху. В самом деле, после менее чем трехдневных розысков я уже знал положительно, как мне поступить.

Если дипломатия есть лишь искусство узнавать, что делается у других, и расстраивать их планы, вы отдадите мне справедливость и признаете, что были побиты по всем пунктам.

Теперь я подхожу к цели моего письма

Я, как видите, добр, бесхитроستن [...] но сердце мое чувствительно к [...]. Дуэли мне уже недостаточно [...] нет, и каков бы ни был ее исход, я не сочту себя достаточно отмытым ни через [...] ваш сын, ни своей женитьбой, которая совсем походила бы на веселый фарс (что, впрочем, меня весьма мало смущает), ни, наконец, письмом, которое я имею честь писать вам и которого копию я сохраняю для моего личного употребления. Я хочу, чтобы вы дали себе труд и сами нашли основания, которые были бы достаточны для того, чтобы побудить меня не плюнуть вам в лицо и уничтожить самый след этого жалкого дела, из которого мне легко будет сделать отличную главу в моей истории рогоносцев.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга

А. Пушкин.

⁶⁵ В основу реконструкции положен первый перебеленный текст со всеми последующими исправлениями, дающими последнее чтение второго текста (см. другие редакции и варианты, стр. 262–265). Первоначальный текст (до исправлений) набран прямым шрифтом; исправления, внесенные в него, и дополнения, взятые из второго перебеленного текста, напечатаны курсивом.

1295. А. Х. Бенкендорфу. 21 ноября 1836 г. Петербург.

Граф! Считаю себя вправе и даже обязанным сообщить Вашему сиятельству о том, что недавно произошло в моем семействе. Утром 4 ноября я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено, я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата. Я занялся розысками. Я узнал, что семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру того же письма, запечатанного и адресованного на мое имя под двойным конвертом. Большинство лиц, получивших письма, подозревая гнусность, их ко мне не переслали.

В общем, все были возмущены таким подлым и беспричинным оскорблением; но, твердя, что поведение моей жены было безупречно, говорили, что поводом к этой низости было настойчивое ухаживание за нею г-на Дантеса.

Мне не подобало видеть, чтобы имя моей жены было в данном случае связано с чьим бы то ни было именем. Я поручил сказать это г-ну Дантесу. Барон Геккерн приехал ко мне и принял вызов от имени г-на Дантеса, прося у меня отсрочки на две недели.

Оказывается, что в этот промежуток времени г-н Дантес влюбился в мою свояченицу, мадемуазель Гончарову, и сделал ей предложение. Узнав об этом из толков в обществе, я поручил просить г-на д'Аршиака (секунданта г-на Дантеса), чтобы мой вызов рассматривался как не имевший места. Тем временем я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна, о чем считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества.

Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательства того, что утверждаю.

Во всяком случае надеюсь, граф, что это письмо служит доказательством уважения и доверия, которые я к вам питаю.

С этими чувствами имею честь быть, граф, ваш нижайший и покорнейший слуга А. Пушкин.
21 ноября 1836.

1296. Е. Ф. Канкрин — Пушкину. 21 ноября 1836 г. Петербург.

Министерство Финансов. Особенная Канцелярия По Кредитной части Отделение 3 Стол 1.

21 ноября 1836. № 6659 — Касательно принятия имени за долг государственному Казначейству.
Милостивый государь мой, Александр Сергеевич!

Касательно предположения Вашего, изъясненного в письме Вашем от 6-го сего ноября, об обращении принадлежащих Вам 220 душ в Нижегородской губернии, из коих 200 заложены в 40/т руб., в уплату 45/т руб. должных Вами Государственному Казначейству, имею честь сообщить, что с моей стороны полагаю приобретения в казну помещичьих имений вообще неудобными, и что во всяком подобном случае нужно испрашивать высочайшее повеление.

Имею честь быть с совершенным почтением
Вашим, милостивый государь мой, покорным слугою Гр. Канкрин
Его высок[о]б[лагородию] А. С. Пушкину

1297. Е. Ф. Канкрину. Около (после) 21 ноября 1836 г. Петербург. (Черновое)

Ответ, коим В.[аше] с.[иятельство] изволили меня удостоить, имел я счастье получить. Крайне сожалею, что способ, который осмелился я предложить, оказался [в глазах В.[ашего] с.[иятельства]] неудобным. Во всяком случае почитаю долгом во всем окончательно положиться на благоусмотрение В.[ашего] с.[иятельства].

Принося В.[ашему] с.[иятельству] искреннюю мою благодар[арность] за внимание, коего изволили меня удостоить, с глубочай[шим]

1298. А. Тардиф де Мелло — Пушкину. 22 ноября 1836 г. Париж

Милостивый государь.

Пользуюсь случаем, чтобы повторно просить Вас не отказать в любезности доставить мне обстоятельный очерк современной русской литературы, главным образом поэзии, где Вы являетесь Виктором Гюго. Я имею возможность издать весьма солидную книгу о литературе вашей страны, и ваши познания в области поэзии помогли бы мне больше всего другого придать ценность этому труду, который я хочу сделать европейским по значению. Ваша слава должна распространиться на Западе, ибо русского языка, нужно признаться, до сих пор еще не слышали в наших краях. Вы должны сделаться известны. Ваше имя должно стать рядом с Байронами и Ламартинами; я берусь позаботиться об этом в Париже; но чтобы достигнуть этой цели, мне нужны точные сообщения о старых и современных произведениях, прославивших вашу родину, биографии ваших современных писателей. Это, конечно, значит просить у вас многого, но я в данном случае являюсь представителем Франции, которая требует оригинальных идей и прежде всего славянских идей, способных омолодить французское воображение.

Будьте добры, пришлите мне эти очерки, все равно на русском или на французском языке, через посольство или любым другим способом, который сочтете удобным.

Остаюсь с наисовершенным уважением, милостивый государь, Ваш нижайший и покорнейший слуга

А. Тардиф.

Париж, 4 декабря 1836.

Улица Людовика Великого, № 17.

Адрес: Милостивому государю господину Александру Пушкину, статскому советнику и проч., и проч., и проч. В С.-Петербург

1299. Д. В. Давыдов — Пушкину. 23 ноября 1836 г. Москва.

Письмо твое с Шеншиним я получил. Досадно, что Данилевский отсекает целые периоды от статей моих. Что делать! Я однако ни слова не намекну ему о том; боюсь рассердить его. Он теперь пишет двенадцатый год; пожалуй с сердцов вычеркнит из него и дела мои.

Между тем признаюсь, — я обозрением его 1814 года довольно доволен. Происшествии изложены ясно, есть в нем документы неизвестные; конечно, ни одно выражение не берет на штыки читателя, зато всё сочинение проникнуто теплою любовью к России, что для меня варвара, человека без примеси русского, Бог знает как усладительно, особенно при настоящем духе Общего Гражданства, разливаемого нашими школьниками-Ликургами с очками на носу и в батистовых рубашках. Но неужели нельзя хвалить русское войско без порицания Наполеона? Порицание это причиною того, что всё сочинение отзывается более временем 1812 года, слогом Сергея Глинки — когда ненависть к посягателю на честь и существование нашей родины внушала нам одни ругательства на него, — чем нашим временем, когда забыта уже вражда к нему и гений его оценен бесспорно и торжественно. А все эти выходки Данилевского для чего? Для того, чтобы поравнять в военном отношении Наполеона с Александром; будучи не в состоянии возвысить последнего до первого — он решился унижить первого до последнего и оттого похож на тех французов, которые при вступлении нашем в Париж, навезав веревку на шею бронзовой статуе великого человека, тащили ее с верха колонны на мостовую.

Ты спрашиваешь о Чедаеве? Как очевидец я ничего не могу сказать тебе о нем; я прежде к нему не ездил и теперь не езжу. Я всегда считал его человеком начитанным и без сомнения весьма умным шарлатаном в непрерывном параксизме честолюбия, — но без духа и характера как белокурая кокетка, в чем я и не ошибся. Мне Строганов рассказал весь разговор его с ним; весь, — с доски до доски! Как он, видя беду неминуемую, признался ему, что писал этот пасквиль на русскую нацию

немедленно по возвращении из чужих краев, во время сумашествия, в припадках которого он посягал на собственную свою жизнь; как он старался свалить всю беду на журналиста и на цензора, — на первого потому, что он очаровал его (Надеждин очаровал!) и увлек его к позволению отдать в печать пасквиль этот, — а на последнего за то, что пропустил оный. Но это просто гадко, а что смешно, это скорбь его о том, что скажут о признании его умалишенным знаменитые друзья его, ученые Баланш, Ламенэ, Гизо и какие-то немецкие Шустера-Метафизики! Но полно; еслиб ты не вызвал меня, я бы промолчал о нем, я не люблю разочаровывать; впрочем спроси у Т[ургенева], который на днях поехал в Петербург, он может расскажит происшествие это не так, как я, и успокоит на счет *Католички*.

Ты хочешь печатать оставшиеся строки от *Занятия Дрездена*. Напрасно. Ты увидишь, как статья будет гола. Лучше я тебе пришлю какую-нибудь другую статью, а ты возврати мне эту. Впрочем как хочешь; всё отдаю на волю моему отцу и командиру. Только ради Бога пришли мне копию с *Занятия Дрездена*, зачертя в ней карандашом всё то, что зачертила цензура *кровавыми* чернилами. Да присылай скорее, без замедления, не клади в долгой ящик, у меня не осталось даже и черновой тетради. Прости.

Денис Давыдов.

23 ноября — Москва, на Пречистенке в собственном доме.

1300. П. А. Вяземский — Пушкину. Вторая половина ноября 1836 г. Петербург.

Можешь ли дать мне заимобразно *первые десять томов Голикова на десять дней*. Они мне нужны для справок по бумагам Петра Великого, которые хочу издать.

Хочешь ли для своего Современника ученую рефютацию брошюрки Устрялова? Мне читали начало опровержения, и оно будет очень дельное, но дописать его хотят только, если уверятся, что она будет напечатана.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

1301. В. А. Жуковский — Пушкину. Вторая половина ноября 1836 г. Петербург.

Неужели в самом деле ты не хочешь ходить ко мне, Александр Сергеевич. Это производит в душе моей неприятное колыхание. Уповаю, что нынче насладюсь твоим лицезрением.

Ж.

Адрес: А. С. Пушкину.

1302. В. Ф. Одоевскому. Конец ноября — начало декабря 1836 г. Петербург.

Вигель мне сказывал, что он вам доставил критику статьи Булгарина. Если она у Вас, пришлите мне ее. Получили ли вы 4 № *Соврем.[енни]ка* и довольны ли Вы им?

Адрес: Е.[го] с.[иятельству] кн. Одоевскому etc.

1303. В. Ф. Одоевский — Пушкину. Конец ноября — начало декабря 1836 г. Петербург.

Я хотел было послать к вам статью Виг.[еля], но у меня перехватила ее Редакция Л.[итературных] П.[рибавлений], которая взялась завтра Вам ее доставить, между тем ее перепишут и пустят в ход. Статья прекрасна, но цензура наверное уничтожит в ней лучшую половину. Капитанскую дочь я читал два раза сряду и буду писать о ней особо в Л.[итературных] Пр.[ибавлениях] — комплиментов Вам в лице делать не буду. — Вы знаете всё, что я об Вас думаю и к Вам чувствую, но вот критика не в художественном, но в *читательском* отношении: Пугачев *слишком скоро* после того как о нем в первый раз говорится, нападает на крепость; — увеличение слухов довольно растянуто — читатель не имеет времени побояться за жителей Белогорской крепости, когда она уже и взята. Семейство Гринева хотелось бы видеть еще раз после всей передряги: хочется знать, что скажет Гринева, увидя Машу с Савельичем. Савельич чудо! Это лице самое трагическое, т. е. которого больше всех жаль в Повести. Пугачев чудесен; он нарисован мастерски. Швабрин набросан прекрасно, но только набросан; для

зубов читателя трудно пережевать его переход из гвардии офицера в сообщники Пугачева. По выражению Иосифа Прекрасного, Швабрин слишком умен и тонок, чтобы поверить возможности успеха Пугачева, и недоволен страстен, чтобы из любви к Маше решиться на такое дело. Маша так долго в его власти, а он не пользуется этими минутами. Покамест Швабрин для меня имеет много нравственно-чудесного; может быть как прочту в 3-й раз лучше пойму. О подробностях не говорю, об интересе тоже — я не мог ни на минуту оставить книги, читая ее даже не как художник, но стараясь быть просто читателем, добравшимся до повести.

Одоевский.

1304. В. Ф. Одоевскому. 7 декабря 1836 г. (?) Петербург.

Очень вам благодарен — я вечно дома, а перед Вами кругом виноват — да черт знает как я изленился.

7 дек.

1305. А. Г. Барант — Пушкину. 11 декабря 1836 г. Петербург.

Французское посольство в России. С.-Петербург, 23/11 декабря 1836.

Корresp. № 1538.

Милостивый государь.

В настоящее время во Франции работает комиссия по установлению правил о литературной собственности и, в особенности, о мерах для предотвращения перепечатывания книг за границей. Эта комиссия пожелала получить сведения о законоположениях и обычаях, принятых на этот счет в России; она хотела бы иметь тексты законов, указов и распоряжений, относящихся к этому вопросу. Необходимо узнать срок литературной собственности в России и способ ее передачи, основания и пределы, для нее установленные; а также, распространяется ли действие этих законоположений на другие страны путем дипломатических конвенций или специальных соглашений.

Правила, касающиеся литературной собственности в России, должны быть известны вам лучше, чем кому-либо другому, и ваши мысли, конечно, не раз обращались к улучшениям, необходимым в этой отрасли законодательства. Вы оказали бы мне большую помощь в моих розысках, сообщив мне действующие законы и обычаи и, вместе с тем, ваши соображения о мерах, которые, по вашему мнению, могли бы быть одновременно приняты разными правительствами в интересах авторов или их уполномоченных. Ваша любезность, милостивый государь, мне достаточно хорошо известна, для того чтобы с полной уверенностью обратиться к вам за подобными сведениями по столь важному вопросу.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном уважении, с которым я имею честь быть, милостивый государь, ваш нижайший и покорный слуга

Барант.

Господину Пушкину и проч., и проч., и проч.

1306. Е. Ф. Розен — Пушкину. 13 декабря 1836 г. Петербург.

Дорогой друг! Вот вам либретто оперы. Что же касается двух стихотворений, о которых я вам говорил, то у меня не было времени переписать их начисто, и я пришлю их вам в другой раз. Если у вас есть желание вложить в чтение моего либретто все то внимание, которого заслуживает тщательно обдуманная работа, вы увидите, смею надеяться, что драматическое в нем отнюдь не пострадало; наоборот, в случае коллизии я всегда приносил лирические красоты в жертву драматизму. Никто не замечает огромных усилий, которых мне стоило это произведение; я этим горжусь: это доказывает, что я победил трудности. Но вот что уж следовало бы заметить: во всем либретто нет ни одной, самой незначительной детали, которая не была бы тесно связана с сюжетом пьесы; начальный хор уже намечает всю историю Сусанина. Характер Вани — целиком мое создание; всё приписали личным

качествам м-ль Воробьевой; не видят, что не кто иной, как поэт, создал простодушие и детскую прелесть этого образа. Впрочем, это меня не трогает; я сам доволен — и это все, что мне нужно. Я думал о том, что вы советовали мне насчет псевдонима. Вы совершенно правы, если принимаете во внимание преимущества такой мистификации; но это несогласно с моими убеждениями, с системой, которой я следовал до сего дня; это значило бы отступить перед тупостью публики, которой я всегда шел и буду идти наперекор. Я открыто порвал со светом; нужно, чтобы я сражался с ним честно — и победа останется за мной, будь то лишь после моей смерти... Я уверен в себе! Было время, когда я порицал в сердце своем тех, кто, зная мне цену, не имели смелости выступить в мою защиту; теперь я этим очень доволен; я хочу быть обязанным только самому себе за то малое, что исторгаю у публики, как бы оно ни было ничтожно!

Весь ваш!

Розен.

В С.-Петербурге, 13 декабря 1836.

Г-ну Пушкину.

1307. Д. Н. Арсеньев — Пушкину. 14 декабря 1836 г. Смоленск.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Снисходительность ваша ободряет меня просить вас, милостивый государь, справиться о чине Павла Ивановича Арсеньева, в объяснении моем упомянутом; он кажется при отставке получил чин генерал-лейтенанта и служил кавалером при воспитании нынешнего государя. Поручая обстоятельство, так сильно меня оскорбляющее, вниманию вашему, с истинным почтением честь имею быть,

милостивый государь вашим покорнейшим слугою Дмитрий Арсеньев

Декабря 14-го дня 1836 года.

Смоленск.

1308. Ф. Ф. Вигель — Пушкину. Ноябрь — первая половина декабря 1836 г. Петербург.

Я вам посылаю, почтеннейший Александр Сергеевич, как французский оригинал, так и русской перевод моей маленькой статьи; жаль мне будет, если читатели найдут ее слишком длиною. Ее участь вручаю вам, делайте что хотите. Перевод, даже карандашем мною исправленный, мне кажется еще слабее оригинала. — Не шадите моего самолюбия, скажите, дурно; но, если б, переделав, перекроив, вам вздумалось представить публике мой беглый труд, мне желательно бы было окрестить его следующим именем: Быстрый взгляд на историю славян. Французский оригинал посылаю вам только для сравнения; он у меня один; возвратите мне его, сделайте милость, чтобы для знакомых мог я велеть снять с него копии

вечно ваш Вигель

1309. А. И. Тургенев — Пушкину. 15 декабря 1836 г. Петербург.

Брат пишет ко мне из Парижа, что лингвист Эйхгоф будет читать лекции в Сорбоне о литературе, что он весьма желает иметь — Песнь о Полку Игоревом и не мог найти ее на немецком. Он бы и на русском мог разобрать ее; но русского оригинала там и подавно найти трудно.

Не можешь ли ты уведомить меня какой перевод лутче или какое издание из русских удобнее послать туда?

Завтра ввечеру едет курьер, и я бы желал им воспользоваться. Что выписать для тебя?

Весь ваш Тургенев

Вторник.

Адрес: Милостивому государю господину Пушкину В доме княгини Волконской.

1310. П. А. Осипова — Пушкину. 15 декабря 1836 г. Тригорское.

15 декабря.

Уже почти 8 месяцев, как мы с вами не виделись, дорогой и горячо любимый Пушкин. Не знаю, почему я надеялась, что вы приедете этой осенью, но эта надежда, подобно многим другим, как вы знаете, оказалась только иллюзией. — Зато совсем недавно я имела удовольствие получить 3-ю книгу Современника — она доставила мне двойное удовольствие: и как доказательство вашей памяти обо мне, и своими прекрасными стихами, которые напомнили мне счастливое время нашей зарождающейся поэзии, время, пролетевшее так быстро. — Когда я читала их, мне казалось, что тень моего милого Дельвига улыбается...

Чтобы доказать вам, что мы о вас тоже помним — я чуть было не послала вам банку [барбариса] крыжовника, но непродолжительность зимней погоды остановила посылку людей, и она будет отправлена лишь, когда снега сделают дороги проезжими. Позавчера мой зять передал мне письмо, полученное им от Сергея Львовича, где между прочим он сообщает нам, что вы отказываетесь от Михайловского. Неужто это правда, дорогой Александр Сергеевич — прошу вас, скажите мне. Надеюсь, вы не думаете, что мне сделалось безразлично все, вас касающееся, — но я по многим причинам хочу знать ваше мнение на этот счет. — И кроме того, бедные крестьяне в большом беспокойстве, они не знают, кому они принадлежат и у кого им искать защиты и совета. Если вы решились продать это имение, хотя на сердце у меня становится совсем тяжело от этой мысли, — скажите мне и назначьте цену.

Если госпожа Пушкина сохранила обо мне память, передайте ей, дорогой Александр Сергеевич, что я желаю ей приятно провести конец этого года; пусть с него начнется длинный ряд прекрасных и счастливых лет. Прошу вас, сообщите о себе старому другу, который, право, привязан к вам не меньше, чем все эти молодые, которые перед вами распинаются. П. О.

1311. А. Г. Баранту. 16 декабря 1836 г. Петербург.

Барон.

Спешу сообщить Вашему превосходительству сведения, которые вы желали иметь относительно правил, определяющих литературную собственность в России.

Литература стала у нас значительной отраслью промышленности лишь за последние двадцать лет или около того. До тех пор на нее смотрели только как на изящное аристократическое занятие. Г-жа де Сталь говорила в 1811 г.: в России несколько дворян занялись литературой. (10 лет изгнания). Никто не думал извлекать из своих произведений других выгод, кроме успехов в обществе, авторы сами поощряли их перепечатку и тщеславились этим, между тем как наши академии со спокойной совестью и ничего не опасаясь подавали пример этого правонарушения. Первая жалоба на перепечатку была подана в 1824 г. Оказалось, что подобный случай не был предусмотрен законодателем. Литературная собственность была признана нынешним монархом. Вот собственные выражения закона:

Всякий автор или переводчик книги имеет право ее издать и продать как собственность приобретенную (не наследственную).

Его законные наследники имеют право издавать и продавать его произведения (в случае, если право собственности не было отчуждено) в течение 25 лет.

По истечении 25 лет, считая со дня его смерти, его произведения становятся общественным достоянием. Закон 22 апреля 1828 г.

Приложение от 28 апреля того же года объясняет и дополняет эти правила. Вот его главные статьи:

Литературное произведение, напечатанное или находящееся в рукописи, не может быть продано ни при жизни автора, ни после его смерти, для удовлетворения его кредиторов, если только он сам

того не потребует.

Автор имеет право, не взирая на все прежние обязательства, выпустить новое издание своего произведения, если две трети в нем заменены или же совершенно переделаны.

Будет считаться виновным в контрафакции [незаконном перепечатывании]: 1) тот, кто, перепечатывая книгу, не соблюдает [правил] формальностей, требуемых законом, 2) тот, кто продаст рукопись или право ее напечатания двум или нескольким лицам одновременно, не имея на то согласия, 3) тот, кто издаст перевод произведения напечатанного в России (или же с одобрения русской цензуры), присоединив к нему текст подлинника, 4) кто перепечатает за границей произведение, изданное в России, или же с одобрения русской цензуры, и будет продавать экземпляры в России.

Эти правила далеко не разрешают всех вопросов, которые могут возникнуть в будущем. В законе нет никаких условий относительно посмертных произведений. Законные наследники должны были бы обладать полным правом собственности на них, со всеми преимуществами самого автора. Автор произведения, изданного под псевдонимом или же приписываемого известному писателю, теряет ли свое право собственности, и какому правилу следовать в таком случае? Закон ничего не говорит об этом.

Перепечатывание иностранных книг не запрещается и не может быть запрещено. Русские книгопродавцы всегда сумеют получать большие барыши, перепечатывая иностранные книги, сбыт которых всегда будет им обеспечен даже без вывоза, тогда как иностранец не сможет перепечатывать русские произведения из-за отсутствия читателей.

Срок давности по делам о перепечатывании определен в два года.

Вопрос о литературной собственности очень упрощен в России, где никто не может представить свою рукопись в цензуру, не назвав автора и не поставив его тем самым под непосредственную охрану со стороны правительства.

Остаюсь с уважением, барон, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга
Александр Пушкин.
16 декабря 1836. С.-Пб.

1312. Н. М. Коншин — Пушкину. 20 декабря 1836 г. Царское Село.

Известное мне из опыта расположение души Вашей к добру, почтеннейший Александр Сергеевич, внушает мне бодрость беспокоить вас просьбою, от успеха которой зависит собственная будущность моя. — Выслушайте меня:

Г. Ложечников, директор Тверской гимназии, выходит в отставку: мне хочется получить это место; уже Тверской губернатор гр. Толстой просил за меня гр. Строганова, московского попечителя, но так как желающих слишком много и конечно есть люди с большими заслугами, то мне необходима поддержка здесь, а именно я счел бы себя счастливым, еслиб Василий Андреевич Жуковский попросил за меня С. С. Уварова: все, мне покровительствующие, советуют мне добиться до этого. Я не знаю Василия Андреевича или лучше сказать он не знает меня, но счастье сделало меня случайно известным Вам. — Не сделаете ли же Вы, почтеннейший Александр Сергеевич, милости бесприютному солдату, убедив г. Жуковского принять участие в судьбе моей и попросить г. Уварова. — Дело уже не терпит отлагательства, — на днях должно поступить представление из Москвы, и всё будет поздно.

Я хотя не воспитан в университете, но сведения мои довлеют для гимназии, — (кроме латыни), — я был артиллерийский офицер, а наши экзамены сложнее гимназических; г. Ложечников тоже военный, да и много директоров есть таких.

Я не закругляю письма моего условными учтивостями и убеждениями в том, чтоб Вы не отказали мне, а просто поручаю судьбу мою Вашему доброму сердцу.

Ваш простодушный поклонник Коншин.
20 декабря. — Царское Село.

Докладную записку прилагаю и прошу два слова ответных.

1313. Н. М. Коншину. 21–22 декабря 1836 г. Петербург.

Письмо Ваше очень обрадовало меня, любезный и почтенный Николай Иванович, как знак, что вы не забыли еще меня. Докладную записку сегодня же пушу в дело. Жуковского увижу и сдам ему Вас с рук на руки. С Уваровым — увы! я не в таких дружеских сношениях; но Жуковский, надеюсь, всё уладит. Заняв место Ложечникова, не займетесь ли вы, по примеру вашего предшественника, и романами? а куда бы хорошо! Всё-таки Вы меня забыли, хоть наконец и вспомнили. И я позволяю себе дружески Вам за то попенять. —

Не будете ли вы в П.[етер]Б.[урге]? — В таком случае надеюсь, что я вас увижу. Ответ постараюсь доставить Вам как можно скорее

А. П.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Николаю Ивановичу Коншину etc. etc.

1314. Н. А. Дурова — Пушкину. 22 декабря 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич

Имею честь представить вам вторую часть моих Записок; извините, что не сам лично вручаю вам их, но я давно уже очень болен и болен жестоко. Дела мои приняли оборот самый дурной; я было понадеялся на милость царскую, потому что ему представили мою книгу; но, кажется, понадеялся напрасно: вряд ли скажут мне и спасибо, не только что б сделать какую существенную пользу.

Простите, будьте счастливы.

Преданнейший слуга ваш Александр Александров.

22-го декабря 1836-го года.

1315. М. Я. Калашников — Пушкину. 22 декабря 1836 г. Болдино.

Милостивый Государь Александр Сергеевич!

Я опять осмелился беспокоить вашу милость моею прозбою, хотя чувствую тягость прозб, но тягость моего положения мучительна: мне около семидесяти лет; и все сии семдесят лет проведены на службе господ моих, с усердием с радостию употреблены, все мои способности, бескорытность всегда была моим правилом, пять сынов мною предоставлено в замену моей старости, надежда на Бога, надежда на господ единственно питали меня в будущем; я переносил терпением все бури мирских гонений, незащищая себя, неоправдывая противу несправедливостей и клеветы, до последнего теперешнего моего существования не произносил я малейшего ропота, а равно и теперь. Но я, находясь в болезни, и вижу приближение смерти и равнодушно ожидаю ее с чистою совестью! и находясь в бедности с несчастной моей дочерью осмелился припасть еще квашему милостивому покровительству, положенные вашей милостию напропитание мне 200 рублей, батюшка Сергей Львович уничтожил, аопределил только 50 рубл. в год, и один хлеб; обратится требованием кдетям я сам им нечего не дал кроме несчастной жизни, и потому не нахожу никого помощником моей бедности, кроме вашей милости, и вы теперь одна наша надежда.

Покойный дедушка ваш обещал мне и семейству тихое счастье: но Бог лишил нас сего блага отнятием жизни, с тех пор прошло много лет и мы в вас увидели желанную надежду, не обманите в ней, помогите как милостивый господин как добрый отец приявший недостойного сына, накиньте покров свой, как Илия на слугу и прославятся щедроты ваши; тем более: что семейство мое всегда и прежде пользовалось вашими милостями и слышало ваши благодетельные обещания; сын мой первоначально служил вам, имел счастье доказать еще вьребячестве свою верность и усердие, и теперь равно другим оплачивает оброк, старший сын, удрученный болезнями, съженою, тремя детьми не имеет пристанища испособа прокормить себя, пишет ко мне, прося помощи, где возьму я подать им сию, когда еще на руках моих несчастная дочь! Младший сын, о коем мы просили вас, и в бытность

нонешнего лета Сергея Львовича, который живет у помещика за бездельную плату, хотя бы вы его мне на помощ отдали за всех других детей, сам Сергей Львович обещал с вами посоветовать, а это уверяет нас ваша воля и мы счастливы; изасим во ожидании вашего милостивого ответа,

Ваш верноподанный раб навсегда пребуду Михаил Калашников

Не оставте, батюшка, вас Бог вознаградить в сей жизни и в будущем веке И батюшка ваш так был к нам ласков, дай бог, чтобы отец родной был так расположен.

Село Болдино 1836 года Декабря 22 дня.

1316. А. А. Плюшар — Пушкину. 23 декабря 1836 г. Петербург.

С.-Петербург, 23 декабря 1836 г.

Господину Пушкину, в городе.

Следовательно, как мы с вами условились, решено, что я отпечатаю том Ваших стихотворений, в 2500 экземплярах, формат в 8-ю долю листа и я имею честь препроводить Вам при сем образец бумаги, предназначенной для этого издания, ценою в двадцать рублей за стопу.

Так как мне вовсе не известно число листов, из которых составит ваш том, ограничиваюсь сообщением, что печатный лист, не считая расходов по переплету и брошюровке, обойдется вам в пятьдесят рублей ассигнациями при тираже в 2500 экз.

Продажа книги будет поручена исключительно мне, за что вы согласны предоставить мне скидку в 15 % (пятнадцать процентов). Я произвожу за ваш счет все предварительные расходы по этому изданию, и эти издержки, равно как и тысяча пятьсот рублей асс., выданная мною вам сегодня, будут удержаны мною из сумм, вырученных за продажу первых экземпляров.

Благоволите подтвердить получение этого письма и уведомить меня, во всем ли мы с вами согласны в отношении этих последних условий.

Благоволите принять, милостивый государь, принять уверение в моем искреннем уважении.

А. Плюшар.

1317. П. А. Осиповой. 24 декабря 1836 г. Петербург.

Вы не поверите, дорогая [Прасковья Александровна], сколько удовольствия доставило мне ваше письмо. Я не имел от Вас известий больше четырех месяцев; и только позавчера г-н Львов сообщил мне их; в тот же день я получил ваше письмо. Я надеялся повидаться с вами осенью, но мне помешали отчасти мои дела, отчасти Павлищев, который привел меня в плохое настроение, так что я не захотел, чтобы казалось, будто я приехал в Михайловское для раздела.

Лишь с большим сожалением вынужден я был отказаться [потерять] от того, чтобы быть вашим соседом, и я все еще надеюсь не потерять этого места, которое предпочитаю многим другим. [Вот в чем дело:] сначала я предложил взять все имение на себя одного, обязуясь выплачивать причитающиеся им части, из расчета по 500 р. за душу [...] Я послал его к чорту, заявив, что если имение стоит вдвое дороже, я не хочу наживаться за счет брата и сестры. На этом дело остановилось. Хотите знать, чего бы я хотел? Я желал бы, чтобы вы были владелицей Михайловского, а я — я оставил бы за собой усадьбу с садом и десятком дворовых. У меня большое желание приехать этой зимой ненадолго в Тригорское. Мы переговорим обо всем этом. А тем временем шлю вам привет от всего сердца. Жена благодарит вас за память. [...] Передайте от меня поклон всему семейству; Евпраксии Николаевне в особенности.

1318. Н. И. Павлищев — Пушкину. 24 декабря 1836 г. Варшава.

Варшава 24 декабря 1836

Посылаю подлинником письмо г-жи Шелгуновой, которая желает купить Михайловское и просит снабдить ее разными сведениями. На письмо это я, разумеется, не отвечал ей, потому что

считаю Михайловское вашим, на основании нашей сделки. От вас уже зависит воспользоваться предложением Шелгуновой, или нет. Прошу только убедительно отвечать мне что-нибудь на письмо мое от 4 ноября н.[ового] с.[тиля], отправленное следственно тому два месяца назад: получили ли вы его? Я послал при нем окончательный расчет наш по Михайловскому: мне нужно знать ваше решительное слово. После того я получил письмо от Льва, который уступает нам свою часть на весьма выгодных условиях; но я, как сказано выше, не отвечал ему на это, потому что считаю Михайловское уже за вами. Я просил вас прислать нам что-нибудь в счет раздела, в округление остальной суммы, и теперь повторяю эту просьбу с добавкою, что мы в большой нужде и будем вам искренно благодарны. Из Нижегородской деревни не шлют ни гроша, — да если и вышлют, то не более 300 руб., а это при моих долгах то же почти что ничего.

Сергей Львович в Москве; пишет к вам часто, и сетует, не получая писем ни от вас, ни от Льва. Ольга всё почти это время была не здорова: беременность ее теперешняя не так легка, как первая. Она поручила мне переслать к вам в подлиннике письмо Шелгуновой. Примите усердное мое почтение.

Н. Павлицев.

Нельзя ли нам прислать адрес Льва, если разумеется он вам известен.

1319. В. А. Жуковский — Пушкину. 20-е числа (не позднее 24) декабря 1836 г. Петербург.

Посылаю тебе манускрипт Блудова. Мой писарь ничего разобрать не может; ты разберешь. Я отметил крестиками то, что можно напечатать. Манускрипт не потеряй и после мне возврати. Да возврати также и мою книгу уроки российской истории. Манускрипт Карамзина достань у Сербиновича, он для тебя сделает или уже сделал выписку. В субботу будет ёлочка.

Как скоро перепишешь, покажи Блудову.

1320. В. Ф. Одоевскому. Около (не позднее) 29 декабря 1836 г. Петербург.

Так же зло, как и дельно. Думаю, что цензура однако ж не всё уничтожит — на всякой случай спрос не беда. Не увидимся ли в Академии Наук, где заседает кн. Д — [ундук]?

1321. А. А. Плюшару. 29 декабря 1836 г. Петербург.

Милостивый государь.

Я совершенно согласен на все условия, которые вы были добры мне предложить относительно издания тома моих стихотворений (в вашем письме от 23 декабря 1836 г.). Итак, решено, что вы распорядитесь отпечатать его в 2500 экземплярах, на бумаге, которую сами выберете, что вам одному будет поручена продажа издания с предоставлением 15 % скидки и что доход с первых проданных томов пойдет на возмещение всех издержек по изданию, а также и 1500 рублей ассигнациями, которые вы любезно выдали мне вперед.

Благоволите принять, милостивый государь, уверение в моем совершенном уважении.

А. Пушкин.

29 декабря 1836. С.-Петербург.

1322. В книжную лавку А. Ф. Смирдина. 29 декабря 1836 г. Петербург.

Двадцать пять экз. 4-го № Современника выдать по сей записки.

А. Пушкин

1323. Неизвестному. 1827–1836 гг.

В эту минуту не могу еще ничего сделать; через неделю надеюсь Вас увидеть и с Вами переговорить. Если сам не буду, приезжайте ко мне.

А. П.

Пожалуйста не принимайте этого письма за отказ.

1324. Неизвестная — Пушкину. 1831–1836 гг. Петербург.

Милостивый государь.

Примите, прошу вас, самую искреннюю благодарность, какая только может быть на свете; я никогда не забуду, с какой добротой вы отнеслись ко мне. Честь имею быть преданная вам

К. П.

Адрес: Милостивому государю господину Пушкину.

1325. В. Ф. Одоевскому. 1835–1836 гг. Петербург.

Сделайте мне божескую милость, Ваше сиятельство: пришлите мне на несколько часов Наблюдателя.

А. П.

1326. В. Ф. Одоевскому. 1835–1836 гг. Петербург.

Я дома больной в насморке. Готов принять в моей коморке любезного гостя — но сам из коморки не выду.

А. П.

1327. А. Н. Мордвинову (?). 1835–1836 гг. Петербург. (Черновое)

Сейчас получ[ил] я из канц[елярии]

1329. Е. М. Хитрово и Пушкин — А. П. Керн. 1835–1836 гг. (?) Петербург.

[Е. М. Хитрово (рукою Пушкина):]

Дорогая г-жа Керн, у нашей малютки корь, и с нею нельзя видеться; как только моей дочери станет лучше, я приеду вас обнять.

Ел. Хитрова.

[Пушкин :]

У меня такое скверное перо, что госпожа Хитрова не может им пользоваться, и мне выпала удача быть ее секретарем.

1330. А. П. Керн. 1835–1836 гг. (?) Петербург.

Вот ответ Шереметева. Желаю, чтобы он был вам благоприятен — г-жа Хитрова сделала всё, что могла. Прощайте, прекрасная дама. Будьте покойны и довольны, и верьте моей преданности.

1331. А. П. Керн. (Отрывки) 1835–1836 гг. (?) Петербург.

Раз вы не могли ничего добиться, вы, хорошенькая женщина, то что уж делать мне — ведь я даже и не красивый малый [...] Всё, что могу посоветовать, это снова обратиться к посредничеству [...]

1332. П. А. Вяземскому. Вторая половина 1835 г.-1836 г. Петербург.

Араб (женского р.[ода] не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин. *Караван был разграблен степными арабами.*

Арап, ж.[енский род] *арапка*, так обыкновенно называют негров и мулатов. *Дворцовые арапы*, негры, служащие во дворце. *Он выезжает с тремя нарядными арапами.*

Арапник, от польского *Herapnik* от *harap*, возглас охотника, чтобы отнять у собак добычу.

Рейф.) NB. harap происходит от Herab.

А право, не худо бы взяться за Лексикон, или хоть за критику лексиконов.

Адрес: Князю Вяземскому.

1333. Неизвестному. Конец 1835 г.-1836 г. Петербург. (Черновое)

Барон.

Жена моя и свояченицы не преминут явиться на приглашение Вашего сиятельства.

Спешу воспользоваться этим случаем, чтобы заверить вас в моем уважении.

1334. М. Л. Яковлеву. 1836 г. (?) Петербург.

Смирдин меня в беду поверг

У торгаша сего семь пятниц на неделе

Его четверг на самом деле

Есть после дождичка четверг.

Завтра получу деньги в 2 часа по полудни. А ввечеру тебе доставлю.

Весь твой А. П.

Адрес: М. Л. Яковлеву etc. etc.

1335. А. Тардифу де Мелло 1836 г. (?) Петербург.

Вы заставили меня найти красоту в моих стихах, милостивый государь. Вы облекли их в ту благородную одежду, в которой поэзия становится поистине богиней, vera in cessu patuit dea.⁶⁶

Благодарю вас за вашу драгоценную посылку.

Вы поэт и вы обучаете юношество; призываю на вас двойное благословение.

А. Пушкин

1336. Неизвестный — Пушкину. 1836 г. Петербург.

Monsieur

... вручит два рубля ... по счету который вы ... примите мои извинения ... за опоздание, с которым я вам их возвращаю ... чтобы вам воз[местить] ... но дела ... сегодня я ... столько времени ... пожелаете мне ... прошу [...] располагать ... всему удовольствию ... при случае вас ...

1337. В. Ф. Одоевскому. Конец ноября — декабрь 1836 г. Петербург.

Конечно Княжна Зизи имеет более истины и занимательности, нежели Сильфида. Но всякое даяние Ваше благо. Кажется письмо тестя — холодно и слишком незначительно. За то в других много прелестного. Я заметил одно место знаком (?) — оно показалось мне не вразумительно. Во всяком случае Сильфиду ли, Княжну ли, но оканчивайте и высылайте. Без Вас пропал Современник.

А. П.

1338. В. Ф. Одоевскому. Конец ноября — декабрь 1836 г. Петербург.

Статья г. Волкова в самом деле очень замечательна, дельно и умно написана и занимательна для всякого. Однако ж я ее не помещу, потому что по моему мнению правительству вовсе не нужно вмешиваться в проект этого Герстнера. Россия не может бросить 3.000.000 на попытку. Дело о новой дороге касается частных людей: пускай они и хлопочут. Всё что можно им обещать — так это привиллегию на 12 или 15 лет. Дорога (железная) из Москвы в Нижний Новг.[город] еще была бы нужнее дороги из Москвы в П.[етер] Б.[ург] — и мое мнение — было бы: с нее и начать...

⁶⁶ В поступи явно сказалась богиня.

Я конечно не против железных дорог; но я против того, чтоб этим занялось правительство. Некоторые возражения противу проэкта неоспоримы. На пример: о заносе снега. Для сего должна быть выдумана новая машина, во что бы то ни стало. О высылке народа, или о найме работников для сметания снега нечего и думать: это нелепость.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрешков отделан очень смешно; но не должно забывать, что противу жел.[езных] дорог были многие из Госуд.[арственного] Совета; и тон статьи вообще должен быть очень смягчен. Я бы желал, чтоб статья была напечатана особо, или в другом журнале; тогда бы мы об ней представили выгодный отчет с обильными выписками.

Я согласен с Вами, что эпиграф, выбранный Волковым, неприличен: Слова Петра I были бы всего более приличны; но на сей раз пришли мне следующие: А спросить у Немца; а не хочет ли он [-]?

Адрес: Князю Одоевскому etc.

1339. П. А. Вяземскому. Декабрь 1836 г. Петербург.

Письмо твое прекрасно. Форма М.[илостливый] г.[осударь] или О etc., кажется, ничего не значит, главное: дать статье как можно более ходу и известности. Но во всяком случае, цензура не осмелится ее пропустить, а Уваров сам на себя розог не принесет. Бенкендорфа вмешать тут мудрено, и неловко. Как же быть? Думаю оставить статью, какова она есть, а в последствии времени выбирать из нее всё, что будет можно выбрать — как некогда делал ты в Лит.[ературной] Газете со статьями, не пропущенными Щегловым. Жаль, что ты не разобрал Устрялова по формуле, изобретенной Воейковым для Полевого, а куда бы хорошо! Стихи для тебя переписываю.

1340. В. Ф. Одоевскому. Декабрь 1836 г. Петербург.

Батюшка, Ваше сиятельство! побойтесь Бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям — ни сват ни брат. Зачем мне sot-действовать ⁶⁷ Детскому журналу? уж и так говорят, что я в детство впадаю. Разве уж не за деньги ли? О, это дело не детское, а дельное. Впрочем поговорим.

1341. П. В. Нащокин — Пушкину. Вторая половина (после 16) декабря 1836 г. Москва.

Любезный друг Александр Сергеевич — отпиши мне хоть строчку — жив ли ты, и каковы твои делишки. Мои и так и сяк — теперь — очень плохи — а может быть — и поправятся. Посылаю тебе повести Мухина — от самого автора. — Я их читал — они мне очень понравились — в них много чувства — а автора в них совсем нет. Сделай милость — к собственным их достоинствам прибавь словечко. Ему нужно, он человек не богатый — семейный — ему нужны деньги. — а повести право очень хороши. — Еще по прощу у тебя для Щепкина — он тоже человек хороший и с семейством, [что] и то же не богатый — и нужны деньги. В феврале месяце у него бенефис — и Гоголь ему обещал пьесу. — Но Гоголя нет — и может статься, что и пьесы не будет — ему же нужен сбор, и потому нужна такого роду пьеса, которая бы привлекла публику. Такую точно и нашли — это Дворянские выборы, соч. Квитки. Комедия *сия* была пропущена цензурой, — но [контора] 3-е Отделение императорской Канцелярии убедительней[ше] просило контору императорского Театра — не представлять ее до будущего разрешения; но формального запрещения не играть ее, еще не было. И так нельзя ли попросить разрешения. — хотя на один бенефис М. С. Щепкина. Буде это будет возможно — в таком случае, на посланном экземпляре, пускай пока пишут, что сыграть можно. Копию же и экземпляр, мною тебе посылаемый, во всяком случае не медля возврати ко мне. — Прощай до свиданья. Я к тебе писал с П. А. Нащокиным; не знаю получил ли ты мое письмо или нет. Ждал я тебя в Москву — по твоему обещанию, — не знаю почему ты не приехал. У нас много нового и очень любопытное. Между прочем — скажу тебе, что Н. Ф. Павлов женится на mademoiselle Янии,

⁶⁷ глупо [-действовать]

известная как автор, а более переводами твоих сочинений. — Жена моя просит поклонится Наталии Николаевне. Я тоже низко кланяюсь. Пищу тебе с Окуловым — ему можешь поручить ответ.

Весь твой П. Нащокин.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

1342. С. Л. Пушкину. Конец декабря 1836 г. Петербург.

Уже довольно давно не получал я от вас известий. Веневитинов сказал мне, что вы показались ему грустным и встревоженным и что вы собирались приехать в Петербург. Так ли это? мне нужно съездить в Москву, во всяком случае я надеюсь вскоре повидаться с вами. Вот уж наступает новый год — дай Бог, чтоб он был для нас счастливее, чем тот, который истекает. Я не имею никаких известий ни от сестры, ни от Льва. Последний, вероятно, участвовал в экспедиции, и одно несомненно — что он ни убит, ни ранен. То, что он писал о генерале Розене, оказалось ни на чем не основанным. Лев обидчив и избалован фамильярностью прежних своих начальников. Генерал Розен никогда не обращался с ним, как с собакой, как он говорил, но как с штабс-капитаном, что совсем другое дело. У нас свадьба. Моя свояченица Екатерина выходит за барона Геккерна, племянника и приемного сына посланника короля Голландского. Это очень красивый и добрый малый, он в большой моде и 4 годами моложе своей нареченной. Шитье приданого сильно занимает и забавляет мою жену и ее сестру, но приводит меня в бешенство. Ибо мой дом имеет вид модной и бельевой мастерской. Веневитинов представил доклад о состоянии Курской губернии. Государь был им поражен и много расспрашивал о Веневитинове; он сказал уже не помню кому: познакомьте меня с ним в первый же раз, что мы будем вместе. Вот готовая карьера. Я получил письмо от Пещуровского повара, который предлагает взять назад своего ученика. Я ему ответил, что подожду на этот счет ваших приказаний. Хотите вы его оставить? и каковы были условия ученичества? Я очень занят. Мой журнал и мой Петр Великий отнимают у меня много времени; в этом году я довольно плохо устроил свои дела, следующий год будет лучше, надеюсь. Прощайте, мой дорогой отец. Моя жена и всё мое семейство обнимают вас и целуют ваши руки. Мое почтение и поклоны тетушке и ее семейству.

П Е Р Е П И С К А 1837

1343. В. Ф. Одоевскому. Декабрь 1836 г. — начало января 1837 г. Петербург.

Вот Вам декабрь. Благодарю за статью — сей час сажусь за нее. Повесть! Повесть! —

1344. Н. И. Павлищеву. 5 января 1837 г. Петербург. (Отрывок)

Пускай Михайловское будет продаваться. Если за него дадут хорошую цену, вам же будет лучше. Я посмотрю, в состоянии ли буду оставить его за собою.

1345. П. А. Осипова — Пушкину. 6 января 1837 г. Тригорское.

6 января 1837, вечером.

Какой для меня был приятный сюрприз — получить сегодня ваше письмо, мой горячо любимый друг, — оно пришло очень кстати, чтобы смягчить огорчение, которое испытала я от известия о том, что моя бедная Аннета заболела нервной лихорадкой с разлитием желчи, в то время как я надеялась, что она скоро возвратится к нам. — Александрина тоже больна, и у меня было совсем грустно на душе, когда пришло ваше письмо и утешило меня, доказав, что вы попрежнему дружески относитесь к вашему старому другу. Вы говорите, что не получали от меня известий 4 месяца; неужели? в сентябре месяце я вам писала. Ваша мысль приехать сюда на несколько дней мне очень улыбается, но я сомневаюсь, чтобы ваша дорогая красавица-жена захотела приехать — кто увидит в этом что-либо плохое? Стыд тому, кто дурно об этом подумает! Павлищев сущий негодяй и, к тому же, сумасшедший. — Мне Михайловского не нужно, и, так как вы мне вроде родного сына, я желаю, чтобы вы его сохранили — слышите?... и имейте терпение прочесть все — сама судьба вам его оставляет. — Нет никакого сомнения, что имение стоит ни больше и ни меньше как 500 р. за душу. — Поэтому, не нанося никому, ни Ольге, ни Льву ущерба, вы можете понять буквально последнее предложение Павлищева. — Значит, сумма, которую вам придется израсходовать, чтобы заплатить за имение, составит по меньшей мере 20 тыс., потому что в нем наберется не больше 80 душ. Ваш отец пишет Борису, что свою 7-ю часть имения он уступает Ольге, — следовательно, ему приходится за 11 душ 5500 руб. Остальное вы заплатите Льву, и заложив имение, до сих пор чистое, вы получите около 16 000, по 200 на душу. — А в этом году, при мало-мальском порядке, Михайловское дало г-ну Павлищеву 2000. Доказано, что доход с него может превысить 3000; вот, значит, и в Ломбард уплачено, — ибо вы будете платить не больше сотни рублей в год, — и вот вы хозяин Михайловского, а я охотно стану вашей управляющей. Единственное хорошее дело сделал Павлищев: он выгнал толстого наглеца, которого именовали управляющим, после того как убедился, что тот совсем недавно своровал 1000 р., — и назначил старостой порядочного и честного крестьянина. — и все идет прекрасно. Я сказала вам, что муж Ольги негодяй: в конце августа месяца получает он вдруг письмо из Варшавы, в котором ему сообщают, что если он не поспешит возвратиться, то потеряет место. — И вот он в отчаянном положении, не зная, как выехать — у него было лишь 800 руб. (столько ваши родители не умели никогда выручить); тогда Борис одалживает ему 25 четвертей ржи, я — 50, Михайловское дает ему 83, всего, в общем, 158; и вот он едет в Остров, продает их г-ну Кириякову, командиру полка, — и получает за них около 2000. — Он уезжает — и до сей поры от него нет ни единой строчки, где было бы сказано: спасибо, добрые люди, я доехал, здрав и невредим. Теперь [...].

Читайте, думайте, дорогой Александр [Серьгеич]. Поздравляю вас с началом Нового года. — Дни идут, часы летят, и годы текут незаметно — пусть вереница дней этого года будет вполне счастливой для вас и вашей дорогой жены. Поцелуйте нежно за меня каждого из ваших деток. Привет, дорогой друг, от П. О.

Мне сказали, будто вы переменили квартиру; пожалуйста, сообщите мне ваш адрес.

1346. К. Т. Хлебников — Пушкину. 7 января 1837 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Один из здешних литераторов, будучи у меня в квартире, прочитал писанное мной для себя введение в историческое обозрение российских владений в Америке и, не знаю почему одоблив его, советовал напечатать в Вашем или другом журнале, принимая на себя труд передать мою рукопись. Не привыкши к посредничеству, я решился представить Вам, милостивый государь, эту записку и если Вы удостоите ее прочесть и найдете достойною поместить в Вашем журнале, тогда предоставляю ее в Ваше полное распоряжение с покорнейшею просьбою поправить не исправный слог человека, не готовившегося быть писателем и почти полудикаря. Если бы случилось, что некоторые мысли мои будут противны Вашим, тогда их можно уничтожить; но буде Вам угодно будет на что либо пояснения, тогда по первой повестке за особенную честь себе поставлю явиться к Вам, или куда назначите, для ответа.

Извините меня, милостивый государь, что осмелился беспокоить Вас вызовом моим с представлением ничтожного маранья. Мое дело было и есть удивляться Вашим образцовым произведениям, с которыми ознакомился, проживая в новом свете, и которые обязали меня быть к Вам всегда с полным уважением и преданностию

*милостивый государь покорнейшим слугой ирил Хлебников
Января 7 дня 1837 года*

1347. Ф. А. Скобельцыну. 8 января 1837 г. Петербург.

Не можете ли Вы, любезный Федор Афанасьевич, дать мне в займы на три месяца, или достать мне, три тысячи рублей. Вы бы меня чрезвычайно одолжили и избавили бы меня от рук книгопродавцев, которые рады меня притеснить.

*А. Пушкин.
8 янв. 1837.*

1348. П. А. Осипова — Пушкину. 9 января 1837 г. Тригорское.

9 января.

Я писала вам, мой дорогой [Александр Серьгеич], в ответ на ваше письмо от 22 [декабря] прошлого года, которое получила в Крещенье. Представляется случай — и я спешу послать вам банку крыжовника, который поджидал вас всю осень. Если бы было достаточно одних пожеланий, чтобы сделать кого-либо счастливым, то вы, конечно, были бы одним из счастливейших смертных на земле. — А себе на этот год я желаю только одного — повидать вас на протяжении этих 365 дней. Привет вам, мой дорогой Пушкин, и доброй ночи, потому что глаза мои устали от писания.

Адрес: Его высокоблагородию м. [илостивому] г.[осударю] Александру Серьгеичу Пушкину в С.-Петербург, близ Прачешного мосту в доме Баташева.

1349. И. Вахрушев (?) — Пушкину. 13 января 1837 г. Петербург.

Милостивый государь! Александр Сергеевич!

Я не решился, я не хотел беспокоить вас личным посещением — не смотря на тайный шопот младенческого самолюбия — самому отдать первые свои труды на оценку Гения. — Не лесть, не искательство вырвали эту речь из моей груди... Один Гений творит чудеса — чудо сотворили и вы, когда моя упрямая, тупая башкирская голова, ознакомившись с вашими творениями — мало по малу привыкла думать; а наконец согласилась вириовать.

Естли несколько моих безделок, здесь приложенных, по вашему приговору окупают истраченные на них чернила — я ласкаю себя надеждою увидеть моих первенцев в листах издаваемого вами Современника; естли же я, в моих трудах — загубил только масло и старание — мне остается

пожалеть о нескольких минутах, погубленных вами на чтение — рекомендательного письма и дебютирующих стихов.

Не много вашего лестного снисхождения и хотя я Иван, но не буду Иваном-Дураком!!
С совершенным уважением Честь имею быть, Милостивый государь!
вашим искренним почитателем И. В... хр... шв.
1837 / 13.-го С. П. | 1

1350. А. П. Бибиков — Пушкину. 14 января 1837 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич

Я имел честь получить 13-го сего генваря пятьсот рублей в уплату по счету каретного мастера Эргарда, о чем имею честь, милостивый государь, вас уведомить.

С истинным почтением и таковою же преданностию имею честь быть
милостивый государь ваш покорный слуга Александр Бибиков

1351. М. Л. Яковлев — Пушкину. 15 января 1837 г. Петербург.

Племянник мой, много-известный тебе человек, желает тебе помогать в издании Современника. — Малый он с понятием, глядит на вещи прямо, суждение имеет свое, не дожидая: что скажет *такой-то*; а всего более трудолюбив. С такими качествами, может он быть тебе полезен трудами, а ты ему деньгами. Завербовали его покамест Краевский с братиею, да кажется хотят его надуть; не велят даже и подписываться в статьях прозаических. По моему уж если работать за деньги, так уж лучше для Современника, нежели для Инвалида.

Спасибо за доставление жизненных потребностей. О грамотах поговорим при свидании.

За книгу пребольшое спасибо вашему благородию. Награди вас Господь за вашу добродетель.
Век не забуду ваших милостей.

М. Я. 15 января 1837.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

1352. А. И. Тургеневу. 16 января 1837 г. Петербург.

Вот Вам Ваши письма. Должно будет вымарать казенные официальные фразы, и также некоторые искренние, душевные слова, ибо не мечите etc. Что вы вставите, то постарайтесь написать почетче. Думаю дать этому всему вот какое заглавие: труды, изыскания, *такого-то* или *А. И. Т.* в Римских и Парижских архивах. Статья глубоко занимательная.

Вот вам мои стихи к В.[яземскому]

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой;
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец...
Не славь его: в наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник.

16 янв.

1353. В ресторан Фильетта. 16 января 1837 г. Петербург.

Пришлите мне пожалуйста паштет из гусиной печенки за 25 р.

А. Пушкин.

16 янв

1354. А. О. Ишимовой. 25 января 1837 г. Петербург.

Милостивая государыня Александра Осиповна,

На днях имел я честь быть у Вас и крайне жалею, что не застал Вас дома. Я надеялся поговорить с Вами о деле. П.[етр] А.[лександрович] обнадежил меня, что Вам угодно будет принять участие в издании Современника. Заранее соглашаюсь на все Ваши условия и спешу воспользоваться Вашим благорасположением: мне хотелось бы познакомить русскую публику с произведениями Барри Корнуолла. Не согласитесь ли Вы перевести несколько из его Драматических очерков? В таком случае буду иметь честь препроводить к Вам его книгу.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть

милостивая государыня Вашим покорнейшим слугою А. Пушкин.

25 янв. 1837.

*Адрес: Ее высокоблагородию милостивой государыне Александре Осиповне Ишимовой
В Фурштатской № 53 дом Ельтикова.*

1355. К. Ф. Толь — Пушкину. 25 января 1837 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Я имел удовольствие получить доставленную мне вчера от вас Историю Пугачевского бунта, за что вас искренно благодарю. — Воскресенье есть для меня некоторым образом день отдохновения, и я, воспользовавшись сим, прочел сию книгу. — Хотя в жизни кн.[язя] Суворова, писанной г. Шмидтом, и упоминается о Пугачевском бунте, но там изображены события сих горестных для России времен слишком поверхностно, как обстоятельства, в коих участие Суворова было ничтожное.

Кроме многих подробностей, до сих пор бывших в неизвестности, я с удовольствием видел в вашей книге, что Михельсон был главным виновником [усмирения] сего важного возмущения; в чем однако современники его не хотели отдать ему справедливость.

Я пользовался личною доверенностию генерала Михельсона, ибо в чине подполковника был я в качестве генерал-квартирмейстера в командовавшей им армии в 1806, 1807 и 1808 годах — он в беседах своих со мною часто рассказывал мне о его действиях против Пугачева, и горько жаловался на интриги, которыми хотели затмить его службу. — Здесь невольно вспоминаю я о стихе Державина: — „Заслуги в гробе созревают“, — так и Михельсону история отдает справедливость.

Примите, милостивый государь, уверения искреннего моего уважения, с каковым честь имею быть

Ваш покорнейший слуга граф Карл Толь.

Генваря 25 дня 1837.

1356. Л. И. Алымовой. Март 1833 — Январь (до 26) 1837 г. Петербург.

Милостивая государыня Любовь Матвеевна

Покорнейше прошу дозволить г-ну Юрьеву взять со двора Вашего статую медную, там находящуюся.

С истинным почтением и преданностию честь имею быть, милостивая государыня

Вашим покорнейшим слугою Александр Пушкин

1357. Н. Н. Карадыкину. Декабрь 1836 — январь (до 26) 1837 г. Петербург.

Милостивый государь Николай Николаевич

Вы застали меня в расплах, без гроша денег. Виноват — сейчас еду по моим должникам собирать недоимки, и коли удастся, явлюся к Вам.

Что это с Вами сделалось? Как вас повидать? Очень надо!

Весь Ваш А. П.

Адрес: Его высокоблагородию м. г. Николаю Николаевичу Карадыкину etc.

1358. Неизвестному. Декабрь 1836 г. — январь (до 26) 1837 г. (?) Петербург (?).

[I.]

Я хотел бы задать вам один вопрос, но не будет ли он напрасен?

[II.]

К счастью, нет.

1359. В книжную лавку А. Ф. Смирдина (?) Январь (до 26) 1837 в. Петербург. (Отрывок)

[... пятьде]сят (?) экз.[емпляров]

Пушкин.

1360. Неизвестному. Январь (до 26)1837 г. Петербург. (Отрывок черновика)

[...]пишет что [...] П. Б. Сделаете вы [...] по род[ству] [...] карьера [...] [им]ператор [...] правитель[ства] [...] [г]оворил о вас [...] вы всегда [...]

1361. А. О. Ишимова — Пушкину. 26 января 1837 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Не могу описать Вам, сколько я сожалела в пятницу, приехав домой спустя десять минут после Вас! И это произошло от того, что я ожидала Вас уже в *четыре* часа, а не в *три*, как прежде.

Сегодня получила я письмо Ваше, и — скажу Вашими же словами: *заранее соглашаюсь* на все переводы, какие Вы мне предложите, и потому с большим удовольствием получу от Вас книгу Барри Корнуолла. Только вот что: мне хотелось бы как можно лучше исполнить желание Ваше на счет этого перевода, а для этого, я думаю, нам нужно было бы поговорить о нем. И так, если для Вас все равно в которую сторону направить прогулку Вашу завтра, то сделайте одолжение зайдите ко мне. Кроме добра, какое вероятно произойдет от того для перевода моего — Вы этим очень успокоите совесть мою, которая все еще напоминает мне о моей неисправности перед Вами в пятницу.

Искренно уважающая Вас и готовая к услугам Вашим Александра Ишимова

26 Января. Вторник.

Адрес: Его высокородию Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину. У Конюшенного моста, в доме князя Волконского.

1362. Л. Геккерну. 26 января 1837 г. Петербург.

Барон!

Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном.

Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну. Повидимому всем его поведением (впрочем, в достаточной степени неловким) руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей

старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына.

Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы моя семья имела какие бы то ни было сношения с вашей. Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможность и намерение. Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала впредь ваши отеческие увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой, и еще того менее — чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец. Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин.

26 января 1837.

1363. Л. Геккерн с припиской Ж. Дантеса — Пушкину. 26 января 1837 г. Петербург.

Милостивый государь.

Не зная ни вашего почерка, ни вашей подписи, я обратился к г. виконту д'Аршиаку, который вручит вам настоящее письмо, чтобы убедиться, действительно ли то письмо, на какое я отвечаю, исходит от вас. Содержание его до такой степени выходит из пределов возможного, что я отказываюсь отвечать на все подробности этого послания. Вы, повидимому, забыли, милостивый государь, что именно вы отказались от вызова, направленного вами барону Жоржу де Геккерну и им принятого. Доказательство тому, что я здесь заявляю, существует — оно писано вашей рукой и осталось в руках у секундантов. Мне остается только предупредить вас, что г. виконт д'Аршиак отправляется к вам, чтобы условиться относительно места, где вы встретитесь с бароном Жоржем Геккерном, и предупредить вас, что эта встреча не терпит никакой отсрочки.

Я сумею впоследствии, милостивый государь, заставить вас оценить по достоинству звание, которым я облечен и которого никакая выходка с вашей стороны запятнать не может.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорнейший слуга

Барон де Геккерн.

Прочтено и одобрено мною.

Барон Жорж де Геккерн.

1364. О. д'Аршиак — Пушкину. 26 января 1837 г. Петербург.

Прошу г-на Пушкина оказать мне честь сообщением, может ли он меня принять. Или, если не может сейчас, то в котором часу это будет возможно.

Виконт д'Аршиак,

состоящий при Французском посольстве.

1365. А. И. Тургеневу. 26 января 1837 г. Петербург.

Не могу отлучиться. Жду Вас до 5 часов.

1366. К. Ф. Толю. 26 января 1837 г. Петербург.

Милостивый государь, граф Карл Федорович,

Письмо, коего Ваше сиятельство изволили меня удостоить, останется для меня драгоценным памятником Вашего благорасположения, а внимание, коим почтили первый мой исторический опыт,

вполне вознаграждает меня за равнодушие публики и критиков.

Не менее того порадовало меня мнение Вашего сиятельства о Михельсоне, слишком у нас забытом. Его заслуги были затемнены клеветою; не лъзя без негодования видеть, что должен он был претерпеть от зависти или неспособности своих сверстников и начальников. Жалею, что не удалось мне поместить в моей книге несколько строк пера Вашего для полного оправдания заслуженного воина. Как ни сильно предубеждение невежества, как ни жадно приемлется клевета; но одно слово, сказанное таким человеком, каков Вы, навсегда их уничтожает. Гений с одного взгляда открывает истину, а истина сильнее иаря, говорит священное писание.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.
26 Генваря 1837.

1367. О. д'Аршиак — Пушкину. 26 января 1837 г. Петербург.

С. Петербург.

Нижеподписавшийся извещает господина Пушкина, что он будет ожидать у себя дома до 11 часов вечера нынешнего дня, а после этого часа — на балу у графини Разумовской лицо, уполномоченное на переговоры о деле, которое должно быть закончено завтра.

В ожидании он просит господина Пушкина принять уверение в своем совершенном уважении,
Виконт д'Аршиак.

Вторник 26 января 1837 / 7 февраля

1368. А. Меджнис — Пушкину. 1 ч. 30 м. ночи 27 января 1837 г. Петербург.

Среда, 1 1/2 утра.

Сию минуту я вернулся домой от графини Разумовской, где я вас повсюду искал, чтобы сказать о том, что только что беседовал с г-ном д'Аршиаком. — Не найдя вас, я полагаю, что вы уехали, и так как мое посещение в такой час могло бы вызвать подозрения у вашей супруги, я предпочитаю послать вам эти строки.

Я сказал г-ну д'Аршиаку, что вы только что говорили со мной о своем деле с господином де-Геккерном, приглашая меня быть вашим секундантом, и что, не давая окончательного согласия взять на себя эту роль, я обещал вам переговорить с ним. — Он отказался объясняться со мною, если только я не объявлю себя вашим секундантом, чего я не сделал. — На этом дело остановилось, и я обещал ему сообщить вам о том, что произошло между нами.

Однако, кажется мне, я увидел, что дело не может окончиться примирением, надежда на которое побудила бы меня, быть может, вмешаться; — в виду этого прошу вас, милостивый государь, не настаивать на том, чтобы я взял на себя ту роль, которую вы желали мне поручить. Я должен чувствовать себя польщенным тем доверием, которым вы хотели почтить меня, и вновь вас за это благодарю. Я не думаю также, чтобы мой отказ мог причинить вам затруднения.

Благоволите, милостивый государь, принять выражение моих отличных чувств.

Артур К. Меджнис.

1369. О. д'Аршиак — Пушкину. 9 ч. утра, 27 января 1837 г. Петербург.

Милостивый государь.

Я настаиваю и сегодня утром на просьбе, с которой имел честь обратиться к вам вчера вечером.

Необходимо, чтобы я переговорил с секундантом, выбранным вами, и притом в кратчайший срок. До полудня я останусь у себя на квартире; надеюсь ранее этого часа принять лицо, которое вам угодно будет прислать ко мне.

Примите, милостивый государь, уверение в моем глубочайшем уважении.

Виконт д'Аршиак.

С.-Петербург, среда, 9 ч. утра, 27 января 1837 / 8 февраля

1370. О. д'Аршиаку. Между 9 ч. 30 м. и 10 ч. утра 27 января 1837 г. Петербург.

Виконт,

Я не имею ни малейшего желания посвящать петербургских зевак в мои семейные дела; поэтому я не согласен ни на какие переговоры между секундантами. Я привезу моего лишь на место встречи. Так как вызывает меня и является оскорбленным г-н Геккерн, то он может, если ему угодно, выбрать мне секунданта; я заранее его принимаю, будь то хотя бы его ливрейный лакей. Что же касается часа и места, то я всецело к его услугам. По нашим, по русским, обычаям этого достаточно. Прошу вас поверить, виконт, что это мое последнее слово и что более мне нечего [прибавить] ответить относительно этого дела; и что я тронусь из дому лишь для того, чтобы ехать на место.

Благоволите принять уверение в моем совершенном уважении.

А. Пушкин.

27 января..

1371. О. д'Аршиак — Пушкину. 27 января 1837 г. Петербург.

Милостивый государь.

Оскорбив честь барона Жоржа де Геккерна, вы обязаны дать ему удовлетворение. Вам и следует найти себе секунданта. Не может быть и речи о подыскании вам такового.

Готовый со своей стороны отправиться на место встречи, барон Жорж де Геккерн настаивает на том, чтобы вы подчинились правилам. Всякое промедление будет сочтено им за отказ в должном ему удовлетворении и за намерение оглаской этого дела помешать его окончанию.

Свидание между секундантами, необходимое перед поединком, станет, если вы снова откажетесь, одним из условий барона Жоржа де Геккерна; а вы сказали мне вчера и написали сегодня, что принимаете все его условия.

Примите, милостивый государь, уверение в моем совершенном уважении.

Виконт д'Аршиак.

С.-Петербург 27 января 1837.

8 февраля

1372. А. О. Ишимовой. 27 января 1837 г. Петербург.

Милостивая государыня Александра Осиповна,

Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покаместь, честь имею препроводить к Вам Барри Корнуолла. Вы найдете в конце книги пьэсы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть милостивая государыня Вашим покорнейшим слугою. А. Пушкин.

27 янв. 1837.

Адрес: Ее высокоблагородию милостивой государыне Александре Осиповне Ишимовой на Фуриштатской дом Эльтикова № 53.